

Археологические вести

— 24 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

24
(2018)

SAINT-PETERSBURG
2018

Археологические вести

24
(2018)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвоцинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. А. Алёшкин

доктор исторических наук С. И. Кочкуркина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 24 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2018. – 428 с., ил.

ISSN 1817-6976

В очередной сборник ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся древностей эпохи бронзы и раннего железа Северного Причерноморья и лесостепной зоны Восточной Европы. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу и информация о прошедшем в октябре 2017 г. V (XXI) Всероссийском археологическом съезде. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Франции и Германии.

This yearbook of IIMK RAS includes a collection of articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. It is the first time that some materials obtained through investigation of settlements and burial sites dating from the Stone Age to the Middle Ages in the territory of Eurasia are scientifically published. In a number of the papers, particular archaeological complexes and categories of finds are discussed. A special section of the collection considers works on the urgent problems of archaeology and antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age of the Northern Black Sea Region and forest-steppe zone of Eastern Europe. The present collection presents reviews of the latest historical and archaeological publications and information on the 5th (XXIth) All-Russian Archaeological Congress held in October, 2017. A separate section is dedicated to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scientists from Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova France and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовая пряжка-пластина из кургана № 43 могильника Ала-Тей 1 (к статье М. Е. Килуновской и П. Леуса)

First page – Bronze plate/buckle from kurgan no. 43 at the cemetery of Ala-Tey 1 (article by M. E. Kilunovskaya and P. M. Leus)

Четвертая страница – Двор Ладожской крепости. Карта вертикального градиента поля аномалий силы тяжести: а – изолинии вертикального градиента поля аномалий силы тяжести; б – линии геофизических профилей; в – буровые скважины (1989 г.); г – фрагменты разрушенных крепостных стен; д – предполагаемые контуры погребенных развалин каменной кладки, обнаруженные при раскопках А. Н. Кирпичникова (к статье Н. В. Григорьевой, В. В. Кошевого, О. Ю. Медведева)

Fourth page – Courtyard of the Ladoga fortress. Map of the vertical gradient of the field of anomalies of the gravitation force; а – isolines of the vertical gradient of anomalies of the gravitation force; б – lines of the geophysical profiles; в – boreholes (1989); г – fragments of the ruined defensive walls; д – presumed outlines of the buried ruins of the stonework found during A. N. Kirpichnikov's excavations (article by N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy & O. Yu. Medvedev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2018

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К 85-летию Сергея Никитича Астахова	11
К юбилею Надежды Дмитриевны Моисеевой	12
К юбилею Галины Васильевны Сеницыной	13
К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой	14
К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко	15
К 70-летию Сергея Степановича Миняева	17

Новые открытия и исследования

<i>С. А. Кулаков.</i> Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове	19
<i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга.</i> Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г.	33
<i>А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин.</i> Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья.	42
<i>С. Н. Разумов.</i> Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке	50
<i>В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина.</i> Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена раннего бронзового века в кургане № 2 у станицы Царская, Северо-Западный Кавказ: технология изготовления и культурно-исторический контекст	68
<i>И. П. Лазаретов, А. В. Поляков.</i> Святилище раннего бронзового века в Туве	83
<i>В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева.</i> Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области	94
<i>И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин.</i> Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований)	102
<i>С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика.</i> Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра	110
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве	125
<i>М. М. Казанский.</i> Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов	153
<i>Т. А. Кулиев.</i> Из истории монетного двора Дербента	169

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе	182
<i>Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев.</i> Археолого-геофизические исследования на территории Ладожской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности)	190
<i>М. О. Жуковский.</i> Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода	198
<i>В. В. Яблончук.</i> Топография актовых печатей Новгорода XI–XV вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)	207
<i>П. А. Миляев.</i> Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий	218
<i>Л. М. Дмитренко.</i> Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН	239

Актуальные проблемы археологии

<i>Р. А. Мимоход.</i> Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний	249
<i>М. А. Кулькова, М. Т. Кашиба, А. М. Кульков, Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Первые исследования белой пасты для инкрустации керамики раннего железного века в Северном Причерноморье	276
<i>В. И. Козенкова.</i> Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений	290

Обзоры и рецензии

Попытка с негодными средствами, или Непреодоленное непостижимое	
Winkler-Horaček L. <i>Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Рец. И. Ю. Шауба)</i>	311
Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе	
<i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Рец. А. И. Саксы)</i>	321
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области	
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Рец. В. А. Лапина)	325

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев.</i> V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул–Белокураха, 1–8 октября 2017)	329
<i>Э. Кайзер, М. Т. Кашиба, О. Н. Щеглова.</i> Первая Международная конференция «Время и материальность: Периодизация и региональная хронология перехода от бронзового к железному веку в Евразии (1200–600 BCE)» (Берлин, 19–21 марта 2018 г.)	333

История науки

<i>Е. Г. Застрожнова.</i> К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг.	339
<i>А. В. Курбатов.</i> История изучения кожевенного дела средневековой Руси	349
<i>А. А. Пескова, И. В. Антипов, Д. Д. Ёлишин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин.</i> Археология красоты: опыт творческой биографии Марианны Малевской	358
Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевиц (составитель <i>Л. М. Всевиов</i>)	372

Персоналии

<i>М. Е. Мазуренко.</i> Лев Михайлович Всевиов	377
<i>Л. М. Всевиов.</i> Издательская деятельность Императорской Археологической комиссии	383
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Последнее письмо академика С. А. Жебелёва	401
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Разбирая архив В. И. Денисовой	405
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два письма из личного архива В. И. Денисовой	411

Хроника

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018)	421
Список сокращений	423

CONTENT

Our jubilees

To the 85 th anniversary of Sergey Nikitich Astakhov	11
To the jubilee of Nadezhda Dmitrievna Moiseeva	12
To the jubilee of Galina Vasil'yevna Sinitsyna	13
To the jubilee of Tat'yana Anatol'yevna Ershova	14
To the 70 th anniversary of Nikolay Anatol'yevich Bokovenko	15
To the 70 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev	17

New discoveries and studies

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula	19
<i>N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga</i> . Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016	33
<i>A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin</i> . New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region	42
<i>S. N. Razumov</i> . Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age	50
<i>V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobylina, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i> . Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus: the technology of manufacturing and cultural historical context	68
<i>I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i> . Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva	83
<i>V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva</i> . Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast	94
<i>I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin</i> . Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)	102
<i>S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika</i> . Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester	110
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus</i> . New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva	125
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period	153
<i>T. A. Kuliev</i> . From the history of the Derbent mint	169

<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe	182
<i>N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev</i> . Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress (experiment on application of the method of high precision gravimetry for investigation of the original relief of a site surface)	190
<i>M. O. Zhukovskiy</i> . Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod ...	198
<i>V. V. Yablonchuk</i> . Topography of official seals in Novgorod of the 11 th –15 th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)	207
<i>P. A. Milyaev</i> . Finds of parts of hand firearms of the second half of the 15 th –16 th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels	218
<i>L. M. Dmitrenko</i> . Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS	239

Topical Problems of Archaeology

<i>R. A. Mimokhod</i> . The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences	249
<i>M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov, N. S. Vlasenko, N. A. Gavrilyuk, E. Kaiser</i> . First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral	276
<i>V. I. Kozenkova</i> . Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations	290

Review Articles and Book Reviews

An attempt with unfit means or the Unsurmounted inconceivable Winkler-Horaček L. <i>Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. –</i> ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	311
New approaches to studies of the cultural process in Eastern Europe <i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Rev. by <i>A. I. Saksa</i>)</i>	321
Illustrated ethno-confessional atlas of Leningrad Oblast Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Rev. by <i>V. A. Lapshin</i>)	325

The East–West Cooperation

<i>S. A. Vasil'yev</i> . The V th (XXI) All-Russian archaeological congress (Barnaul–Belokurikha, October 1–8, 2017)	329
--	-----

<i>E. Kaiser, M. T. Kashuba, O. A. Shcheglova.</i> 1 st International conference «Time and materiality: Periodization and regional chronologies at the transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE)» (Berlin, 19–21 March 2018)	333
--	-----

History of Science

<i>E. G. Zastrozhnova.</i> History of the study of the ancient heritage in the Crimean Peninsula in the early 1920s	339
<i>A. V. Kurbatov.</i> History of studies of leather tanning in mediaeval Rus	349
<i>A. A. Peskova, I. V. Antipov, D. D. Yolshin, K. A. Mikhaylov, A. E. Musin.</i> The archaeology of beauty: essay on the creative biography of Marianna Malevskaya . . .	358
List of scientific works of Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (compiler <i>L. M. Vsevirov</i>)	372

Personalia

<i>M. E. Mazurenko.</i> Lev Mikhaylovich Vsevirov.	377
<i>L. M. Vsevirov.</i> The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission. . . .	383
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> The last letter of the Academician S. A. Zhebelyov	401
<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub.</i> Examining the archives of V. I. Denisova	405
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two letters from V. I. Denisova's personal archives	411

Chronicle

<i>S. A. Vasil'yev.</i> In memory of Vasily Prokofievich Lubin (1918–2018)	421
List of Abbreviations	423

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 85-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ НИКИТИЧА АСТАХОВА

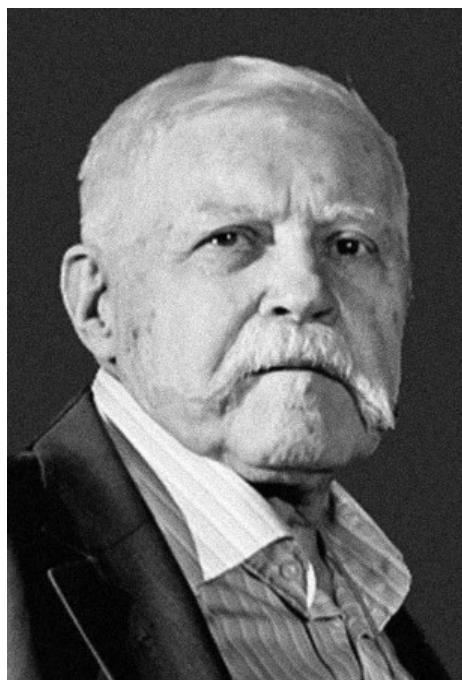
24 апреля 2018 г. свой юбилей отмечает один из старейших сотрудников Отдела палеолита ИИМК, доктор исторических наук Сергей Никитич Астахов.

Вся деятельность С. Н. Астахова в нашем Институте связана с исследованием палеолита Сибири. В разные годы он вел раскопки и разведки на Ангаре, в зоне затопления Красноярского водохранилища и в Восточном Забайкалье. С. Н. Астахов сумел собрать разрозненные сведения по эталонным памятникам Афонтовой Горы и представил итоги исследования в виде кандидатской диссертации, позднее опубликованной как монография («Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске»).

Безусловно, основной вклад С. Н. Астахова в науку заключается в открытии и исследовании палеолита Тувы. Фактически все древнейшие страницы истории республики в центре Азии написаны нашим юбиляром. Не будем забывать, что С. Н. Астахов одновременно руководил работами всей огромной Саяно-Тувинской экспедиции и был вынужден уделять немало времени и усилий решению финансовых, хозяйственных и административных проблем.

Серия блестящих открытий нашла отражение в докторской диссертации, на страницах фундаментальных монографий «Палеолит Тувы» и «Палеолитические памятники Тувы», в разделах книг «Палеолит Енисея» и «История Тувы». Долгая кропотливая работа была по достоинству оценена руководством республики. С. Н. Астахову было присуждено звание «Заслуженный деятель науки Республики Тыва», вручены медали «100 лет городу Кызылу» и «Единение России и Тувы 100 лет».

Особая страница в многогранной научной деятельности С. Н. Астахова – корреляция древних культур азиатского материка. Маршруты странствий привели его в Монголию и Непал. Особые взаимоотношения сложились с японскими коллегами.

С. Н. Астахов
Sergey N. Astakhov

Результатом поездок стало издание книги «Древний палеолит Японии». После окончания основных полевых изысканий в Туве С. Н. Астахов на протяжении ряда лет принимал участие в работах на Севере (на острове Жохова и Янской стоянке).

Еще одно направление деятельности ученого — работа по созданию сводок палеоантропологического материала. С. Н. Астаховым вместе с М. М. Герасимовой и А. А. Величко издан полный каталог находок плейстоценового возраста на территории России и сопредельных государств («Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания»). В настоящее время С. Н. Астахов работает над завершением нового коллективного фундаментального труда по палеоантропологии и археологии нижнего палеолита.

Пожелаем Сергею Никитичу здоровья и новых творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ НАДЕЖДЫ ДМИТРИЕВНЫ МОИСЕЕВОЙ

Н. Д. Моисеева
Nadezhda D. Moiseeva

В 2018 г. отметила свой юбилей Надежда Дмитриевна Моисеева. С 1979 г. она работает в ИИМК РАН, с 1997 г. – в должности младшего научного сотрудника. Уже почти сорок лет Надежда Дмитриевна занимается учетом и хранением уникального собрания фотографических документов Научного архива ИИМК РАН. Помимо архивной деятельности в разные годы она принимала участие и в полевых исследованиях Института, работала в Ольвийской, Каракумской, Боспорской экспедициях, энеолитическом отряде ЛОИА.

Основные научные интересы Надежды Дмитриевны всегда были сконцентрированы в области Петербурговедения, а главным объектом ее иссле-

дований остается история семьи великого князя Михаила Николаевича и Ново-Михайловского дворца, в котором располагается ИИМК РАН. Она проводит замечательные экскурсии по Ново-Михайловскому дворцу, рассказывая о дворце и судьбе его обитателей. С 2016 г. Надежда Дмитриевна активно содействует успешной реализации совместного проекта Санкт-Петербургского городского отделения ВООПиК и КГИОП при поддержке Правительства Санкт-Петербурга «Открытый город», направленного на знакомство широкой публики с малодоступными памятниками архитектуры и на сохранение культурного наследия Санкт-Петербурга.

В Научном архиве Надежда Дмитриевна заведует читальным залом фотоотдела. С особой доброжелательностью и отзывчивостью она всегда откликается на просьбы исследователей, компетентно помогает сориентироваться в каталоге и быстро найти все необходимые материалы как сотрудникам Института, так и посетителям архива из других учреждений. Вместе с тем она усердно и кропотливо ведет незаметную, но трудоемкую архивную работу по составлению описей, сверке наличия документов в фондах архива ИИМК РАН, усовершенствованию научно-справочного аппарата фотоотдела. С большой скрупулезностью Надежда Дмитриевна занимается научно-технической обработкой новых фондов, неустанно проверяя и перепроверя детали изображений, от которых зависит достоверность научной атрибуции документа.

Надежда Дмитриевна ответственный и исполнительный сотрудник архива, чуткий и добрый человек, создающий доброжелательную атмосферу для работы в архиве в течение многих лет. От всей души поздравляем ее с юбилеем и желаем творческих успехов и долгих лет жизни!

К юбилею Галины Васильевны Сеницыной

28 июля 2018 г. отметила свой юбилей старший научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, кандидат исторических наук Галина Васильевна Сеницына. Галина Васильевна является признанным специалистом по каменному веку Южной Сибири и Северо-Запада европейской части России.

После обучения в знаменитом центре сибирской археологии, Томском государственном университете, Галина Васильевна в 1973 г. поступила в аспирантуру нашего Института, где под руководством Н. Н. Гуриной успешно защитила диссертацию по неолитическим памятникам Приангарья. Начиная с 1983 г. она трудится в Отделе палеолита. Г. В. Сеницына много лет работала в составе Кольской и Валдайской экспедиций. Позднее часть обширных накопленных материалов нашла отражение на страницах серии сборников, озаглавленных «Каменный век Верхневолжского региона».

За долгие годы самостоятельных полевых работ Галина Васильевна сумела открыть и исследовать серию мезолитических и финальнопалеолитических памятников, расположенных в верховьях Днепра и Волги. В результате реконструирована картина первоначального заселения человеком территории в конце плейстоцена, впервые выявлены следы культуры бромме на Русской равнине. Итогом исследований стала небольшая по объему, но очень информативная монография «Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях», а также разделы в коллективной монографии «Поздний палеолит северной Евразии: палеоэкология и структура поселений» и сборнике статей «Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите».

Помимо собственных исследований Г. В. Сеницына принимает участие в ежегодных работах Костёнковской экспедиции ИИМК РАН. Галина Васильевна – одна из наиболее активных организаторов ежегодных Тверских археологических семинаров, собирающих специалистов по камен-

Г. В. Сеницына
Galina V. Sinitsyna

ному веку Восточной Европы. Результаты работ Г. В. Сеницыной неоднократно представлялись на научных конференциях и конгрессах, проведенных в России, Белоруссии, Австрии, Италии, Турции, на Украине. Она является членом постоянной международной комиссии по изучению финального палеолита Европейских равнин.

За последние годы Г. В. Сеницыной подготовлены к изданию материалы неолитических памятников Верхней Ангары и многослойной стоянки Бирюса на Среднем Енисее. Галина Васильевна ведет кропотливую работу по передаче в Иркутский музей находок из неолитических стоянок Ангары, а в Эрмитаж и Тверской музей огромных по объему коллекций из раскопок Н. Н. Гуриной на Верхней Волге. На протяжении ряда лет Г. В. Сеницына была ученым секретарем диссертационного совета Института.

Пожелаем Галине Васильевне здоровья и новых творческих успехов!

К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой

Т. А. Ершова

Tat'yana A. Ershova

В декабре 2018 г. отмечает свой юбилей сотрудница Научного архива Татьяна Анатольевна Ершова. Знаменательно, что этот год для нее дважды юбилейный. Уже сорок лет, с 1978 г., как ее жизнь и трудовая деятельность неразрывно связаны с нашим Институтом. Знакомство Татьяны Анатольевны с археологией началось с участия в полевых работах Саяно-Тувинской экспедиции в Саянском каньоне Енисея на правом берегу Улуг-Хема, на берегу речки Чаа-Холь, после чего Татьяна Анатольевна пришла на работу в фотолабораторию ЛОИА АН СССР, затем ИИМК РАН.

По образованию она химик-технолог, до Института работала чертежницей, библиотекарем, инженером картографического производства ВМФ, но свое истинное призвание Татьяна Анатольевна обрела именно как фотограф. Работая в фотолаборатории Института долгие годы, она стала мастером высокого класса в области фотодела. Татьяна Анатольевна в совершенстве владеет всеми видами фоторабот, от фотофиксации процесса полевых исследований в экспедициях до подготовки фотодокументации для археологических изданий и публикаций историко-культурного характера. Безотказная и неутомимая в работе, она занималась в фотолаборатории обработкой материалов полевых исследований сотрудников, съемкой вещей и чертежей для отчетов, репродуцированием, фотопечатью, изготовлением диапозитивов. Ежегодное количество обработан-

ных пленок, выполненных отпечатков, пересъемок, отснятых таблиц измерялось тысячами.

Выполнение таблиц к «Археологии СССР», иллюстративное сопровождение плановых тем сотрудников Института, подготовка фотоматериалов к монографиям, диссертациям, к всесоюзным совещаниям, международным конгрессам, изготовление фотографий, в том числе крупноформатных, для ряда выставок, проходивших в России и за рубежом, – вот далеко не полный перечень ее активной деятельности на фотографическом поприще. В течение многих лет Татьяна Анатольевна принимала участие в археологических экспедициях: Саяно-Тувинской, Тарханкутской, Пенджикентской. Она всегда творчески и добросовестно подходила к исполнению всех своих работ как в полевых, так и в лабораторных условиях.

После того как фотолаборатория прекратила свое существование, Татьяна Анатольевна быстро овладела компьютерными технологиями копирования и обработки архивных материалов, в первую очередь фотографических. В архиве она занимается обслуживанием посетителей, выявлением и подбором документов по запросам организаций и отдельных исследователей, созданием и систематизацией пользовательского фонда электронных копий архивных материалов, принимает участие во всех научно-исследовательских и выставочных проектах архива. Труд ее бывает не всегда и не всем заметен, но практически ни одно издание ИИМК РАН не обходится без изображений, подготовленных Татьяной Анатольевной.

Человек с активной жизненной позицией, прекрасным чувством юмора, всегда готовый прийти на помощь в тяжелых ситуациях, умеющий радоваться успехам и сопереживать неудачам коллег, Татьяна Анатольевна обладает большим количеством друзей, а в собственной семье она – любящая и любимая мама и бабушка.

Поздравляем Татьяну Анатольевну и желаем ей как можно дольше оставаться полной жизненных сил и оптимизма!

К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко

25 февраля 2018 г. исполнилось 70 лет Николаю Анатольевичу Боковенко, известному исследователю древностей Сибири и Казахстана эпохи бронзы и железного века.

Николай Анатольевич пришел в науку зрелым человеком. Завершив в 1969 г. службу в рядах Советской Армии, он спустя год поступил на кафедру археологии Ленинградского университета, избрав областью своих научных интересов исследование древностей Сибири II–I тыс. до н. э. Научным руководителем студента со временем стал патриарх сибирской археологии, д. и. н. М. П. Грязнов, который сориентировал Николая Анатольевича на изучение древнейших памятников эпохи ранних кочевников в степях Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Кроме сибирских экспедиций (Аржанская, Красноярская, Средне-Енисейская, Саяно-Тувинская и Забайкальская) Николай Анатольевич в студенческие годы принимал участие в археологических работах на Дону, в Карелии, на Украине и в Узбекистане. Приобретенный им разносторонний полевой опыт он впоследствии с успехом использовал при раскопках курганов на юге Сибири.

В 1975 г. после завершения учебы в Ленинградском университете Николай Анатольевич становится стажером-исследователем Сектора Средней Азии и Кавказа (ныне Отдел Центральной Азии и Кавказа) ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), а с июля 1977 г. – младшим научным сотрудником этого же подразделения. В течение десяти полевых сезонов Николай Анатольевич скрупулезно исследовал погребальные комплексы раннего железного века Сибири. Итогом его плодотворной научной деятельности явилась кандидатская диссертация «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)», успешно защищенная 25 марта 1987 г.

На протяжении всей своей работы в Институте Николай Анатольевич принимал самое деятельное участие в работах новостроечной Средне-Ени-

Н. А. Боковенко

Nikolay A. Bokovenko

сейской экспедиции, руководя одним из ее отрядов. С 1994 г. он возглавил эту экспедицию. В настоящее время он является также сотрудником Саянской экспедиции ИИМК РАН. Кроме того, в разные годы Николай Анатольевич работал в Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Бейской и Калининградской экспедициях. С 2016 г. Н. А. Боковенко участвует в работах экспедиции, организованной музеем-заповедником Берел (Казахстан).

Пройдя путь от стажера-исследователя до старшего научного сотрудника, Николай Анатольевич не изменил научному направлению, выбранному в начале своей карьеры. Его интересы по-прежнему лежат в области изучения проблем хронологии и эволюции культур позднего бронзового века и эпохи ранних кочевников Сибири и Казахстана. По этой теме им опубликовано более

120 печатных работ, включая несколько коллективных монографий.

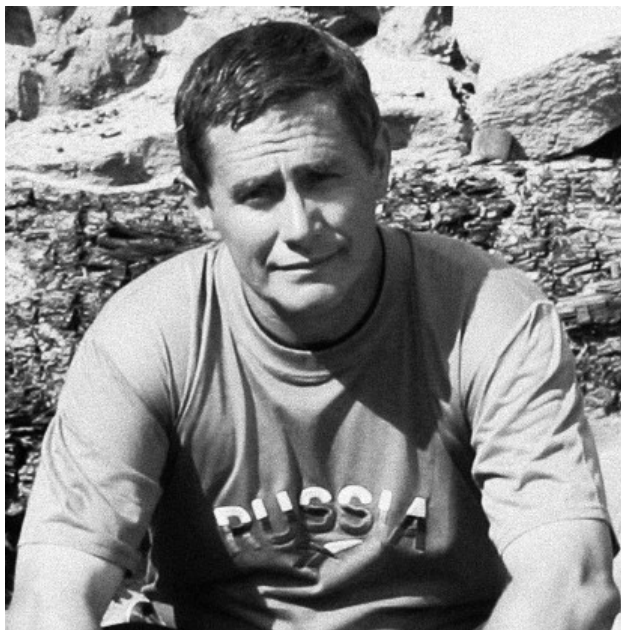
Николай Анатольевич ведет успешную научно-педагогическую деятельность. В течение десяти лет он читал лекции по скифо-сарматской археологии в Санкт-Петербургском дворце творчества юных. Николай Анатольевич является доцентом Санкт-Петербургского университета культуры

и искусств, а также доцентом Санкт-Петербургского педагогического университета.

Николай Анатольевич пользуется в коллективе ИИМК РАН заслуженным уважением. Высок его научный авторитет.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ СТЕПАНОВИЧА МИНЯЕВА

С. С. Миняев
Sergey S. Minyaev

18 декабря 2018 г. исполняется 70 лет Сергею Степановичу Миняеву, известному исследователю древностей Центральной Азии и Китая железного века.

Сергей Степанович поступил в 1966 г. на вечернее отделение кафедры археологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета после окончания средней школы. Еще будучи студентом, он начал работать лаборантом в экспедициях и реставрационных мастерских ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) на условиях хозяйственного финансирования, а с мая 1968 г. был зачислен в штат Института на должность лаборанта спектральной лаборатории.

В студенческие годы Сергей Степанович прошел прекрасную полевую школу, участвуя в раскопках курганов на юге России и в Сибири, а также в исследованиях памятников сюнну в Забайкалье.

В 1972 г. после окончания университета Сергей Степанович был призван на службу в Советскую Армию. После демобилизации в 1973 г. он возвра-

щается в Институт и окончательно определяет основную область своих научных интересов: археология кочевнических обществ Центральной Азии и Северного Китая. В 1978 г. Сергей Степанович поступает в аспирантуру ЛОИА и в 1982 г. оканчивает ее. Кандидатская диссертация «Бронзовые изделия хунну (типология, производство, распространение)» была успешно защищена им 3 марта 1982 г.

После защиты Сергей Степанович становится младшим, а затем и старшим научным сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. К этому времени Сергей Степанович был уже сложившимся ученым, полностью раскрывшим свой яркий талант полевого исследователя. В 1981 и 1982 гг. он исполнял обязанности заместителя начальника Сибирской экспедиции, работавшей в зоне КАТЭК.

В 1982 г. Сергей Степанович возглавил Забайкальский отряд (впоследствии Забайкальская экспедиция) ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, которая под его началом успешно работала до 2006 г.

Раскапывая в Бурятии такие эталонные памятники как поселение Дурены и Дырестуйский могильник, Сергей Степанович проделал огромный объем работ по систематизации археологических коллекций, обнаруженных им на памятниках сюнну в Забайкалье. К настоящему времени он ввел в научный оборот весь корпус российских источников по археологии сюнну, опубликовав три монографии («Комплекс памятников у с. Дурены». СПб., 2003, в соавторстве с А. В. Давыдовой; «Дырестуйский могильник», СПб., 1998, 2007; «Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России». СПб., 2008, совместно с А. В. Давыдовой). Эти научные труды, а также монография «Art of the steppes», изданная в Брюсселе в 2002 г., являются существенным вкладом автора в решение дискуссионных проблем археологии сюнну.

Одно из самых блестящих археологических открытий начала XXI в., по праву вошедшее в мировой фонд археологии, было сделано Сергеем Степановичем в пади Царам (Республика Бурятия),

где он в течение семи полевых сезонов раскопал одно из крупнейших в мире погребальных сооружений сюнну. Детальное изучение этого курганного комплекса, содержащего, вероятно, останки предводителя кочевого объединения, существенно обогащает наши знания о погребальном обряде знати сюнну и о социальной стратификации этого кочевнического общества. За исследование столь уникального объекта Сергей Степанович получил международную награду «За выдающийся вклад в гуннскую археологию», которая была вручена ему на международной конференции в Турции в 2007 г.

С 2011 г. С. С. Миняев в качестве консультанта принимает участие в работах Центральноазиатской экспедиции Государственного Эрмитажа, которая исследует элитный курган сюнну в пади Оргойтон (Республика Бурятия).

Изучая проблемы происхождения и эволюции культуры кочевников сюнну, сыгравших огромную роль в истории древних племен Центральной Азии и Северного Китая в эпоху железа, Сергей Степанович стал ведущим отечественным специалистом в этой области археологии. Научные разработки Сергея Степановича хорошо известны и за рубежом, благодаря его участию во многих международных грантах и конференциях.

Научные достижения Сергея Степановича нельзя рассматривать в отрыве от его нравственного авторитета и человеческого обаяния, которым он щедро наделен. Его ценят и уважают коллеги. Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

С. А. Кулаков²

Аннотация. Статья посвящена вводу в науку новых междисциплинарных данных, полученных в результате исследований раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка (Таманский полуостров), проведенных после 2010 г. Особое внимание уделено выяснению возраста стоянки и обоснованию уникального способа адаптации *Homo erectus* в конкретных природных условиях Северной Евразии более 1 млн лет назад.

Annotation. This article publishes new interdisciplinary data obtained during the investigation of the Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka (Taman Peninsula) conducted after 2010. Special attention is paid to establishing the date of the site and definition of the unique adaptation method of *Homo erectus* in the particular natural conditions of Northern Eurasia more than 1 million years BP.

Ключевые слова: Евразия, первоначальное расселение, адаптация человечества, ранний палеолит, каменная индустрия.

Keywords: Eurasia, primary settling, adaptation of humans, Early Palaeolithic, stone industry.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-19-32

В конце XX – начале XXI в. на территории Кавказа и юга Русской равнины были открыты новые памятники раннего палеолита – эпохи первоначального расселения рода *homo* в Евразии, возрастом 2–1,4 млн лет назад (рис. 1, А). Данные, полученные на стоянках Дманиси (Южная Грузия) (Дманиси, 1998), Карахач (Армения) (Любин, Беляева, 2011), на местонахождении Гараджа (Азербайджан) (Зейналов и др., 2013), на стоянках Рубас 1 и Дарвагчай 1 (Дагестан) (Деревянко и др., 2009), Айникаб 1 и Мухкай 2 (Дагестан) (Амирханов, 2007), Богатыри/Синяя Балка (Таманский полуостров)

(Щелинский, Кулаков и др., 2004), на местонахождении Ливенцовка (Ростовская область) (Саблин, Гиря, 2010), полностью перевернули представления о времени и путях первоначального заселения Западной Азии и Восточной Европы гоминидами вида *Homo erectus* (Bosinski, 1996).

Стоянка Богатыри/Синяя Балка входит в состав Таманского палеолитического комплекса, расположенного на южном берегу Азовского моря в районе поселка «За Родину», Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1, Б–В). Уникальный археологический объект был открыт в 2002 г., когда на палеонтологическом местонахождении Синяя Балка – стратотипе таманского фаунистического комплекса (Громов, 1948; Верещагин, 1957) были найдены каменные артефакты, залегающие *in situ* вместе с костями животных. Планомерные исследования стоянки Богатыри/Синяя Балка проводились в 2003–2008, 2011, 2016 гг. В результате были получены уникальные данные по эоплейстоценовой истории и жизнедеятельности древнейших

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0012. «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. E-mail: kazvolg@yandex.ru.

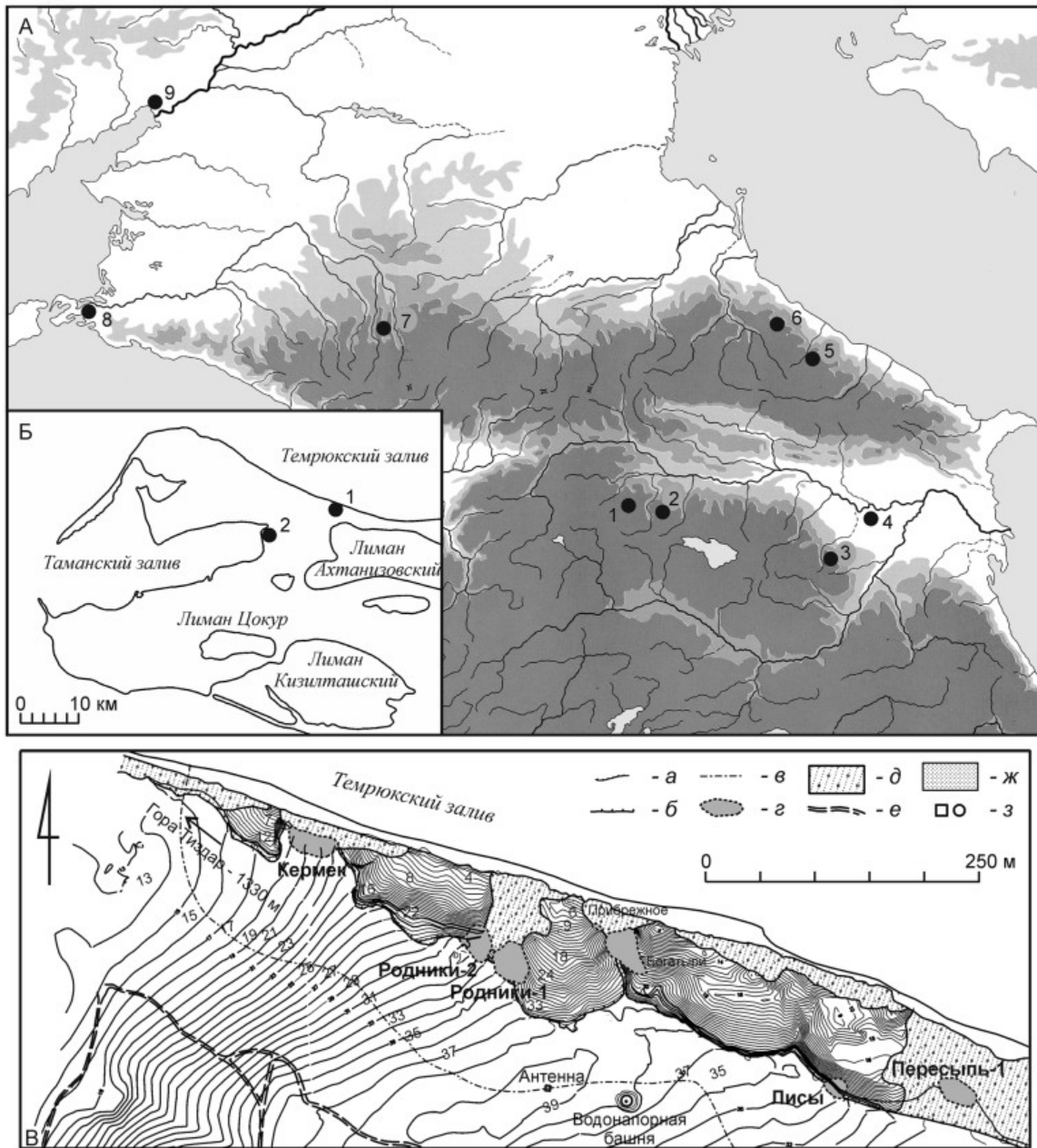

Рис. 1. А – раннепалеолитические памятники Кавказа и Юга Восточной Европы: 1 – Дманиси; 2 – Карахач; 3 – Азых; 4 – Гараджа; 5 – Рубас 1, Дарвагчай 1; 6 – Айнакаб 1, Мухкай 1 и 2; 7 – Треугольная пещера; 8 – Богатыри/Синяя Балка; 9 – местонахождение Ливенцовка; Б – Таманский полуостров, раннепалеолитические памятники: 1 – стоянки Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек; 2 – местонахождение Цымбал; В – Таманский раннепалеолитический комплекс (а – линия берегового обрыва на 2011 г.; б – то же на 2006 г.; в – граница охранной зоны археологического объекта; г – границы сбора археологического материала; д – зона интенсивного обрушения кромки берега и строительных подсыпок; е – грунтовая дорога; ж – пляжная зона; з – объекты привязки)

Fig. 1. А – Early Palaeolithic sites of the Caucasus and South of Eastern Europe: 1 – Dmanisi; 2 – Karakhach; 3 – Azykh; 4 – Garadzha; 5 – Rubas 1, Darvagchay 1; 6 – Aynikab 1, Mukhkay 1 and Mukhkay 2; 7 – Treugolnaya Peshchera (Triangular Cave); 8 – Bogatyri/Sinyaya Balka; 9 – site of Liventsovka; Б – Taman Peninsula, Early Palaeolithic sites: 1 – campsites of Bogatyri / Sinyaya Balka, Rodniki 1 and Rodniki 2, Kermech; 2 – site of Tsymbal; В – Taman Early Palaeolithic complex (а – line of the shore precipice in 2011; б – the same in 2006; в – border of the protected zone of the archaeological site; г – limits of the area of collection of archaeological finds; д – zone of the intensive ruination of the shore edge and construction heaps; е – dirt road; ж – recreation beach zone; з – reference points)

человеческих коллективов в Северной Евразии (Щелинский, Кулаков и др., 2004; Щелинский, Кулаков, 2007а; Кулаков, 2012; Несмеянов, Кулаков, 2013). В это же время по соседству были открыты еще несколько разновременных палеолитических памятников, среди которых были раннепалеолитические стоянки Родники 1 и 2, Кермек (рис. 1, В) (Щелинский, Кулаков, 2007б; Щелинский, Додонов и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010; Щелинский, 2011). Уникальность стоянки Богатыри/Синяя Балка заключается в том, что она является памятником первоначального расселения человечества в Евразии и вместе с этим демонстрирует первое проявления подлинной адаптации древнейшего человека к конкретным природным условиям Таманского полуострова. Уникальность эта проявляется во всех сторонах исследования этого замечательного объекта.

Датировка. Непосредственно в раскопе на стоянке Богатыри/Синяя Балка в 2006 и 2016 гг. двумя исследователями (А. Е. Додоновым и В. М. Трубиным) проводился отбор образцов для палеомагнитного анализа культуросодержащих отложений в западной стене (рис. 2, А). Все образцы в обеих сериях (3 и 9 экз.) дали одинаковый результат, везде «минус» хрона Матуяма, то есть древнее 800 тыс. лет назад (Щелинский, Додонов и др., 2008; 2010; Shchelinsky et al., 2010; Трубин и др., 2017). Таким образом, палеомагнитные датировки культуросодержащих отложений памятника полностью вписываются в общепринятую датировку таманского фаунистического комплекса: 1,2–0,78 млн лет назад (Вангенгейм и др., 1991), нижнюю границу которого некоторые исследователи в настоящее время опускают до 1,6 млн лет назад (Саблин, 2010; Тесаков, Титов, 2013; Тесаков и др., 2017). Более точную привязку Богатырей/Синей Балки в пределах эпизода обратной полярности пока трудно провести без дополнительных анализов. Существует мнение А. Л. Чепалыги, что костеносная толща памятника залегает выше субхрона Харамильо, в пределах 0,9–0,8 млн лет назад, но и это предположение также требует дополнительных палеомагнитных изысканий.

Геоморфология. Многолетние комплексные исследования стоянки Богатыри/Синяя Балка неопровержимо доказали, что каменные изделия

древнего человека и остатки костей животных таманской фауны залегают совместно в нескольких непотревоженных литологических слоях (рис. 2, А–Б) (Щелинский, Кулаков, 2007а; Несмеянов и др., 2010; Кулаков, 2012; Несмеянов, Кулаков, 2013).

В результате многолетних раскопок памятника сложилось устойчивое понимание стратиграфии культуросодержащих отложений на стоянке Богатыри/Синяя Балка. Особенно показательна для анализа стратиграфии западная стена раскопа, которая демонстрирует сложный вид горизонтальных и вертикальных взаимоотношений литологических подразделений (нарушенность, переслаивание, линзовидность и пр.). Стратиграфия и планиграфия этого многослойного памятника (рис. 2, А–Б) хорошо документирует как процессы образования и накопления культуросодержащих отложений, так и процессы последующего разрушения в результате действий грязевых вулканов и тектонического опрокидывания на северо-запад, «на бок», на 180°, огромного блока древнего берега (Несмеянов и др., 2010; Несмеянов, Кулаков, 2013; Измайлов, Гусаков, 2013; Кулаков, 2012).

Согласно современным представлениям (рис. 2, А), на материковый слой 0 «куяльницкой» плиоценовой глины непосредственно налегают непотревоженные песчанисто-щебнистые отложения водно-эолового происхождения. Слои 1 и 2 образовались непосредственно в пляжной зоне крупного водоема.

Слой 3, толща разнородного серо-желтого песка, содержащая не образующие концентраций артефакты и кости животных, также образовалась на берегу крупного водоема.

Костеносная толща слоя 4 – линза в верхней части песчаной толщи слоя 3, забитая разновеликими обломками, костной крошкой и целыми костями южных слонов и кавказских эламотериев. Среди этого костного «бурелома» и обнаружена основная коллекция артефактов стоянки.

Щебнистые толщи 5 и 6 являются следами деятельности грязевых вулканов, с последующим их разрушением, здесь также встречаются фаунистические остатки и артефакты.

Слой 7 – это разновременные «вложения», показывающие разрушения береговых отложений в районе памятника в виде разновеликих блоков,

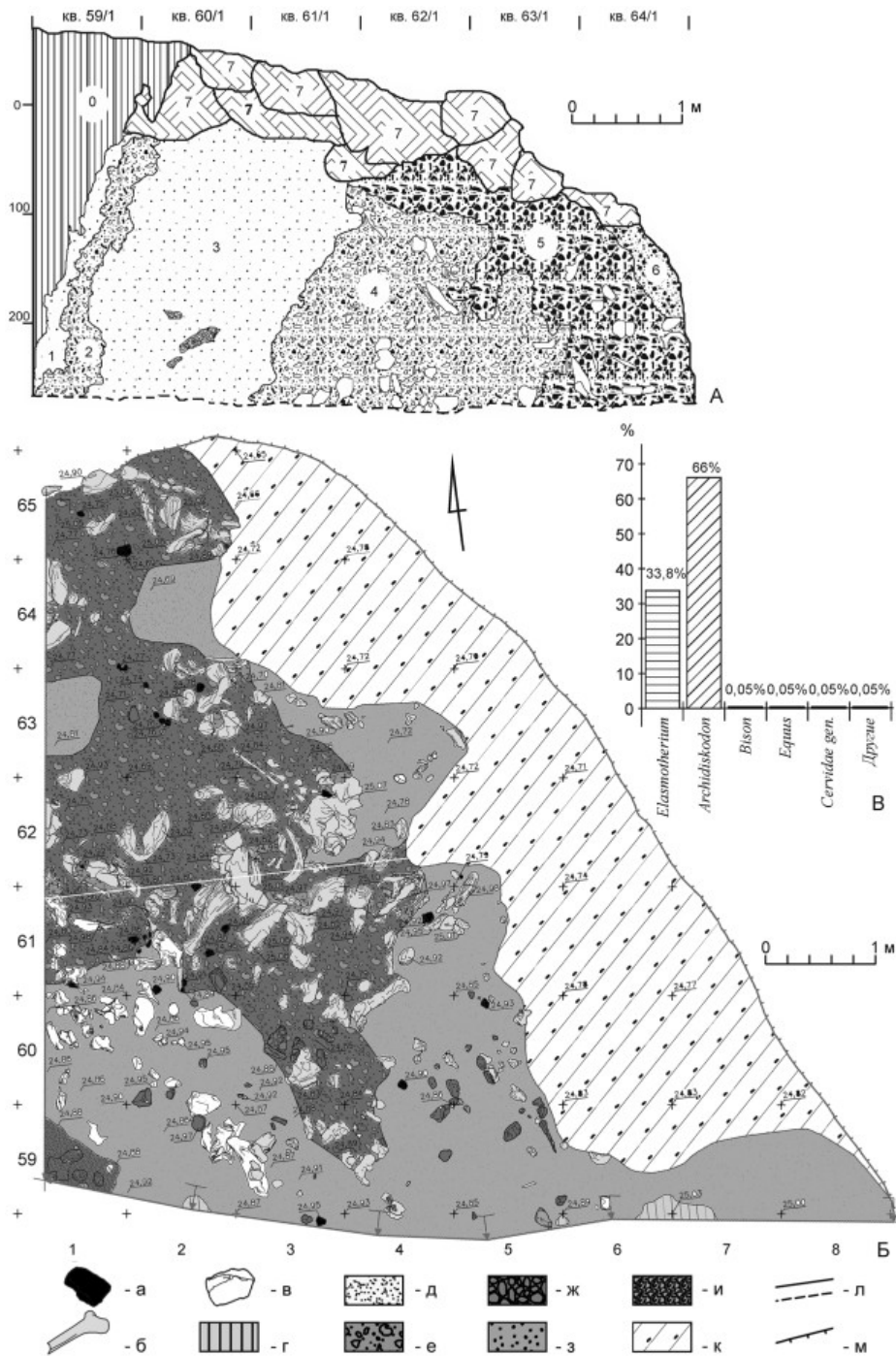

Рис. 2. Богатыри/Синяя Балка: А – стратиграфия отложений по западной стене раскопа (0 – глина «куяльник»; 1 – песок с детритом; 2 – щебнисто-песчаные отложения; 3 – серо-желтый песок; 4 – костеностная толща; 5 – щебнистая толща; 6 – мелкощебнистая толща; 7 – разновременные блоковые разрушения отложений); Б – план раскопа (а – орудие; б – кости; в – камни; г – глина; д – желтые песчаные образования; е – щебень; ж – окатанные куски щебневой брекчии; з – светлые песчаные образования; и – песок с примесью ракушки; к – мешанный грунт; л – граница раскопа; м – линия обрыва); В – процентное распределение фаунистической коллекции по видам животных

Fig. 2. Bogatyri/Sinyaya Balka: A – stratigraphic scheme of the deposits over the western edge of the excavation (0 – ‘Kuyalnik’ clay; 1 – sand with detritus; 2 – crushed stone and sand deposits; 3 – gray-yellow sand; 4 – layer with bones; 5 – layer containing crushed stone; 6 – layer containing fine crushed stone; 7 – disturbed blocks of deposits of different periods); Б – plan of the excavation (a – tool; б – bones; в – stones; г – clay; д – yellow sand aggregations; е – crushed stone; ж – rounded pieces of debris breccia; з – light sand aggregations; и – sand with admixtures of shells; к – mixed soil; л – limits of the excavation; м – line of the precipice); В – percent distribution of animal species in the faunal collection

и ступенчатое сползание этих блоков в море, которые могут иметь возраст от эоплейстоцена до голоцена (Несмеянов, Кулаков, 2013). Таким разрушениям подверглись все культуросодержащие слои памятника, поэтому в этих «вложениях» встречаются и артефакты, и фаунистические остатки.

В плоскости стратиграфия культуросодержащих отложений стоянки полностью повторяет принципиальную последовательность подразделений, фиксируемую по профилю западной стены раскопа (рис. 2, Б).

Северную часть площади раскопа занимают чередующиеся разноцветные пески, мелкощебнистые отложения и сопочные брекчии с артефактами и фауной – фрагменты разрушенных слоев 1–4, местами сильно сцементированные. Слои 5 и 6 хорошо документируют положение о том, что здесь мы имеем следы разрушений и переотложений нижележащих «инситу» отложений из южной части раскопа.

Костеносная толща слоя 4 занимает примерно треть площади раскопа в его середине, являясь огромной линзой в слое песков. Заполнителем этого «хаоса» из костей, их обломков и костяной крошки является сопочная брекчия древнего грязевого вулкана, состоящая из серо-коричневой глины со щебнем. Практически на всех костях имеются тончайшие глиняные корочки, которые свидетельствуют, что они захоранивались в жидкой глине, в болоте, скорее всего, в кальдере грязевого вулкана. Крупные кости, как правило, целые, разломаны, прежде всего ребра и плоские кости. Иногда встречаются кости в анатомическом порядке. Артефакты находятся здесь же между костей.

Мощные отложения серо-желтого и желто-рыжего песка слоя 3 занимают 2/3 площади в южной половине раскопа, по виду похожие на современные пляжные отложения, и включают окатыши глины и брекчии, отдельные крупные камни, артефакты и кости, покрытые песчано-цементной толстой коркой. Как правило, артефакты в этих слоях оглажены, иногда окатаны.

В юго-западном углу раскопа выделяется пятно конгломерата, состоящее из песка, окатышей глины и доломитового, разновеликого щебня – слой 2. Подстилает его тонкий слой сцементированного

песка, забитого обломками и осколками раковин, – слой 1 – древняя кромка берега водоема.

Вся толща культуросодержащих слоев опирается на темно-серые и темно-коричневые «куяльницкие» глины слоя 0, содержащие плиоценовую морскую фауну.

Таким образом, исследования и наблюдения дают возможность представить следующую картину природного окружения и жизнедеятельности первобытных коллективов на стоянке Богатыри/Синяя Балка. Все действие происходило на берегу большого водоема, являвшегося, по всей видимости, частью апшеронского бассейна Каспийского моря (Чепалыга и др., 2015. Рис. 5). Слои 1 и 2 демонстрируют первые, редкие появления древнейших людей на пляже у самой кромки воды. Мощная слоистая, эолово-морская песчаная толща слоя 3 свидетельствует о процессах жизнедеятельности человеческих коллективов на периодически затопляемом берегу водоема, непосредственно рядом паслись животные таманского фаунистического комплекса. Эту картину дополняет костеносная линза – слой 4, накопившаяся в это же время на берегах какого-то пресноводного водоема, использовавшегося слонами и эламотериями как место водопоя и грязевых ванн. Таким водоемом вполне могла быть кальдера грязевого вулкана. Хищники и, возможно, древние люди, используя топкие берега такого водоема, могли охотиться здесь исключительно на этих крупных животных. Сами человеческие коллективы обитали поблизости в стороне, но на достаточно безопасном расстоянии. Примером таких жилых стоянок эректусов могут служить пятна концентрации артефактов на стоянках Родники 1 и 2 (Щелинский, 2014). Такое функционирование памятников, видимо, совпадает со временем расцвета таманского фаунистического комплекса в этом районе около 1 млн лет назад. После этого картина сильно меняется, наступает время каких-то катаклизмов. Сначала происходит резкий сброс этого водоема-болота, с захоронившимися в нем костями и орудиями, в песчаную толщу, без большого смещения и переотложения. При этом происходит быстрое пересыхание водоема, на костях еще не завершился процесс фоссилизации. Можно предположить, что эта катастрофа – следствие тектоники и извержения поблизости

крупного грязевого вулкана. Подтверждением этого предположения является слой 5 отложений памятника. Эта щебнистая толща похожа на грязе-каменную вулканическую брекчию, которая при своем истекании захватила и перемешала участки песков (слоя 3) и костеносной толщи (слой 4). Застыв, этот щебнистый слой перекрыл, а после цементации даже бронировал и предостерег от дальнейшего разрушения нижележащие культуросодержащие слои. Затем катастрофическое извержение грязевого вулкана разрушает берег и целый огромный блок его – «ксенолитический пакет» (Измайлов, Гусаков, 2013), с законсервированным в нем памятником, опрокидывается на бок. Разрушения берега продолжаются иногда в виде грязе-каменных потоков – «селей», что демонстрируют нам мелкощебнистые отложения слоя 6, которые еще раз перекрывают и консервируют культуросодержащие отложения. Дальнейшее разрушения берега происходит уже склоновыми процессами в виде разновеликих блоков – слой 7, которые разламывают, захватывают и перемешивают различные, в том числе и культуросодержащие, отложения.

Фауна. Богатая фаунистическая коллекция стоянки Богатыри/Синяя Балка, происходящая из всех слоев памятника, оказалась чрезвычайно своеобразной (Байгушева, Титов, 2008; Титов, Тесаков, 2009). Все тысячи целых и определимых костей животных и несколько тысяч их обломков принад-

лежат исключительно таманскому слону (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказскому эласмотерию (*Elasmotherium caucasicum*). За все годы раскопок памятника, по данным В. С. Байгушевой, В. В. Титова и Г. И. Тимониной, было расчищено около 40 особей слонов и около 20 особей эласмотерия разного половозрастного состава. За все полевые сезоны в раскопе было найдено только четыре кости других животных. Наши коллеги палеонтологи немного ошибаются, определяя процентное содержание состава фаунистической коллекции, когда единичным костям лошади, бизона, косули и неопределимому обломку выделяют по целому проценту. Правильнее было бы считать на эти четыре единичные кости не по 1 %, а по 0,05 % каждой. Тогда слон и эласмотерий по праву займут в коллекции свои 66 % и 33,8 % (рис. 2, В).

Каменная индустрия. Каменные изделия раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка изготовлены только из местного сырья – «сильно окварцованный доломит» (определение петрографа И. В. Тибилова, СПбГУ), который в изобилии, в виде разновеликих блоков, плит и галек, встречается в обнажениях берега Азовского моря в районе стоянки. Обработанные предметы составляют единую индустрию и по составу коллекции (таблица 1) принадлежат олдованской традиции. Основу индустрии составляют предметы, которые находились *in situ* в слоях 2, 3, 4 и которые коли-

Таблица 1. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка. Распределение артефактов по слоям. Орудия на сколах и сколы с ретушью утилизации включены в столбцы крупных и мелких сколов

Table 1. Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka. Distribution of artefacts throughout the layers. Tools on spalls and spalls with utilization retouch are included into the columns of large and small spalls

Слой, квадраты	Нукле-видные	Сколы крупные	Сколы мелкие	Обломки с ретушью	Грубо-рубящие	Орудия	ИТОГО
1–2 сл. 59/1–2		1	7		3	2	13
3 сл. 59/3–8; 60/1–5	8	15	39	6	20	34	122
4 сл. 61/1–3; 62/1–3	8	19	25	10	23	49	134
5–6 сл. 63/1–3; 64/1–2; 65/1–2	8	20	18	6	14	11	77
Осыпь	11	29	36		29	33	138
ВСЕГО	35	84	125	22	82	129	484

чественно почти в два раза превышают артефакты, собранные в береговой осыпи под памятником. Немногочисленные находки из слоев 1–2 происходят из зоны контакта слоев 2 и 3 и хорошо демонстрируют положение о редком появлении эректусов на пляже древнего водоема. Артефакты слоя 3 показывают уверенное обживание людьми берегов этого водоема. Самая богатая коллекция каменных изделий из слоя 4 демонстрирует длительное проживание и уникальную адаптацию человеческих коллективов в данном месте. Артефакты из слоев 5 и 6, также принадлежащие этой индустрии, были переотложены в результате разрушения отложений в древности. Изделия из осыпи – результат процессов современного разрушения берега моря.

Технология и техника обработки камня на стоянке Богатыри/Синяя Балка, как и для других раннепалеолитических памятников, определялась, во-первых, формой и качеством местного сырья, а во-вторых, конкретными задачами деятельности на данном месте. Местный окварцованный доломит, по результатам экспериментов Е. Ю. Гири и В. Е. Щелинского, хотя и хрупкий, хорошо колется и дает прекрасный острый край. Форма сырья в виде разновеликих отдельных блоков и плит предопределила характер их расщепления. *Homo erectus* сознательно использовали угловатые поверхности отдельностей сырья, чтобы способом простого

раскалывания и дробления получать необходимые разновеликие остроугольные обломки и очень крупные сколы (рис. 3, 8–9), в первую очередь для изготовления чопперов и груборубящих орудий, проводя при этом минимальную обработку их и без того острых лезвий. Тем не менее и при таком раскалывании доломитов случайно получались и вполне морфологически выраженные сколы, особенно мелкие, которые тоже нередко использовались для дальнейшей работы (рис. 4, 1–8, 11). Вместе с этим нуклеарное расщепление доломитов использовалось древними мастерами для получения немногих разновеликих намеренных сколов с острым достаточно протяженным краем (рис. 4, 9–10, 12–14, 17, 18). Расщепление нуклеусов на памятнике было раннепалеолитическим – конкретно-ситуационным, поэтому ядрища коллекции невыразительны и не образуют четких групп. Нуклеидные формы богатырской индустрии по большей части подпадают под определение «многогранные» (рис. 5, 15, 17), выделяются при этом несколько экземпляров однонаправленных одноплощадочных нуклеусов (рис. 5, 12, 14, 16). Ударные площадки всех нуклеидных – гладкие естественные поверхности и грани, а также корочные.

Каменные изделия «с вторичной обработкой» представлены разнообразными орудиями, сколами и обломками со следами использования (таблица 2).

Таблица 2. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка. Распределение орудий по слоям
Table 2. Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka. Distribution of artefacts throughout the layers

Слой \ Орудия	Чопперы	Грубо-рубящие	Скребла	Скребки	Острия	Зубчато-выемчат.	Клювовидные	Сколы с ретушью	Обломки с ретушью	ИТОГО
1–2 сл. 59/1–2	3		1	1						5
3 сл. 59/2–8; 60/1–5	18	2	7	9	14	3	1		6	60
4 сл. 61/1–3; 62/1–3	22	1	15	14	14	2	4	1	10	83
5–6 сл. 63/1–3; 64/1–2; 65/1–2	14		11	6	4	1		1	6	43
Осыпь	29		7	13	9	4		9		71
ВСЕГО	86	3	41	43	41	10	5	11	22	262

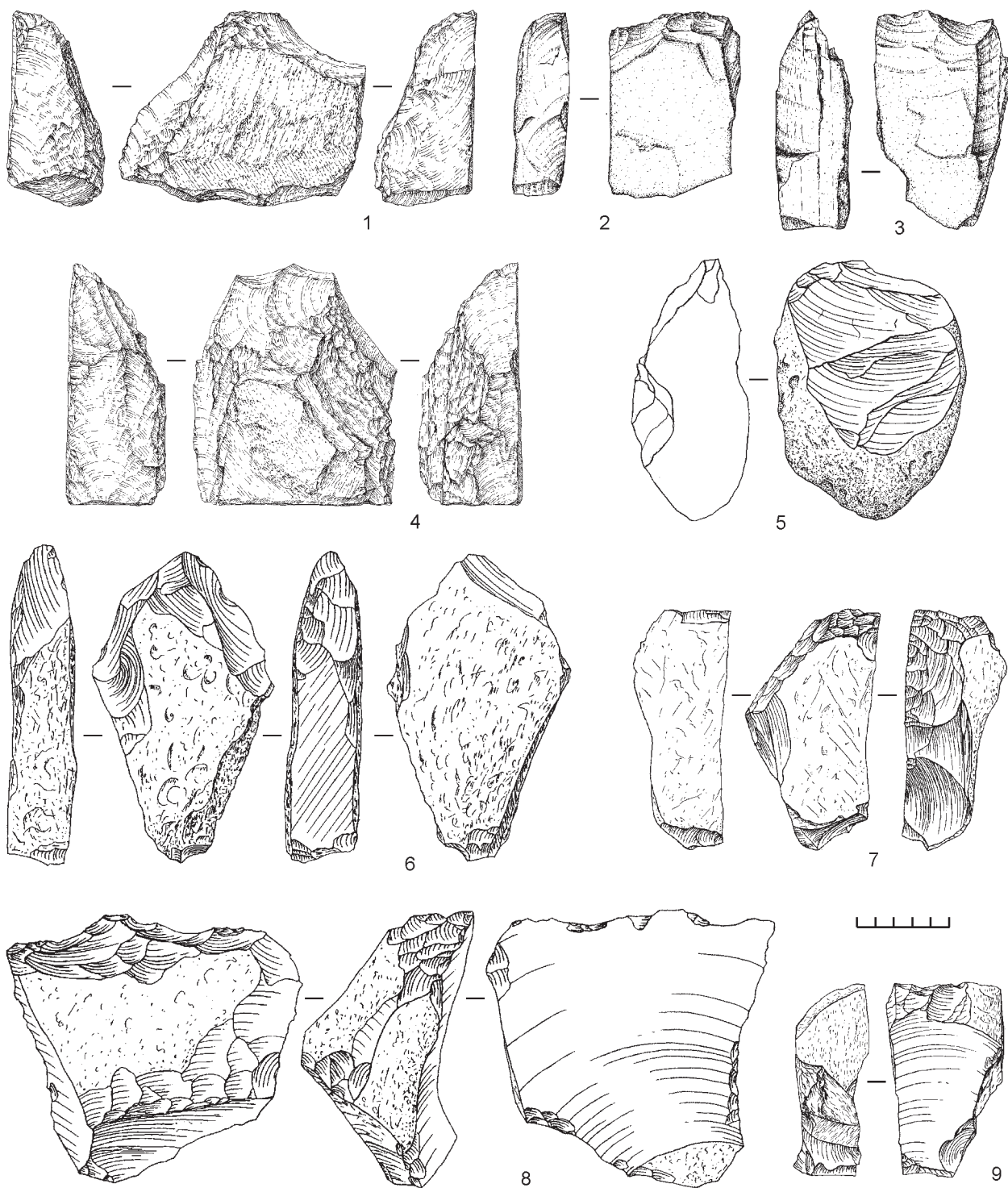

Рис. 3. Богатыри/Синяя Балка. Каменный инвентарь: 1–8 – чопперы; 9 – чоппер на сколе

Рисунки: 1, 4 – А. Абдулмановой; 2, 3, 5–9 – В. Е. Щелинского

Fig. 3. Bogatyri/Sinyaya Balka. Lithics: 1–8 – choppers; 9 – chopper on a blade

Figures: 1, 4 – A. Abdul'manova; 2, 3, 5–9 – V. E. Shchelinskiy

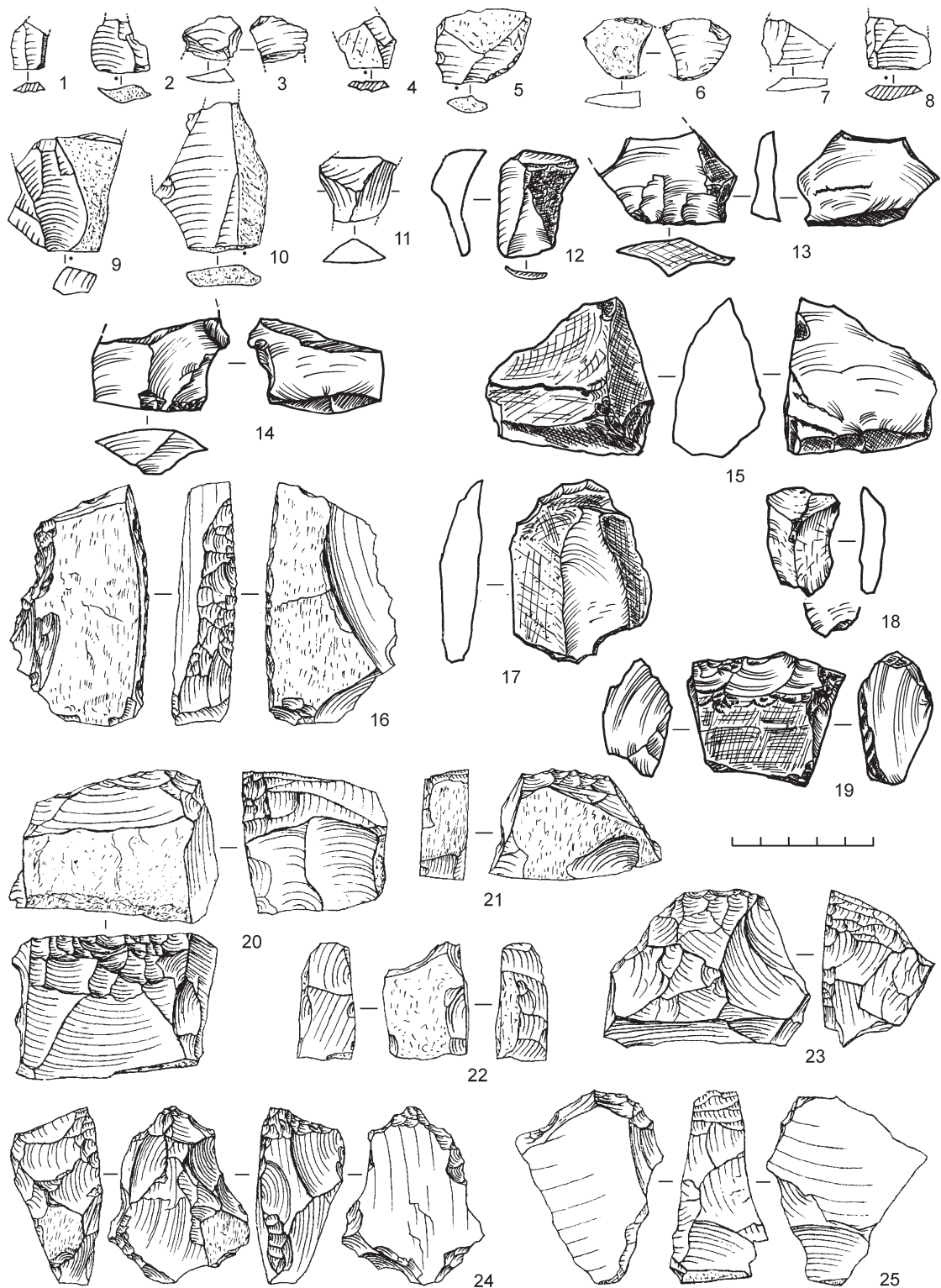

Рис. 4. Богатыри/Синяя Балка. Каменный инвентарь: 1–15, 17–19 – сколы (15, 17 – сколы с ретушью утилизации; 18, 19 – скребла на сколах); 16 – скребло; 20, 23 – нуклеидные скребки; 21, 22, 24, 25 – скребки

Рисунки: 1–11, 16, 20–25 – В. Е. Щелинского; 12–15, 17–19 – С. А. Кулакова

Fig. 4. Bogatyri/Sinyaya Balka. Lithics: 1–15, 17–19 – spalls (15, 17 – spalls with retouch of utilization; 18, 19 – scrapers on spalls); 16 – scraper; 20, 23 – core-shaped endscrapers; 21, 22, 24, 25 – endscrapers

Drawings: 1–11, 16, 20–25 – V. E. Shchelinskiy; 12–15, 17–19 – S. A. Kulakov

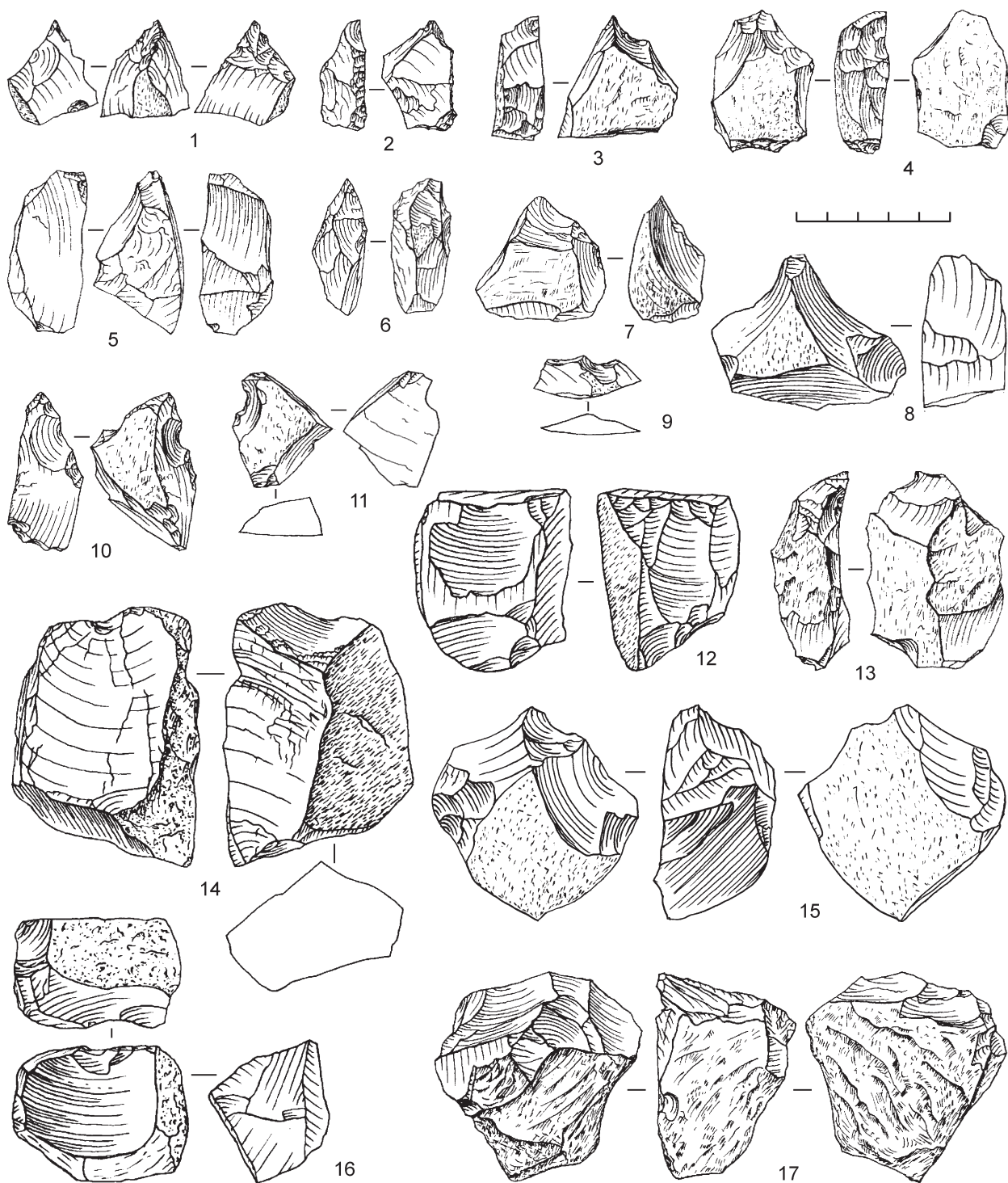

Рис. 5. Богатыри/Синяя Балка. Каменный инвентарь: 1–7, 13 – остря; 8, 10, 11 – клювовидные изделия; 9 – зубчатое изделие; 12, 14–17 – нуклевидные изделия

Рисунки В. Е. Щелинского

Fig. 5. Bogatyri/Sinyaya Balka. Lithics: 1–7, 13 – points; 8, 10, 11 – beaked tools; 9 – denticulate tool; 12, 14–17 – core-shaped tools

Drawings by V. E. Shchelinskiy

Лицо богатырской раннепалеолитической индустрии составляют разнообразные чопперы и груборубящие орудия (78 экз.), выполненные на разновеликих доломитовых обломках и, за редким исключением, на доломитовых гальках (рис. 3, 5). Чопперы коллекции крайне разнообразны и не образуют выраженных морфологических серий, все они односторонние. Объединяет изделия этой категории наличие прочного и достаточно острого рубяще-режущего лезвия, в качестве которого чаще всего использовалась грань естественного разлома отдельности сырья с минимальной обработкой этого лезвия и аккомодационных частей. Реже встречаются орудия, у которых лезвие было тщательно выделено: как правило, у таких чопперов на лезвии выделяются остроугольные, шиповидные участки (рис. 3, 3, 4, 8). На данный момент субкатегории чопперов и груборубящих можно четко подразделить только по размерам и весу на три разновидности. Первая – очень крупные орудия – «гигантолиты» (11 экз.) весом каждый более 2,5 кг, изготовленные только на крупных доломитовых обломках самой минимальной обработкой, иногда всего одним-двумя сколами. Представляется, что в богатырской индустрии это были самые специализированные изделия, предназначавшиеся для самой трудоемкой двуручной работы по начальному пробиванию и прорубанию толстой шкуры и слоя жира на тушах слонов и эласмотериев, а также для разбивания очень крупных костей. Вторая разновидность – изделия разновеликие, с разнообразной морфологией, весом до 2,5 кг (45 экз.), которыми можно было долго работать одной рукой (рис. 3, 1–6, 8–9). Третья – это мелкие и легкие чопперы (27 экз.) – «чопперовидные скребла», по меткому термину И. И. Коробкова (Коробков, Мансуров, 1972) (рис. 3, 7). Функциональное назначения орудий второй и третьей групп пока трудно объяснить из-за несохранившихся следов от работы ими.

Среди «мелких» орудий (таблица 2) явно преобладают обычные однолезвийные продольные и поперечные скребла (рис. 4, 16, 18, 19), скребки (рис. 4, 20–25) и острия (рис. 5, 1–7, 13), имеющие разные размеры и разнообразную морфологию, изготовленные, в основном, на разновеликих обломках доломита, но также на крупных и мелких намеренных и «случайных» сколах. Представлены

в коллекции клювовидные (рис. 5, 8, 10, 11) и зубчатые изделия (рис. 5, 9), а также сколы с ретушью, скорее всего, утилизации (рис. 4, 15).

Принадлежность индустрии стоянки Богатыри/Синяя Балка олдованской культурной традиции была изначально определена исследователями на основании геоморфологии памятника (эоплейстоцен) и морфологии каменных изделий (Щелинский, Кулаков, 2007а; Щелинский, Кулаков, 2009; Щелинский, Додонов и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010). При этом сразу было выделено ее своеобразие как на общем олдованском фоне, так и на фоне раннепалеолитических индустрий Кавказа (Амирханов, 2016; Деревянко, 2009). Свообразие богатырской индустрии проявляется в изобретении и использовании особых приемов расщепления камня, обусловленных угловатой и плитчатой, в основном, формой местного сырья. В орудийном плане это своеобразие характеризуется отсутствием категории пиков (если к ним не причислять чопперы с шипами и типичные острия, но изготовленные на достаточно крупных доломитовых обломках), а также полным отсутствием бифасиальной обработки на изделиях, даже на чопперах, среди них нет ни одного двустороннего. По всем своим показателям индустрия стоянки Богатыри/Синяя Балка может быть отнесена к «преолдовану» или «олдовану архаичному» (de Lumley et al., 2005), аналогичной по морфологии каменных изделий и по возрасту внеафриканским «преолдованским» индустриям: Йирон (Израиль), Дманиси (Грузия), Пирро Норд, Монте Поджоло (Италия), Барранко Леон, Фуенте Нуева 3 и Ля Сима дель Елефант (Испания), Валлоне (Франция) (de Lumley et al., 2009).

Стоянка Богатыри/Синяя Балка сейчас небезосновательно рассматривается как место добычи мяса слонов и эласмотериев возрастом более 1 млн лет назад (Кулаков, 2016). Скорее всего, таманские слоны и эласмотерии, так же как и современные слоны и носороги, специально принимали грязевые ванны. А кальдера древнего грязевого вулкана с озерцом пресной воды в середине и топкими берегами была часто посещаемым слонами и эласмотериями местом. При этом эти крупные и тяжелые млекопитающие, войдя в грязь, бесспорно, теряли подвижность и становились легкой добычей

прежде всего кошачьих хищников и, возможно, *homo erectus*. Древние люди, чаще всего, достаточно легко могли доставать из грязи и разделявать остатки пиршеств кошек, чему у них был опыт и, возможно, наследственная память (Зубов, 2012). О чем явно свидетельствует наличие среди костей каменных орудий, особенно крупных чопперов, скребел и остриев. Занимались ли сами *homo erectus* активной охотой на крупных млекопитающих в уникальных условиях Таманского полуострова? Вопрос пока остается открытым, так как у нас нет прямых свидетельств охоты в виде остатков охотничьего вооружения и следов его применения на стоянке Богатыри/Синяя Балка.

Амирханов, 2007 – Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2007.

Амирханов, 2016 – Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала, 2016.

Байгушева, Титов, 2008 – Байгушева В. С., Титов В. В. Таманский фаунистический комплекс крупных позвоночных Приазовья и Нижнего Дона // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.

Вангенгейм и др., 1991 – Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКЧП АН СССР. М., 1991. № 60.

Верещагин, 1957 – Верещагин Н. К. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Тр. ЗИН АН СССР. Л., 1957. № 22.

Громов, 1948 – Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Тр. ИГН АН СССР. М.; Л., 1948. Вып. 48 (Геологическая серия; № 17).

Деревянко, 2009 – Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск, 2009.

Деревянко и др., 2009 – Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н., Лецинский С. В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск, 2009.

Дманиси, 1998 – Дманиси (Dmanisi). Тбилиси, 1998.

Зейналов и др., 2013 – Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Эйбатов Т. М., Авиарова И. Н., Мустафаев И. М., Сулейманов Т. Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // Azerbaijan archaeology and ethnography. Baki, 2013. № 1.

Зубов, 2012 – Зубов А. А. Трудные эпизоды при расселении древнейшего человечества // РАЕ. СПб., 2012. № 2.

Измайлов, Гусаков, 2013 – Измайлов Я. А., Гусаков И. Н. Катастрофические извержения грязевых вулканов и их признаки в разрезах плейстоценовых отложений (Таманский полуостров) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»: Сб. статей (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013.

Коробков, Мансуров, 1972 – Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождения Чакмаклы в Западном Азербайджане) // Палеолит и неолит СССР. Л., 1972. Т. 7 (МИА; № 185).

Кулаков, 2012 – Кулаков С. А. Новые данные по стратиграфии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012.

Кулаков, 2016 – Кулаков С. А. К вопросу о выделении возможности адаптации человека в раннем палеолите // Qarabagın arxeoloji iris. Beynelxalk Elmi Konferansın. Materialları (Baki, 28–30 noyabr 2016). Baki, 2016.

Любин, Беляева, 2011 – Любин В. П., Беляева Е. В. Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении // АВ. СПб., 2011. № 17.

Несмеянов и др., 2010 – Несмеянов С. А., Леонова Н. Б., Воейкова О. А. Палеоэкологическая реконструкция района Богатырей и Синея Балки // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010.

Несмеянов, Кулаков, 2013 – Несмеянов С. А., Кулаков С. А. Геологическое строение раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Древнейший Кавказ: Перекресток Европы и Азии. СПб., 2013.

- Саблин*, 2010 – *Саблин М. В.* Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010.
- Саблин*, *Гиря*, 2010 – *Саблин М. В.*, *Гиря Е. Ю.* К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы/России // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. Т. 2, № 42.
- Тесаков и др.*, 2017 – *Тесаков А. С.*, *Титов В. В.*, *Сотникова М. В.*, *Бондарев А. А.*, *Симакова А. Н.*, *Фролов П. Д.* Обновленная биохронологическая схема квартера Восточной Европы и Западной Азии // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы X Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 25–29 сентября 2017 г.). М., 2017.
- Тесаков*, *Титов*, 2013 – *Тесаков А. С.*, *Титов В. В.* Биостратиграфическая основа расчленения континентального нижнего плейстоцена (гелазий+калабрий) России // VIII Всерос. совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»: Сб. статей (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013.
- Титов*, *Тесаков*, 2009 – *Титов В. В.*, *Тесаков А. С.* Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы VI Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (19–23 октября 2009 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 2009.
- Трубихин и др.*, 2017 – *Трубихин В. М.*, *Чепалыга А. Л.*, *Кулаков С. А.* Возраст стратотипа Таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы X Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 25–29 сентября 2017 г.). М., 2017.
- Чепалыга и др.*, 2015 – *Чепалыга А. Л.*, *Анисюткин Н. К.*, *Садчикова Т. А.* Первые многослойные стоянки олдованской культуры в Крыму: геология, археология, палеоэкология // БКИЧП. М., 2015. № 74.
- Щелинский*, 2011 – *Щелинский В. Е.* Новая раннепалеолитическая стоянка на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.
- Щелинский*, 2014 – *Щелинский В. Е.* Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб., 2014.
- Щелинский*, *Додонов и др.*, 2008 – *Щелинский В. Е.*, *Додонов А. Е.*, *Байгушева В. С.*, *Кулаков С. А.*, *Симакова А. Н.*, *Тесаков А. С.*, *Титов В. В.* Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.
- Щелинский*, *Додонов и др.*, 2010 – *Щелинский В. Е.*, *Додонов А. Е.*, *Байгушева В. С.*, *Кулаков С. А.*, *Симакова А. Н.*, *Тесаков А. С.*, *Титов В. В.* Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010.
- Щелинский*, *Кулаков и др.*, 2004 – *Щелинский В. Е.*, *Кулаков С. А.*, *Бозински Г.*, *Киндлер Л.* Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004.
- Щелинский*, *Кулаков*, 2007а – *Щелинский В. Е.*, *Кулаков С. А.* Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. М., 2007. № 3.
- Щелинский*, *Кулаков*, 2007б – *Щелинский В. Е.*, *Кулаков С. А.* Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007. № 2.
- Щелинский*, *Кулаков*, 2009 – *Щелинский В. Е.*, *Кулаков С. А.* Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Bosinski*, 1996 – *Bosinski G.* Les origins de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paleolithique inferieur. Paris, France. 1996.
- de Lumley et al.*, 2005 – *Lumley de H.*, *Noradze M.*, *Barsky D.*, *Cauche D.*, *Celiberti V.*, *Nioradze G.*, *Notter O.*, *Zvania D.*, *Lordkipanidze D.* Les industries lithiques preoldowayenens du debut du Pleistocene inferieur du site de Ldmanissi en Georgie // L'Anthropologie. Paris, 2005. Vol. 109, Is. 1.

de Lumley et al., 2009 – Lumley de H., Barsky D., Cauche D. Les premieres etapes dela colonisation de l'Europe et l'arrivee del'Homme sur les rives dela Mediterranee // L'Anthropologie. Paris, 2009. Vol. 113.

Shchelinsky et al., 2010 – Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Suthern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224.

Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula

S. A. Kulakov

The site of Bogatyri/Sinyaya Balka is part of the Taman Palaeolithic complex situated on the southern coast of the Azov Sea near the village of 'Za Rodinu' of the Temryuk district, Krasnodar Kray. This unique archaeological object was discovered in 2002 when at the palaeontological site of Sinyaya Balka, which is a stratotype of the Taman faunistic complex, stone artefacts were found deposited *in situ* together with animal bones. At present, the cultural deposits of the site are dated using palaeomagnetic analysis to the chronological span of 1.4–1.1 million years BP.

The unique character of the site of Bogatyri/Sinyaya Balka is in the fact that it is a relic of the primary settlement of Eurasia by the humankind and demonstrates the first traces of the genuine adaptation of the earliest man to particular natural conditions of the Taman Peninsula.

The stratigraphy and plan of this multilayered site and accumulation of the cultural deposits, as well as the processes of their subsequent destruction due to the effects of mud volcanos and tectonic overthrow of an enormous block of the ancient littoral to the north-west at 180° ('on one side').

The rich faunistic collection from all layers of the site is extremely peculiar. All the thousands of the complete and identifiable animal bones as well as several tens of thousands of their fragments belong exclusively to Taman elephant (*Archidiskodon meridionalis tamanensis* – 66 %) and Caucasian elasmotherium (*Elasmotherium caucasicum* – 33.8 %).

The stone industry of the site of Bogatyri/Sinyaya Balka belongs to the Oldowan cultural tradition but

has particular differences both against the general Oldowan background and against the background of the Early Palaeolithic industries of the Caucasus. Its peculiarities are found in the invention and use of special techniques of knapping stone determined by the mostly angular and tabular type of the local raw materials. In terms of the tools, this peculiarity is characterized by the absence of the category of picks as well as the total absence of the bifacial treatment of the artefacts. The industry of the site, in all its features, can be attributed to the 'pre-Olduvai' or 'Archaic Olduvai'.

The site of Bogatyri/Sinyaya Balka now with good reasons is considered as a locality of production of meat of elephants and elasmotheria more than one million years ago in the caldera of an early mud volcano with a small lake of fresh water in its centre and boggy banks. The large and weighty mammals entering the mud undoubtedly lost their mobility and became easy prey primarily for feline predators but, possibly, also for *Homo erectus*. The early humans could rather easily extract from the mud and dress the remains of feasts of feline predators as is distinctly evidenced by finds of stone tools among the bones, particularly large choppers, scrapers and points. Whether the individuals of *Homo erectus* themselves practised active hunting of large mammals in the unique conditions of the Taman Peninsula is the question which so far remains open. Indeed, we have no evidence on hunting in the form of the remains of hunting equipment and traces of its use at the site of Bogatyri/Sinyaya Balka.

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ВЫСОКИХ МОРСКИХ ТЕРРАСАХ ЮЖНОГО КРЫМА В 2016 Г.¹

Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга²

Аннотация. В статье приведены предварительные результаты обследования в 2016 г. геоархеологических местонахождений раннего палеолита, обнаруженных в 2014–2015 гг. палеогеографом А. Л. Чепалыгой на высоких 100-метровых морских террасах южного берега Крыма. Удалось установить присутствие на местонахождениях Коз и Эчки бесспорных находок раннего и среднего палеолита. Из них наибольший интерес представляют архаичные артефакты из местонахождения Коз, где в галечниках высокой террасы найдены выразительные галечные орудия, сопоставимые с древнейшим ранним палеолитом типа Mode 1.

Annotation. This paper presents preliminary results of the surveys of 2016 at the geoarchaeological sites of the Early Palaeolithic period discovered in 2014–2015 by the palaeogeographer A. L. Tchepalyga on 100-metre high marine terraces on the Southern coast of Crimea. It proved possible to discover undisputable finds of the Early and Middle Palaeolithic at the sites of Koz and Echki. Of these, archaic artefacts from the site of Koz are of the greatest interest. There, expressive pebble tools comparable to the Earliest Palaeolithic artefacts of Mode 1 type were found among the pebbles on a high terrace.

Ключевые слова: Крым, высокие морские террасы, ранний и средний палеолит.

Key words: Crimea, high sea terraces, Early and Middle Palaeolithic.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-33-41

В предлагаемой статье речь идет о находках каменных изделий из плейстоценовых отложений высоких морских террас, впервые обнаруженных А. Л. Чепалыгой на южном берегу Крымского полуострова еще в 2014–2015 гг. (рис. 1). По мнению Н. К. Анисюткина, знакомившегося в Москве с коллекциями этих двух лет, ряд предметов действительно являются каменными изделиями ископаемых людей. Все они имеют вполне архаичный облик и сопоставимы с артефактами раннего и среднего палеолита (Чепалыга и др., 2015. С. 5–22).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-60514) и в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0012. «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Анисюткин Н. К., Кулаков С. И. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. E-mail: leonid.distyoptera@gmail.com; e-mail: kazvolg@yandex.ru.

Чепалыга А. Л. – Россия, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29. Институт географии РАН. E-mail: tchepalyga@mail.ru.

Важно упомянуть, что А. Л. Чепалыга, предварительно публикуя эти материалы, назвал их «олдованскими», основываясь на предполагаемом им эоплейстоценовом возрасте высоких террас. Однако в настоящее время этот вывод требует надежных доказательств.

Для подтверждения реальности открытых местонахождений А. Л. Чепалыга организовал на свой грант дополнительные археологические исследования. Археологические изыскания 2016 г. возглавил известный специалист-кавказовед С. А. Кулаков (ИИМК РАН), на имя которого и был получен Открытый лист. Так был создан Крымский отряд ИИМК РАН.

Были обследованы высокие террасы в районе села Курортное Феодосийского городского округа, террасы и карьер в селе Солнечная Долина Судакского городского округа, а также высокие террасы на восточной окраине г. Судака на предмет поиска находок раннего палеолита. Рассмотрим материалы двух местонахождений с относительно многочисленными артефактами. Не описывается местонахождение Алчак, где найдено всего одно галечное орудие.

Рис. 1. Археологические обследования в восточной части Крыма: 1 – Алчак; 2 – Коз; 3 – Эчки 1

Fig. 1. Archaeological investigations in eastern Crimea: 1 – Alchak; 2 – Koz; 3 – Echki 1

Местонахождение «Эчки 1». Местонахождение Эчки 1 находится в 1,5 км на запад от пос. Курортное и Карадагского природного заповедника РАН. В 2014–2015 гг. каменные предметы, предположительно артефакты, были собраны А. Л. Чепалыгой на высоком, 100-метровом террасовидном уровне береговых обрывов на правом западном борту Лисьей бухты (Чепалыга, 2015. С. 28–42; Чепалыга и др., 2015. С. 5–22).

Местонахождение представляет собой равнину без видимых резких перегибов и иных крупных форм рельефа площадью около 1 га, имеющую уклон с севера на юг: от подножия хребта Эчки-Даг к морю. С востока и запада она ограничена глубокими оврагами с крутыми и обрывистыми бортами: Лисья Бухта – с востока и Сухой овраг – с запада. Ее поверхность покрыта травянистой растительностью полупустынного типа (местные жители называют это место «Сковорода»), только ближе к горам появляются деревья – отдельно стоящие и небольшие заросли дуба черешчатого.

Координаты местонахождения у подножия хребта Эчки-Даг согласно данным А. Л. Чепалыги – «N44°53'39.03" E35°9'17.33"» (Чепалыга и др., 2015. С. 18).

В результате осмотра объекта и сборов была получена коллекция артефактов – 62 экз. Все каменные изделия были собраны только на современной дневной поверхности отложений почти на всей площади этой равнины. В стенах береговых

обрывов, бортах оврагов и в осыпях под ними артефакты не обнаружены. Почти все предметы изготовлены из изверженных пород, источником которых, по мнению А. Л. Чепалыги, является соседний древний вулкан Кара-Даг.

Коллекция каменных изделий, собранная на поверхности склона террасы, представлена несколькими десятками выразительных предметов. К бесспорным артефактам можно отнести почти все, в их числе 47 предметов изготовлены из андезита и четыре – из кремнистого песчаника.³ В отличие от андезитовых изделий, песчаниковые имеют слабую заполированность поверхностей. Среди изделий из кремнистого песчаника два можно считать вполне выразительными. Один предмет, возможно, следует отнести к ножевидным орудиям. Он изготовлен на уплощенной плитке овальной формы с несколькими сколами на поверхности и выраженным микрозубчатым лезвием по одному краю. Скорее всего, эта ретушь является следами утилизации. Поперечное сечение двояковыпуклое (рис. 2, 1). Второе орудие также достаточно выразительно. Его поперечный рабочий край обработан полукрутой ретушью, образуя лезвие типа скребка. Остальные изделия из песчаника менее показательны, хотя и имеют заметные следы обработки.

Из андезитовых орудий достаточно показательны два скребла на массивных долечных отщепках. Выпуклый рабочий край первого скребла оформлен полукрутой краевой ретушью. Ему противолежит естественный обушок (рис. 2, 4). Второе скребло также имеет выпуклый рабочий край. Лезвие с брюшка обработано распространенной, многорядной чешуйчатой ретушью, а противолежащий лезвию край оббит серией двусторонних снятий, утончающих корпус орудия. Данное орудие можно определить как скребло с утонченным ретушью корпусом (по Ф. Борду – *Racloir a dos aminci*). С. А. Кулаков предварительно описал это орудие как незаконченное частично двустороннее (рис. 2, 3). Интересной формой можно считать расколотую пополам плоскую андезитовую гальку с уплощенным сколом, формирующим заостренный конец. Это изделие

³ К выделению данных песчаниковых артефактов С. А. Кулаков относится скептически.

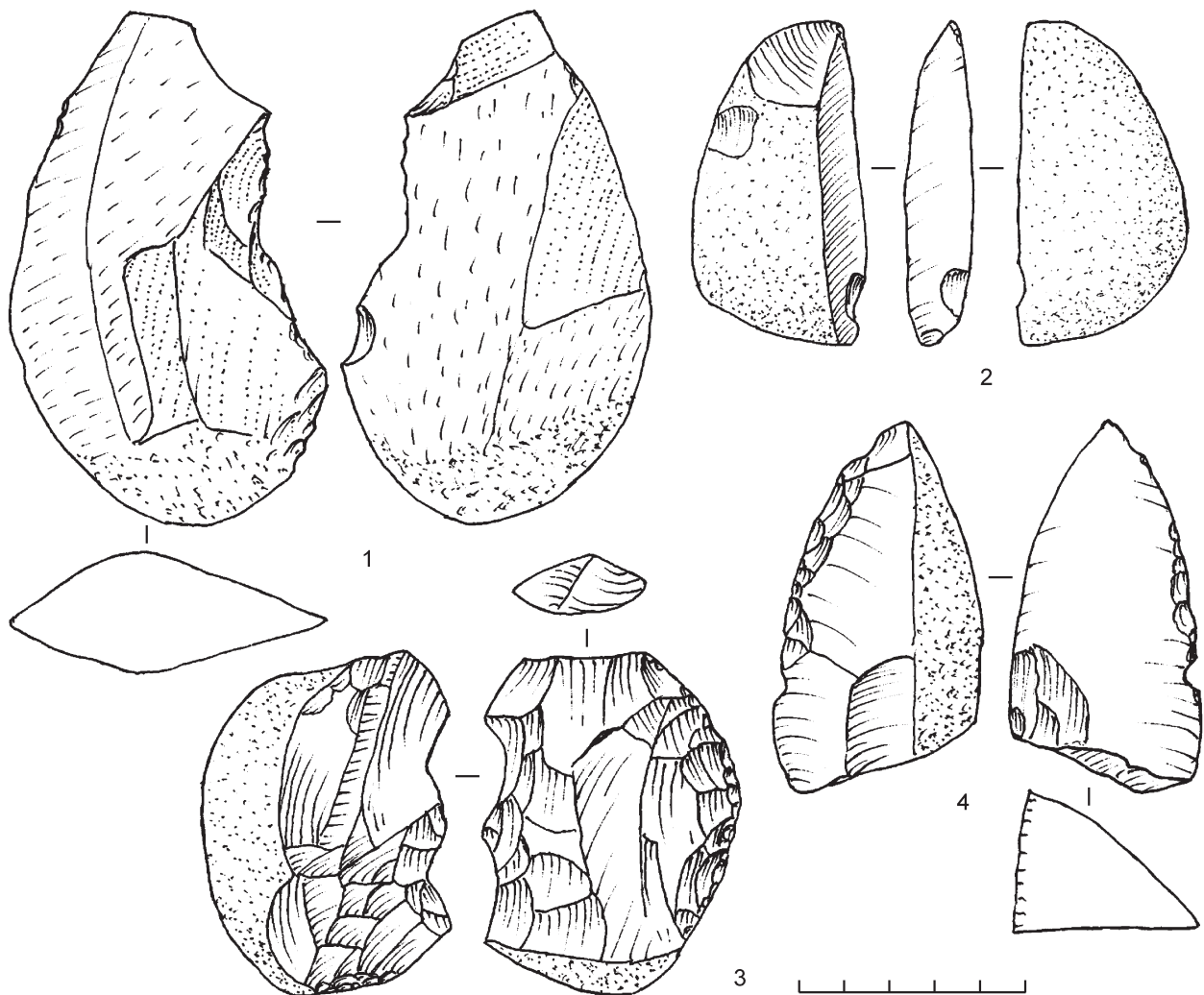

Рис. 2. Местонахождение Эчки 1, каменные орудия: 1 – ножевидное орудие на плитке песчаника; 2 – обломок андезитовой гальки с плоским сколом острого края; 3, 4 – скребла

Рисунки Н. К. Анисюткина

Fig. 2. Site of Echki 1, lithics: 1 – knife-like tool on a plate of sandstone; 2 – fragment of an andesite pebble with a flat scar at the sharp edge; 3, 4 – scrapers

Drawings by N. K. Anisyutkin

следует отнести к простым галечным орудиям (рис. 2, 2).

В коллекции имеется 15 выразительных отщепов и семь обломков отщепов, в их числе достаточно крупный обломок дистальной части пластинчатого отщепа с микроретушью. Этот пластинчатый отщеп условно можно рассматривать как атипичный леваллуазский. На четырех отщепах имеется мелкая ретушь. На одном крупном отщепе выделяется иррегулярная ретушь, которую, вероятно, можно рассматривать как следы более поздних повреждений. Среди отщепов нет предметов

с фасетированными площадками. Остальной материал представлен разнообразными обломками и осколками.

В целом, каменные изделия этого комплекса имеют достаточно развитый облик. Их можно сопоставить либо с начальным средним палеолитом, либо с концом раннего палеолита. Показательна долечная техника раскалывания камня, которая в данном случае не связана с особенностями сырья. К примеру, изготовленные из андезита каменные изделия мустье Юго-Осетии не имеют никаких элементов долечной техники. Здесь господствуют тонкие пластинчатые

сколы, часто типа леваллуа (Любин, 1977). Учитывая то обстоятельство, что в среднем палеолите (мустье) Крыма использование долечных форм не характерно, вполне резонно видеть в комплексе каменных изделий Эчки 1 финальный ранний палеолит. С таким заключением согласуется и наличие изделий из менее качественного сырья (песчаника), также не характерного для мустье.

Внимательное ознакомление с литературой по раннему палеолиту Крыма позволило бесспорно идентифицировать местонахождение Эчки 1 как один из пунктов «памятников с галечными орудиями», открытый крымскими археологами А. А. Щепинским и А. А. Ключиным в 1976 г. на Эчки-Даге (Щепинский, Ключин, 1992. С. 104–108). К сожалению, среди наших находок бесспорных «галечных орудий» нет. Можно полагать, что это местонахождение следует рассматривать как часть более основательного поселения палеолитического времени, расположенного выше по склону и, возможно, связанного со скальным убежищем с сохранившимся культурным слоем. На местонахождении необходимо проведение более углубленного обследования, особенно стыка террасы и подножья хребта Эчки-Даг для поиска участка концентрации и сохранившихся мест непо потревоженного залегания каменных изделий.

Местонахождение Коз. В июне 2014 г. А. Л. Чепалыгой при изучении террасовидной поверхности в глиняно-галечном карьере в центре села Солнечная Долина Судакского городского округа были собраны каменные предметы. Некоторые из них, по заключению Н. К. Анисюткина, можно рассматривать как изделия раннего палеолита (Чепалыга и др., 2015. Рис. 4, 9, 10).

В 2016 г. С. А. Кулаковым и Н. К. Анисюткиным было тщательно осмотрено место сборов этих артефактов. Оно было приурочено к изолированному останцу террасовидной поверхности непосредственно в центре села, который в настоящее время используется как местный глиняно-галечный карьер площадью около 500 кв. м (рис. 3, 1). Эти террасовидные отложения были изучены А. Л. Чепалыгой. Они были определены и описаны как 100-метровая VIII Манджилевская терраса позднего эоплейстоцена. Тринадцатиметровый разрез террасы состоит из переслаивающихся «песчано-гли-

нисто-алевритовых» и галечных слоев, которые свидетельствуют о том, что эти отложения формировались в «прибрежные фации мелководного бассейна с активной волно-прибойной зоной» морской лагуны (Чепалыга и др., 2015. С. 8–12).

Координаты разреза террасы, согласно данным А. Л. Чепалыги, «на левом берегу речки Коз в 1 км ниже ее выхода из гор и в 4 км от моря» составляют «N44°52'21.08" E35°6'24.44"» (Там же. С. 7).

Работы 2016 г. ознаменовались обнаружением артефакта *in situ* в нижнем слое галечника разреза. Согласно стратиграфии А. Л. Чепалыги, артефакт залегал в слое 4, на глубине более 10 м от дневной поверхности (рис. 3, 2). Каменное изделие следует рассматривать как чоппер или массивное скребло с вогнутым лезвием, обработанным систематической крупнофасеточной ретушью на одной из длинных сторон плоской продолговатой гальки зеленовато-серой мелкозернистой породы. Орудие было заметно окатано.

Известно, что Х. Мовиус, первый выделивший чопперы, называл их большими и грубыми скреблами, отличающимися от обычных скребел лишь размерами (Movius, 1957. Р. 149–156). Позднее Ф. Борд предложил называть чоппером лишь орудие из галек или желваков кремня, оставив за формами из отщепов определение скребло (Bordes, 1961. Р. 47). В нашем случае данное орудие, которое изготовлено из обломка гальки, следует отнести именно к чопперам.

Эта находка послужила толчком для самого тщательного обследования осыпей стен и отвалов карьера. В результате работ была собрана представительная коллекция каменных изделий – 18 экз. Все предметы, крупных размеров, изготовлены из местного галечного сырья, в основном изверженных пород разной структуры и цветности. Основную часть коллекции составляют орудийные формы – чопперы и чопперовидные изделия (8 экз.), выполненные на гальках или их обломках. Остальные изделия – это разбитые гальки и галечные сколы, включая один нуклеус и два отщепа с ретушью. Все артефакты оглажены и окатаны в разной степени.

Для общего представления о коллекции приведем краткие описания характерных форм орудий.

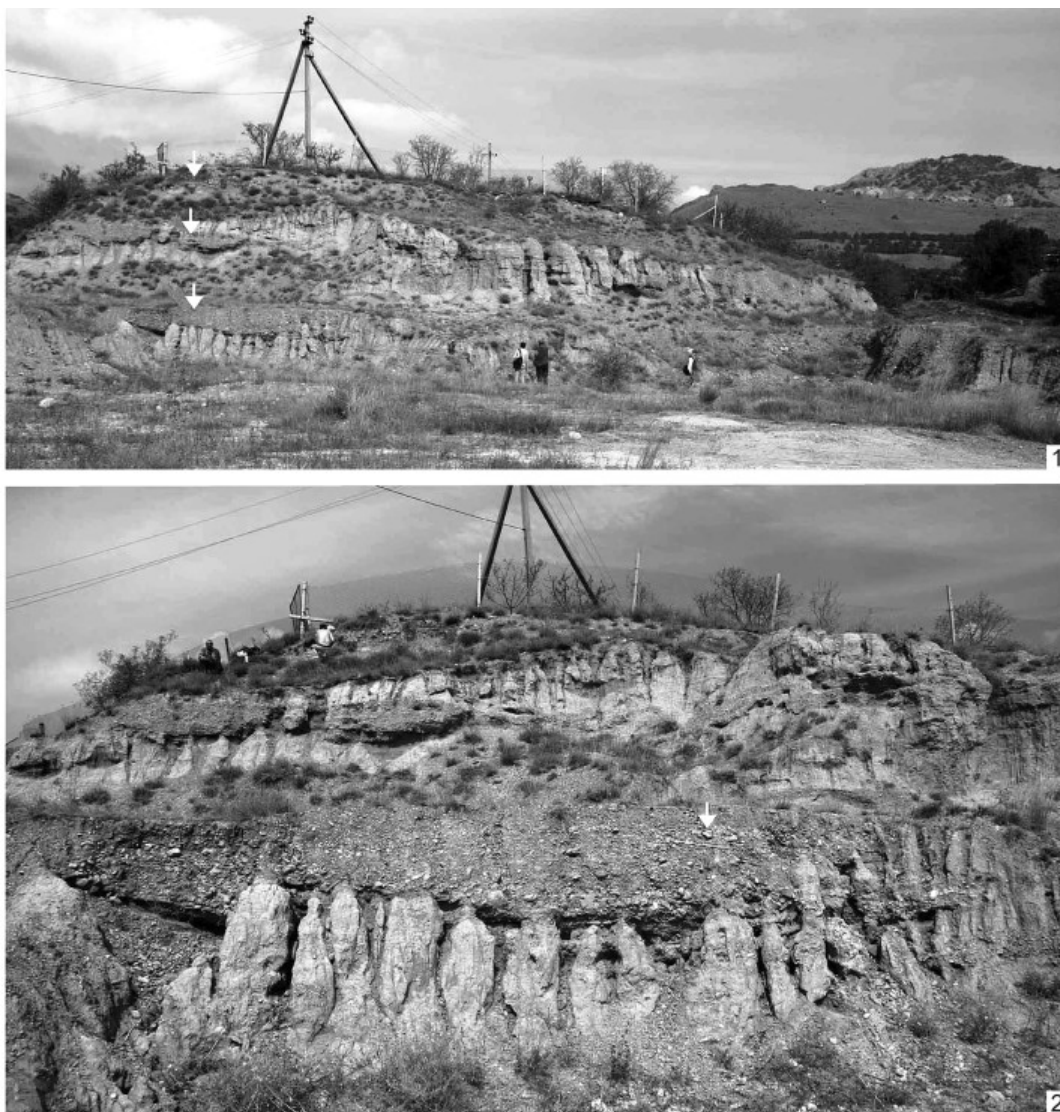

Рис. 3. Местонахождение Коз: 1 – карьер в центре села, вид с юго-запада (стрелками отмечены три горизонта галечника); 2 – артефакт *in situ* в нижнем уровне галечника (указано стрелкой), вид с юго-востока

Fig. 3. Site of Koz: 1 – quarry in the centre of the village, view from south-west (arrows mark the three horizons of sandstone); 2 – artefact *in situ* at the lower level of the pebble layer (marked with an arrow), view from south-east

Крупный концевой чоппер с одним распространённым и рельефным сколом, образующим выемчатый рабочий конец, изготовлен на гальке прочного кремнистого известняка. На противоположном конце заметна забитость, которую можно интерпретировать как элемент аккомодации (рис. 4, 4). Подобные формы чопперов с одним распространённым сколом весьма характерны для древнейшего раннего палеолита (преащеля) Северной Африки (Ramendo, 1963. P. 43–73). Французский ученый Анри де Люмлей назвал их первичными (*choppers primaires*) (Lumley *et al.*, 2009a. P. 38).

Концевой чоппер с частичной двусторонней обработкой рабочего края изготовлен на удлиненной гальке небольших размеров. Противоположный конец имеет следы забитости, которые указывают на возможное использование данного орудия также в качестве отбойника. Орудие можно описать как двусторонний чоппер или чоппинг (рис. 4, 1).

Частично двустороннее орудие на окатанной гальке кремнистого песчаника следует отнести к боковым чоппингам с бифасиальной обработкой. Для последнего характерно извилистое лезвие, что отличает чоппинг от двустороннего чоппера, на что

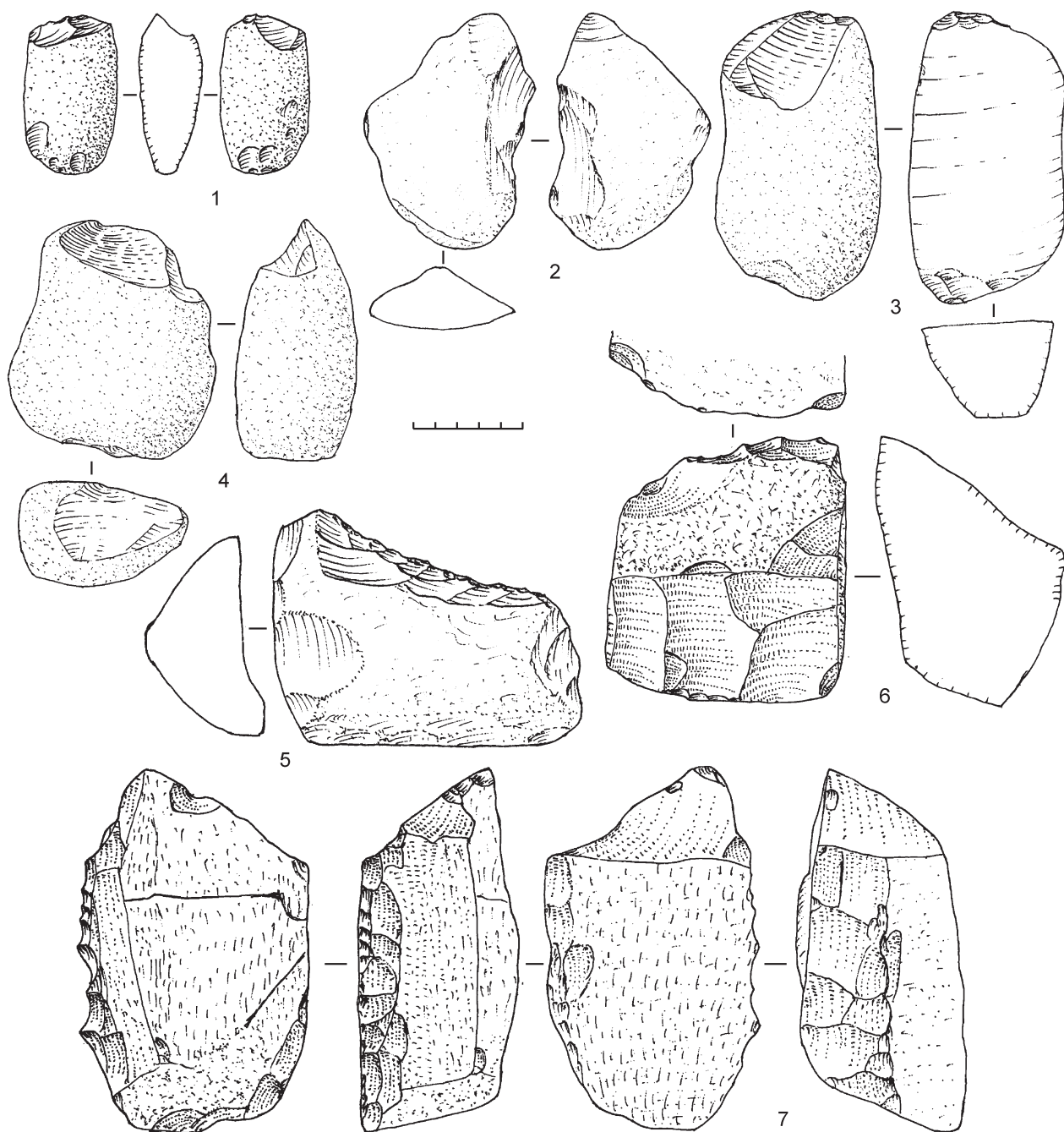

Рис. 4. Местонахождение Коз, артефакты: 1 – чоппинг; 2 – галечное орудие с двусторонней обработкой; 3 – удлиненный массивный скол с ретушью; 4, 5 – чопперы; 6 – чоппер на гальке с нуклеидными сколами; 7 – комбинированное орудие – пик и чоппер

Рисунки Н. К. Анисюткина

Fig. 4. Site of Koz, artefacts: 1 – chopping; 2 – pebble tool with bifacial treatment; 3 – elongated massive spall with retouch; 4, 5 – choppers; 6 – chopper on a pebble with core-shaped scars; 7 – combined tool – pick and chopper

Drawings by N. K. Anisyutkin

специально обращали особое внимание западные исследователи (*Bordes*, 1961. Р. 48). В нашем случае это орудие можно рассматривать также в качестве переходной формы к бифасам (рис. 4, 2).

Крупный и массивный в поперечном сечении первичный отщеп удлиненной формы с ударной площадкой, удаленной обработкой. На обоих концах имеется ретушь, в одном случае достаточно распространенная. Эту ретушь можно, в основном, воспринимать как следы утилизации. Один из обработанных концов сильно окатан (рис. 4, 3).

Чоппер на окатанной гальке с выемчатым рабочим краем. Найден непосредственно в слое галечника (рис. 4, 5).

Односторонний чоппер изготовлен на окатанном желваке крупных размеров. Выпуклый рабочий край выделен несколькими сколами, образующими зубчатое лезвие. На противоположном крае есть четыре параллельно идущих нуклевидных снятия крупных размеров, имеющих, вероятно, аккомодационное значение (рис. 4, 6).

Крупное орудие на частично окатанном обломке изверженной породы имеет удлиненную подтреугольную форму с интенсивно обработанным однорядной и зубчатой ретушью продольным краем. На противоположной стороне присутствует участок, оббитый встречной контрударной и отвесной ретушью, предназначенной для выделения обушка. Острый конец дополнительно выделен вентральным сколом, утончающим массивность острого конца. В данном случае орудие можно рассматривать в качестве специфического, где острие сочетается с протяженным зубчатым лезвием, что позволяет отнести его как к чопперам, так и пикам (рис. 4, 7).

Интерес представляет крупный многоплощадочный нуклеус, с которого при помощи ортогонального способа была снята серия широких отщепов. Подобные нуклеусы у нас назывались кубовидными (*Замятнин*, 1961).

Коллекция этого местонахождения имеет весьма архаичный облик и вполне может соответствовать древнейшему раннему палеолиту. Этому выводу соответствуют крупные галечные формы и характер их обработки. Возможно, преобладание крупных форм связано с особенностями сырья, из которого изготовлены каменные орудия. Как правило, в кол-

лекциях памятников с хорошо или удовлетворительно сохранившимися слоями обычно многочисленны отщепы мелких размеров. В нашем случае такие отщепы, по причине их окатанности, плохо диагностируются, а поэтому случайны в коллекции. Можно указать на находку в 2015 г. единственного очень выразительного мелкого кремневого отщепа со слабой ретушью края. Как известно, в этом районе выходов кремня нет. Они находятся на расстоянии около 20–25 км от местонахождения. В этом случае очевидно, что кремь был принесен на стоянку древнейшими людьми.

Таким образом, разведывательные работы 2016 г. полностью подтвердили обнаружение в 2014–2015 гг. А. Л. Чепалыгой нового палеолитического местонахождения на южном берегу Крыма, которое получило название «Коз». Большая часть собранных здесь каменных изделий имеет явный раннепалеолитический облик. Обнаружение же С. А. Кулаковым чоппера непосредственно в галечнике эоплейстоценовой террасы, которая датируется возрастом до 1 млн лет назад (*Чепалыга*, 2015. С. 28–42; *Чепалыга и др.*, 2015. С. 5–22), может служить доказательством глубокой древности местонахождения. Находки на местонахождении Коз архаичных каменных орудий, включая чопперы, в определенной мере являются подтверждением ранее высказанного предположения украинского археолога С. М. Жука о принадлежности найденных им в районе Ялты весьма примитивных каменных орудий к эоплейстоценовому или раннеплейстоценовому времени. Они, как и артефакты с местонахождения Коз, так же связаны с поверхностью высокой 100-метровой морской террасы (*Жук*, 1994. С. 102–111; *Zuk*, 1995. Р. 47–58).

Заключение. Археологические исследования подтвердили наличие артефактов раннего палеолита на высоких террасах Южного Крыма. Исследования местонахождения Эчки 1 показали, что артефакты с поверхности террасы не являются очень древними. По совокупности технико-морфологических показателей этот комплекс не древнее каменных индустрий развитого или даже позднего ашеля.

Напротив, находки из галечников 100-метровой террасы местонахождения Коз, которые являются поверхностями древних пляжей, имеют архаичный

облик и вполне могут быть сопоставимы с самым ранним этапом нижнего палеолита. Не исключено, что основная их часть, обнаруженная на местонахождении Коз, может соответствовать комплексам типа Mode 1. Таким образом, стала очевидной необходимость проведения раскопок на местонахождении Коз для выявления находок непосредственно из древних отложений.⁴

При отсутствии пока необходимых данных, в частности палеомагнитных, укажем на проведенные в Южной Франции исследования, согласно которым все древние пляжные уровни побережья Средиземного моря высотой от 85 до 110 м соответствуют раннему плейстоцену или второй половине палеомагнитной эпохи Матуяма. В частности, уровень палеоберега высотой 85 м, выяв-

ленного в районе Ниццы, залегал ниже инверсии 780 000 лет. Грот же Валлоне с артефактами позднего олдована возрастом около 1 млн лет расположен на высоте 110 м (*Lumley et al.*, 2009b. P.19–29). Эти данные косвенно могут быть использованы для доказательства аналогичного возраста артефактов из местонахождения Коз. Известно, что соотношение высоты и возраста террас является характерным для всей Средиземноморской области, включая Черное море (*Марков, Величко*, 1967. С. 387). Сейчас можно утверждать, что более 1 млн лет тому назад на территории Крыма появились первые предки ископаемого человека типа *Homo erectus*, проникшие из Африки в результате одной из волн расселения древнейшего человечества (*Деревянко*, 2015).

⁴ Раскопки, проведенные в 2017 г. на местонахождении Коз, полностью подтвердили наши выводы.

Жук, 1994 – *Жук С. М.* Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты. Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994.

Замятнин, 1961 – *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.

Любин, 1977 – *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

Марков, Величко, 1967 – *Марков К. К., Величко А. А.* Четвертичный период (ледниковый период – антропогенный период). М., 1967. Т. III: Материки и океаны.

Чепалыга, 2015 – *Чепалыга А. Л.* Новая концепция черноморских террас юго-восточного Крыма // БКИЧП. М., 2015. № 74.

Чепалыга и др., 2015 – *Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А.* Первые многослойные стоянки олдованской культуры в Крыму: геология, археология, палеоэкология // БКИЧП. М., 2015. № 74.

Щепинский, Клюкин, 1992 – *Щепинский А. А., Клюкин А. А.* Раннепалеолитическая «галечная культура» Крыма // КСИА. М., 1992. Вып. 206.

Bordes, 1961 – *Bordes F.* Typologie du Paleolithique ancien et moyen // Publications de L'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux. Mem. I. Bordeaux, 1961.

Lumley et al., 2009a – *Lumley H. de, Barsky D., Cauche D.* Les premieres etapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivee de l'Homme sur les rives de la Mediterranee // L'Anthropologie. Paris, 2009. Vol. 113.

Lumley et al., 2009b – *Lumley H. de, Khatib S., Saos T.* Evolution des rivages quaternaires sur le littoral mediterraneen de la region nicoise a la region Lanquedoc-Roussillon, depuis 1 500 000 ans // Archeologie des rivages mediterraneens: 50 ans de recherche. Actes du colloque d'Arles 28–29 octobre 2009. Editions errance l'Ministere de la Culture et de la Communication.

Movius, 1957 – *Movius H. L.* Pebble-tool Terminology in India and Pakistan // Man in India. 1957. 37 (2).

Ramendo, 1963 – *Ramendo L.* Les galets amenes de Regan (Sahara). Lybica, 1963. T. 11.

Zuk, 1995 – *Zuk S.* About the Early Palaeolithic of the Crimea // Préhistoire Européene. Liège, 1995. No. 7.

Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016

N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga

This paper presents the results of preliminary field investigations of 2016 in the locations of Koz and Echki. These sites are situated on high sea terraces of the Southern Coast of Crimea. The first finds of stone artefacts in the layers of pebbles on sea terraces of the Black Sea littoral were made in 2014–2015 by the palaeogeographer A. L. Tchepalyga. These artefacts were discovered during the selection of geological samples and were previously determined as Palaeolithic artefacts. Later they were attributed by N. K. Anisyutkin as artefacts of the Early and, possibly, Middle Palaeolithic. In 2016, the field research was supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research under the leadership of A. L. Tchepalyga. The archaeological research was directed by a well-known expert of the Palaeolithic of Caucasus S. A. Kulakov. N. K. Anisyutkin participated in these investigations as a scientific adviser.

The main studies were conducted at locations with relatively large amounts of the materials – Echki 1 and Koz. These locations are located close to each other on a 100-metre high sea terrace.

Echki 1. Several dozen of stone artefacts were found on the modern surface of the sea terrace. These artefacts are made mainly of andesite. There are also four tools in the collection, including two typical andesite side-scrapers. The technological and morphological analysis of the finds showed that the complex should be attributed to the Middle, or even Late, Acheulian.

Koz. The site of Koz is located in the centre of the village of Solnechnoye, in a pebble quarry in the valley

of the Sudak city district. At this location, Palaeolithic objects of archaic type were discovered. According to our research, these artefacts come from ancient beaches of the Black Sea coast. The artefacts, including pebble forms, were made from rolled pebbles predominantly of a volcanic rock. Choppers and choppings predominate among the tools, there are also some cores and retouched flakes. One of the choppers was found immediately (in situ) in the gravel. This complex of stone tools is analogous to industries of Mode 1 type. It is widely accepted that all the high terraces (including the 100 metre high ones) belong to the Early Pleistocene, corresponding to the palaeomagnetic age of Matuyama. The conclusion of Tchepalyga that 100 metre high terraces are dated to the Early Pleistocene is confirmed by studies in France conducted on the Mediterranean coast in the Nice region (*Lumley et al.*, 2009b. P. 19–29). According to these studies (*Lumley et al.*, 2009b), all the ancient beaches above 85 metres high are aged more than 800 thousand years, corresponding to the Early Pleistocene. It is now firmly established that the ratio of height and age of the terraces is characteristic of the entire Mediterranean, including the Black Sea littoral.

At the locations of Koz and Echki, a group directed by A. L. Tchepalyga conducted interdisciplinary researches including palaeomagnetic studies. In 2017, at the site of Koz archaeological excavations were carried out, which confirmed all the conclusions of this article. The results of these studies will be published later. Artefacts, including a variety of choppers, were found immediately in pebbled sediments (*in situ*).

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПАЛЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ¹

А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин²

Аннотация. Исследование стоянки и могильника Голубая Криница на южной границе лесостепного Подонья в 2014–2015 гг. позволило получить коллекцию орудий труда и заготовок позднего палеолита, а также материалы энеолитических погребений. Позднепалеолитическая индустрия не содержит надежных диагностических типов находок, материалы залежали в отложениях, сформировавшихся 20–18 тыс. л. н. Захоронения относятся к хвалынско-среднепалеолитической культурно-исторической общности эпохи энеолита.

Annotation. Research site and cemetery Blue Krynica on the southern border of forest-steppe Don region in 2014–2015 allowed us to obtain a collection of tools and workpieces Upper Paleolithic, as well as materials Eneolithic burials. Paleolithic industry does not contain any type of reliable diagnostic findings, materials deposited in sediments that were formed 20–18 thousand years BP. Burials are khvalynsko-srednestogovskoi cultural-historical community Eneolithic.

Ключевые слова: палеолит, неолит, энеолит, стоянка, могильник, среднепалеолитическая культура, донецкая культура.

Keywords: Palaeolithic, Neolithic, Chalcolithic, site, burial, Srednestogovskaya culture, Donetskaya culture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-42-49

Находки каменного и медно-каменного века на территории лесостепного Подонья – большая редкость. С учетом немногочисленности имеющихся данных открытие и исследование каждого нового пункта часто является поводом к пересмотру существующих концепций развития эпох в рамках рассматриваемой территории. Попытки обобщения материалов палеолита и энеолита здесь и ранее неоднократно предпринимались авторами (Федюнин, 2005; 2006; 2008; 2010; Скоробогатов, 2011).

Стоянка и могильник Голубая Криница находится в Россошанском районе Воронежской области, на правобережной террасе р. Черная Калитва, в ее приустьевой части (рис. 1 А). С севера и запада терраса обрывается в пойму реки, с востока – плавно поднимается к коренному высокому правому берегу Черной Калитвы, к югу – переходит в балку

сухая Криница. Высота над уровнем поймы составляет 12–15 м. Исследования, проводившиеся ранее в бассейне Черной Калитвы, позволили обнаружить здесь свыше десятка памятников позднего палеолита, два из которых – стоянки Самогоевка и Назаровка были раскопаны широкими площадями (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012; Федюнин, 2008; 2010).

Памятник был выявлен в 2013 г. И. В. Федюниным, исследовался авторами статьи в 2014–2015 гг. (Федюнин, 2015; Скоробогатов, 2016). На площади стоянки в эпоху бронзы был сооружен курган, раскопанный в 2012 г. В. Д. Березуцким (Березуцкий, 2013). В ходе раскопок стоянки в 2014 г. выяснилось, что помимо изделий палеолитического облика в культурном слое содержалась керамика. Неожиданностью стало обнаружение в раскопе 1 (площадь 40 кв. м) одного погребения, а в раскопе 2 (площадь 22 кв. м) – двух грунтовых погребений. В 2015 г. был расширен раскоп 2: к его северному борту шириной 5 м был прирезан участок шириной 5 м, длиной 15 м (при ориентировке длинной оси по линии север–юг). В итоге общая вскрытая площадь на памятнике составила 137 кв. м (без учета исследований кургана).

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-78-20048 «Этнокультурная история лесостепного Подонья в эпоху голоцена».

² Скоробогатов А. М. – Россия, 394071, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 24. ООО «Терра» (Воронеж). E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru.

Федюнин И. В. – Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет. ООО «Терра». E-mail: feduniniv@mail.ru.

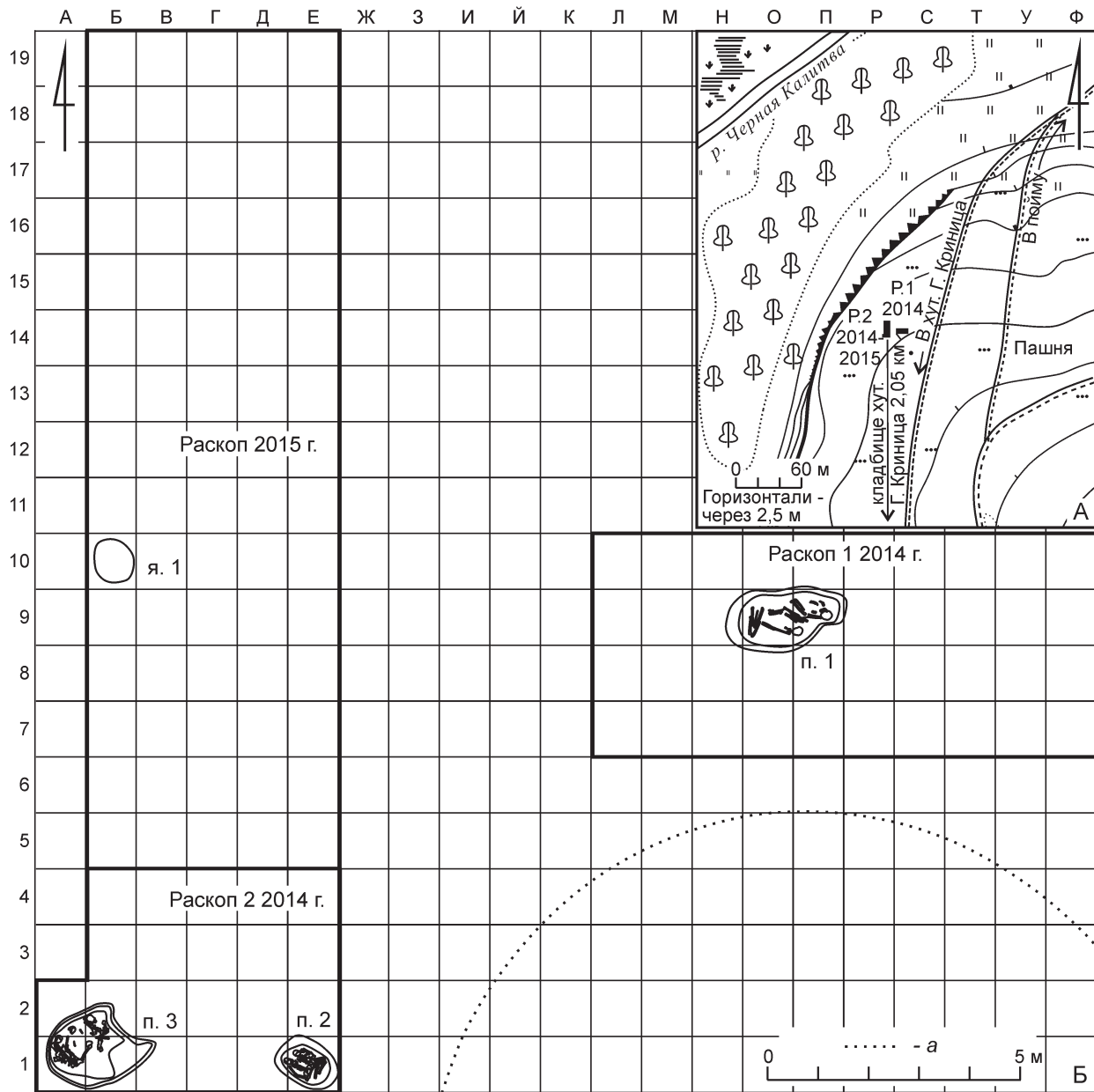

Рис. 1. Стоянка и могильник Голубая Криница

А – топографический план памятника; Б – схема соотношения раскопов разных лет (а – граница курганной насыпи, раскопки В. Д. Березуцкого 2012 г.)

Fig. 1. Site and cemetery of Golubaya Krinitsa

А – topographic plan of the site; Б – scheme of the interpositions of excavations of different years (а – border of the kurgan hill, excavation of V. D. Berezutskiy, 2012)

Небольшая коллекция керамики (12 единиц), собранная с площади раскопов, делится на две группы: первая относится к эпохе средней–поздней бронзы, вторая, более ранняя (Скоробогатов, в печати), не находит аналогий в неолитических материалах лесостепи Среднего Дона (среднедонская неолитическая культура). Такие признаки, как

органическая примесь в тесте, толстостенность, оттиски панциря улитки, позволяют сопоставить ее с керамикой донецкой культуры стоянки Новоселовка из бассейна Северского Донца (Гурин, 1998. С. 46–47; Котова, 2002. С. 237; 2015. С. 53).

Материалы палеолита. В июле 2014 г. памятник начал изучаться двумя раскопами общей площадью

60 кв. м. Раскопы (40 кв. м и 22 кв. м) были поставлены в непосредственной близости от кургана № 9 (раскопки В. Д. Березуцкого), к востоку и к северу от него (рис. 1 Б).

Литолого-стратиграфические условия залегания материалов имеют свои особенности, не характерные для других памятников Донской лесостепи. По результатам наблюдений д. г. н. Ю. Г. Чендева,³ поверхность цокольной террасы р. Черная Калитва здесь сложена маломощным (до 70 см) слоем гумусированного мелкозема с примесью обломков мергелистого известняка. Материалы, относящиеся к позднему палеолиту, располагались в слое темного пылеватого бесструктурного мелкозема, визуально почти однородного по всей толще, подстилалась бронирующим слоем из плиток известняка (материк).

Культурный слой памятника слабо насыщен находками, нарушен перекопами ям погребений энеолита. Судя по позиции ряда находок, первоначальное стратиграфическое положение культурного слоя, видимо, было приурочено к уровню 5–10 см над материком при общей мощности толщи мелкозема до 0,5 м. Концентрация находок увеличивалась в северном направлении, к краю мыса, граничащего с поймой Черной Калитвы.

Полученная коллекция каменных изделий немногочисленна (323 находки, 37 орудий – 11 %). Находки из раскопов и сборы с поверхности памятника имеют общий технико-типологический контекст, поэтому их целесообразно рассматривать вместе. Предметы изготовлены из мелового кремня, покрыты сплошной или локальной голубой или белой «фарфоровой» патиной, в единичных случаях – из качественного мелкозернистого кварцита или галечного кремня местного происхождения. Источник кремневого сырья расположен неподалеку: в меловых обнажениях балки Лозовая встречались небольшие желваки диаметром до 7 см. Однако внешние признаки каменной индустрии не исключают и импортного характера сырья, которое могло доставляться из бассейнов Оскола или Северского Донца. Единичные кремневые находки неолита–энеолита без патины.

³ Авторы выражают глубокую признательность д. г. н., профессору кафедры природопользования и земельного кадастра БелГУ Ю. Г. Чендеву за проведенные естественно-научные исследования памятника.

Судя по имеющимся материалам, прежде всего по несоответствию дебитажу, в том числе технологических сколов, облику законченных орудий, раскалывание камня производилось за пределами вскрытого раскопами участка. Встречены кварцевый и кремневый пренуклеусы со сплошной двусторонней обработкой плоскими сколами, образующими продольные ребра, а также площадками скалывания (рис. 2, 1, 21), обломок кварцевого призматического нуклеуса, сломанный в ходе расщепления, видимо, по причине инородных включений (рис. 2, 18), пластины шириной до 0,8 см (рис. 2, 9, 11). Площадки сколов свидетельствуют об их получении в ударной технике путем применения мягкого и жесткого отбойников.

В коллекции орудий преобладают резцы – в основном, на сломанных заготовках (рис. 2, 20, 22), в меньшей степени боковые (рис. 2, 12, 15) и симметричные двугранные (рис. 2, 10). Одно орудие имеет подтеску брюшка в районе нанесения скола (рис. 2, 12), два других изготовлены из крупных первичных отщепов. В ряде случаев встречаются укороченные концевые скребки – как высокие в профиле, с крутой ретушью (рис. 2, 2, 3), так и ногтевидные (рис. 2, 4, 17) и комбинированные орудия в сочетании «резец-скребок» (рис. 2, 15, 17).

Острия фрагментированные, симметричные и асимметричные, изготовлены на пластинах шириной 1,2–1,5 см путем сплошного крутого краевого ретуширования (рис. 2, 6, 7) либо обработки острия (рис. 2, 8), и микропластине с противоположной мелкой ретушью края и асимметричного кончика (рис. 2, 16). Выделяются дистальный фрагмент широкой пластины с мелкой ретушью края (рис. 2, 13) и обломок изделия с отвесной ретушью края (рис. 2, 5). Остальные орудия представлены морфологически невыдержанными типами отщепов с различной локализацией ретуши и единичной находкой пластины с пологой приостряющей ретушью проксимальной части, снявшей утолщение ударного бугорка (рис. 2, 14).

Выявленный комплекс находок немногочислен для надежных культурно-хронологических построений. По мнению Ю. Г. Чендева, точная датировка рыхлого слоя над известняком затруднительна, однако исследования почв на северном крыле террасы – в 350–400 м с северо-востоку от места

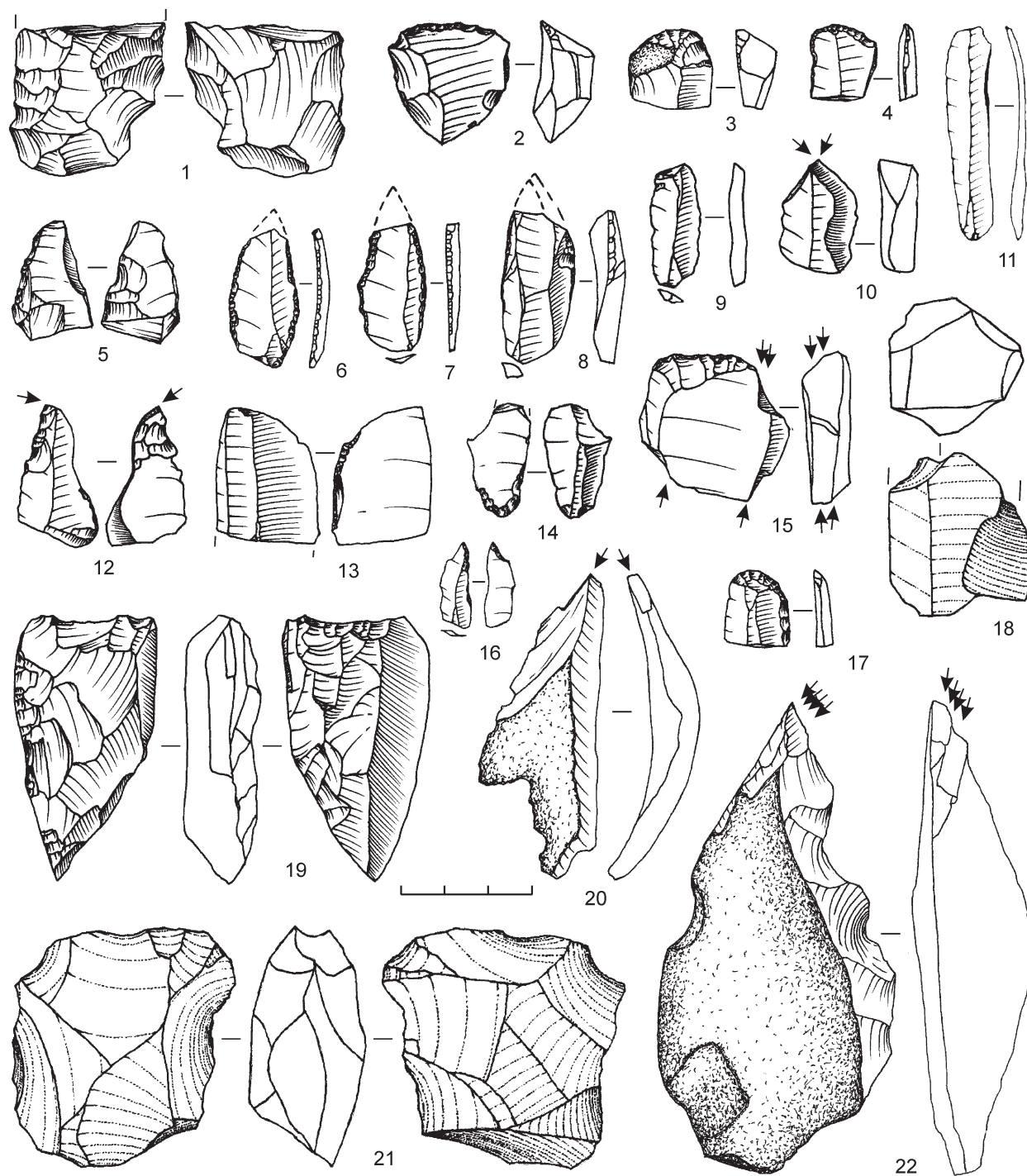

Рис. 2. Стоянка и могильник Голубая Криница. Каменный инвентарь верхнего палеолита
6, 9 – кварцит, остальное – кремнь

Fig. 2. Site and cemetery of Golubaya Krinitsa. Lithics from the Upper Palaeolithic
6, 9 – quartzite, the rest – flint

исследования показали наличие на поверхности известняка относительно мощного (до 1,5–1,7 м) наноса лессовидного суглинка, верхняя часть которого преобразовалась в голоцене в мощные профили чернозема типичного, а нижняя часть – на уровне материнской породы сохраняет исходные признаки породы – палевый цвет, повышенную карбонатность и пористость. Исследователь предполагает, что образование чехла мелкозема, перекрывшего известняк, могло быть связано с выпадением лессовой пыли в период максимальной стадии валдайского оледенения (предположительно в интервале времени от 20 до 18 тысяч лет назад). Материалы Голубой Криницы имеют аналогии в коллекциях стоянок Самогоевка, Назаровка (нижний слой), других, более отдаленных пунктов, однако они являются слишком широкими для установления хронологии и культурной принадлежности памятника.

Материалы неолитического могильника.

В раскопах 2014 г. выявлено три погребения.

Погребение № 1. Парное. Выявлено в квадратах О-9 – П-9 раскопа 1 (рис. 1 Б; 3, 1–2). Пятно могильной ямы читалось только на уровне материка. Заполнение всех ям погребений – темно-серый мелкозем, не отличающийся от состава культурного слоя памятника. На уровне пола прослежены фрагменты измельченного мела, однако установить, появился ли он в результате преднамеренной засыпки дна могилы или возник в результате рытья котлована ямы, не представляется возможным.

Могильная яма размерами 2,5 × 1,25 м, глубиной до 0,25 м, ориентирована длинной стороной по линии запад–восток, овальной формы с выступом в восточной части (рис. 3, 1). Стенки ямы полого опускаются к ровному полу. На дне ямы располагались два костяка, ориентированные головами на восток с небольшим отклонением к югу–юго-востоку, у южной стенки – № I и у северной – № II. Сохранность костных останков неудовлетворительная; устанавливается, что погребенный № I залегал в позе скорченно на спине с сильно подогнутыми ногами, которые завалились влево, руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута в локте; погребенный № II находился в позе скорченно на спине, ноги сильно поджаты к тазу с завалом влево, перекрывая правую руку костяка № I.

Левая рука вытянута вдоль туловища, правая не сохранилась. Череп развернут на левую сторону (рис. 3, 1). Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 2. Парное. Расположено в квадрате Е-1 раскопа 2 в материке (рис. 1 Б; 3, 3–4). Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,6 × 1,2 м, ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Стенки ямы полого опускаются к ровному материкову, максимальная глубина до 0,55 м. На дне ямы находились двое погребенных: у северо-восточной стенки – № I, у юго-западной – № II, в позе скорченно на спине головами на северо-запад. Ноги сильно поджаты к тазу с завалом влево, черепа развернуты вправо. У костяка № I левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть не сохранилась, но, скорее всего, находилась в районе тазовых костей. У костяка № II руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, левая – перекрыта правой рукой костяка № I (рис. 3, 3). Между костяками, в районе тазовых костей (возможно, возле кисти левой руки костяка № II), располагалось изделие из коричневатого полупрозрачного кремня: нож на крупной пластине длиной 7,3 см, с обработкой лезвия и дистальной части пологой приостряющей ретушью, и части брюшка – крутой притупливающей ретушью (рис. 3, 7).

Погребение № 3. Коллективное. Выявлено в квадратах А-Б-В – 1–2 раскопа 2 в материке. Размеры ямы 2,8 × 1,6 м, максимальной глубиной до 0,45 м, форма овальная, северо-восточная часть ямы с «выемкой» (рис. 1 Б; 3, 5–6). Стенки ямы полого опускаются к ровному материковому полу, в восточной части ямы находится «ступенька», однако она могла возникнуть в результате жизнедеятельности землеройных животных. На дне ямы находились сильно разрушенные останки трех погребенных, ориентированных черепами на северо-запад. Судя по размеру могильной ямы, можно предположить, что в момент совершения погребений они находились в позе скорченно на спине. Между костяками № II и III выявлено изделие из кремня (рис. 3, 5). Оно представляет собой симметричное острие, изготовленное из крупной пластины длиной 8,5 см, обработанной крутой крупнофасеточной, местами – отвесной, ретушью (рис. 3, 8). Находки данного типа распространены

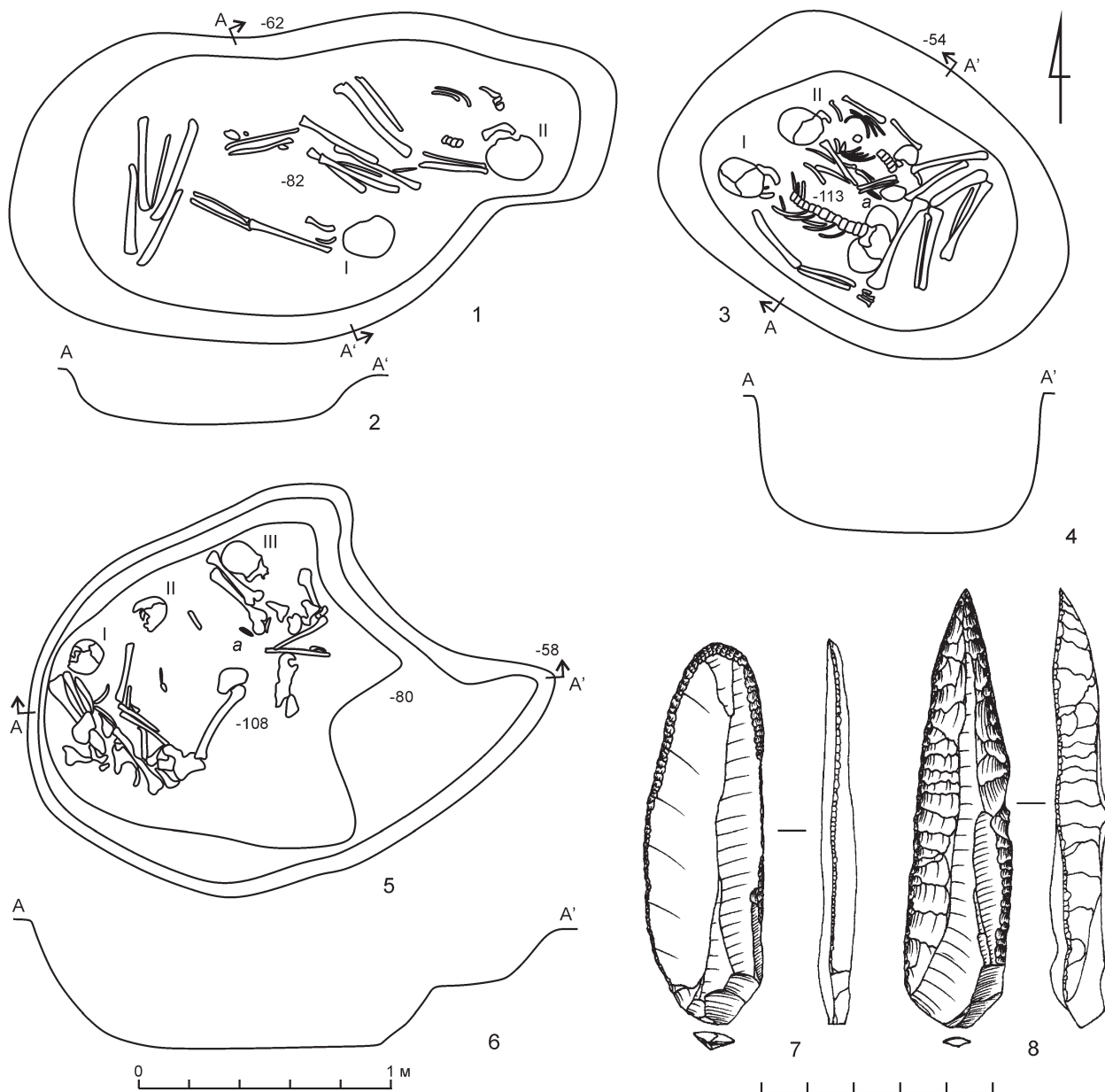

Рис. 3. Стоянка и могильник Голубая Криница. Материалы погребений: 1, 2 – погребение № 1; 3, 4, 7 – погребение № 2 (а – нож); 5, 6, 8 – погребение № 3 (а – острие). 7, 8 – кремь

Fig. 3. Site and cemetery of Golubaya Krinitsa. Finds from burials: 1, 2 – burial no. 1; 3, 4, 7 – burial no. 2 (a – knife); 5, 6, 8 – burial no. 3 (a – point). 7, 8 – flint

на стоянках позднего неолита – энеолита в лесостепном Подонье, интерпретируются как комбинированные орудия колюще-режущего назначения (острие-нож).

Погребение № 1 отличается от погребений № 2 и 3 локализацией в общем плане памятника, восточной ориентировкой погребенных, незначительной глубиной могильной ямы, отсутствием инвентаря. Не исключено, что разница в погребальном

обряде отражает и хронологический разрыв между погребением № 1, с одной стороны, и погребениями № 2–3 – с другой. Ближайшие аналогии погребениям № 2 и 3 находятся в Донском левобережье среди скорченных на спине погребений грунтового могильника Дрониха, отнесенных А. Т. Синюком к среднестоговской культуре (Синюк, 1984). Сходство проявляется в северо-западной ориентировке, присутствии парных

погребений, сильной скорченности нижних конечностей, завале ног влево. В парном погребении № 19 могильника Дрониha под черепом одного из костяков находился нож на кремневой пластине, однако его принадлежность к погребению для автора раскопок осталась вопросом. Парные скорченные погребения грунтового могильника Дрониha (№ 18–19) были окрашены красной охрой (Там же. С. 108–109).

Наличие орудий на крупных пластинах в погребениях № 2–3, скорченная на спине поза погребенных позволяют соотнести их с эпохой энеолита (время хвалынско-среднепалеолитической КИО, по терминологии И. Б. Васильева и А. Т. Синюка). Подобные погребальные комплексы (скорченная на спине поза погребенных, наличие орудий на крупных кремневых пластинах) широко распространены на степных просторах Восточной Европы, однако для них характерны, как правило, ориентировка в восточном направлении (с отклонениями на северо-восток, юго-восток) и наличие охры (Кияшко, 1994; Телегин и др., 2001; Нечитайло, 2004; Котова, 2006; Корневский, 2012). Скорченные погребения на спине с северо-западной ориентировкой и наличием крупной кремневой пластины, судя по анализу доступных нам публикаций, встречены лишь в погребении № 8 Игреньского

грунтового могильника в Днепровском Надпорожье (Телегин, Филенко, 1982. С. 83–84) и курганном могильнике Койсуг II, курган № 5, погребение № 33, в левобережье Нижнего Подонья (Котова, 2006. С. 229).

В вопросах хронологии подобные погребальные степные комплексы соотносят с периодами конца Триполья А–ВІ, что соответствует первой половине IV тыс. до н. э. по некалиброванной хронологии (Нечитайло, 2004).

Важно, что в культурном слое памятника нет керамики среднестоговской культуры. Пока что единственным ближайшим поселенческим памятником с такой керамикой является «Пункт 1 у с. Новая Мельница» (в 3 км на северо-восток от публикуемых погребений), выявленный в ходе разведки Н. С. Котовой в 1985 г. (Скоробогатов, Смольяников, 2013. С. 113). В данном случае следует обратиться к точке зрения Н. С. Котовой, которая отмечает, что «в настоящее время на территории степи и лесостепи Восточной Европы отсутствуют достоверные данные о размещении могильников на площади поселений в момент их обитания» (Котова, 2004). Вопрос о культурно-хронологической принадлежности погребения № 1 остается открытым, можно лишь условно его соотнести с эпохой энеолита.

Березуцкий, 2013 – Березуцкий В. Д. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. М., 2013.

Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012 – Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Позднепалеолитическая стоянка Самоетовка в бассейне Черной Калитвы (предварительное сообщение) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2012.

Гурин, 1998 – Гурин Ю. Г. Памятники раннего энеолита бассейна Северского Донца. Луганск, 1998.

Кияшко, 1994 – Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.

Корневский, 2012 – Корневский С. Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М., 2012.

Котова, 2002 – Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.

Котова, 2004 – Котова Н. С. Бассейн Северского Донца в эпоху энеолита // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2004. Вып. 3.

Котова, 2006 – Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.

Котова, 2015 – Котова Н. С. Древнейшая керамика Украины. Киев, 2015.

Нечитайло, 2004 – Нечитайло А. Л. Нижнедонские энеолитические комплексы в системе европейской степной общности // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2004. Вып. 2.

Синюк, 1984 – Синюк А. Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (по материалам Дона) // СА. 1984. № 3.

Скоробогатов, 2011 – *Скоробогатов А. М.* Энеолитические памятники Донской Лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

Скоробогатов, 2016 – *Скоробогатов А. М.* Отчет о раскопках стоянки и могильника Голубая Криница в Россошанском районе Воронежской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. М., 2016.

Скоробогатов, в печати – *Скоробогатов А. М.* Керамика днепро-донецкого облика на Среднем Дону (в печати).

Скоробогатов, Смольянинов, 2013 – *Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В.* Среднепалеолитические материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона // РА. 2013. № 2.

Телегин и др., 2001 – *Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднепалеолитическая и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. Луганск, 2001.

Телегин, Филенко, 1982 – *Телегин Д. Я., Филенко О. С.* Могильник среднепалеолитической культуры в Днепровском Надпорожье // СА. 1982. № 1.

Федюнин, 2005 – *Федюнин И. В.* Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.

Федюнин, 2006 – *Федюнин И. В.* Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.

Федюнин, 2008 – *Федюнин И. В.* Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. 2008. № 4.

Федюнин, 2010 – *Федюнин И. В.* Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

Федюнин, 2015 – *Федюнин И. В.* Отчет о раскопках стоянки и могильника Голубая Криница в Россошанском районе Воронежской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. М., 2015.

New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region

A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin

Excavations at the site and cemetery of Golubaya (Blue) Krinitsa allowed archaeologists to obtain in 2014–2015 materials from late Palaeolithic sites and burials of the Eneolithic Age. In Yu. G. Chendev's opinion, the formation of the layer of fine earth with finds of the Palaeolithic period that covered the virgin limestone, could be associated with the loss of loess dust during the maximum stage of the Valdai glaciation (presumably within the time span from 20 to 18 thousand years ago). The materials of Golubaya Krinitsa have analogies in the collections of the sites of Samotoyevka, Nazarivka (the lower layer) and other, remoter points, however they are too

broadly dated to establish the chronology and cultural affiliation of the site. The presence of tools on large plates in burials nos. 2–3 and the pose of the interred make it possible to correlate them with the Eneolithic era (the time of the Khvalynsk-Srednestogovskaya cultural-historical unity in the terminology of I. B. Vasilyev and A. T. Sinyuk). Steppe burial complexes of this type correspond with the final periods of Tripolye A-BI which is dated to the first half of the 4th millennium BC according to the non-calibrated radiocarbon chronology. The question of the cultural and chronological affiliation of burial no. 1 remains open.

СОБАКА В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

С. Н. Разумов¹

Аннотация. Статья посвящена анализу сопровождающих погребений собак, исследованных в курганах энеолита и бронзового века на территории Северо-Западного Причерноморья. В результате сделаны выводы, что захоронения собак являлись важной частью погребально-поминальной обрядности конкретной группы населения, обитавшей на полосе Черноморского побережья между левобережьем Нижнего Дуная и левобережьем Нижнего Днестра. Данные комплексы относятся к младшей ступени усатовской культуры раннего бронзового века и датируются рубежом IV–III тыс. до н. э. Семантика захоронений собак может быть связана с представлениями о них как о стражах прохода в загробный мир.

Annotation. This paper is devoted to analysis of the accompanying burials of dogs excavated in kurgans of the Eneolithic and Bronze Age in the North-Western Black Sea region. The analysis resulted in the conclusions that the burials of dogs were an important part of funerary rituals among a particular group of population occupying the belt of the Black Sea coast between the left banks of the Lower Danube and the left banks of the Lower Dniester. These funerary complexes belong to the younger stage of the Usatovo culture of the Early Bronze Age dated to the turn between the 4th and 3rd millennia BC. The semantics of the dog burials may have been connected with notions of dogs as creatures guarding the passage to the other world.

Ключевые слова: энеолит, ранний бронзовый век, Северо-Западное Причерноморье, курганы, погребальный обряд, собаки, жертвоприношения, усатовская культура, ямная культурно-историческая общность.

Keywords: Eneolithic, Early Bronze Age, North-Western Black Sea region, kurgans, burial rite, dogs, sacrifices, Usatovo culture, Pit Grave Cultural and Historical Unity.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-50-67

С древнейших времен образу собаки отводилось важное место в идеологии и, как следствие, в культовой практике множества различных социумов. Причиной этого, видимо, стала исключительная роль собаки как самого первого одомашненного животного, ее значение в качестве помощника и охранника – как для первобытных охотников, так и для земледельцев или скотоводов. Соответственно, мифологическим образам псов присущ очень большой и разнообразный набор функций (Комиссаров, Кудинова, 2012. С. 70–76). Из них лучше всего отражены в археологических материалах функции проводника душ на тот свет, помощника в загробном путешествии, свирепого стража загробного мира и т. п. По данным этнологии и фольклористики, представления о связи собаки с миром мертвых характерны не только для многих районов Евра-

зии, но и для Нового Света, и для Меланезии, что указывает на их появление еще в верхнем палеолите (Березкин, 2005. С. 174–211).

Существование подобных представлений на территории Европы уже с неолитического времени маркируется захоронениями и остатками жертвоприношений собак, зафиксированными для самых разных археологических культур (Збенович, 1974. С. 123; Берестнев, 1999. С. 41–49; Клейн, 2010. С. 236–237; Ганина, 2012. С. 22–27). Следует подчеркнуть, что широкое распространение погребально-поминальной обрядности, связанной с образом «загробных псов», не позволяет однозначно интерпретировать все археологические памятники Восточной Европы, на которых обнаружены изображения либо захоронения собак, в качестве следов деятельности именно индоевропейского, индоиранского, иранского или индоарийского населения. Тем не менее конкретные параллели с литературными и этнографическими источниками,

¹ Молдова, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, научно-исследовательская лаборатория «Археология». E-mail: razum_22@rambler.ru.

прослеживаемые в культовой практике населения Северного Причерноморья эпохи палеометалла, служат в качестве дополнительной аргументации при реконструкции этнокультурных процессов этого периода, в том числе и для определения предполагаемой языковой принадлежности данного населения. В качестве подобных параллелей исследователями рассматриваются и захоронения собак (см. *Берестнев*, 1999. С. 41–49; *Клейн*, 2010. С. 236–237). Анализу таких захоронений, исследованных в курганах раннего бронзового века на территории Северо-Западного Причерноморья, посвящена данная статья.

Именно здесь, вопреки мнению С. И. Берестнева, считавшего, что «археологические свидетельства культа собаки» отсутствуют на территориях западнее Днепра (*Берестнев*, 1999. С. 44), в этот период концентрируются на относительно небольшом пространстве наиболее выразительные комплексы такого рода (рис. 1). По поводу их культурно-хронологической атрибуции в историографии существуют различные мнения. Некоторые комплексы авторы отнесли к энеолиту (*Яровой*, 1990. С. 213; *Алексеева*, 1992. С. 41, 97; *Агульников, Сава*, 2004. С. 48). И. Л. Алексеева утверждала, что именно основные подкурганые погребения энеолитической «утконосовской группы» сопровождаются захоронениями собак на уровне древней поверхности (*Алексеева*, 1992. С. 41, 116). Часть погребений была отнесена к усатовской культуре начала бронзового века (*Мелюкова*, 1962. С. 76; *Яровой*, 1990. С. 62; *Петренко*, 2013. С. 181; *Разумов и др.*, 2016. С. 190; *Малюкевич и др.*, 2017. С. 22–30). В. Г. Петренко писал, что «сопровождающие погребения собак, осуществленные на цинковке рядом с могильной ямой, на перекрытии погребальной камеры или в стороне от нее, ... типичны для курганов (усатовских. – С. Р.) правобережья Днестра – Тудорово, Пуркары и др.» (*Петренко*, 2013. С. 181). Наконец, ряд захоронений, по мнению исследователей, принадлежал к ямной культурно-исторической общности эпохи ранней и средней бронзы (*Шмаглий, Черняков*, 1970. С. 18–20; *Иванова*, 2001. С. 121). Так, С. В. Иванова неоднократно отмечала, что для подкурганых ямных погребений известны, рядом с погребальной камерой или на ее перекрытии, находки скелетов

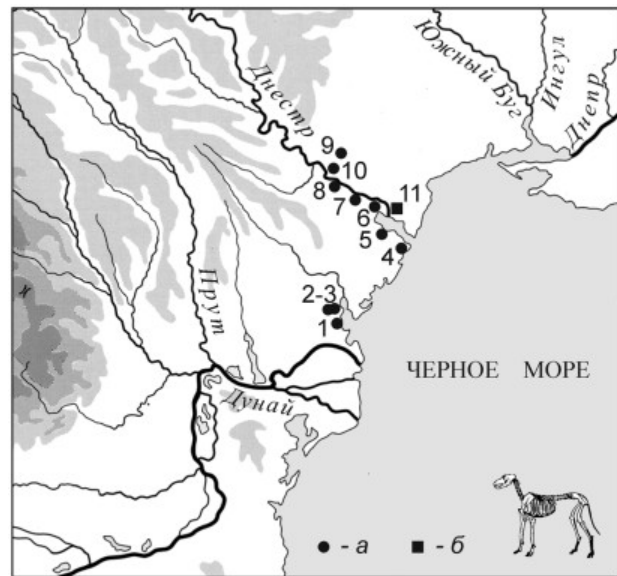

Рис. 1. Памятники раннего бронзового века с костями собак (а – курганы; б – городище): 1 – курган № 9 у с. Нерушай; 2 – курган № 5 у с. Баштановка; 3 – курган № 7 у с. Баштановка; 4 – Аккембетский курган (с. Затока); 5 – курган № 1 у с. Садовое; 6 – курган № 1 у с. Тудорово; 7 – курган № 2 у с. Оланешты; 8 – курган № 1 у с. Пуркары; 9 – курган № 6 у с. Никольское; 10 – курган № 4 группы «Сад» у с. Глиное; 11 – «городище» Маяки

Fig. 1. Sites of the Early Bronze Age with dog bones (a – kurgan; b – settlement-site): 1 – kurgan no. 9 near the village of Nerushay; 2 – kurgan no. 5 near the village of Bashtanovka; 3 – kurgan no. 7 near the village of Bashtanovka; 4 – Akkembet kurgan (village of Zatoka); 5 – kurgan no. 1 near the village of Sadovoye; 6 – kurgan no. 1 near the village of Tudorovo; 7 – kurgan no. 2 near the village of Olănești; 8 – kurgan no. 1 near the village of Purcari; 9 – kurgan no. 6 near the village of Nikolskoye; 10 – kurgan no. 4 of the ‘Sad’ group near the village of Glinoye; 11 – ‘settlement-site’ Mayaki

собаки, «которая в индоевропейской мифологии связана с погребальным культом» (*Иванова*, 2001. С. 121; 2013а. С. 225, 244, 253).

Таким образом, на данный момент захоронения и/или остатки жертвоприношений собак, раскопанные в курганах эпохи палеометалла на территории Северо-Западного Причерноморья, «размазаны» по отрезку времени длиной около полутора тысяч лет и отнесены к различным культурным группам. Чтобы выяснить, насколько правомерна существующая культурно-хронологическая атрибуция, приведем краткие характеристики комплексов, содержавших кости собак, перечисляя их с запада на восток (рис. 1). На левобережье Нижнего Дуная это курган № 9 у с. Нерушай, курганы № 5 и 7 у с. Баштановка; на правобережье Нижнего

Днестра это Аккембетский курган у с. Затока, курган № 1 у с. Садовое (два комплекса), курган № 1 у с. Тудорово, курган № 2 у с. Оланешты, курган № 1 у с. Пуркары; на левобережье Днестра – курган № 6 у с. Никольское, курган № 4 группы «Сад» у с. Глиное (два костяка). Следовательно, мы анализируем 12 находок костей собак из 10 курганов.

1. Погребение № 9 (рис. 2, 1) кургана № 9 у с. Нерушай Татарбунарского района Одесской области было впущено в центр насыпи, сооруженной над основным погребением № 82 усатовской культуры, в состав инвентаря которого входили лепная амфорка, бронзовый кинжал и ожерелье из морских раковин (Шмаглий, Черняков, 1970. С. 15–32). По-

гребение № 9 сопровождалось досыпкой, перекрывавшей выкид из него. Оно было совершено в яме с овальным в плане уступом, на котором фиксировались остатки перекрытия в виде жердей и тростниковых матов. Стенки ямы также были обложены тростниковыми матами, закрепленными жердями. Очевидно, именно на перекрытие, головой на юго-восток, была изначально уложена собака, скелет которой осел в заполнение ямы. Погребение было парным. Взрослый человек был уложен на правый бок с разворотом на спину, головой на юго-восток, его правая рука была вытянута перпендикулярно позвоночнику. Между ней и телом были зафиксированы остатки скелета маленького ребенка,

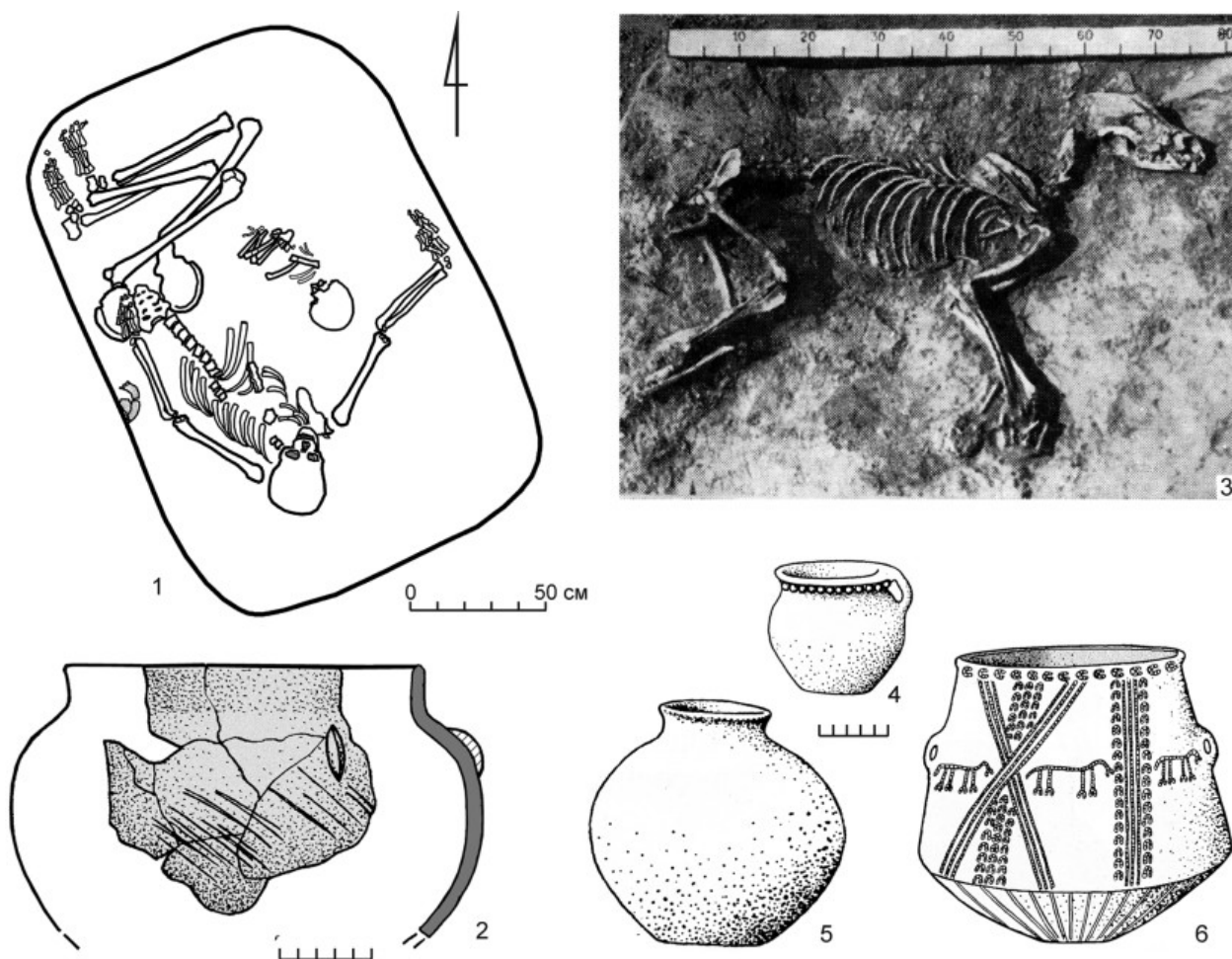

Рис. 2. Материалы курганов у с. Нерушай и Тудорово: 1 – план погребения № 9 кургана № 9 у с. Нерушай; 2 – сосуд из погребения № 9 кургана № 9 у с. Нерушай (Шмаглий, Черняков, 1970); 3 – захоронение собаки из кургана № 1 у с. Тудорово; 4–6 – лепные сосуды из кургана № 1 у с. Тудорово (Збенович, 1974)

Fig. 2. Finds from kurgans near the villages of Nerushay and Tudorovo: 1 – plan of burial no. 9 at kurgan no. 9 near the village of Nerushay; 2 – vessel from burial no. 9 at kurgan no. 9 near the village of Nerushay (Шмаглий, Черняков, 1970); 3 – burial of a dog from kurgan no. 1 near the village of Tudorovo; 4–6 – handmade vessels from kurgan no. 1 near the village of Tudorovo (Збенович, 1974)

скорченного на левом боку, головой также на юго-восток. У черепа первого костяка было найдено изделие из охры со сквозными отверстиями. За спиной взрослого лежал фрагмент крупного сферического лепного сосуда (рис. 2, 2) с вертикальной ручкой-налепом (*Шмаглий, Черняков, 1970. С. 18–20, рис. 15, 3*). Другие фрагменты этого же сосуда были найдены в заполнении и у юго-западного угла ямы.

2. Основное погребение № 15 кургана № 5 у с. Баштановка Татарбунарского района Одесской области (Там же. С. 77–79; *Дергачев, Манзура, 1991. С. 56*). Здесь скелет собаки, уложенной на правом боку головой на северо-восток, был обнаружен непосредственно в заполнении овальной погребальной ямы, вместе с фрагментами деревянного перекрытия. На дне на растительной подстилке находился окрашенный охрой костяк взрослого человека, уложенного скорченно на левом боку головой на восток. Погребение было окружено ровом, в заполнении кости животных и обожженные камни (*Шмаглий, Черняков, 1970. С. 77–79*).

3. Погребение собаки в кургане № 7 у с. Баштановка Татарбунарского района Одесской области (Там же. С. 82). Животное лежало на правом боку головой на северо-восток в неглубокой яме (примерно на 30–40 см ниже древней поверхности) под северо-восточной полой первоначальной насыпи. С. В. Иванова связывала данное захоронение с впускным погребением 16 ямной культурно-исторической общности (*Иванова, 2001. С. 121*). Однако, с нашей точки зрения, захоронение собаки соотносится с основным погребением № 9. Последнее было ограблено, но по совокупности признаков авторы раскопок отнесли его к усатовской культуре. Оно было совершено под каменной закладкой в прямоугольной яме с закругленными углами, длинной осью ориентированной по линии запад–юго-запад–восток–северо-восток. В заполнении было встречено несколько фрагментов костей человека. Также в восточной поле кургана, возможно, на уровне древней поверхности, выявлено зольное пятно диаметром 0,7 м, а в юго-восточной поле в углублении (на 0,2 м ниже древней поверхности) найдены зубы лошади (*Шмаглий, Черняков, 1970. С. 82*).

4. Аккембетский курган (Попова Могила) располагался западнее с. Затока Белгород-Днестров-

ского района Одесской области. К сожалению, полной или хотя бы частичной публикации этого интересного памятника до сих пор нет, хотя он был раскопан еще в 1997 г. Опубликованы лишь очень краткие сведения о некоторых комплексах Аккембетского кургана (*Черняков, 2004. С. 11–13*). Судя по фотографии основного усатовского погребения № 15, скелет собаки лежал на правом боку головой на юго-восток на древней поверхности (видимо, на подстилке) у юго-западного края ямы. Погребение № 15 было совершено в яме прямоугольной формы с закругленными углами. Взрослый (мужчина?) был уложен скорченно на левом боку головой на северо-восток. В состав инвентаря входили как минимум три лепных сосуда и какие-то бронзовые изделия. Погребение было окружено кромlexом из больших известняковых плит. С запада в нем был сделан проход («ворота») с вертикально поставленными плитами по бокам. Под плитами кромlexа были найдены раковины, кости овцы/козы, два конских черепа, фрагменты усатовской керамики (Там же).

5. Весьма сходны с вышеописанным два погребения собак в кургане № 1 у с. Садовое Белгород-Днестровского района (рис. 3, 1), также на правом берегу Днестровского лимана. У северо-западного края ямы основного усатовского погребения № 29 лежал скелет собаки на правом боку, головой на северо-восток (рис. 3, 2). Под ним была зафиксирована прямоугольная циновка.

Погребение № 29 находилось в центре кургана. Яма имела в плане трапециевидную форму. В юго-западном углу зафиксированы кости грудной клетки, принадлежавшие ребенку 6–7 лет. В западной части ямы лежала лопатка быка, в центральной – челюсть свиньи. На этом же уровне найдены половина амфоровидного сосуда и крышка от амфорки (рис. 3, 3). На дне в центре ямы был найден человеческий череп, судя по которому, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. В северо-восточном углу расчищено скопление длинных костей ног и рук, окрашенных охрой. За черепом находился амфоровидный сосуд (рис. 3, 4), ниже черепа – скопление костяных и каменных бусин. Рядом были найдены несколько каменных орудий и деревянный предмет со следами медного окисла. Над черепом находился камень (ракушечник),

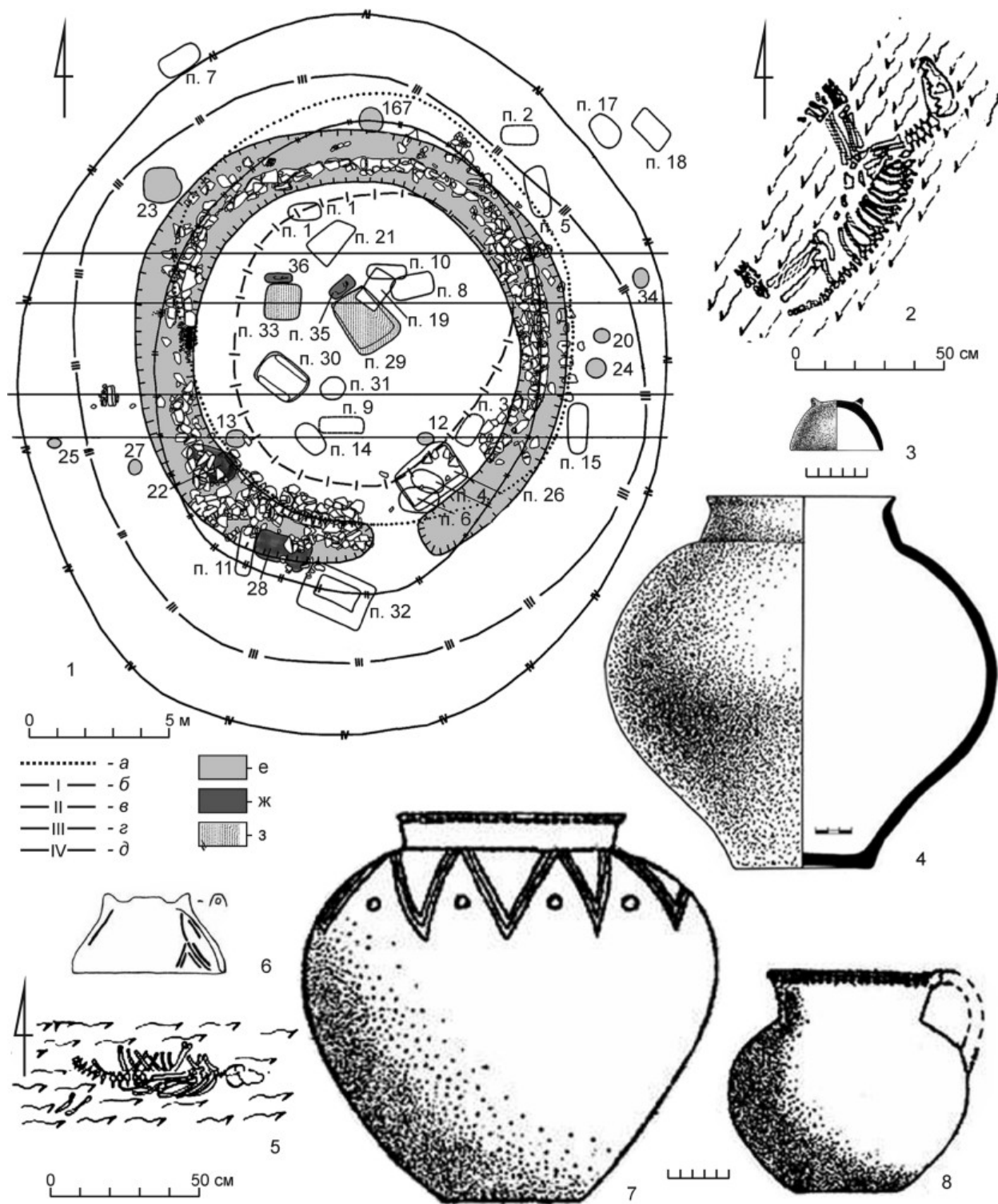

Рис. 3. Курган 1 у с. Садовое: 1 – план кургана (а – границы площадки, покрытой илистым грунтом; б–д – края насыпей I–IV; е – объекты раннего бронзового века; ж – ямы с захоронениями собак; з – погребения, описанные в тексте); 2 – скелет собаки при погребении № 29 (а – органический тлен); 3, 4 – лепные сосуды из погребения № 29; 5 – скелет собаки при погребении № 33 (а – органический тлен); 6–8 – лепные сосуды из погребения № 33 (Малюкевич и др., 2017)

Fig. 3. Kurgan no. 1 near the village of Sadovoye: 1 – plan of the kurgan (a – borders of the area covered with silty earth; б–d – edges of mounds I–IV; e – objects of the Early Bronze Age; ж – pits with interments of dogs; з – burials described in the text); 2 – skeleton of a dog at burial no. 29 (a – decayed organics); 3, 4 – handmade pottery from burial no. 29; 5 – skeleton of a dog at burial no. 33 (a – decayed organics); 6–8 – handmade pottery from burial no. 33 (Малюкевич et al., 2017)

а рядом с ним медное шило с деревянной рукояткой. На дне зафиксирован органический тлен от подстилки (*Малюкевич и др.*, 2017. С. 20–22).

6. Аналогичное захоронение собаки, согласно тексту публикации, было зафиксировано близ южного края ямы основного усатовского погребения № 33 того же кургана. Отметим, что на опубликованном плане кургана № 1 у с. Садовое захоронение собаки изображено не южнее, а севернее ямы погребения № 33 (Там же. Рис. 3) (рис. 3, 1). Скелет собаки лежал на правом боку головой на восток, череп располагался теменем вверх (рис. 3, 5). Под ним было отмечено наличие двуслойной органической подстилки.

Погребение № 33 также находилось в центральной части кургана. Погребальная камера имела подквадратную форму. Скелет № 1 (женщина 30–35 лет) лежал скорченно на левом боку с разворотом на грудь, головой на юг. Череп обращен лицевой частью вниз. Скелет № 2 (ребенок 7–9 лет) лежал спиной к скелету № 1 скорченно на левом боку, головой на юг. В состав инвентаря входили горшок с округлым корпусом (рис. 3, 7), четыре лепные амфорки с прочерченным и шнуровым орнаментом, расписная крышка полусферической формы с двумя ручками-ушками (рис. 3, 6), кувшин с шаровидным туловом (рис. 3, 8), фрагменты расписной амфоры, бусина из известняка или мела, скопление фигурных бус-пронизей из ребра мелкого рогатого скота (Там же. С. 27–30).

Интересны стратиграфия кургана № 1 у с. Садовое и организация подкурганного пространства (рис. 3, 1). Первоначально на выровненной площадке, окруженной рвом, были совершены усатовские погребения № 21, 29, 30, 31, 33. По краям площадки от тризн остались кострища с многочисленными кальцинированными костями (пункты № 12–13). Площадка была перекрыта насыпью высотой около 1 м и диаметром 12 м. Спустя некоторое время после совершения определенных ритуалов, о чем свидетельствуют расположенные вокруг основных погребений кострища и круглые ямы (пункты № 16, 20, 22, 23, 24, 25, 27–28, 34), насыпь была достроена. Ее окружили каменной обкладкой, имевшей, согласно тексту публикации, разрыв в юго-западном секторе, как и ров (*Малюкевич и др.*, 2017. С. 31–33). Отметим, что на опу-

бликованном плане кургана № 1 у с. Садовое разрывы рва и обкладки изображены не юго-западнее, а южнее центра (Там же. Рис. 3).

7. Курган № 1 у с. Тудорово на правом берегу Днестровского лимана (Молдова). Здесь в 8 м юго-западнее основного погребения усатовской культуры, предположительно на древнем горизонте, была уложена на левом боку собака с подогнутыми лапами, головой на северо-запад (*Мелюкова*, 1962. С. 77) (рис. 2, 3). На костях собаки зафиксированы следы окраски красной охрой. Основное погребение кургана № 1 у с. Тудорово, по мнению автора раскопок, было ограблено. Тем не менее в нем сохранились часть каменного топора, долото, шило и пластина (часть ножа?) из мышьяковистой бронзы, изделие из охры (Там же. С. 75). Костей человека не выявлено, но в заполнение ямы, ориентированной длинной осью по линии юго-запад – северо-восток, было впущено (?) погребение маленького ребенка, уложенного скорченно на левом боку головой на юго-восток. Поверх выкида зафиксировано сложное перекрытие из тростника и уложенных в виде решетки плах. Яма основного погребения была окружена каменным кольцом. Показательно и наличие двух круглых культовых ям, вырытых с древнего горизонта. Первая находилась северо-западнее основного погребения, в ней было кострище, а также фрагменты костей животных и сосуда. Вторая яма была расположена к востоку от центра кургана, стенки ее расширились ко дну, а в заполнении был найден миниатюрный лепной сосудик с ручкой (рис. 2, 4). Северо-восточнее и западнее центра кургана были зафиксированы кострища с фрагментами костей животных. Курган был окружен каменной обкладкой, в юго-западную часть которой было «встроено» синхронное центральному погребению № 1, где скорченный костяк взрослого человека, уложенного головой на восток, сопровождался пятью сосудами (в том числе кубком с изображениями животных) (рис. 2, 5, 6), бронзовым шилом, 61 подвеской из зубов оленя и изделием из охры (Там же. С. 76).

8. Отдельные «кости молодой собаки и молодой особи овцы (козы)», найденные рядом со скелетом ребенка из перекрытого антропоморфной стелой основного погребения № 1 кургана № 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра (Молдова),

упоминаются в аналитической части монографии Е. В. Ярового (*Яровой*, 1990. С. 212). При этом ни единого слова о костях животных не сказано в описании данного комплекса (Там же. С. 157, 159). Судя по плану погребения № 1 (Там же. С. 158, рис. 68, 1), за спиной ребенка действительно размещались какие-то кости животных. Погребенный был уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Впрочем, на плане кургана № 2 (Там же. С. 156, рис. 67) ребенок изображен ориентированным головой на северо-восток. Синхронными ему, по мнению автора раскопок, были четыре прямоугольные ямы без костяков («погребения» № 2, 5, 6, 9), также ориентированные длинной осью по линии юго-запад – северо-восток и не содержавшие костей (кенотафы?). В составе перекрытий «погребений» № 2 и 5 присутствовали антропоморфные стелы (Там же. С. 213).

9. Курган № 1 у с. Пуркары (Молдова). На бревнах перекрытия основного погребения № 21 усатовской культуры найден костяк собаки. К сожалению, в публикации отсутствуют чертежи и описание данного костяка, известно лишь, что он лежал головой на юг (Там же. С. 62). Погребение № 21 было совершено в прямоугольной яме со сложным перекрытием (бревна вдоль и поперек, обмазаны белой глиной, под ними циновка). Скелет взрослого человека, лежащего скорченно на левом боку головой на восток, был окрашен охрой. На дне зафиксирована двуслойная подстилка. У западной стенки найдено прямоугольное изделие из охры. Перед погребенным лежал скелет молодой особи овцы/козы без головы. У черепа были найдены две серебряные подвески в полтора оборота, у левой кисти – роговая мотыга и ретушированное сечение кремневой пластины, а также десять микролитов («вкладыши серпа»). На черепе и вплотную к нему были расчищены около 200 бусин из гагата и костей птиц. Перед лицом и у ног лежали бронзовые долото, тесло, кинжал, нож, шило-проколка, в заполнении ямы найдено бронзовое шило с деревянной рукояткой. Перед костяком стоял расписной кубок, у стоп – расписные амфора и крышка, в юго-западном углу – крупная амфора, у рук – горшок. В ногах найдены два крупных фрагмента керамики от столового сосуда. Насыпь окружала каменная обкладка, в ее западной части была вер-

тикально установлена известняковая плита. Внутри обкладки на древнем горизонте были зафиксированы четыре округлых кострища севернее и западнее основного погребения, в них найдены многочисленные кальцинированные кости животных и фрагменты усатовской керамики. В культовой яме, связанной с основным погребением (в 2 м к востоку от него), зафиксированы кости молодой лошади, двух особей быка и одной особи овцы/козы, фаланги пальцев и фрагмент лучевой кости человека, фрагменты сосудов (Там же. С. 62–70).

10. Курган № 6 у с. Никольское Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. В яме № 1 (восточнее основного погребения) была найдена челюсть волка либо собаки (рис. 4). Костяк взрослого человека в основном погребении № 2 кургана № 6 был разрушен. Прямоугольная яма длинной осью была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен скорченно на левом боку, головой на северо-восток. В заполнении ямы были найдены два фрагмента сосуда с толченой раковиной в тесте и кремневое орудие. Вокруг основного погребения под насыпью кургана располагалось семь ритуальных ям (рис. 4). Все они были круглыми в плане, диаметром от 1,6 до 1,4 м. В яме № 1 была найдена челюсть волка либо собаки, в яме № 5 (южнее погребения) – астрагал крупного рогатого скота, в яме № 7 (юго-западнее погребения) лежал скелет особи мелкого рогатого скота (овцы). Между ямами № 1 и 2 на древнем горизонте был найден кусок песчаника, возможно, изображавший голову быка (*Агульников, Сава*, 2004. С. 49, рис. 23, 5). Ямы, по мнению авторов раскопок, образовали «достаточно четкую окружность», в центре которой располагалось основное погребение № 2. На наш взгляд, здесь скорее можно говорить о «пятиугольнике», длинная ось которого совпадает с осью погребения.

Курган был окружен кольцевым рвом с проходом в юго-западной части. В заполнении рва в трех местах были найдены фрагменты керамики, содержащей в тесте толченые раковины. Зафиксированы также остатки каменной обкладки диаметром 14,5 м (Там же. С. 46–49, рис. 22).

11. Курган № 4 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего

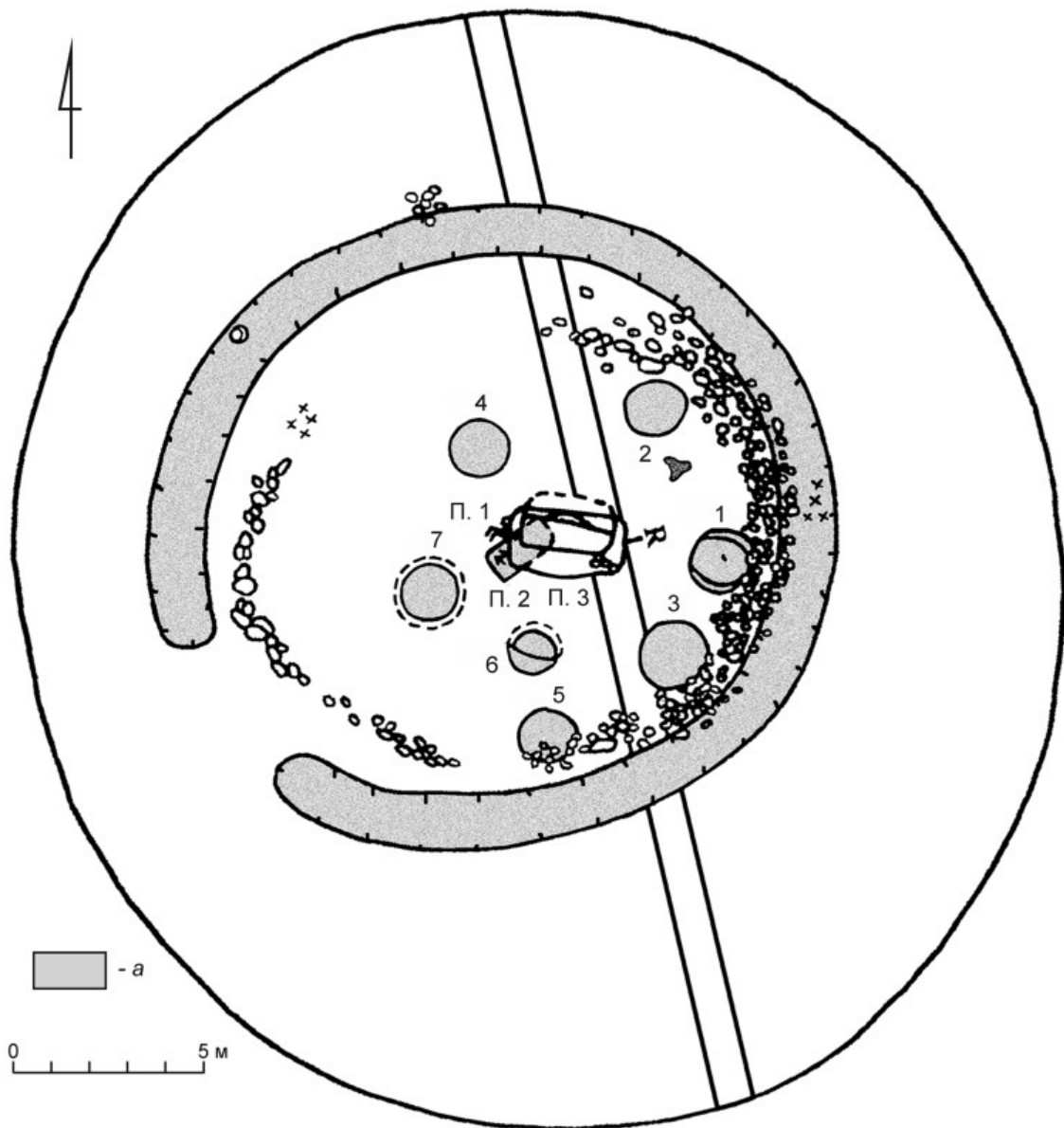

Рис. 4. План кургана 6 у с. Никольское (*a* – объекты раннего бронзового века) (Агульников, Сава, 2004)

Fig. 4. Plan of kurgan no. 6 near the village of Nikolskoye (*a* – finds of the Early Bronze Age) (Агульников, Сава, 2004)

Днестра (рис. 5, 1). В двух из 11 культовых ям, окружавших основное детское погребение 15, были найдены костяки собак.

В яме № 1 округлой в плане формы костяк собаки лежал на правом боку, мордой на восток. Внешняя сторона правой лопатки животного окрашена ярко-красной охрой. В районе задних лап зафиксировано кострище диаметром около 0,3 м (рис. 5, 2).

12. В аналогичной по параметрам яме № 2 кургана № 4 группы «Сад» у с. Глиное костяк собаки также лежал на правом боку, мордой на восток.

В северной части ямы были зафиксированы отдельные кости крупного копытного животного. Под ними отмечено кострище.

Основное погребение № 15 кургана № 4 было совершено в яме прямоугольной формы, длинной осью ориентированной по линии юго-запад – северо-восток. Юго-западная часть ямы нарушена впускным скифским погребением, в придонном заполнении которого были найдены фрагменты детского черепа, окрашенного алой охрой, и кремневый отщеп. В северо-восточном углу лежала

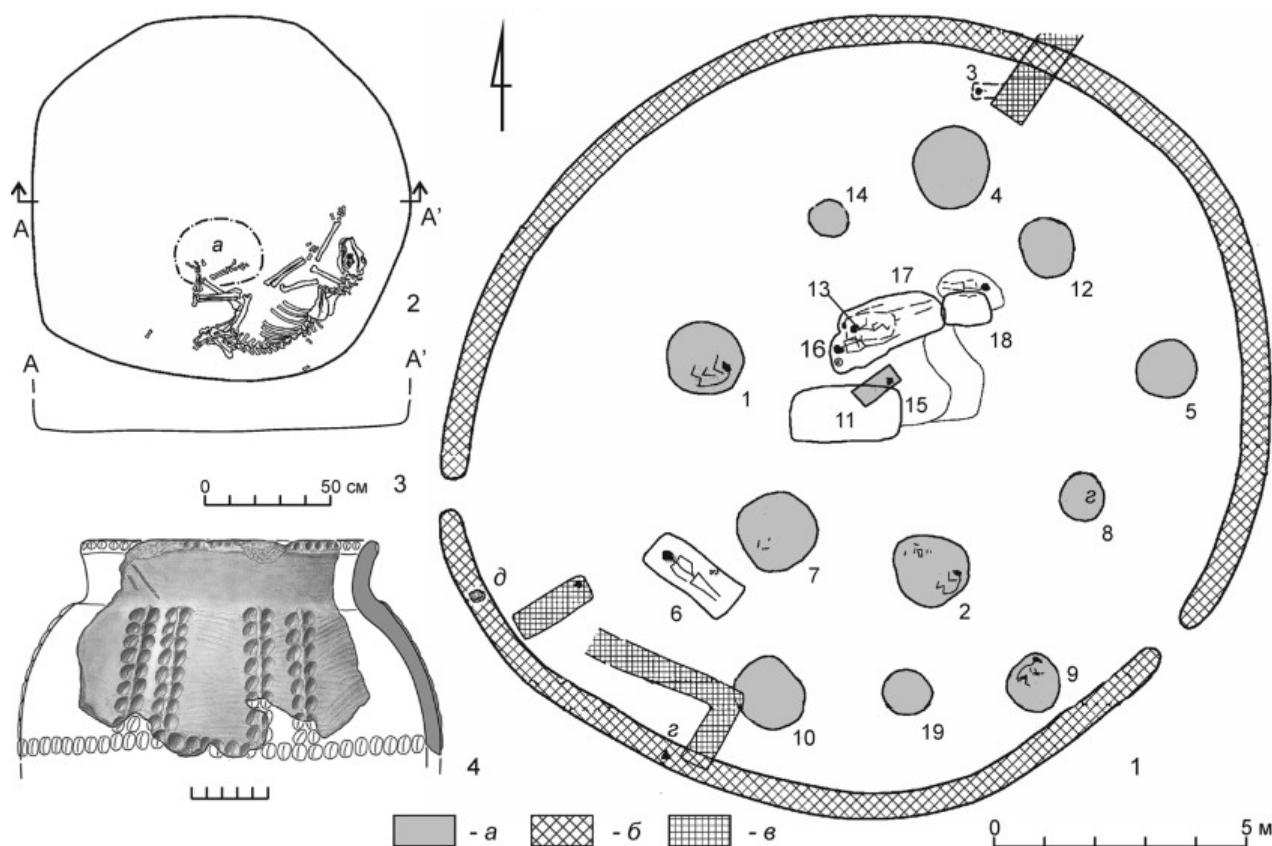

Рис. 5. Курган 4 группы «Сад» у с. Глиное: 1 – план кургана (а – объекты раннего бронзового века; б – черноземное заполнение ровика; в – окопы времен Отечественной войны; з – фрагмент керамики; д – камень); 2, 3 – яма № 1, план и разрез (а – кострище); 4 – фрагмент сосуда из погребения № 15 (Разумов и др., 2016)

Fig. 5. Kurgan no. 4 of the 'Sad' group near the village of Glinoye: 1 – plan of the kurgan (а – finds of the Early Bronze Age; б – chernozem fill of a small ditch; в – trenches of the Patriotic War period; з – fragment of pottery; д – stone); 2, 3 – pit no. 1, plan and section (а – bonfire spot); 4 – fragment of a vessel from burial no. 15 (Разумов et al., 2016)

наружной стороной вниз боковина крупного лепного сосуда, орнаментированного группами сдвоенных вертикальных валиков и горизонтальным поясом из пальцевых вдавлений (рис. 5, 4). Внешний срез венчика украшен защипами, шейка – двумя параллельными наклонными линиями отпечатков шнура. Поверх боковины сосуда были зафиксированы кости правой ноги и таза маленького ребенка (возраст не более двух лет). Очевидно, погребенный был уложен скорченно на правом боку либо на спине, головой на юго-запад. В юго-западной части ямы обнаружен комок алой охры. На дне зафиксированы отпечатки подстилки.

Под насыпью кургана № 4 располагались 11 ритуальных ям (объекты № 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19), выкопанных, очевидно, с древней поверхности и размещенных в определенном порядке вокруг основного погребения, внутри кольцевого рва. Все

ямы были круглой формы, их диаметр варьировался в пределах 0,7–1,5 м. Восемь ям (с севера на юг и слева направо – объекты № 4, 12, 5, 8, 2, 7, 1, 14) на плане кургана № 4 образуют «квадрат» с длиной сторон около 7 м, ориентированный относительно сторон света так же, как и основное погребение (рис. 5, 1). Объекты № 10, 19 и 9 (в ряд с запада на восток) располагались особняком, в южной части окруженного рвом пространства. На дне ям № 1, 2 и 7, образующих юго-западную сторону «квадрата», были расчищены остатки кострищ в виде прокаленного материкового суглинка и мелких древесных угольков. В яме № 9 была уложена молодая особь мелкого рогатого скота. Кроме целых костяков животных (объекты № 1, 2 и 9) в ямах № 2, 5 и 7 находились кости конечностей крупных копытных животных, а в яме № 5 и фрагменты челюстей крупного и мелкого рогатого скота (Разумов и др., 2016. С. 173–192).

Кроме рассмотренных выше комплексов находки костей собак упоминаются исследователями в связи с еще несколькими курганами энеолита – раннего бронзового века, исследованными на территории Северо-Западного Причерноморья. И. Л. Алексеева отнесла два таких захоронения к выделенной ею энеолитической «утконосовской группе». Это основное погребение № 5 кургана № 7 у с. Виноградовка Арцизского района и основное погребение № 17 кургана № 1 у с. Десантное Килийского района Одесской области. В первом случае в заполнении полностью ограбленной прямоугольной ямы с остатками каменного заклада были найдены отдельные кости собаки и коня (Алексеева, 1992. С. 97). Мы не видим оснований относить данное погребение к энеолиту, а упомянутые кости могли попасть в яму гораздо позднее. Так, сочетание в погребении костей коня и собаки характерно для позднескифских и сарматских захоронений (Малюкевич, Гудкова, 2013. С. 648; Тельнов и др., 2016. С. 732–736). Особо следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, в раннем железном веке Северного Причерноморья фиксируется традиция оставления жертвенных псов в погребальном сооружении грабителями после совершения ограбления, чтобы избежать мести потревоженных покойников (Тельнов и др., 2016. С. 736). Впрочем, собак могли приносить в жертву и родственники умерших, обнаружившие разграбленные могилы.

Более сложная ситуация сложилась с интерпретацией костяка собаки, обнаруженного в насыпи кургана № 1 у с. Десантное. Данный костяк автор раскопок И. Л. Алексеева в своих публикациях связывала с основным погребением № 17, отнесенным ею сначала к раннему энеолиту (Алексеева, 1976. С. 183), а позднее к доусатовской «утконосовской группе» (Алексеева, 1992. С. 98). В обеих публикациях утверждается, что основное погребение № 17 располагалось в 1 м к юго-западу от репера и было совершено в овальной яме, на дне которой вытянуто на спине головой на запад лежал костяк взрослого человека, засыпанный большим количеством охры и мела. На плечевых костях и грудной клетке обнаружены то ли девять (в статье 1976 г.), то ли 22 (в монографии 1992 г.) подвески из зубов оленя и кости. В статье 1976 г. костяк собаки не упоминается вообще. В монографии же утвержда-

ется, что скелет собаки и кости лошади (череп и ноги) лежали на древней поверхности и перекрывались первоначальной насыпью, возведенной над погребением № 17 (Там же. С. 98). Фактически, именно этот комплекс послужил для И. Л. Алексеевой аргументом для утверждений о том, что сопровождающие захоронения собак на уровне древней поверхности характерны именно для основных подкурганых погребений энеолитической «утконосовской группы» (Алексеева, 1992. С. 41, 116).

Однако при ознакомлении с полевым отчетом выявляются весьма существенные расхождения с публикациями. Так, в отчете в качестве основного для кургана № 1 описывается парное погребение № 16 ямной культурно-исторической общности, обнаруженное непосредственно под репером. Погребение № 17 здесь рассматривается как ямное впускное, расположенное фактически в поле кургана, в 5 м на юго-юго-запад от репера, и совершенное не в овальной, а в прямоугольной яме (Алексеева, 1974. С. 4). Чертежи, приложенные к отчету, полностью соответствуют описаниям (Там же. Рис. 1, 2). Правда, судя по фотографии данного захоронения, на самом деле форма ямы вообще не была прослежена (Там же. Рис. 9). Согласно отчету, охра и мел не покрывали костяк, как утверждалось в публикациях, а были зафиксированы лишь на дне под ним (Там же. С. 4). Странно, но на опубликованном два года спустя фрагменте плана кургана № 1 у с. Десантное яма погребения № 17 почему-то не только превратилась из прямоугольной в овальную, но и «переехала» на 6 м северо-восточнее, из поля в центр кургана (Алексеева, 1976. Рис. 2, 2).

Таким образом, достоверно установить культурно-хронологическую позицию комплекса Десантное 1/17 не представляется возможным. В. А. Дергачев, критикуя построения И. Л. Алексеевой, отмечал, что никаких оснований относить его к энеолиту нет, а подвески из зубов оленя нередко встречаются в погребениях эпохи бронзы (Дергачев, 1986. С. 69). Л. В. Субботин отнес данный комплекс к ямной культуре (Субботин, 2003. С. 103). Ю. Я. Рассамкин, неоднократно отмечая «противоречивость публикаций И. Л. Алексеевой» и их существенные расхождения с материалами отчетов (Rassamakin, 2004. S. 99–101),

не включил это захоронение в свод степных энеолитических погребений Восточной Европы. И. В. Манзура, приняв на веру сведения И. Л. Алексеевой, все же написал, что западная ориентировка для вытянутых на спине энеолитических погребений совсем не характерна, и отметил, что «впущенное» в курган № 1 у с. Десантное ямное погребение № 16, на удивление, отличается архаическими чертами. Тем не менее такое стратиграфическое соотношение автор счел «вполне достоверным» (Манзура, 2013. С. 142, 145).

Исходя из расположения в кургане, глубины, позы костяка, наличия окрашенной охрой и мелом подстилки, характера инвентаря, можно, по нашему мнению, предположительно отнести погребение № 17 к ингульской катакомбной культуре. В комплексах этой культуры известны находки подвесок из зубов оленя и их имитаций, в том числе на территории Северо-Западного Причерноморья (например, Иванова, 2013б. С. 269, рис. 63, 14).

Но самое главное, что захоронение собаки и чучела (?) коня в кургане № 1 у с. Десантное никак не связано с основным захоронением, к какой бы культурной группе оно ни относилось. Костяк собаки («погребение 3») лежал на левом боку головой на юго-восток, рядом с костями лошади, в юго-юго-западной поле кургана на глубине всего 0,6 м от репера, то есть в верхней части насыпи, а вовсе не на древней поверхности. Это следует и из описания, и из профиля бровки в отчете (Алексеева, 1974. С. 2, рис. 1). Соответственно, он может быть связан с одним из позднейших впускных захоронений, вероятно, с «неопределенным» погребением № 1, расположенным на той же глубине в 2 м юго-восточнее. Погребальное сооружение не прослежено. Костяк подростка лежал вытянуто на спине головой на север (Там же. С. 1, рис. 1). Исходя из расположения в южной поле насыпи, позы и ориентировки костяка, можно предположить принадлежность этого комплекса к сарматской культуре. Сопровождающие погребения собак, иногда вместе с костями лошадей, находившиеся на перекрытиях ям, во входных колодцах катакомб, на древнем горизонте, в насыпях или во рвах курганов, встречаются в савроматских и сарматских памятниках степей Восточной Европы (Вязьмитина та ін., 1960. С. 90; Берестнев, 1999.

С. 44), в том числе и на левобережье Нижнего Дуная (Синика, 2006. С. 221). В любом случае оснований относить захоронение собаки к энеолиту или раннему бронзовому веку нет.

Также к энеолиту был отнесен комплекс Оланешты 2/1 с антропоморфной стелой. Е. В. Яровой датировал его «как минимум доусатовским временем» на основании того, что «положение погребенного и его ориентировка не позволяют отнести его ни к усатовской, ни к ямной культуре» (Яровой, 1990. С. 212). Почему скорченность погребенного на левом боку, головой на юго-запад, свидетельствует о его доусатовской датировке, осталось для нас загадкой. Можно назвать целый ряд комплексов усатовской культуры, сходных по ряду признаков с захоронением Оланешты 2/1 (Разумов и др., 2016. С. 186–187). Также аналогии данному погребению есть в ямных курганах (Иванова, 2013а. С. 234; Разумов и др., 2015. С. 346; Разумов, 2016. С. 64–69). Очевидно, единственной причиной столь ранней датировки этого комплекса являлось стремление Е. В. Яровой обосновать свой тезис о том, что все антропоморфные стелы являются исключительно принадлежностью «древнейших энеолитических святилищ». Представители ямной культурно-исторической общности будто бы «растаскивали каменные скульптуры и использовали их при сооружении собственных гробниц» как «редкий в степи камень» в качестве простого строительного материала (Яровой, 1990. С. 212; 2000. С. 38). В настоящее время, после многочисленных публикаций результатов новостроечных раскопок курганов на территории Северного Причерноморья, является несомненным факт изготовления каменных антропоморфных стел ямным населением. Заметим, что в Северо-Западном Причерноморье наличие стел характерно также для курганных комплексов усатовской культуры. Только в курганах первого Усатовского могильника найдено около двух десятков антропоморфных стел, причем в нескольких случаях они находились именно в составе перекрытий (Патоква и др., 1989. С. 93; Петренко, 2013. С. 184).

С. В. Иванова, утверждая, что для подкурганных ямных погребений известны находки скелетов собак рядом с ямой или на ее перекрытии, называет три пункта между Дунаем и Днестром: Баштановка 7/16, Нерушай 9/9, Плавни 12/2 (Иванова, 2001.

С. 121). По поводу первого пункта мы уже отметили, что захоронение собаки в поле кургана связано не с впускным ямным погребением № 16, а с основным погребением № 9, вероятно, относящимся к усаатовской культуре.

Комплекс Нерушай 9/9 с момента первой публикации и до последнего времени рассматривался в контексте изучения памятников ямной культурно-исторической общности (Иванова, 2013а. Рис. 47, 5). Тонкостенный крупный сосуд из серой глины с продолговатым вертикальным налепом, фрагменты которого происходят из погребения № 9, С. В. Иванова связала с влиянием культур Карпато-Дунайского региона первой половины III тыс. до н. э., в частности, культуры Костолац (Иванова, 2013в. С. 231, рис. 4, 1; рис. 14; рис. 18, 9, 10). И. В. Манзура рассматривал продолговатые вертикальные налепы под венчиком в качестве характерного признака познеэнеолитической культуры Чернавода I (Манзура, 2013. С. 137, 139). Однако погребение № 9 впущено в первую насыпь, сооруженную над классическим усаатовским погребением, и не может датироваться доусаатовским временем. Возможно, здесь можно говорить о сохранении в начале бронзового века традиций культуры Чернавода I, которые, по мнению И. В. Манзуры и В. Г. Петренко, послужили генетической подосновой для керамического комплекса усаатовской культуры (Там же. С. 139; Петренко, 2013. С. 185). Расположение на перекрытии ямы уложенного на боку головой на юго-восток пса не имеет аналогий в захоронениях ямной культурно-исторической общности, зато прекрасно известно для несомненно усаатовских комплексов. Ориентация погребенных в восточном секторе также является чертой, характерной для усаатовской культуры (Патокова и др., 1989. С. 96). Показательно, что в комплексе Нерушай 9/9 ребенок был уложен скорченно на левом боку головой в восточном направлении, как в подавляющем большинстве усаатовских захоронений. Несколько «неканоничная» поза взрослого (рис. 2, 1) может объясняться здесь стремлением проводивших обряд «защитить» ребенка от опасностей пути в мир мертвых либо иными соображениями.

Последний пункт – Плавни 12/2 – при проверке оказался вовсе несуществующим. В коллективной монографии 1985 г. «Курганы у с. Плавни в низо-

вьях Дуная» погребение № 2 кургана № 12 описывается как захоронение средневекового кочевника (Андрух и др., 1985. С. 42). Не значатся здесь находки скелетов собак и в связи с другими погребальными комплексами курганного могильника Плавни.

Также в публикациях упоминается находка костяка собаки в основном ямном погребении № 1 кургана № 3 у с. Богатое Измаильского района Одесской области (Алексеева, Тоцев, 2009. С. 48). Однако при изучении чертежей данного кургана можно сделать вывод, что собака лежала в заполнении грабительского лаза, ведшего в яму скифского захоронения № 2, перекрывшего и частично разрушившего основное погребение № 1.

Итак, из 10 курганов с костями собак четыре несомненно принадлежат к усаатовской культуре (Аккембетский курган, Садовое 1 (два комплекса), Тудорово 1, Пуркары 1). Они отличаются сложной конструкцией погребальных сооружений (комбинированные перекрытия, рвы и каменные обкладки, кострища и культовые ямы), богатством и разнообразием инвентаря. Все эти курганы сооружены над захоронениями усаатовской элиты (Петренко, 2013. С. 208). Остальные комплексы не столь информативны, но тем не менее они имеют целый ряд особенностей, сближающих их с названными выше.

Все захоронения, кроме одного (Нерушай 9/9 – впущено с досыпкой в центр усаатовского кургана), являлись основными. Погребенные в них обычно скорчены на левом боку и ориентированы головами преимущественно в восточном направлении (Нерушай 9/9, Баштановка 5/15, Оланешты 2/1, Никольское 6/2). Погребения окружены рвами и/или каменными обкладками (Баштановка 5/15, 7/9, Никольское 6/2, Глиное-Сад 4/15). До сооружения насыпей на подкурганной площадке проводились особые ритуалы, о которых свидетельствуют культовые ямы с костями животных и керамикой и кострища, сгруппированные в определенном порядке (Баштановка 7, Оланешты 2, Никольское 6, Глиное-Сад 4). Отметим, что подобное объединение внутри каменного кольца или рва нескольких культовых ям В. Г. Петренко считал одной из характерных черт усаатовских курганов (Там же. С. 177, 181).

Следует также упомянуть находку каменного «букрания» на древнем горизонте под насыпью

кургана № 6 у с. Никольское (*Агульников, Сава, 2004. С. 49, рис. 23, 5*). Весьма схожие изделия были обнаружены в курганах I-9 и II-2 Усатовских курганных могильников (*Збенович, 1974. рис. 43*).

Четыре собаки сопровождали погребения маленьких детей, а еще три – взрослых вместе с детьми. Наличие неординарных детских погребений в курганах раннего бронзового века связывается исследователями с вопросом наследования социального статуса (*Разумов, 2016. С. 64–69*). С. В. Иванова писала, что «в курганах погребались не все дети, а лишь определенная их часть, занимающая, по сравнению с другими детьми, более высокую социальную позицию» (*Иванова, 2001. С. 128–132*). С другой стороны, В. Г. Петренко, отмечая, что в ряде случаев «периферийные» усатовские погребения отличаются от центральных большей сложностью обряда и богатством инвентаря, предположил существование практики человеческих жертвоприношений, в частности, «заместительных жертв» (*Петренко, 2010. С. 361; 2013. С. 182*), в том числе и детей.

Наконец, расположение и позы костяков собак аналогичны как в «классических» усатовских элитных захоронениях, так и в менее выразительных комплексах. Псы зачастую были уложены на перекрытия ям (Нерушай 9/9, Баштановка 5/15, Пуркары 1/21, возможно, Оланешты 2/1) либо на подкурганной площадке вплотную к краю ямы (Аккембетский курган, Садовое 1/29 и 1/33). Очевидно, оба варианта являлись тождественными в контексте погребального обряда. В остальных курганах захоронения собак располагались на значительном расстоянии от основных погребений, в пределах ограниченной рвом и/или каменной обкладкой площадки, на древнем горизонте либо в круглых ямах: Баштановка 7 (северо-восточная пола), Тудорово 1 (юго-западная пола), Никольское 6 (здесь в яме восточнее центра кургана лежала только нижняя челюсть собаки или волка), Глиное-Сад 4 (два костяка западнее и южнее погребения № 15, у разрыва кольцевого рва). В последнем случае две собаки как бы «стерегли» с двух сторон выход из окруженного рвом пространства (рис. 5, 1).

Показательно, что из восьми костяков собак, поза которых нам известна, семь были уложены на правом боку головами в восточном направлении.

Дважды наблюдалась окраска костей охрой (Тудорово 1, Глиное-Сад 4 яма № 1).

Таким образом, многочисленные параллели в деталях погребальной обрядности позволяют сделать вывод, что все рассмотренные погребальные комплексы, сопровождавшиеся захоронениями собак, следует относить к усатовской культуре раннего бронзового века. При этом мы предполагаем, что погребения Оланешты 2/1 и Глиное-Сад 4/15 могут совмещать позднеусатовские и ямные традиции. Отметим, что в настоящее время сосуществование и взаимовлияние усатовского (по крайней мере для младшей ступени данной культуры) и ямного населения подтверждается исследователями (*Яровой, 2000. С. 42; Иванова, 2010. С. 162; 2013а. С. 208–211; Петренко, 2013. С. 168; Разумов и др., 2016. С. 188–189*).

Существование сопровождающих захоронений собак может считаться одной из характерных черт погребально-поминальной обрядности усатовской культуры, особенно на позднем этапе ее развития. Всего в настоящее время известно до 300 погребальных комплексов из примерно 40 местонахождений, которые исследователи в разное время отнесли к этой культуре, причем основные для курганов комплексы в большинстве своем были разрушены, некачественно раскопаны либо не имели выразительного инвентаря (см. *Дергачев, Манзура, 1991; Петренко, 2013*). Соответственно, 12 сопровождающих захоронений собак представляют довольно значительную выборку. Следует отметить, что на «городище» усатовской культуры Маяки (левобережье Нижнего Днестра – см. рис. 1), которое В. Г. Петренко рассматривал в качестве церемониального центра, «обрядового места длительного использования» (*Петренко, 2013. С. 177*), найдено необычайно большое количество костей собак – останки не менее 73 особей (*Журавльов, 2004. С. 160*). Н. Б. Бурдо считала данный факт свидетельством того, что здесь регулярно совершались жертвоприношения собак (*Бурдо, 2004а. С. 196*).

Необходимо упомянуть, что на стелах из Усатовского курганного могильника выбиты фигуры животных, которые исследователи интерпретировали в качестве изображений собак (*Збенович, 1974. С. 123, рис. 41; Петренко, 2013. С. 182, рис. 34, 1*).

Захоронения собак могут рассматриваться в качестве свидетельства эволюции соответствующих представлений, ведь курганы у с. Усатово относятся, согласно В. Г. Петренко, к старшей ступени усатовской культуры, а памятники правобережья Нижнего Днестра – к младшей (Петренко, 2013. С. 207). Если ранее плиты с изображениями псов «охраняли» проход между мирами живых и мертвых, то позднее теми же функциями наделялись сопровождающие захоронения собак. Данное предположение подтверждается их расположением на перекрытиях и на краях погребальных ям либо вблизи от разрывов кольцевых рвов и/или каменных обкладок.

Таким образом, семантика как изображений на плитах, так и захоронений (жертвоприношений?) собак в усатовской культуре может быть связана с их функциями стражей прохода между мирами и/или проводников душ. В подобном качестве выступают два пса иранского царя мертвых Йимы, стерегущие мост в царство мертвых, псы индоарийского царя мертвых Ямы, а также Цербер (Кербер) в древнегреческой мифологии (Берестнев, 1999. С. 45–47; Клейн, 2010. С. 236–237). Причем их функции состояли не только и не столько в том, чтобы не впускать посторонних, сколько в том, чтобы не выпускать души назад, где они могли повредить живым (Клейн, 2010. С. 236–237, 314). Возможно, с аналогичными представлениями связаны и упомянутые выше находки скелетов собак в ограбленных погребениях раннего железного века – таким образом могли пытаться «запечатать» оскверненную могилу, чтобы избежать мести со стороны духов умерших. Отметим, что принесение в жертву двух собак при погребении представителей знати зафиксировано и в гомеровском эпосе (Там же. С. 314).

Истоки представлений носителей усатовской культуры о роли собак в охране границы между мирами исследователи традиционно прослеживали в идеологии раннеземледельческих племен культурно-исторической общности Кукутень-Триполье (Збенович, 1974. С. 123–128; Петренко, 2013. С. 182). Действительно, широко известны изображения псов на трипольских расписных сосудах, появляющиеся на этапе VII и распространенные на поселениях шипинецкой, каневской, бронзен-

ской, петренской, чечельницкой, томашовской и косеновской групп (Бурдо, 2004б. С. 405). В нескольких случаях на площади поселений были исследованы и остатки жертвоприношений в виде захоронений целых костяков либо отдельных черепов собак (Бурдо, 2004б. С. 358–361). Однако следует отметить, что для памятников выхватинской и кириленской групп, ближайших территориально и хронологически к усатовской культуре (импортированная именно из их ареала расписная керамика найдена в усатовских погребениях – Петренко, 2013. С. 185), изображения и захоронения собак не характерны. Впрочем, такие захоронения представлены на энеолитических поселениях и могильниках более восточных территорий. Захоронение двух собак было исследовано на площади культового комплекса поселения Деревка 2 на степном правобережье Днестра (Котова, 2013. С. 20). Парные погребения собак в отдельных ямах были зафиксированы на энеолитических могильниках Госпитальный Холм на левобережье Днестра (Ковалева, 1984. С. 28) и Дрониha на Среднем Дону (Синюк, 2014. С. 250). При этом в усатовском керамическом комплексе, особенно на памятниках старшей ступени, сосуды, связанные с «восточным» компонентом – памятниками типа Константиновки–Деревки, представлены заметно больше, чем трипольские по облику кухонные горшки (Петренко, 2013. С. 185). Таким образом, обе версии о происхождении практики устройства сопровождающих захоронений собак в усатовской культуре – от трипольцев или от степного населения эпохи энеолита – на данный момент являются равноценными. Впрочем, мы не исключаем, что в среду степного энеолитического населения эти представления попали от ранних земледельцев.

В синхронных усатовской культуре и более поздних комплексах ямной культурно-исторической общности достоверные сопровождающие погребения собак почти не известны. Можно лишь упомянуть найденные как в усатовских (Дергачев, Манзура, 1991. С. 112), так и в ямных (Иванова, 2001. С. 142) погребениях подвески-амулеты из собачьих и/или волчьих зубов, относимые исследователями к атрибутам служителей культа. При этом в курганах степного Побужья и Днепровского правобережья на несколько тысяч ямных погребений скелеты

собак ни разу не зафиксированы (*Шапошникова и др.*, 1986; *Мельник, Стеблина*, 2013). Кости собаки (?) были найдены в заполнении впускного ямного погребения Мартыновка 3/11 в степном Крыму (*Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 277), отдельный череп – на дне кольцевого рва ямного кургана № 3 группы 1 у с. Новоподкряж на степном левобережье Днепра (*Марина*, 1981. С. 69). Менее чем в сотне километров на восток от последнего пункта был найден знаменитый Керносовский идол, на грудной части которого изображена человекообразная фигура с хвостом, как бы сдерживающая на привязи или подгоняющая палкой двух псов (*Клейн*, 2010. С. 456, рис. 153). По мнению Л. С. Клейна, данный персонаж (божество, сверхъестественное существо) имел власть над собаками-стражами загробного мира (Там же. С. 455–457). Парные фигуры животных, интерпретируемые авторами в качестве изображений собак, известны на плите кромлеха вокруг основного позднеэнеолитического погребения № 24 кургана № 1 в пгт Великая Александровка на правобережье Нижнего Днепра и среди петроглифов «Грота быка» Каменной Могилы в Северном Приазовье (*Шилов*, 1988. С. 3–14).

Следует упомянуть и «княжеский» курган № 31 могильника «Клады» (поздний горизонт) в Прикубанье, относящийся к новосвободненской группе майкопско-новосвободненской общности. В мегалитической двухкамерной гробнице погребения 5, содержащей костяки взрослого и ребенка до 7 лет, среди богатейшего инвентаря, связанного в том

числе и с функциями служителя культа, были найдены бронзовая и серебряная фигурки псов, «охранявших» входное отверстие гробницы (*Резепкин*, 1991. С. 184, рис. 10, 5–6).

В эпоху средней бронзы находки костей собак на территории Северного Причерноморья весьма редки. На несколько тысяч погребений катакомбных культур нам известно лишь 7 случаев: на правобережье Нижнего Днепра (один комплекс) (*Мельник, Стеблина*, 2012. С. 87), на левобережье Нижнего Днепра (два комплекса) (*Ковалева и др.*, 1979. С. 13; *Ковалева*, 1983. С. 54), в Северном Приазовье (два комплекса) (*Клейн*, 1960. С. 163; *Пустовалов*, 1993. С. 30) и на Северском Донце (два комплекса) (*Берестнев*, 1999. С. 41–44). Соответственно, в регионе, ранее занятом носителями усатовской культуры, сопровождающие подкурганые погребения собак в дальнейшем неизвестны вплоть до раннего железного века. Возможно, использование собак в обрядовой практике степного населения в послеусатовское время не исчезло, но приобрело другие формы.

Итак, в эпоху палеометалла на территории Северо-Западного Причерноморья сопровождающие захоронения собак являлись важной частью погребально-поминальной обрядности одной конкретной группы населения, обитавшей на относительно узкой полосе Черноморского побережья между левобережьем Нижнего Дуная и левобережьем Нижнего Днестра. Данные комплексы относятся к младшей ступени усатовской культуры и датируются рубежом IV–III тыс. до н. э.

Агульников, Сава, 2004 – *Агульников С., Сава Е.* Исследования курганов на Левобережье Днестра. Кишинев, 2004.

Алексеева, 1974 – *Алексеева И. Л.* Отчет о раскопках Днестро-Дунайской археологической новостроечной экспедиции Одесского археологического музея Академии наук УССР в зоне строительства Червоноярской оросительной системы (с. Десантное, Мирное, Шевченково, Червоный Яр Килийского района Одесской области) в 1974 году // НА ІА НАН України. Київ. 1974/62.

Алексеева, 1976 – *Алексеева И. Л.* О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Одесса, 1976. Вып. VIII.

Алексеева, 1992 – *Алексеева И. Л.* Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1992.

Алексеева, Тощев, 2009 – *Алексеева И. Л., Тощев Г. Н.* Курганная группа у с. Богатое Одесской области // Музейний Вісник. Запоріжжя, 2009. № 9.

Андрух и др., 1985 – *Андрух С. И., Добролюбовский А. О., Тощев Г. Н.* Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная / Деп. в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21110. М., 1985.

Березкин, 2005 – *Березкин Ю. Е.* Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. СПб., 2005. № 2.

- Берестнев*, 1999 – *Берестнев С. И.* О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племен // *Древности 1998–1999 г.* Харьков, 1999.
- Бурдо*, 2004а – *Бурдо Н. Б.* Тваринництво трипільської культури // *Енциклопедія трипільської цивілізації.* Київ, 2004. Т. 1.
- Бурдо*, 2004б – *Бурдо Н. Б.* Сакральний світ трипільської цивілізації // Там же.
- Вязьмітіна та ін.*, 1960 – *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // *АП.* Київ, 1960. Т. VIII.
- Ганина*, 2012 – *Ганина Н. А.* Собака в древнегерманской традиции // *Атлантика. Записки по исторической поэтике.* М., 2012. Вып. 10.
- Дергачев*, 1986 – *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
- Дергачев, Манзура*, 1991 – *Дергачев В. А., Манзура И. В.* Погребальные комплексы позднего Триполья. Свод источников. Кишинев, 1991.
- Журавльов*, 2004 – *Журавльов О. П.* Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України // *Енциклопедія трипільської цивілізації.* Київ, 2004. Т. 1.
- Збенович*, 1974 – *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
- Иванова*, 2001 – *Иванова С. В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.
- Иванова*, 2010 – *Иванова С. В.* Торговые пути и миграции в Юго-Восточной Европе в раннем бронзовом веке // *МАСП.* Одесса, 2010. Вып. XI.
- Иванова*, 2013а – *Иванова С. В.* Ямная (Буджакская) культура // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины).* Одесса, 2013.
- Иванова*, 2013б – *Иванова С. В.* Катакомбные культуры // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины).* Одесса, 2013.
- Иванова*, 2013в – *Иванова С. В.* Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад–Восток // *Stratum plus.* Кишинев, 2013. № 2: Обитаемое пространство в европейской преистории.
- Клейн*, 1960 – *Клейн Л. С.* Курганы біля с. Троїцького // *АП.* Київ, 1960. Т. VIII.
- Клейн*, 2010 – *Клейн Л. С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.
- Ковалева*, 1983 – *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины). Днепропетровск, 1983.
- Ковалева*, 1984 – *Ковалева И. Ф.* Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» (предварительное сообщение) // *Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э.* Днепропетровск, 1984.
- Ковалева и др.*, 1979 – *Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н. В., Никитин С. В.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашево // *Курганные древности Степного Поднепровья III–II тыс. до н. э.* Днепропетровск, 1979.
- Комиссаров, Кудинова*, 2012 – *Комиссаров С. А., Кудинова М. А.* Образ Небесного Пса в китайской мифологии // *Вестник Новосибирского гос. ун-та*, 2012 (Серия: История, филология. Т. 11, вып. 4: Востоковедение).
- Котова*, 2013 – *Котова Н. С.* Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков, 2013.
- Малюкевич, Гудкова*, 2013 – *Малюкевич А. Е., Гудкова Л. В.* Позднескифская культура // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины).* Одесса, 2013.
- Малюкевич и др.*, 2017 – *Малюкевич А. Е., Азульников С. М., Попович С. С.* Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога. Кишинев; Одесса, 2017.
- Манзура*, 2013 – *Манзура И. В.* Культуры степного энеолита // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины).* Одесса, 2013.
- Марина*, 1981 – *Марина З. П.* Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнеямного общества // *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веке.* Днепропетровск, 1981.
- Мельник, Стеблина*, 2012 – *Мельник О. О., Стеблина И. О.* Курганы Криворіжжя. Кривий Ріг, 2012.

- Мельник, Стеблина, 2013 – Мельник О. О., Стеблина И. О. Ямна культура середньої течії Інгульця. Кривий Ріг, 2013.
- Мелюкова, 1962 – Мелюкова А. И. Курган Усатовского типа у села Тудорово // КСИА. 1962. № 88: Памятники первобытной культуры.
- Патокова и др., 1989 – Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1989.
- Петренко, 2010 – Петренко В. Г. Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана // МАСП. Одесса, 2010. Вып. XI.
- Петренко, 2013 – Петренко В. Г. Усатовская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса, 2013.
- Пустовалов, 1993 – Пустовалов С. Ж. Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1993. № 1.
- Разумов, 2016 – Разумов С. Н. Синхронные погребения детей и взрослых в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): Материалы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016). СПб., 2016.
- Разумов и др., 2015 – Разумов С. Н., Смирнов А. И., Смирнов Л. И., Карнаух Е. Г. Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана // Stratum plus. Кишинев, 2015. № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур.
- Разумов и др., 2016 – Разумов С. Н., Лысенко С. Д., Синика В. С., Тельнов Н. П. Ритуальный комплекс раннего бронзового века с левобережья Нижнего Днестра // *Tyragetia, serie nouă. Chişinău*, 2016. Vol. X (XXV), nr. 1.
- Резепкин, 1991 – Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады. Проблема хронологии и генезиса майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. По материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края. Л., 1991.
- Синика, 2006 – Синика В. С. Собака в погребальном обряде варварского населения северного Причерноморья в скифо-сарматское время // Археологическое изучение Центральной России: Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
- Синюк, 2014 – Синюк А. Т. Об энеолитических могильниках Лесостепи (бассейн Среднего Дона) // Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж, 2014.
- Субботин, 2003 – Субботин Л. В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2003.
- Тельнов и др., 2016 – Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь, 2016 (Археологические памятники Приднестровья; Вып. 3).
- Черняков, 2004 – Черняков И. Т. Аккембецький курган // Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ, 2004. Т. 2.
- Шапошникова и др., 1986 – Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант). Киев, 1986 (САИ; Вып. В 1–3).
- Шилов, 1988 – Шилов Ю. А. «Грот быка» по материалам древнейших курганов // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988.
- Шмаглий, Черняков, 1970 – Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. Одесса, 1970. Вып. VI.
- Щепинский, Черепанова, 1969 – Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V–I тыс. до н. э. Симферополь, 1969.
- Яровой, 1990 – Яровой Е. В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев, 1990.
- Яровой, 2000 – Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
- Rassamakin, 2004 – Rassamakin Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Mainz, 2004. Т. II. Katalog. Tafeln (Archäologie in Eurasien, Bd 17).

Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age

S. N. Razumov

In the area of the North-Western Black Sea littoral (Fig. 1), a series of dog burials have been investigated which were accompanying the main graves (12 finds of dog burials at 10 kurgans). The researchers considered these complexes as characteristic of various cultural groups of the Eneolithic and Bronze Age. Four of the ten barrows with dog bones were initially attributed to the Usatovo culture. They are peculiar in their complicated burial structure (ditches, cromlechs, ritual pits) and the richness of the grave offerings (Fig. 2, 3–6; 3). The other funerary complexes are less informative but possess similar features (Fig. 2, 1, 2; 4, 5). All the burials accompanied with dog bones were the main ones. Four of the six barrows were surrounded with ditches and/or stone kerbs. The interred were mostly crouched on the left side and oriented head to the east. In the sub-kurgan areas, were found bonfire sites, cult pits with animal bones and pottery grouped in a definite order. The arrangement and poses of the dog skeletons are alike both in the 'Classic' Usatovo barrows and in other complexes. The parallels in the details of the funerary rite allow us to conclude that

the dog burials under consideration must be attributed to the Usatovo culture of the Early Bronze Age. On Usatovo steles near the passageways in the cromlechs there are found representations of dogs. Possibly, the dogs from the accompanying graves were conferred with the same functions of the guards of the passages between the worlds and/or guides of the souls. This supposition is confirmed by their position on the roofs and edges of the burial pits or close to the gaps in the circular ditches and/or stone kerbs. Hence, in the Bronze Age, dog burials in the region of the North-Western Black Sea littoral were an important part of the funeral and memorial rituals of a particular group of the population living between the Lower Danube and the left banks of the Lower Dniester. These funerary complexes belong to the younger stage of the Usatovo culture and are dated to the turn between the 4th and 3rd millennia BC. Here and in the neighbouring regions, accompanying sub-kurgan dog burials are absent among the materials of other archaeological cultures of the Eneolithic and Bronze Age. These burials began to be practiced again only in the Early Iron Age.

**ЗОЛОТЫЕ ТОНКОСТЕННЫЕ БЕСШОВНЫЕ БУСЫ ИЗ ДОЛЬМЕНА
РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В КУРГАНЕ № 2 у СТАНИЦЫ ЦАРСКАЯ,
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ:
ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹**

**В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода,
Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина²**

Аннотация. В статье приведены результаты трасологического анализа, ювелирного эксперимента и сравнительного анализа золотых бус из дольмена раннего бронзового века (приблизительно 3200–2900 гг. до н. э.) в кургане № 2 у ст. Царская (1898 г.). Впервые реконструирована технология производства тонкостенных золотых бесшовных бус майкопской культуры.

Annotation. This paper presents the results of tracewear analysis, a jewellery experiment and comparative analysis of gold beads from a dolmen of the Early Bronze Age (approximately 3200–2900 BC) in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya (1898). The technology of manufacturing thin-walled gold seamless beads of the Maykop culture is reconstructed for the first time.

Ключевые слова: Древний Восток, Кавказ, ранний бронзовый век, майкопская культура, золотые бусы, технология, трасология, эксперимент.

Keywords: Ancient East, Caucasus, Early Bronze Age, Maykop culture, gold beads, technology, tracewear analysis, experiment.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-68-82

Введение. В 1898 г. в окрестностях ст. Царской (современная ст. Новосвободная, Республика Адыгея, Северо-Западный Кавказ) (рис. 1, А) Н. И. Веселовский открыл две мегалитические гробницы с погребениями представителей местной социальной элиты раннего бронзового века (ОИАК за 1898 г. С. 33–38). По результатам радиоуглеродного анализа оба захоронения относятся к периоду приблизительно между 3200 и 2900 гг. до н. э. и представляют новосвободненский вариант майкопской культуры

(Трифонов и др., 2017. С. 1042–1043). Вместе с останками людей – по одному взрослому человеку в каждом дольмене – был найден многочисленный погребальный инвентарь, в том числе изделия из золота, серебра и цветных камней.

В рамках комплексного исследования этих памятников изучалась технология изготовления предметов из драгоценных металлов и поделочных камней. В настоящей статье приведены результаты исследования технологии производства одного из типов ювелирных украшений – золотых тонкостенных бесшовных бус из дольмена в кургане № 2.

Задачи и методы исследования. Основной целью изучения ювелирных изделий было определение совокупности приемов и инструментов, необходимых для изготовления золотых тонкостенных бесшовных бус, а также определение культурно-хронологического контекста, в котором эта ювелирная технология могла возникнуть.

Задачи исследования включали определение химического состава материала, оценку его технологических свойств, реконструкцию содержания и последовательности операций полного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-06-00026).

² Трифонов В. А. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: viktor_trifonov@mail.ru.

Шишлина Н. И. – Россия, 109012, Москва, Красная пл., д. 1. Государственный исторический музей, Отдел археологических памятников. E-mail: nshishlina@mail.ru.

Лобода А. Ю., Колобылина Н. Н., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б. – Россия, 123098, Москва, пл. Академика Курчатова, 1. Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». E-mail: lobodaau@mail.ru; kolobyлина@gmail.com; elenatereschenko@yandex.ru; yasekaterina@yandex.ru.

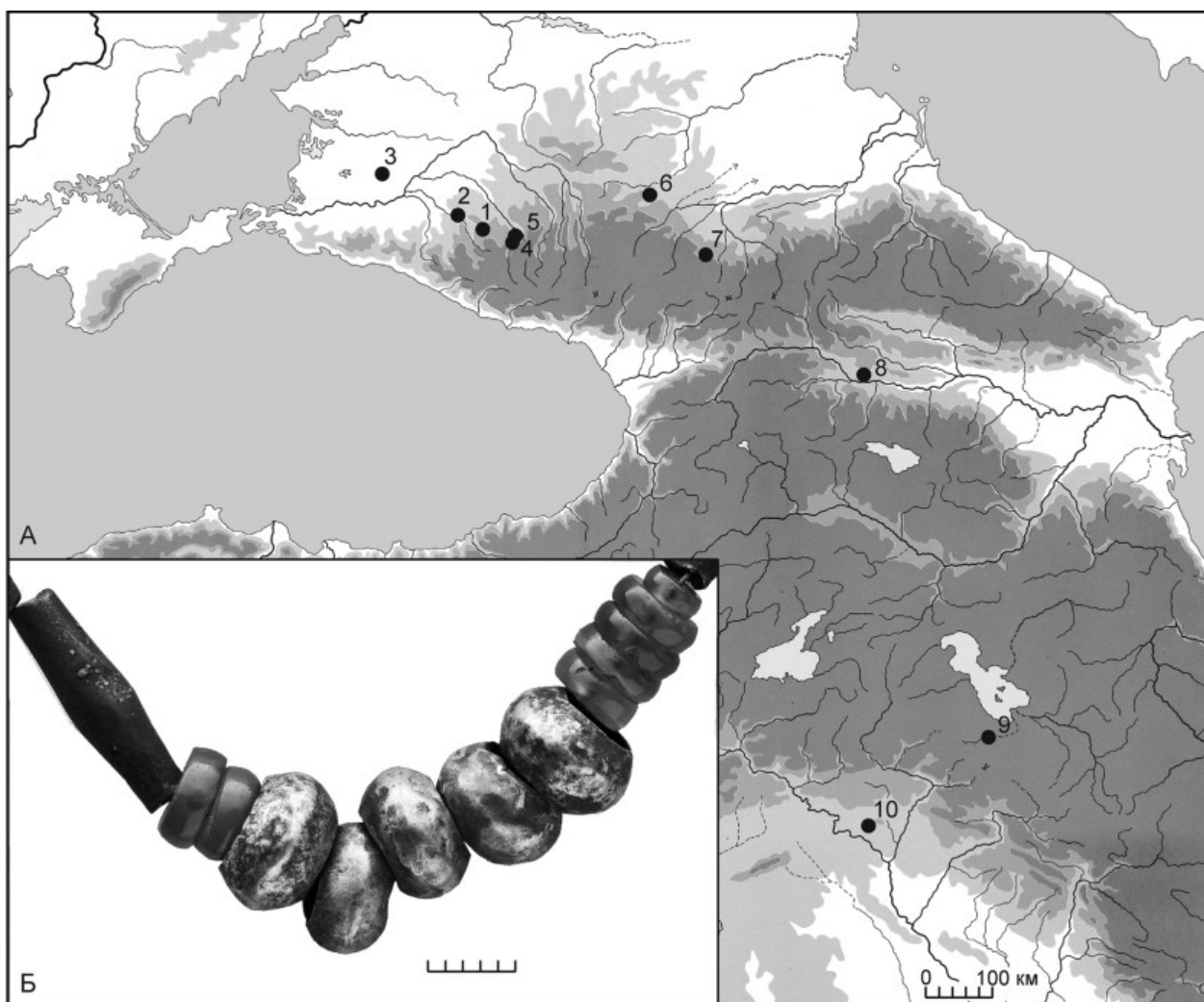

Рис. 1. А: карта Кавказа и части Западной Азии с памятниками, упомянутыми в статье: 1 – Царская (совр. Новосвободная); 2 – Майкоп; 3 – Старомышастовская; 4 – Андриюковская; 5 – Псебайская; 6 – Иноземцево; 7 – Кудакхурт; 8 – Союк Булак; 9 – Се Гирдан; 10 – Тепе Гавра; Б: Низка золотых тонкостенных бесшовных бус с бусами из серебра и сердолика из тайника в дольмене кургана 2, Царская, 1898 г.

Fig. 1. A: map of the Caucasus and part of Western Asia with the sites mentioned in the article: 1 – Tsarskaya (now Novosvobodnaya); 2 – Maykop; 3 – Staromyshastovskaya; 4 – Andryukovskaya; 5 – Psebayskaya; 6 – Inozemtsevo; 7 – Kudakhurt; 8 – Soyuk Bulak; 9 – Se Girdan; 10 – Tepe Gawra; B: String of gold thin-walled seamless beads and beads from silver and cornelian found in a hiding place in the dolmen of kurgan no. 2, Tsarskaya, 1898

технологического цикла и его инструментальную оснастку.

Учитывая высокую культурно-историческую ценность объектов исследования, деструктивные методы их анализа были полностью исключены.

Обмеры бусин выполнены с использованием микроскопа и кронциркуля с точностью до 0,01 мм. Вес бусин определен на электронных весах с точностью до 0,01 г.

Элементный состав металла, из которого были изготовлены бусины, определен методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии с использованием сканирующего электронно-ионного микроскопа (СЭМ) Versa 3D DualBeam (FEI, США), оборудованного беззотным кремниевым дрейфовым sdd детектором OctanePlus (EDAX). Основные и примесные элементы объекта определялись в диапазоне содержаний от 0,5 до 100

весовых и атомных %. Измерения выполнены в лаборатории Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» (Москва).

Характер и последовательность приемов изготовления ювелирных изделий определялись по результатам сравнительного трасологического анализа следов механического воздействия на предметах из археологической коллекции и эталонных образцах, изготовленных в ходе эксперимента. Для анализа и фиксации следов использовался электронный микроскоп ZeissAxioCam ERc5s и оптический микроскоп Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C с увеличением $\times 50$ и $\times 100$.

Технико-технологический эксперимент изготовления образцов бусин проводился с использованием листового золота ювелирной пробы (750 °С) и медного листа, экспериментальных инструментов – деревянного стека, бронзовой опорной подставки с полусферическим отверстием-обжимкой – анки. Промежуточный отжиг металла выполнялся ручной газовой горелкой при температуре около 700 °С. Полировка готовых изделий производилась войлоком.

Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена в кургане № 2 у ст. Царская, 1898 г.: погребальный контекст. В погребальной камере дольмена пять золотых бусин были найдены в ма-

ленькой потайной нише, выдолбленной в стене над головой погребенного вместе с серебряными и сердоликовыми бусами, «нанизанные на красном плетеном шнурке» (ОИАК за 1898 г. С. 38) (рис. 1, Б).

Результаты обмеров, анализов и эксперимента. *Форма, вес и размеры бус.* Все пять бусин имеют похожую форму наружной части пустотелого «бублика» (формально: наружной части тороидальной поверхности) или низкого бочонка, местами с едва выраженным скругленным ребром по линии максимального диаметра.

Учтены следующие измерения: 1) вес; 2) максимальный внешний диаметр; 3) длина канала (расстояние между внешними краями отверстий); 4) диаметр противоположных отверстий (1 – меньшее отверстие, 2 – большее отверстие); 5) минимальная и максимальная толщина краев отверстий; 6) минимальная и максимальная толщина по линии наибольшего диаметра. Всего учтено 11 показателей (таблица 1).

Максимальный диаметр бусин варьирует от 7,66 мм до 8,43 мм. С увеличением диаметра бусин растет и их вес: от 0,244 г до 0,326 г соответственно. Расстояние между краями противоположных отверстий (длина канала) варьирует у бусин от 4,4 до 5,1 мм, но прямой зависимости между изменениями

Таблица 1. Станица Царская. Дольмен в кургане № 2. Вес и размеры золотых тонкостенных бесшовных бусин

Table 1. Cossack village of Tsarskaya. Dolmen at kurgan no. 2. Weight and dimensions of gold thin-walled seamless beads

№	Шифр ГИМ Code	Вес (г) Weight	Внешн. диам. макс. (мм) Dmax	Длина канала (мм) L	Диам. отв. 1 (мм) D1	Диам. отв. 2 (мм) D2	Толщ. края отв. 1 мин. (мм) T1 min	Толщ. края отв. 1 макс. (мм) T1max	Толщ. края отв. 2 мин. (мм) T1 min	Толщ. края отв. 2 макс. (мм) T1 max	Толщ. сред. части мин. (мм) T min	Толщ. сред. части макс. (мм) T max
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	89/72-5	0,244	7,66	4,4	4,40	4,63	0,17	0,23	0,10	0,12	0,19	0,20
2	89/72-3	0,272	7,76	5,0	4,38	4,89	0,12	0,15	0,90	0,12	0,15	0,16
3	89/72-1	0,300	7,95	4,6	4,67	4,89	0,17	0,19	0,10	0,16	0,15	0,19
4	89/72-2	0,324	8,31	5,1	4,95	5,39	0,13	0,19	0,90	0,15	0,13	0,19
5	89/72-4	0,326	8,43	5,0	4,93	4,97	0,15	0,20	0,09	0,10	0,16	0,20

длины канала и максимального диаметра бусин нет.

Характерной особенностью всех пяти бусин является различный диаметр их противоположных отверстий. Разница между их размерами колеблется от 0,04 до 0,51 мм. Во всех случаях между размером диаметров и толщиной края противоположных отверстий существует обратная связь: у отверстий меньшего диаметра (А) максимальная толщина края больше, чем у отверстий большего диаметра (Б) (рис. 2; 3).

Толщина металла по линии максимального диаметра бусин (T_{\max} - D_{\max}) равна или почти равна толщине края меньшего отверстия, но во всех пяти случаях заметно превосходит толщину края боль-

шего отверстия. Таким образом, у всех бусин толщина металла по всей площади уменьшается от края меньшего отверстия к краю большего.

В целом, несмотря на изменчивость размеров, характерную для штучной продукции ручного кустарного производства, результаты обмеров демонстрируют наличие устойчиво повторяющихся соотношений между ними. Можно предположить, что эта регулярность является результатом технологии изготовления тонкостенных бесшовных бус.

Состав металла. Результаты спектрального анализа показали, что все пять бусин изготовлены из высокопробного золота с примесью серебра и меди (таблица 2).

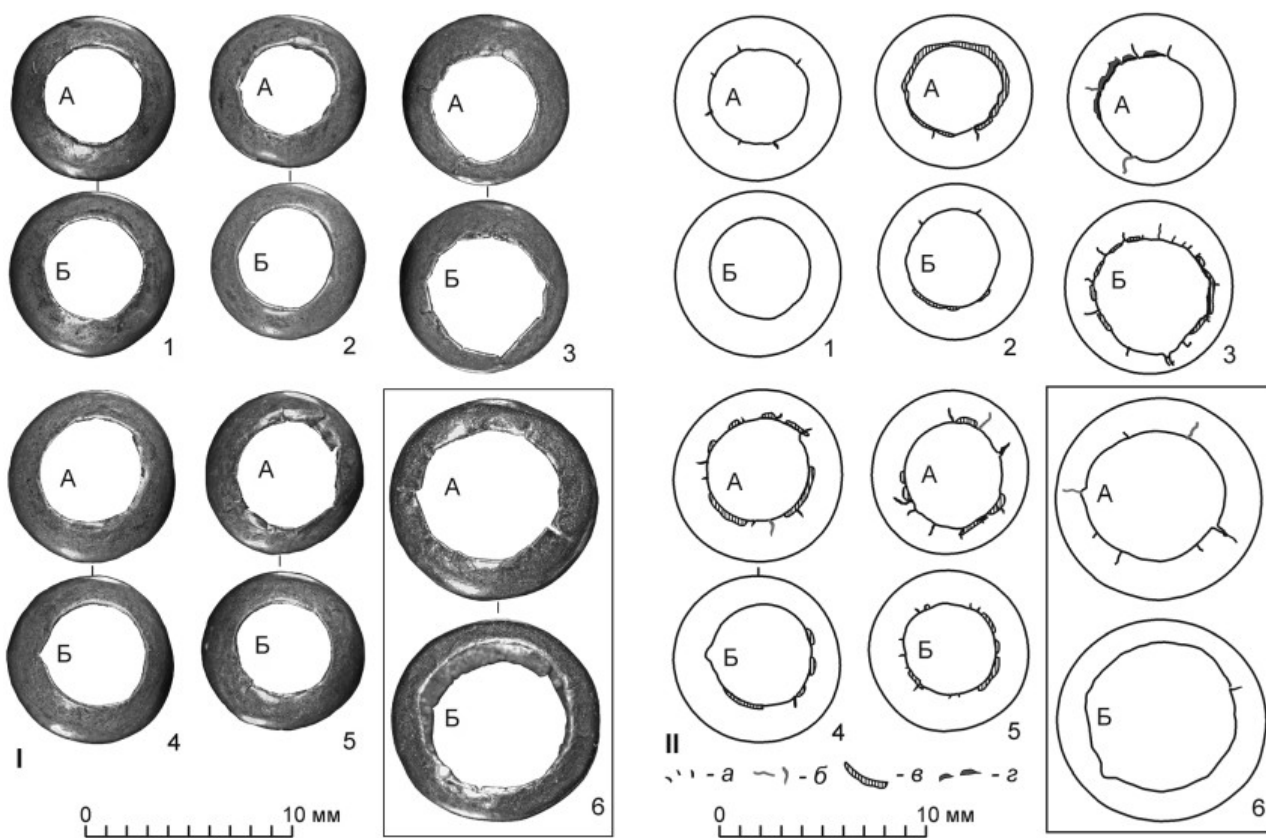

Рис. 2. Макрофотографии (I) (увел. $\times 0,8$) и схема (II) расположения деформаций по краям противоположных отверстий золотых тонкостенных бесшовных бус из дольмена в кургане 2, Царская, 1898 г., и экспериментальной золотой бусине: 1 – бусина № 1; 2 – бусина № 2, 3 – бусина № 3; 4 – бусина № 4; 5 – бусина № 5; 6 – экспериментальная бусина; а – меньшее отверстие (А), в – большее отверстие (Б)

Условные обозначения: а – разрывы; б – нахлесты; в – следы абразивной обработки; з – оборки

Fig 2. Macrophotographs (I) (magnification $\times 0,8$) and scheme (II) of the distribution of deformations along the edges of opposite holes in gold thin-walled seamless beads from the dolmen in kurgan 2, Tsarskaya, 1898 г., and in an experimental gold bead: 1 – bead no. 1; 2 – bead no. 2, 3 – bead no. 3; 4 – bead no. 4; 5 – bead no. 5; 6 – experimental bead; а – smaller hole (А), в – larger hole (Б)

Legend: а – ruptures, б – overlappings, в – traces of abrasive treatment, з – ruffles

Таблица 2. Станица Царская. Дольмен в кургане № 2. Состав металла тонкостенных бесшовных бусин. Результаты количественного анализа (РЭМ)

Table 2. Cossack village of Tsarskaya. Dolmen at kurgan no. 2. Composition of the metal of the thin-walled seamless beads. Results of quantitative analysis (SEM)

№	Шифр ГИМ	Au wt%	Ag wt%	Cu wt%
1	89/72-5	87,17	11,50	1,33
2	89/72-3	90,26	7,28	2,46
3	89/72-1	84,31	14,97	0,72
4	89/72-2	84,98	9,53	5,49
5	89/72-4	86,34	9,57	4,09

Общая масса золота в сплавах колеблется от 84,31 до 90,26 %, серебра – от 7,28 до 14,97 %, меди – от 0,72 до 5,49 %. Существенные различия в соотношении количества основных элементов указывают на изготовление бусин из материала плавок сырья с различным химическим составом. В природном россыпном золоте содержание меди обычно не превышает 1 %, но его высокое содержание не обязательно является признаком намеренной совместной плавки двух металлов. Это

может быть результатом недостаточной очистки перед плавкой золотого песка от медных минералов (Hauptmann, Klein, 2009. S. 78–80; Hauptmann et al., 2010. S. 154).

Все бусины изготовлены из высокопробного золота. Полного соответствия стандартам современной метрической или каратной системе проб эти составы не имеют, но ближе всего они к золоту 875 и 916 проб или к золоту в 21 и 22 карата (McDonald, Sistare, 1978. P. 66–73).

Золото с таким составом обладает ярко-желтым цветом, близким к цвету чистого золота, и, благодаря высокой пластичности, легко поддается различным видам обработки. Такой металл в современном ювелирном производстве используется, в основном, для изготовления обручальных колец. Недостатком сплава является его излишняя мягкость, отчего полировка на изделиях держится недолго.

Результаты трасологического анализа. С момента погребения бусы лежали в свободном от земли каменном тайнике и, судя по хорошей сохранности шнурка, на который они были нанизаны, за это время практически не пострадали. На внутренней поверхности местами сохранился налет киновари (HgS). Это объясняет и красный цвет шнурка, отмеченный Н. И. Веселовским (ОИАК за 1898 г. С. 33–38). Учитывая эти обстоятельства, все

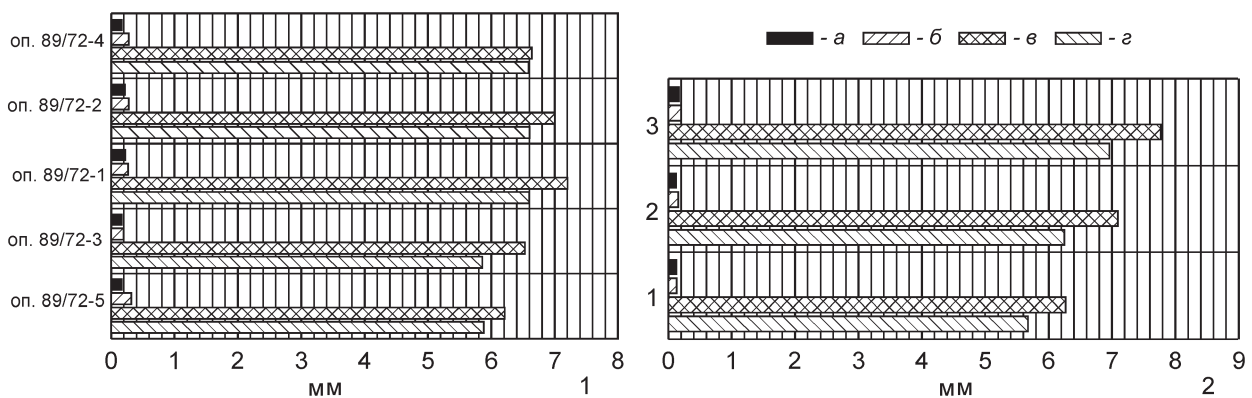

Рис. 3. Соотношение диаметров и толщины краев отверстий (мм) у бус из дольмена в кургане № 2, Царская, 1898 г. (1), и у экспериментальных бусин (2)

Условные обозначения: а – толщина максимальная края отверстия 2; б – толщина максимальная края отверстия 1; в – диаметр отверстия 2 (большой); г – диаметр отверстия 1 (меньший)

Fig. 3. Ratios of diameters and thickness of the edges of the holes (mm) in beads from the dolmen of kurgan no. 2, Tsarskaya, 1898 (1) and in experimental beads (2)

Legend: а – the maximum thickness of the edge of the hole 2; б – the maximum thickness of the edge of the hole 1; в – hole diameter 2 (larger); г – hole diameter 1 (less)

обнаруженные на поверхности бус следы механического происхождения были разделены на две группы изготовления и износа в процессе использования готовых изделий. К последнему, вероятно, относятся небольшие вмятины, потертости и нерегулярно расположенные царапины (рис. 1, Б; 2). Остальные следы связаны с процессом изготовления бус.

В ходе трасологического анализа было выделено несколько типов следов механического воздействия и деформаций материала.

Практически на всех краях бусин, кроме одного (бусина 1, отверстие 2), присутствуют разрывы (рис. 2, I, II, 1–5), на трех – разрывы-нахлесты (рис. 2, I, 4, 3–5), или оборки (бусина 5, отверстие 1) (рис. 2, I, II, 3). Кроме этого, на краях отверстий бусин 3 и 5 разрывы и разрывы-нахлесты сочетаются с загибами металла внутрь, отчего край отверстия приобрел «ломаный» контур (рис. 2, I, 3б, 5а).

Основные формы деформации материала указывают на их происхождение в результате растяжения и сжатия металла давлением, невозможном без отжига для придания металлу пластичности в процессе обработки.

Вся поверхность бусин покрыта тонкими криволинейными пересекающимися царапинами – следами повторяющихся криволинейных движений по мелкой абразивной поверхности. Глубина этих следов могла быть частично сокращена за счет финальной полировки.

На четырех из пяти бусин прослежены следы абразивной обработки в виде групп узких параллельных следов, расположенных под разными углами к краям отверстий (рис. 2, I, 2а, 3б, 4, 5; II, 2а, 3б, 4, 5). Следы абразива идут поверх нахлестов, перекрывая их. Преобладающая ширина отдельных абразивных бороздок на всех бусинах примерно одинакова – от 3 до 10 мкм, но встречаются и до 24 мкм, что указывает на использование каменного абразива с неоднородной зернистостью (рис. 4, 1–3).

На поверхности одной из бусин по линии ее максимального диаметра в процессе изготовления образовался разрыв металла длиной около 1,2 мм. Чтобы скрыть этот дефект, участок был зашлифован мелким абразивом.

Вся поверхность бусин, включая участки со следами абразивной обработки, несет следы полировки, которые при увеличении выглядят как

плотная сеть тонких разнонаправленных царапин. Возможно, что для полировки использовался абразивный порошок тонкого помола в сочетании с войлоком или кожей.

Реконструкция технологии изготовления. Последовательность, в которой на поверхности бус были оставлены производственные следы, вместе с характером сочетания различных форм деформации и размерами позволяют достаточно уверенно реконструировать технологию их изготовления.

Исходной заготовкой для изготовления золотой бесшовной тонкостенной бусины служил металлический диск с отверстием – шайба. Его исходные размеры должны были быть примерно следующими: внешний диаметр 10–12 мм, диаметр отверстия 3–4 мм, толщина около 0,19 мм. Необходимые оснастка и инструменты: опорная подставка из твердого материала (камень) с полушарной выемкой диаметром, близким к диаметру бусины, и разного размера твердые роговые или деревянные стеки, при помощи которых при периодическом отжиге и давлении на заготовку в полушарной выемке формировалась бусина.

Расплющивая и одновременно поворачивая заготовку в полушарной выемке, из отверстия в заготовке формировалось одно из отверстий бусины, в то время как наружный край диска-шайбы, постепенно загибаясь, превращался в противоположное отверстие. Постоянное проворачивание под давлением заготовки в полушарной выемке опоры оставило на поверхности бусин сеть тонких криволинейных пересекающихся царапин.

Такая работа требовала сноровки и устойчивых навыков, так как при растяжении и сжатии металла заготовки в нем возникало напряжение, которое надо было снять отжигом. Сделать это должным образом удавалось не всегда, поэтому по краям заготовки возникали деформации.

Край отверстия в заготовке подвергался главным образом деформации растяжения. В лучшем случае обходилось без разрывов в материале (рис. 2, I, 1б; 4, 1), в худшем – по краю появлялись короткие трещины.

Внешний край заготовки сначала испытывал деформации растяжения, а затем, при формировании отверстия, противоположного первому, подвергался деформации сжатия. В результате на этом краю отверстия формировалось сложное сочетание

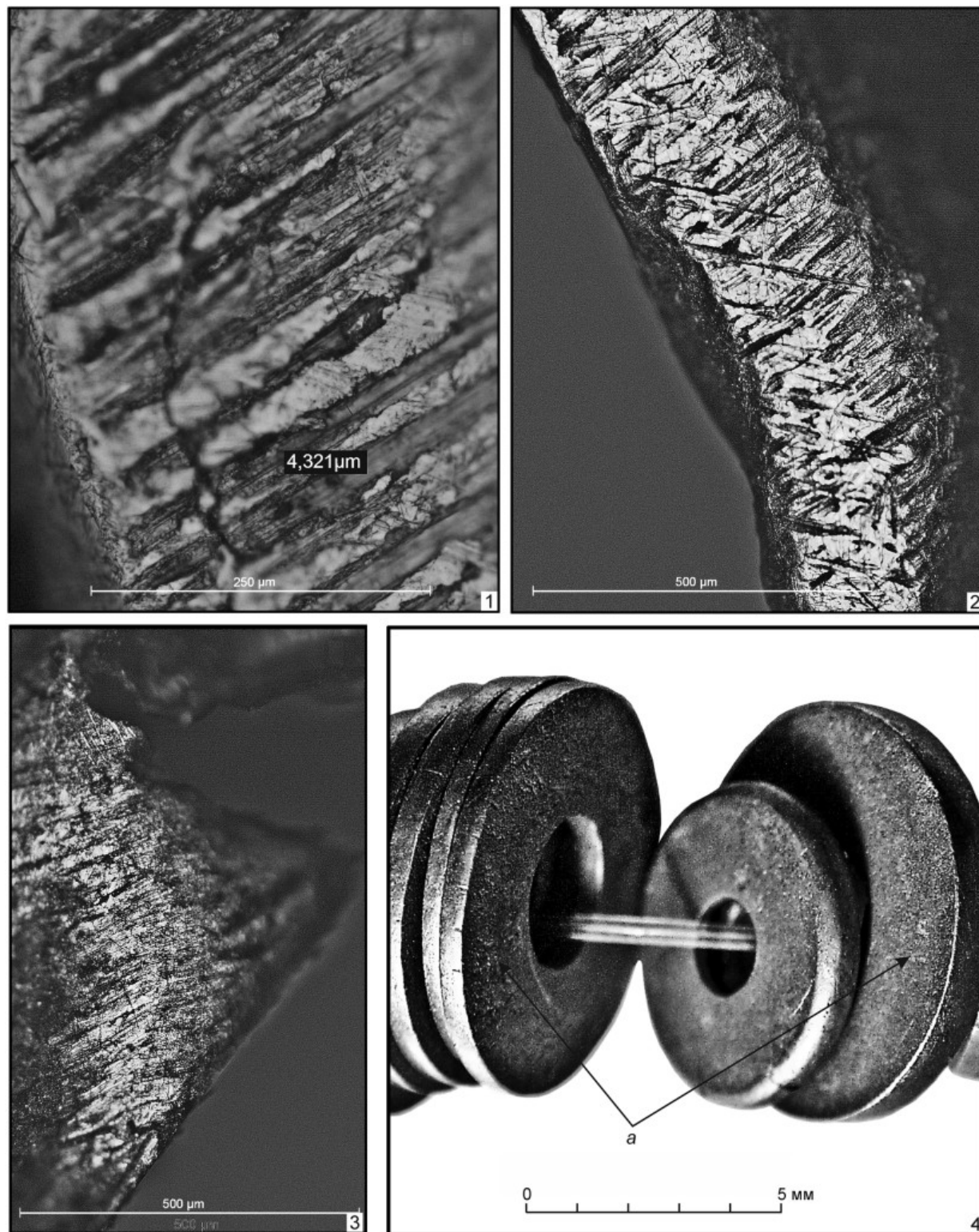

Рис. 4. Макрофотографии следов абразивной обработки краев отверстий золотых тонкостенных бесшовных бус из дольмена в кургане № 2, Царская, 1898 г.: 1 – бусина № 1; 2 – бусина № 2; 3 – бусина № 3; 4 – дисковидные бусы из Майкопского кургана (1897 г.), а – стрелки указывают на слегка вогнутую поверхность бусин

Fig. 4. Macro photographs of traces of abrasive treatment of the edges of gold thin-walled seamless beads from the dolmen at kurgan no. 2, Tsarskaya, 1898: 1 – bead no. 1; 2 – bead no. 2; 3 – bead no. 3; 4 – discoid beads from the Maykop kurgan (1897), a – the arrows point to a slightly concave surface of the beads

разрывов, нахлестов и загибов (рис. 2, I, 3б; 4, 3). Самая сильная деформация края отверстия одновременно связана с более тонким краем и существенно большим диаметром этого отверстия. Таким образом, одним из результатов подобной техники изготовления стали различия в толщине краев противоположных отверстий, их диаметре, степени и характере деформации.

В стремлении сократить ущерб от неизбежных деформаций краев отверстий, мастер обрабатывал их на каменном абразиве, притирая неровные края к плоскости камня. Завершала изготовление полировка всей наружной поверхности бусин, вероятно, войлоком или кожей, возможно, с абразивной пудрой или пастой.

В целом, результаты трасологического анализа согласуются именно с такой реконструкцией последовательности операций, но для оценки возможностей ее практического исполнения был проведен технологический эксперимент, выполненный профессиональным ювелиром.

Результаты технологического эксперимента. Для изготовления тонкостенной бесшовной бусины использовались заготовки из золота и меди в виде диска толщиной 0,16 мм, диаметром 10,0 мм и отверстием 3,0 мм; опорная бронзовая подставка-анка с полушарным отверстием диаметром 8,00 мм и глубиной 3,50 мм; деревянный (дубовый) и бронзовый стеки длиной 12,00 см (рис. 5, А, I; табл. 3). Медная заготовка использовалась как контрольный образец для проверки возможностей технологии изготовления тонкостенных бесшовных бус из

металлов с механическими свойствами, близкими к пластичности 75 % золотого сплава.

Диск был помещен в анку с небольшим смещением относительно центра полушарного отверстия. Затем при помощи стеков в этом отверстии осуществлялась обжимка бусины. Давление на сектор заготовки, который располагался над отверстием, выполнялось с постоянным поворотом металлического диска, при этом заготовка всегда опиралась на края отверстия (рис. 5, Б, В, 2, 3). Давление на металл чередовалось с отжигом металла (рис. 5, Г). Для формирования заворота первоначально плоской поверхности диска заготовка многократно проворачивалась боковой стороной у края обжимки. В итоге металлический лист сворачивался, и заготовка постепенно приобретала шаровидную форму (рис. 5, Д, 4). При этом диаметр внутреннего отверстия в диске увеличивался, а внешний – уменьшался до тех пор, пока они не становились приблизительно одинаковыми.

По ходу изготовления эталонных бусин на краях их отверстий появились характерные следы деформации сжатия и растяжения в виде разрывов, нахлестов, оборок и загибов, причем их количество и сочетание на противоположных краях отверстий было различным (рис. 2, I, б; 4).

Затем края бусины притирались к горизонтальной поверхности мелкозернистого абразива. Для имитации разнотонного природного каменного абразива последовательно использовалась наждачная бумага с зернистостью от 20–28 мкм до 3–5 мкм (ISO 6344: P600–P2500). Окончательная полировка поверхности была выполнена войлоком.

Для уменьшения вероятности случайных ошибок эксперимента он был выполнен трижды: с двумя заготовками из золота и одной – из меди. Условия, оснастка и инструменты во всех экспериментах были одинаковыми. Во всех трех случаях были получены близкие результаты. Все три бусины обладают общими признаками, включая размеры, форму и сочетание видов деформации на краях противоположных отверстий бусин. В отличие от золотых (рис. 2, I, б; II, б), на краях медной бусины образовалось меньше разрывов, но больше оборок, что объясняется более высокой пластичностью меди относительно золота. Основные размеры экспериментальных бусин приведены в таблице 4.

Таблица 3. Вес и размеры экспериментальных заготовок
Table 3. Weight and dimensions of experimental blanks

Заготовки					
№	Материал	Вес (г)	Внешний диаметр макс. (мм)	Диам. отв.	Толщ. (мм)
1	золото	0,410	10,0	3,0	0,16
2	золото	0,600	12,0	3,0	0,16
3	медь	0,520	10,0	3,0	0,18

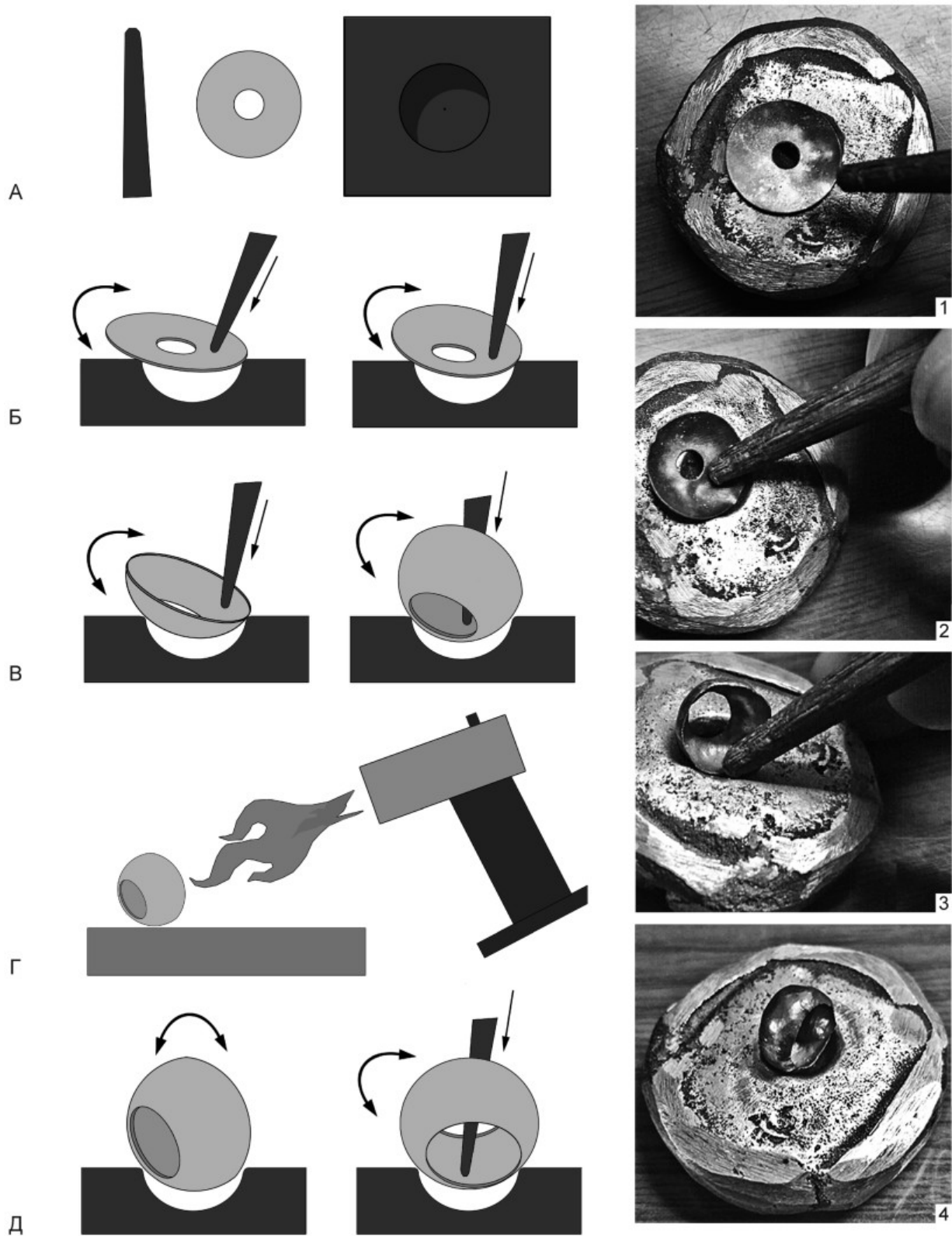

Рис. 5. Экспериментальное изготовление золотой тонкостенной бесшовной бусины (схемы и фотографии): А–Д – набор инструментов (А) и последовательность операций, включая отжиг (Д); 1–4 – этапы экспериментального производства

Fig. 5. Experimental manufacturing of a gold thin-walled seamless bead (schemes and photos): А–Д – the set of tools (А) and sequence of the operations including annealing (Д); 1–4 – stages of experimental manufacture

Таблица 4. Вес и размеры экспериментальных бус
Table 4. Weight and dimensions of experimental beads

№	Материал	Вес (г)	Внешн. диам. макс. (мм) D max	Длина канала (мм) L	Диам. отв. 1 (мм) D1	Диам. отв. 2 (мм) D2	Толщ. края отв. 1 мин. (мм) T1 min	Толщ. края отв. 1 макс. (мм) T1 max	Толщ. края отв. 2 мин. (мм) T2 min	Толщ. края отв. 2 макс. (мм) T2 max	Толщ. сред. части мин. (мм) T min	Толщ. сред. части макс. (мм) T max
1	золото	0,410	9,0	4,80	5,70	6,30	0,13	0,15	0,10	0,15	0,16	0,16
2	золото	0,600	10,0	5,20	6,28	7,11	0,14	0,17	0,14	0,15	0,16	0,17
3	медь	0,520	10,0	6,28	7,00	7,80	0,18	0,20	0,17	0,19	0,16	0,18

Обсуждение. Сравнительный анализ археологических и экспериментальных бус. Инструменты, оснастка, заготовки. Сравнение археологических бусин с экспериментально изготовленными эталонами демонстрирует их значительное сходство в характере и сочетании деформаций на краях отверстий, соотношении размеров и фактуре поверхности.

Дефекты, образовавшиеся на эталонных образцах, представлены разрывами, нахлестами, оборками и загибами, причем, как и на оригинальных бусах, комбинации и количество деформаций на краях противоположных отверстий различаются между собой (рис. 2, I, б; II, б). Края отверстий большего диаметра, как правило, чуть тоньше (рис. 3) и имеют дефекты как от чрезмерного растяжения, так и от сжатия, а отверстия меньшего диаметра толще и менее деформированы, главным образом разрывами (рис. 2, I, б; II, б). Следы от абразивов разной зернистости добавляют сходства между археологическими бусами и экспериментальными эталонами.

Отсутствие на поверхности экспериментальных бус характерной сетки тонких (3–5 мкм) криволинейных пересекающихся царапин, покрывающих поверхность оригинальных экземпляров, объясняется различиями в материале оснастки. В эксперименте использовалась литая бронзовая анка с гладкой поверхностью, а бусы из дольмена, вероятно, были сделаны на анке из камня высокой

плотности, при этом полушарная выемка должна была быть хорошо заполирована, чтобы на золотой поверхности оставались минимально тонкие следы задигов. Как в действительности выглядела оснастка и инструменты для изготовления бус, неизвестно.

Вместе с золотыми бусами в дольмене у Царской был также найден абразив, подходящий по форме, следам износа и размеру зернистости (от 6 до 60 мкм) для правки неровных краев отверстий бусин, но неизвестно, использовался ли он таким образом. Примененные во время эксперимента деревянные (дубовые) стеки представляли собой заточенные стержни диаметром 0,7 см и длиной 12,0 см с закругленным рабочим концом диаметром 0,15 см. Годятся для аналогичной работы и стеки из рога, но ни деревянных, ни роговых Н. И. Веселовским в дольмене найдено не было. Тем не менее подходящие по размерам и характеристикам инструменты известны как в дольменах могильника Клады, так и в других погребениях майкопской культуры.

При дополнительных исследованиях раскопанного Н. И. Веселовским дольмена под курганом № 1 вместе с керамикой и предметами из кости и камня был найден обломок рогового стержня с закругленным концом. Круглые в сечении роговые «палочки» длиной до 15 см с закругленными концами были найдены в комплексе, относящемся к дольмену, аналогичному раскопанному Н. И. Ве-

селовским. Есть в этом комплексе и золотые бесшовные бусы, близкие по типу исследованным (*Резепкин*, 2012. С. 38, 260, 334, рис. 132, 13; табл. 16).

Простота инструмента для выдавливания бус затрудняет его уверенную идентификацию среди подходящих по размеру роговых стержней неизвестного назначения. Некоторые из них могут скрываться за их нечеткой атрибуцией как фрагментов костяных, роговых, деревянных «булавок» или «палочек» майкопской культуры (*Корневский, Петренко*, 1982. С. 102, 106, рис. 6, 2; *Резепкин*, 2012. С. 33–34, 37, 191, рис. 62, 13, 14).

Как показали результаты эксперимента, заготовкой для изготовления золотых бесшовных бус служил диск с центральным отверстием. Для получения бусины того же диаметра, что и диск, его толщина должна составлять приблизительно 0,16–0,18 мм, а диаметр отверстия должен составлять приблизительно треть часть от внешнего диаметра диска. Достоверно неизвестно, как подобные диски изготавливались, но есть косвенные данные, которые позволяют реконструировать и эту технологию.

В погребении Майкопского кургана, относящегося, как и дольмены у ст. Царская к майкопской культуре, одной из самых многочисленных разновидностей золотых украшений были бусы («пронижи», по Н. И. Веселовскому) «в виде плоских кружков разной величины» (ОИАК за 1897 г. С. 4, рис. 6). Их количество насчитывает несколько сотен. Внешний диаметр бусин в виде шайб составляет 3–9 мм, диаметр отверстия – до 3 мм, а толщина – до 2 мм (*Бронзовый век...*, 2013. С. 317, рис. 20, 31–34). Во многих случаях одна поверхность бусин этого типа ровная, а противоположная – вогнутая,³ что, вероятно, является результатом усадки металла при литье в открытую форму (рис. 4, 4, а).

С. Н. Корневский подобные бусы из майкопского погребения в кургане на р. Кудухурт в Балкарии описывает как «штампованные, выбитые из листа фольги», но каких-либо веских аргументов в пользу именно такой технологии не приводит (*Корневский*, 2011. С. 101).

По своим размерам подобные диски-шайбы могли быть не только самостоятельным видом украшений, характерных для майкопской культуры (Майкопский курган; Старомышастовский клад; ст. Псебайская; Кудухурт, курган № 1, погребение № 3), но и служить заготовками для изготовления тонкостенных бесшовных бус. В погребении у ст. Псебайской золотые «шайбы» найдены вместе с золотыми бесшовными тонкостенными бусами (*Бронзовый век...*, 2013. С. 321, рис. 25, 5), а в погребении на р. Кудухурт – с золотой полушарной бляшкой, которая выглядит как полуфабрикат бусины (*Корневский*, 2011. С. 324, рис. 100-1, 25; лист 7, 14, 25).

Предположительно в период строительства дольменов у ст. Царская (могильник Клады) ранняя майкопская ювелирная традиция изготовления золотых «шайб» как самостоятельного вида украшений большими сериями исчезла. Однако эта технология, вероятно, могла сохраниться для получения заготовок, которые использовали для изготовления более представительного вида украшений – бесшовных бус.

При реконструкции технологического процесса по характеру следов и сочетанию возникающих деформаций материала, следует принимать в расчет квалификацию мастера. Если одной из целей его работы была минимизация дефектов, то на бусах из дольмена под курганом № 2 только в одном случае из пяти мастеру удалось получить почти идеально ровный край бусины без разрывов и нахлестов (рис. 2, 1, 1b; 4). Такой процент брака, скорее всего, результат недостаточной квалификации ювелира. Случаи, когда на краях отверстий золотых тонкостенных бесшовных бус нет или имеется минимальное количество дефектов (бусы из погребений у ст. Новосвободной, Псебайской, Андрюковской и п. Иноземцево), видимо, отражают более высокий уровень мастерства, а не различия в технологии (*Резепкин*, 2012. С. 334, рис. 16; *Бронзовый век...*, 2013. С. 321, 334, 336, рис. 25, 5; 26, 6, 7; 27, 4).

Это не значит, что описанные приемы изготовления золотых тонкостенных бесшовных бус были единственными в техническом арсенале майкопских ювелиров. В дольмене, подобном раскопанному Н. И. Веселовским, под курганом № 31 того

³ Выражаем благодарность Ю. Ю. Пиотровскому за возможность осмотреть эти бусы, выставленные в витрине Особой кладовой Эрмитажа.

же могильника было найдено несколько золотых и крупных (до 2,3 см в диаметре) серебряных бус «на деревянной основе» (Резепкин, 2012.⁴ С. 42, 203, рис. 74, 11; 131, 6; 182, 16; *Бронзовый век...*, 2013. С. 330, рис. 24, 5, 18). Р. С. Минасян предположил, что для изготовления таких бус использовалась деревянная матрица, но не пояснил, каким именно образом с ее помощью можно изготовить бусину без шва (Минасян, 2010.⁵ С. 180–195).

При обсуждении технических аспектов изготовления золотых тонкостенных бесшовных бус из дольмена у ст. Царская нельзя обойти вопрос о месте их изготовления. Строго говоря, пока нет ни одного факта, прямо указывающего на область происхождения сырья или локализацию мастерской. Вполне вероятно, что ювелирный инструмент и оснастка пока просто не опознаны среди каменных, бронзовых и даже серебряных предметов майкопской культуры с неясной функцией. Поэтому основным аргументом в пользу их местного ювелирного производства остается только широкое распространение оригинального типологического набора украшений главным образом в пределах территории майкопской культуры (Корневский, 2011. С. 116–122).

Технология изготовления золотых бесшовных бус: культурно-исторический и хронологический контекст. С тех пор, когда М. И. Ростовцев обратил внимание на стилистическое сходство майкопского искусства с шумерским (Rostovzev, 1920. Р. 1–37), а М. В. Андреева описала этот феномен в широком культурно-хронологическом контексте (Андреева, 1977. С. 39–57), новые археологические исследования только детализировали общую картину формирования обширной культурной провинции между Кавказом и северной окраиной Передней Азии (Трифонов, 1987. С. 18–26). Открытие лейлатепинской культуры (Нариманов, 1987) и курганов майкопского типа в Азербайджане (Lyonnet, Akhundov et al., 2008. Р. 27–44) и в сопредельном Иране (Muscarella, 1969. Р. 5–25; 1971. Р. 5–28; 2003. Р. 117–131; Трифонов, 2000. С. 244–264) подтвердило пространственно-временное

единство этого явления – необходимого условия для свободной циркуляции культурных эталонов в пределах обширных районов Кавказа и Западной Азии. К таким эталонам, безусловно, относились ювелирные изделия из цветных камней и драгоценных металлов, в первую очередь, золота.

Для определения центра исторической области, к которой принадлежит майкопская культура, большое значение имела переоценка роли Северной Месопотамии в сложении шумерской цивилизации и выделение наряду с южным северного самостоятельного центра урбанизации (Rothman, 2002; Oats et al., 2007. Р. 585–600). На юго-востоке Анатолии, северо-востоке Сирии и в северо-западном Иране в конце V – начале IV тыс. до н. э. сформировались культурные традиции, проявлением которых на северной окраине этой области и стала майкопская культура. Именно здесь, на севере, а не на юге Месопотамии, в первой четверти IV тыс. до н. э. впервые появляются элитарные погребения с многочисленными украшениями из золота и цветных камней, в том числе сердолика, бирюзы и лазурита – Тепе Гавра, погребения 109 и 110 (Piasnall, 2002. Р. 171–404). По обряду и стилистике украшений они сопоставимы с ранними майкопскими погребениями (Трифонов, 1987. С. 20). Тем не менее остается неясным, была ли освоена в это время ювелирами Северной Месопотамии технология изготовления тонкостенных бесшовных бус.

Золотые бусы из погребений Гавры описаны как «сферические» или «шаровидные», но на самом деле их максимальный диаметр (5–8 мм) всегда превышает длину канала (3–4 мм) (Tobler, 1950. Р. 89, 199, pl. LV, a). Это в целом соответствует пропорциям и размерам некоторых типов майкопских бус. Однако без детального осмотра и дополнительных анализов трудно решить, являются ли золотые бусы из погребений в Гавре бесшовными тонкостенными, близкими по типу к майкопским, или они изготовлены по другой технологии.

Каким бы ни оказался окончательный ответ на этот вопрос, принципиальное значение имеет принадлежность погребений Гавры и дольменов Царской, между которыми почти 1000 км и около 500 лет разницы, к кругу родственных культур с общими традициями ювелирного ремесла.

⁴ На рис. 74, 11 и рис. 131, 6 серебряные бусы ошибочно обозначены как золотые.

⁵ В тексте бусы ошибочно названы медными (Минасян, 2010. С. 185).

В контексте единого культурного пространства формальные черты сходства и различия между ювелирными изделиями из удаленных друг от друга областей поддаются содержательной интерпретации и, в конечном счете, способствуют реконструкции событий реального культурного развития. Поэтому предположения о балканском вкладе времени Варненского могильника в майкопскую ювелирную традицию (*Корневский, 2011. С. 107*) или сверхдальних связях, определивших приблизительное сходство одного из типов бус в дольменах Царской/Новосвободной и некоторых памятниках Южной Европы (*Hansen, 2016. Р. 44*), представляются маловероятными. В первом случае контакты невозможны из-за значительного хронологического разрыва между эпохами, к которым принадлежат Варненский могильник (приблизительно середина V тыс. до н. э.) (*Leusch et al., 2015. Р. 354*) и майкопская культура (приблизительно вторая четверть – конец IV тыс. до н. э.); во втором – из-за полной территориальной и культурной изоляции памятников с похожими бусами на Кавказе, средиземноморской Испании, Франции и Италии (*Hansen, 2016. Р. 43, fig. 8*).

Другими словами, в отличие от связей майкопской культуры с переднеазиатским миром, для осуществления такого же уровня контактов с Европой просто не было культурной среды с подходящими пространственно-временными характеристиками.

Вполне вероятно, что оригинальная техника изготовления тонкостенных бесшовных бус из золота была региональным технологическим вкладом майкопской культуры в развитие переднеазиатской ювелирной традиции, как ритуально регламентированного производства (*Gell, 1992. Р. 40–66; Benzel, 2013*). В этом контексте технологию изготовления бесшовных бус можно рассматривать как совокупность приемов, мотивированных традиционными представлениями древних переднеазиатских ювелиров о совершенном золотом украшении именно как бесшовном, что дополнительно подчеркивает и усиливает ритуальную чистоту и сияние золота. От одного взгляда на такие украшения у непосвященного должен возникнуть вопрос об их творце – человеке или боге? (*Benzel, 2013. Chapter II*).

Глубокая переднеазиатская традиция ритуализации производства и использования ювелирных изделий из золота, серебра и цветных камней в майкопской культуре, с одной стороны, поддерживала в обществе привычные каноны ритуального поведения, а с другой – затрудняла восприятие сложной символики драгоценностей соседними культурами с иным уровнем жизни, социальным развитием и системой ценностей. Подражателей и наследников у ювелирной традиции майкопской культуры ни на Кавказе, ни в сопредельной степи не оказалось. В III тыс. до н. э. ювелирам Европы и Азии пришлось заново изобретать технологию изготовления золотых тонкостенных бесшовных бус (*Born et al., 2009. S. 19–30*).

Заключение. В результате проведения трасологического анализа, ювелирного эксперимента и сравнительного анализа золотых бус из дольмена эпохи раннего бронзового века (приблизительно 3200–2900 гг. до н. э.) в кургане № 2 у ст. Царская (1898 г.) впервые реконструирована технология производства тонкостенных золотых бесшовных бус майкопской культуры.

Установлено, что такие бусы изготавливались из дисковидной заготовки с отверстием (типа шайбы) путем давления на заготовку (с периодическим отжигом) в полушарной выемке на каменной подставке (анка) и последующей абразивной обработкой поверхности.

Вероятно, что такая технология является региональным вкладом майкопской культуры в развитие переднеазиатской ювелирной традиции, сформировавшейся в рамках северомесопотамского центра урбанизации в начале IV тыс. до н. э. и распространившейся до границ Северного Кавказа с южнорусской степью.

В III тыс. до н. э. майкопское ювелирное наследие оказалось невостребованным. С закатом майкопской культуры на Северном Кавказе исчезли и блестящий переднеазиатский стиль сочетания золота с цветными камнями, и пионерские технологические наработки. Ювелиры следующей эпохи из драгоценных металлов предпочитали серебро. Так на Северном Кавказе Золотой век сменился Серебряным.

- Андреева*, 1977 – *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
- Бронзовый век..., 2013 – Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки. СПб., 2013.
- Корневский*, 2011 – *Корневский С. Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М., 2011.
- Корневский, Петренко*, 1982 – *Корневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982. № 2.
- Минасян*, 2010 – *Минасян Р. С.* Матрица – «формер» // АСГЭ. 2010. Вып. 38.
- Нариманов*, 1987 – *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: эпоха энеолита VI–IV тыс. до н. э. Баку, 1987.
- ОИАК за 1897 г. – Отчет императорской археологической комиссии за 1897 год. СПб., 1900.
- ОИАК за 1898 г. – Отчет императорской археологической комиссии за 1898 год. СПб., 1901.
- Резепкин*, 2012 – *Резепкин А. Д.* Нововосободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012.
- Трифонов*, 1987 – *Трифонов В. А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192.
- Трифонов*, 2000 – *Трифонов В. А.* Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию Бориса Александровича Латынина: Сб. материалов. СПб., 2000.
- Трифонов и др.*, 2017 – *Трифонов В. А., Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Фернандес Р., Хоммель П.* Радиоуглеродная хронология дольменов эпохи ранней бронзы у ст. Царская, Северо-Западный Кавказ, 1898 г. // V (XXI) ВАС. Барнаул, 2017.
- Benzel*, 2013 – *Benzel K.* Puabi's adornment for the afterlife: materials and technologies of jewelry at Ur in Mesopotamia. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia, 2013.
- Born et al.*, 2009 – *Born H., Schlosser S., Schwab R., Paz B., Pernicka E.* Granuliertes Gold aus Troia in Berlin. Erste technologische Untersuchungen eines anatolischen oder mesopotamischen Handwerks // Restaurierung und Archäologie. 2009. Jahrgang 2.
- Gell*, 1992 – *Gell A.* The Technology of Enchantment and the Enchantment of Technology // Anthropology: Art and Aesthetics. Oxford; New York, 1992.
- Hansen*, 2016 – *Hansen S.* Beads of Gold and Silver in the 4-th and 3-rd Millennium BC // From Bright Ores to Shiny Metals. Festschrift for Andreas Hauptmann on the Occasion of 40 Years Research in Archaeometallurgy and Archaeometry. Bochum, 2016.
- Hauptmann, Klein*, 2009 – *Hauptmann A., Klein S.* Bronze Age gold in Southern Georgia // ArchéoSciences, revue d'Archéométrie. 2009. No. 33.
- Hauptmann et al.*, 2010 – *Hauptmann A., Bendall C., Brey G., Japariže I., Ćambašiče I., Klein S., Prange M., Stöllner Th.* Gold in Georgien. Analytische Untersuchungen an Goldartefakten und an Naturgold aus dem Kaukasus und dem Transkaukasus // Von Majkop bis Trialeti: Gewinnung und Verarbeitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jts. v. Chr. Bonn, 2010 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. 13).
- Leusch et al.*, 2015 – *Leusch V., Armbruster B., Pernicka E., Slavčev V.* On the Invention of Gold Metallurgy: The Gold Objects from the Varna I cemetery (Bulgaria) – Technological Consequence and Inventive Creativity // Cambridge Archaeological Journal. 2015. Vol. 25, no. 1.
- Lyonnet, Akhundov et al.*, 2008 – *Lyonnet B., Akhundov T., Almamedov K., Bouquet L., Courcier A., Jellilov B., Huseynov F., Loue S., Makharadze Z., Reynard S.* Late Chalcolithic Kurgans in Transcaucasia. The cemetery of Soyuq Bulaq (Azerbaijan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2008. Bd. 40.
- McDonald, Sistare*, 1978 – *McDonald A. S., Sistare G. H.* The metallurgy of some carat gold jewellery alloys // Gold Bulletin. 1978. September 1978, issue 3.
- Muscarella*, 1969 – *Muscarella O. W.* The Tumuli at Sé Girdan. A preliminary report // Metropolitan Museum Journal. 1969. Vol. 2.

- Muscarella*, 1971 – *Muscarella O. W.* The Tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum Journal. 1971. Vol. 4.
- Muscarella*, 2003 – *Muscarella O. W.* The chronology and culture of Sé Girdan: Phase III // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2003. 9, fasc. 1–2.
- Oats et al.*, 2007 – *Oats J., McMahon A., Karsgaard Ph., Al Quntar S., Ur. J.* Early Mesopotamian urbanism: a new view from the north // *Antiquity*. 2007. Vol. 81 (313).
- Piasnall*, 2002 – *Piasnall B. L.* Burials From Tepe Gawra, Levels VIII to XIA/B // Mitchel S. Rothman. Tepe Gawra: The evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq. Philadelphia, 2002 (University Museum Monographs; 112).
- Rostovzev*, 1920 – *Rostovzev M.* L'Age du Cuivre dans le Caucase Septentrional et les Civilisation de Soumer et de l'Egypte Protodynastique // *Revue Archéologique. Cinquième Serie*. 1920. T. XII. Juillet–Octobre.
- Rothman*, 2002 – *Rothman M. S.* Tepe Gawra: The evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq. Philadelphia, 2002 (University Museum Monographs. 112).
- Tobler*, 1950 – *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. II.

**Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age
in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus:
the technology of manufacturing and cultural historical context**

**V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobylna,
E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina**

This paper presents the results of tracewear analysis, a jewellery experiment and comparative analysis of gold beads from a dolmen of the Early Bronze Age (approximately 3200–2900 BC) in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya *the stanitsa of Tsarskaya* (1898). The technology of manufacturing thin-walled gold seamless beads of the Maykop culture is reconstructed for the first time.

It was established that beads of the type under consideration were manufactured from a discoid blank with a channel (kind of a washer) applying pressure on the blank (with periodic annealing) in a hemispherical die and subsequent abrasive treatment of the surface.

Possibly, this technology is a regional contribution of the Maykop culture into the development of the West Eastern jewellery tradition formed within the frame of the North Mesopotamian centre of urbanization in the early 4th millennium BC. This tradition was distributed as far as the borders between the Northern Caucasus and South Russian steppe.

In the 3rd millennium BC, the Maykop jewellery heritage turned to be unclaimed. With the decline of the Maykop culture, also the splendid West Eastern style of the combination of gold with gems and the pioneer technological skills disappeared in the Northern Caucasus. Jewellers of the Northern Caucasus in the subsequent epoch preferred silver to other precious metals.

СВЯТИЛИЩЕ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ТУВЕ¹

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков²

Аннотация. В статье рассматривается святилище раннего бронзового века, расположенное на территории могильника Красная Горка 15 на левом берегу р. Енисей в 5 км к западу от поселка Усть-Элегест в Кызылском кожууне (районе) Республики Тыва. Исследование позволило уточнить архитектурные особенности такого рода сооружений. Данная находка является важнейшим промежуточным звеном при сравнении ритуальных комплексов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии, Северо-Западного Китая.

Annotation. This paper discusses a sanctuary of the Early Bronze Age situated within the burial ground of Krasnaya Gorka 15 on the left bank of the Yenisey River, 5 km to the west from the village of Ust-Elegest in the Kyzyl kozhuun (district) of the Republic of Tyva. An archaeological investigation succeeded in defining more precisely the architectural features structures of this type. The find under consideration presents a very important intermediate link for comparison of ritual complexes of the Okunevo culture in the Khakas-Minusinsk kettle and the Chemurchek culture of Mongolia and North-Western China.

Ключевые слова: ранний бронзовый век Тувы, ритуальный комплекс.

Keywords: Early Bronze Age of Tuva, ritual complex.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-83-93

Несмотря на многолетние археологические исследования, эпоха ранней бронзы на территории Республики Тыва изучена крайне слабо. Имеются отрывочные, далеко неполные данные о полутора-двух десятках захоронений соответствующего времени (Вайнштейн, 1954; Стамбульник, Чугунов, 2006). Тем больший интерес вызывают материалы, полученные Саянской экспедицией ИИМК РАН в 2015 г. при раскопках могильника Красная Горка 15, где наряду с курганами разных эпох было исследовано святилище периода ранней бронзы. Эта находка может служить важным связующим звеном между окуневскими комплексами Хакасско-Минусинской котловины, с одной стороны, и памятниками чемурчекской культуры Монголии и северо-западного Китая – с другой.³

Материалы и их обсуждение. Могильник Красная Горка 15 расположен на надпойменной террасе левого берега реки Енисей в 5 км к западу от поселка Усть-Элегест в Кызылском кожууне (районе) Республики Тыва. Памятник выявлен в ходе археологической разведки, проводившейся в 2014 г. научными сотрудниками ИИМК РАН М. Е. Килуновской и И. П. Лазаретовым. Особо отметим, что в радиусе 3–5 километров от могильника Красная Горка 15 нами не обнаружено каких-либо погребальных комплексов эпохи ранней бронзы. На террасе левого берега Енисея эпизодически встречались кремневые изделия и единичные фрагменты керамики этого времени. Вероятно, здесь находились небольшие поселения или стоянки эпохи ранней бронзы. К одной из них и мог быть приурочен ритуальный комплекс объекта 10 могильника Красная Горка 15.

На наклонной поверхности берегового откоса древней протоки Енисея прослеживалась едва заметная проплешина в степной растительности. В размытой колее полевой дороги были видны отдельные раздробленные камни и верхние края нескольких вертикальных плит, выступавших из земли. В ходе разведки этому объекту был присвоен номер 10 в рамках могильника Красная Горка 15. В результате проведенных в 2015 г. раскопок было

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

³ В Монголии эти памятники называют культурой хэмцег, в Китае принято наименование культура кеэрмуци.

расчищено сооружение общей длиной 13,5 и максимальной шириной до 6 м (рис. 1, 1, 3–5). Оно было развернуто длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. Сооружение состояло из прямоугольного котлована и входа, ведущего в него с юго-востока.

Вход в котлован оформлен в виде узкого, слегка наклонного коридора длиной 7,5 и шириной до 1,3 м, ограниченного с двух сторон вкопанными плитами, стоящими на ребре. Причем установлены они были не вплотную, а «пунктиром», через равномерные промежутки. Плитки входа сохранились на высоту 0,3 м от уровня древней дневной поверхности. Коридор, через проем в центре юго-восточной стенки ограды, на 1,5 м заходил внутрь котлована, образуя там возвышающуюся материковую платформу-ступеньку, облицованную по краям плитами. Высота плит обрамления платформы-ступеньки – 0,4–0,45 м. Ее углы, обращенные внутрь котлована, были отмечены двумя дополнительными тонкими каменными плитами (стелы № 1 и 2) толщиной 2 см. На месте сохранились корневые части стел и их обломки, упавшие на дно котлована. В полностью собранном виде длина этих плит составляла 1,6 м. Они на 0,3 м были вкопаны и на 1,3 м возвышались над дном котлована. Вход, вероятно, по окончании функционирования сооружения был закрыт кладкой из плит, уложенных плашмя (рис. 1, 1, 5). Кладка располагалась на линии разрыва в ограде котлована.

Прямоугольный котлован размерами 7,5 × 6,0 м, за исключением входной ступеньки, был углублен в почву на 0,5 м. Он был ориентирован длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. Стенки котлована облицованы изнутри плитами высотой 0,6 м, стоящими на ребре. Верхние края плит были выровнены и на 0,1 м выступали над уровнем древней дневной поверхности. С внешней стороны сооружения они были оконтурены одним рядом горизонтальных плиток, уложенных плашмя по-

верх выкида из котлована. Две параллельные линии из плит, врытых по оси северо-запад – юго-восток и имевших разрыв в центре сооружения, разделяли внутреннее пространство котлована на три части (рис. 1, 3). Каждый отрезок такой стенки состоял из четырех-пяти плит, достигавших высоты 0,45–0,5 м. Вертикально установленные плиты были углублены в дно котлована на 0,15–0,2 м.

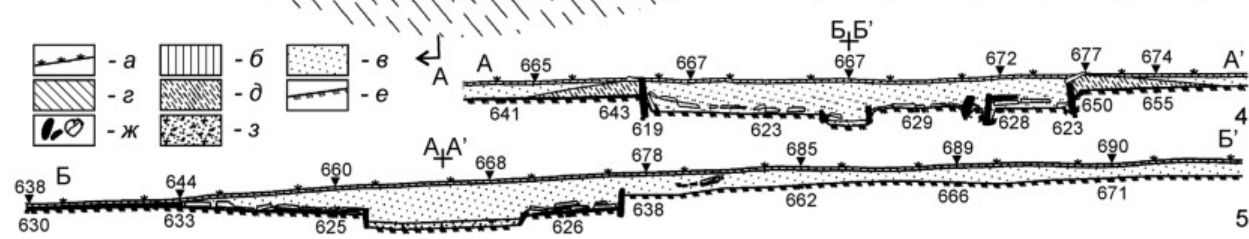
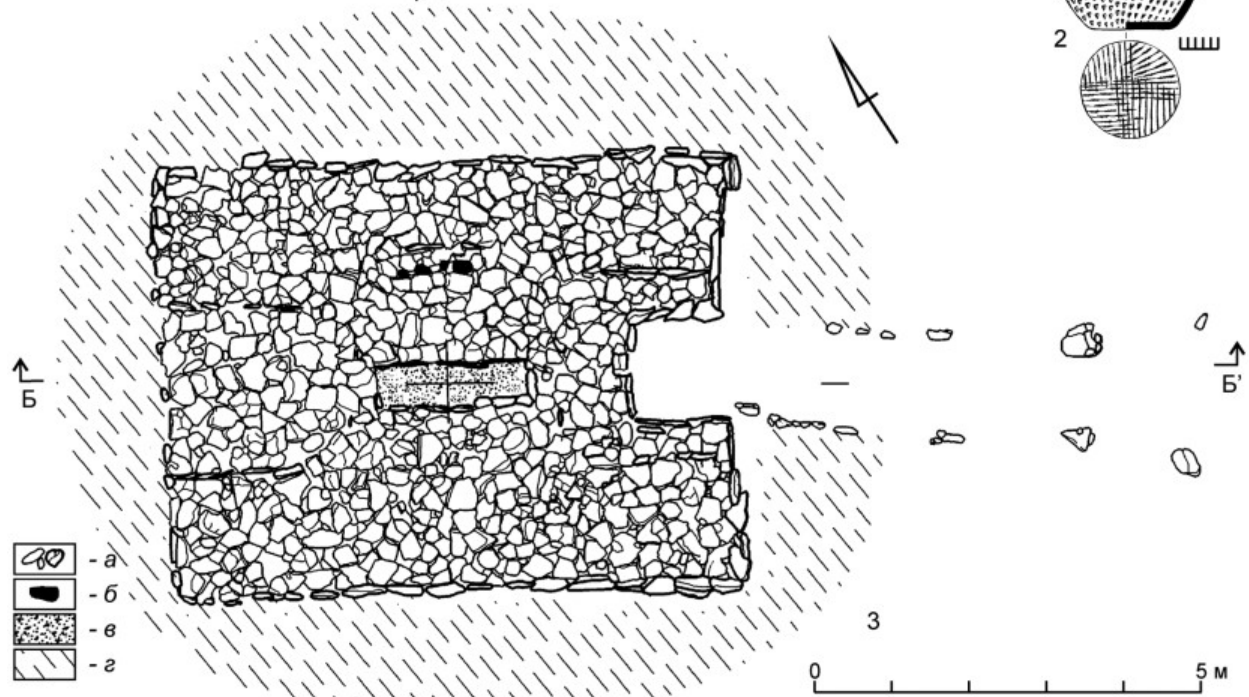
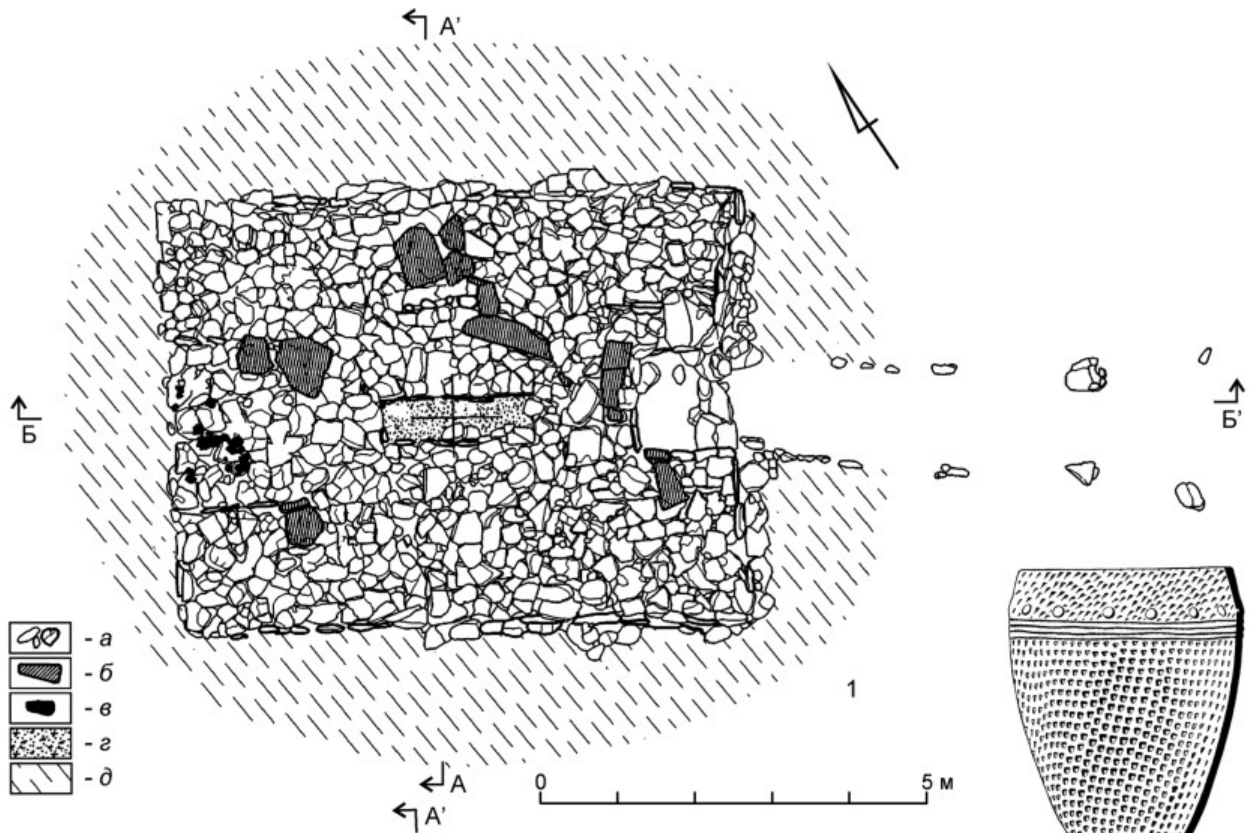
В центре сооружения располагалось узкое прямоугольное углубление («жертвенник»), представлявшее собой грунтовую яму, стенки которой были облицованы изнутри невысокими вертикально установленными плитками. Размеры «жертвенника» 2,0 × 0,5 м, высота плиток 0,2–0,25 м. Как и сооружение в целом, он был ориентирован длиной осью по линии северо-запад – юго-восток. С внешней стороны «жертвенника», в 0,3–0,4 м от его углов, были установлены четыре вертикальные плиты (стелы № 3–6). Они выступали над полом котлована на 0,3–0,35 м. Три камня оказались сломаны, четвертый сохранился полностью (рис. 1, 1, 4; 2).

Дно и стенки «жертвенника» несут на себе следы интенсивного воздействия огня. Углубление было на 7–10 см заполнено слоем золы и кальцинированных костей, оставшихся после сожжения частей туш мелкого рогатого скота. Угли при этом полностью отсутствуют. Вероятно, сожжение кусков жертвенного мяса производилось на огне, топливом для которого был кизяк.

Напротив жертвенника, в 1,2 м к северо-востоку от него, был устроен своеобразный «алтарь» из четырех продолговатых, вертикально установленных окатанных речных галек (рис. 2, 1). Они располагались в ряд по линии северо-запад – юго-восток, на удалении 10–15 см друг от друга. Гальки, вероятно, игравшие роль примитивных «лицевых», были развернуты широкой «лицевой» стороной в направлении на юго-запад, к «жертвеннику». Крайним северо-восточным было

Рис. 1. Могильник Красная Горка 15, объект 10, «святилище»: 1, 3 – разные уровни расчистки сооружения (*a* – камни; *b* – стелы; *в* – керамика; *г* – кальцинированные кости; *д* – выкид); 2 – сосуд из северо-западной части котлована; 4, 5 – разрезы сооружения (*a* – современная дневная поверхность; *b* – дерн; *в* – песок; *г* – погребенная почва; *д* – выкид; *е* – материк; *ж* – камни; *з* – скопление кальцинированных костей)

Fig. 1. Cemetery of Krasnaya Gorka 15, object 10, 'sanctuary': 1, 3 – different levels of excavation of the structure (*a* – stones; *b* – steles; *в* – pottery; *г* – calcined bones; *д* – spoil of soil); 2 – vessel from the north-western area of the pit; 4, 5 – sections of the structure (*a* – modern ground surface; *b* – turf; *в* – sand; *г* – buried soil; *д* – spoil of the soil; *е* – virgin soil; *ж* – stones; *з* – accumulation of calcined bones)

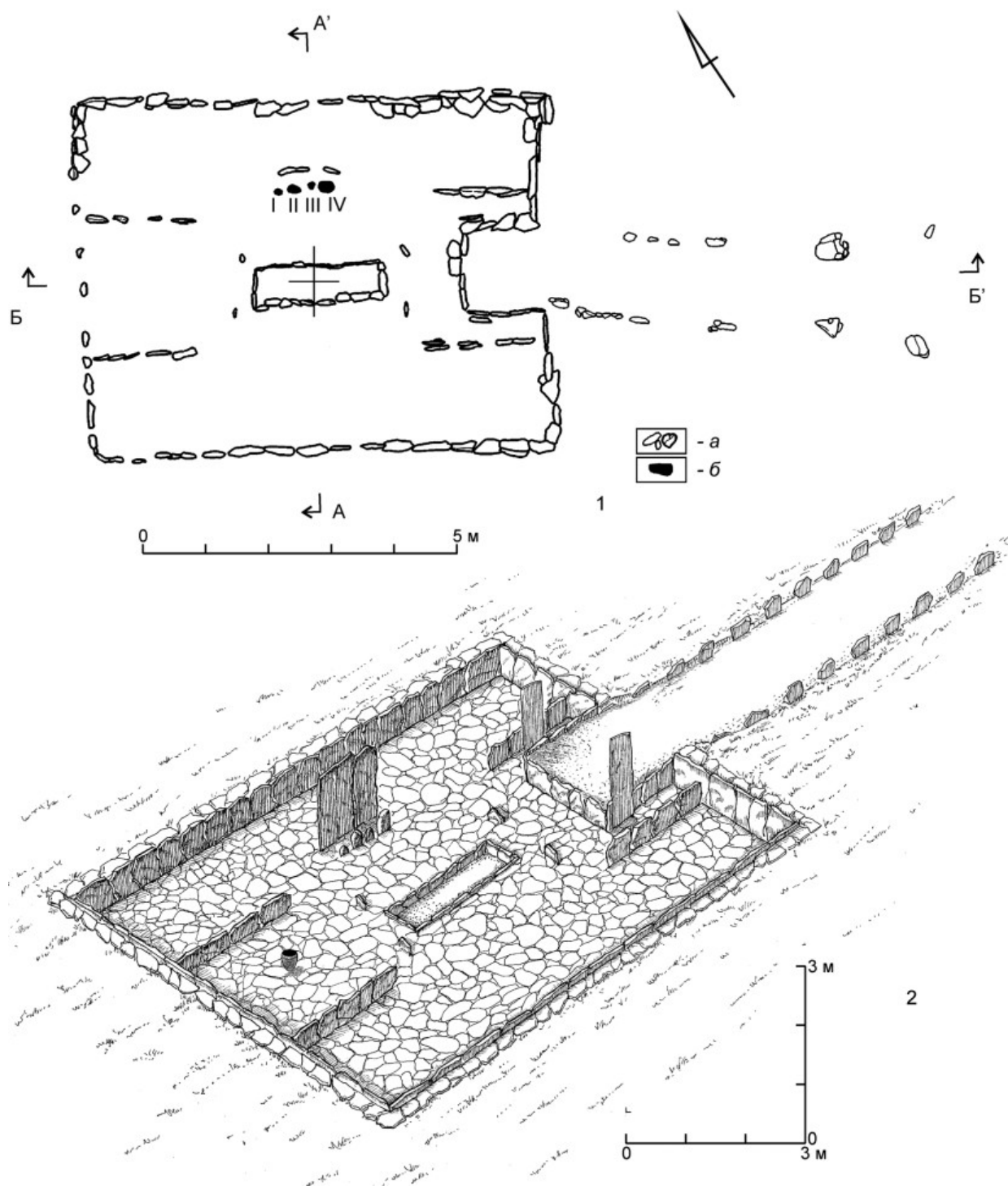

Рис. 2. Могильник Красная Горка 15, объект 10, «святилище»: 1 – расчистка на уровне материка (I–IV – гальки-«изваяния»; а – камни; б – «изваяния»); 2 – реконструкция сооружения

Fig. 2. Cemetery of Krasnaya Gorka 15, object 10, 'sanctuary': 1 – excavation at the level of the virgin soil (I–IV – pebbles-
'sculptures'; а – stones; б – 'sculptures'); 2 – reconstruction of the installation

«изваяние» № 1 размерами $19 \times 9,4 \times 6,6$ см. «Изваяние» № 2 имело размер $49 \times 19 \times 13$ см. «Изваяние» № 3 – $28 \times 7,8 \times 6$ см. «Изваяние» № 4 – $52 \times 22 \times 10$ см. Все гальки-«изваяния» были установлены в грунтовых ямках и расклинены мелкими вертикальными плитками. Они выступали над поверхностью котлована на 12, 32, 16 и 37 см соответственно. Следов выбивок или гравировок на «изваяниях» не обнаружено.

За «алтарем», в 0,25–0,3 м к северо-востоку, располагался «экран» из двух вертикально установленных плит, общей шириной около 1,2 м, развернутый осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1, 3, 4; 2, 1). На месте сохранились вкопанные части плит и обломки верхних частей, упавшие на дно котлована. В полностью собранном виде длина этих плит достигала 1,55 м. Они на 0,3 м были вкопаны и на 1,25 м возвышались над дном котлована.

После того как котлован был выкопан и в нем установлены все вертикальные каменные конструкции, его дно было выложено в один слой тщательно подобранными плитками среднего (0,3–0,6 м) размера. Толщина этого каменного пола составляла 3–5 см.

На каменном полу, в центральной части, ближе к северо-западной стенке обнаружен развал крупного сосуда баночного типа. Это был плоскодонный горшок вытянутых пропорций, украшенный акцентированными оттисками штампа (рис. 1, 1, 2). В верхней части сосуда полосы оттисков шли горизонтально, в центральной и нижней – вертикально, с небольшим наклоном вправо. На стыке этих двух орнаментальных поясов нанесены четыре горизонтальные линии, выполненные оттисками гладкой, слегка изогнутой лопаточки. Над ними располагался ряд разреженных «жемчужин», выдавленных изнутри сосуда. Дно горшка украшено «соляренным» знаком в виде круга, разделенного на четыре сектора, заполненных разнонаправленными оттисками штампа. Сосуды подобной формы и с аналогичной орнаментацией широко представлены в комплексах эпохи ранней бронзы Тувы окуневского времени (чаа-хольская культура, по В. В. Боброву) и окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.).

Поражает великолепная сохранность данного ритуального комплекса и продуманность его ар-

хитектурного решения. За исключением северо-западной части, пострадавшей от естественных природных процессов, конструкция святилища сохранилась в первоизданном виде. Все обломки разрушившихся вертикально стоявших плит находятся рядом с сохранившимися на месте основаниями, что позволяет полностью восстановить их размер и конфигурацию (рис. 2, 2). Очевидно, что после окончания функционирования комплекса и закладки входа его никто не посещал.

Оформление святилища велось по заранее разработанному плану. Это хорошо видно по исходной конфигурации котлована. Он был вырыт в виде прямоугольника со сложной конфигурацией северо-восточного края. «Платформа»-ступенька на месте входа была вырезана в материковом грунте, а уже затем облицована вертикально установленными плитами. Все дополнительные элементы конструкции располагаются на предназначенных для них местах, с соблюдением максимально возможной симметричности и целесообразности. Вероятно, это сооружение не было уникальным, а строительство подобных ему могло быть вполне регулярным явлением, связанным с необходимостью проведения каких-то обрядовых действий. Аналогичные комплексы могли создаваться десятками. На это указывает и кратковременность функционирования данного святилища. Оно не имеет каких-либо следов утилитарного разрушения, подновлений или перестроек. В нем обнаружен, притом практически в целом виде, единственный керамический сосуд. Судя по количеству кальцинированных костей, в жертвеннике было сожжено не более одной-двух особей животных. Не исключено, что данное святилище вообще было предназначено для однократного проведения ритуала.

Размещение на одной осевой линии таких элементов конструкции как «жертвенник», «алтарь» и «экран» позволяет предполагать, что осуществление жертвоприношения могло происходить в ночное время. Тогда становится понятным функциональное назначение каменного «экрана». В ходе проведения обряда, связанного с возжиганием огня и сожжением частей туш жертвенных животных, тени четырех «изваяний», возвышавшихся над полом, должны были проецироваться на «экран». Возможно, именно интерпретация колебаний этих

теней в свете жертвенного огня могла служить основной целью «гадания» или иного ритуала.

На самих «изваяниях» не обнаружено следов выбивок или гравировок, но это не исключает возможности их раскраски. В синхронных комплексах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии такой прием широко использовался. В нашем случае краска могла просто не сохраниться. «Изваяния» длительное время находились на открытом воздухе, а песок, постепенно заполнявший котлован святилища, обладает повышенными абразивными свойствами. Наличие или отсутствие следов краски можно будет установить только при проведении дополнительных анализов.

Судя по керамическому сосуду, данный ритуальный комплекс относится к эпохе ранней бронзы Тувы (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.). Радиоуглеродный анализ кальцинированных костей из жертвенника, возможно, позволит сузить этот хронологический интервал.

Заканчивая описание святилища, акцентируем внимание на некоторых архитектурных деталях его оформления:

1. Наличие прямоугольной конструкции из врытых плит, вытянутой длинной осью по линии северо-запад – юго-восток.

2. Две продольные симметричные перегородки (порталы), имеющие разрыв в центре, разделяющие это помещение на три части.

3. Облицованное плитами прямоугольное углубление-«жертвенник» со следами горения и фрагментами кальцинированных костей животных, расположенное в центре оформленной площадки.

4. Присутствие четырех вертикальных стел, врытых с внешней стороны на некотором удалении от углов «жертвенника».

5. Размещение «алтаря» с каменными «изваяниями» к северо-востоку от «жертвенника».

Как уже отмечалось выше, данный ритуальный комплекс едва ли является уникальным. Прямых аналогий ему нам пока неизвестно. Однако, по сообщению В. А. Семенова, в 1977 г. в Пий-Хемском кожууне Тувы А. М. Мандельштамом была исследована прямоугольная ограда, разделенная перегородками на три части. С восточной стороны в нее вел вход, а в центре удалось про-

следить пятно прокала с кальцинированными костями и развалы нескольких сосудов эпохи ранней бронзы.⁴ Следов захоронений в ограде не обнаружено. К сожалению, материалы этих раскопок не были должным образом документированы и не нашли отражения в археологических отчетах.

За пределами Тувы, а именно на территории Монголии, комплексы с подобными архитектурными особенностями теперь уже хорошо известны (*Тишкин и др.*, 2012). В ходе раскопок курганов чемурчекской культуры оказалось, что зачастую к востоку или юго-востоку от собственно погребальных сооружений располагаются дополнительные ритуальные площадки. В наибольшей степени сохранилась ритуальная площадка кургана № 1 могильника Хуурай салааны ам-1 (*Ковалев и др.*, 2015. Рис. 3, 20). Это была прямоугольная оградка из установленных на ребро (врытых) плит, незначительно уступающая по своим линейным размерам кургану. Внутреннее ее пространство разделяли две параллельные перегородки (порталы) с разрывом в центральной части. Там находился прямоугольный «жертвенник» со следами прокала, сложенный из уплощенных каменных глыб. Рядом с его внешними углами, на окончаниях перегородок, были установлены четыре вертикальные стелы. К северо-востоку от «жертвенника» в специально огороженном пространстве располагалось каменное «изваяние» из окатанного гранита, выступавшее на 0,4 м над уровнем поверхности. Аналогичным образом была устроена ритуальная площадка кургана № 2 этого же могильника. Она отличалась худшей сохранностью и тем, что ее «алтарная» часть включала не одно, а сразу три «изваяния», установленных в ряд по линии северо-запад – юго-восток (Там же. Рис. 33, 47). Налицо практически полное совпадение важнейших архитектурных деталей чемурчекских ритуальных площадок и конструктивных особенностей святилища, исследованного в Туве на могильнике Красная Горка 15. У других чемурчекских курганов ритуальные площадки сохранились в худшей степени. Однако и у них прослеживаются те же характерные детали: центральные «жертвенники», перегородки (пор-

⁴ Пользуясь случаем, благодарим В. А. Семенова за любезно предоставленную информацию о данном памятнике.

талы), столбообразные «изваяния», установленные у северо-восточной стенки. Рядом с двумя курганами (Ягшийн ходоо 3 и Хух удзуурийн дугуй I-1) были обнаружены антропоморфные статуи. Они располагались в пределах ритуальных площадок, у их северо-восточной стенки, и были обращены лицевой гранью на юго-запад, в сторону жертвенника (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б. С. 235–392).

Подобные ритуальные площадки, расположенные к востоку от курганов эпохи ранней бронзы, не так давно были обнаружены на территории Хакасско-Минусинской котловины (Поляков, 2010). Степень их сохранности на тот момент оказалась невысокой, многие архитектурные детали не прослеживались или были утрачены. Почти полностью сохранившаяся ритуальная площадка была исследована только в 2017 г. при раскопках кургана № 1 могильника Итколь II. Она представляла собой прямоугольное сооружение из врытых плит, сопоставимое по своим размерам с собственно погребальной оградой, и находилась к востоку от нее. В центре ритуальной площадки располагался узкий, неглубокий каменный ящик-жертвенник с явными следами прокала. С внешней стороны вблизи углов жертвенника были установлены четыре вертикальные стелы. К северу от него обнаружена яма для установки антропоморфного изваяния. Само изваяние утрачено, сохранились только плитки расклинки. Судя по ним изваяние имело прямоугольное сечение и было обращено широкой гранью на юг, в сторону жертвенника. Возможно, ритуальная ограда дополнительно была разделена на три части перегородками, имевшими разрыв в центре. По крайней мере в ее юго-восточном углу сохранился небольшой участок вертикальной стеночки, вытянутой по линии запад–восток, с пристроенным к ней каменным ящичком. Такие перегородки (порталы) явно имелись у ритуальной площадки другого окуневского кургана – База Минторга, исследованного Н. В. Леонтьевым (Наглер, Парцингер, 2006. Рис. 8).

Сходство комплексов чемурчекской культуры Монголии, Синьцзяна и окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины прослеживается не только в наличии ритуальных площадок, их местоположении и детализации. Общей для па-

мятников этих удаленных друг от друга регионов является развитая статуарная традиция. В курганах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины на данный момент обнаружено два антропоморфных изваяния сохранившихся *in situ*, а также несколько ям, предназначенных для их установки. Погребальные скульптуры могли располагаться на борту основной могилы либо в ограде кургана. В чемурчекских курганах Монголии и Синьцзяна антропоморфные изваяния занимают аналогичную позицию. Разница состоит в том, что окуневские скульптуры размещались к западу от центрального захоронения, а чемурчекские к востоку. При этом все они установлены точно по осевой линии основной могилы и обращены лицевой стороной на восток, в сторону ритуальных площадок. Если окуневские и чемурчекские изваяния установлены в поминальнике или святилище, то они располагаются у его северной стенки и обращены ликом на юг, в сторону «жертвенника». Несомненное сходство просматривается в технике исполнения и стилистике самих скульптур. Среди огромного многообразия окуневских изваяний Хакасско-Минусинской котловины сегодня отчетливо выделяется особая категория антропоморфных изображений – погребальная скульптура. Ее характерным отличием можно считать размещение антропоморфного изображения в верхней части столбообразных камней, относительную простоту и лаконичность личин, их подчеркнутую «человечность». Такого рода скульптура, как и чемурчекские изваяния, оказывается приурочена именно к курганам и поминальным комплексам окуневской культуры (Лазаретов, 2014; 2017а; 2017б). Все это позволяет утверждать существование у племен, проживавших в эпоху ранней бронзы на территории Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Монголии и Синьцзяна, единой религиозной доктрины, выразившейся в сходстве погребально-поминальных ритуалов и статуарной традиции.

В отношении архитектуры святилища могильника Красная Горка, а также ритуальных площадок окуневских и чемурчекских курганов напрашивается весьма любопытная аналогия. В плане эти сооружения поразительно напоминают один из типов жилищ эпохи поздней бронзы Южной Сибири, обнаруженных на поселениях Торгажак

и Бырганов IV (Савинов, 1996).⁵ Жилища представляли собой прямоугольные котлованы с протяженностью сторон от 8 до 18 м, углубленные в почву на 0,5–1,0 м. Входы в них были оформлены в виде узкого наклонного коридора-пандуса, обставленного по стенкам тыном из тонких вертикальных бревнышек. Такой тын мог заходить внутрь помещения, образуя небольшой тамбур, завершающийся двумя более крупными опорными столбами. Это объясняет символическое назначение двух вертикальных плит, обрамлявших входную ступеньку святилища Красная Горка 15. В центральной части таких жилищ симметрично располагались четыре массивных опорных столба, на которые опиралась кровля. Местами сохранились следы внутренних перегородок (порталов), идущих от этих опорных столбов к стенкам жилища и разделяющих его на три приблизительно равные части – «нефа». В центре помещения, между опорными столбами, располагался очаг – яма диаметром 1–1,5 м со следами прокала. Планы подобных жилищных конструкций обнаружены среди скальных изображений Алтая, Внутренней Монголии и Верхнего Енисея (Дэвлет, 1992). Постройки такого рода надежно фиксируются в поселениях эпохи поздней бронзы, но при этом явно восходят к андроновской эпохе (Кузьмина, 1994. Рис. 10), а возможно, и к более раннему времени. Если наши ассоциативные предположения верны, то именно окуневские и чемурчекские ритуальные площадки, а не собственно курганы с захоронениями, являются «домом мертвых». В них могли производиться обряды поминовения, сопряженные с жертвоприношениями, и общения с умершими родственниками.

Для территории Монгольского Алтая А. А. Ковалевым выделен еще один тип ритуальных конструкций, представлявших собой прямоугольные ограды из врытых на ребро плит (Хул уул 1, Хуурай говь 2, Хундий говь, Хар хошуу). В центре этих сооружений располагалась обширная грунтовая яма, заполненная землей, угольками и фрагментами костей животных. Три ограды сопровождалась стелами, установленными у середины короткой юго-восточной стенки (Ковалев, Эрдэнэбаа-

тар, 2014а. С. 163–226). Примечательно, что во всех четырех исследованных комплексах присутствовали «впускные» захоронения, устроенные, по мнению А. А. Ковалева, спустя 200–300 лет после сооружения ритуальных оград. К этому же времени относится и момент заполнения всего внутреннего пространства оград каменной кладкой (Ковалев, 2015).

Позволим себе усомниться в достоверности предложенной реконструкции и датировки указанных комплексов. Единственным аргументом в данном случае является результат радиоуглеродного анализа единичных образцов угля из заполнения ям и костей человека из разграбленных «впускных» могил. Уже само по себе сопоставление дат, полученных на основе различных материалов, является не вполне корректным. Дерево заведомо окажется древнее. Правильнее было бы провести сопоставление дат на основании анализа костей животных и костей человека. Обращает на себя внимание поразительное единообразие «впускных» могил. Все захоронения устроены в грунтовых ямах. Погребенные, когда это удастся определить, лежат на правом боку, слегка скорченно, и ориентированы головой в северо-западный сектор. Среди сопроводительного инвентаря в трех из четырех могил присутствуют идентичные орудия из тазовых костей животных, в двух – белые каменные шары с отверстиями. Это указывает на принадлежность перечисленных захоронений к одному, довольно узкому хронологическому горизонту. Почему же тогда все они оказались приурочены именно к «ритуальным» оградкам определенного типа? Такая ситуация возможна только в том случае, если ограды и обнаруженные в них захоронения синхронны и образуют единый погребальный комплекс.

Аналогичные ямы в центре погребальных оград, заполненные грунтом с включениями камней и угольков, хорошо известны по материалам окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Усть-Бюрь, курган № 5, Малые Копены III, курган № 41, Уйбат V, курган № 2) Хакасско-Минусинской котловины (Кызласов, 1986. С. 270–278; Зяблин, 1981. С. 118–121; Лазаретов, 1997. С. 25–26, табл. VII). Они, по-видимому, предназначались для проведения своеобразного обряда очищения и подготовки сакрального пространства ограды перед

⁵ Поселение Бырганов IV частично исследовано И. П. Лазаретовым в 1990 г. Материалы не опубликованы.

совершением последующих захоронений. Временной разрыв между ритуальными действиями и устройством самих погребений был минимальным. По окончании функционирования кладбища пространство ограды заполнялось грунтом, а в памятниках раннего (уйбатского) этапа – камнем, как у монгольских «ритуальных» курганов. Двойная ограда кургана Хар хошуу также обнаруживает прямые соответствия в комплексах окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. В качестве примера можно привести курган № 12 могильника Итколь II, где ограда меньшего размера располагалась внутри более крупной. В таких курганах-«матрешках» могло быть по три (Итколь I, курган № 2) и даже четыре (Итколь I, курган № 1) вписанные друг в друга ограды. При этом ранние ограды частично разбирались при строительстве поздних, более крупных.

Характерные особенности «ритуальных» комплексов северо-западной части Баян-Ульгийского аймака Монголии (Хул уул 1, Хуурай говь 2, Хундий говь, Хар хошуу), такие как ограды из поставленных на ребро плит (врытых), заполнение их внутреннего пространства сплошной каменной кладкой, захоронения в грунтовых ямах, находки мраморных шаров с отверстиями позволяют синхронизировать эти курганы с памятниками раннего (уйбатского) этапа окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Ковалев, *Эрдэнэбаатар*, 2014б). Вероятно, к этому же времени следует отнести и комплекс Хар чулуут 1 (Ковалев, 2015). Его едва ли можно считать сугубо ритуальным памятником, как это утверждает А. А. Ковалевым. В данном комплексе присутствует теперь уже привычное для курганов окуневской и чемурчекской культур сочетание: погребальная ограда – ритуальная площадка, расположенная к востоку от нее. Отсутствие следов захоронения в основной ограде может объясняться деятельностью грабителей. Либо это мог быть курган-кенотаф, обладающий всеми необходимыми атрибутами погребального комплекса, в частности, стелой из гранита, установленной в центре его восточной стенки. Обилие выбивок и разнообразных изображений, обнаруженных на стенках и в ограде Хар чулуут 1, также не должно нас удивлять. Для памятников окуневской культуры Хакасско-Минусинской кот-

ловины – это явление вполне обыденное, достаточно вспомнить такие погребальные памятники как Тас-Хазаа или Разлив X (Липский, Вадецкая, 2006; Пшеницына, Пяткин, 2006). Что же касается погребальных комплексов булганского типа, выделенных А. А. Ковалевым, то они в большей степени соотносятся с памятниками черновского этапа окуневской культуры и, вероятно, датируются относительно поздним периодом существования чемурчекского феномена.

Столь обширный список детальных соответствий в области духовной и материальной культуры двух археологических культур, удаленных друг от друга на многие сотни километров степей и горной тайги, требует своего объяснения. А. А. Ковалев рассматривает появление ритуальных площадок, статуарной традиции, красочные геометрические росписи на стенках погребальных ящиков окуневской культуры как следствие мощного воздействия чемурчекского феномена (Ковалев, 2017). С этим постулатом трудно согласиться. Для распространения новой религиозной доктрины, полностью изменившей погребально-поминальную практику аборигенного населения, требуются непосредственные контакты их носителей и значительное время. Между тем погребальная скульптура и поминально-ритуальные площадки обнаружены в комплексах самого раннего пласта окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Уйбат III, База Минторга). Следовательно, эти особенности были присущи им изначально. Наблюдаемое единство в религиозной и материальной сферах окуневской и чемурчекской культур скорее указывает на общий источник их формирования, а не последующее взаимное влияние. Наиболее перспективными территориями для поиска прародины окуневско-чемурчекского феномена представляются районы Северо-Западного Прикаспия и прилегающие к ним предгорья Северного Кавказа. В памятниках позднеямного и переходного ямнокатакомбного времени этих территорий можно обнаружить практически полный список признаков, проявившихся в качестве инноваций в культурах эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая.

Заключение. Исследование великолепно сохранившегося святилища эпохи ранней бронзы на территории Тувы позволило уточнить архитектур-

ные особенности такого рода сооружений. Данная находка является важнейшим промежуточным звеном при сравнении ритуальных комплексов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины и чемурчекской культуры Монголии, Северо-Западного Китая.

Поразительное совпадение топографии и архитектурных деталей ритуальных объектов, наличие единой статуарной традиции и общих элементов материальной культуры комплексов, удаленных друг от друга на многие сотни километров, позволяет поставить вопрос о существовании в эпоху

ранней бронзы на территориях, прилегающих к Алтаю, памятников окуневско-чемурчекской культурно-исторической общности.

Формирование новой культурно-исторической общности, пришедшей на смену афанасьевской, связано с мощнейшими миграционными процессами, происходившими в степной зоне Евразии в конце первой половины – середине III тыс. до н. э. Исходной территорией этого миграционного потока могли служить районы Северо-Западного Прикаспия и прилегающие к ним предгорья Северного Кавказа.

Вайнштейн, 1954 – *Вайнштейн С. И.* Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1954. Вып. 2.

Дэвлет, 1992 – *Дэвлет М. А.* О жилищах эпохи бронзы по материалам петроглифов // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1992. Ч. I.

Зяблин, 1981 – *Зяблин Л. П.* Окуневский курган на могильнике Малые Копены III // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Ковалев, 2015 – *Ковалев А. А.* Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.

Ковалев, 2017 – *Ковалев А. А.* Роль чемурчекского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана // V (XXI) ВАС: Сб. трудов конф. Барнаул, 2017.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а – *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. СПб., 2014. Ч. 1.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014б – *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Исследования чемурчекских курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 годах // Там же.

Ковалев и др., 2015 – *Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Тишкин А. А., Ожередов Ю. И.* Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. СПб., 2015. Ч. 2.

Кузьмина, 1994 – *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кызласов, 1986 – *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.

Лазаретов, 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997.

Лазаретов, 2014 – *Лазаретов И. П.* Погребальная скульптура в контексте окуневской изобразительной традиции // Тр. IV (XX) ВАС. Казань, 2014. Т. 1.

Лазаретов, 2017а – *Лазаретов И. П.* Окуневская культура и чемурчекский феномен // Орос, Монгол, Хятадын хил залгаа бүс нутгийн эртний нийгмүүдийн соелын хувьсал ба харилцан нөлөөлөл: Төв Ази ба Умард Хятадын хадны зураг. Улаанбаатар, 2017 (на монг. яз.).

Лазаретов, 2017б – *Лазаретов И. П.* Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // V (XXI) ВАС: Сб. трудов конф. Барнаул, 2017.

Липский, Вадецкая, 2006 – *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Наглер, Парцингер, 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Там же.

Поляков, 2010 – *Поляков А. В.* Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб., 2010.

- Пшеницына, Пяткин*, 2006 – *Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н.* Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Савинов*, 1996 – *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб., 1996.
- Стамбульник, Чугунов*, 2006 – *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Тишкин и др.*, 2012 – *Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д.* Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012.

Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva

I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov

Investigation of the excellently preserved sanctuary at the cemetery of Krasnaya Gorka 15 of the early Bronze Age in the territory of Tuva succeeded in defining more precisely architectural features of structures of this type. The find under consideration presents a very important intermediate link for comparison of ritual complexes of the Okunevo culture in the Khakas-Minusinsk kettle and the Chemurchek culture of Mongolia and North-Western China.

The amazing correspondence between the topography and architectural parts of ritual objects, the presence of a common statuary tradition and common elements of the material culture of these complexes,

many hundreds of kilometres distant one from another, suggests the existence of sites of Okunevo-Chemurchek cultural and historical unity during the Early Bronze Age in the territories adjoining the Altay.

The formation of the new cultural and historical unity which came to replace the Afanasyevo one was due to extremely powerful migration processes taking place in the steppe zone of Eurasia in the end of the first half and the middle of the 3rd millennium BC. The source territory of that migration flow possibly was in regions of the North-Western Caspian Sea littoral and the piedmonts of the Northern Caucasus adjoining them.

ПОГРЕБЕНИЕ С ПОВОЗКОЙ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ДЕРКУЛ В ТАРАСОВСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева²

Аннотация. В статье вводится в научный оборот погребение с повозкой, исследованное в одном из курганов могильника Ясенево II близ хутора Верхний Митякин Тарасовского района Ростовской области. Погребение было впущено в первую и перекрыто второй насытью кургана. В могильной яме подпрямоугольной формы, ориентированной углами по сторонам света, находился скелет в слабо-скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Перед ним находились остатки повозки: рама из тонких плашек с переплетенными прутьями и колеса, снятые с осей и прислоненные попарно к стенкам могилы. Вызывает интерес, что в этом комплексе сочетаются характерные особенности нескольких разновременных культур эпохи средней бронзы: поза погребенного и разобранное состояние повозки типичны для новотитаровской культуры, сама повозка размещена в могильной яме как у раннекатакомбных погребений, а керамика характерна для донецкой катакомбной культуры. Все эти особенности позволяют датировать приведенный комплекс эпохой средней бронзы.

Annotation. This paper presents a description of a burial with a cart excavated in one of the barrows of the burial ground of Yasenevy II near the farmstead of Verkhniy Mityakin of Tarasovsky District, Rostov Oblast. The grave under description was sunk into the first mound and covered over with the second mound of the kurgan. In the grave pit of roughly rectangular shape oriented with its corners to the cardinal points there was a skeleton lying slightly flexed on the right side, head to the south-west. In front of the skeleton there were remains of a cart: carriage from thin plates entwined with twigs and the wheels removed from the axles and leant each two against the walls of the grave. Of interest is the combination of features of different periods in a single complex: the position of the interred and the dismantled cart characteristic of the Novotitarovskaya culture, arrangement in the grave similar to the Early Catacomb burials and the pottery typical to the Donetsk Catacomb Culture. All these peculiarities suggest the Middle Bronze Age as the date of the complex under study.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, погребение с повозкой, трехчастные колеса, новотитаровская культура, донецкая культура.

Keywords: Middle Bronze Age, burial with a cart, three-part wheels, Novotitarovskaya culture, Donetsk culture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-94-101

В 2006 г. в Тарасовском районе Ростовской об-

¹ В. Я. Стеганцевой работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)»).

² Алейников В. В. – Россия, 344022, Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29. Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие», отдел археологии. E-mail: aleynikov@don-nasledie.ru.

Глебов В. П. – Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Ульяновская 50, оф. 3. «Археологическое научно-исследовательское бюро». E-mail: glebov-63@mail.ru.

Стеганцева В. Я. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: veronika_s@mail.ru.

ласти РФ были проведены раскопки двух курганов могильника Ясенево II,³ расположенного в 250 м к западу от западной окраины хутора Верхний Митякин на правом высоком берегу р. Митякин (рис. 1, 1а–в). Могильник находился в пологой части восточной оконечности водораздельной возвышенности между балками Ясеновой и Пристенной.

Возведение курганов на могильнике было начато в энеолите – раннем бронзовом веке. Впускные погребения датируются временем от раннего бронзового века до XIII–XIV вв. Наиболее интенсивно могильник функционировал в эпоху средней

³ Работы проводились экспедицией ГУК РО «Донское наследие» Министерства культуры Ростовской области совместно с ЗАО «Ростспецархеология» и Археологическим научно-исследовательским бюро.

бронзы. Особый интерес представляет захоронение среднего бронзового века с повозкой (погребение № 10), впущенное в насыпь кургана № 3. В статье приведены описание кургана и его стратиграфия, дана подробная характеристика могилы с захороненными в ней двумя погребенными, рассмотрены погребальный инвентарь и остатки повозки (рис. 1–3).

Курган № 3 находился в юго-восточной части могильника. Насыпь овальной формы, диаметром 25–36 м и высотой 1,84 м, была вытянута в направлении север-юг (рис. 1, 2). Она сооружалась в несколько приемов, что зафиксировано стратиграфией трех бровок. Описание *стратиграфии* дается по восточной стене центральной бровки кургана (снизу вверх) (рис. 1, 3):

1. Материковый рыхлый песок белого или желтого цвета с крупными известковыми включениями с уровня 2,4 м⁴;

2. Предматериковая плотная супесь светло-коричневого цвета с уровня 2,05 м, мощностью 0,30–0,35 м;

3. Погребенная почва, состоявшая из плотной супеси темно-серого цвета с уровня 1,75–2 м, мощностью до 0,25 м. Зафиксирована на протяжении 10,3 м (1,3 м к югу и 9 м к северу от R₀);

4. Выкид материкового песка белого цвета и супеси светло-коричневого цвета с уровня 1,5 м, мощностью 0,05–0,10 м. Находился на погребенной почве (1,3 м к югу и 0,5 м к северу от R₀);

5. Насыпь № 1 из плотной супеси темно-серого цвета прослежена с уровня 1,4–2,15 м, мощностью до 0,55 м, диаметром до 16,5 м (9 м к югу и 7,5 м к северу от R₀);

6. Выкид материкового песка белого цвета и мешаного грунта серого цвета с комочками материкового песка с уровня 0,95–1,4 м, мощностью 0,05–0,25 м, находился на насыпи № 1 (5 м к югу и 6 м к северу от R₀);

7. Насыпь № 2 из супеси коричневого цвета с уровня 0,8–1,6–2,10 м, мощностью 0,9 м, диаметром до 20 м (7 м к югу и 13 м к северу от R₀);

8. Насыпь № 3 из супеси темно-серого цвета с уровня 0,5–2,05–2,3 м, мощностью 0,6 м, диаметром 30 м (14 м к югу и 16 м к северу от R₀). Расположена поверх насыпи № 2;

9. Досыпка № 3 из супеси светло-коричневого цвета с уровня 1–2,4 м, мощностью 0,6 м и длиной 11 м (17–6 м к югу от R₀);

10. Насыпь № 4 из плотной супеси серого цвета с большим количеством ломаного мела и дробленого непрозрачного кремня серого цвета, с уровня 0,25–1,05–1,15 м, мощностью 0,2–0,5 м, диаметром 17 м (6 м к югу и 11 м к северу от R₀);

11. Гумусированная супесь темно-серого цвета, зафиксирована по краям насыпи, мощностью 0,35 м;

12. Пахотный слой, состоящий из комковатой супеси темно-серо-коричневого цвета. Мощность слоя в центральной части насыпи кургана составляла 0,05 м, по краям – 0,25–0,3 м.

Судя по данным стратиграфии, сооружение кургана № 3 было начато, скорее всего, в энеолите – раннем бронзовом веке. Первая насыпь, вероятно, была возведена над погребением № 9. В нее были впущены погребения № 5 и № 10, перекрытые насыпью № 2.

Погребение № 10, впускное, второе или третье в кургане, находилось в 1,35 м к северо-северо-востоку под углом 27° от репера (R₀), на глубине 3,57 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, длинной осью была ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Верхняя часть юго-восточной стенки могилы просела в древности в яму погребения № 9. Северо-восточная и северо-западная стенки могилы вертикальные, сохранились на высоту 1,2–1,23 м; нижняя часть юго-восточной стенки также вертикальная, высотой 1 м; в юго-западной стенке, высотой 1,25 м, имелся подбой. Размеры ямы: верхняя часть – 2,14 × 1,7–1,8 м (до обрушения, к моменту фиксации на 2,5 м), придонная часть – 2,38 × 2,20 м; общая глубина ямы (с уровня впуска) – 2,57–2,58 м.

В заполнении могильной ямы на глубине 2,31 м обнаружены просевшие плахи деревянного перекрытия: по краям ямы они просели на глубину 2,39–2,52 м, а в центре – на глубину 2,87 м. Тесаные с четырех сторон плахи (максимальная длина 2,31 м, ширина 0,14–0,3 м и толщина 0,05–0,07 м), были уложены поперек могилы по линии северо-запад–юго-восток (рис. 2, 1–3).

В могильной яме зафиксированы два захоронения на разных уровнях.

⁴ Все глубины даны от репера (R₀), находившегося на высшей точке кургана.

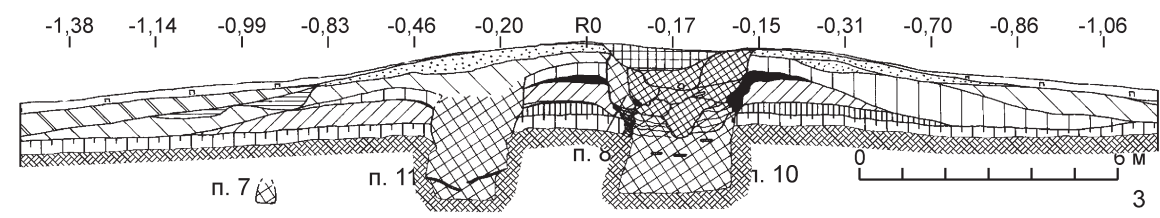
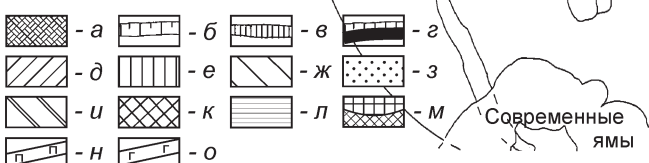
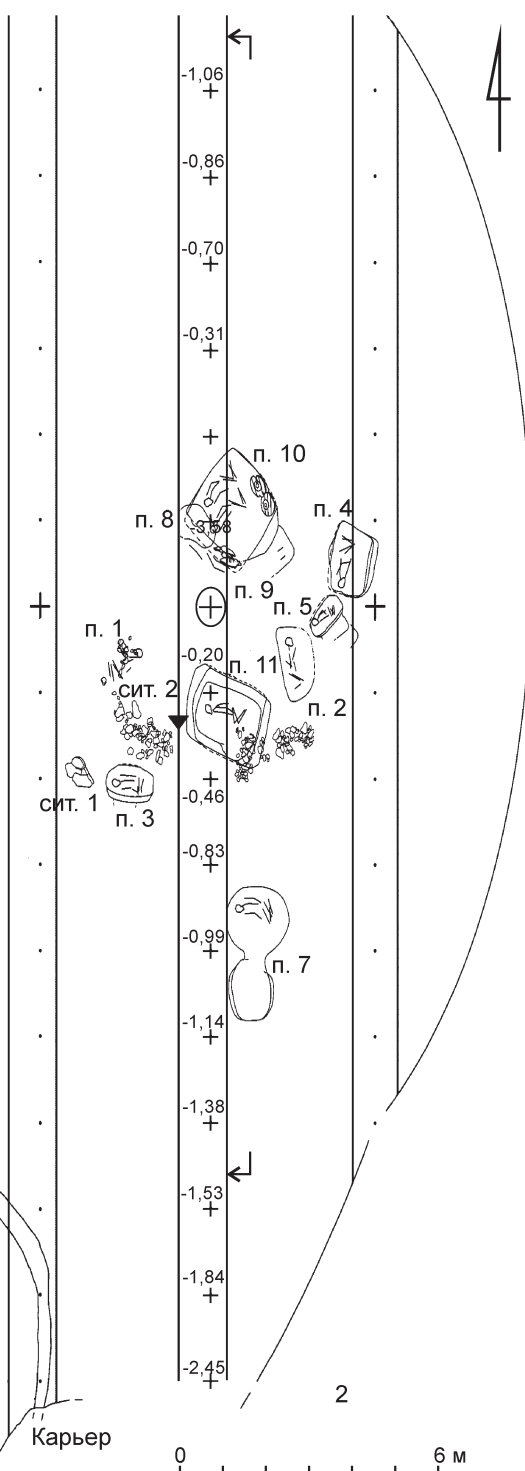
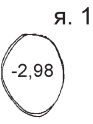
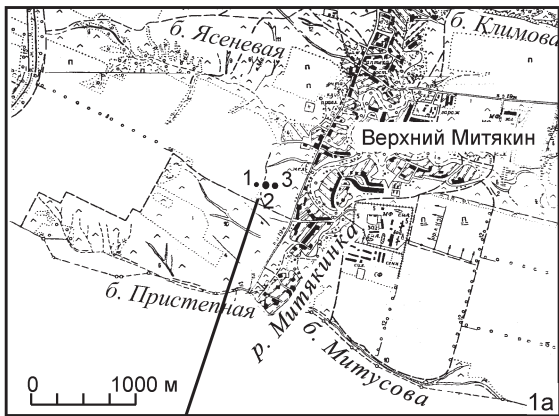

Рис. 1. Могильник Ясенево: 1 – расположение памятника; 2 – курган № 3, план; 3 – восточный фас центральной бровки (а – пахотный слой; б – гумус; в – погребенная почва; г – предматерик; д – материк; е – выкид материкового грунта; ж – насыпь 1; з – насыпь 2; и – насыпь 3; к – насыпь 4; л – досыпка 2; м – заполнение ям погребений; н – выборка грунта 1; о – современные перекопы и яма XVIII в.)

Fig. 1. Cemetery of Yasenevy: 1 – situation of the site; 2 – kurgan no. 3, plan; 3 – eastern front of the central stratigraphic baulk (a – tilled layer; б – humus; в – buried soil; г – layer adjoining the virgin soil; д – virgin soil; е – spoil of the virgin soil; ж – mound 1; з – mound 2; и – mound 3; к – mound 4; л – additional fill 2; м – fill of the grave pits; н – place of extraction of soil 1; о – present time diggings and a pit of the 18th century)

1-й уровень.

На глубине 3,13–3,25 м находился *скелет мужчины*, 30–35 л.,⁵ в слабо скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Череп скелета лежал на затылочной кости лицевой частью вверх вправо. Грудная клетка и таз слегка завалены на спину. Левая плечевая кость находилась поверх ребер параллельно позвоночнику. Кости предплечья лежали на крыле левой подвздошной тазовой кости, фаланги пальцев левой кисти были собраны в щепоть поверх левой бедренной кости. Верхняя правая конечность располагалась вдоль туловища, кисть находилась под правым крылом подвздошной тазовой кости. Бедренные кости лежали под углом 60° к позвоночнику, берцовые кости – под углом 45° к бедренным.

Под скелетом и перед ним зафиксирован коричневый тлен подпрямоугольной в плане формы размерами 1,54 × 1,15 м. Местами поверх коричневого тлена обнаружены пятна охры. Под скелетом и поверх него был прослежен светло-желтый тлен (войлок?). Под черепом, где слой коричневого тлена достигал мощности 5–7 см, вероятно, находилась «подушка», окрашенная сверху и снизу охрой. Под правой кистью зафиксирован слой охры, размерами 12 × 10 см и мощностью 3–4 см (рис. 2, 4).

Погребальный инвентарь. В 0,42 м к юго-востоку от правого предплечья, на глубине 3,49 м, находилось *кольцо* из трубчатой кости животного, с сохранившимися по краям следами резки. Вся поверхность кольца слегка заполирована. Размеры: диаметр 2,2–2,35 см, сечение 0,2–0,35 × 1 см (рис. 2, 4а, 5).

В 0,05 м к северо-востоку от кольца, на этой же глубине, лежали *два комочка охры* (длиной 3–4 см и диаметром 1,5–2,5 см) красного цвета. Под ними на глубине 3,58 м найден еще один плотный *комочок охры* такого же цвета размерами 5 × 4,5 × 6 см. Скорее всего, все три фрагмента составляли единый предмет, но более тяжелый кусок охры просел на дно могилы (рис. 2, 4в, 7, 8).

Среди фаланг пальцев кисти левой руки было найдено узкое *кольцо* из трубчатой кости животного. Кольцо тщательно обработано. Размеры: диаметр 2,65–2,75 см, сегментовидное сечение 0,45 × 0,45 см (рис. 2, 4б, 6).

2-й уровень.

На глубине 3,56–3,57 м под северо-западной стенкой на дне ямы был захоронен *мужчина* 25–30 л., в слабо скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Череп скелета опирался челюстью на грудную клетку. Грудная клетка и таз слегка завалены на спину. Кости верхних конечностей располагались параллельно друг другу. Кости левого предплечья лежали на крыле левой подвздошной тазовой кости, фаланги пальцев кисти поверх крестца. Правая кисть собрана в щепоть у средней части правой бедренной кости. Бедренные кости лежали под углом 60° к позвоночнику, берцовые кости – под углом 60° к бедренным (рис. 3, 1).

Под скелетом был зафиксирован серо-желтый тлен. Под черепом и вокруг него – коричневый тлен.

Погребальный инвентарь. В юго-восточной части ямы были найдены *части повозки* – рама кузова и колеса, стоявшие попарно у юго-восточного и южного углов погребения (рис. 3, 1, А–Д). У колес «А» и «Б», стоящих в южном углу ямы, верхняя часть практически не сохранилась. Степень сохранности колес «В» и «Г» позволяла определить, что они были изготовлены из трех досок, соединенных шипами. У трех колес ступица и средняя доска изготовлены из одной заготовки (рис. 3, 5, 7, 8). В колесе «Б» ступица состояла из двух частей, закрепленных на доске (способ крепления не понятен, возможно, это следы ремонта) (рис. 3, 6). У колес «А» и «Б» по краю обода с одной стороны был зафиксирован выступ шириною около 1–1,5 см и глубиною 3 см. Размеры колес: диаметр достигал 67 см, диаметр отверстия под оси 7,5–10 см, диаметр ступиц 23–25 см, толщина ступиц 17–22 см, толщина колеса между ступицей и ободом 3–4 см. Из-за плохой сохранности толщину колес «А» и «Б», как и происхождение выступа, определить затруднительно.

⁵ Определение останков человека выполнено сотрудником Археологической лаборатории Ростовского государственного университета к. б. н. Е. Ф. Батиевой.

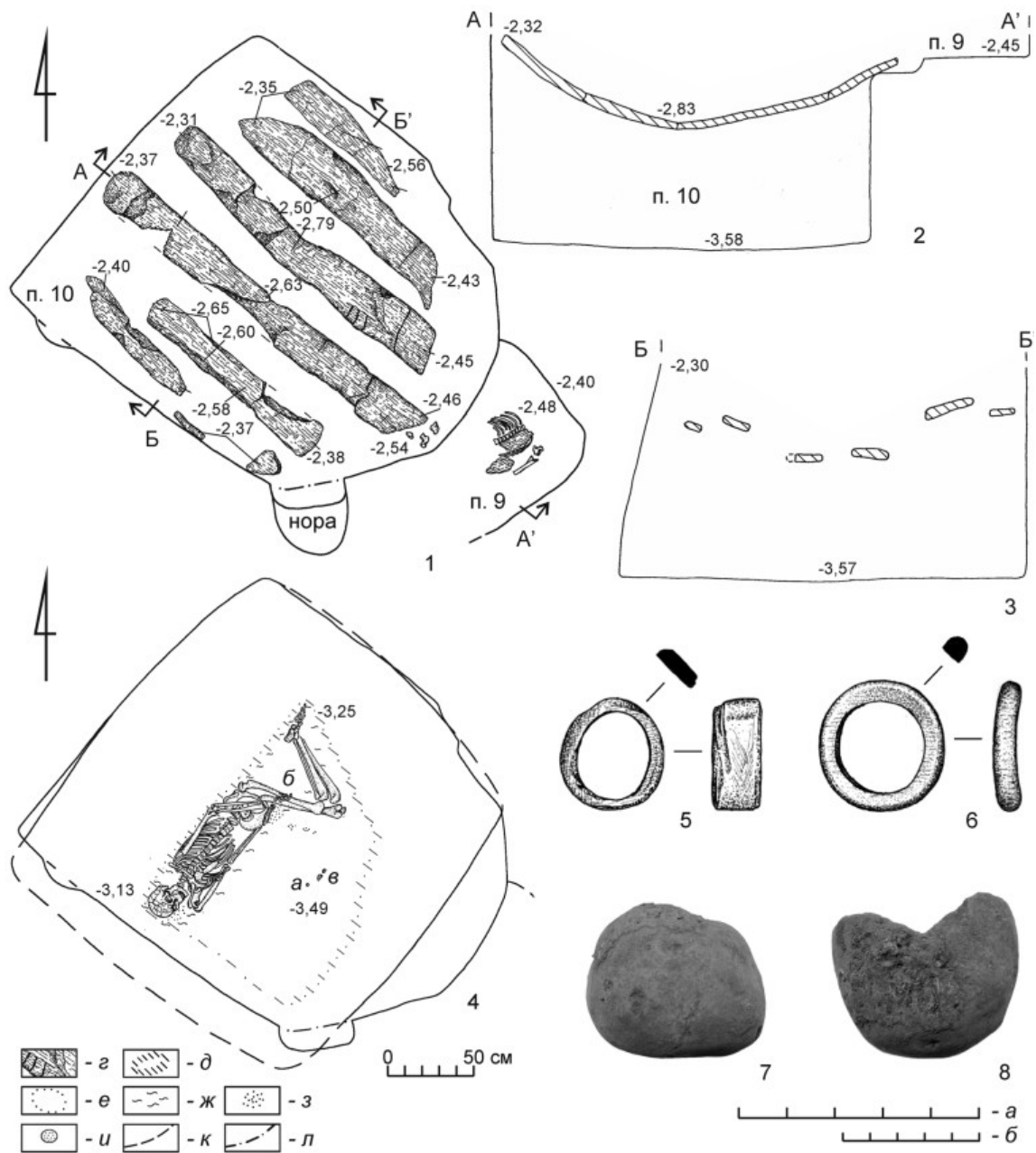

Рис. 2. Могильник Ясневый, курган № 3, погребение № 10: 1 – план на уровне перекрытия; 2, 3 – разрезы; 4 – план уровня 1: (а, б – костяные кольца; в – комочки охры; з – деревянные плахи; д – границы коричневого тлена; е – границы посыпки охрой; жс – границы светло-желтого тлена; з – пятно охры; и – комок охры; к – линия невидимая; л – линия реконструируемая)

Масштабы: а – для № 5, 6; б – для № 7, 8

Fig. 2. Cemetery of Yasnevyy, kurgan no. 3, burial no. 10: 1 – plan at the level of the roofing; 2, 3 – sections; 4 – plan of level 1: (а, б – bone rings; в – lumps of ochre; з – wooden blocks; д – limits of brown layer of decay; е – limits of spilling of the ochre; жс – limits of the light yellow decay; з – spot of ochre; и – lump of ochre; к – invisible line; л – reconstructed line)

Scales: а – for nos. 5, 6; б – for nos. 7, 8

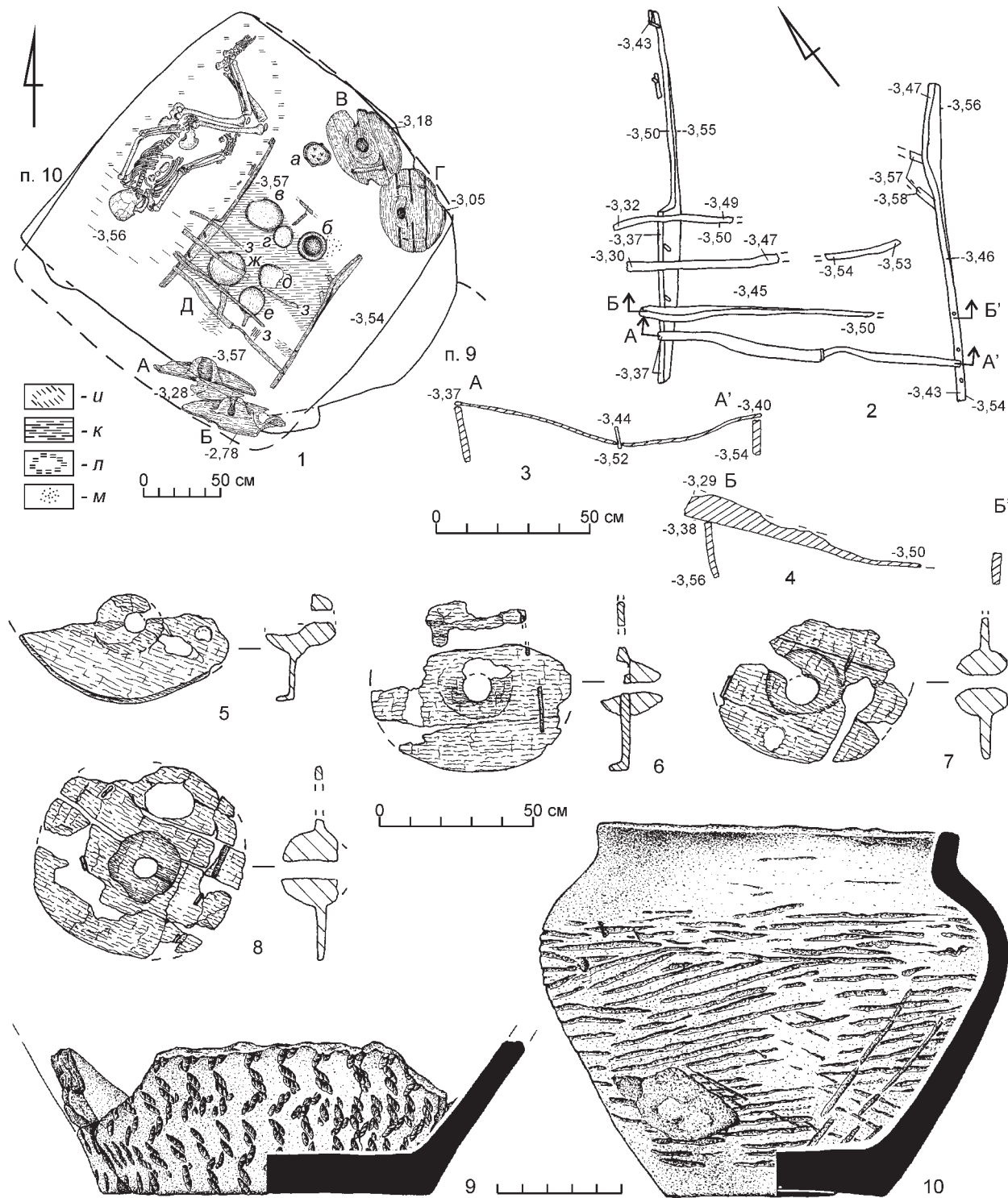

Рис. 3. Могильник Ясенеvый, курган № 3, погребение № 10: 1 – план уровня 2 (а – жаровня с углями; б – лепной сосуд; в–ж – деревянные сосуды; з – фрагменты деталей повозки; у – граница коричневого тлена; к – белесый тлен; л – границы серо-желтого тлена; м – посыпка охрой; А–Г – колеса; Д – кузов повозки); 2–4 – кузов повозки, план и разрезы; 5–8 – колеса А–Г; 9 – жаровня; 10 – сосуд

Fig. 3. Cemetery of Yasenevy, kurgan no. 3, burial no. 10: 1 – plan of level 2 (a – brazier with pieces of charcoal; б – handmade vessel; в–ж – wooden vessels; з – fragments of parts of a cart; у – limits of the brown decay; к – whitish decay; л – limits of grey-yellow layer of decay; м – spilled ochre; А–Г – wheels; Д – carriage of the cart); 2–4 – carriage of the cart, plan and sections; 5–8 – wheels А–Г; 9 – brazier; 10 – vessel

Рама повозки располагалась в центральной части ямы (в 0,35 м от юго-восточной стенки) между парами колес (рис. 3, 1Д). Рама состояла из двух продольных досок длиной 105–121 см, толщиной 2–3 см и высотой 10,5–18,5 см, соединенных между собой тонкими плашками. По верхнему ребру продольных досок через 10–12 см расположены отверстия (диаметром до 1,5 см) с остатками шипов, служивших, вероятно, для крепления поперечных плашек (рис. 3, 2–4). Остатки от четырех из них были зафиксированы в процессе раскопок. Еще четыре фрагмента от плашек были найдены на дне могилы в границах кузова. Лучше сохранилась крайняя южная плашка с шипом в средней части, длина которой составляла 104 см; в сечении размеры плашек различны: ширина 3–9 см, толщина 1,5–2 см. Под остатками кузова отмечен глен белесого цвета и сплетенные крест-накрест прутья (рис. 3, 1з). Легкость конструкции позволяет предположить, что описанная рама крепилась к более прочной основе повозки.

Границы коричневого тлена 1-го уровня совпадали с границами кузова. Туловище погребенного было расположено над западной продольной стенкой кузова. Перепад глубин составлял 22–42 см.

К западу от колеса «В» находилась жаровня из придонной части лепного плоскодонного сосуда с древесными углями внутри. Стенки жаровни были покрыты елочным орнаментом, выполненным оттиском свернутого шнура. Обжиг неравномерный, поверхность имела оранжево-коричневый цвет. Тесто черное, с примесью дресвы серого цвета. Размеры: диаметр дна 13,2 см, сохранившаяся высота стенок 5,8–6,2 см, толщина стенок 0,9 см, толщина дна 1,55 см (рис. 3, 9).

В 0,44 м к югу от жаровни находился лепной плоскодонный горшок с округлыми плечиками, коротким слегка расширяющимся горлом и прямым венчиком. Стенки сосуда сужаются в придонной части, дно слегка вогнуто. В придонной части имеется разглаженный глиняный налп толщиной 0,3 см. Внутри и снаружи (от середины плечиков) сосуд покрыт глубокими горизонтальными расчесами с шириной бороздок до 0,3 см и глубиной до 0,15 см. Снаружи в нижней части тулова отмечены редкие наклонные расчесы. Техника исполнения и характер расчесов напоминают орнамент. Обжиг горшка неравномерный, поверхность от светло-серого до черного цвета. Тесто черное,

с примесью толченой извести или мела. Размеры: диаметр венчика 14,75 см, диаметр горла 14,6 см, максимальный диаметр тулова 19,1 см, диаметр дна 9 см, высота 15,1 см, толщина стенок 0,85–1,2 см, толщина дна 1,55 см (рис. 3, 10).

Под поперечными плашками кузова повозки был зафиксирован глен от пяти берестяных или деревянных сосудов. Сосуды представляли собой миски или ковши различных размеров: 26 × 21 см, 15 × 13 см, 16 × 16 см, 20 × 17 см, 25 × 23,5 см, с высотой стенок до 6–10 см и толщиной в 0,3–0,5 см. В нескольких случаях прослежены остатки деревянных ручек длиной 7–22 см и шириной 2–4 см (рис. 3, 1 в–ж).

Описанное погребение с повозкой уникально как по месту расположения, так и по деталям погребального обряда, включающим скелеты на разных уровнях, разобранный повозку на дне могильной ямы и инвентарь, характерный для донецкой катакомбной культуры. В целом на Правобережье Нижнего Дона и в бассейне Северского Донца мало известно погребений с повозками, большая часть которых тяготеет к прибрежным районам (*Избицер* 1993б. С. 159, рис. 154).

Датировка и культурная принадлежность.

Описанный комплекс может быть датирован эпохой средней бронзы. Интерес вызывает то обстоятельство, что в нем зафиксированы характерные особенности нескольких разновременных культур этого времени.

Наличие перекрытия из тесаных древесных плах, конструкция рамы повозки из тонких плашек, досок и прутьев, а также то, что колеса сняты с осей и лежат в могиле отдельно, по сторонам повозки, дает возможность отнести описанный комплекс к памятникам новотитаровского облика. При этом повозка и колеса расположены не на краях могильной ямы или на уступах ее, а на дне могилы, в камере, это уже не новотитаровское, а скорее катакомбное время.

Положение скелета характерно для II этапа новотитаровской культуры, понуро-кирпильского варианта (*Гей*, 2000. С. 102, 105–106, 108–109). Повозка в разобранным виде дает возможность отнести погребение ко II этапу (Там же. С. 178), уже для III этапа характерны повозки в собранном виде (Там же. С. 181). Размер колес также может служить хронологическим признаком. Е. В. Избицер считает, что ранние колеса имели диаметр не менее 70 см, а размеры в 50–60 см появляются

позднее (*Избицер*, 1993а. С. 21). Диаметры колес описанного комплекса достигают 67 см и нужно еще учесть, что до нас дошли уменьшенные диаметры, так как часть древесины истлела.

Однако в комплексе с ранней повозкой здесь присутствуют костяные кольца (*Братченко*, 1976. С. 54–55, рис. 26, 1–3) и керамические формы, характерные для развитого этапа донецкой катакомбной культуры: III по классификации С. Н. Братченко или III/2А по классификации А. В. Кияшко (*Братченко*, 1976. С. 34, рис. 8; *Кияшко А.*, 1999. С. 111, рис. 55), – что неудивительно из-за местонахождения комплекса.

Подобные комплексы (без керамики) ранее относили к X группе по классификации В. Я. Кияшко

(*Кияшко В.*, 1974. С. 15), теперь они причислены к памятникам новотитаровского облика, при этом уточняется, что в Нижнем Подонье они имеют особые локально-территориальные черты (*Максименко, Яценко*, 2012. С. 33–35). А. Н. Гей подчеркивал, что по мере удаления от Приазовья происходило размывание признаков новотитаровской культуры, но это не исключает вхождение памятников новотитаровского облика в состав «более крупной общности» (*Гей*, 2000. С. 201), что именно с подобными группами связано появление повозок в степной полосе (Там же).

Таким образом, мы можем отнести этот комплекс к числу памятников новотитаровского облика и датировать его эпохой средней бронзы.

Братченко, 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Гей, 2000 – *Гей А. Н.* Новотитаровская культура. М., 2000.

Избицер, 1993а – *Избицер Е. В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

Избицер, 1993б – *Избицер Е. В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

Кияшко В., 1974 – *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Кияшко А., 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Максименко, Яценко, 2012 – *Максименко В. Е., Яценко В. С.* Погребение новотитаровского облика близ села Кулешовка Азовского района Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2012. № 3. Ростов н/Д, 2012.

Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast

V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva

In one of the barrows of the cemetery of Yasenevy II a burial of the Middle Bronze Age with a cart was excavated. The grave was sunk from the level of the first mound and covered over with a second mound. In the grave pit of nearly rectangular plan oriented with its corners to the cardinal points there was a skeleton in a slightly flexed position lying on the right side, head to the south-west. In front of the skeleton were remains of a cart: the carriage from thin plates entwined with twigs and the wheels dismantled from the axles and leant each two against the south-western and north-eastern walls of the grave. On the carriage of the cart there were standing five wooden vessels,

between the carriage and the eastern group of the wheels there were a clay vessel and a brazier made from the bottom of a jar. Within this complex, features of different periods are combined: the diameter of the wheels is characteristic of the early examples of carts, the pose of the dead and the dismantled state of the cart are typical to the Novotitarovskaya Culture, the cart is placed in the grave pit similarly to burials of the Early Catacomb Culture, the ceramic pottery with combing on the outer body and decorations of imprints of a coiled small ropes is characteristic of the Donetsk Catacomb Culture. All these peculiarities date the complex under study to the Middle Bronze Age.

КАРАЖАРТАС – НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин²

Аннотация. В статье публикуются краткие результаты раскопок могильника Каражартас, где исследованы 12 оград рядовых общинников и крупный мавзолей, сопоставимый с известными грандиозными захоронениями родоплеменной знати бегазы-дандыбаевского социума на могильниках Бугулы 3, Бегазы, Айбас-Дарасы, Сангуыр 1 и Дандыбай, датируемых поздним бронзовым веком. Каражартасский мавзолей выделяется на фоне изученных ранее комплексов своими крупными размерами и сложной пирамидально-ступенчатой архитектурой из 5–6 рядов стен. Они возводились методом строительной кладки с последующей облицовкой по периметру массивными гранитными плитами. Наличие глиняных конструкций сближает исследованный мавзолей с сооружениями Караобы и Северного Тагискена. Полученные материалы отражают сложные этнокультурные процессы смешения различных групп населения на территории Центрального Казахстана.

Annotation. Archaeological investigations at the cemetery of Karazhartas included 12 grave fences of ordinary commoners and a large mausoleum supplementing the series of already known grandiose burials of the tribal elite of the Begazy-Dandybay socium at the burial grounds of Buguly 3, Begazy, Aybas-Darasy, Sanguyr 1 and Dandybay dated to the Late Bronze Age. Karazhartas mausoleum is distinguished among the earlier investigated complexes through its large dimension and its complex stepped pyramid architecture with 5–6 courses of walls. These were constructed using constructional masonry with subsequent facing with massive granite slabs along the perimeter. In its clay structures the investigated mausoleum resembles the installations of Karaoba and Northern Tagysken. The assemblage of artefacts retrieved reflects complicated ethnocultural processes of the mixing of different populations in the territory of Central Kazakhstan.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, поздний бронзовый век, бегазы-дандыбаевская культура, социально-стратифицированный мавзолей.

Keywords: Central Kazakhstan, Late Bronze Age, Begazy-Dandybay culture, socially stratified mausoleum.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-102-109

В 2016 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е. А. Букетова после более 50-летнего перерыва исследован новый могильник бегазы-дандыбаевской культуры

Каражартас, состоящий из крупного мавзолея и периферийных оград, датируемых поздним бронзовым веком. Памятник открыт в 2014 г. разведочным отрядом под руководством И. А. Кукушкина и находится в Шетском районе Карагандинской области, в 100 км юго-восточнее г. Караганда (Центральный Казахстан).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК (проект № 1344/ГФ4 «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы».

² Кукушкин И. А. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская д. 28. Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова. E-mail: sai@ksu.kz.

Дмитриев Е. А. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская д. 28. Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е. А. Букетова. E-mail: yevgenii1992@mail.ru.

Кукушкин А. И. – Республика Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская, д. 28. Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, кафедра археологии, этнологии и отечественной истории. E-mail: tatarlandia@mail.ru.

Погребальное поле расположено на относительно ровной площадке обрывистой коренной террасы правого берега р. Талды и насчитывает 41 визуально фиксируемое погребальное сооружение в виде оград подквадратной, прямоугольной, овальной и округлой в плане форм. Сооружение № 1 мавзолейного типа, вокруг которого образовался могильник, занимает центральную часть погребальной площади. Северо-восточнее находится курган с кольцевой оградой и системой округлых жертвенных выкладок раннего железного века.

На южной окраине могильника отмечено несколько погребений этнографической современности.

Археологическими исследованиями были охвачены 13 сооружений (№ 1–13), которые располагались в северной части некрополя. Масштабы раскопанных погребальных конструкций позволяют оценить уровень социальной градации между элитным (№ 1) и рядовыми захоронениями (№ 2–13).

Сооружение № 1 до раскопок имело вид оплывшего земляного холма высотой до 1,5 м и размерами 20 × 30 м. Местами в насыпи фиксировалась стеновая кладка и выступающие края облицовочных плит. Оно исследовалось раскопом площадью 616 кв. м с двумя контрольными пересекающимися бровками (северо-запад–юго-восток и северо-восток – юго-запад). После снятия насыпи погребальный комплекс приобрел вид ступенчато-пирамидальной конструкции подквадратной формы (рис. 1), состоящей из пяти–шести рядов стен, наибольшее количество которых отмечено с северо-восточной

стороны. Каждый последующий ряд стен к центру возвышался над предыдущим. Сооружение ориентировано с незначительным отклонением углами по сторонам света (рис. 2).

Стены мавзолея возведены строительной кладкой из тщательно подобранных камней и облицованы снаружи вертикально установленными плитами. Длина внешнего ряда стены составляет 14 × 14,5 × 14,3 × 13,5 м, высота кладки – до 15 рядов, ширина – до 0,35 м. Дополнительный, шестой ряд длиной 13 м пристроен с северо-востока. Внутреннее пространство между рядами стен забутовано коричневой супесью. С северной, северо-восточной и восточной сторон между завалами камней, на расстоянии до полуметра от облицовочных плит, зафиксирована сильно разрушенная внешняя дополнительная ограда. Она сохранилась на высоту до 0,3 м и была сложена методом строительной кладки.

При снятии насыпи и расчистки стен мавзолея встречались фрагменты лепной посуды, часть

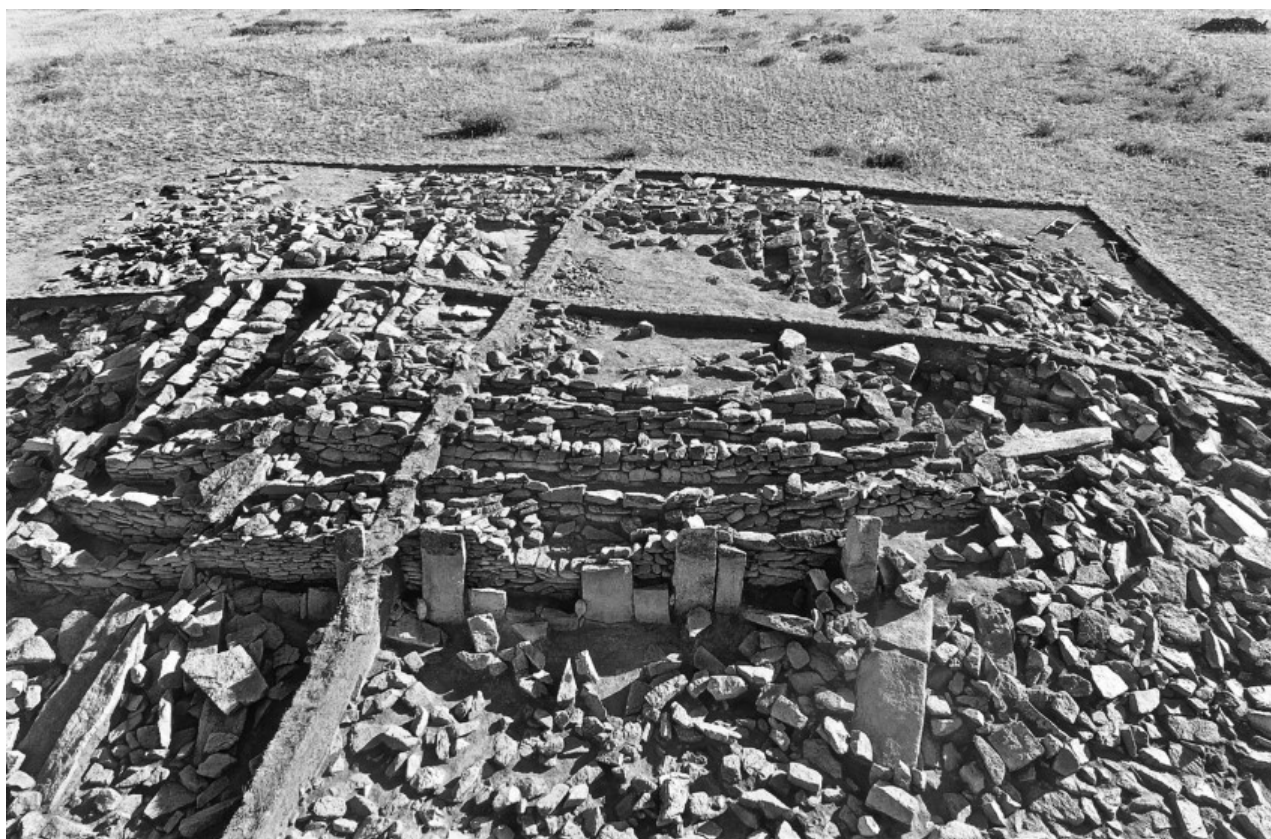

Рис. 1. Мавзолей Каражартас. Вид с северо-востока
Fig. 1. Karazhartas mausoleum. View from north-east

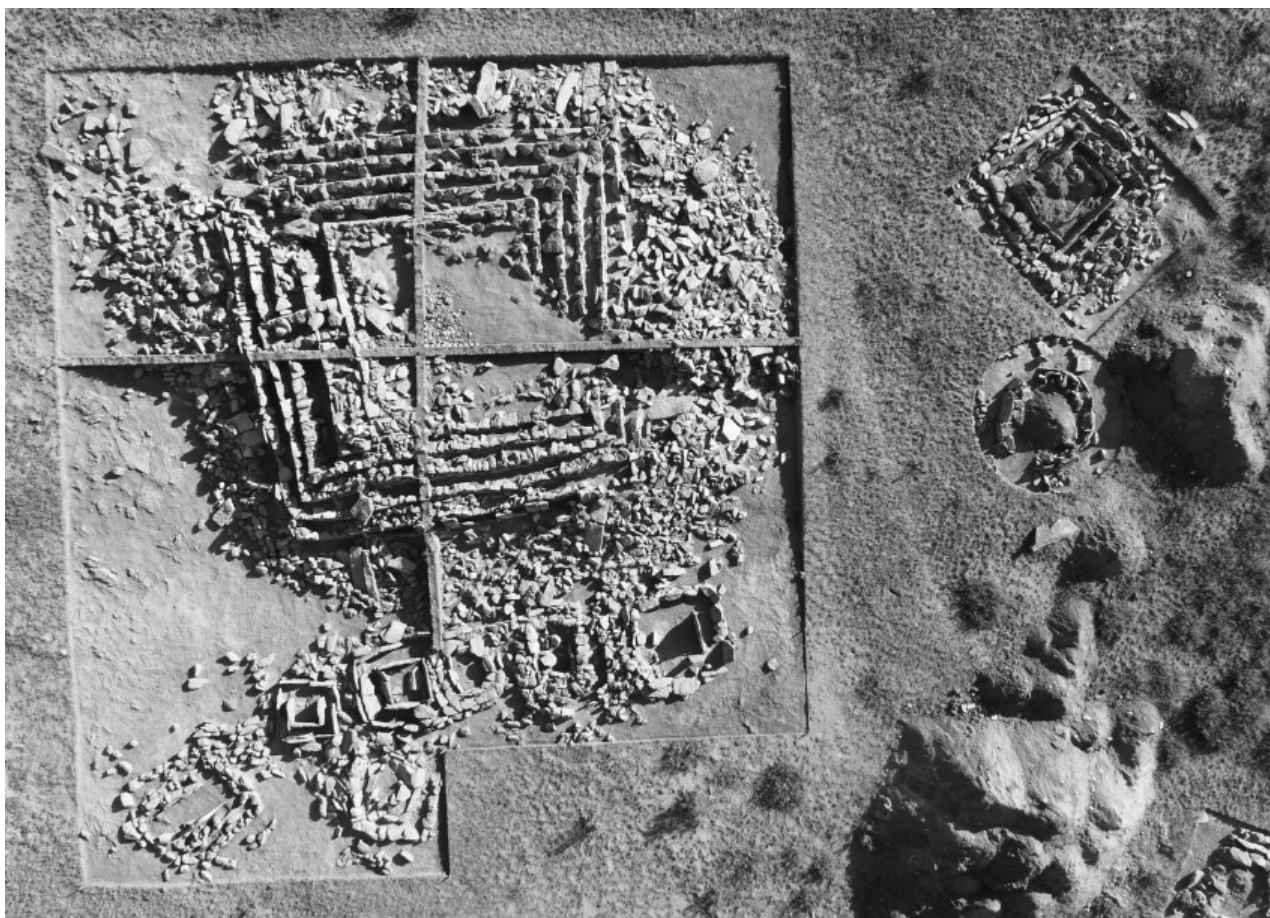

Рис. 2. Мавзолей Каражартас. Вид сверху

Fig. 2. Karazhartas mausoleum. View from above

которых была орнаментирована оттисками зубчатого штампа, образовывавшими геометрические орнаменты в виде заштрихованных пирамидок из треугольников и скошенных прямоугольников. Реконструированные сосуды имели плавную профилировку, округлое плечо, короткую изогнутую или прямую шейку, скругленный венчик. Один из фрагментов имел скругленно-уплощенное дно, которое было покрыто сплошным скошенным шахматно-ромбическим орнаментом, выполненным мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 3).

Установлено, что внутреннее пространство последнего ряда стен являлось погребальной камерой, края которой имели глиняно-песочную обваловку с примесью золы и достигали в высоту 1,88 м. Таким образом, размеры наземной, слегка заглубленной в скальник могилы составили $4,15 \times 3,25 \times 3,65 \times 4,8$ м. Над погребением, судя по частично сохранившимся плитам перекрытия,

видимо, была устроена вымощенная крупными плитами плоская площадка. Поддерживалось перекрытие каркасно-столбовой конструкцией, остатки которой фиксировались у северного угла могилы в виде крупных фрагментов дерева (жерди?).

В заполнении могилы обнаружены отдельные разрозненные кости человека и животных, мелкие обломки бронзового изделия и фрагменты керамики. Частично реконструированные сосуды имели плавную профилировку, короткую и изогнутую наружу шейку, скругленный венчик. Один горшок в верхней части имел орнамент, выполненный гребенчатым штампом: по шейке – в виде двух наклонно заштрихованных поясков, разделенных неорнаментированными зонами; по плечикам – полосой наклонно заштрихованных равнобедренных треугольников, опущенных вершинами вниз; ниже – неорнаментированная зона, окаймленная снизу трехрядным зигзагом (рис. 3).

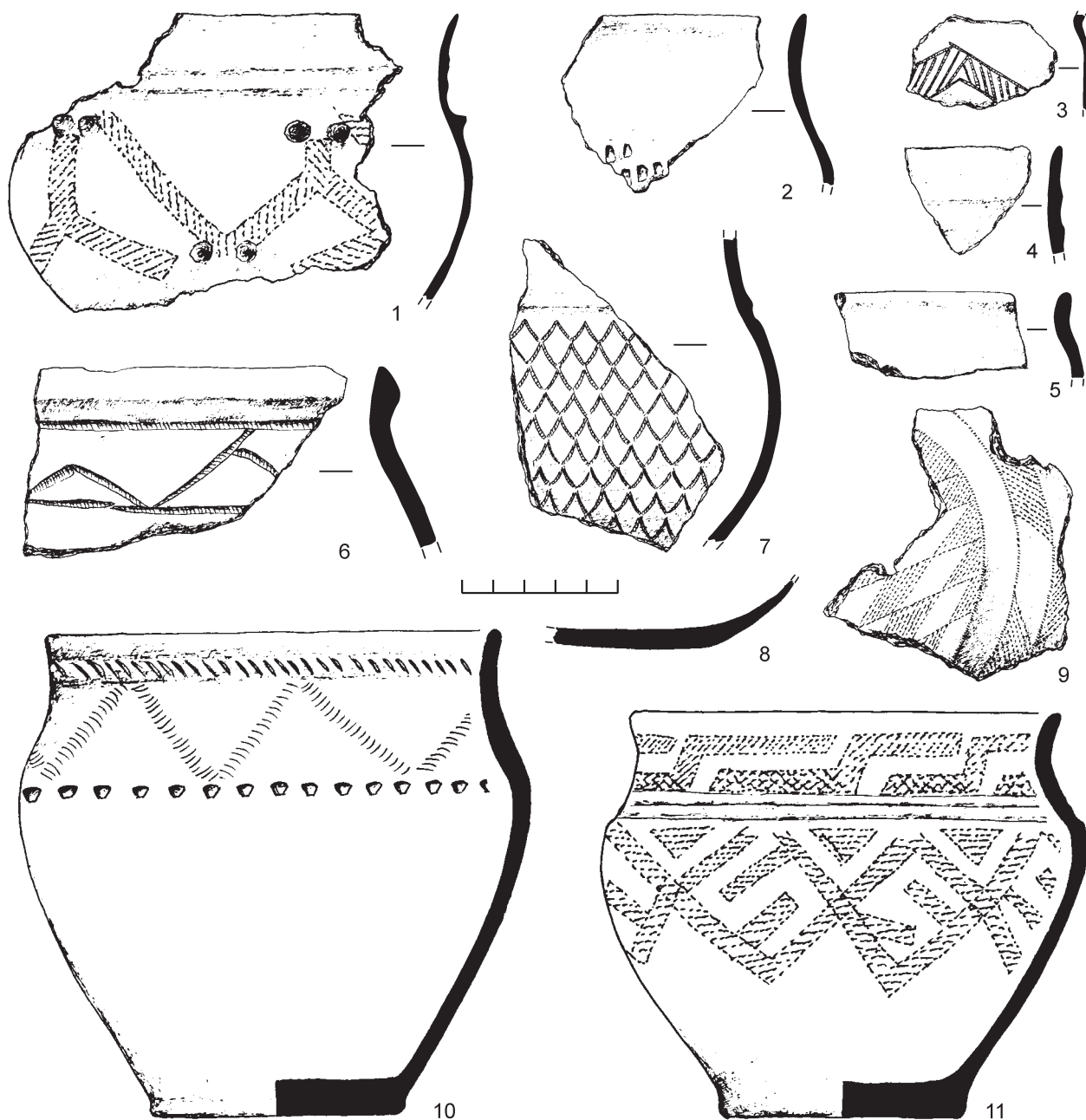

Рис. 3. Мавзолей Каражартас. Часть керамической коллекции
 Fig. 3. Karazhartas mausoleum. Part of the pottery collection

Сопроводительный инвентарь помимо фрагментированных сосудов представлен выброшенными в древности при ограблении бронзовым наконечником стрелы (рис. 4, 2) и золотым украшением в виде кольца (рис. 4, 1).

В 2,5–3 м от сооружения № 1 располагались **восемь оград прямоугольной и квадратной форм**, пристроенных друг к другу и составлявших единый комплекс. Ограды № 2, № 7–11 возводились вплот-

ную друг к другу и были вытянуты цепочкой вдоль северо-восточной стены мавзолея. Наиболее ранними являются ограды № 8 и № 9, сооруженные из плашмя уложенных камней и плит, с заглубленными в материк погребальными камерами. Позднее к ограде № 9 была пристроена ограда № 10 из вертикально установленных плит и наземным ящиком, а к сооружению № 8 – ограда № 7, возведенная комбинированным способом. Ограды

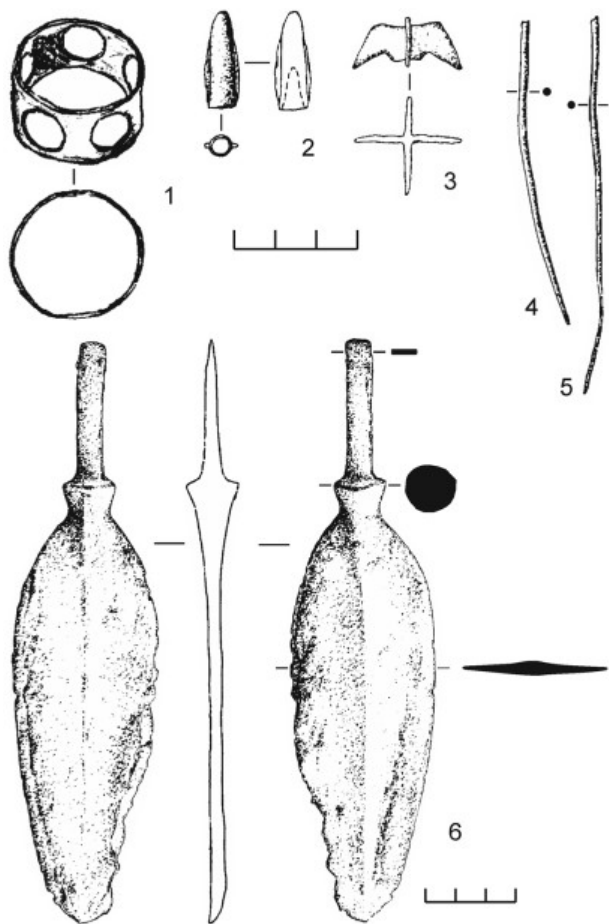

Рис. 4. Мавзолей Каражартас. Инвентарь: 1 – украшение в виде кольца; 2 – наконечник стрелы; 3 – «якорь»; 4, 5 – иглы; 6 – кинжал

1 – золото; 2–6 – бронза

Fig. 4. Karazhartas mausoleum. Finds: 1 – ring-shaped ornament; 2 – arrowhead; 3 – ‘anchor’; 4, 5 – needles; 6 – dagger

1 – gold; 2–6 – bronze

№ 11 и № 2 завершают ряд погребальных комплексов. Через некоторое время к оградкам № 10 и № 11 с северо-восточной стороны была добавлена ограда № 12 с нетронутым захоронением, по конструкции аналогичная оградкам № 8 и № 9. Завершенный вид комплекс приобрел с возведением к углу ограды № 2 ограды № 13.

Исследованные ограды имели округлую (№ 4 и № 6) или подквадратную форму (№ 3 и № 5) из плашмя уложенных или вертикально установленных плит, с наземным (№ 3) или заглубленными в материк (№ 4–6) каменными ящиками. Практически все захоронения были ограблены в древности, за исключением погребения № 12.

Ограда № 12 имела подтрапециевидную в плане надмогильную конструкцию размерами 3 × 4 м. В центральной части пространства внутри ограды под дерном обнаружены крупные плиты перекрытия могилы, на которых находились кости животных, частично имеющие следы воздействия огня.

Заглубленный в материк ящик сооружен из вертикально установленных плит и ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. У юго-западной стенки, под крупным обломком плиты обнаружены ребро крупного животного и четыре целых сосуда, располагавшихся в два яруса друг над другом. На дне расчищены компактно уложенные кости человеческого скелета: череп, направленный лицевым отделом на запад, и длинные кости ног, с двух сторон окаймляющие скопление ребер и позвонков.

Погребальный инвентарь. Изделия из металла могильника Каражартас представлены бронзовыми иглами (рис. 4, 4, 5), пулевидным наконечником стрелы (рис. 4, 2), кинжалом (рис. 4, 6), «якорем» (рис. 4, 3), а также кольцом из золота (рис. 4, 1).

Кинжал двулезвийный, с лавролистным лезвием, длиной 13,5 см и линзовидным в сечении с максимальным расширением 5 см в средней части, толщиной до 0,4 см. По всей длине клинка прослеживается ребро жесткости. Небольшой перехват плавно переходит в кольцевой упор диаметром 1,7 см. Черешок прямоугольный, длиной 4,5 см, имеет заостренно-уплощенную «пятку». Общая длина изделия составляет 19,5 см (рис. 4, 6).

Наконечник стрелы имеет пулевидную форму, две узкие лопасти и втульчатый насад; втулка скрытая. Длина изделия 2,4 см, диаметр втульчатого отверстия – 0,5 см (рис. 4, 2).

«Якорь» крестовидной в плане формы имеет четыре плоские лопасти с приостренными нижними краями, соединенными под прямым углом. Длина изделия – 2,4 см, ширина – 1,2 см, толщина лопастей – 0,2 см (рис. 4, 3). «Якорь» аналогичен изделию из ограды 11 могильника Дандыбай (Грязнов, 1952. Рис. 3, 3), но у последнего имеется длинный уплощенный черешок, обломленный у каражартасского экземпляра. Иные аналогии среди древностей бронзового века степного пояса Евразии авторам не известны.

Довольно редкой находкой является золотое кольцо, диаметром 2 см и шириной до 0,8 см с пятью отверстиями, диаметром 0,5 см (рис. 4, 1), которое не имеет прямых аналогий среди известных украшений. Золотые изделия в связи с сильным ограблением захоронений бегазы-дандыбаевской культуры являются большой редкостью и встречены лишь однажды – в погребении мавзолея Айбас-Дарасы (*Маргулан*, 1979. Рис. 106).

Полученная в ходе исследования могильника *керамическая коллекция* (более 50 сосудов, в том числе шесть археологически целых – рис. 3) неоднородна. По формально-типологическим признакам в ней выделяются две группы: дандыбаевская и валиковая посуда. Первая характеризуется применением разнообразных орнаментальных мотивов, вторая – упрощенными, схематическими рисунками и присутствием в ряде случаев валика на шейке сосуда.

Проведенный технико-технологический анализ показал, что керамика могильника Каражартас была изготовлена гончарами, принадлежавшими к четырем группам населения с разными гончарными традициями. Между этими группами проходили процессы смешения, нашедшие отражение в смешанных рецептах формовочных масс (глина + дресва + органика – 37,5 %; глина + дресва + навоз – 31,2 %; глина + шамот + навоз – 6,3 %; глина + дресва + шамот + навоз – 18,7 %; глина + органика – 6,3 %) и приемах конструирования (донно-емкостная – 75,9 %; емкостная – 24,1 %). Так, 30,9 % сосудов первой технологической схемы изготавливались в формах-емкостях с округлым дном, и поэтому сами имели первоначально округлое дно, которое затем уплощалось путем примазывания снаружи глиняного диска. В подражание этому приему у 25,4 % сосудов четвертой технологической схемы днища были оформлены подобным образом.

Статистические подсчеты показывают, что основную, доминирующую группу составляло население, гончары которого при конструировании сосудов применяли первую технологическую схему и составляли формовочную массу по рецепту «среднежелезненная глина + средняя дресва в концентрации 1: 5 + навоз в небольшой концентрации».

Следует отметить особенности технологии изготовления сосудов дандыбаевской группы, которые использовали одну и ту же рецептуру (мелкая дресва и органический раствор) и способ конструирования полого тела (лоскутно-комковатый из двух слоев лоскутов). При формообразовании применялось выбивание. После подсушки поверхность обрабатывалась лощением. Совпадение гончарных традиций свидетельствует о происхождении дандыбаевской посуды из одного источника.³

Соотношение дандыбаевской и валиковой керамики составляет одну из основных проблем бегазы-дандыбаевской культуры, в решении которой предложено несколько точек зрения. Здесь отметим, что материалы могильника Каражартас позволяют констатировать, что обе группы керамики, во-первых, синхронны, во-вторых, сопряжены в пределах не только одного могильного поля, но и в одном сооружении и погребении, образуя органичный симбиоз. На сосуществование и принадлежность к одной археологической культуре памятников с дандыбаевской и валиковой керамикой неоднократно указывал В. В. Варфоломеев (2003; 2005), что подтверждается нашими исследованиями.

Погребальный обряд могильника Каражартас сопоставим с данными других бегазы-дандыбаевских комплексов Сарыарки (*Варфоломеев*, 2003. С. 272). Исключение составляют сооружения № 6 и № 11, где обнаружены обожженные человеческие кости или неполные кремации, что позволяет предполагать связь с предшествующей фёдоровской культурой. Показательно наличие неполного сожжения, что является локальной особенностью фёдоровской культуры Центрального Казахстана (*Евдокимов, Варфоломеев*, 2002. С. 37).

По **параметрам внешней погребальной структуры** каражартасский мавзолей сопоставим с ранее исследованным и считавшимся самым большим комплексом Бугулы 3, внешние размеры которого составляют 15 × 15 м (*Маргулан*, 1979. С. 102). Каражартасский мавзолей на момент раскопок в некоторых местах имел значительные разрушения из-за неоднократных ограблений, что привело к уменьшению первоначальных размеров и формы надмогильной конструкции. Учитывая первоначальную

³ Технико-технологический анализ керамики провел к. и. н. В. Г. Ломан.

чальную квадратную форму мавзолея, можно полагать его первоначальные размеры где-то $14,5 \times 14,5$ м, а наличие внешней ограды перед основной надмогильной конструкцией делает его наиболее крупным из всех известных подобных памятников. Стены каражартасского мавзолея возводились из специально подобранных камней с высотой кладки до 15 рядов (например, на Бугулы 3 кладка не превышала девяти рядов). Наблюдается на раскопанном памятнике и более сложная архитектура с пятью–шестью рядами вписанных друг в друга стен, тогда как изученные ранее комплексы имели не более двух–трех рядов стен – Бегазы, Сангуыр 1, Дандыбай (*Кызласов, Маргулан, 1950; Грязнов, 1952; Маргулан, 1979*).

Необычна конструкция погребальной камеры с глиняно-песочной обваловкой с примесью золы. Не исключено, что это остатки сырцово-саманных стен. Здесь можно указать на некоторое сходство с комплексами Северного Тагискена (Приаралье) (*Итина, Яблонский, 2001. С. 104–105*) и Караобы (Семипалатинское Прииртышье) (*Мериц, 2013*), которые также имели глиняные конструкции. С последним комплексом прослеживается сходство и в технике нанесения орнамента (Там же. Рис. 2, 2, 3, 7; 3, 1; 4, 6). По своим параметрам могила также является крупнейшей (см. выше), превышая погребение бугулинского мавзолея, имевшего размеры $4,1 \times 4,1$ м (*Маргулан, 1979. С. 104*).

Представляется, что пирамидальность и ступенчатость, как и квадратная в плане форма бегазы-дандыбаевских мавзолеев, являются исходными признаками архитектурного стиля носителей данной культуры. Этот стиль в том или ином варианте прослеживается на всех исследованных памятниках – Каражартас, Бугулы 3, Бегазы, Айбас-Дарасы, Сангуыр 1, Дандыбай. Неслучайным видится и компактное сосредоточение крупнейших на сегодняшний день мавзолеев на ограниченной территории. Такая концентрация позволяет рассматривать Центральный Казахстан как крупнейший центр бегазы-дандыбаевской культуры, так как возведение

грандиозных погребальных сооружений требовало консолидации человеческих и материальных ресурсов крупных племенных объединений.

Вопрос датировки бегазы-дандыбаевской культуры остается сложным. Несмотря на длительную историю ее изучения, отсутствует разработанная внутренняя хронология, позволяющая соотносить поселенческие и погребальные комплексы.

Обнаруженный в погребении ограды № 6 могильника Каражартас кинжал с кольцевым упором близок по форме к группе I типологии данных изделий. Наиболее ранние экземпляры имеются в материалах Лобойковского клада, продолжая бытовать до XIII–XII вв. до н. э., а в Восточной Европе – и в белозерской культуре, XII–X вв. до н. э. (см. *Подобед и др., 2009*). В Центральном Казахстане известен один экземпляр I группы, происходящий из поселения Кент (*Бейсенов и др., 2014. Рис. 40, 9*). Не противоречит этой датировке обнаруженный на могильнике Каражартас пулевидный втульчатый наконечник стрелы, аналогии которому широко известны в комплексах позднего бронзового века Чекановский Лог I (*Ситников, 2015. Рис. 84, 8*), Измайловка (*Ермолаева, 2012. Рис. 61, 3*), Северный Тагискен (*Итина, Яблонский, 2001. Рис. 123, 3–8*) и Кент (*Бейсенов и др., 2014. Фото 31, 8*).

Радиоуглеродные определения, полученные для могильника Каражартас в лаборатории CHRONO Королевского Университета, г. Белфаст (Северная Ирландия) (1 сигма, 68,3 % – 1514–1435 (1000); 2 сигма, 95,4 % – 1608–1581 (0,067), 1562–1414 (0,933)), с учетом аналогий металлическим изделиям, позволяют датировать исследованные комплексы XVI/XV–XIV вв. до н. э. Исследованный памятник является одним из наиболее ранних бегазы-дандыбаевских некрополей Центрального Казахстана, что подкрепляется зафиксированным неполным сожжением костей умерших, являющимся, видимо, пережитком фёдоровского обряда посмертного обращения с телом.

Бейсенов и др., 2014 – Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.

Варфоломеев, 2003 – Варфоломеев В. В. Культура валиковой керамики Алтайско-Казахстанских степей // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.

- Варфоломеев, 2005* – Варфоломеев В. В. Бегазы-дандыбаевский феномен и карасукская культура // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.
- Грязнов, 1952* – Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. XVI.
- Евдокимов, Варфоломеев, 2002* – Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Северного и Центрального Казахстана. Караганда, 2002.
- Ермолаева, 2012* – Ермолаева А. С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012.
- Итина, Яблонский, 2001* – Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.
- Кызласов, Маргулан, 1950* – Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Т. XXXII.
- Маргулан, 1979* – Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Мерц, 2013* – Мерц В. К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Подобед и др., 2009* – Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009.
- Ситников, 2015* – Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015.

Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)

I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin

In 2016, an expedition of the Saryarka Archaeological Institute of the E. A. Buketov Karaganda State University first after an over 50-year interruption investigated a new grandiose burial complex of a mausoleum of the Begazy-Dandybay culture and 12 peripheral grave fences at the cemetery of Karazhartas. The structures under study demonstrate an essential level of social and property differentiation between the elite and ordinary burials expressed in objects of the funerary installation, the richness and diversity of the accompanying grave goods.

Karazhartas mausoleum had a complex stepped pyramidal construction of nearly square plan ($14 \times 14,5 \times 14,3 \times 13,5$ m) consisting of five main walls and a supplementary one added from the north-east. Facing granite slabs were installed along the external perimeter of the walls constructed in masonry up to 15 courses in height. The internal space of the last row of walls served as the border of the surface burial chamber slightly recessed down into the rock ($4,8 \times 3,25 \times 3,65 \times 4,15$ m). The edges

of the grave had a border of clay and sand likening the complex under study to the investigated structures at the cemeteries of Karaoba and Northern Tagisken. Above the burial, roofing was built in the form of an even area paved with slabs and probably once supported from inside by means of a frame and pillar construction.

Metal objects uncovered among the grave offerings from the cemetery are represented by bronze needles, a bullet-like arrowhead, a dagger, an 'anchor', a ring-shaped gold ornament. The rich ceramic collection numbers over 50 vessels including six 'archaeologically complete' examples. Through formal typological features it is divided into two groups: Valikovaya and Dandybay types.

The series of radiocarbon dates defined and analogues of metal objects allow us to date the studied burial structures of the cemetery of Karazhartas to the 16/15th or 14th century BCE considering it as one of the earliest Begazy-Dandybay sites in Central Kazakhstan.

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ЦЕНТРОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЧОБРУЧИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика¹

Аннотация. Одной из самых информативных категорий археологического материала из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра являются амфорные клейма. Большинство из них прочитано и датировано. Среди публикуемых средиземноморских клейм особый интерес представляет новый штамп родосского фабриканта $\Gamma\omega\nu$, оттиснутый на ручке амфоры с плавным перегибом. Анализ клейм причерноморских и средиземноморских центров позволяет выделить пять этапов поступления продукции в клейменной керамической таре на поселение Чобручи: 1) 310-е гг. до н. э. – 270 г. до н. э.; 2) 269–240 гг. до н. э.; 3) 239–190 гг. до н. э.; 4) 189–160 гг. до н. э.; 5) 159–90 гг. до н. э. С учетом коэффициентов клеймения амфор рассчитаны показатели абсолютной плотности распределения продукции в керамической таре, поступавшей на поселение Чобручи с конца IV в. до н. э. до начала I в. до н. э.

Annotation. Amphora stamps are among the most information-rich categories of the archaeological evidence from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester. Most of them were read and dated. Among the Mediterranean stamps published here, the newly found one of the Rhodian fabricant $\Gamma\omega\nu$ impressed on a smoothly bent amphora handle is of special interest. Analysis of stamps of Black Sea and Mediterranean centres allows us to distinguish five periods of importation of products in stamped ceramic containers to the settlement of Chobruchi: 1) 310s BC – 270 BC; 2) 269–240 BC; 3) 239–190 BC; 4) 189–160 BC; and 5) 159–90 BC. Taking in consideration the coefficients of stamping the amphorae, the absolute density of distribution of the products imported to the settlement of Chobruchi in ceramic containers from the late 4th to the early 1st century BC was calculated.

Ключевые слова: средиземноморские амфорные клейма, поселение Чобручи, левобережье Нижнего Днестра, конец IV – начало I в. до н. э.

Keywords: Chobruchi settlement, late 4th – early 1st century BC, left bank of the Lower Dniester, Mediterranean amphora stamps.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-110-124

За последние 25 лет на левобережье Нижнего Днестра был открыт целый ряд археологических памятников, функционировавших в III–II вв. до н. э. (с севера на юг): поселения у с. Токмазея в Григориопольском районе (Синика, 2017а), а также Парканы-II (Синика, 2017б), Слободзея-VI (Синика,

¹ Фидельский С. А. – Молдова, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, НИЛ «Археология». E-mail: fidel1975@mail.ru.

Иващенко М. В. – Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, кафедра истории древнего мира. E-mail: m.ivashchenko@list.ru.

Синика В. С. – Молдова, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, НИЛ «Археология»; Россия, 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. Нижневартовский государственный университет, НИЛ историографии и полевых методов археологии. E-mail: sinica80@mail.ru.

Иващенко, 2017), Чобручи (Иващенко, 2012; Фидельский и др., 2017), Красное (Синика и др., 2012) в Слободзейском районе. Кроме того, в Слободзейском районе были изучены скифский курган конца III в. до н. э. (Четвериков, Синика, 2009) и могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное, на котором в 1995–2012 гг. исследовано 113 скифских курганов (Тельнов и др., 2016).² На каждом из этих памятников был обнаружен греческий керамический импорт, в том числе и клейменная амфорная тара. Последняя является не только самым надежным основанием для датировки различных археологических комплексов, но позволяет составить деталь-

² В 2017 г. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко был исследован еще один скифский курган III в. до н. э., входивший в состав данного могильника (Синика, Тельнов, 2018).

ное представление о торгово-экономических связях населения степного Поднестровья в указанное время. В последнее десятилетие большинство амфорных клейм из перечисленных памятников было опубликовано в приемлемом виде, что позволяет исследователям оперировать данным материалом.

Значительно в меньшей степени повезло клейменной керамической таре из поселения Чобручи, несмотря на то что раскопки этого памятника, расположенного между одноименным селом и городом Слободзея на левобережье Днестра, начались еще в 1993 г. Хотя публикации клейм различных центров периодически выходили из печати (*Кайдаш, Тащи*, 1997; *Щербакова*, 1997. С. 20, рис. 1, 2; *Фидельский, Матеевич*, 2004; *Щербакова, Тащи*, 2004а; 2004б; 2004в; 2006а; 2006б; *Fidelschi, Mateevici*, 2005; 2007), ни одна из них, равно как и их совокупность, не позволяли составить общую картину поступления вина в клейменной керамической таре на поселение Чобручи.

Наиболее полная сводка оттисков, обнаруженных на памятнике к 2007 г., была приведена в монографии Н. Матеевич, посвященной амфорному материалу с варварской территории Северо-Западного Причерноморья (*Mateevici*, 2007. Nr 165, 218–223, 227–234, 236, 240–252, 255, 256, 258, 262–264, 266–270, 280, 281, 285–293, 295–297, 321–325, 327, 329, 330, 332, 337–339, 340–346, 358, 363, 364, 368, 374).

Спустя пять лет после выхода из печати данной монографии один из авторов настоящей работы обратил внимание не только на погрешности в восстановлении легенд, но и на грубые ошибки, касающиеся отнесения тех или иных оттисков к конкретным центрам-производителям амфорной тары. Кроме того отмечалось, что Н. Матеевич не проводила анализ распределения клейм во времени из поселения Чобручи (*Иващенко*, 2012. С. 81).

В 2012 г. эта задача была реализована с учетом 128 известных к тому времени клейм с памятника. Суммарный анализ эпиграфического материала показал, что начало поступления клейменной амфорной тары на поселение Чобручи относится к последней четверти IV в. до н. э., а прекращение – к началу I в. до н. э. (Там же. С. 84–85). Здесь необходимо заметить, что данные выводы не сопро-

вождались публикацией фотографий или протирок анализируемых клейм. В такой ситуации, разумеется, появляется почва для сомнений в озвученных выводах.

Кроме того, в настоящее время коллекция амфорных клейм пополнилась новыми, пусть и многочисленными находками. Прочтение легенд некоторых (ранее ошибочно восстановленных) клейм требует коррекции, существует необходимость уточнения их хронологии.³ Сейчас в коллекции находится 132 амфорных оттиска: 82 причерноморских центров – Синопа (68 экз.), Херсонес (13 экз.) и Гераклея (1 экз.) (*Фидельский и др.*, 2017) и 50 средиземноморских центров – Родос (46 экз.), Книд (3 экз.) и Парос (1 экз.).

В 2017 г. были опубликованы и проанализированы все амфорные клейма причерноморских центров с поселения Чобручи, при этом каждый оттиск был проиллюстрирован фотографией или протиркой (Там же).

Целью настоящей работы является не только публикация клейм средиземноморских центров (50 экз.), но и уточнение общей картины поступления вина в клейменной керамической таре на поселение Чобручи, как средиземноморского, так и причерноморского производства.

Большинство клейм на средиземноморских амфорах было прочитано и распределено по хронологическим группам, что дало возможность провести их статистический анализ.

Клейма Родоса (кат. № 1–46).⁴ Всего зафиксировано 46 родосских клейм (рис. 1, 2, 28–46). Легенды в 10 из них восстановить не удалось. Из 22 магистратских оттисков достоверно прочитаны 18: II-с МХГ – Ἀριστωνίδας, Εὐφράνωρ 1, Κλέαρχος; III-а МХГ – Θέστωρ, Σώστρατος; III-б МХГ – Ἀρχοκράτης 2, Κρατίδας, Ξενοφάνης (два оттиска), Τιμασαγόρας (два оттиска); III-с МГ – Αἰνησίδαμος 2 (два оттиска), Αἰνήτωρ 2; III-д МХГ – Νικασαγόρας 1, Σύμμαχος; III-е МХГ – Ξενοφῶν; VI – VII-а МХГ – Ἦρακλεῖτος. Еще в одном клейме сохранились только отдельные буквы имени магистрата, в связи с этим возможны два варианта восстановления

³ Благодарим к. и. н. В. И. Каца за неоценимую помощь в работе с клейменным материалом.

⁴ Номер клейма по каталогу соответствует номеру позиции на рисунках в настоящей работе. Нумерация сплошная.

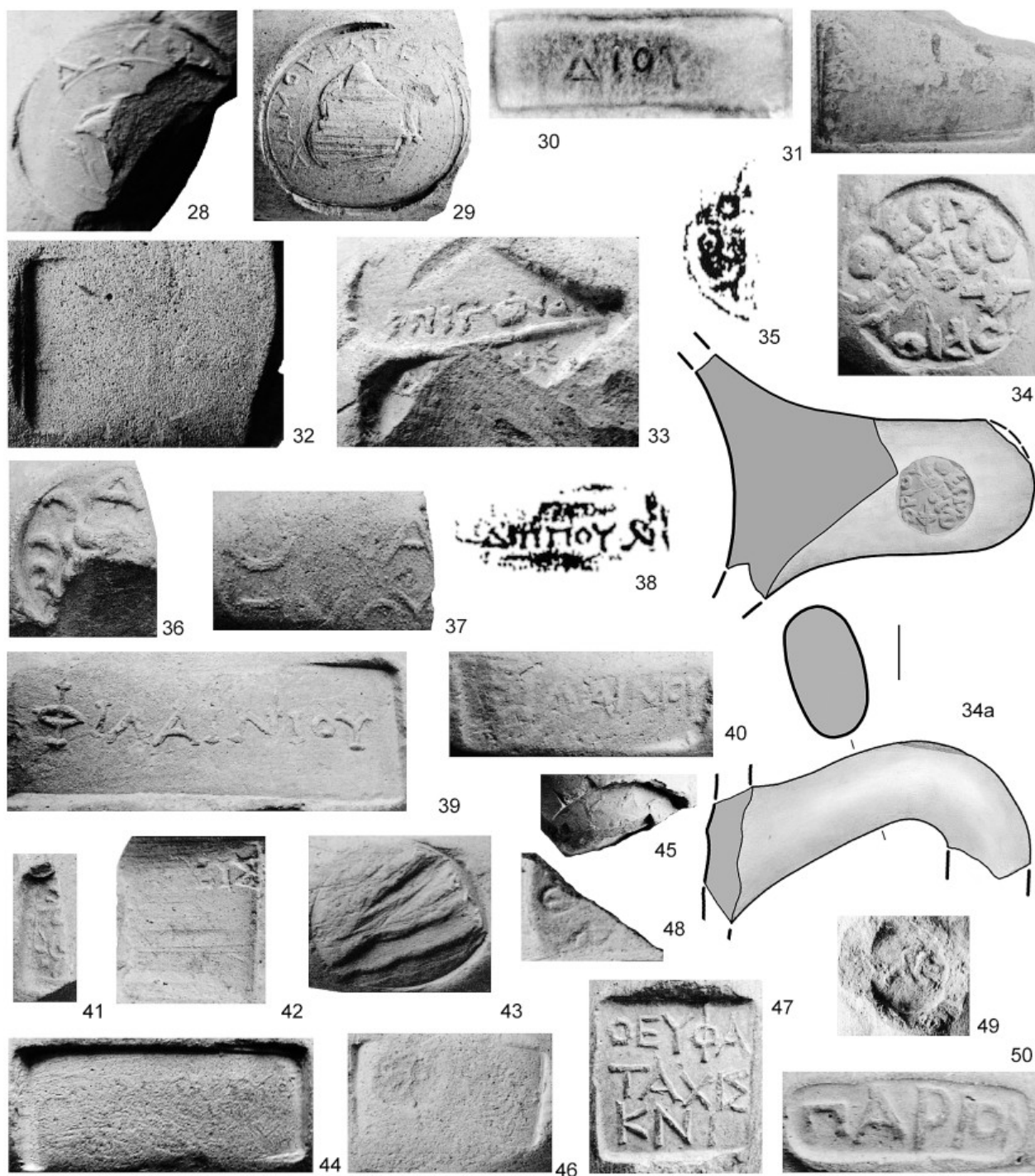

Fig. 2. Поселение Чобручи, амфорные клейма: 28–46 – Родос; 47–49 – Книд; 50 – Парос

Fig. 2. Settlement-site of Chobruchi, amphora stamps: 28–46 – Rhodes; 47–49 – Knidos; 50 – Paros

имени чиновника (-)ατοφαν(-): Ἀρατοφάνης – III-е МХГ или Πρατοφάνης – III-б МХГ. Из 24 фабрикантских клейм удалось восстановить легенды в 18 оттисках: II-а ХГ – Ἴων; II ХГ – Ἐπίγονος 1, Μίκυθος, Νικασίων, Δίος; III ХГ – Ἀγήσιππος;

Ἀντίγονος; Ἀριστοκράτης (два оттиска), Δαμοκράτης 1 (три оттиска), Δωρότεος, Ρόδιππος, Φιλαίνιος (два оттиска); V ХГ – Δῶρος, Ὀνάσιμος.

Для выяснения динамики родосского импорта в клейменной керамической таре, обнаруженной на

поселении Чобручи, были проведены расчеты абсолютной плотности распределения клейм для каждого из этапов (табл. 1). Нами была использована формула $F_a = n/h$, где f_a – абсолютная плотность распределения, n – частота, h – величина соответствующего временного интервала. Впервые такую методику расчетов применил Д. Б. Шелов при анализе интенсивности родосского импорта в Танаис (Шелов, 1975. С. 26). В дальнейшем она неоднократно использовалась специалистами в области керамической эпиграфики (Кац, 1992; 2007. С. 351 сл.).

В свое время легенда оттиска не была полностью прочитана ни Т. А. Щербаковой, впервые издавшей клеймо (Щербакова, Тацци, 2004б. С. 290), ни Н. Матеевич, переиздавшей оттиск (Mateevici, 2007. № 171). Вместе с тем Т. А. Щербакова вполне правомерно предположила, что клеймо, судя по морфологии ручки, относится к концу 40-х – началу 30-х гг. III в. до н. э. (Щербакова, Тацци, 2004б. С. 290). Действительно, клеймо принадлежит фабриканту Ἰών, хорошо известному с магистратами I МХГ. Но поскольку в нашем клейме его имя сочетается с названием месяца, а ручка амфоры

Таблица 1. Родосские керамические клейма

Table 1. Rhodian ceramic stamp

Группы	Хронология	h	n	f_a
Магистраты				
II-с МХГ	209–199 гг. до н.э.	11	3	0,27
III-а МХГ	198–190 гг. до н.э.	9	2	0,22
III-б МХГ	189–182 гг. до н.э.	8	6	0,75
III-с МХГ	181–176 гг. до н.э.	6	3	0,50
III-d МХГ	175–169 гг. до н.э.	7	2	0,28
III-e МХГ	168–161 гг. до н.э.	8	1	0,12
VI или VII-а МХГ	107– 86 гг. до н.э.	22	1	0,04
Всего		124	18	0,14
Фабриканты				
II ХГ	234–199 гг. до н.э.	35	5	0,14
III ХГ	198–161 гг. до н.э.	38	11	0,29
IV ХГ	160–146 гг. до н.э.	15	–	–
V ХГ	145–108 гг. до н.э.	38	2	0,05
Итого		126	18	0,14

Как следует из таблицы, первые партии родосского вина появились на поселении Чобручи, видимо, в 30-е гг. III в. до н. э. Об этом свидетельствует круглое клеймо, в котором имя фабриканта Ἰών сопровождается названием месяца Θεσμοφόριος (рис. 2, 34а), что соответствует июлю – августу родосского календаря (Бикерман, 1975. С. 16).

имеет плавный перегиб, можно предположить, что фабрикантское клеймо относится к началу II МХГ (Монахов, 2003. С. 117–118; Кац, 2007. С. 214).

На протяжении следующих 40–50 лет, до конца 90-х гг. II в. до н. э., ввоз продукции Родоса носил спорадический характер. Объемы поставок резко возрастают в следующем десятилетии (80-е гг.

II в. до н. э.) при магистратах III-в ХГ: плотность распределения в три раза выше средней по всему периоду ($F^a = 0,75$). В 70-е гг. ввоз понизился вдвое, а в 60-е гг. II в. до н. э. практически сходит на нет. Необходимо отметить, что отдельные незначительные партии вина поступали и на протяжении второй половины II в. до н. э. Об этом свидетельствуют три клейма этого времени (два фабрикантских и одно магистратское).

Клейма Книда (кат. № 47–49). Найдено три клейма этого центра (рис. 2, 47–49), из которых удалось прочитать и восстановить только один оттиск. На нем сохранилась легенда с этниконом: Θεύφα(ντος) / Τάχισ(τος) / Κνί(διον). Аналогичное клеймо, выполненное тем же штампом, происходит из Ольвии и хранится в Одесском археологическом музее (Кац, 2007. С. 226). Однако в связи со слабой разработанностью проблемы книдского магистратского клеймения оттиск датируется в широких пределах IV МХГ – 215–166 гг. до н. э. (Там же. С. 426). Надписи на остальных двух клеймах восстановить не удалось, хотя весьма вероятно, что и они относятся к этому же времени.

Клеймо Пароса (кат. № 50). Обнаружен один оттиск на ручке, содержащий надпись в одну строку Πάριον (рис. 2, 50). В связи со спорадичностью клеймения на острове Парос клеймо датируется в широких хронологических пределах конца III – первой половины II в. до н. э. (Там же. С. 177).

В целом, продукция Книда и Пароса поступала на поселение Чобручи в ограниченных масштабах.

Значительно более важной является реконструкция общей картины поступления вина в клейменной керамической таре с учетом совокупности причерноморских и средиземноморских клейм на поселение Чобручи. Напомним, что на памятнике найдено 132 клейма. Более трех четвертей из них (109 экз.) удалось прочитать и хронологически определить. Данная выборка, по нашему мнению, вполне представительна и достаточна для решения поставленной задачи (табл. 2). Важно подчеркнуть, что, поскольку на Родосе систематически, а в Синопе и Херсонесе спорадически клеймились обе ручки амфор, большинство фабрикантских оттисков (28 экз.) этих центров к анализу не привлекалось.

Сравнительная характеристика причерноморской и средиземноморской продукции в клейменной ке-

рамической таре в настоящее время позволяет выделить пять этапов ее поступления на поселение Чобручи:

Первый этап (309–270 гг. до н. э.) в настоящее время фиксируется всего тремя амфорными клеймами из Гераклеи Понтийской, Синопы и Херсонеса, продукция которых спорадически поступала на рынок поселения Чобручи (плотность распределения клейм в это время в три раза ниже, чем средняя по всему периоду).

Второй этап (269–240 гг. до н. э.) характеризуется относительно низким уровнем импорта в клейменной керамической таре. К этому этапу относятся всего два синопских клейма.

Третий этап (239–190 гг. до н. э.) отмечен пиком поступления клейменной керамической тары на поселение. Плотность распределения амфорных клейм в четыре раза больше средней по всему периоду ($F_a = 1,18$). Доминирует продукция Синопы (47 экз., около 80%), появляется родосское вино (6 экз.), которое по объему равно херсонесскому напитку (6 экз.).

Четвертый этап (189–160 гг. до н. э.) – прекращается поступление синопской и херсонесской продукции в клейменной керамической таре. Эту потерю в какой-то степени замещает Родос (12 экз.), объем импорта которого в это время достигает своего пика ($F_a = 0,40$); на рынке появляется вино других островных центров (Книд, Парос), хотя и в крайне ограниченных масштабах. В то же время общий объем импорта сокращается почти в три раза.

Пятый этап (159–90 гг. до н. э.) характеризуется резким сокращением импорта в клейменной керамической таре. Всего найдено три родосских клейма этого времени (два фабрикантских и одно магистратское).

Необходимо констатировать, что на протяжении первых двух этапов (309–240 гг. до н. э.) ввоз вина на поселение Чобручи носил спорадический и ограниченный характер. Плотность распределения клейм в четыре–пять раз ниже среднего уровня для всего периода.

Совершенно иную картину мы наблюдаем на третьем и четвертом этапах (239–160 гг. до н. э.). Пик поступления импорта в керамической таре приходится на третий этап. Об этом свидетельствует

Таблица 2. Сравнительная характеристика объемов продукции в клейменной керамической таре на поселении Чобручи

Table 2. Comparison of the volumes of imports in stamped ceramic containers at the settlement-site of Chobruchi

Центр	Этапы					Итого по периоду
	I 309–270 гг. (h 40)	II 269–240 гг. (h 30)	III 239–190 гг. (h 50)	IV 189–160 гг. (h 30)	V 159–90 гг. (h 70)	
Родос						
<i>n</i>			6	12	3	21
<i>f^a</i>			0,10	0,40	0,03	
%			10,2	87	100	
Книд, Парос						
<i>n</i>				2		2
<i>f^a</i>				0,06		
%				13,0		
Гераклея						
<i>n</i>	1					1
<i>f^a</i>	0,02					
%	33,3					
Синопя						
<i>n</i>	1	2	47			50
<i>f^a</i>	0,02	0,07	0,94			
%	33,3	100	79,6			
Херсонес						
<i>n</i>	1		6			7
<i>f^a</i>	0,02		0,10			
%	33,3		10,2			
Итого						
<i>n</i>	3	2	59	14	3	81
<i>f^a</i>	0,07	0,07	1,18	0,47	0,04	0,37
%	100	100	100	100	100	

плотность распределения клейм, которая была в три раза выше среднего уровня. На протяжении четвертого этапа плотность распределения клейм хотя и была ниже, чем в предыдущее время, но также превышала средний уровень в полтора раза.

В течение второй половины II – самого начала I в. до н. э. ввоз вина на поселение Чобручи носил спорадический характер, а к концу указанного интервала, судя по имеющимся в настоящее время данным, вообще прекратился.

Безусловно, общая картина поступления клейменной керамической тары на памятники левобережья Нижнего Днестра далека от завершения. Составить максимально полное представление о торгово-экономических связях населения этого региона в III–II вв. до н. э. можно только на основании анализа всей совокупности амфорных клейм, обнаруженных при изучении синхронных поселенческих и погребальных памятников региона.

КАТАЛОГ СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ С ПОСЕЛЕНИЯ ЧОБРУЧИ

ΡΟΔΟΣ

Μαγιστράτες

ΑΙΝΗΣΙΔΑΜΟΣ Β

№ 1

[Голова Ἐπ]ὶ Αἰνῆ-

[Γελιόσα†. σιδ]άμου

2006, раскоп I, яма 55.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 295.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 326, 327.

№ 2

Голова Ἐπὶ Αἰν-

Гелиόσα†. ἡ[σιδ]άμου

2005, ПМ.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 341.

Хронология: магистрат *Ainēsidamos 2* относится к III-с МХГ и датируется 181–176/174 (179–177) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΑΡΙΣΤΩΝΙΔΑΣ

№ 3

Ἐπὶ Ἀριστωνίδα

⊕

Вокруг надписи *лавровый венок*.

2005, раскоп II а, пласт 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 341.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 1254–1256.

Хронология: магистрат *Aristōnidas* относится к II-с МХГ и датируется 209–199 (206) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 191, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΑΡΧΟΚΡΑΤΗΣ Β

№ 4

Ἐπὶ Ἀρχο-

κράτεος

2005, раскоп II а, сооружение 2.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 339.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 1455, 1456.

Хронология: магистрат *Archokratēs 2* относится к III-б МХГ и датируется 189–182 (185) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΕΥΦΡΑΝΩΡ Ι

№ 5

Ἐπὶ Εὐφράνορος

⊕

Вокруг надписи *лавровый венок*.

2001, раскоп I, пласт 4.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 293.

Хронология: магистрат *Euphranōr 1* относится к II-с МХГ и датируется 209–199 (209) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 191, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ

№ 6

Τιμα[σικράτεος]

[ἐπὶ]

Ἡρακλείτο[υ]

2002, раскоп II, пласт 2.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 323.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 2095, 2096.

Хронология: магистрат *Hērakleitos* относится к VI или VII-а МХГ и датируется I в. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 196; *Кац*, 2007. С. 421, прил. III).

ΘΕΣΤΩΡ**№ 7**

Ἐπί Θεστόρος

Ἀγριανίου

2005, раскоп II а, яма 47.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 337.Аналогии: *Граков*, 1955. № 2258, 2259.

Хронология: магистрат *Thestōr* относится к III-а МХГ и датируется 198–190 (192) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΗΣ ΙΙ**№ 8**

Ἐπί Καλλι-

κράτους

Ἀρ[ταμι]τί[ο]υ

1995, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 330.*Новый штамп.*

Хронология: магистрат *Kallikratēs 2* относится к III-с МХГ и датируется 181–176/174 (177–175) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΚΛΕΑΡΧΟΣ**№ 9**

[Ἐ]πί Κλε[άρχου Σμθίου]

⤵

Вокруг цветка.

2005, раскоп II а, пласт 1, квадрат 4 д, е.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 343.

Аналогии: *Беккер*, 1863. С. 12, № 32; *Граков*, 1955. № 2629.

Хронология: магистрат *Klearchos* относится к II-с МХГ и датируется 209–199 (200) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 191, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΚΡΑΤΙΔΑΣ**№ 10**

Ἐπί Κρατίδα

Ἰακινθίου

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 297.Аналогии: *Граков*, 1955. № 1455, 1456.

Хронология: магистрат *Kratidas* относится к III-б МХГ и датируется 189–182 (187) гг. до н. э.

(*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΝΙΚΑΣΑΓΟΡΑΣ Ι**№ 11**

Ἐπί [Νικ]ασαγόρ[α Ἰακί]νθίου

⤵

Вокруг цветка.

2002, раскоп II, пласт 2.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 329.

Хронология: магистрат *Nikasagoras I* относится к III-d МХГ и датируется 175/173–169/167 (172–170) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΞΕΝΟΦΑΝΗΣ**№ 12**

[Ἐπί] Ξενοφάνους Ἀγριανίου

⤵

Вокруг цветка.

2005, раскоп II а, пласт 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 338.Аналогии: *Граков*, 1955. № 1254–1256.**№ 13.**

Голова Ἐπί Ξεν-

Гелиоса. οφάνους

2005, раскоп II а, яма 32.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 342.Аналогии: *Граков*, 1955. № 3136–3147.

Хронология: магистрат *Xenophanēs* относится к III-б МХГ и датируется 189–182 (189) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΞΕΝΟΦΩΝ**№ 14**

[Ἐπί] Ξεν[όφω]ντος Πεδαγεῖτος

⤵

Вокруг цветка.

1994, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 332.*Новый штамп.*

Хронология: магистрат *Xenophōn* относится к III-е МХГ и датируется 168/166–161 (164–162) гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΣΥΜΜΑΧΟΣ

№ 15

Ἐπί

Συμμάχου

Ἀρταμιτίου

2004, раскоп I б, пласт 4, квадрат 7.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 346.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 3880; *Ariel*, 1990. P. 59, Nr. 262.

Хронология: магистрат *Symmachos* относится к III-d МХГ и датируется 175/173–169/167 (173–171) гг. до н. э. (*Finkielsztein*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΣΩΣΤΡΑΤΟΣ

№ 16

[Ἐπί Σ]ωστ[ράτου]

Ϝ

Вокруг цветка.

2014, раскоп I е, яма 70.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 4032.

Хронология: магистрат *Sōstratos* относится к III-a МХГ и датируется 198–190 (194) гг. до н. э. (*Finkielsztein*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

ΤΙΜΑΣΑΓΟΡΑΣ

№ 17

Ἐπί Τιμασα-

γόρας

Δαλίου

1995, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 324.Аналогии: *Граков*, 1955. № 4114, 4115.

№ 18

Венок. Ἐπί Τιμ-

асаγόρα

2002, раскоп II, сооружение 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 327.Аналогии: *Ariel*, 1990. P. 59, Nr 268.

Хронология: магистрат *Timasagoras* относится к III-b МХГ и датируется 189–182 (184) гг. до н. э. (*Finkielsztein*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

[- - -]ΑΤΟΦΑΝΗΣ

№ 19

[Ἐπί - -]ατοφάν[ευς]

Ϝ

Вокруг цветка.

2002, раскоп II, яма 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 285.

Хронология: Возможны два варианта восстановления имени магистрата: 1) *Ἀρατοφάνευς* – III-e – МХГ – 168/166–161 (169/167) гг. до н. э. (*Finkielsztein*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III); *Πρατοφάνευς* – III-b – МХГ – 189–182 (188) гг. до н. э. (*Finkielsztein*, 2001. P. 192, 196; *Кац*, 2007. С. 420, прил. III).

Легенды не восстановлены

№ 20

Ἐπί [- - -]

Δ[αλίου]

1993, ПМ.

№ 21

Ἐπί [- - -]

Καρνέ[ου]

2008, ПМ.

№ 22

[Ἐπί - -]νωνος

[- - -]

1996, раскоп III.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 292.

Клейма фабрикантов

ΑΓΗΣΙΠΠΟΣ

№ 23

*

Ἀγησίππου

1995, ПМ.

Новый штамп.

Хронология: фабрикант *Agēsippos* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΑΝΤΙΓΟΝΟΣ

№ 24

[Ἄντι]γόνου

Ϝ

Вокруг цветка.

2005, раскоп II а, пласт 2, 3, квадрат 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr. 340.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 5010–5012, 5023, 5084–5086.

Хронология: фабрикант *Antigonos* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ

№ 25

* * *

[Αρισ]τοκράτευ(ς)

* * *

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 290.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 228, Nr. 52; *Граков*, 1955. № 5732–5768; *Ariel*, 1990. P. 46, Nr. 147.

№ 26

* * *

Αριστοκράτευς

* * *

2002, раскоп I, пласт 1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 291.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 228, Nr. 52; *Граков*, 1955. № 5769, 5770.

Хронология: фабрикант *Aristokratēs* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣ Ι

№ 27

[Δα]μοκράτ[ευς]

⊂

Вокруг цветка.

1993, раскоп I, пласт Д-1.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 287.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 238–239, Nr. 90–92; *Граков*, 1955. № 6121–6315.

№ 28

Δαμοκ[ράτευς]

⊂

Вокруг цветка.

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 288.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 238–239, Nr. 90–92; *Граков*, 1955. № 6121–6315.

№ 29

Δαμοκράτε[υς]

⊂

Вокруг цветка.

2009, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 289.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 238–239, Nr 90–92; *Граков*, 1955. № 6121–6315.

Хронология: фабрикант *Damokratēs I* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΔΙΟΣ

№ 30

Δίου

1993, раскоп I, квадрат 2 А, пласт 1.

Аналогии: *Grace*, 1934. P. 227, Nr 45; *Граков*, 1955. № 6456–6519.

Хронология: фабрикант *Dios* – II/III ХГ – конец III – начало II вв. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΔΩΡΟΣ

№ 31

Δῶρος

2005, раскоп II а, яма 32.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 6637.

Хронология: фабрикант *Dōros* – V ХГ – вторая половина II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΔΩΡΟΤΕΟΣ

№ 32

Δωροτέου

1994, ПМ.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 6608–6633.

Хронология: фабрикант *Dōroteos* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΕΠΙΓΟΝΟΣ Ι

№ 33

Ἐπίγονος

Δ[άλι]ος

Листовидное.

2008, ПМ.

Новый штамп.

Хронология: фабрикант *Epigonos I* – II ХГ – последняя треть III в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422, прил. III).

ΙΩΝ

№ 34

Θεσμοφορίου Ἴωνος

⊂

По спирали.

1994, ПМ.

Новый штамп (ручка с плавным перегибом).

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 325.

Хронология: фабрикант *Iōn* – I ХГ – третья четверть (ок. 240 г.) III в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

ΜΙΚΥΘΟΣ

№ 35

[Μικ]ύθου

⤿

Вокруг цветка.

2002, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 281.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 8172, 8173.

Хронология: фабрикант *Mikythos* – II ХГ – последняя треть III в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

ΝΙΚΑΣΙΩΝ

№ 36

[Νικ]ασίω[v]

⤿

Вокруг цветка.

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 321.

Новый штамп.

Хронология: фабрикант *Nikasiōn* – II ХГ – последняя треть III в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

ΟΝΑΣΙΜΟΣ

№ 37

Ὄνα-

σίμου

1995, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 280.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 8604, 8605; *Radulescu et al.*, 1987. P. 73, Nr. 154.

Хронология: фабрикант *Onasimos* – V/VI ХГ – вторая половина II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

ΡΟΔΙΠΠΟΣ

№ 38

[Ρο]δίππου Факел†.

2002, раскоп II, яма 14.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 322.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 8866–8868.

Хронология: фабрикант *Rodippos* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

ΦΙΛΑΙΝΙΟΣ

№ 39

Φιλαινίου

1993, раскоп I, сооружение I.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 296.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 9276–9348.

№ 40

Φιλαινίου

1995, ПМ.

Аналогии: *Граков*, 1955. № 9276–9348.

Хронология: фабрикант *Philainios* – III ХГ – первая треть II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 423, прил. III).

Не восстановлены легенды

№ 41

Венок. [- - -]

1993, раскоп I, квадрат Д-10.

№ 42

[- - -]ευς

[- - -]

1995, ПМ.

№ 43

[- - -]

По кругу.

1996, ПМ.

№ 44

[- - -]υος

[- - -]υ

1996, ПМ.

№ 45

[- - -]κλε[- - -]

⤿

Вокруг цветка.

2005, раскоп I в, пласт 3, квадрат 3.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 344.

№ 46

[- - -]

[- - -]

2006, раскоп I г, яма 58.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 345.

КНИД
ΘΕΥΦΑΝΤΟΣ

№ 47

Θεύφα(ντος)

Τάχισ(τος)

Κνί(διον)

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 364.Аналоги: *Беккер*, 1863. С. 24, № 2; *Шкорпил*, 1904. С. 142, № 618; *Граков*, 1956–1957а. № 529–532.Хронология: фрурарх *Theuphantos* относится к VI МХГ, что соответствует концу III – первой трети II вв. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 426, прил. IV).

№ 48

Θ[- - -]

[- - -]

2005, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 368.

№ 49

Монограмма.

1996, ПМ.

*Новый штамп.***ΠΑΡΟΣ**

№ 50

Πάριον

1993, ПМ.

Опубликовано: *Mateevici*, 2007. Nr 374.Аналогии: *Граков*, 1956–1957б. № 2–5.Хронология разработана слабо: конец III – первая половина II в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 176–177).*Беккер*, 1863 – *Беккер П.* О надписях на ручках греческих амфор и кусках древней черепицы // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V.*Бикерман*, 1975 – *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.*Граков*, 1955 – *Граков Б. Н.* Родосские клейма (IOSPE III) // Архив ИА РАН. Р-2, № 2157–2168. 1955.*Граков*, 1956–1957а – *Граков Б. Н.* Книдские клейма на ручках амфор (IOSPE III) // Архив ИА РАН. Р-2, № 2171. 1956–1957.*Граков*, 1956–1957б – *Граков Б. Н.* Остров Парос. Клейма на ручках амфор (IOSPE III) // Архив ИА РАН. Р-2, № 2173. 1956–1957.*Иващенко*, 2012 – *Иващенко М. В.* Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: Материалы Междунар. науч. конф. (Тирасполь, 16–19 октября 2012 г.). Тирасполь, 2012.*Кайдаш*, *Тащи*, 1997 – *Кайдаш А. Е.*, *Тащи Е. Ф.* Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н. э. поселения Чобручи // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса, 1997.*Кац*, 1992 – *Кац В. И.* Методика сравнительной оценки экспорта–импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // *Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 1992.*Кац*, 2007 – *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Керчь; Симферополь, 2007. Вып. XVIII.*Монахов*, 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров–экспортеров товаров в керамической таре: Каталог–определитель. М.; Саратов, 2003.*Синика*, 2017а – *Синика В. С.* Латенская фибула из Токмазеи // *Вестник Воронежского гос. ун-та*. Воронеж, 2017. № 2 (Сер. История. Политология. Социология).*Синика*, 2017б – *Синика В. С.* Новый памятник III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Вестник Нижневартовского гос. ун-та*. 2017. № 2.*Синика*, *Иващенко*, 2017 – *Синика В. С.*, *Иващенко М. В.* Комплекс находок III в. до н. э. с поселения Слободзея-VI // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2017. Т. 19. № 3.*Синика и др.*, 2012 – *Синика В. С.*, *Тащи Е. Ф.*, *Тельнов Н. П.*, *Четвериков И. А.* Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. 2012. № 3: Эллинизм и иранство.*Синика*, *Тельнов*, 2018 – *Синика В. С.*, *Тельнов Н. П.* Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. // *Древности. Исследования и проблемы: Сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинев; Тирасполь, 2018.

- Тельнов и др.*, 2016 – *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Саника В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь, 2016 (Археологические памятники Приднестровья; Вып. 3).
- Фидельский и др.*, 2017 – *Фидельский С. А., Иващенко М. В., Саника В. С.* Амфорные клейма причерноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. 2017. № 6: Пути вещей.
- Фидельский, Матеевич*, 2004 – *Фидельский С., Матеевич Н.* Античный импорт в амфорной таре на поселении Чобручи из раскопок 2001–2002 гг. (по данным эпиграфики) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 октября 2004 г.). Киев; Судак, 2004. Ч. I.
- Четвериков, Саника*, 2009 – *Четвериков И. А., Саника В. С.* Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПК. Запоріжжя, 2009. Т. XV.
- Шелов*, 1975 – *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М., 1975.
- Шкорпил*, 1904 – *Шкорпил В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 11.
- Щербакова*, 1997 – *Щербакова Т. А.* К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой половине II в. до н. э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.): Материалы полевого семинара (Тирасполь – Глиное, 28–30 августа 1997 г.). Тирасполь, 1997.
- Щербакова, Тащи*, 2004а – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф.* Керамические клейма Херсонеса в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок поселения Чобручи) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Ч. I. Киев; Судак, 2004.
- Щербакова, Тащи*, 2004б – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф.* Родосские клейма середины III – первой половины II в. до н. э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // ССПК. Запоріжжя, 2004. Т. XI.
- Щербакова, Тащи*, 2004в – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф.* Связи Нижнего Поднестровья с островом Родос в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Исторический альманах Приднестровья. Бендеры, 2004. № 8.
- Щербакова, Тащи*, 2006а – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф.* Связи Нижнего Поднестровья с Синопой в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Исторический альманах Приднестровья. Бендеры, 2004. № 10.
- Щербакова, Тащи*, 2006б – *Щербакова Т. А., Тащи Е. Ф.* Связи Нижнего Поднестровья с Синопой в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Археологическое изучение Центральной России: Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
- Ariel*, 1990 – *Ariel D. T.* Imported stamped amphora handles // Excavations at the City of David 1978–1985 directed by Yigal Shiloh, II. Imported stamped handles, coins, worked bone, and ivory (Qedem 30). Jerusalem, 1990.
- Fidelschi, Mateevici*, 2005 – *Fidelschi S. A., Mateevici N.* Date noi de epigrafie amforistică din regiunea Nistrului Inferior: descoperiri de la Ciobruciu // Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia împlinirii a 80 de ani de la ridicarea scaunului arhiepiscopal și mitropolitan al Ungrovlahiei la rangul de scaun patriahal. Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău, 20–22 octombrie 2005). Chișinău, 2005.
- Fidelschi, Mateevici*, 2007 – *Fidelschi S. A., Mateevici N.* Ștampile amforistice descoperite în așezarea de la Ciobruciu (campanile 2004–2005) // Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ștefan cel Mare domn al Moldovei (1504–2004). Chișinău, 29 septembrie – 2 octombrie 2004: comunicări, studii și note / Red. resp. E. Nicolae. București, 2007.
- Finkielsztejn*, 2001 – *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford, 2001 (BAR International Series; no. 990).
- Grace*, 1934 – *Grace V.* Stamped Amphora Handles Found in the American Excavations in the Athenian Agora 1931–1932 // Hesperia. Baltimore, Maryland, 1934. Vol. III.
- Mateevici*, 2007 – *Mateevici N.* Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr. Chișinău, 2007 (Biblioteca Tyragetia; XIV).
- Radulescu et al.*, 1987 – *Radulescu A., Barbulescu M., Buzoianu L.* Importuri amforice la Albesti: Rhodos // Pontica. 1987. Vol. 20.

Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester

S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika

This paper first publishes and analyses amphora handle stamps from Mediterranean manufacturing centres (50 items) found in the settlement-site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester River. The first lots of Rhodian wine appeared at the site of Chobruchi apparently as early as the 230s BC. During the subsequent 40–50 years (until the late 190s BC), importation of Rhodian products had a sporadic character. The volumes of imported wine sharply increased in the next decade, i.e. in the 180s BC. In the 170s the importation decreased two times and in the 160s BC it was brought to nought. At the same time, isolated small lots of Rhodian drinks were brought to the settlement of Chobruchi throughout the second half of the 2nd century BC (Table 1; Fig. 1, 2, 2–46). Products of other Mediterranean centres (Knidos and Paros) came to the settlement of Chobruchi fairly infrequently (Fig. 2, 47–50).

Of special interest among the Rhodian stamps is the newly discovered stamp of the Rhodian fabricant Ἰων impressed on an amphora handle with a smooth

bend (Fig. 2, 34, 34a). Previously it was accepted that this fabricant belonged to magistrate's chronological group I (294–235 BC), however the presence of the month name Θεσμοφόριος in the stamp indicates that he continued his activities also in the beginning of the magistrate's chronological group II (234–199 BC).

In addition, in the present study, the general picture of wine importation in stamped ceramic containers to the settlement of Chobruchi was reconstructed on the basis of the aggregate of Black Sea and Mediterranean stamps. Of 109 analysed and dated stamps, 81 imprints have been used for solution of this problem (Table 2). Remaining 28 fabricant's stamps were not included into the analysis, since systematically on Rhodes and sporadically in Sinope and Chersonesos, the two amphora handles both were stamped. As a result, the authors succeeded in distinguishing five periods of importation of products in stamped ceramic containers to the settlement of Chobruchi: 1) 310s BC – 270 BC; 2) 269–240 BC; 3) 239–190 BC; 4) 189–160 BC; and 5) 159–90 BC.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ УЛУГ-ХЕМСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ¹

М. Е. Килуновская, П. М. Леус²

Аннотация. Во II в. до н. э. в результате северной экспансии хунну территория Тувы входит в зону их культурного и политического влияния, что приводит к смене населения и, как следствие, смене археологических культур. Предшествующая уюкско-саглынская культура скифского типа исчезает, появляются новые памятники, отличные и от скифских, и от более поздних кокельских. Эти древности А. Д. Грач в 1971 г. предложил называть «улуг-хемской культурой». Объединенные в нее археологические памятники располагались в Центральной Туве, на левом берегу Улуг-Хема (Верхний Енисей), где проводила исследования Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР.

Annotation. In the 2nd century BC, the northward expansion of the Xiongnu resulted in Tuva's territory getting into the zone of their cultural and political influence. This event led to replacement of the population ensuing, in its turn, in the change of the archaeological cultures. The previous Uyuk-Sagly culture of the Scythian type disappears in this period and new sites, differing both from the Scythian culture and the later Kokel one, arise. A. D. Grach proposed in 1971 to attribute these new sites as belonging to an 'Ulug-Khem' culture. The archaeological monuments united within this culture were situated in Central Tuva on the left bank of the Ulug-Khem River (Upper Yenisey) where the Sayan-Tuva Expedition of LOIA AS USSR conducted its explorations.

Ключевые слова: Тува, хунну, улуг-хемская культура, грунтовые могилы, керамика, ажурные бронзы, пряжки из гагата, китайские зеркала, монеты у-шу.

Keywords: Tuva, Xiongnu, Ulug-Khem culture, flat graves, pottery, openwork bronzes, jet buckles, Chinese mirrors, wushu coins.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-125-152

Введение. Расширение империи хунну привело к значительным изменениям в культурном и этническом облике Центральной Азии. Значительные массы населения покинули территории своего проживания и переместились в другие регионы, население которых было частично уничтожено, изгнано или ассимилировано. Этот процесс переселения народов затронул и территорию Саяно-Алтая, в том числе Туву. Предположительно, Тува могла войти в сферу влияния хунну в ходе их северной экспансии, то есть уже в 201 г. до н. э. или вскоре после этого. Этот процесс, возможно, был разделен на несколько этапов, в ходе которых регион перешел под контроль хунну, и Тува стала

одной из северных провинций их государства (Савинов, 2009. С. 103–104). В то время здесь появились новые группы населения, пришедшие сюда вместе с хунну в качестве военной силы и лояльных переселенцев. В культурном отношении они были близки к культуре самих хунну, что подтверждается погребальным обрядом и предметами материальной культуры. Существовавшая здесь уюкско-саглынская культура скифского облика к началу I в. до н. э. исчезает (Семенов, 2003). Ее носители могли быть частично уничтожены или изгнаны, ушли на другие территории, а оставшиеся группы были ассимилированы пришлым доминирующим населением.

Существенный вклад в накопление археологических данных по разным периодам истории Тувы внесли полевые исследования Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, главным образом проводившиеся в зоне затопления строящейся Саяно-Шушенской ГЭС в 1965–1984 гг. В ходе работ экспедиции в Центральной Туве были раскопаны многочисленные археологические

¹ Исследование проведено в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

памятники большинства исторических эпох (*Длужневская, Савинов, 2007*), в том числе гунно-сарматского времени (Памятники кокэльской культуры..., 2010).

В 1971 г. руководителем экспедиции А. Д. Грачом была выделена отдельная, относящаяся к постскифскому времени археологическая культура – улуг-хемская (*Грач, 1971. С. 99*). Свое название она получила по местоположению относимых к ней памятников, исследованных по берегам р. Улуг-Хем (Верхний Енисей), которые отличались как от предшествующих скифских, так и от известных на тот момент памятников гунно-сарматской эпохи. По определению А. Д. Грача, погребения улуг-хемской культуры производились, в основном, в каменных ящиках, вблизи от дневной поверхности, реже – в грунтовых ямах. Нередко они встречались в качестве впускных погребений в ямы скифских курганов. Положение погребенных и ориентировка варьируют, но преобладает скорченное положение на боку, головой на запад. Инвентарь небогатый, в основном железные предметы, керамика отличается от скифской. Больше всего таких погребений в каменных ящиках или грунтовых ямах было известно на могильном поле Аймырлыг и в могильнике Аргалыкты (Там же. С. 99–100). Причем А. Д. Грач относил к улуг-хемской культуре погребения в склепах на могильнике Аргалыкты 1 (*Трифонов, 1976. С. 109–121*). Однако, как доказал Вл. А. Семенов, по положению погребенных, керамике и другому инвентарю эти склепы относятся к заключительному озен-алабелигскому этапу уюкско-саглынской культуры (*Семенов, 2003*). К улуг-хемской культуре было отнесено и впускное погребение из могильника Урбюн III (*Грач, 1971. С. 99–100*), где найдены предметы погребального инвентаря, характерные для культуры хунну, – костяные накладки на лук и наконечники стрел, керамика, бронзовая поясная бляха со сценой борьбы кошачьего хищника с грифоном (*Савинов, 1969. С. 104–108*).

В целом выделение самостоятельной улуг-хемской культуры, охватывающей период между позднескифским временем и кокэльской культурой, вполне вписывалось в ряд археологических культур Тувы, хотя и подверглось критике. Так, Д. Г. Савинов предполагал, что захоронения в каменных

ящиках и склепах, а также в грунтовых могилах отражали самостоятельные культурные традиции среди различного этнического состава населения Тувы того времени, не образуя при этом какой-то культурной общности (*Длужневская, Савинов, 2007. С. 65*). А. М. Мандельштам считал, что подобные захоронения принадлежат местному населению позднескифского времени, а изменения в погребальном обряде и материальной культуре отражают начало процесса сложения новой культуры, происходившего под влиянием пришлых групп населения, проживавших до этого на более южных территориях (*Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 197–197*).

Сомнения некоторых исследователей в необходимости выделения отдельной археологической культуры были вполне обоснованны – речь шла о небольшом числе раскопанных памятников с довольно скудным и невыразительным погребальным инвентарем. Единственный раскопанный могильник с большим количеством захоронений (Аймырлыг XXXI), материалы из которого могли бы помочь в решении этого вопроса, остался неопубликованным. Данные о нем доступны лишь из нескольких общих публикаций. Авторы раскопок относили его к хунну, а точнее, к какому-то родственному им племени (*Стамбульник, 1983. С. 39; Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 198*). На основании находок нескольких предметов сяньбийской торевтики, имеющих аналогии в могильнике Лаохэшэнь в Китае, ряд исследователей датируют его II–III вв. н. э. (*Худяков и др., 1999. С. 162–169*), хотя сам могильник Лаохэшэнь относится к периоду от середины Западной Хань до конца Восточной Хань, то есть I в. до н. э. – II в. н. э. (*Комиссаров, 2006. С. 25*).

Среди обнаруженных на могильнике Аймырлыг XXXI фрагментов китайских зеркал преобладали экземпляры, датирующиеся I в. до н. э. «и более поздние» (*Стамбульник, 1983. С. 38*). К сожалению, более точная информация по столь важным материалам все еще не опубликована. Вероятно, речь здесь могла идти о зеркалах с орнаментом TLV, появляющихся в конце Западной Хань и особенно распространенных во времена Восточной Хань. Один фрагмент зеркала TLV из Аймырлыга XXXI опубликован (*Мандельштам, Стамбульник, 1992. Табл. 81, рис. 12*). Поэтому наиболее реалисти-

ческой пока выглядит датировка, предложенная для этого могильника Д. Г. Савиновым, – I–II вв. н. э. (Савинов, 2010. С. 23). При этом все же нельзя исключать и его более широкую датировку, учитывая большое количество (около 200) раскопанных здесь разнотипных захоронений.

За последние годы в ходе работ Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН по берегам Саяно-Шушенского водохранилища были открыты и продолжают исследоваться могильники Терезин и Ала-Тей 1,³ относящиеся к интересующему нас времени (Леус, 2008. С. 42–44; Leus, 2011. Р. 515–536; Леус, Бельский, 2016. С. 93–104; Килуновская, Леус, 2017а. С. 72–75; 2017б. С. 87–104) (рис. 1). На могильнике Терезин к настоящему времени найдено 25 погребений, большинство из

необходимыми для этого основными признаками: единый ареал, специфический погребальный обряд и предметы материальной культуры, отличающиеся от предшествующих и последующих культур рассматриваемого региона. В то же время прослеживается и некоторая преемственность: встречающаяся иногда скорченная поза погребенных и ориентация в западный сектор, использование каменных плиток-подушек под головами, костяные пряжки и красноглиняные вазовидные сосуды – характерные черты заключительного, озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры скифского времени; преобладающая вытянутая поза погребенных, узкие могильные ямы, деревянные гробы, сероглиняные вазовидные сосуды с вертикальным лощением, костяные накладки на лук, железные

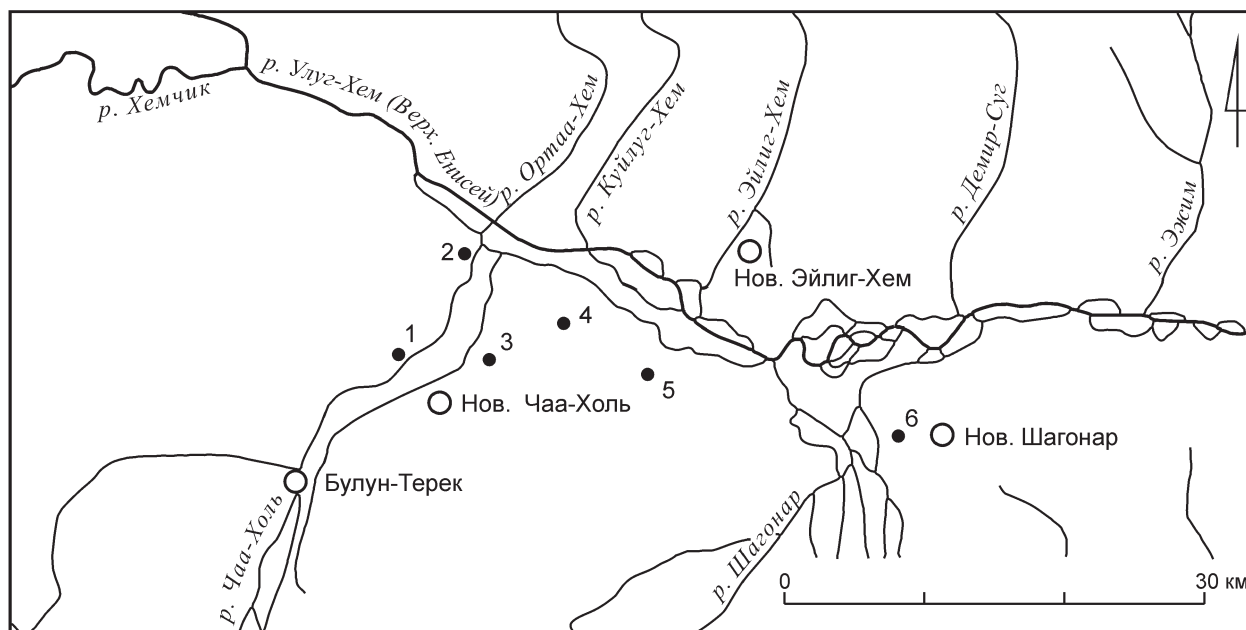

Рис. 1. Карта памятников улуг-хемской культуры: 1 – Аймырлыг XXXI; 2 – Урбюн III; 3 – Терезин; 4 – Ала-Тей 1; 5 – Аргалыкты I; 6 – Бай-Даг II

Fig. 1. Map of sites of the Ulug-Khem culture: 1 – Aymyrlyg XXXI; 2 – Urbyun III; 3 – Terezin; 4 – Ala-Tey 1; 5 – Argalykty I; 6 – Bay-Dag II

которых разрушено водохранилищем, а на могильнике Ала-Тей 1 90 непо потревоженных грунтовых захоронений. В результате этих работ получены значительные материалы, подтверждающие правомерность выделения самостоятельной улуг-хемской археологической культуры, обладающей всеми

пряжки на обувь и пр. находят дальнейшее развитие в кокзельской культуре. Таким образом, удалось дополнить характерные черты улуг-хемской культуры, предложенные А. Д. Грачом.

Отметим, что могильник Ала-Тей 1⁴ с середины 1980-х гг. находится на дне Саяно-Шушенского водохранилища. Археологические раскопки здесь

³ Работы проводятся при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария).

⁴ Ала-Тей (по-тувински «пестрая гора») – название горы, около которой находится могильник.

возможны только в короткий промежуток времени – обычно в течение четырех недель в году в мае–июне, в зависимости от скорости наполнения водохранилища. В остальное время могильник полностью затоплен. Обычный набор воды в водохранилище раньше проводился до отметки 540 м над уровнем моря, сейчас до 539 м, тогда как сам могильник расположен на отметке 523 м.

Могильник Терезин находится на высоком берегу водохранилища, в 4,5 км от Ала-Тей 1, большинство его погребений рухнули вниз с размываемого обрыва и так же ежегодно затопляются водохранилищем, находясь на береговой линии. Иногда на краю обрыва удается обнаружить непо потревоженные захоронения (*Леус, Бельский*, 2016. С. 93–95). Разрушенные и целые погребения встречаются здесь на протяжении около 1,5 км вдоль линии берега и представляют собой несколько скоплений. Возможно, изначально здесь было расположено несколько могильников, но, исходя из общей ситуации, было решено оставить за этим памятником единое название Терезин.⁵

На основе новых материалов из исследованных нами памятников⁶ рассмотрим основные компоненты улул-хемской археологической культуры.

Погребальный обряд. Наземные сооружения. На обоих могильниках наземные сооружения отсутствуют. При этом над некоторыми погребениями в могильнике Ала-Тей 1 после снятия слоя наносного песка на глубине 10–15 см было обнаружено в общей сложности 27 небольших красноглиняных сосудов с перегородкой. Возможно, они использовались в качестве светильников или курильниц, стоявших над могильными ямами. В ряде случаев они стояли внутри миниатюрных каменных выкладок, сложенных из маленьких плиток. В трех таких ящичках стояло по два перегородчатых сосуда, над объектом 72 были три сосуда и следы интенсивного горения.

Большинство захоронений совершено в неглубоких ямах (около 1 м), хотя в нескольких случаях глубина ям доходила до 2 м. Особой системы

⁵ Терезин (по-тувински «ковыль») – недалеко от этого места раньше находился полевой стан Терезин, отмеченный на топографических картах.

⁶ Раскопки на могильниках Ала-Тей 1 и Терезин продолжаются, точное количество захоронений на них пока неизвестно.

в расположении могил пока не прослеживается. Иногда они образуют небольшие скопления, в которых, возможно, были похоронены члены одной семьи. Ориентировка погребенных разнообразная, но преобладают юго-запад и северо-запад.

Внутримогильные сооружения представлены несколькими типами:

1. **Каменные ящики:** основная часть захоронений (взрослые и дети) совершена в каменных ящиках (рис. 2, 1–3) из плит, поставленных вертикально на длинную сторону. Перекрытие обычно в два слоя, нижний из которых составляют массивные тяжелые плиты. Стенки ящиков часто имеют два ряда: внутренний обычно из больших плит, а внешний (между ящиком и стенкой ямы) из плиток меньшего размера. Погребение АТ1/5⁷ – сдвоенный ящик, в котором мужчина лежал скорченно на боку, а женщина вытянуто на спине (рис. 2, 5). Погребение АТ1/23 – двухкамерный ящик, в котором были похоронены женщина 20–25 лет и девочка 12–13 лет. На поясе у женщины находилась уникальная бронзовая пряжка с изображением быка анфас, а у девочки – фрагмент бронзовой пряжки в виде лежащей лошади. Также нужно упомянуть каменный ящик ладьевидной формы (АТ1/20) и ящик неправильной формы для скорченного погребения, где стенки были выстроены вокруг ног погребенного, согнутых в коленях (АТ1/8) (рис. 2, 4). Три сохранившихся каменных ящика на могильнике Терезин (Т/2, 9, 21) имеют два уровня перекрытия, но сами по себе более короткие, так как погребенные лежали в них с подогнутыми ногами.

2. **Деревянные гробы,** обложенные камнем: в узкую могильную яму устанавливался деревянный гроб, обкладываемый по периметру одним рядом камней или плиток (рис. 2, 6, 7). Сами деревянные гробы практически не сохраняются, но в некоторых случаях хорошо видно их перекрытие из двух широких досок и невысокие стенки. Очень плохая сохранность дерева вызвана тем, что большую часть года могильник Ала-Тей 1 находится под водой. В женском захоронении АТ1/47 прекрасно сохранился пояс со следами органики,

⁷ Здесь и далее приводятся сокращенные названия памятников: АТ1 – Ала-Тей 1; Т – Терезин, далее через черту дробли номер объекта/погребения.

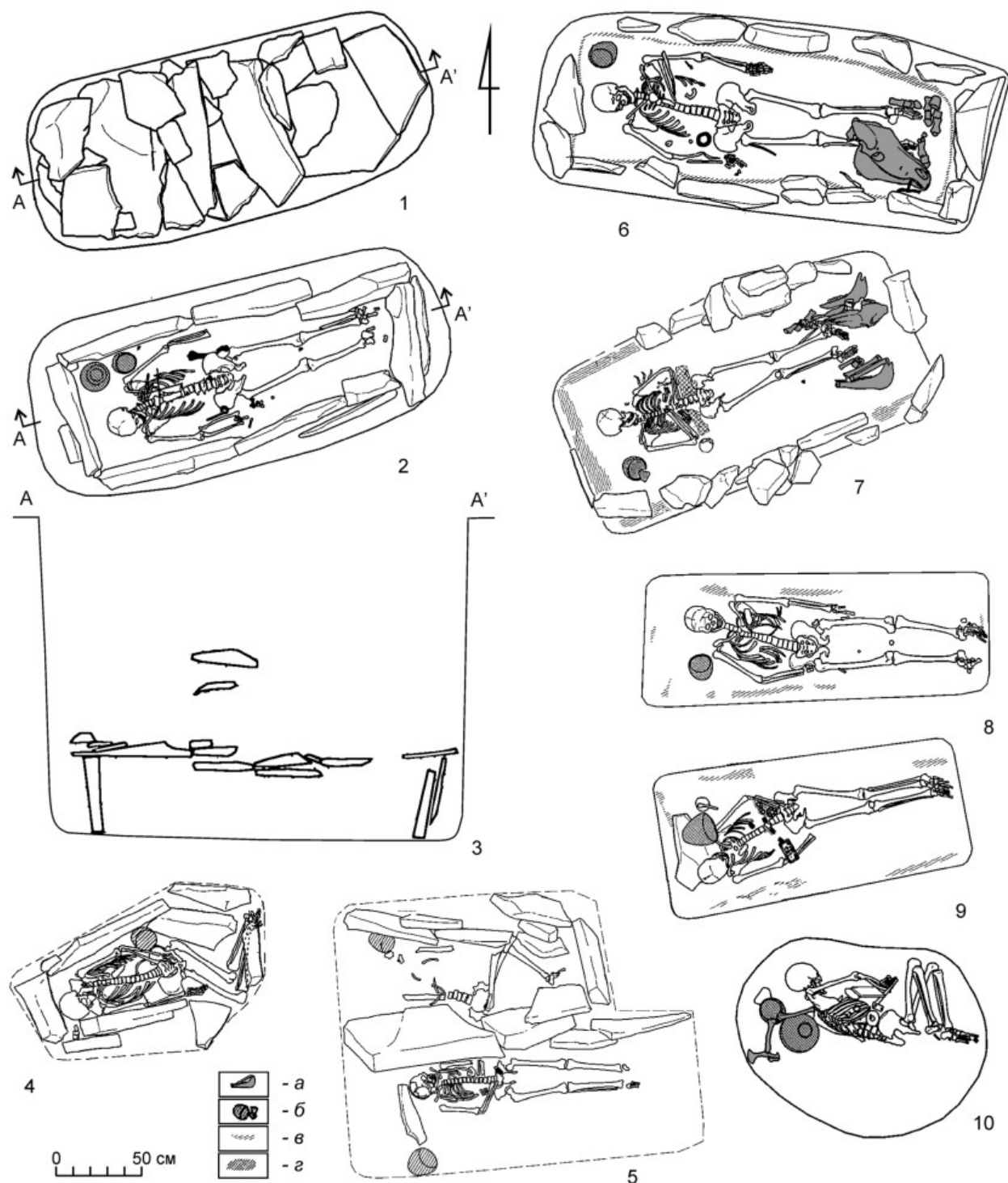

Рис. 2. Типы погребальных сооружений: 1–3 – погребение в каменном ящике (перекрытие, погребение, разрез; АТ1/44); 4 – погребение в каменном ящике (АТ1/8); 5 – погребение в каменном ящике и в яме (АТ1/5); 6, 7 – погребения в каменной обкладке (АТ1/46 и АТ1/47); 8, 9 – погребения в яме с остатками гроба (?) (АТ1/49 и АТ1/50); 10 – погребение в грунтовой яме (АТ1/86)

Условные обозначения: а – кости животных; б – керамика; в – древесный тлен; з – следы органики

Fig. 2. Types of funerary structures: 1–3 – burial in a stone box (roofing, burial, section; АТ1/44); 4 – burial in a stone box (АТ1/8); 5 – burial in a stone box and a pit (АТ1/5); 6, 7 – burials in stone kerbs (АТ1/46 and АТ1/47); 8, 9 – burials in a pit with remains of a coffin (?) (АТ1/49 and АТ1/50); 10 – burial in a ground pit (АТ1/86)

Legend: а – animal bones; б – pottery; в – wood ashes; з – traces of organics organic maple

двумя бронзовыми пряжками с фигурами «драконов» на деревянной основе, бронзовыми шестилучевыми бляшками, большим количеством бисера и бус. У левого предплечья были три бронзовые пламевидные подвески и нитки бус. На груди лежало бронзовое китайское зеркало, у головы – бронзовые серьги. В ногах погребенной находился череп коня и конечности, по-видимому, шкура (рис. 2, 6). Еще один череп коня, с уздой, был найден в ногах мужского захоронения АТ1/46 (рис. 2, 7). На поясе погребенного были железные детали поясного набора.

3. *Грунтовые ямы* без каких-либо следов внутримогильных сооружений. Иногда в головах и ногах стояло по одному камню или же небольшой каменной стеле (рис. 2, 8, 9). Следов деревянных сооружений нет: или их не было вообще, или же они не сохранились. Захоронение АТ1/86 – в грунтовой яме округлой формы, где находилась пожилая женщина в скорченном положении, на левом боку, головой на запад (рис. 2, 10). За спиной стояло два сосуда, на которых лежали кости от туши косули. Один из сосудов был типичным для хунну – сероглиняная ваза, с наклепными валиками по плечикам, очень широким туловом, лощением и следом квадратного штампа от поворотной подставки на дне. Здесь было много бус и необычных фигурных стеклянных подвесок на поясе и около головы. Поясной набор состоял из трех бляшек и большого диска из гагата и бронзовых колец. Его центральным элементом служила большая пластина-пряжка из гагата с гравированным изображением животных. Рядом с пряжкой находилось бронзовое китайское зеркало, на поясе – большой железный нож. Интересно в этом погребении сочетание элементов скифского погребального обряда и погребального инвентаря хунну.

Положение погребенных. В большинстве случаев погребенные, как взрослые, так и дети, лежат вытянуто на спине, головой в западном направлении – запад – юго-запад – северо-запад. Руки у женщин сложены на поясе или перед грудью, иногда левая рука подогнута к левому плечу. У мужчин руки вытянуты вдоль тела. Незначительное количество захоронений совершено на боку или скорченно, с подогнутыми ногами – восемь на

Ала-Тее 1 и четыре на Терезине. Почти все они, за исключением двух (в грунтовых ямах – АТ1/86 и Т/1), были в каменных ящиках.

На могильнике Аймырлыг XXXI погребальный обряд более разнообразен: в нескольких случаях выявлены каменные намогильные выкладки, окруженные кольцами. Могилы расположены рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток. Здесь имеются захоронения в каменных ящиках, грунтовых ямах, деревянных рамах с перекрытием, колодах, гробах, и два погребения в ямах с подбоем. На могильнике наблюдается большее разнообразие в позах погребенных: на боку с подогнутыми ногами, на спине с согнутыми в коленях и поднятыми ногами, вытянуто на спине. Здесь также прослеживалась определенная корреляция поз погребенных с разными типами внутримогильных сооружений (*Стамбульник*, 1983. С. 34–37, рис. 1).

В могильнике Аргалыкты I (объекты 18–41) большинство захоронений совершены скорченно или на боку с подогнутыми ногами, обычно в каменных ящиках, реже в простых грунтовых ямах под небольшими каменными насыпями или без них (*Трифонов*, 1970. С. 184–185). Погребение в могильнике Урбюн III также было совершено в каменном ящике, на боку с подогнутыми ногами (*Савинов*, 1969. С. 104–105).

Погребальный инвентарь. Могильники Ала-Тей 1 и Терезин оказались не потревоженными древними грабителями, и многие погребения содержат сохранившийся *in situ* интересный и богатый инвентарь. Несмотря на то что большинство захоронений на могильнике Терезин разрушено водохранилищем, погребальный инвентарь во многих из них сохранился среди плит упавших с обрыва каменных ящиков, в первую очередь тяжелые бронзовые предметы.

Керамика. Во всех погребениях на Ала-Тее 1 и Терезине находились керамические сосуды, в некоторых по два, причем всегда разнотипные. Основным типом является красноглиняный сосуд баночной формы, иногда с «поддоном» и наклепными ушками. Если в могиле присутствует второй сосуд, то обычно это красноглиняный или сероглиняный вазовидный, или же, в двух случаях, маленький квадратный. Это правило относится к захоронениям как взрослых, так и детей.

Керамические сосуды обычно расположены в могиле возле головы погребенного. Редкие исключения могли быть связаны, вероятно, с отсутствием места в могиле возле головы, особенно в некоторых очень узких ящиках или гробах – тогда сосуд ставился на другое свободное место, обычно возле пояса/таза погребенного. В одном из таких случаев (АТ1/15) большой баночный сосуд, который по своим размерам не мог бы поместиться возле головы, стоял слева у таза погребенного, чья левая рука как бы держала сосуд за венчик.

Над некоторыми могилами на Ала-Тее 1, на уровне древней дневной поверхности, стояли небольшие сосуды с перегородкой, в большинстве случаев с отверстием в ней (возможно, для фитиля). Некоторые из них были абсолютно целые, некоторые сильно разрушены, что вызвано, скорее всего, естественными причинами. Предварительно можно предположить, что они использовались в качестве своеобразных курильниц или светильников, являясь важной деталью погребально-поминального обряда, после чего оставались сверху, на краю могильной ямы.

Таким образом, к настоящему моменту получена большая коллекция керамики, особенно на Ала-Тее 1 – 123 сосуда (два квадратных, семь вазовидных, 27 перегородчатых, остальные баночные).

Баночные сосуды представлены разными формами – открытые и закрытые банки с плоским или выделенным дном, а также сосуды на поддонах (рис. 3). Это красноглиняные сосуды темного обжига, иногда со следами лощения. Некоторые экземпляры имеют следы ремонта – парные отверстия по краям трещин в верхней части. Такие сосуды имеют аналогии в тесинской культуре Минусинской котловины: 1-й тип и 9-й тип, по классификации Н. Ю. Кузьмина (*Кузьмин*, 2011. С. 193–199, рис. 42). В тесинской культуре известны и квадратные сосуды, в отдельный тип выделены перегородчатые. Последние отличаются от ала-тейских тем, что у них нет отверстия в перегородке, и они найдены непосредственно в могилах, а не над ними, например, на могильнике Каменка III, раскопанном Я. А. Шером в 1963–1964 гг. (Там же. Рис. 41). На Ала-Тее 1 пока только в одном случае подобный сосуд (восьмерковидной формы) найден в погребении (АТ1/66) (рис. 4, 7).

Перегородчатые сосуды на Ала-Тее 1 отличаются разнообразием форм – прямоугольные, восьмерковидные, круглые, прямоугольные с закругленной стороной (рис. 4). В других археологических памятниках Тувы они неизвестны, их необычное местонахождение над могильной ямой пока не находит аналогий и на сопредельных территориях.

Вазовидные сосуды сероглиняные из хорошо отмученной глины, с узким горлом и сильно отогнутым венчиком (рис. 5). Тулово сосуда покрывает вертикальное лощение, на плечиках имеются каннелюры. На дне – квадратный штамп от поворотной подставки. Такие же сосуды есть в могильнике Терезин, в качестве парных к баночным (Т/2, Т/9, Т/21). Аналогии им хорошо известны в большинстве классических памятников эпохи хунну – например, Иволгинский могильник и городище (*Давыдова*, 1995. Табл. 177; 1996. Табл. 69), Дырестуйский могильник (*Миняев*, 2007. С. 26, рис. 12) и пр. В тесинской культуре их нет.

Один *вазовидный сосуд* является исключением (АТ1/29) (рис. 6). Он красноглиняный, без лощения, венчик не сохранился. На тулове, в верхней части, прорезан четкий знак в виде буквы «Н». По форме и технологии изготовления он аналогичен сосудам из озен-ала-белигских памятников позднескифского времени (*Семенов*, 2003. Табл. 97).

На могильнике Аймырлыг XXXI кроме описанных выше баночных и вазовидных сосудов известны и другие типы, аналогичные кокзельским, в частности с характерным арочным орнаментом. Они сопровождали захоронения исключительно в деревянных гробах (*Стамбульник*, 1983. С. 38). Вероятно, хронологически они более поздние.

Вооружение. На могильнике Терезин в одном из целых погребений (Т/2) были костяные накладки на лук хуннского типа и разнотипные костяные наконечники стрел (рис. 7). Несколько больших костяных наконечников собраны здесь в виде подъемного материала. В одном из разрушенных погребений (Т/8), среди остатков каменного ящика сохранилась большая ажурная пряжка (рис. 12, 2) и бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы (рис. 7, 13). В 50 м от него подобран железный трехлопастной наконечник. На могильнике Ала-Тей 1 в нескольких мужских захоронениях найдены костяные концевые накладки на лук

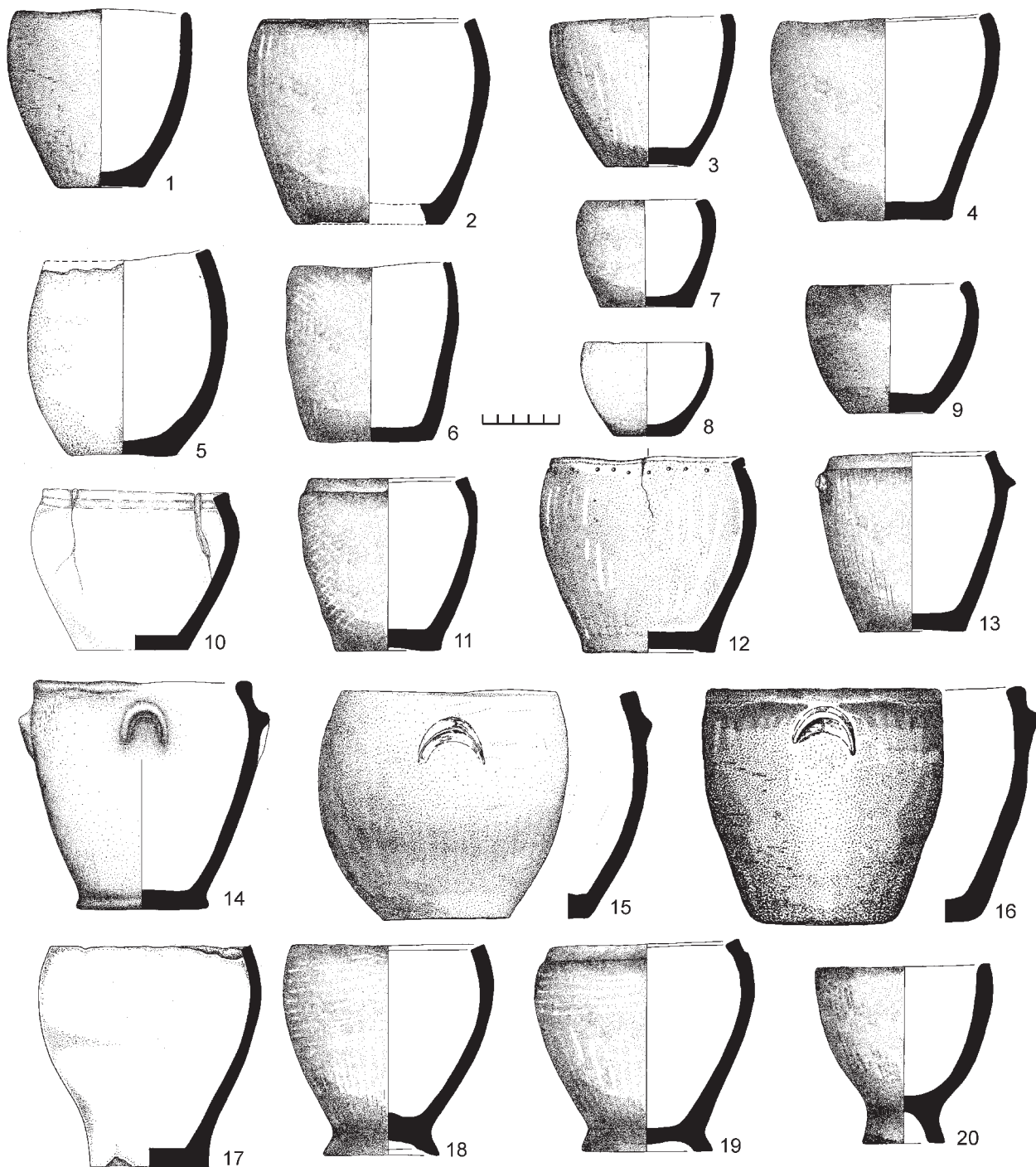

Рис. 3. Керамические сосуды: 1–17 – баночной формы; 18–20 – на поддоне из могильника Ала-Тей 1. 1 – АТ1/80, 2 – АТ1/51, 3 – АТ1/69, 4 – АТ1/35, 5 – АТ1/73, 6 – АТ1/42, 7 – АТ1/66, 8 – АТ1/40, 9 – АТ1/2, 10 – АТ1/5, 11 – АТ1/43, 12 – АТ1/86, 13 – АТ1/63, 14 – АТ1/24, 15 – АТ1/46, 16 – АТ1/72, 17 – АТ1/5, 18 – АТ1/38, 19 – АТ1/62, 20 – АТ1/57

Fig. 3. Ceramic pottery: 1–17 – jar-shaped; 18–20 – on a pedestal: from the cemetery of Ala-Tey 1. 1 – АТ1/80, 2 – АТ1/51, 3 – АТ1/69, 4 – АТ1/35, 5 – АТ1/73, 6 – АТ1/42, 7 – АТ1/66, 8 – АТ1/40, 9 – АТ1/2, 10 – АТ1/5, 11 – АТ1/43, 12 – АТ1/86, 13 – АТ1/63, 14 – АТ1/24, 15 – АТ1/46, 16 – АТ1/72, 17 – АТ1/5, 18 – АТ1/38, 19 – АТ1/62, 20 – АТ1/57

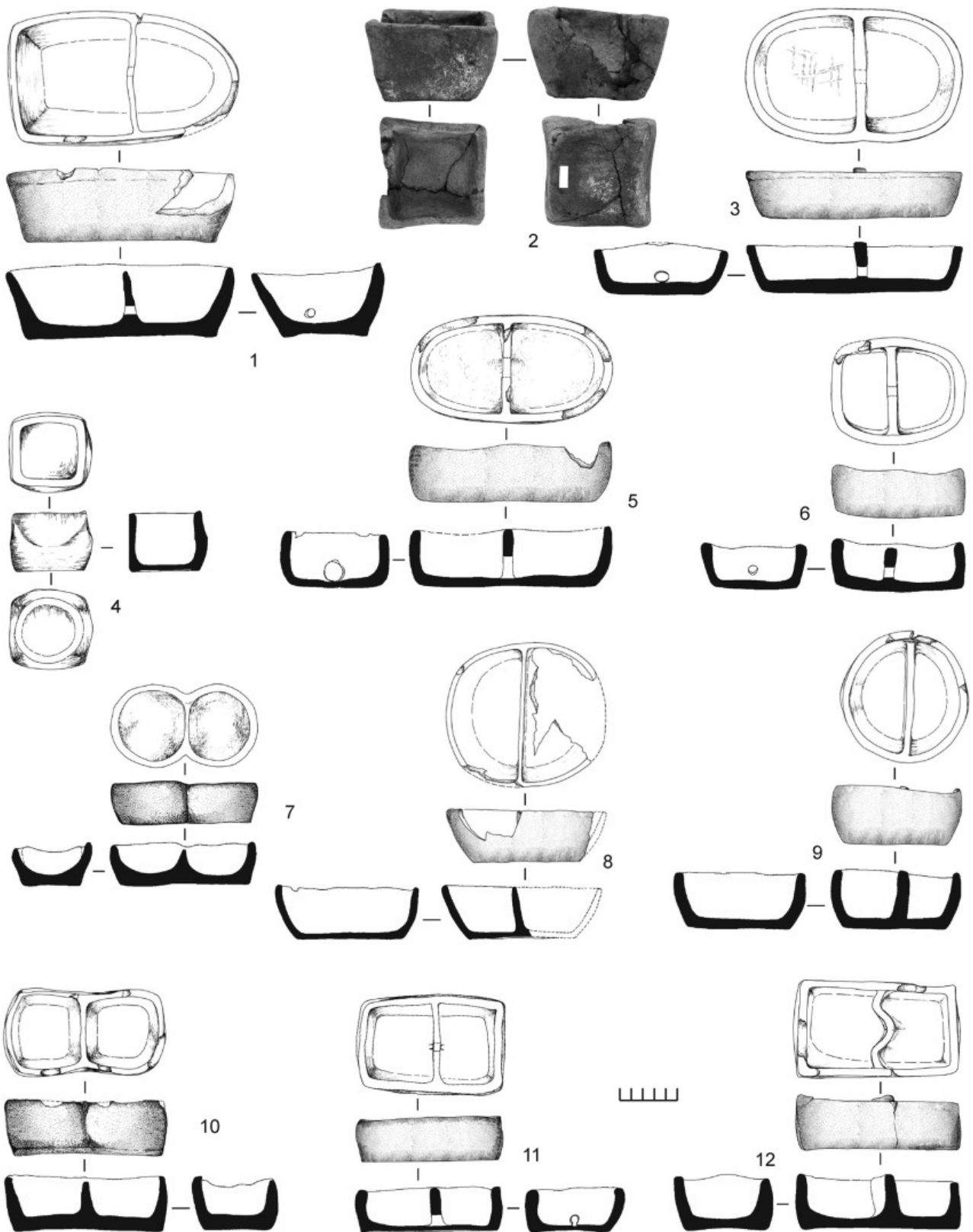

Рис. 4. Сосуды с перегородками из могильника Ала-Тей 1: 1 – АТ1/36, 2 – АТ1/25, 3 – АТ1/46, 4 – АТ1/52, 5 – АТ1/72, 6 – АТ1/67, 7 – АТ1/66, 8 – АТ1/47, 9 – АТ1/55, 10 – АТ1/42, 11 – АТ1/59, 12 – сосуд № 2 из раскопа 8

Fig. 4. Partitioned vessels from the cemetery of Ala-Tey 1: 1 – АТ1/36, 2 – АТ1/25, 3 – АТ1/46, 4 – АТ1/52, 5 – АТ1/72, 6 – АТ1/67, 7 – АТ1/66, 8 – АТ1/47, 9 – АТ1/55, 10 – АТ1/42, 11 – АТ1/59, 12 – vessel no. 2 from excavation 8

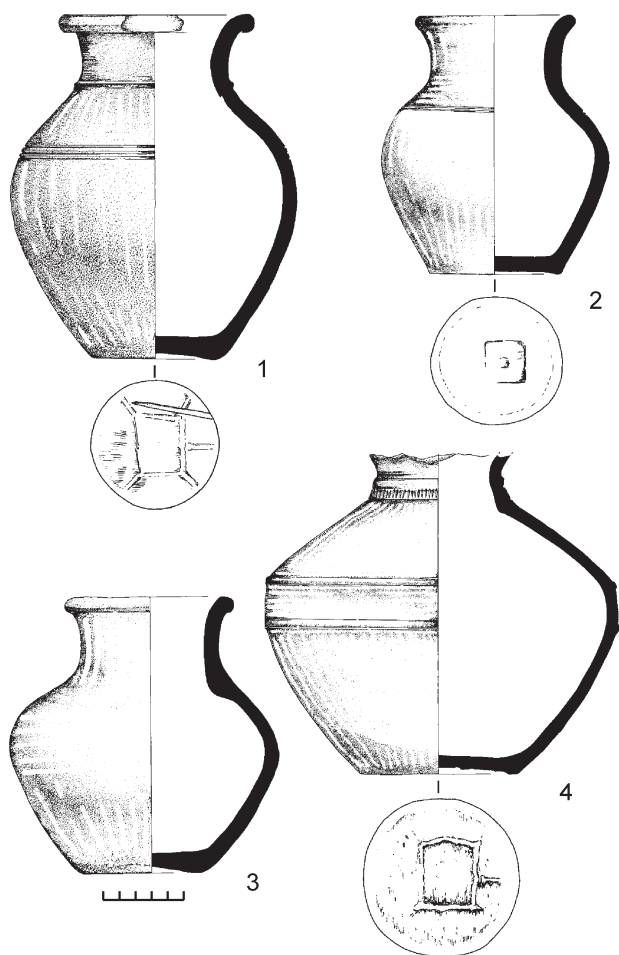

Рис. 5. Керамические сосуды вазовидной формы из могильника Ала-Тей 1: 1 – АТ1/41, 2 – АТ1/44; 3 – АТ1/86; 4 – АТ1/51

Fig. 5. Ceramic vase-shaped vessels from the cemetery of Ala-Tey 1: 1 – АТ1/41, 2 – АТ1/44; 3 – АТ1/86; 4 – АТ1/51

хуннского типа (например, АТ1/44, АТ1/46, АТ1/53), в одном случае (АТ1/96) вместе с луком лежали и костяные наконечники стрел, в том числе аналогичные терезинским.

Ножи и шилья. Во многих погребениях встречаются железные ножи. Из-за регулярного разрушительного воздействия воды сохранность железа обычно очень плохая и форму ножей не всегда можно установить. Присутствуют ножи с кольцевидным навершием, черешковые ножи – в одном случае с рукоятью из фаланги барана (?) (рис. 8). Иногда вместе с ножами попадают железные шилья.

Поясной набор. Наиболее ярким элементом погребального инвентаря из могильников Ала-Тей 1 и Терезин является поясной набор, детали которого сохранились *in situ* во многих погребениях. Кожаная основа поясов украшалась бляшками, имитациями раковин каури, китайскими монетами, бусами, бисером и подвесками. Обязательной деталью были бронзовые или железные кольца, обычно простые маленькие, но иногда ажурные, большего диаметра. В некоторых мужских погребениях найдены ложечковидные наконечники ремней. Центральным элементом пояса были пряжки, иногда большие ажурные пряжки-пластины, обычно одиночные, но в некоторых случаях парные, то есть одна с язычком, другая с петлей. Некоторые детали пояса характерны только для мужских или женских погребений – например, большие пряжки-пластины встречаются

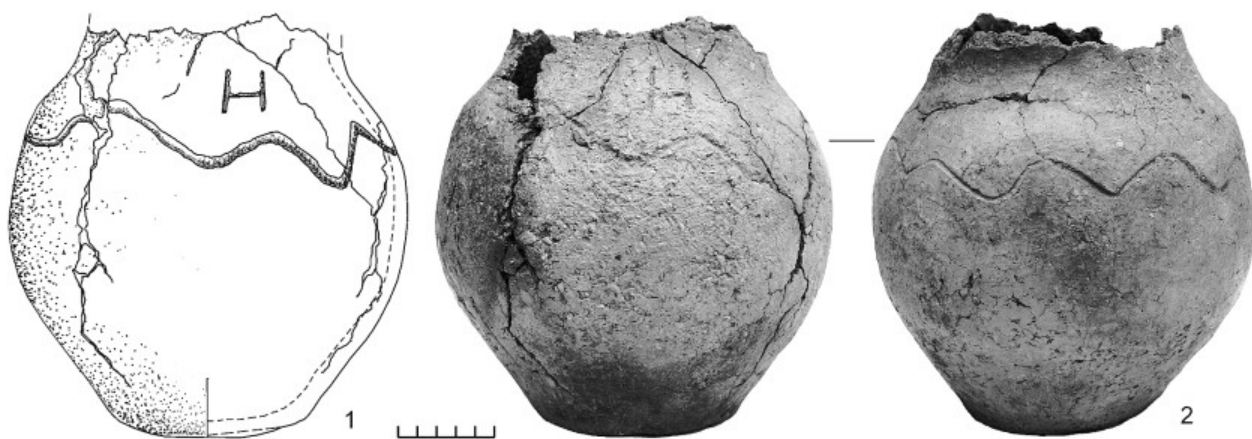

Рис. 6. Керамический сосуд со знаком «Н» из могилы № 29 на могильнике Ала-Тей 1

Fig. 6. Ceramic vessel with an 'H' symbol from grave no. 29 at the cemetery of Ala-Tey 1

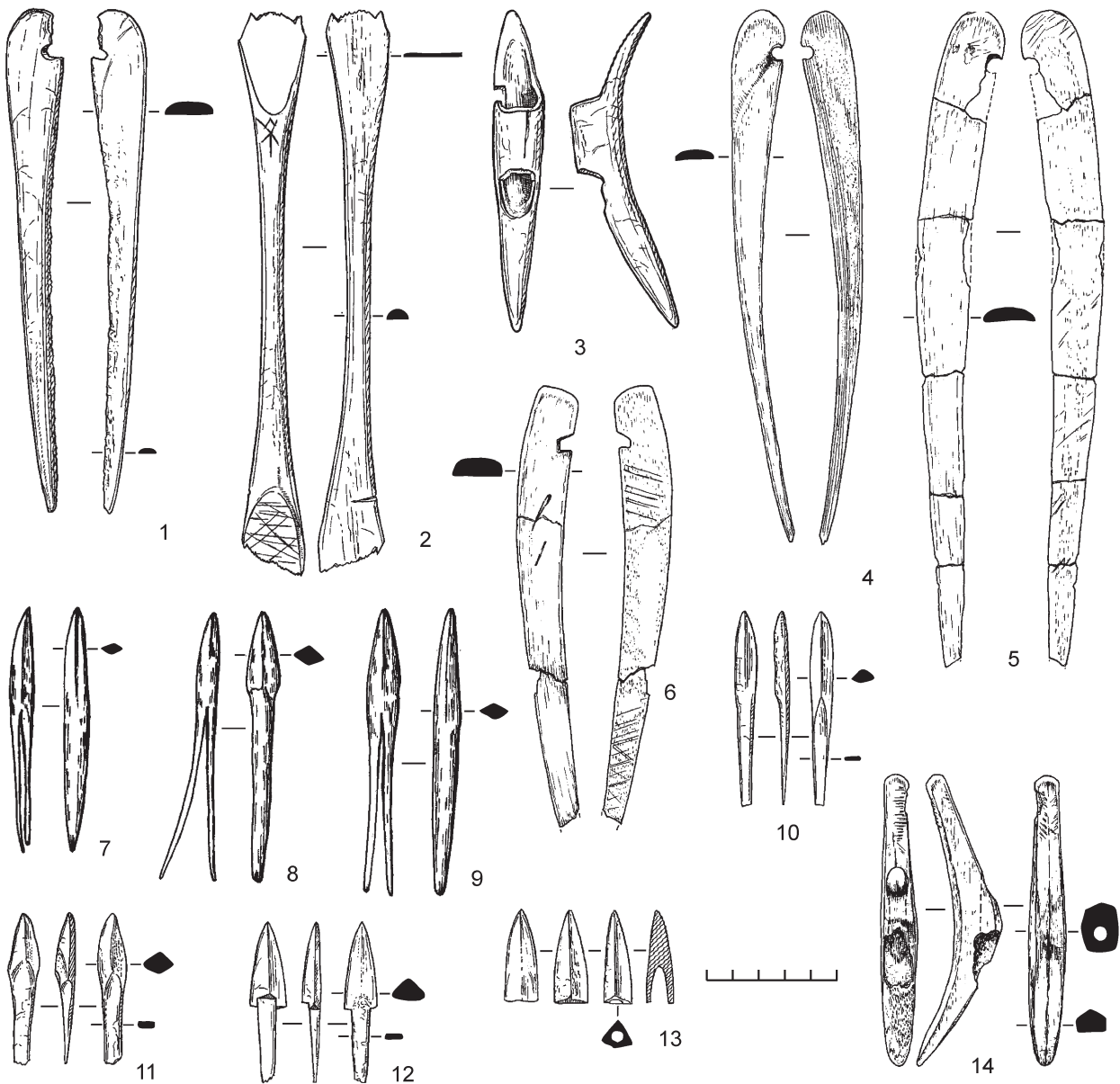

Рис. 7. 1, 2, 4–6 – костяные накладки на лук; 7–13 – наконечники стрел; 3, 14 – приспособления для натягивания тетивы; 13 – бронзовый наконечник стрелы

1–3, 7–12, 15 – Терезин, Т/8; 4 – Ала-Тей 1, АТ1/53; 5, 14 – АТ1/46; 6 – АТ1/44

Fig. 7. 1, 2, 4–6 – Bone bow mounts; 7–13 – arrowheads; 3, 14 – devices for drawing the bow string; 13 – bronze arrowhead

1–3, 7–12, 15 – Terezin, T/8; 4 – Ala-Tey 1, AT1/53; 5, 14 – AT1/46; 6 – AT1/44

только у женщин, а ложечковидные наконечники ремней только у мужчин.

Выделяется несколько типов поясных пряжек:

1) бронзовые рамчатые с неподвижным язычком;

2) рамчатые с подвижным язычком: круглые и прямоугольные из железа, костяные – прямоугольные;

3) костяные пряжки-пластины, иногда с гравированным орнаментом;

4) бронзовые ажурные пряжки-пластины с зооморфным и геометрическим орнаментом;

5) бронзовые фигурные пряжки;

6) гагатовые пряжки-пластины, инкрустированные полудрагоценными камнями, иногда с гравированными рисунками.

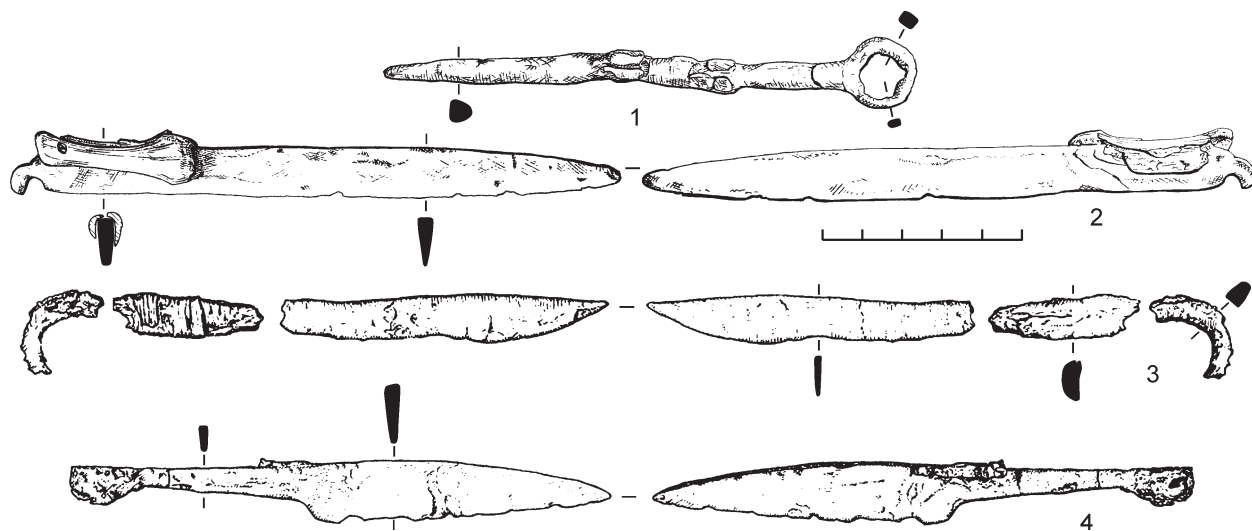

Рис. 8. Железные ножи из могильника Ала-Тей 1: 1, 2 – АТ1/1; 3 – АТ1/14; 4 – АТ1/12

Fig. 8. Iron knives from the cemetery of Ala-Tey 1: 1, 2 – АТ1/1; 3 – АТ1/14; 4 – АТ1/12

Рамчатые пряжки с неподвижным язычком. В погребении АТ1/80 обнаружена бронзовая пряжка с неподвижным язычком размерами 3 × 5 см (рис. 9, 2). Подобные пряжки широко распространены в материалах позднескифского времени (Семенов, 2003. Табл. 3, 4, 7; и др.).

Рамчатые пряжки с подвижным язычком. Во многих захоронениях на могильнике Ала-Тей 1 присутствуют круглые или прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком. Это характерная деталь мужского пояса. Некоторые достигают довольно больших размеров (АТ1/38 – прямоугольная пряжка 8 × 12 см – рис. 9, 3; АТ1/1 – круглая, диаметром 8,5 см – рис. 9, 4). В могиле АТ1/36 найдена биметаллическая пряжка, у которой рамка из бронзы, язычок из железа (рис. 9, 1). В объекте АТ1/70 были две рамчатые костяные пряжки: у одной прямоугольной (3 × 7 см) вставлена костяная планка, к которой крепился язычок (рис. 10, 2), другая, сломанная, имела, по видимому, пятиугольную форму (рис. 10, 1). Железные пряжки с подвижным язычком, а также с бронзовой рамкой и железным язычком встречаются во многих могилах хунну, например, на Дырестуйском могильнике (Миняев, 1998. С. 34, рис. 17, 9; 18, 21–30).

Костяные пластинчатые пряжки. В двух объектах на могильнике Ала-Тей 1 (АТ1/6 и 72) на поясе находились костяные пряжки-пластины

(рис. 10, 3). У них имеются отверстия для крепления к поясу и большое отверстие для продевания ремня. На одной из них сохранились остатки гравированного орнамента. Пряжки-пластины (обычно парные) характерны для озен-ала-белигских памятников, где зачастую украшены гравированным орнаментом (Килуновская, Леус, 2017б. Рис. 3, 10–15).

Бронзовые ажурные пряжки-пластины. Среди деталей женского поясного набора особо выделяется серия больших ажурных пряжек с зооморфным и геометрическим орнаментом. В настоящей работе ограничимся короткой информацией по всем имеющимся на сегодняшний день типам (рис. 11–13):

1. Большая поясная пряжка с изображением быка/яка анфас (АТ1/23, скелет № 1) (рис. 12, 1). Прямых аналогий нет, но похожие пряжки с быками известны в Ордосе (Kost, 2014. Pl. 6).

2. Прямоугольная пряжка со сценой борьбы двух тигров и дракона из разрушенного погребения на Терезине (Т/12) (рис. 11, 2). Аналогичные бронзовые пряжки известны в первую очередь из хуннских захоронений в Забайкалье и из частных коллекций (происходящие, вероятно, из Монголии и Северного Китая). В коллекции Джозефа Хотунга хранится уникальный экземпляр, изготовленный из темного серо-зеленого нефрита (Rawson, 1995. P. 311–312).

3. Прямоугольная пряжка с изображением четырех извивающихся змей. Найдено два экзем-

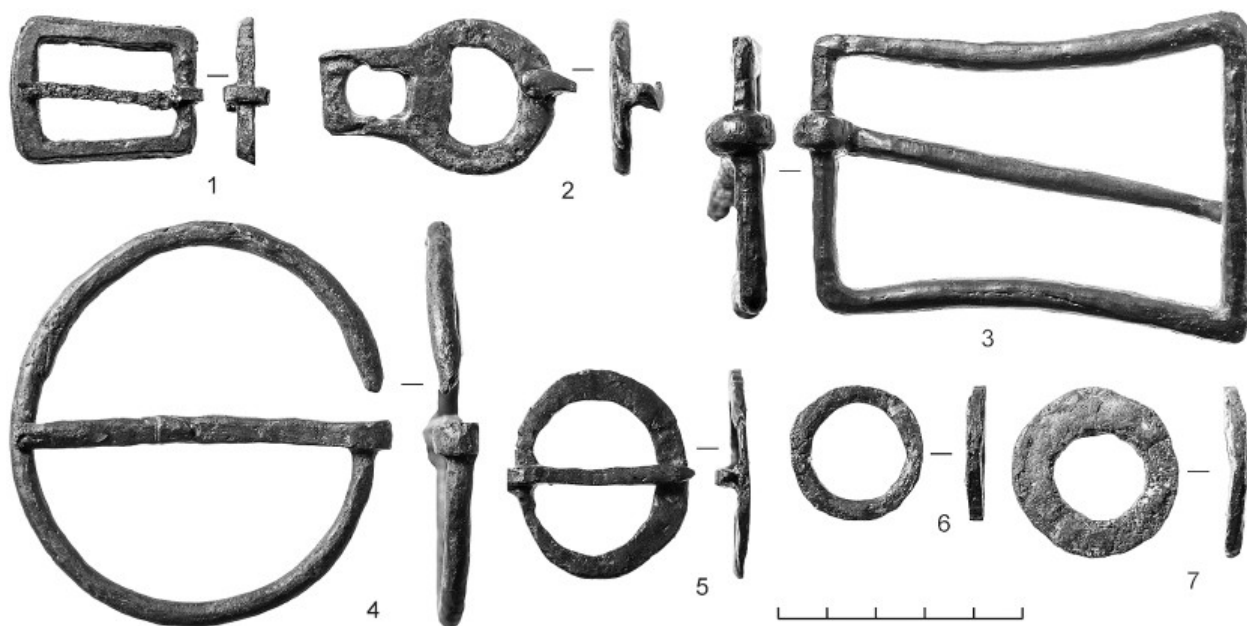

Рис. 9. Железные и бронзовые рамчатые пряжки из могильника Ала-Тей 1: 1 – АТ1/36; 2 – АТ1/80; 3 – АТ1/38; 4, 7 – АТ1/1; 5 – АТ1/15; 6 – АТ1/11

Fig. 9. Iron and bronze frame buckles from the cemetery of Ala-Tey 1: 1 – АТ1/36; 2 – АТ1/80; 3 – АТ1/38; 4, 7 – АТ1/1; 5 – АТ1/15; 6 – АТ1/11

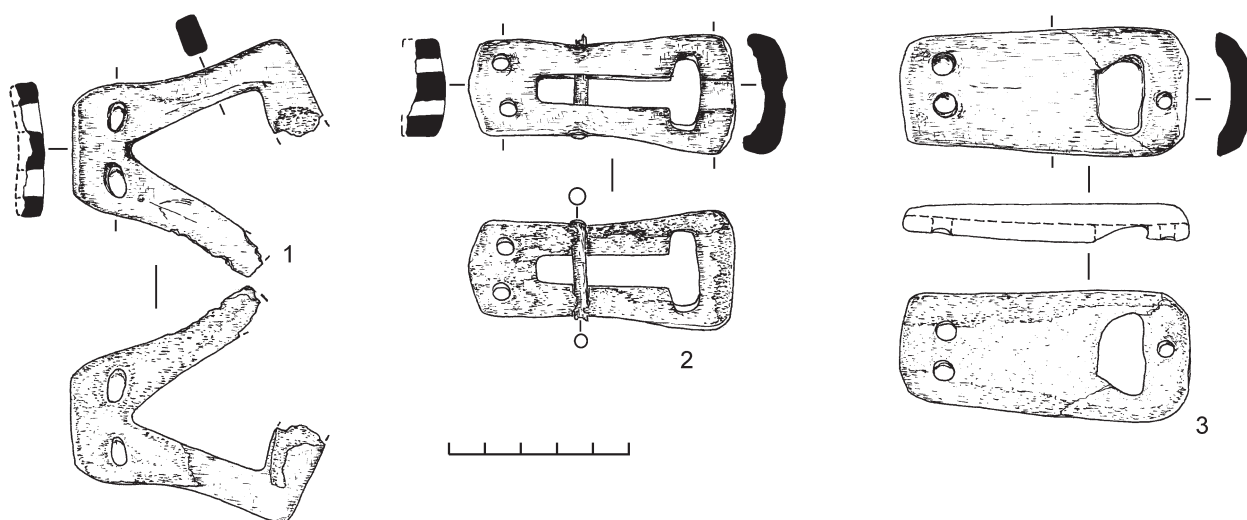

Рис. 10. Костяные пряжки с могильника Ала-Тей 1: 1, 2 – АТ1/70; 3 – АТ1/72

Fig. 10. Bone buckles from the cemetery of Ala-Tey 1: 1, 2 – АТ1/70; 3 – АТ1/72

пряга (Т/1, АТ1/43) (рис. 11, 5). Подобные пряжки и их фрагменты известны в памятниках тесинской культуры в Минусинской котловине (Дэвлет, 1980. С. 24, табл. 13; 14) и в захоронениях хунну в Забайкалье (Давыдова, Миняев, 2008. С. 98; Харинский, Коростылев, 2011. С. 200).

4. Пряжка с геометрическим орнаментом, образующим ступенчатую решетку, украшенную по

краям изображением шести голов животных. Два экземпляра с могильника Терезин (Т/5 и подъемный материал) (рис. 11, 6). Аналогии известны в Минусинской котловине и представлены случайными находками (Дэвлет, 1980. Табл. 16–17).

5. Пряжка с геометрическим орнаментом, образующим ступенчатую решетку. Похожа на предыдущую, но без голов животных (АТ1/2;

Рис. 11. Бронзовые ажурные пряжки-пластины: 1, 3, 4, 6, 7 – АТ1/15, АТ1/42, АТ1/43, АТ1/2; 2, 5 – Терезин; 4 – могильник Урбюн III; – 8 – случайная находка у пос. Булун-Терек; 9 – АТ1/21; 10 – АТ1/23; 11, 12 – АТ1/47

Fig. 11. Bronze openwork clasps-plates: 1, 3, 4, 6, 7 – АТ1/15, АТ1/42, АТ1/43, АТ1/2; 2, 5 – Terezin; 4 – cemetery of Urbyun III; 8 – a stray find from the vicinity of the village of Bulun-Terek; 9 – АТ1/21; 10 – АТ1/23; 11, 12 – АТ1/47

Рис. 12. Бронзовые фигурные пряжки: 1 – АТ1/23; 2 – Т/8; 3 – АТ1/57; 4 – АТ1/59

Fig. 12. Bronze figured buckles: 1 – АТ1/23; 2 – Т/8; 3 – АТ1/57; 4 – АТ1/59

рис. 11, 7). Аналогии известны в Минусинской котловине в виде случайных находок и среди материалов из тесинских погребений (Дэвлет, 1980. С. 16–17; Кузьмин, 2011. С. 196).

6. Прямоугольная пряжка с изображением двух стоящих быков/яков. 7 экз. (Т/13, 14; АТ1/11, АТ1/19, АТ1/48, АТ1/50, АТ1/64) (рис. 11, 1, 3). Все они отличаются размерами и, вероятно, отливались в разных формах. Аналогии встречаются главным образом на территории Минусинской котловины, откуда происходит несколько целых пряжек и фрагментов (всего

19 экз.), в основном это случайные находки, но есть экземпляры из раскопанных погребений (Дэвлет, 1980 С. 20–21, табл. 1–6). Одна пряжка найдена в погребении эпохи ранней Хань (II–I вв. до н. э.) в Маньчжурии (Kost, 2014. P. 221, pl. 17), и несколько случайных находок происходят, вероятно, с территории внутренней Монголии (Brosseder, 2011. P. 419; Bunker; Rawson, 1990. Cat. no. 222).

7. Пряжка с изображением двух верблюдов, объедающих листья с растущего между ними дерева или куста (АТ1/21) (рис. 11, 9). Несколько

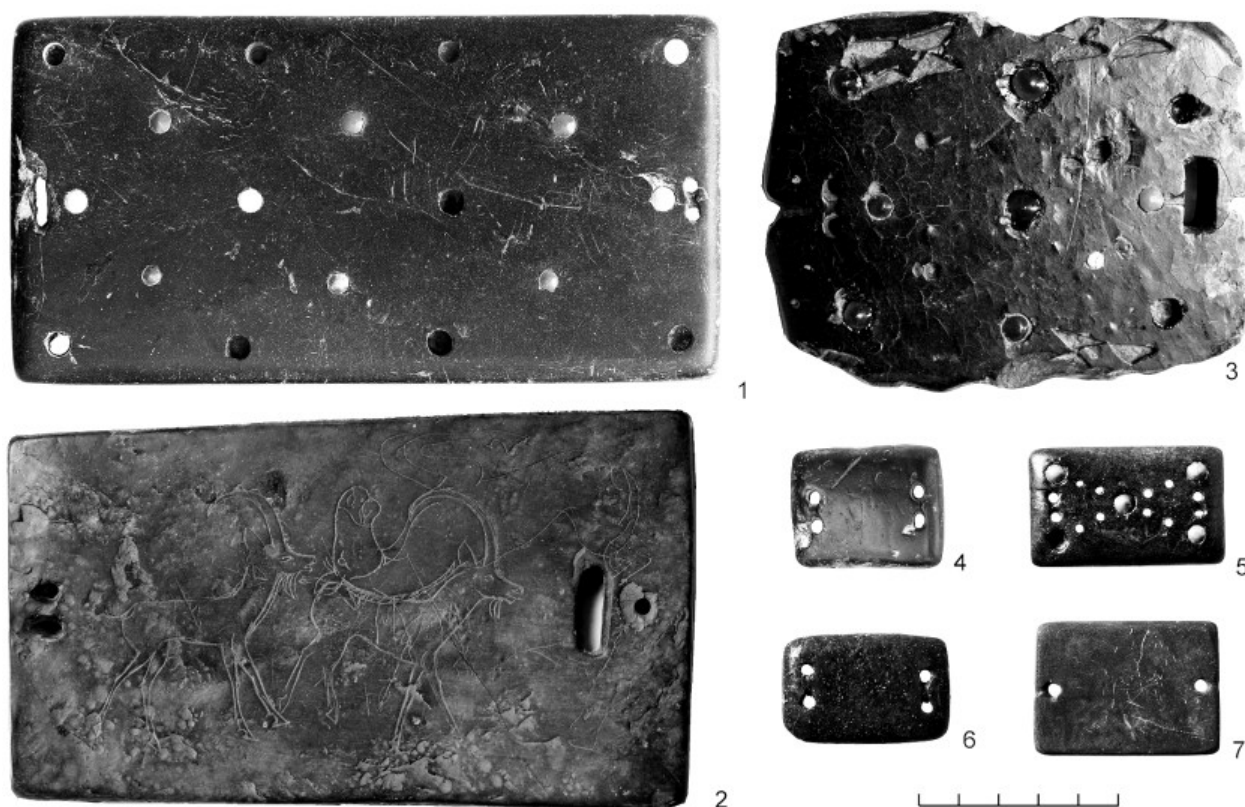

Рис. 13. Гагатовые поясные пластины и бляшки из могильника Ала-Тей 1: 1 – АТ1/29; 2 – АТ1/86; 3 – АТ1/35; 4, 5, 7 – АТ1/12; 6 – АТ1/23

Fig. 13. Belt jet plates and plaques from the cemetery of Ala-Tey 1: 1 – АТ1/29; 2 – АТ1/86; 3 – АТ1/35; 4, 5, 7 – АТ1/12; 6 – АТ1/23

случайных находок аналогичных пряжек происходят из Северного Китая, половинка такой пряжки обнаружена при раскопках могильника Даодуньцзы (Дэвлет, 1980. Fig. 2, 2; Kost, 2014. Pl. 23).

8. Фрагмент пряжки с изображением лошади с подогнутыми ногами (АТ1/23, скелет № 2) (рис. 11, 10). Он находился на поясе, рядом с неидентифицируемым обломком другой пряжки. Несколько подобных пряжек с одиночным изображением лошади с подогнутыми ногами известны в виде случайных находок с территории Северного Китая. Один экземпляр происходит из могильника Даодуньцзы (Kost, 2014. Pl. 7–8; Wagner, Butz, 2007. S. 2–3).

9. Пряжка с изображением двух кусающихся лошадей (АТ1/42). Аналогии известны в Минусинской котловине, Забайкалье, Китае.

10. Парная пряжка с изображением двух фантастических животных, напоминающих драконов с переплетенными хвостами, рогами и мордами

козлов (АТ1/47) (рис. 11, 11, 12). Аналогии известны главным образом в Северном Китае.

Ранее в Туве большие ажурные пряжки были практически неизвестны. Исключение составляет пряжка со сценой борьбы грифона и тигра из могильника Урбюн III и необычная пряжка, хранящаяся в Национальном музее Республики Тыва.⁸ На пряжке из музея изображена сцена нападения грифона или феникса на копытное животное, лошадь или яка (ее верхняя часть не сохранилась) (рис. 11, 4). Орнамент самой рамки необычный, нехарактерный для большинства известных подобных пряжек эпохи хунну. Тем не менее ее также можно включить в рассматриваемый круг памятников улуг-хемской культуры.

⁸ Пряжка была найдена местными жителями у горы Бижиктиг-Хая, неподалеку от пос. Кызыл-Даг (сейчас Булун-Терек) и передана в музей в 1980 г. Эта местность находится в 15 км к юго-западу от могильника Терезин. Предварительная информация о пряжке опубликована (Монгуш, 2017. С. 144–147).

Следует упомянуть, что некоторые из пластин-пряжек имели сохранившуюся деревянную подкладку или основу, представляющую собой небольшую дощечку с бортиками, размером чуть больше самой пряжки. Бронзовая пряжка помещалась в эту основу и закреплялась в ней ремешками или нитками через сквозные отверстия. Подобную деревянную подкладку имела и пряжка из Урбюна III, а также пряжки-пластины из Дырестуйского могильника в Забайкалье (Миняев, 1998. С. 34). Интересным является тот факт, что за единственным исключением (АТ1/47) пластины-пряжки в Туве встречаются только по одной в комплексе. Напротив, в забайкальских памятниках хунну они, в основном, парные. Таким образом, в большинстве случаев пряжки-пластины этого типа являлись в рассматриваемое время в Туве не пряжками в прямом смысле этого слова, а скорее центральным декоративным элементом поясного набора.

Бронзовые фигурные пряжки. 1. Круглая поясная пряжка, украшенная изображением шести голов грифонов, из разрушенного погребения на Терезине (Т/8) (рис. 12, 2). Близкие аналогии пока не известны.

2. Пряжка, форма которой образована сочетанием двух колец, сердцевидной фигуры и плавных изогнутых линий (АТ1/59) (рис. 12, 4). Она может быть сопоставлена с вышеописанной пряжкой из Терезина. Обе стилистически похожи на пряжки из Иволгинского могильника в Забайкалье, на которых изображены головки животных, а форма образована из нескольких колец и полуколец (Давыдова, 1996. Табл. 36, 3–4; 72, 36; Давыдова, Миняев, 2008. С. 104).

3. Пряжка в виде двух голов горных козлов (АТ1/57) (рис. 12, 3). Аналогичная пряжка известна из могильника Сибирка в Северо-Западном Алтае (Полосьмак, 1990. С. 104).

*Гагатовые поясные пластины и бляшки.*⁹ На территории Тувы такие изделия ранее были неизвестны. На могильниках Ала-Тей I и Терезин они найдены в нескольких женских погребениях в качестве украшений пояса.

⁹ Согласно анализу, проведенному в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), эти предметы изготовлены из ископаемого угля, поделочная разновидность которого называется гагат и с древнейших времен используется для производства украшений и декоративных изделий.

Большие пластины-пряжки обнаружены в четырех могилах (АТ1/29, 35, 86, Т/21) (рис. 13). Размеры пластины из АТ1/29 – 9 × 18 см (рис. 13, 1). Она украшена точечным орнаментом, углубления заполнены цветными вставками – бирюза, сердолик/кораллы (?), перламутр. В таком же стиле украшена пластина из АТ1/35 (рис. 13, 3). На узких сторонах пряжки отверстия: с одной стороны два круглых отверстия для крепления к поясу, с другой стороны одно, овальной формы, возможно, для застегивания. В погребении АТ/86 у пожилой женщины был полный поясной набор из гагата – большая пряжка-пластина, прямоугольные бляшки и массивное кольцо. Пряжка украшена интересной гравировкой, изображающей двух идущих горных козлов, в которых попадают стрелы (рис. 13, 2). Справа видны очертания лука со стрелой. К фигуре одного из козлов сверху вписано изображение лошади с вывернутым крупом. Очень похожее погребение было раскопано на могильнике Терезин (Т/21), где на поясе молодой женщины была гагатовая пряжка-пластина с гравированным тамгообразным знаком в виде «песочных часов». Стоявший в этой могиле вазовидный сосуд аналогичен сосуду из АТ1/86.

Размеры поясных бляшек 2,5–3 × 4–5 см (рис. 13, 4–7). На обеих узких сторонах пластин сделаны отверстия для крепления к поясу. Между отверстиями видны канавки-углубления, в которых, вероятно, размещались ремешки или нити. Одна из бляшек (АТ1/12) украшена X-образным точечным орнаментом, заполненным цветными вставками – кораллы или сердолик и бирюза (рис. 13, 5).

Подобные изделия, в том числе с идентичными инкрустациями, известны в археологических памятниках эпохи хунну в Забайкалье – на Иволгинском могильнике (Давыдова, 1996. С. 20–21) и городище (Давыдова, 1995. С. 39), в Дырестуйском могильнике и поселении Дурены (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 34, 87–89), в кургане № 54 в Ильмовой Пади (Коновалов, 2008. Рис. 48–49). Две каменные бляшки найдены в могильнике Даодуньцзы в Северном Китае (Kost, 2014. Pl. 89), а несколько больших пластин с орнаментом – в Средней Азии (Brosseder, 2011. P. 361; Paev, 2017. С. 291–304). Некоторые экземпляры обнаружены в захоронениях тесинской культуры в Минусинской котловине (Кузьмин, 2011. С. 197, 352,

табл. 41; рис. 41). Известны находки из Монголии (Treasures..., 2011. P. 134–135).

Бронзовые поясные бляшки. «Стандартным» украшением поясов на Ала-Тее 1 и Терезине являются небольшие прямоугольные шестилучевые бляшки (рис. 14, 1, 2), размерами около $2,5 \times 4$ см. Их насчитывается уже несколько десятков. На хорошо сохранившихся богатых поясах они располагались сбоку и сзади. Аналогичные бляшки известны в Косогольском кладе на юго-западе Красноярского края (Дэвлет, 1980. С. 15, рис. 6). Похожая бляшка происходит из могильника Даодуньцзы в провинции Нинся в Китае (Pan, 2011. P. 465, fig. 3). Возможно, такие шестилучевые бляшки являются упрощенным вариантом экземпляра, известного среди ордосских бронз (Дэвлет, 1980. Рис. 3–5). На могильнике Терезин, кроме шестилучевых, присутствуют две бляшки в виде пары быков или яков анфас (рис. 14, 3, 4), размером $2,8 \times 4,5$ см. Прямых аналогий этим бляшкам нам неизвестно. Хотя стилистически похожие изображения одиночных быков известны. Среди остатков разрушенного захоронения Т/19 найдена бронзовая бляшка с изображением двух кусающихся лошадей, являющаяся уменьшенной копией подобной большой пряжки, описанной выше. В нескольких погребениях Ала-Тее 1 найдены

небольшие бронзовые бляшки (размеры $2,7 \times 3,3$ см) с волутообразным орнаментом или девятью полусферами (рис. 14, 5, 6).

Раковины каури и их бронзовые имитации. В могильнике Ала-Тее 1 встречена только одна оригинальная раковина каури. Бронзовые же имитации каури (рис. 15, 1) обнаружены во многих захоронениях на Ала-Тее 1 и два экземпляра на Терезине (Т/12, Т/21). В погребении АТ1/81 находилась имитация каури из глинистого сланца. Во всех случаях они служили украшением пояса. Так, в погребении АТ1/29 13 бронзовых каури лежали по сторонам от большой гагатовой пластины-пряжки с инкрустациями (рис. 15, 2–6). В погребении АТ1/25 36 бронзовых каури были нашиты на пояс в два ряда.

Украшения поясов из раковин каури хорошо известны в захоронениях скифского времени, в том числе в Туве (Семенов, 2003. С. 21), а также последующих эпох. Пояса, украшенные раковинами каури или их имитациями, характерны для памятников хунну, например, Иволгинский могильник, где основная масса каури была изготовлена из глинистого известняка (Давыдова, 1996. С. 21, табл. 73), Дырестуйский могильник (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 93). В некоторых погребениях

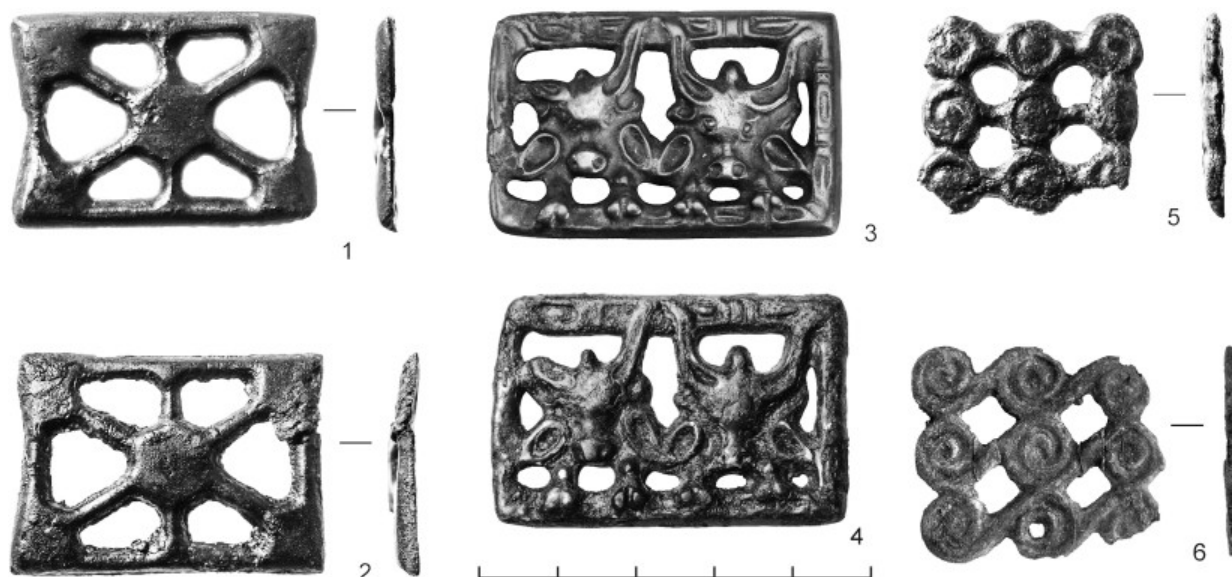

Рис. 14. Бронзовые поясные бляхи: 1, 2 – шестилучевые (АТ1/21); 3, 4 – с изображением двух быков анфас (Терезин, подъемный материал); 5 – с девятью полусферами (АТ1/12); 6 – с волутным орнаментом (АТ1/19)

Fig. 14. Bronze belt mounts: 1, 2 – hexactinal (AT1/21); 3, 4 – with representation of two bulls enface (Terezin, surface finds); 5 – with nine hemispheres (AT1/12); 6 – with volute design (AT1/19)

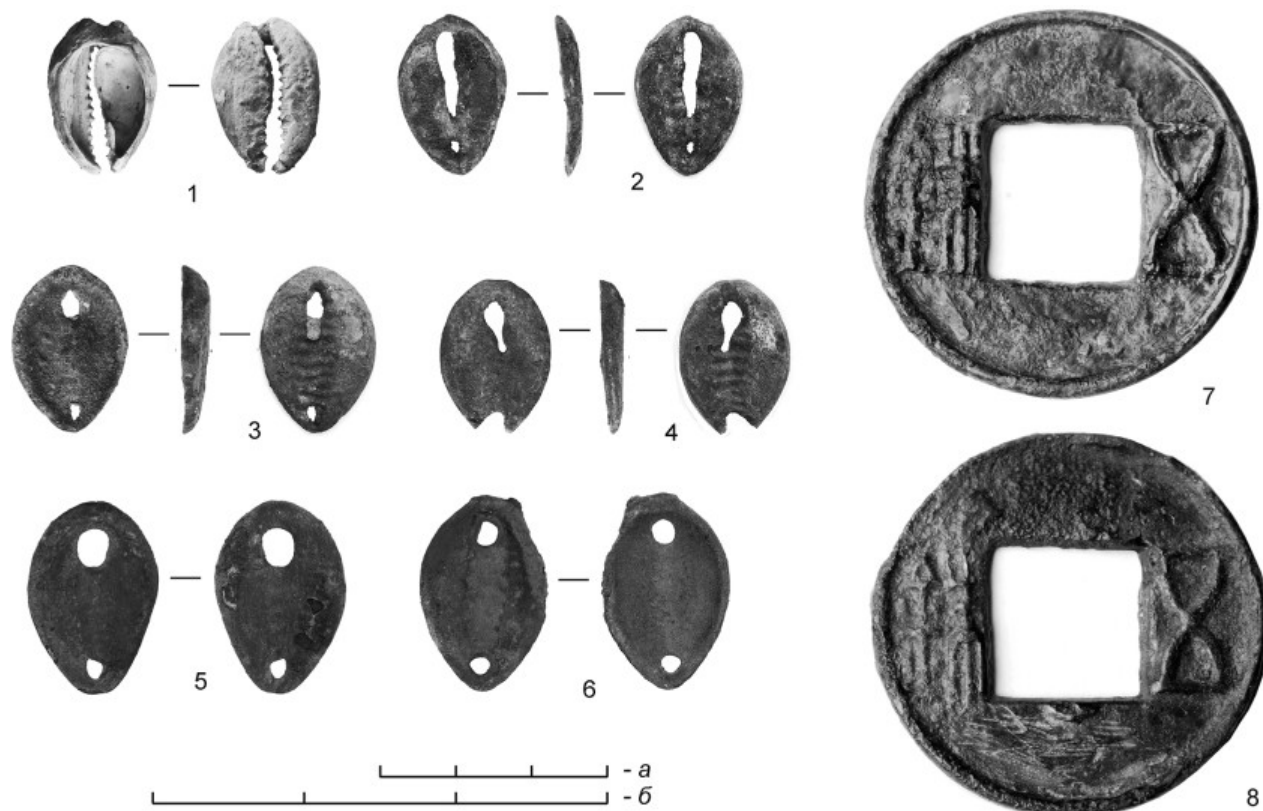

Рис. 15. Имитации раковин каури (1–6 – АТ1/25) и монеты у-шу (7, 8 – АТ1/29). Масштабы: а – для № 1–6; б – для № 7, 8. 1–8 – бронза

Fig. 15. Bronze imitations of cowry shells (1–6 – АТ1/25) and wushu coins (7, 8 – АТ1/29). Scales: а – for nos. 1–6; б – for nos. 7, 8. 1–8 – bronze

могильника Даодуньцзы раковины каури зафиксированы возле поясных пряжек (Kost, 2014. Р. 206, 208). В захоронениях периода Западной Хань, в Китае, пояса с раковинами каури также встречаются довольно часто (Brosseder, 2011. Р. 384).

Бронзовые ажурные поясные кольца. Ажурные бронзовые кольца диаметром 5–6 см найдены во многих погребениях на Ала-Тее 1 и Терезине (рис. 16, 5–8). Их основу составляют два круга, соединенные дуговидными линиями, образующими вихревой орнамент. В его верхней части находятся каплевидные фигуры, в которых можно видеть стилизованные головки птиц. Этот элемент поясного набора широко распространен на большинстве сопредельных территорий в эпоху хунну.

Железные и бронзовые поясные кольца. Стандартной деталью поясных наборов являются также простые металлические кольца диаметром около 3 см. В большинстве случаев они бронзовые, но есть и железные (рис. 16, 1, 2).

Каменные поясные кольца. В погребениях АТ1/21 и АТ1/60 найдены кольца из белого камня (глинистый известняк?) диаметром 4,5 см, являвшиеся частью поясного набора погребенных здесь женщин (рис. 16, 3). Такие кольца известны во многих археологических памятниках хунну, например, на Иволгинском могильнике (Давыдова, 1996. С. 21). В погребении АТ1/86 в состав поясного набора входило большое кольцо, вероятно, из гагата. В разрушенном погребении Т/23 найдено кольцо, возможно из светлого агальматолита, диаметром 10,5 см.

Ложечковидные наконечники ремней. Случайная находка одного экземпляра на могильнике Терезин и несколько находок в погребениях Ала-Тее 1, где все они являлись частью мужского поясного набора. Обычно они бронзовые (рис. 16, 11–13), но могут быть и костяные (рис. 16, 13). Распространены в памятниках хунну на всех сопредельных территориях.

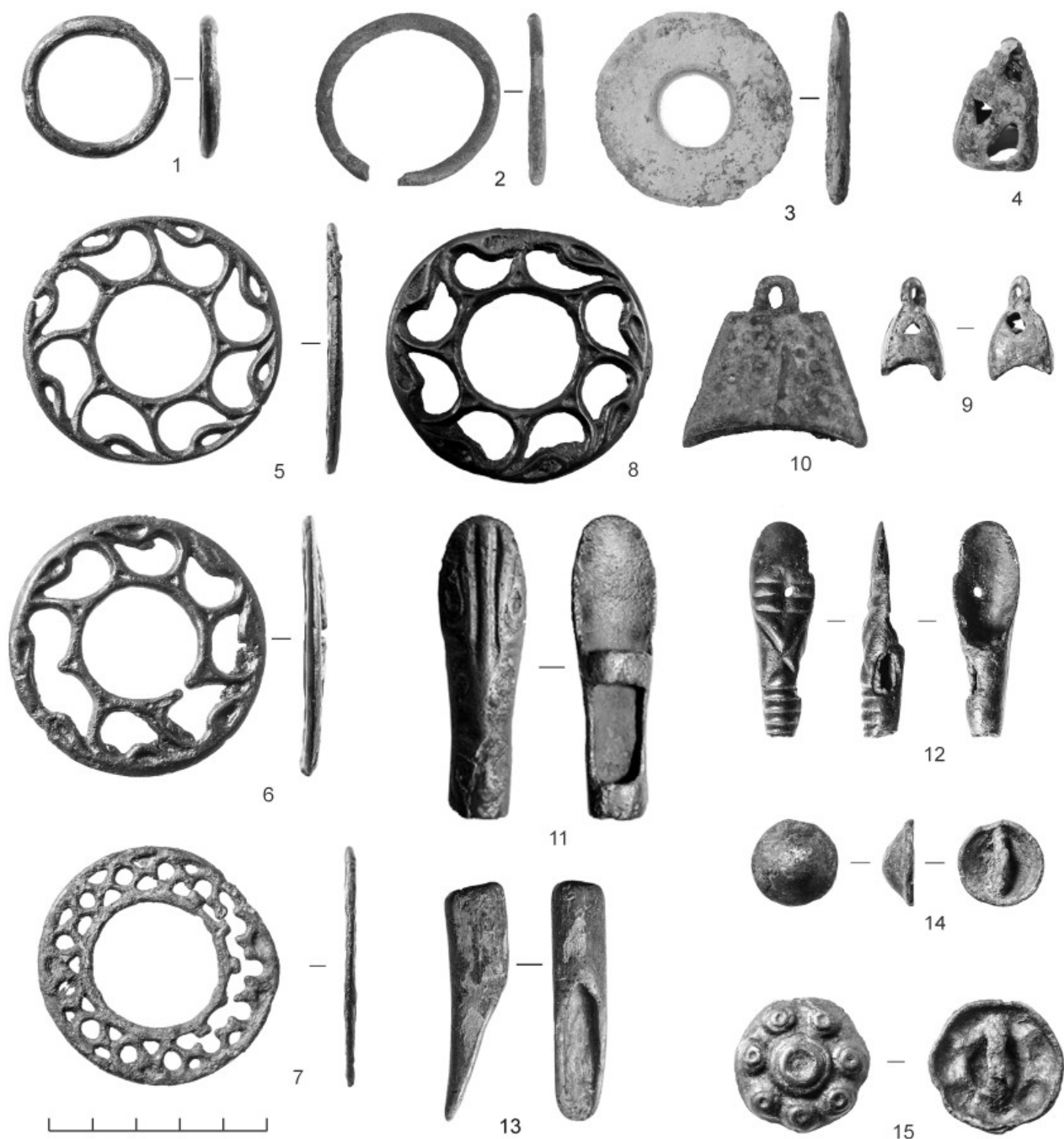

Рис. 16. Украшения пояса и одежды: 1, 2 – бронзовые кольца (АТ1/38, АТ1/47); 3 – каменное кольцо (АТ1/21); 4, 9, 10 – бронзовые колокольчики (Т/8; АТ1/47, АТ1/91); 5–8 – ажурные кольца (Т; АТ1/12, АТ1/21, АТ1/60); 11, 12 – бронзовые ложечковидные наконечники ремней (Т; АТ1/49); 13 – костяной наконечник ремня (АТ1/1); 14, 15 – бронзовые пуговицы (АТ1/46, АТ1/50)

Fig. 16. Ornaments of belt and clothes: 1, 2 – bronze rings (АТ1/38, АТ1/47); 3 – a stone ring (АТ1/21); 4, 9, 10 – small bronze bells (Т/8; АТ1/47, АТ1/91); 5–8 – openwork rings (Т; АТ1/12, АТ1/21, АТ1/60); 11, 12 – bronze spoon-shaped belt tips (Т; АТ1/49); 13 – bone tip of a belt (АТ1/1); 14, 15 – bronze buttons (АТ1/46, АТ1/50)

Пряжки для обуви. Во многих мужских погребениях около ступней располагались небольшие круглые пряжки из железа, служившие, вероятно, застежками для ремней обуви.

Украшения. Подвески-колокольчики. Случайная находка одного экземпляра на могильнике Терезин и несколько экземпляров из погребений Ала-Тей 1 (рис. 16, 4, 9, 10). Они известны во многих памятниках хунну в Забайкалье, Монголии, Китае, а в Туве также и в позднейших захоронениях скифского времени, например, на могильнике Хайыракан (Семенов, 2003. С. 50). Большой бронзовый колокольчик с точечным орнаментом найден в богатом захоронении девочки АТ1/91, где лежал у локтя правой руки.

Пуговицы. В нескольких погребениях Ала-Тей 1, обычно в районе шеи, находились бронзовые полу-

сферические пуговицы (рис. 16, 14, 15). В могиле АТ1/50 была пара пуговиц с орнаментом (рис. 16, 15).

Серьги. В нескольких женских погребениях на могильнике Ала-Тей 1 встречаются однотипные золотые и бронзовые серьги (рис. 17, 1, 2), представляющие собой скрученное из одного куска проволоки кольцо с маленькой петелькой, куда, возможно, крепились подвески из органических материалов. Конец проволоки, образующий петельку, расплюснен. Идентичные золотые серьги найдены, к примеру, в могиле № 13 могильника Даодуньцзы (Kost, 2014. P. 207, Pl. 99), в могиле 140 могильника Кешенжуан в Шанси (Pan, 2011. P. 466, Fig. 4). Похожие серьги, но с подвесками, распространены в это время в Минусинской котловине (Вадецкая, 1999. Рис. 65).

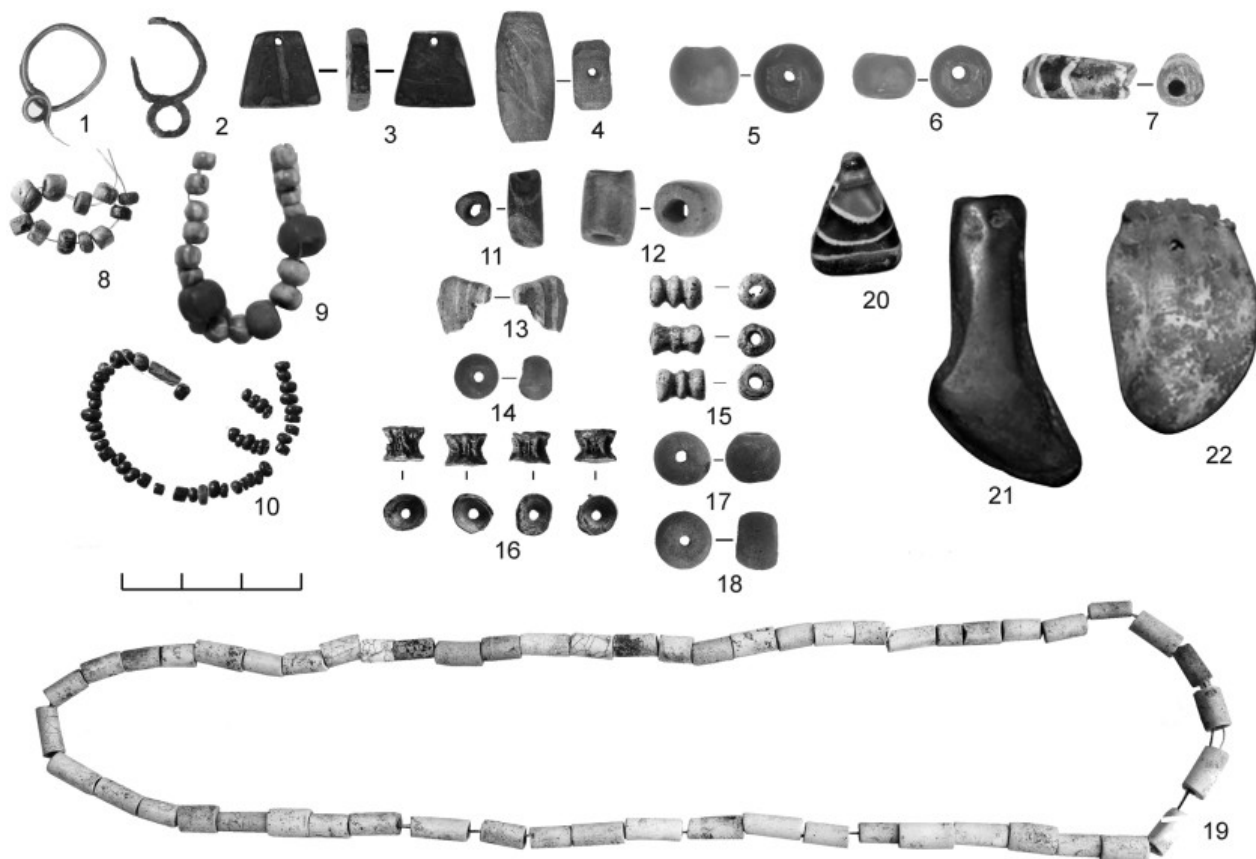

Рис. 17. Серьги, бусы, подвески: 1 – золотая серьга (АТ1/21); 2 – бронзовая серьга (АТ1/29); 3, 21 – каменные подвески (АТ1/31, Т); 4–6, 11, 12, 14, 17, 18 – каменные бусы (АТ1/24, АТ1/23); 7, 10, 13, 20 – стеклянные бусы и подвеска (АТ1/23; АТ1/2; Т); 8, 9 – костяные бусы (АТ1/11, АТ1/59); 16 – бусы из рыбьих позвонков (АТ1/23); 22 – подвеска из клыка марала (Т); 19 – аргиллитовые пронизки (АТ1/23)

Fig. 17. Earrings, beads, pendants: 1 – gold earring (AT1/21); 2 – bronze earring (AT1/29); 3, 21 – stone pendants (AT1/31, T); 4–6, 11, 12, 14, 17, 18 – stone beads (AT1/24, AT1/23); 7, 10, 13, 20 – glass beads and a pendant (AT1/23; AT1/2; T); 8, 9 – bone beads (AT1/11, AT1/59); 16 – beads from fish vertebrae (AT1/23); 22 – pendant from Siberian stag's tusk (T); 19 – strings of argillite beads (AT1/23)

Бусы и подвески. На Ала-Тее 1 и Терезине найдены полихромные бусы и треугольные подвески (рис. 17, 7, 13, 20). Среди остатков разрушенного погребения Т/23 найдено пять треугольных полихромных подвесок, соединенных между собой нитью с бисером. Такие подвески известны в Северном Причерноморье, где распространены с I в. до н. э. по II в. н. э., но наиболее характерны для рубежа эр (Алексеева, 1978. С. 43, табл. 27; Lankton, 2003. Fig. 6.0, no. 568). Аналогичные изделия встречаются в эпоху хунну на соседних территориях – в Минусинской котловине (Вадецкая, 1999. С. 68), Забайкалье (Давыдова, 1996. С. 22). На Терезине (Т9) обнаружена подвеска из когтя медведя в виде ноги человека (?) (рис. 17, 21). Также на обоих могильниках представлены разнообразные бусы из сердолика, кости, золота и бронзы (рис. 17, 2–6, 8–12, 14, 16 18, 19). Пояс молодой девушки из АТ1/23 был украшен многочисленными пронизками из аргиллита, рыбьими позвонками (рис. 17, 15), сердоликовыми бусинами, подвеской из клыка марала (рис. 17, 22), также к нему крепились железные кольца, а в центре находились обломки пряжки с изображением лошади (рис. 11, 10). Похожий пояс, также принадлежавший молодой женщине, известен из погребения № 23 в каменном ящике на могильнике Суглуг-Хем (Семенов, 2003. Табл. 38, 41) и является характерной деталью костюма в позднескифское время в Туве. Некоторые пояса украшались мелким бисером из стеклянной пасты – в погребении молодой женщины из Т/21 на поясе было около 1400 бисерин.

Монеты. Две бронзовые китайские монеты у-шу служили украшением пояса молодой девушки (АТ1/29). Монеты этого типа дают нам *terminus post quem* для этого погребения – 118 год до н. э.¹⁰ (рис. 15, 7, 8).

Зеркала. Целые зеркала и их фрагменты обнаружены на обоих могильниках (рис. 18). В основном, это китайские зеркала эпохи Западной Хань

¹⁰ В научной литературе обычно используется дата 118 г. до н. э., но первые монеты у-шу, выпускавшиеся в 118–115 гг. до н. э., были тяжелее и больше диаметром, чем все последующие (Hartill, 2005. P. 85). Поэтому для обычных ханьских у-шу *terminus post quem* будет 115 г. до н. э. Сохранность монет и качество самой отливки не всегда позволяют провести их более точную идентификацию и датировку.

или же, чаще всего, их местные копии. Единственным исключением является простое круглое бронзовое зеркало с петельчатой ручкой из АТ1/29 (рис. 18, 7). На могильнике Терезин найдено два целых и фрагменты трех зеркал: одно оригинальное китайское из «белой» бронзы (случайная находка) (рис. 18, 2) остальные это местные копии (рис. 18, 1, 3). Одно из этих зеркал довольно необычно – оно было отлито по образцу ханьского, но с боковой петельчатой ручкой (рис. 18, 3), что более характерно для зеркал позднескифского времени в Туве.

Зеркала встречаются в женских погребениях, слева на груди или возле плеча, в Т/21 зеркало в войлочном чехле было помещено в специальную орнаментированную коробочку из дерева и бересты, стоявшую слева за головой погребенной. Основную массу составляют пока зеркала с орнаментом «звездные туманности» (рис. 18, 1, 2, 8). Кроме того, несколько зеркал имеют иероглифическую надпись (рис. 18, 6). Такие же зеркала найдены в Минусинской котловине, при раскопках могильника у Есинской МТС (Вадецкая, 1999. С. 245, рис. 95) и на Алтае (Тишкин, 2006. С. 114, рис. 1, 4). Иероглифы образуют текст: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 118–119). Все эти зеркала относятся к эпохе Западной Хань (II–I вв. до н. э.). Два фрагмента китайских зеркал с Ала-Тее 1 датируются более ранним периодом истории Древнего Китая – эпохой Сражающихся царств: зеркало с Т-образными символами (рис. 18, 5) и зеркало с орнаментом в виде зигзагообразных ромбов и спиралей (рис. 18, 4). Еще один целый экземпляр (из АТ1/50) является, вероятно, копией зеркала с орнаментом в виде запятых. Эти зеркала также датируются эпохой Сражающихся царств (Там же. С. 9), а точнее ее второй половиной (Karlgrén, 1941. P. 58–59, Pl. 10, C 12).

Датировка и культурная принадлежность. Исходя из вещевого комплекса захоронений Ала-Тее 1 и Терезина, можно предположить их датировку второй половиной II – I в. до н. э. Эту дату подтверждают параллели с находками из могильника Даодуньцзы, датируемого периодом средней и поздней Западной Хань (Kost, 2014. P. 205), то есть также второй половиной II – I в. до н. э., Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. С. 24–25)

Рис. 18. Бронзовые зеркала и их фрагменты: 1 – Т/12; 2, 3 – Терезин, подъемный материал; 4 – АТ1/31; 5 – АТ1/2; 6 – АТ1/25; 7 – АТ1/29; 8 – АТ1/57

Fig. 18. Bronze mirrors and their fragments: 1 – T/12; 2, 3 – Terezin, surface finds; 4 – AT1/31; 5 – AT1/2; 6 – AT1/25; 7 – AT1/29; 8 – AT1/57

и др. В целом, этому не противоречат и радиоуглеродные AMS-датировки, полученные по образцам из зубов погребенных.¹¹

Всего в лабораториях Упсалы (Швеция) и Кельна (Германия) получены три AMS-даты для могильника Терезин и восемь AMS-дат для могильника Ала-Тей 1 (рис. 19): Т/2: 2085 ± 30 ВР (Ua-37039); Т/9: 2066 ± 30 ВР (Ua-38546); Т/12: 2044 ± 31 ВР (Ua-38547) и АТ1/8: 2077 ± 28 ВР (Ua-53168); АТ1/11: 2092 ± 27 ВР (Ua-53169); АТ1/12: 2144 ± 27 ВР (Ua-53170); АТ1/19: 2240 ± 34 ВР (COL-4237); АТ1/23а: 2129 ± 34 ВР (COL-4238); АТ1/25: 2183 ± 36 ВР (COL-4239); АТ1/29: 2005 ± 34 ВР (COL-4240); АТ1/31: 2096 ± 34 ВР (COL-4241).

¹¹ Исключая слишком ранние даты для погребений А-Т/19 и А-Т/25, что связано, вероятно, с удревнением их радиоуглеродного возраста в связи с воздействием резервуарного эффекта или какой-то иной погрешностью.

Находки полихромных бусин и двух китайских монет у-шу предполагают датировку некоторых погребений не ранее I в. до н. э.

Коллекция китайских зеркал из могильников Терезин и Ала-Тей 1 содержит экземпляры, относящиеся к династии Западная Хань (II–I вв. до н. э.). Три зеркала относятся к периоду Сражающихся царств, то есть применительно к территории Тувы это скифское время. При этом пока не обнаружено ни одного более позднего зеркала эпохи Восточной Хань (I–II вв. н. э.), например, широко распространенных в это время зеркал TLV.

Предметы материальной культуры из могильников Ала-Тей 1 и Терезин позволяют однозначно отнести их к культуре хунну. В то же время погребальный обряд сохраняет некоторые черты предшествующей скифской культуры: основная масса погребений совершена в каменных ящиках, некоторые из погребенных лежат на боку с подо-

OxCal v4.3.1 Bronk Ramsey (2017); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

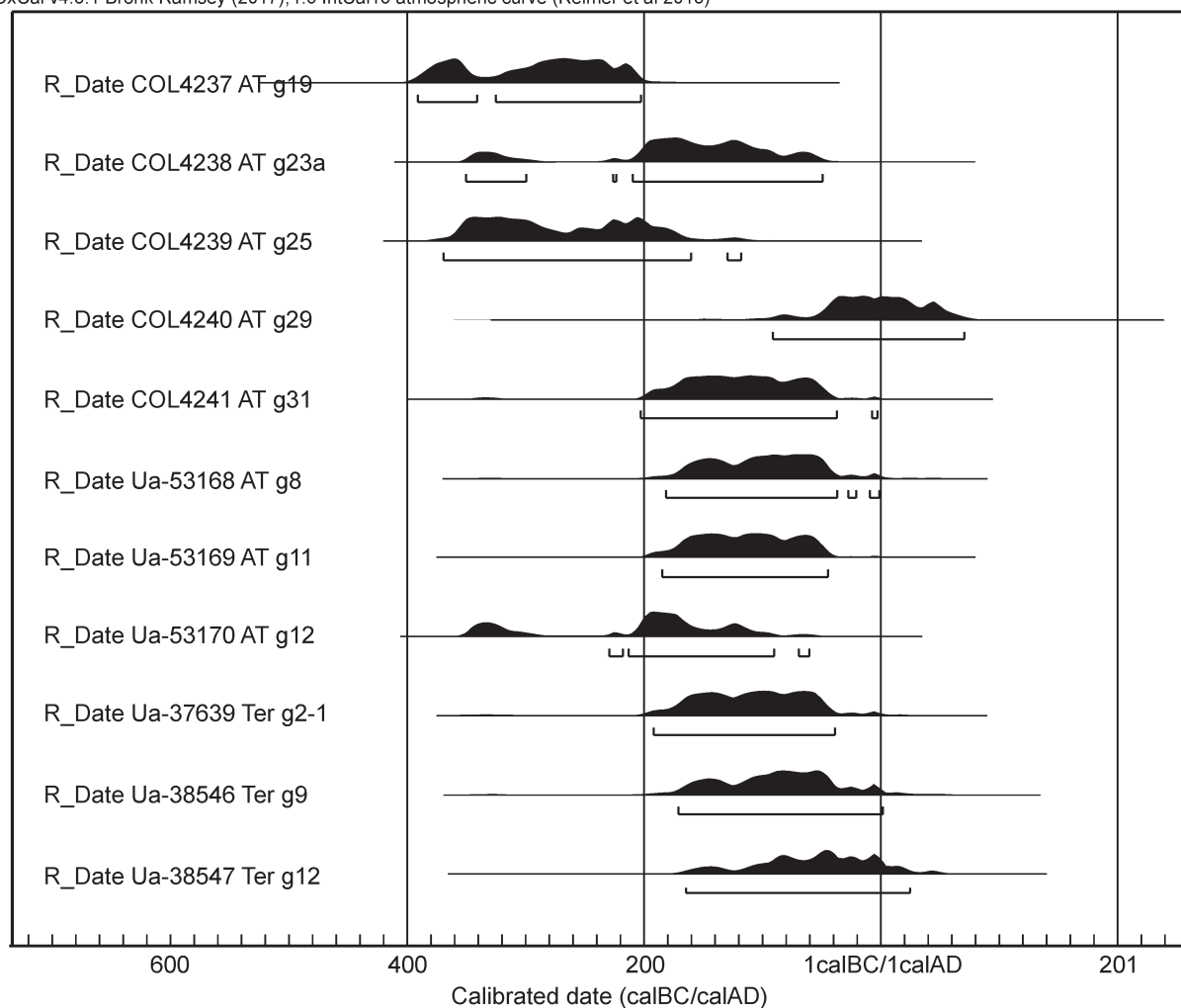

Рис. 19. AMS-даты для могильников Ала-Тей 1 и Терезин
Fig. 19. AMS dates for the cemeteries of Ala-Tey 1 and Terezin

гнутыми ногами, встречаются «камни-подушки» под головой. Сюда же относится описанное выше погребение из могильника Урбюн III. Оно практически идентично могиле № 2 на Терезине, в которой отсутствует только большая бронзовая пряжка. Впрочем, основная часть погребений могильника Ала-Тей 1 уже другая, она близка по обряду именно культуре хунну: захоронения вытянуто на спине, в каменных ящиках или деревянных внутримогильных сооружениях, вероятно, гробах, иногда в простых грунтовых могилах. При этом разные типы погребального обряда, несомненно, единовременны – нахождение в одном компактном могильнике, идентичный погребальный инвентарь, радиоуглеродные датировки.

Погребения в каменных ящиках не являются редкостью в археологических памятниках хунну. К примеру, в Дырестуйском могильнике в Забайкалье около трети всех захоронений были совершены в каменных ящиках (Миняев, 2007. С. 24). Несколько подобных сопроводительных погребений было раскопано вокруг курганов хуннской знати на могильнике Тахилтын-Хонгор в Западной Монголии – захоронения в каменных ящиках, на спине с подогнутыми ногами (Miller et al., 2009a. P. 308–311, fig. 6). В хуннском могильнике Шомбужин-Белчир в монгольском Алтае, кроме обычных хуннских погребений в деревянных гробах, также есть захоронения в каменных ящиках с деревянным перекрытием, где погребенные лежат

вытянуто на спине (*Miller at al.*, 2009b. P. 10–16). Деревянные гробы в рядовых захоронениях хунну нередко имеют вокруг каменную обкладку (Дуурлиг нарсны..., 2015. Зураг 51–52, 67). Большой круг аналогий встречается в тесинской культуре Минусинской котловины. По мнению Д. Г. Савинова и Н. Ю. Кузьмина, носители тесинской культуры пришли через территорию Тувы, принеся с собой новые формы керамических сосудов и поясных украшений (*Кузьмин*, 2011. С. 238; *Савинов*, 2009. С. 102–103).

Можно предположить, что в это время (II–I вв. до н. э.) в Центральной Туве, в ключевом месте у входа Енисея в Саянский каньон (традиционный исторический путь из Тувы в Минусинскую котловину), появились новые группы населения, чей приход был связан с северной экспансией хунну. Это могли быть как сами хунну (тем более что в Туве известны захоронения хуннской знати – могильник Бай-Даг II, расположенный примерно в 40 км к востоку от Ала-Тей 1 – *Мандельштам, Стамбульник*, 1992. С. 197–198), так и какие-то другие, связанные с ними племена. Произошло вытеснение основной массы местного скифского населения, а его остатки были ассимилированы. В этот момент в Туву попадают большие поясные пряжки-пластины и традиция их изготовления. Большинство бронзовых предметов из могильников Терезин и Ала-Тей 1, вероятно, изготовлены местными мастерами, что подтверждается и результатами металлографического анализа (*Хаврин*, 2016. С. 105–107). Эти яркие, высокохудожественные изделия появляются в Туве на относительно короткий срок и маркируют непосредственно эпоху смены культурных традиций и ее активных участников – носителей материальной культуры хунну. Дополнительную информацию об этом могут дать ожидаемые результаты палеогенетического анализа материала в отношении особенностей женского и мужского генофонда популяции из могильника Ала-Тей 1.¹²

Заключение. В 1971 г. А. Д. Грачом была выделена улуг-хемская археологическая культура, памятники которой были исследованы в Улуг-Хемской котловине Центральной Тувы. Они за-

нимают хронологическую нишу между уюкско-саглынской и кокэльской культурами. После открытия в последние годы в Центральной Туве могильников Ала-Тей 1 и Терезин стало возможным уточнить датировку и некоторые отличительные признаки улуг-хемской культуры, а также ее место в кругу центральноазиатских древностей эпохи хунну.

Отличительными признаками этой культуры являются захоронения в грунтовых могилах, каменных ящиках и деревянных гробах с каменной обкладкой, одиночные, реже парные. Какие-либо надмогильные сооружения обычно отсутствуют. Погребенные лежат вытянуто на спине, но иногда на боку или скорченно с подогнутыми ногами. В могилах обнаруживается характерный погребальный инвентарь, имеющий аналогии в памятниках хунну на сопредельных территориях. Основной тип керамических сосудов представлен баночной формой, но есть и сероглиняные вазы, сделанные на поворотной подставке, аналогичные найденным в захоронениях хунну в Забайкалье и Монголии. Иногда встречаются небольшие сосуды с перегородкой, возможно, светильники. Наиболее яркой деталью женского погребального инвентаря являются поясные наборы, центральный декоративный элемент которых составляют бронзовые ажурные поясные пряжки-пластины с зооморфным и геометрическим орнаментом, находящие параллели в искусстве хунну и ордосских бронзах. Сюда же относятся инкрустированные пряжки-пластины и поясные бляшки из гагата. Предметы вооружения, китайские монеты и зеркала, пряжки, украшения и другие предметы погребального инвентаря также имеют аналогии в памятниках хунну и хронологически близких археологических культурах Саяно-Алтая.

Выделение улуг-хемской археологической культуры представляется вполне обоснованным. Она отражает именно переходную эпоху от скифского к гунно-сарматскому (или хунно-сяньбийскому) времени и характеризуется специфическими типами погребального обряда и материальной культурой. Дальнейшие раскопки могильников Ала-Тей 1 и Терезин, а также поиск в Туве новых памятников хунну позволят более точно восстановить эту интереснейшую эпоху в истории Центральной Азии.

¹² Палеогенетические исследования проводятся в Межинститутском секторе молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН.

- Алексеева*, 1978 – *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. (САИ; Вып. Г 1–12, Т. 2).
- Вадецкая*, 1999 – *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999 (Archaeologica Petropolitana; VII).
- Грач*, 1971 – *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15.
- Давыдова*, 1995 – *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1995. Т. 1: Иволгинское городище.
- Давыдова*, 1996 – *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1996. Т. 2: Иволгинский могильник.
- Давыдова, Миняев*, 2008 – *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Художественная бронза сюнну. СПб., 2008.
- Длужневская, Савинов*, 2007 – *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.
- Дуурлиг нарсны...*, 2015 – *Дуурлиг нарсны Хунну булш-II.* Research report on Korean-Mongolian joint expedition in Mongolia VI. Улаан-Батор, 2015 (на монг. яз.).
- Дэвлет*, 1980 – *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1980 (САИ; Вып. Д 4–7).
- Килуновская, Леус*, 2017а – *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Могильник Ала-Тей и памятники хунну в Туве // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез», 14–18 ноября 2017 г. СПб., 2017.
- Килуновская, Леус*, 2017б – *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. 2017. Вып. 247.
- Комиссаров*, 2006 – *Комиссаров С. А.* Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // Двадцать седьмая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1996.
- Коновалов*, 2008 – *Коновалов П. Б.* Усыпальница хуннского князя в Суджи. Ильмовая падь, Забайкалье. Улан-Удэ, 2008.
- Кузьмин*, 2011 – *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб., 2011.
- Леус*, 2008 – *Леус П. М.* Терезин – новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве (предварительное сообщение) // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М., 2008. Т. II.
- Леус, Бельский*, 2016 – *Леус П. М., Бельский С. В.* Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. СПб., 2016. Вып. 22.
- Лубо-Лесниченко*, 1975 – *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975 (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
- Мандельштам, Стамбульник*, 1992 – *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).
- Миняев*, 2007 – *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник (2-е изд., доп.). СПб., 2007 (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).
- Монгуш*, 2017 – *Монгуш К. М.* Уникальная находка ажурной пряжки со сценой терзания из Центральной Тувы (предварительное сообщение) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. Новосибирск, 2017.
- Памятники кокзельской культуры... 2010 – Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования / ред. Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Лазаревская Н. А. СПб., 2010.
- Полосьмак*, 1990 – *Полосьмак Н. В.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1990.
- Раев*, 2017 – *Раев Б. А.* Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Unique Leonem: Сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна. СПб., 2017.

- Савинов, 1969* – *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119: Памятники раннего железного века.
- Савинов, 2009* – *Савинов Д. Г.* Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009.
- Савинов, 2010* – *Савинов Д. Г.* История открытия и проблемы изучения памятников кокзальской культуры // Памятники кокзальской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010.
- Семенов, 2003* – *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан. Могильники скифского времени в центрально-тувинской котловине. СПб., 2003.
- Стамбульник, 1983* – *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ). Л., 1983.
- Тишкин, 2006* – *Тишкин А. А.* Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006. № 4.
- Трифонов, 1970* – *Трифонов Ю. И.* Исследования в Центральной Туве (могильники Аргалыкты I и VIII) // АО 1969. М., 1970.
- Трифонов, 1976* – *Трифонов Ю. И.* Новый тип памятников раннего железного века в Туве // КСИА. 1976. Вып. 147.
- Хаврин, 2016* – *Хаврин С. В.* Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) // АВ. СПб., 2016. Вып. 22.
- Харинский, Коростелев, 2011* – *Харинский А. В., Коростелев А. М.* Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган Хушун II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011.
- Худяков и др., 1999* – *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4.
- Brosseder, 2011* – *Brosseder U.* Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Mfiglennia // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Bunker, 2002* – *Bunker E.* Nomadic Art of the eastern Eurasian steppes. New York, 2002.
- Bunker, Rawson, 1990* – *Bunker E., Rawson J.* Ancient Chinese and Ordos bronzes. Hong Kong, 1990.
- Hartill, 2005* – *Hartill D.* Cast Chinese coins. Trafford Publishing, 2005.
- Karlgren, 1941* – *Karlgren B.* Huai and Han // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1941. N 13.
- Kost, 2014* – *Kost C.* The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn, 2014 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 6).
- Lankton, 2003* – *Lankton J. W.* A Bead Timeline. Vol. I: Prehistory to 1200 CE. Washington, 2003.
- Leus, 2011* – *Leus P.* New finds from the Xiongnu period in Central Tuva // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Miller et al., 2009a* – *Miller B., Baiarsaikhan Z., Egiimaa T, Konovalov P., Logan J.* Elite Xiongnu Burials at the Periphery: Tomb Complexes at Takhiltyn Khotgor, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009.
- Miller et al., 2009b* – *Miller B., Baiarsaikhan J., Egiimaa T, Konovalov P., Logan J, Machicek M.* Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008 // The Silk Road. 2009. Vol. 7.
- Pan, 2011* – *Pan Ling.* Summary of Xiongnu sites in Northern China // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Rawson, 1995* – *Rawson J.* Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. London, 1995.
- Treasures..., 2011* – *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia.* Ulaanbaatar, 2011.
- Wagner, Butz, 2007* – *Wagner M., Butz H.* Nomadenkunst: Ordosbronzen der Ostasiatischen Kunstsammlung. Mainz, 2007 (Archäologie in Eurasien. Bd 23).

New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus

According to Alexander D. Grach, burials of the Ulug-Khem culture were made mostly in stone cysts close to the ancient ground surface or, rarer, in flat graves. Not infrequently they are found as intrusive burials in burial pits of Scythian kurgans. The flexed on the side position predominated with the head oriented to the west. Grave offerings are not rich, mostly iron objects; the pottery differs from the Scythian ceramics. The most numerous burials of this type in stone cysts or flat graves were found at the burial ground of Aymyrlyg and the cemetery of Argalykty I. Into this group, an intrusive grave from the cemetery of Urbyun III must be included where grave goods characteristic of the Xiongnu culture were uncovered, i.e. bone bow mounts and arrowheads, pottery, a bronze belt plate with a scene of a struggle of a feline predator with a griffon.

The identification of the specific Ulug-Khem culture occupying a chronological niche between the Late Scythian period and the Kokel culture was entirely blended with the series of the archaeological cultures of Tuva. This supposition was however criticized because the number of excavated sites was rather small

and the grave goods retrieved from them, with rare exceptions, were fairly scanty and hardly diagnostic.

During recent years, two new cemeteries of the Xiongnu period were found in Tuva, i. e. Terezin and Ala-Tey I, which also can be attributed to the Ulug-Khem archaeological culture. The finds from these cemeteries allow us to formulate more precisely the identification signs of the Ulug-Khem culture and to confirm the justification of its distinguishing. Sites of the Ulug-Khem archaeological culture are characterized by a specific burial rite: it is flat grave burials in stone cysts or wooden coffins where the interred lay extended on the back, although sometimes they were found lying on the side with flexed legs. The grave offerings include specific types of pottery (jar-like, vase-like and partitioned vessels), bow plates of the Xiongnu type, peculiar arrowheads, openwork bronze buckles and plates in the animal style, inlaid jet buckles, Chinese mirrors and their imitations, Chinese coins etc. Through radiocarbon AMS analysis and certain items of the funerary offerings, Terezin and Ala-Tey I are preliminarily datable to the late 2nd – 1st century BCE.

ЗООМОРФНЫЕ И АНТРОПОМОРФНЫЕ ПРЯЖКИ И КОНТАКТЫ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ С ВИЗАНТИЕЙ В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ¹

М. М. Казанский²

Аннотация. Рассматриваются пряжки с рельефным зооморфным и антропоморфным декором (конец V – середина VI в.), свидетельствующие о контактах восточной части бассейна Балтийского моря с Восточной Римской империей на поздней фазе эпохи переселения народов. Эти пряжки прямо или опосредованно отражают связи между Балтикой и Византией и, возможно, связаны с присутствием скандинавов на территории Империи. Эти византийско-балтийские контакты, возможно связанные с распространением престижной воинской моды, могли осуществляться через Центральную Европу, по знаменитому «янтарному пути» и затем по системе циркумбалтийских речных и морских путей.

Annotation. The objects here considered are buckles with relief zoomorphic and anthropomorphic decoration (late 5th – mid-6th century) indicating contacts between the eastern part of the Baltic Sea basin and the Eastern Roman Empire during the later phase of the Great Migration period. These buckles directly or indirectly reflect the connection between the Baltic region and Byzantine Empire and, perhaps, were introduced with the appearance of the Scandinavians in the territory of the Empire. With the Byzantine-Baltic contacts, the spread of the prestigious military fashion was possibly related and they can have been realised via Central Europe, the famous 'Amber Route' and further on through the system of the circumBaltic riverine and sea routes.

Ключевые слова: эпоха переселения народов, Восточная Прибалтика, пряжки, византийско-балтийские контакты, воинская мода.

Keywords: Great Migration Period, Eastern Baltic region, buckles, Byzantine-Baltic contacts, military fashion.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-153-168

В данной статье будут рассмотрены некоторые археологические свидетельства контактов Восточной Прибалтики (от Восточной Пруссии до Остроботнии) с Восточной Римской империей на поздней фазе эпохи переселения народов (середина V – середина VI в.) и равным образом затронут вопрос путей осуществления этих контактов. Собственно позднеримских/ранневизантийских импортов интересующего нас времени в Восточно-Балтийском регионе немного (рис. 1). Это солиды Феодосия II, Зенона и Валентиниана III в Вёро-Гуллдутт (Vöyri-Gulldunt) (Kivikoski, 1973. Taf. 34, 284; Kyhlberg, 1986. P. 46; Erä-Esko, 1986. Abb. 12) и золотая

монета Льва I в Исокюрё-Пуккила (Isokyrö-Pukkiila) (Kyhlberg, 1986. P. 46), все из Остроботнии. Известны отдельные находки ранневизантийских монет в Латвии: солид Анастасия (491–514 гг.), найденный в Енгуре (Engure), на морском побережье к западу от двинского устья и бронзовая монета Юстиниана I, найденная в Разас (Razas), на правом берегу нижнего течения Западной Двины (Казанский, 2010а. С. 103, там же библиография). Имеются находки позднеримских/ранневизантийских солидов и в Эстонии, на о. Саарема, в Пайю (Paju) – монета Валентиниана III и в Вайке-Вилсанди (Vaike-Filsandi/Vilsandi) – монета Феодосия II (Там же. С. 67, там же библиография). Особое внимание исследователей привлекли серебряные позднеримские/ранневизантийские сосуды из Криймани (Kriimani) и Варнья (Varnja (рис. 1, 4–6), с территории Восточной Эстонии (см. подробнее Quast, Tamla, 2010; Казанский, 2010б). Возможно, имитацией ранневизантийского образца является

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Методы элементного и изотопного анализов в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)», грант № 16-06-00058-А).

² Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France. E-mail: michel.kazanski@college-de-france.fr.

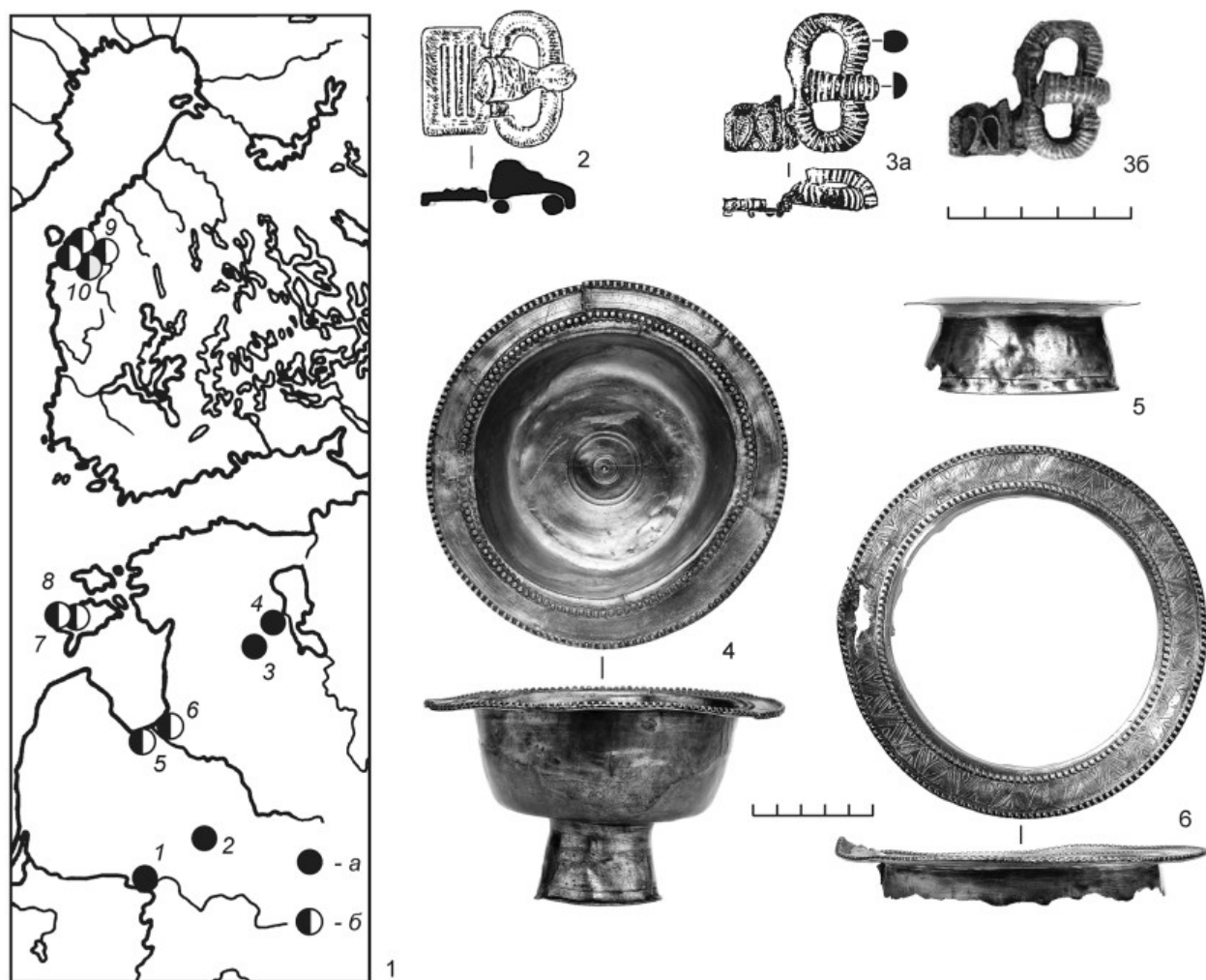

Рис. 1. Ранневизантийские вещи в Восточной Прибалтике: 1 – карта (а – находки позднеримских/ранневизантийских предметов середины V – середины VI в.; б – находки позднеримских/ранневизантийских монет середины V – середины VI в.): 1 – Марвеле (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXI, 3); 2 – Таурапилис (*Bliujienė et al.*, 2017. Fig. 3); 3 – Варнья (*Quast, Tamla*, 2010. Fig. 3); 4 – Криймани (*Quast, Tamla*, 2010. Fig. 4); 5 – Енгуре; 6 – Разас; 7 – Пайю; 8 – Вайке-Вилсанди; 9 – Веро-Гуллдунт; 10 – Исокюре-Пуккила. Находки: 2 – Марвеле; 3а–б – Таурапилис; 4 – Криймани; 5, 6 – Варнья

2 – бронзовый сплав; 3 – железо; 4–6 – серебро

Fig. 1. Early Byzantine objects in Eastern Baltic Sea region: 1 – map (a – finds of late Roman/early Byzantine objects of the mid-5th – mid-6th century; б – finds of late Roman/early Byzantine coins of the mid-5th – mid-6th century): 1 – Marvelė (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXI, 3); 2 – Taurapilis (*Bliujienė et al.*, 2017. Fig. 3); 3 – Varnja (*Quast, Tamla*, 2010. Fig. 3); 4 – Kriimani (*Quast, Tamla*, 2010. Fig. 4); 5 – Engure; 6 – Razas; 7 – Paju; 8 – Väike-Vilsandi; 9 – Vöyri-Gulldunt; 10 – Isokyrö Pukkila. Finds: 2 – Marvelė; 3a–б – Taurapilis; 4 – Kriimani; 5, 6 – Varnja

2 – bronze alloy; 3 – iron; 4–6 – silver

инкрустированная пряжка с прямоугольным щитком и овальной рамкой из «вождеского» погребения в Таурапилисе (Taurapilis), в Литве (рис. 1, 3) (подробнее *Quast*, 1993. S. 86, 87). Наконец, назовем ранневизантийскую/понтийскую пряжку из погребения № 331 литовского могильника Марвеле (Marvelė) (рис. 1, 2) (*Bertašius*, 2005. Taf. CLXI, 3, CXCI, 2; *Казанский*, 2013). В Скандинавии собственно ранневизантийских вещей не много, но

здесь для V–VI вв. хорошо зафиксирован значительный приток ранневизантийских солидов (см. например: *Fagerlie*, 1967; *Kyhlberg*, 1986; из последних работ: *Fischer et al.*, 2011; *Fischer*, 2014; *Fischer, López Sánchez*, 2016), что указывает на гораздо более тесные связи этого региона со Средиземноморьем.

Однако для изучения балтийско-средиземноморских связей важны и северные вещи, возможно,

не являющиеся импортами, но, скорее всего, появление которых вызвано влиянием Византии. Здесь хотелось бы обратить внимание на небольшую серию пряжек с зооморфным или антропоморфным рельефным декором на щитке, получившую, несмотря на небольшое число находок, очень широкое распространение, включая Циркумбалтийский регион и территорию Восточной Римской империи.

Пряжки с зооморфным или антропоморфным рельефным декором. Это бронзовые пряжки с овальной или круглой, иногда заостренной в передней части рамкой, довольно длинным язычком, загнутым на конце, и вытянутым подтреугольным подвижным щитком с зооморфным рельефным изображением, занимающим всю площадь щитка или же его окончание (рис. 2, 5). Пожалуй, впервые на них обратила внимание М. Шульце-Дёррламм,

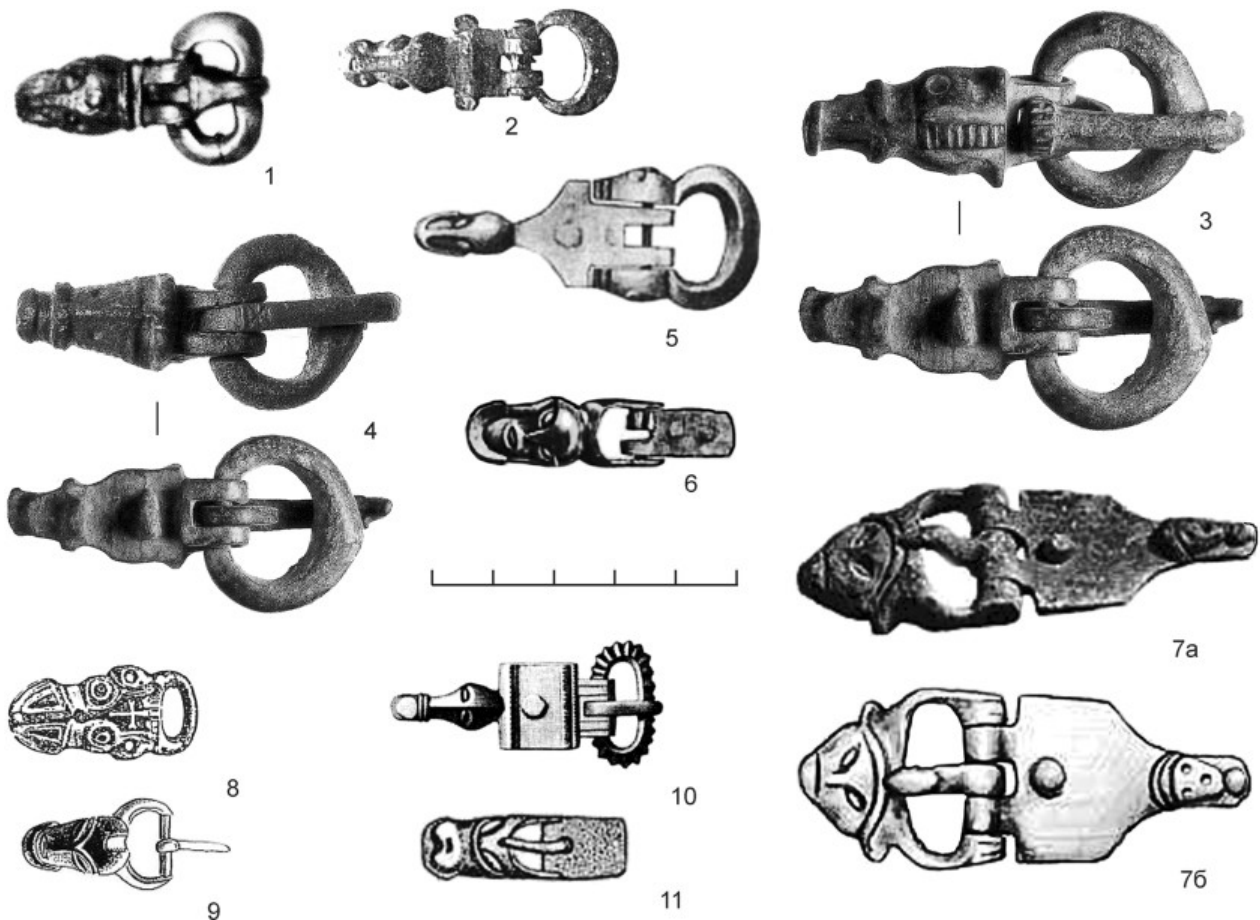

Рис. 2. Пряжки и элементы ременной гарнитуры с зооморфным или антропоморфным рельефным декором, их дериваты и параллели: 1 – Ротебуде/Червоный Двор (*Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. S. 408); 2 – Вяяхюре-Кирстенмяки (*Kivikoski*, 1973. Taf. 38, Nr 331); 3 – Византия (*Schulze-Dörlamm*, 2002. Nr 41); 4 – Иран (*Schulze-Dörlamm*, 2002. Nr 40); 5 – Готланд (*Franzén*, 2007. Fig. 17); 6 – Экере (*Franzén*, 2007. Fig. 11); 7 – Эсьмо (*Franzén*, 2007. Fig. 1, 2); 8 – Константинополь (*Quast*, 2003. Abb. 4, 2); 9 – Большой Тютерс (*Franzén*, 2007. Fig. 13); 10 – Барсхалдерсхед (*Nerman*, 1935. Taf. 49, 506); 11 – Римфартуна (*Franzén*, 2007)

1–11 – бронзовый сплав

Fig. 2. Buckles and elements of belt sets with zoomorphic or anthropomorphic relief decoration, their derivatives and parallels: 1 – Rothebude / Czerwony Dwór (*Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. S. 408); 2 – Vähäkyre-Kirstenmäki (*Kivikoski*, 1973. Taf. 38, Nr 331); 3 – Byzantine Empire (*Schulze-Dörlamm*, 2002. Nr 41); 4 – Iran (*Schulze-Dörlamm*, 2002. Nr 40); 5 – Gotland (*Franzén*, 2007. Fig. 17); 6 – Ekerö (*Franzén*, 2007. Fig. 11); 7 – Ösmo (*Franzén*, 2007. Fig. 1, 2); 8 – Constantinople (*Quast*, 2003. Abb. 4, 2); 9 – Bolshoy Tyuters (*Franzén*, 2007. Fig. 13); 10 – Barshaldershed (*Nerman*, 1935. Taf. 49, 506); 11 – Romfartuna (*Franzén*, 2007)

1–11 – bronze alloy

которая отнесла их к типу пряжек с сердцевидным кольцом (B6 согласно ее классификации; см. о пряжках с сердцевидным кольцом: *Kazanski, 2003. P. 36*). Она же первая указала на широкое распространение подобных вещей от Балтики до Ирана (*Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 47–51*). Можно назвать следующие находки: Византия, контекст находки неизвестен (*Ibid. Nr 41*) (рис. 2, 3); Иран, контекст находки неизвестен (*Ibid. Nr 42*) (рис. 2, 4); Ротебуде/Червоный Двур (*Rothebude/Czerwony Dwór*), курган IX.2, могильник ольштынской западно-балтской группы, в Восточной Пруссии (сейчас Польша, Вармийско-Мазурское воеводство) (*Bitner-Wróblewska et al., 2011. S. 405–409*) (рис. 2, 1); о Готланд, контекст находки неизвестен (*Franzén, 2007. Fig. 17*) (рис. 2, 5); Вякьяюре-Кирстенмяки (*Vähakyo-Kirstenmäki*), курган № 151, в Остроботнии (*Kivikoski, 1973. Taf. 38, Nr 331*) (рис. 2, 2).

Пряжка с подвижным щитком, окончание которой украшено рельефным зооморфным декором, была обнаружена в одном из погребений могильника Барсхалдерсхед (*Barshaldershed*) на Готланде (*Nerman, 1935. Taf. 49, 506*), но она имеет прямоугольный щиток (рис. 2, 10). Этим изделиям родственна пряжка из Эсмо (*Ösmo*), погребение № 1251, Средняя Швеция (*Södermanland*) (*Franzén, 2007. Fig. 1, 2*) (рис. 2, 7), с подвижным подтреугольным щитком с антропоморфным рельефным изображением на конце и с рамкой, передняя часть которой украшена антропоморфным рельефным декором. Она, в свою очередь, обнаруживает сходство с группой малых балтийских пряжек, у которых передняя часть рамки переходит в рельефное зооморфное или антропоморфное изображение. Назовем находки из Экерё (*Ekerö*), погребение № 12, в Средней Швеции (*Uppland*) (*Ibid. Fig. 11*) (рис. 2, 6), Ромфартуна (*Romfartuna*), погребение № 2, также в Средней Швеции (*Södermanland*) (*Ibid. Fig. 12*) (рис. 2, 11) и с острова Большой Тютерс, в восточной части Финского залива (Ленинградская обл., РФ) (рис. 2, 9). В последнем случае пряжка была найдена у песчаной дюны Каунисмаки вместе с вещами скандинавского происхождения (рис. 3, 1–5) и финской лепной керамикой (*Erä-Esko, 1965. Pl. 10, Nr 36–39; Kivikoski, 1973. S. 55, Taf. 39, Nr 334; Carpelan, Uino, 2003. P. 79, 80; Казанский, 2010а. С. 77–79*). Немаловажно

отметить, что похожая пряжка опубликована Д. Квастом как происходящая из Константинополя (*Quast, 2003. Abb. 4, 2*) (рис. 2, 8).³

По мнению Д. Кваста, рассматриваемые здесь пряжки, или по крайней мере часть из них, могли быть элементами «парадной» портупейной гарнитуры (подробнее: *Quast, 2003*). В целом циркумбалтийские находки, а равно и их южные параллели могут быть соотнесены с вещами первого германского звериного стиля, однако можно назвать и их ранневизантийские прототипы, или по крайней мере параллели, с реалистичными зооморфными или антропоморфными изображениями (*Schulze-Dörrlamm, 2002. Nr 38, 39, 42*) (рис. 4). Как полагает М. Шульце-Дёррлам, пряжки с сердцевидной рамкой, группы B6 и родственные им, датируются первой половиной VI в. (*Ibid. S. 51*). В принципе, с учетом крымских находок, для наиболее поздних пряжек с такой рамкой можно предложить несколько более «широкую» хронологию, включающую и вторую половину VI в. (подробнее: *Kazanski, 2003. P. 40*). Контекст «северных» находок в целом не противоречит этой дате, при этом характерный зооморфный декор первого германского стиля всё же более обычен для конца V – середины VI в.

Скандинавы в Византии в эпоху переселения народов. Вне всякого сомнения, вышеназванные пряжки прямо или опосредованно отражают контакты между Балтикой и Византией и, возможно, связаны с присутствием скандинавов на территории Империи. Тема скандинавского присутствия в Византии уже давно является модной. С походами скандинавских наемников в Средиземноморье традиционно принято связывать наплыв солидов из Восточно-Римской империи в Скандинавию (см., например: *Fischer et al., 2011; Fischer, 2014; Fischer, López Sánchez, 2016*). Предполагается, что византийское золото поступает на Балтику при активности италийских остроготов в результате

³ Элемент ременной гарнитуры, видимо язычок пряжки, с близким рельефным декором был найден на могильнике Ойявески (*Ojaveski*), в северо-восточной Эстонии (*Franzén, 2007. Fig. 14*). Кроме того, в Фенноскандии известна небольшая серия цельнолитых пряжек со щитком, имеющим зооморфное окончание, см., например, Лайтила-Перккё (*Laitila-Pärkkö*) (*Kivikoski, 1973. Taf. 38, Nr 329*); Сейлфлуд (*Sejflod*) (*Quast, 2003. Abb. 4, 4*), Лилла Бьярес (*Lilla-Bjares*) (*Nerman, 1935. Taf. 13, 143*), однако южные параллели для них мне неизвестны.

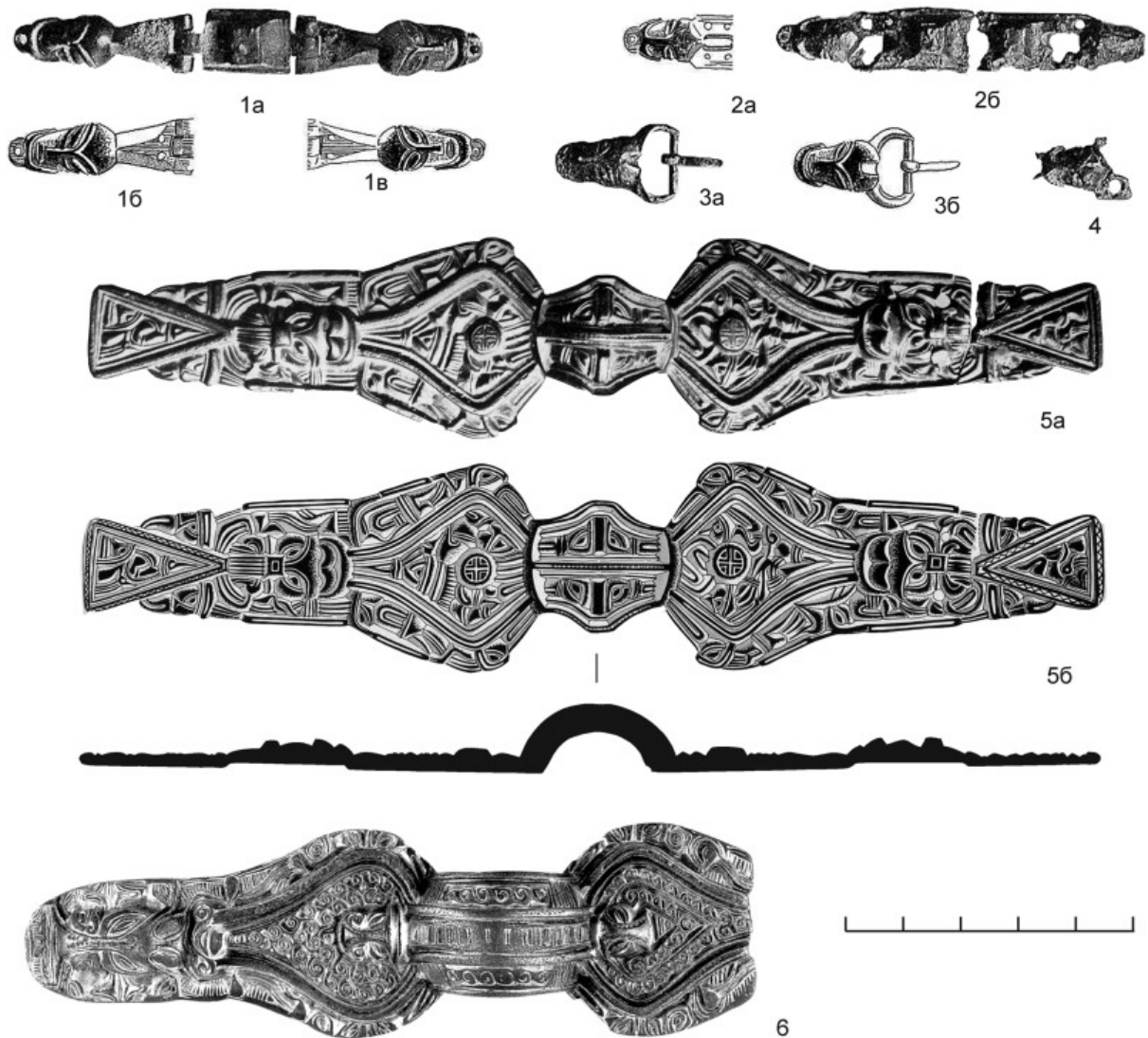

Рис. 3. 1–5 – скандинавские вещи с острова Большой Тютерс (1–5 – *Erä-Esko*, 1965. Pl. IX, X); 6 – скандинавская фибула из могильника Сцентеш-Надьхедь (*Nagy*, 2007. Taf. 46, 1)

1–6 – бронзовый сплав

Fig. 3. 1–5 – Scandinavian objects from the Bolshoy Tyuters island (1–5 – *Erä-Esko*, 1965. Pl. IX, X); 6 – Scandinavian brooch from the cemetery of Szentes-Nagyhegy (*Nagy*, 2007. Taf. 46, 1)

1–6 – bronze alloy

торговли мехами и янтарем (*Fagerlie*, 1967. P. 168, 169; *Arrhenius*, 1967. P. 15–17; 1990. P. 134; *Vierck*, 1970. S. 382), хотя роль северной трансевропейской торговли все же не стоит преувеличивать (*Näsman*, 1977. P. 342, 343; 1998. P. 260).

Впрочем, никаких письменных свидетельств о скандинавах на военной службе в Восточной Римской империи нет, хотя византийские авторы подробно перечисляют всевозможных варваров в составе ранневизантийской армии. Мы знаем

лишь о присутствии в армии италийских остроготов отрядов варнов под руководством Ваккара, несомненно прибывших с южного побережья Балтийского или Северного морей (*Агафий*, *Historia*, 1953. I.21). Часто за скандинавов принимают герулов, хорошо представленных в армии Юстиниана, но, судя по совокупности свидетельств древних авторов и археологических данных, это явно дунайская группа восточно-германского происхождения (см. подробнее:

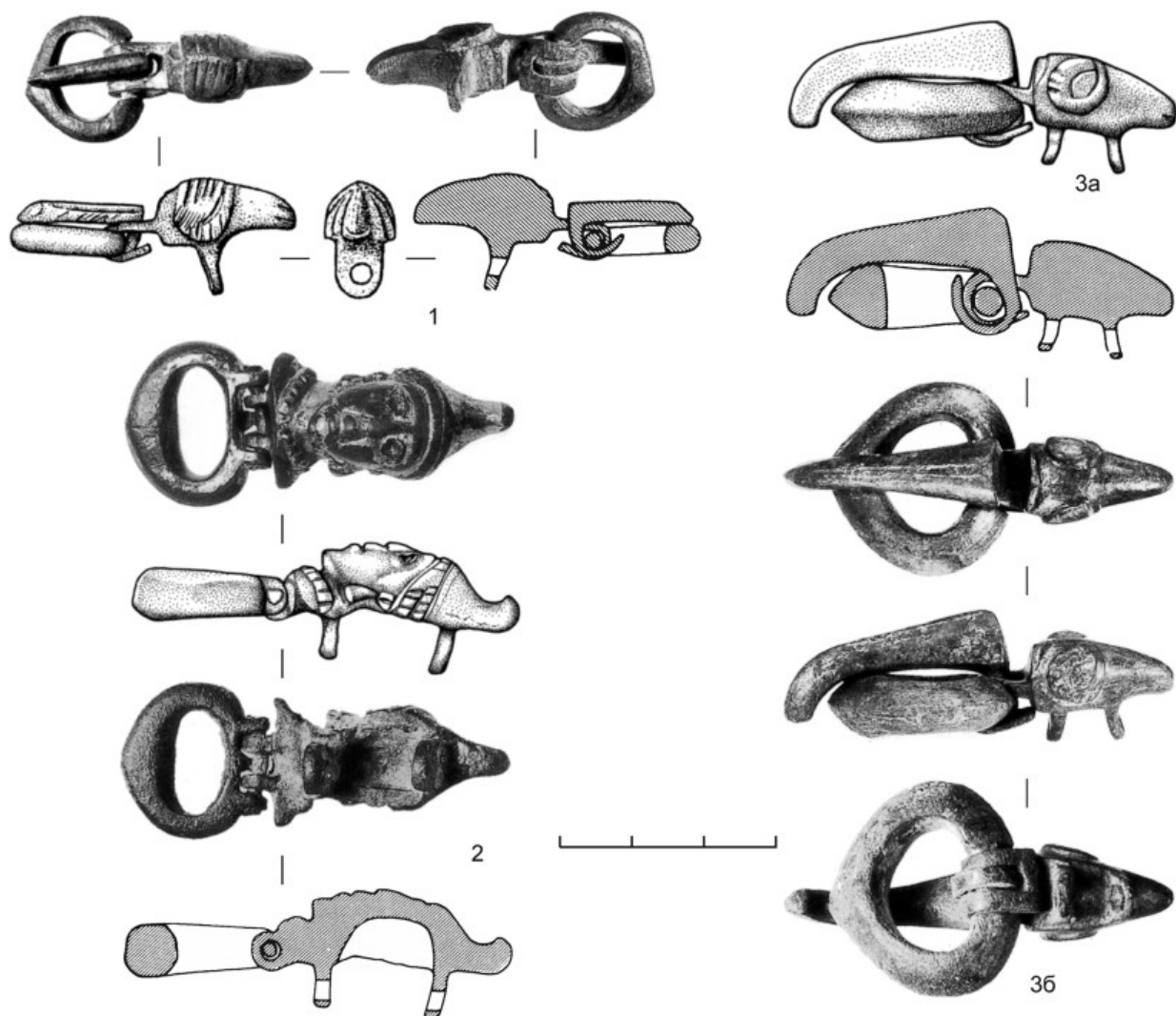

Рис. 4. Ранневизантийские пряжки с антропоморфным и зооморфным рельефным декором: 1, 3 – Византия (Schulze-Dörlamm, 2002. Nr 38, 39); 2 – Малая Азия (Schulze-Dörlamm, 2002. Nr 42)

1–3 – бронзовый сплав

Fig. 4. Early Byzantine buckles with anthropomorphic and zoomorphic relief decoration: 1, 3 – Byzantine Empire (Schulze-Dörlamm, 2002. Nr 38, 39); 2 – Asia Minor (Schulze-Dörlamm, 2002. Nr 42)

1–3 – bronze alloy

Иванишев, Казанский, 2010; Казанский, 2014),⁴ хотя и имевшая династические связи со Сканди-

⁴ Однако на Нижнем Рейне, в бассейне Северного моря и вдоль восточного побережья Атлантики в 280–450-е гг. проявляют военную активность некие *Eruli/Heruli*. Герулы упомянуты в знаменитом Веронском списке варварских народов (предположительно около 314 г.) два раза – первый раз среди народов Южной Прибалтики и Северного моря, второй раз – в Карпато-Дунайском бассейне. Вполне возможно, что это две ветви некогда единого народа. Не стоит забывать и гипотезу, согласно которой термин «*Eruli/Heruli*» не является этнонимом, а обозначает особую группу «благородных воинов» различного происхождения (см. подробнее: Казанский, 2016б. С. 62, 63, там же библиография).

навией (Прокопий, 1950. BG II.15.27–30).⁵

⁵ Около 494–512 гг. часть герулов, разбитых лангобардами, через территорию гепидов в Карпатском бассейне спасается в Византии, на Среднем Дунае, другие уходят на остров Фуле к гаутам (Прокопий, 1950. BG II.15.1–4), то есть в Скандинавию. Выйдя из Карпатской котловины через Моравские ворота, эта вторая группа герулов прошла через земли «всех» славянских племен (здесь «все» следует отнести к обычным для авторов того времени гиперболам), то есть попала к склавинам на территории современной Южной Польши. Затем герулы прошли незаселенные земли к западу и северо-западу от славянской зоны, после чего перешли землю варнов, на территории современного Шлезвиг-Гольштейна. Оттуда они пришли к данам и, наконец, перебрались к гаутам. Гауты проживали в Юго-Западной Швеции (о локализации га-

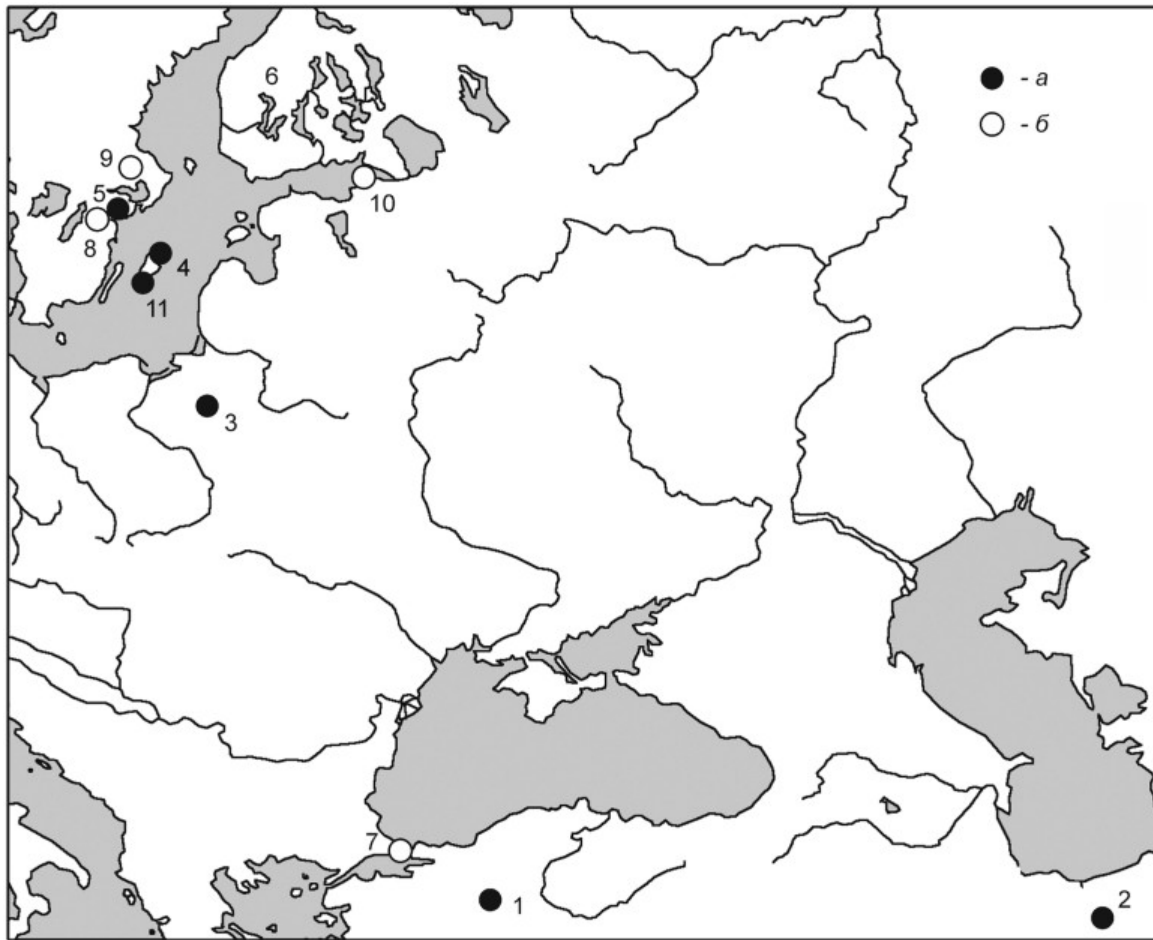

Рис. 5. Распространение пряжек с зооморфным или антропоморфным рельефным декором (*a* – пряжки с подвижным щитком и антропозооморфным декором; *b* – малые пряжки с антропозооморфным декором): 1 – Византия; 2 – Иран; 3 – Родебуде / Червоный Двор; 4 – Готланд; 5 – Эсьмо; 6 – Вяхякюре-Кирстенмяки; 7 – Константинополь; 8 – Римфартуна; 9 – Экере; 10 – Большой Тютерс; 11 – Баршалдерсхед

Fig. 5. Distribution of buckles with zoomorphic or anthropomorphic relief decoration (*a* – buckles with movable shield and anthropozoomorphic decoration; *b* – small buckles with anthropozoomorphic decoration): 1 – Byzantine Empire; 2 – Iran; 3 – Rothebude / Czerwony Dwór; 4 – Gotland; 5 – Ösmo; 6 – Vähäkyre-Kirstenmäki; 7 – Constantinople; 8 – Romfartuna; 9 – Ekerö; 10 – Bolshoy Tyuters; 11 – Barshaldershed

Однако есть археологические находки, прямо свидетельствующие о присутствии каких-то групп скандинавов на территории Византии в интересующее нас время. Это, например, фибула скандинавской традиции из Касиодола, в Северном Иллирикуме (Северная Сербия) (рис. 6, 5) (Ivanišević et al., 2006. Fig. 38, 2), восходящая

утов см.: Svennung, 1967. S. 65–78, fig. 4, 5). Иногда утверждается, что герулов зачем-то могло занести в Восточную Пруссию и в устье Вислы или даже на Готланд или Эланд. Но движение герулов по маршруту, описанному Прокопием – склавины, варны, даны, гауты, – могло их привести только в южную часть Скандинавского полуострова и никуда больше. Это хорошо известная дорога Средний Дунай – Моравские Ворота – Одер – Померания – Мекленбург – Дания (Казанский, 2010а. С. 21–24; 2014. С. 178–180).

к скандинавским прототипам середины V – первой четверти VI в., их дериваты из крепости Augusta (Калето) (рис. 6, 6) (Станев, 2008. Табл. XXI, 6), из Хасково (Болгария) (рис. 6, 8) (Хараламбиева, 1984. Обр. 5) и из Виминациума (Сербия) (Ivanišević et al., 2006. Fig. 38, 1) (рис. 6, 3, 4) (подробнее об этих фибулах: Ivanišević et al., 2006. P. 15, 16; Иваннишевич, Казанский, 2010. С. 152–154). Имеются находки скандинавского облика и в Южной Сербии, на территории Косова. Это женская могила в Грачанице с парой типичных скандинавских фибул с прямоугольной головкой, середины – второй половины VI в. (рис. 6, 1, 2). Находку связывают с присутствием скандинавов, служивших

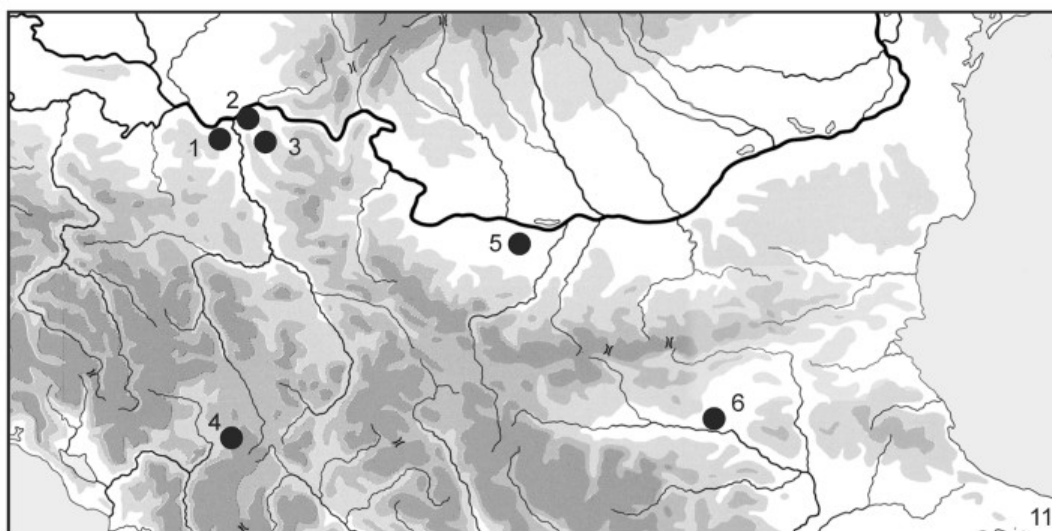
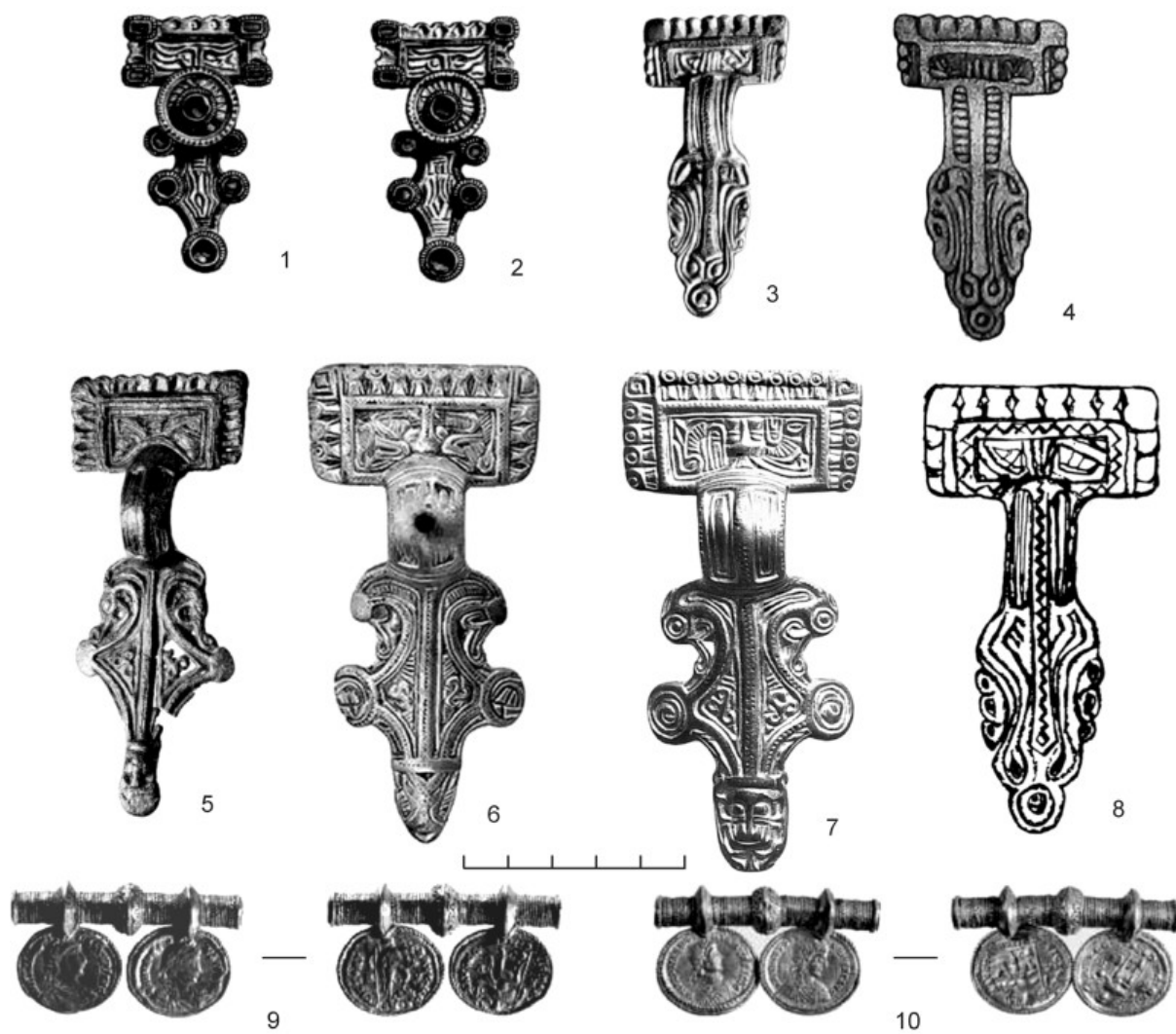

Рис. 6. Вещи скандинавской традиции на Дунае и Балканах: 1, 2 – Грачаница (Милинковић, 2003. Сл. 4, 2); 3 – Виминациум, погребение № 133 (Ivanišević et al., 2006. Fig. 18, 1); 4 – Виминациум, погребение № 138 (Ivanišević et al., 2006. Fig. 8, 5); 5 – Касиодол (Ivanišević et al., 2006. Fig. 18, 2); 6 – Augusta (Калето) (Станев, 2008. Табл. XXI, Обр. 6); 7 – Сольнок–Санда (Nagy, 2007. Taf. 55, 1); 8 – Хасково (Хараламбиева, 1984 Обр. 5); 9, 10 – Удовице (Popović, 2008. Fig. 2, 3); 11 – карта: 1 – Удовице; 2 – Виминациум; 3 – Касиодол; 4 – Грачаница; 5 – Калето; 6 – Хасково

1–10 – бронзовый сплав

Fig. 6. Objects in the Scandinavian tradition from the Danube and Balkans : 1, 2 – Gračanica Милинковић, 2003. Сл. 4, 2); 3 – Viminacium, burial no. 133 (Ivanišević et al., 2006. Fig. 18, 1); 4 – Viminacium, burial no. 138 (Ivanišević et al., 2006. Fig. 8, 5); 5 – Kasiodol (Ivanišević et al., 2006. Fig. 18, 2); 6 – Augusta (Kaleta) (Станев, 2008. Pl. XXI, Sample 6); 7 – Szolnok–Szanda (Nagy, 2007. Taf. 55, 1); 8 – Khaskovo (Хараламбиева, 1984 Обр. 5); 9, 10 – Udovice (Popović, 2008. Fig. 2, 3); 11 – map: 1 – Udovice; 2 – Viminacium; 3 – Kasiodol; 4 – Gračanica; 5 – Kaleta; 6 – Khaskovo

1–10 – bronze alloy

в византийской армии, вернее членов их семей (Vierck, 1981. Abb. 2; Милинковић, 2003).

Как известно, в архаических обществах элементы женского убора, в силу их сакрального характера, не являются предметом купли-продажи или дарения, за исключением аристократических украшений, принадлежащих интернациональной «княжеской моде», и перемещаются в пространстве чаще всего с их носительницами (см., например: Werner, 1970; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 124, 125; Мастыкова, 2009. С. 7, 8). Поэтому находки фибул скандинавской традиции на Дунае и Балканах, скорее всего, свидетельствуют о реальном наличии здесь выходцев из Скандинавии.

Большой интерес представляет и находка в Удовице, в Северном Илирикуме, в 20 км к востоку от Белграда (рис. 6, 9, 10). Это золотое ожерелье с медальонами позднего V в. и скандинавскими золотыми пронизками (Fischer, 2008; Popović, 2008). С. Фишер и И. Попович относят ожерелье к позднему V в., видимо исходя из того, что оно включает медальоны с изображениями Валентиниана III, Гонория и Константина III, Ливия Севера. Но, как справедливо отмечает И. Попович со ссылкой на скандинавских археологов, такие кольца в Скандинавии не имеют узкой даты, их относят к довольно широкому периоду, от начала IV до начала VII в. (Popović, 2008. P. 78). Так известную шарнирную воротничковую золотую гривну из Оллеберга (Ålleberg), содержащую пронизки как в ожерелье Удовице, В. Холмквист относит к первой половине VI в., а подобную гривну из Мёне (Möne) – к VI в. (Holmqvist, 1965. S. 168, 169). Скорее всего, эта находка свидетельствует о присутствии знатных скандинавов на византийской службе (см.: Иванюшевич, Казанский, 2010. С. 154–156), а может быть, имеет отношение и к династическим связям геру-

лов, поселенных Юстинианом как раз на этом участке Среднего Дуная, со скандинавскими правящими королевскими домами. Действительно, по письменным источникам известно, что отдельные представители скандинавской знати появлялись на юге Европы. Вспомним уже упоминавшееся свидетельство Прокопия о том, что дунайские герулы приглашали своих королей из родственных им престижных династий Скандинавии (Прокопий, 1950. BG II.15.27–30). При равеннском дворе одно время подвизался и скандинавский король Родульф, ставший здесь основным информатором о Северной Европе (Иордан, Getica, 2001. 24).⁶

Пути между Византией и Балтикой в эпоху переселения народов. По каким коммуникациям могли осуществляться эти византийско-восточно-балтийские контакты? Есть два альтернативных пути. Один из них – речные дороги по Западной Двине, Неману, Березине и Днепру, функционировавшие в эпоху переселения народов (подробнее: Казанский, 2016а. С. 206–225). Второй возможный путь – через Средний Дунай и далее в направлении устьев Вислы и Немана, то есть знаменитый «янтарный путь» античного времени (Казанский, 2010а. С. 21–24). При этом надо отметить, что причерноморских вещей второй половины V и раннего VI в., которые могли бы попасть на север по восточноевропейским речным путям, в Восточной Прибалтике практически нет, за исключением,

⁶ Родульфу часто считают королем герулов, но из текста рассказа Иордана можно скорее предполагать, что он был королем данов (Шукин, 2005. С. 49) или светидов, о которых специально идет речь в данном параграфе у Иордана. По У. Несману, это скорее король раниев (Ranii), упомянутых Иорданом непосредственно перед именем Родульфа (Näsman, 1998. P. 261). Есть и иные версии, в частности о том, что исторических персонажей с таким именем («Красный Волк») было несколько, не менее двух (подробнее Шукин, 2005. С. 49, 50).

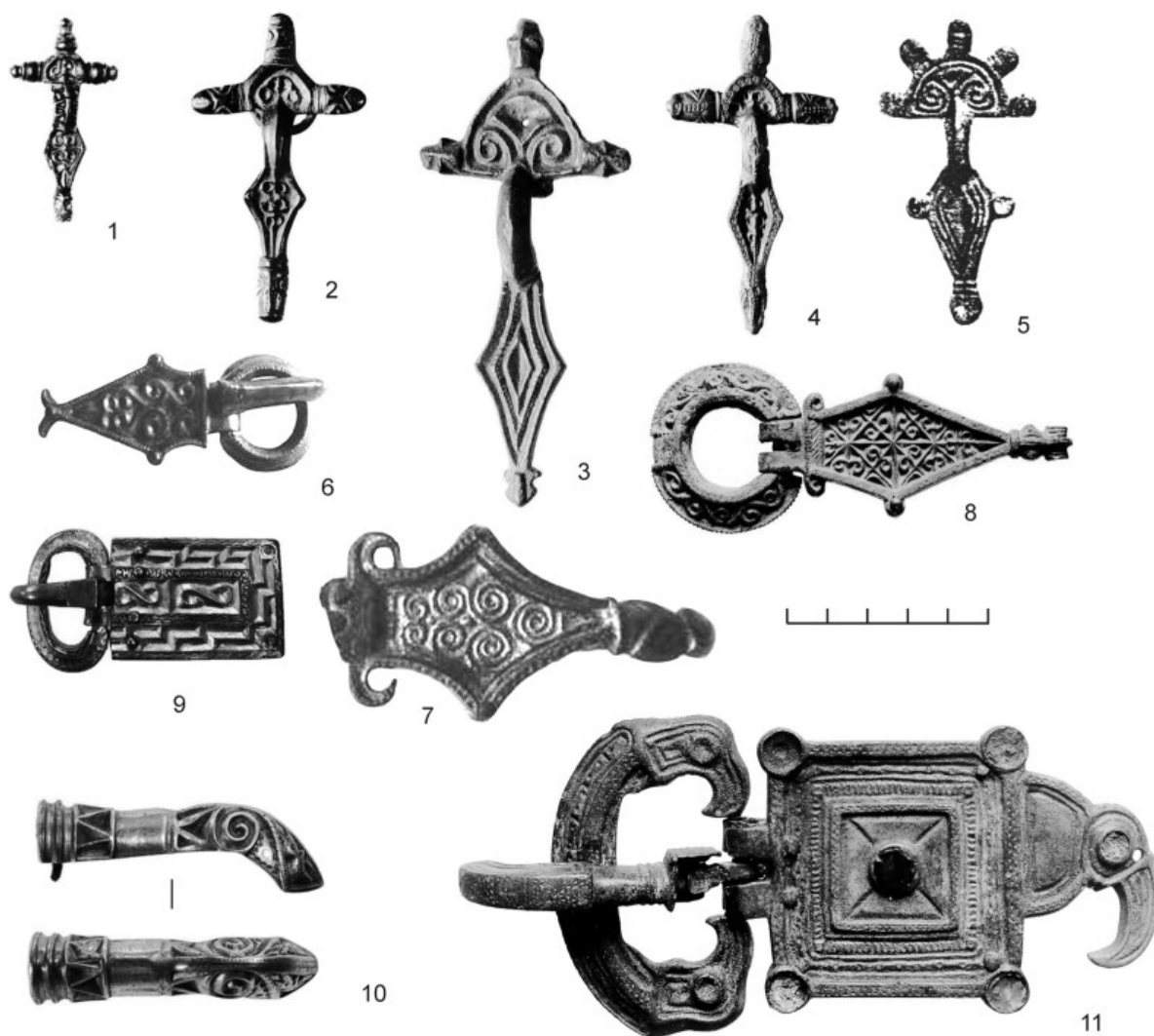

Рис. 7. Вещи дунайской (1–4, 6–11) и понтийской (5) традиции в Восточной и Юго-Восточной Прибалтике: 1 – Люманда (Quast D., 2004. Abb. 18, 1); 2 – Кюссен / Весново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 3 – Грунейкен / Грунайки (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 4 – Варенген / Котельниково (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 5 – Латвия (Kühn, 1974. Taf. 261, 64.31); 6 – Таурапилис (Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8); 7 – Судота I (Sudota I) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 8 – Вилкиетен (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 9 – Зиболишке (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 10 – Падуобе–Шалатиуне 3 (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 11 – Альт-Коссевен / Косево (Hilberg, 2009. Abb. 5.70)

1–11 – серебро, бронзовый сплав

Fig. 7. Objects in the Danubian (1–4, 6–11) and Pontic (5) traditions from the Eastern and South-Eastern Baltic region: 1 – Lümanda (Quast D., 2004. Abb. 18, 1); 2 – Kussen / Vesново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 3 – Gruneiken / Grunajki (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 4 – Warengen / Kotelnikovo (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 5 – Latvia (Kühn, 1974. Taf. 261, 64.31); 6 – Taurapilis (Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8); 7 – Sudota I (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 8 – Wilkieten (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 9 – Ziboliškė (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 10 – Paduobė – Šalatiūnė 3 (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 11 – Alt-Kosseven / Kosewo (Hilberg, 2009. Abb. 5.70)

1–11 – silver, bronze alloy

может быть, фибулы поздней вариации типа Гурзуф, происходящей откуда-то с территории Латвии (Kühn, 1974. Taf. 261, 64,31); о них см.: Гаеритухин, Казанский, 2006. С. 311–314) (рис. 7, 5). Зато среднедунайские вещи эпохи переселения народов здесь известны (см., например: Bliujienė, 2006.

Fig. 5; 8; Madyda-Legutko, 2006. Abb. 2; Bliujienė, Curta, 2011; Bliujienė et al., 2017. Fig. 2, 1, 3, 7, 8, 10; 5, 5; 6) (рис. 7, 1, 5–9). Дунайские вещи пост-гуннского времени или их дериваты встречены даже на островах Моонзундского архипелага, в погребении – кремации в Люманда (Lümanda)

на о. Саарема (*Quast*, 2004. S. 265, Abb. 18, 1) (рис. 7, 1). Поэтому осуществление контактов между Севером и Югом по старому «янтарному» пути (или его ответвлениям) мне представляется более реальным.

По этой магистрали скандинавские вещи с севера попадают в Центральную Европу и далее на юг, вплоть до Балкан. Можно назвать североевропейскую фибулу с прямоугольной головкой, найденную на славянском поселении в Радзейюве (Radziejów) в Польше (*Parczewski*, 1993. 73, Abb. 20, 10). Предполагается, что по этому же пути попала к гепидам в Восточную Венгрию и равноплечая рельефная фибула первой половины – середины VI в. из восточной Скандинавии, обнаруженная в погребении 84 могильника Сцентеш-Надьхедь (Szentés-Nagyhegy) (*Bona*, 1976. Pl. 29, 30; *Magnus*, 2007. S. 190; *Nagy*, 2007. Tabl. 46, 47) (рис. 3, 6). Данная фибула имеет параллели, в частности, на Тютерсе (*Erä-Esko*, 1965. Nr 35, Pl. 10; *Kivikoski*, 1973. Taf. 28, 229) (рис. 3, 5). Возможно, она изготовлена в известных мастерских в Хельгё (Helgö), в Средней Швеции – такие застежки распространялись оттуда в Свеаланде, Норрланде, Остроботнии (*Holmqvist*, 1972. P. 248, 249, Fig. 116). Фибула с прямоугольной головкой, аналогичная уже упоминавшимся застежкам скандинавской традиции из Касиодола, Калето, Виминациума и Хасково (см. выше), найдена в одном из погребений (№ 73) гепидского некрополя Сольнок-Санда (Szolnok-Szanda) на Тиссе (*Bona, Nagy*, 2002. Taf. 38, 73, 3; *Nagy*, 2007. Tabl. 55, 1) (рис. 6, 7), на трассе того же пути.

Скорее всего, тем же путем в Мазурию проникают в позднем V – середине VI в. дунайские элементы, представленные в женском уборе некоторых погребений ольштынской группы. Это пальчатые фибулы дунайской традиции (например: *Kühn*, 1974. Taf. 261, 64, 7; 266, 68, 31; 1981. Taf. 16, 99; *Кулаков*, 1989. Рис. 10, 1–3; 25, 1; *Engel et al.*, 2006. Pl. 11, 14, 22; *Hilberg*, 2009. S. 87–177) (рис. 7, 3) и гепидская орлиноголовая пряжка (*Hilberg*, 2009. Abb. 5.70; *Rudnicki*, 2010. S. 445–456; *Kazanski*, 2010. P. 129) (рис. 7, 11). У населения Самбийского полуострова (самбийско-натангийская культура в русской историографической традиции или культура Доллькайм-Коврово, по терминологии польских исследователей) дунайские вещи этого времени и их дериваты

фиксируются несколько реже (например: *Aberg*, 1919. Abb. 92; *Kühn*, 1974. Taf. 261, 64, 6, возможно, Taf. 263, 65, 15; *Hilberg*, 2009. Kat. 92, 175, 317) (рис. 7, 2, 4). Еще реже они попадают на куршское побережье (например, *Engel*, 1937. Abb. 8; *Werner*, 1977. Abb. 4, 4; *Kühn*, 1981. Taf. 16, 97; *Hilberg*, 2009. Abb. 5.49) (рис. 7, 7) или в центральную и восточную Литву (например, *Bliujienė*, 2006. Fig. 5, 8; *Madyda-Leguiko*, 2006. Abb. 2) (рис. 7, 6, 7, 9, 10). Находки некоторых дунайских вещей восточногерманской традиции в бассейне Вислы, таких как большая пряжка с ромбическим щитком из Конаржева (Konarzew) или пальчатые фибулы из Добре (Dobre), Конаржева и Ощевилка (Oszczylka) (*Mączyńska*, 1999. Fig. 10, 4; 14, 1, 5; 15, 2), могут свидетельствовать о значительной роли старого «янтарного» пути. Поэтому попадание ранневизантийских и вообще южных вещей в Юго-Восточную и Восточную Прибалтику через дунайский путь представляется на сегодняшний день более вероятным (*Казанский*, 2013). О контактах населения Восточной Пруссии с Восточно-Балтийским регионом свидетельствует кстати и распространение западнобалтских вещей V–VI вв. на территории Прибалтики и Финляндии (подробнее см.: *Казанский*, 2010а. С. 56, 57, 69–76).

Находки ранневизантийских вещей и монет маркируют линию от Немана до южного побережья Рижского залива, в районе устья Западной Двины и далее, до западного побережья Чудского озера (рис. 1). Не исключено, что речь идет о каком-то речном пути, проходящем от устья Вислы, сначала по притокам Немана и р. Лиелупе до западнодвинского устья, затем по р. Гауя и Эмайыги на Чудское озеро. Участок водной коммуникации от западнодвинского устья до Чудского озера функционировал, судя по археологическим находкам, уже в римское время и сохранял свое значение и в эпоху переселения народов (см. подробнее: *Казанский*, 2010б). Что же касается контактов между бассейнами Немана и Лиелупе, их интенсивность для эпохи переселения народов также отражается в археологическом материале (см.: *Bliujienė, Vasiliauskas*, 2012). Находка из Ротебуде может свидетельствовать о том, что рассматриваемые здесь пряжки распространялись от Византии до Балтики именно через территорию Восточной Пруссии, где к «янтарному» пути примыкали восточноевропейские речные и морские дороги.

Балтийские морские пути и распространение воинской моды в эпоху переселения народов. Помимо речных дорог в эту эпоху наверняка функционировали и морские коммуникации, в частности каботажный путь вдоль побережья Восточной Прибалтики (Кулаков, 2003. Рис. 38; Казанский, 2010а. С. 59, рис. 39). О значимости этой прибрежной дороги в поздней фазе эпохи переселения народов говорит появление вдоль ее трассы погребений воинских элит. В частности, погребальные памятники военизированных групп с элементами престижной скандинавской культуры концентрируются вдоль эстонского побережья: Проза (Proosa), Пайю (оттуда происходит золотая монета Валентиниана III, см. выше), Лихула (Lihula), Киримяэ (Kirimäe) (Казанский, 2010а. С. 66–69, 71). Это очень напоминает ситуацию на южном берегу Балтики, где известны находки престижного воинского характера в Глвчице (Główczyce/Glowiss), Фридрихшталь (Friedrichsthal) (Там же. С. 46, 47) или в Восточной Пруссии, где могилы воинских предводителей V–VI вв. часто находятся недалеко от побережья: Гаутен (Gauten)/Путилово-1, Кляйн Меденау (Klein Medenau)/Логвино, Варенген (Warengen)/Котельниково, Шоссейное, Тенген (Tengen), Варникам (Warnikam)/Первомайское (Казанский и др., 2017). Возможно, с активизацией каботажного пути как-то связан и демографический рост в западной Эстонии в V–VI вв. (Казанский, 2010а. С. 64).

Помимо каботажного хода несомненно существовали и другие морские пути, пересекавшие Балтику и соединявшие восточнобалтийские земли не только с прибрежным югом, но и со Скандинавией и с бассейном Северного моря (из последних работ см.: Kazanski, Mastykova, 2005; Казанский, 2010а; Казанский, Мастыкова, 2013; Neumayer, Nüsse, 2016). При этом «парадное» оружие прибалтийских финнов в Финляндии и Эстонии в эпоху переселения народов указывает на ориентацию их воинской элиты на престижные стандарты Южной Скандинавии и Северного моря, то есть на южнскандинавские и англосаксонские воинские элиты, которые, в свою очередь, подражают военной культуре меровингской знати (Quast, 2004; Казанский, 2010а. С. 51, 54–56, 66, 67, 69, 71). О том же направлении контактов свидетельствуют и некоторые детали металлической поясной гарнитуры, времени около 500 г., найденные в Сатакунде (Юго-Западная Финляндия) и имеющие прямые англосаксонские параллели (Vierck, 1967. S. 54–56, Abb. 1, 1–3; Kivikoski, 1973. Taf. 39, 343, 344). Если вспомнить предположение Д. Кваста (Quast, 2003), что рассматриваемые здесь пряжки могли быть связаны с портупейной гарнитурой, то их распространение на Балтике также следует увязывать с распространением престижной воинской моды V–VI вв. в рамках контактов по морскому северо-европейскому пути.

- Агафий*, Historia, 1953 – *Агафий Миринеийский*. О царствовании Юстиниана / пер. и коммент. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.
- Гавриутхин*, Казанский, 2006 – *Гавриутхин И. О., Казанский М. М.* Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V – VI в. // АВ. СПб., 2006. Т. 13.
- Иванишев*, Казанский, 2010 – *Иванишев В., Казанский М.* Герулы Юстиниана в Северном Иллирикуме и их археологические следы // Stratum Plus. Кишинев, 2010. № 5: Ремесло археолога.
- Иордан*, 2001 – *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / текст, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001.
- Казанский*, 2010а – *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. Кишинев, 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула.
- Казанский*, 2010б – *Казанский М. М.* О контактах населения территории восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху Великого переселения народов // Диалог народов и культур средневековой Европы. СПб., 2010.
- Казанский*, 2013 – *Казанский М. М.* Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // Stratum plus. Кишинев, 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей.
- Казанский*, 2014 – *Казанский М. М.* Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Зимовники, 2014. Кн. I (ММХIV).
- Казанский*, 2016а – *Казанский М. М.* Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. Кишинев, 2016. № 4: «Круг земной». Рим и варвары.

- Казанский*, 2016б – *Казанский М.* «Понтийский лимес» в эпоху позднеримской империи и северные варвары // МАИЭТ. Симферополь, 2016. Т. XXI.
- Казанский и др.*, 2017 – *Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н.* Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // РА. 2017. № 3.
- Казанский, Мастыкова*, 2013 – *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона. М., 2013.
- Кулаков*, 1989 – *Кулаков В. И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – VIII в. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // *Barbaricum*. Warszawa, 1989. Т. 1.
- Кулаков*, 2003 – *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 года. М., 2003.
- Мастыкова*, 2009 – *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М., 2009.
- Милинковић*, 2003 – *Милинковић М.* О тзв. женском германском гробу из Улпийяне // Споменица Јована Ковачевића. Београд, 2003.
- Прокопий*, 1950 – Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
- Станев*, 2008 – *Станев А.* Източногермански паметници от територията на балканските провинции на Източна Римска империя (V–VI век). София, 2008 (дисертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «доктор»).
- Хараламбиева*, 1984 – *Хараламбиева А.* Дъговидни фибули от епохата на Великото преселение на народите // Археология. София, 1984. Т. 1.
- Щукин*, 2005 – *Щукин М. Б.* Готский путь. СПб., 2005.
- Aberg*, 1919 – *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1919.
- Arrhenius*, 1967 – *Arrhenius B.* I rapporti italo-svedesi tra il 450 e il 600 // *Alto Medioevo*. 1967. Т. I.
- Arrhenius*, 1990 – *Arrhenius B.* Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period // *From the Baltic to the Black Sea. Studies in Medieval Archaeology* / D. Austin, L. Alcock (ed.). London; Boston; Sydney; Wellington, 1990.
- Bertašius*, 2005 – *Bertašius M.* Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Kaunas, 2005. Bd I: Vidurio Lietuvos aukštaičių II–XII a. kapinynas.
- Bitner-Wróblewska*, 2001 – *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Bitner-Wróblewska et al.*, 2011 – *Bitner-Wróblewska A., Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* Katalog // *Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona* / T. Nowakiewicz (red.). Warszawa, 2011.
- Bliujienė*, 2006 – *Bliujienė A.* Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // *Archaeologia Lithuana*. 2006. Т. 7.
- Bliujienė, Curta*, 2011 – *Bliujienė A., Curta F.* Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpathian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages (ad c 380 to c 620) // *Medieval Archaeology*. 2011. Nr 55.
- Bliujienė et al.*, 2017 – *Bliujienė A., Steponaitis V., Štavičius E., Grižas G.* Concentration of Authority and Power in East Lithuania, between Tauragnas Lake and Middle Reaches of the Žeimena River during the Migration Period // *Estonian Journal of Archaeology*. 2017. Nr 21/2.
- Bliujienė, Vasiliauskas*, 2012 – *Bliujienė A., Vasiliauskas E.* People from the Crossroads of the Mūša – Lielupe River Basin in the Eastern Baltic region during the Late Roman and Migration Periods // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2012. Bd 42/1.
- Bona*, 1976 – *Bóna I.* A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest, 1976.
- Bona, Nagy*, 2002 – *Bona I., Nagy M.* Gepidische Gräberfelder am Tiszagebiet I. Budapest, 2002.
- Carpelan, Uino*, 2003 – *Carpelan C., Uino P.* Between Estonia and Finland – A Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island // *Arheoloogiga Läänemere maades: uurimusi Jüri Seliranna auks* / V. Lang, U. Tamla (eds.). Tallin; Tartu, 2003.
- Engel*, 1937 – *Engel C.* Ostpreussens Stellung im Rahmen der gesamtdeutschen Vorgeschichte // *Germanen-Erbe*. 1937. Bd 2–9/10.
- Engel et al.*, 2006 – *Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* «Sudovia in qua Sudovitae». The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // *Archaeologia Lituana*. 2006. Т. 7.

- Erä-Esko*, 1965 – *Erä-Esko A.* Germanic Animal Art of Salin's Style I in Finland. Helsinki, 1965.
- Erä-Esko*, 1986 – *Erä-Esko A.* Domburg-Gulddynt // *Finskt Museum*. 1986. Nr 93.
- Fagerlie*, 1967 – *Fagerlie J.* Late Roman and Byzantine Solidi Found in Sweden and Denmark. New-York, 1967.
- Fischer*, 2008 – *Fischer S.* The Udovice Solidus Pendants. Late 5th Century Evidence of South Scandinavian Mercenaries in the Blakans // *Fornvännen*. 2008. Nr 103.
- Fischer*, 2014 – *Fischer S.* Tracking Solidi – From Thessalonica to Hjärpestad // *ΛΑΒΡΥΣ*. Studies presented to Pontus Hellström / L. Karlsson, S. Carlsson, J. Blid Kullberg (eds). Uppsala, 2014.
- Fischer et al.*, 2011 – *Fischer S., López Sánchez F., Victor H.* The 5th Century hoard of Theodosian solidi from Stora Brunneby, Öland, Sweden A Result from the LEO-project // *Fornvännen*. 2011. Nr 106.
- Fischer, López Sánchez*, 2016 – *Fischer S., López Sánchez F.* Subsidies for the Roman West? The flow of Constantinopolitan solidi to the Western Empire and Barbaricum // *Opuscula*. 2016. Vol. 9.
- Franzén*, 2007 – *Franzén R.* Om folkvandringstida masksöljor med anledning av ett fynd från Ösmo // *Fornvännen*. 2007. Nr 102.
- Hilberg*, 2009 – *Hilberg V.* Masurische Fibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Neumünster, 2009. Bd II.
- Holmqvist*, 1965 – *Holmqvist W.* L'art des Germains depuis le Ve siècle // *Les Celtes et les Germains à l'époque paienne / H. J. Eggers, E. Will, R. Joffroy, V. Holmqvist*. Paris, 1965.
- Holmqvist*, 1972 – *Holmqvist W.* Relief brooches. Comparative analysis of the A-B-C elements at the Helgö workshop // *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I / W. Holmqvist (ed.)*. Stockholm, 1972.
- Ivanišević et al.*, 2006 – *Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006.
- Kazanski*, 2003 – *Kazanski M.* Qal'at Sem'an. IV: Rapport final, 3: Les objets métalliques. Beyrouth, 2003.
- Kazanski*, 2010 – *Kazanski M.* Les Gépides en Gaule // *Între stepă și Imperiu. Studii în onoarea lui Radu Harhoiu / A. Magureanu (ed.)*. București, 2010.
- Kazanski, Mastykova*, 2005 – *Kazanski M., Mastykova A.* Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / J. Plumier, M. Regnard (dir.)*. Namur, 2005.
- Kivikoski*, 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kühn*, 1974 – *Kühn H.* Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz, 1974.
- Kühn*, 1981 – *Kühn H.* Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Graz, 1981.
- Kyhlberg*, 1986 – *Kyhlberg O.* Late Roman and Byzantine Solidi, An archaeological analysis of coins and hoards // *Excavations at Helgö. X. Coins, Iron and Gold / C. Lamm, A. Lundström (ed.)*. Stockholm, 1986.
- Mačzyńska*, 1999 – *Mačzyńska M.* La fin de la culture de Przeworsk // *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / J. Tejral, C. Pilet, M. Kazanski (dir.)*. Brno, 1999.
- Madyda-Legutko*, 2006 – *Madyda-Legutko R.* Zu den Beziehungen der litauischen Gebiete zu dem mitteleuropäischen Barbaricum in der frühen Völkerwanderungszeit // *Archaeologia Lituana*. 2006. T. 7.
- Magnus*, 2007 – *Magnus B.* Die Frau aus Grab 84 von Szentes-Nagyhegy und die Gleicharmigen Relieffibeln der Völkerwanderungszeit // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. 2007.
- Nagy*, 2007 – *Nagy M.* Tierdarstellungen und der germanische Tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau. Budapest, 2007.
- Näsman*, 1977 – *Näsman U.* Öland, Eketorp and the Transition between Montelii Periods VI and VII // *Tor*. 1977. T. 17.
- Näsman*, 1998 – *Näsman U.* The Justinianic Era of south Scandinavia: an Archaeological View // *The Sixth Century. Production, Distribution and Demand / R. Hodges, W. Bowden (ed.)*. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Nerman*, 1935 – *Nerman B.* Der Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935.
- Neumayer, Nüsse*, 2016 – *Neumayer H., Nüsse Y.-J.* Das Land des Bernsteins im Frühen Mittelalter: Merowingerzeitliche Funde aus Ostpreussen und der Handel mit Bernstein zwischen Donau und Atlantik // *Des fleuves et des hommes à l'époque mérovingienne: territoire fluvial et société au Premier Moyen Âge (Ve–XIIe siècle) / E. Peytremann (dir.)*. Dijon, 2016.

- Parczewski*, 1993 – *Parczewski M.* Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. Wien, 1993.
- Popović*, 2008 – *Popović I.* Solidi with Filigreed Tubular Suspension Loops from Udovice in Serbia // *Fornvännen*. 2008. Nr 103.
- Quast*, 1993 – *Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart, 1993.
- Quast*, 2003 – *Quast D.* Childerichs Schwertgut. Ein neuer Rekonstruktionvorschlag // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2003. Bd 33/4.
- Quast*, 2004 – *Quast D.* Ein scandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Pölvamaa, Estland) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 2004. Jg. 51.
- Quast, Tamla*, 2010 – *Quast D., Tamla Ü.* Two Fifth Century AD Byzantine Silver Bowls from Estonia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2010. Nr 14/2.
- Rudnicki*, 2010 – *Rudnicki M.* Grób 368 w Kosewie. Uwagi ponad 100 lat po odkryciu // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin / R. Prochowicz, J. Schuster, A. Urbaniak (red.). Łódź; Warszawa, 2010 (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina; T. II).*
- Schulze-Dörrlamm*, 2002 – *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, 2002.
- Svennung*, 1967 – *Svennung J.* *Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien.* Stockholm, 1967.
- Vierck*, 1967 – *Vierck H.* Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert // *Suomen Museo*. 1967. Nr 74.
- Vierck*, 1970 – *Vierck H.* Zum Fernverkehr über See im 6. Jahrhundert angesichts angelsächsischer Fibelsätze in Thüringen. Eine Problemskizze // *Hauck K.* Goldbrakteaten aus Sievern. München, 1970.
- Vierck*, 1981 – *Vierck H.* *Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Zeitler R. (dir.). Uppsala, 1981.*
- Werner*, 1970 – *Werner J.* Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // *Early Medieval Studies*. 1970. T. 1 (Antikvariskt Arkiv; Nr 38).
- Werner*, 1977 – *Werner J.* Der Grabfund von Taurapolis, Rayon Utna (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs // *G. Kossack, J. Reichstein (Hrsg.). Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit.* Bonn, 1977.

Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period

M. M. Kazanskiy

This paper considers some archaeological evidence on contacts between the eastern part of the Baltic Sea basin and the Eastern Roman Empire in the later phase of the Migration Period (mid-5th – mid-6th century). In addition, the question about the realization of these contacts is discussed. For studies of the Baltic-Mediterranean connections, northern artefacts are of importance although they are no imports proper but undoubtedly appeared under the influence of the Byzantine Empire. Here it seems necessary to pay a special attention to a small series of buckles with a zoomorphic shield. These objects, notwithstanding the small number of their findings, were very widespread including the circumBaltic region and the

territory of the Eastern Roman Empire. They include, e.g., bronze clasps with an oval or circular frame, sometimes pointed at the front, a fairly long tongue bent at the end and an oblong, nearly triangular, movable shield with a zoomorphic relief representation occupying the entire area of the shield. They constitute a number of buckles of type B6 according to M. Schulze-Dörramm (2002). These objects are dating most probably from the late 5th – mid-6th century. Buckles of this type and their derivatives are known in Iran, Byzantine Empire, eastern Prussia, on the island of Gotland, in Middle Sweden and in Finland. Small buckles with the frontal part passing into a relief zoomorphic or anthropomorphic representation are kindred

to them. They are found in Middle Sweden and on the island of Bolshoy Tyuters in the Gulf of Finland. These objects all have early Byzantine prototypes or at least parallels. Some of them may have been elements of sword belts. Directly or indirectly they reflect the contacts between the Baltic region and the Byzantine Empire and, perhaps, are connected with the presence of Scandinavians in the territory of the Empire. There are found archaeological indications of the Scandinavian presence, in particular, on the Middle Danube and in the Balkans. These Byzantine-Baltic contacts may have been realised via Central Europe, the famous 'Amber Route' from the region of the Middle Danube

towards the mouths of Vistula and Neman and further on to the Baltic region. Via this route, the northern Scandinavian objects came to Central Europe and further southwards up to the Balkans. From the southern Baltic shores, the spread of the objects in Byzantine tradition further to the north can have been realised both through the system of riverine routes crossing the Eastern Baltic region from north to south and via the sea communications along the eastern coast of the Baltic sea or, via the trans-Baltic sea ways. The distribution of buckles with zoomorphic and anthropomorphic decoration must be linked with the prestigious military fashion of the 5th–6th century.

ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДВОРА ДЕРБЕНТА

Т. А. Кулиев¹

Аннотация. В статье освещаются роль и значение монетного двора Дербента, рассматриваются политическая и экономическая история на основе нумизматических и письменных источников. Возникнув в период существования государства Сасанидов, монетный двор Дербента просуществовал на протяжении нескольких веков, вплоть до начала XIX в.

Annotation. This article covers the role and significance of the mint of Derbent and political and economical history is considered on the basis of numismatic and written sources. Having emerged in the period of the existence of the state of Sasanians the mint of Derbent lasted throughout several centuries until the beginning of the 19th century.

Ключевые слова: монетный двор, Дербент, Сасаниды, Арабский Халифат, «серебряный кризис», Суламиды, Мелики Дербента, Ширваншахи, Хулагуиды, Джучиды, Каракочюнулу, Дербентское ханство.

Keywords: mint, Derbent, Sasanians, Arab Caliphate, 'silver crisis', Sulamids, meliks of Derbent, Shirvanshahs, Hulaguids, Juchids, Karakoyunlu, Derbent Khanate.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-169-181

Расположенный на берегу Каспийского моря один из древнейших городов России Дербент являлся важным торговым и ремесленным центром Кавказа. При археологических раскопках были обнаружены артефакты VI–V вв. до н. э. В период существования Сасанидского государства Дербент играл роль оплота Южного Кавказа против постоянно угрожавших ему с севера нашествий. Поэтому Сасаниды уделяли Дербенту большое внимание, и до нас дошло значительное количество фортификационных сооружений в виде грандиозной цепи фортов и стен, тянувшихся по горам на несколько десятков километров, начиная от Дербента и заканчивая Закатальским районом Азербайджана (Пахомов, 1950. С. 73). Е. А. Пахомовым была обнаружена и совместно с Г. С. Ньюбергом исследована надпись на пехлеви, выбитая в период Сасанидов на дербентской стене, из которой явствует, что дербентская стена была построена в период царствования Хосроя I (Пахомов, 1930а. С. 94). В Сасанидскую эпоху существовали крупные торговые пути, через которые съезжались купцы разных стран и, безусловно, один проходил через Дербент. К Дербенту вели многочисленные

торговые пути – сухопутные и морские, соединяли его с городами Шемаха, Барда, Берзендж. Морскими торговыми путями Дербент был связан с Сиром, Джурджаном, Табаристаном, Дайламом. Обнаруженные в результате археологических раскопок остатки высококачественных керамических материалов показывают, что гончарное производство Дербента было развито на высоком уровне. Археологические исследования свидетельствуют, что население раннесредневекового Дербента занималось стеклоделием, ткачеством, металлообработкой, ювелирным делом, косторезным производством и др. (Мамедов, 1993. С. 71–72). Благоприятное географическое положение Азербайджана, богатые природные условия, растущие города, высокий уровень развития ремесел и оживленная торговля в VI–VII вв. требовали большого количества монет и потому неудивительно наличие многочисленных монетных дворов на его территории. Драхма, чеканенная в Азербайджане, ни качеством, ни весом не отличалась от иных иранских монет и имела хождение наряду с ними во многих странах. Азербайджан играл важную роль в международной торговле. Через его территорию торговые пути шли на север (через Дербент), запад (через Грузию) к Черному морю и на юг к Персидскому заливу. Все это подтверждается много-

¹ Азербайджан, AZ1143, г. Баку, пр. Джавида Гусейна, д. 31. Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана. E-mail: seyfedini@yandex.com.

численными археологическими находками изделий явно неместного изготовления (предметов иранской тореветики, сирийских стеклянных изделий, оружия и др.), а также нумизматическими данными. Будучи мощной цитаделью Сасанидской империи, в Дербенте находился один из важнейших монетных дворов Сасанидов.

Монеты, чеканенные в Дербенте, были объектом исследования таких видных нумизматов, как Б. Дорн, Е. А. Пахомов (основоположник кавказской нумизматики), А. Раджабли, Е. А. Сеницына, Г. В. Злобин.

Исследовавший денежное обращение и монетное дело Кавказа Е. А. Пахомов впервые применил при расшифровке той или иной монограммы метод топографического анализа условий находок и состава сасанидских монетных кладов. Изучение топографических особенностей и состава кладов позволило ему установить принадлежность часто встречаемых в азербайджанских находках определенных монограмм, среди которых встречается монограмма «Д, Р».² Эту монограмму исследователи идентифицируют с городом Дарабджердом. Но А. Раджабли этот монетный знак отождествляет с Дербентом – мощным бастионом Сасанидов на севере Сасанидской империи (*Раджабли*, 1997. С. 36) (рис. 1, 1). В V в. Дербент являлся крупным политическим и экономическим центром на Восточном Кавказе и столицей одного из наместничеств, вошедших в состав державы Сасанидов (*Ашурбейли*, 1983. С. 40).

Из «Тарих-ал-камил» (Полный свод истории) Ибн-ал-Асира известно, что ал-Баб (Дербент) был завоеван в 642/3 г. Суракой ибн-Амрой (*Ибн-ал-Асир*, 1940. С. 13). После захвата арабами Дербента его монетный двор перестал чеканить драхмы, в том числе с надчеканкой на арабском языке, которые выпускали на других монетных дворах. Образование Арабского Халифата сопровождалось ослаблением влияния, а в некоторых случаях потерей власти местными феодалами, укреплением централизованного государства в рамках Халифата, преодолением на время феодальной раздроблен-

ности, что, безусловно, способствовало развитию общехалифатской торговли. Как до захвата арабами Азербайджана и Аррана, так и в период существования Арабского Халифата торговые пути, проходившие через эти страны, имели первостепенное значение и в системе общехалифатской торговли играли далеко не последнюю роль. Из Аррана вывозились известные тогда текстильные товары. Они шли в разные страны через Дербент, который являлся распределительным пунктом для продукции текстильных предприятий (*Мюллер*, 1896. С. 161). Город Дербент играл большую роль в товарообмене между Халифатом и северными странами. Учитывая особую важность Дербента как стратегического и торгово-перевалочного пункта, халифы учредили и сохраняли за ним статус своего рода вольного города (*Буниятов*, 1999. С. 188). В VII–IX вв. с развитием каспийской торговли Дербент становится крупнейшим городом. Ибн-Хаукаль сообщал в «Китаб сурат ал-ард» (Книга описания мира) о наличии порта в ал-Бабе наподобие портов в Тире, Бейруте и Константинополе (*Ибн-Хаукаль*, 2016. С. 290). В VII – начале IX в. важные торговые пути, соединявшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом, переместились в бассейн Каспийского моря. Дербент, где имелся рейд для судов, шедших с Волги или с прикаспийских стран, становится важным портом на Каспийском море (*Ашурбейли*, 1983. С. 40–41).

Как сообщает ал-Балазури, арабы, захватив Дербент, сразу же обратили внимание на его ключевое положение на северных рубежах Халифата. Поэтому они держали в нем очень сильный гарнизон, способный охранять земли Халифата от вторжения хазар (*Балазури*, 1927. С. 17). Важную роль в развитии торговли рассматриваемого периода играло Каспийское море. Торговля в южной части бассейна Каспия стимулировалась близостью крупнейших рынков Багдада, Бухары и Самарканда, которые имели обширные связи с многочисленными азиатскими странами с их развитым ремеслом. Порты, расположенные на побережье Каспия (от Абаскуна и Астрабада до Дербента), поддерживали активное торговое мореплавание. Например, из Астрабада вывозились шелковые ткани, а рынки

² Монограмму «Д, Р» Е. А. Пахомов упоминает во II и IV выпусках «Монетных кладов Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа», которые являются весьма важным источником по истории Кавказа, под № 375 и 1064 (*Пахомов*, 1938; 1949а).

Рис. 1. Монеты Дербента: 1 – Сасаниды. II Хосрой (590–628 гг.), пехл. «Дербент», драхма, серебро; 2 – Суламиды. Халид ибн Йазид, ал-Баб, 159 г. х. (775 г.), фельс, медь; 3 – Ширваншахи. Аноним, период правления Халилуллаха бин Ибрагима, Дербент, 833 г. х. (1429 г.), тенга, серебро; 4 – Омейяды. Аноним, ал-Баб, 120 г. х. (737/8 г.), дирхем, серебро; 5 – Дербентское ханство. Аноним, Дербент, год сбит, аббаси, серебро; 6 – Мелики Дербента (Аглабиды) Абд аль-Малик (1180–1225 гг.), без города и года, фельс, медь

Fig. 1. Coins of Derbent: 1 – Sasanians. II Khosroy (590–628), Pahlavi 'Derbent', drachm, silver; 2 – Sulamids. Khalid ibn Yazid, al-Bab, 159 of Hegira (775 AD), fels, copper; 3 – Shirvanshahs. Anonyme, period of the rule of Khalilullah bin Ibrahim, Derbent, 833 of Hegira (1429 AD), tenga, silver; 4 – Omayyads. Anonyme, al-Bab, 120 of Hegira (737/8 AD), dirhem, silver; 5 – Derbent Khanate. Anonyme, Derbent, the year mark beaten off, abbasi, silver; 6 – Meliks of Derbent (Aglabids) Abd al-Malik (1180–1225), city and year unspecified, fels, copper

Дербента (ал-Баб) были местом сбора купцов почти со всего побережья Каспия. Как указывает В. Тизенгаузен, до реформы халифа Мервана в халифатских владениях обращались византийские золотые и сасанидские серебряные монеты, принимавшиеся на вес (Тизенгаузен, 1873. С. VII). При Омейядах в Азербайджане действовало восемь монетных дворов. Через Дербент на север поступали монеты, чеканенные в городах Халифата,

в том числе в монетном дворе аль-Баб (рис. 1, 4). Данная монета, приведенная в монографии А. Раджабли, является анонимной монетой, выпущенной на монетном дворе Дербента в период царствования династии Омейядов (Раджабли, 2012. С. 100). В. Тизенгаузен описана серебряная монета, чеканенная в 178 г. в ал-Бабе наместником халифа эмиром Яхья, которая обозначена под № 1254 (Тизенгаузен, 1873. С. 137).

В Арране монетные дворы функционировали в Барде, Дербенте, Шемахе (ал-Йазидийа). Самой ранней монетой Омейядов, выпущенной в Дербенте, считается дирхем 115 г. х. (733/734) (Пахомов, 1959б. С. 51). Чеканка монет омейядскими монетными дворами заканчивается в 113 г. х. (748/749). Как отмечает Е. А. Пахомов, монеты чекана Арабского Халифата двигались на север несколькими потоками (Пахомов, 1935. С. 742). Первый, наиболее мощный, начинался в Сирии и Месопотамии, унося оттуда дирхемы халифов и мелких династий – Хамданидов, Окайлидов и других; проходя затем через Иран, он увлекал монеты таких династий, как Абу Дулафиды, Зияриды, Бувейхиды, Саффарины, Тахириды, а в Закаспии захватывал громадное количество саманидских и илекских монет. Вся эта смешанная масса дирхемов, в которую попутно вливались и более ранние драхмы последних Сасанидов (первые сасанидо-арабские монеты омейядских наместников и табаристанский чекан сасанидского типа), шла на север.

Второй поток, по размерам уступавший первому, но более важный для истории Азербайджана, направлялся из центральных областей Халифата через иранский Азербайджан, восточное Закавказье и Дербент опять-таки на север. Началом торговых сношений Востока с Восточной Европой можно считать последние годы VII в., хотя, по предположению П. С. Савельева, торговля существовала и в VI и даже в V столетии, правда, в меньших размерах. Приведенные исторические факты доказываются наличием на севере в кладах монет VII – начала XI в. (Савельев, 1847. С. 14–16). Как отмечает П. Г. Любомиров, большое количество кладов сасанидских монет и серебряной сасанидской утвари, датируемой не позже середины VII в., обнаружено в Пермской губернии, и едва ли это можно объяснить случайностью. Они свидетельствуют о наличии торговых связей (Любомиров, 1923. С. 16). А. Мец, называя открытие мусульманскими купцами Русского Севера великим достижением IV в., подчеркивал, что связи между Восточной Европой и Востоком существовали еще до этого (Мец, 1973. С. 375). Западный берег Каспия от устья Волги до Ширвана находился в то время под властью сильной и воинственной державы хазар. Сто лет, с первой половины VII столетия до

середины VIII в., – от первого появления арабов в прикаспийских странах до прекращения династии Омейядов – на восточной стороне Кавказского перешейка арабы вели кровопролитную борьбу с хазарами за овладение этим краем. Спор двух воинственных народов закончился только при Аббасидах: арабы стали обладателями западного берега Хазарского (Каспийского) моря (Савельев, 1847. С. 1). Именно в этот период, как отмечал Е. А. Пахомов, наметился отток арабских дирхемов с юга на север, достигший постепенно, в последующие два столетия, такой интенсивности, что серебряная монета стала начисто уноситься на север и совершенно перестала оседать в Закавказье, так что дирхемы IX в. и особенно X в. здесь являются чрезвычайной редкостью (Пахомов, 1935. С. 737–747). Подорвав торговые магистрали византийцев через Черное море, арабы повернули торговые пути к востоку, на Каспий, что способствовало бурному расцвету городов прикаспийских стран. Они стали контролировать торговый путь Каспий – Волга, который до этого находился в руках Византии. Военная политика арабов также была направлена на охрану большого торгового пути на север, а так как они владели пространством от Тифлиса до Дербента, эта их политика имела успех. Хазары, опора Византии, были разбиты и серьезной опасности для новой торговой магистрали не представляли. Хазары первыми вступили в непосредственные торговые сношения с арабами. Обосновавшись в низовьях Волги, хазары стали посредниками между Западом и Востоком, прокладывая пути от Каспия и на запад. Через Хазарию, стоявшую на путях, связывавших Восточную Европу с Востоком, осуществлялся оживленный товарообмен (Заходер, 1962. С. 167). Самые ранние торговые сделки, по мнению П. С. Савельева, были заключены на северо-западном берегу Хазарского моря, в Закавказье, где сосредоточивались многочисленные войска и поселения арабов. Эти войска неоднократно доходили почти до Волги, а за ними шли торговые караваны. Столицей Хазарского каганата в VII в. был город Семендер, находившийся между Дербентом и Волгой, а в VIII столетии – Итиль, расположенный в районе современного города Астрахани (Артамонов, 1962. С. 392). Сами итильцы ничего не производили, даже грубые ткани на

одежду привозили к ним из Табаристана и Азербайджана. Оказавшись на перекрестке важных торговых путей, хазары стали играть видную роль. Итиль славился своими базарами. Так, Ибн Фадлан сообщал о наличии на реке Итиль в стране хазар рынка, «который бывает во всякое время, и на нем продается много полезного товара» (Ибн Фадлан, 1939. С. 75). Сюда подданные Халифата привозили шелковые, шерстяные и бумажные ткани, вино, плоды и пряности в обмен на болгарские меха, русский мед, воск и рабов. За многие товары севера арабы должны были еще приплачивать деньгами. В Итиль – главный торговый центр Хазарии – съезжались купцы из разных стран. По Волге прибывали русы и болгары, по Каспийскому морю приплывали на судах купцы из стран Закавказья и Ирана, приходили в Итиль караваны из Хорезма и других областей Средней Азии (Савельев, 1847. С. 404). Купцы славян, торговавшие мехами, оружием, по данным Ибн Хордадбега, попадали на Каспий через Дон, проезжая мимо хазарского города Хамлиджа, правителю которого они платили десятину (Ибн Хордадбег, 1986. С. 124).

О том, что в VIII в. караваны арабов действительно приходили на Волгу из Закавказья и Средней Азии, свидетельствуют найденные в Восточной Европе монеты того времени из разных городов Месопотамии и Мавераннахра, которые первоначально были привезены в Хазарию, а уже оттуда разошлись далее на север.³ В Восточной Европе значительная часть кладов и единичных находок сасанидских, куфических и византийских монет территориально увязывается с Хазарским каганатом или с областями, которые находились в политической зависимости от хазар. Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Придонье, Приазовье и Крым входили в состав каганата (Кропоткин, 1968. С. 76). В IX и X столетиях, когда приволжская торговля достигла наибольшего расцвета, жители прикаспийских городов для перевозки своих грузов на Волгу и для взаимных сношений между Баку, Дербентом и другими приморскими городами использовали преимуществен-

но корабли. Кавказ с его обрывистыми и извилистыми тропами, населенный различными племенами, был плохо приспособлен для устройства торговой дороги (Буниятов, 1999. С. 180). По данным Истахри, приводимым В. В. Бартольдом, Дербентский порт имел тогда важное значение, так как из всех мусульманских и немусульманских стран у Каспийского моря доставлялись тогда товары в Дербент. А важнейшими статьями вывоза были льняные ткани и марена (Бартольд, 1965. С. 424). К северу от хазарских владений находилась земля буртасов, располагавшаяся по правому берегу средней Волги.

На путешествие из Итиля в Болгар, столицу волжских болгар, арабы тратили около месяца пути степью и около двух месяцев рекой против течения. Местоположение Болгара на стыке торговых путей на средней Волге неслучайно (Ковалевский, 1956. С. 29). В X в. Болгар представлял собой богатый и мощный центр северо-восточной торговли, куда стекалось великое множество купцов и товаров. По данным Ибн Даста, дирхемы приходили к болгарам из мусульманских стран путем мены за их товары (Известия о хазарах..., 1869. С. 25). В X в., в период наибольшего расцвета, Болгария являвшаяся центром связи с Востоком, сумела обеспечить безопасность караванным путям в восточные страны. Все источники, письменные и археологические, рисуют нам город Болгар как центр транзитной торговли, в который стекались товары с Востока, Византии, Севера и Запада. Но основные торговые связи у болгар были с Востоком. Включение болгар в систему Халифата объясняется в значительной мере интересами торговли (Смирнов, 1951. С. 40). Факт распространения ислама среди болгар свидетельствует о непосредственном влиянии Халифата. Город Болгар был крайней точкой странствований арабов X в. и самым северным пунктом торговли Халифата. От болгарской земли и по Волге начинается движение арабских монет далее на север и северо-запад. По сообщению Ибн Даста, у болгар чеканной монеты не было – монету им заменяли куньи меха. Каждый мех равнялся двум дирхемам с половиной: «Белые, круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары» (Известия о хазарах..., 1869. С. 25).

³ Монетные клады, обнаруженные на территории России, опубликованы Е. А. Пахомовым под № 247, 248, 250, 251, 264, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 275, 278, 263, 268, 609, 611, 1301, 1964 (Пахомов, 1926; 1938; 1949б; 1959б).

Древняя Русь в силу своего географического положения служила посредником в торговле между исламским Востоком и Византией, с одной стороны, и регионом Балтики – с другой. Основным источником по реконструкции торговых путей являются находки монетных кладов и импортных вещей. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. детально рассмотрены в обобщающей работе А. Е. Леонтьева и Е. Н. Носова в коллективной монографии «Русь в IX–X веках» (Леонтьев, Носов, 2012. С. 383–401). Там же опубликованы новейшая карта кладов куфических монет VIII–IX вв. (С. 387, составитель В. С. Кулешов) и карта кладов X в. и кладов XI–XII вв., в которых встречаются исламские монеты (С. 390, составитель А. А. Гомзин). По подсчетам Т. Нунана, за X в. общий объем поступившего из Средней Азии монетного серебра в весовом выражении составил 375 тонн, то есть ежегодно 3,75 тонны, или 1 млн 250 монет (Нунан, 2004. С. 287–304). Такой значительный объем серебра свидетельствует о том, что восточные монеты в европейских странах служили основным источником поступления драгоценного металла. Таким образом, исламские монеты тысячами через Восточную Европу поступали в регион Балтийского моря и Скандинавию.

Заметную роль в движении монет здесь играл шведский остров Готланд. А. Марков зафиксировал для этого острова 233 клада арабских дирхемов (Марков, 1910. С. 61–88). В Прибалтику куфические монеты попадали со стороны моря, с о. Готланд (Берга, 1988. С. 31). Далее через острова Балтийского моря и через Финляндию мусульманские монеты достигали Скандинавии. По всему восточному берегу Швеции и Финляндии были выявлены такие же серебряные монеты халифов, как и найденные на территории Восточной Европы, то есть 698/699 г. х. (1011/1012).⁴ Международная торговля мусульманским серебром в «Северном Средиземноморье» носила широкий размах. А. В. Фомин выделяет три географические группы кладов с куфическими монетами. Первую он локализует в междуречье Эльбы и Одры, вторую – в районе Нижнего Повисленья, в третью он вклю-

чает находки с Готланда, из южной Швеции и Аландских островов (Фомин, 1982. С. 18). Из Скандинавии часть этих монет попадала в Германию и в Англию. Здесь среди других арабских монет отмечен и чекан Армии, то есть Барды.⁵ Исландия была крайним пунктом, до которого прослеживается распространение арабских дирхемов. Значительная часть мусульманских монет достигала Вислы и Северной Германии по Висле, Одере, Эльбе и их притокам. Арабский источник X в. с удивлением сообщал о продаже в Майнце пряностей, встречающихся на Востоке (Кулишер, 1916. С. 61). По Висле куфических монет встречается мало. По Нижнему Одере мусульманские дирхемы IX и X вв. находят в значительном количестве до самого Франкфурта. На берега Эльбы и в средней Германии их не обнаружено совсем, тем не менее они, как и восточные товары, доходили до Балтийского Поморья и даже до берегов Рейна и Майна.

Начиная с IX в. в Азербайджане, как и в других областях Халифата, постепенно формируются сначала вассальные, а потом полузависимые и независимые феодальные государства. Как отмечает А. Раджабли, с конца VIII в., воспользовавшись ослаблением власти багдадского халифа на окраинах Халифата, некоторые арабские наместники Азербайджана – Суламиды, Тамимиды, Джафариды (VIII–XII вв.) и Йазидиды (Мазйадиды) в VIII–XVI вв. стремились превратить свои административные области в самостоятельные государства (Раджабли, 2016. С. 38). В числе первых возникают государства Ширваншахов в 861 г. и Саджидов в 889 г.⁶ В «Тарих Баб ал-абваб» сообщается, что в 225 г. х. / 869 г. Хашим ибн Сурака ас-Сулами стал правителем ал-Баба и пограничных областей, отстояв их независимость. Его преемники владели этой областью один за другим. Первое появление этой династии относится к 255 г. х. / 869 г., а конец приблизи-

⁵ Обнаруженные на территории этих стран монетные кладов описаны Е. А. Пахомовым под № 294, 295, 296, 297, 299, 629 и 635 (Пахомов, 1926; 1938).

⁶ Е. А. Пахомов под № 489, 872, 876, 1186, 2005 приводит описание кладов с монетами Ширваншахов, чеканенными в Дербенте. Среди этих кладов встречались анонимные монеты чекана государства Ширваншахов, в состав которого наряду с Ширваном входил также Табасаран и Лайзан. А в ал-Бабе начинают править эмиры Хашимиды, владевшие правом чекана монеты (право сикке) и хутбе (Пахомов, 1938; 1940; 1949б; 1959б).

⁴ Обнаруженные на территории стран Скандинавии монеты в публикации Е. А. Пахомова числятся под № 280–288, 289, 631, 1518 (Пахомов, 1926; 1938; 1949б).

тельно к 470 г. х. / 1077 г., ее господство продолжалось 215 лет (*Минорский*, 1963. С. 64). Источники свидетельствуют, что между эмирами ал-Баба и Ширваншахами, а также между городской знатью и эмирами шла борьба с переменным успехом за господство в данном регионе. Сохранился серебряный дирхем эмира ал-Баба Маймуна ибн Ахмада (977–982) с именем ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада (*Lebedev*, 2010. Fig. 11–12). Это говорит о наличии вассальной зависимости между эмирами ал-Баба и Ширваншахами. В некоторых случаях знать Дербента приглашала представителей Ширваншахов для управления ал-Бабом. Так, сын ширваншаха Мухаммад IV ибн Мазйяд Хайсам ибн Мухаммад (948–956), назначенный отцом правителем Табасарана, был несколько раз избран правителем (эмиром) ал-Баба дербентцами и успел чеканить свою монету. В «Инвентарном каталоге» А. Маркова приводится серебряный дирхем ал-Хейсам бен Мухаммада 330 г. х. / 941–942 г., чеканенного в Мединет ал-Бабе (*Марков*, 1896. С. 307). А. Раджабли дает описание медной монеты, чеканенной от имени эмира Халида бин Йазида в ал-Бабе в 159=776/60 г. (Раджабли, 2015. С. 93) (рис. 1, 2).

С начала XII в. и до начала XIII в. на юге Дагестана существовал самостоятельный Дербентский эмират, правителями которого были Музаффар ибн Мухаммед и его преемник Бекбарс ибн Музаффар Абд ал-Малик ас-Сулами, которые пользовались правом чекана монет. Существование данного эмирата подтверждалось не только письменными источниками, но и нумизматическими (рис. 1, б). До нас дошли монеты, чеканенные от имени правителей Дербентского эмирата.⁷ Как указывает Е. А. Пахомов, монеты принадлежали к образцам «неправильного» чекана периода серебряного кризиса и представляли собой бесформенные кусочки пластинок меди с примесью небольшого количества свинца, серебра весом от 1 до 20 граммов (*Пахомов*, 1930б. С. 2). Данные монеты были найдены вместе с монетами Ильдегизидов и Сельджукидов XII–XIII вв.

Наряду с образованием самостоятельных государств на территории Арабского Халифата этот

период характеризуется углубляющейся проблемой нехватки серебряных монет и заменой их медными и золотыми монетами в денежном обращении. Серебряный кризис, начавшийся в Средней Азии, с первой половины XI в. постепенно распространился на денежное обращение других стран Востока, где он продолжался до первой половины XIII в. Все более увеличивавшаяся нехватка серебра начиная со второй половины X в. сопровождалась понижением пробы и повышением веса дирхема. Такими были поздние дирхемы Мазьядидов Ширвана, Шеддадидов Аррана, Раввадидов Азербайджана, Бувейхидов Ирана, Саманидов Хорасана, илеков Караханидов Туркестана. Это был начальный этап преднамеренной порчи чекана и обращения низкопробного дирхема. Если в период образования Арабского Халифата монетное дело было централизовано, проводилось бесперебойное снабжение сырьем и чеканка монет осуществлялась на основе единых правил, установленных правительством халифа, то впоследствии, при распаде Халифата на отдельные феодальные государства, последние испытывали трудности с чеканкой серебра из-за его нехватки, что приводило к порче монет со стороны местных феодальных правителей, и это происходило не только в Дербентском эмирате, но и в сопредельных государствах, в частности, в государстве Ширваншахов. Как отмечает Л. А. Азимова, изучение низкопробных монет Йазида ибн Ахмада (991–1027 гг.) из Хачмазского клада показывает, что серебряный кризис в Азербайджане наступил в период правления этого ширваншаха (*Азимова*, 1986. С. 12). Низкопробные дирхемы, как и медные фельсы, предназначались для удовлетворения потребностей торгового оборота. Все известные клады этих монет XII в., выпущенных от имени Манучехра I, Ахситана I, Шаханшаха, найдены недалеко от Шемахи, в которой они и чеканились.

Прогрессирующее понижение доли серебра в дирхеме привело к тому, что низкопробные монеты почти не отличались от медных. Тогда-то ширваншахи и атабеки Азербайджана начали серебрение монет. Впервые монеты ширваншахов Ахситана I и Шаханшаха со следами серебрения описал Е. А. Пахомов. Им был проведен химический анализ ширваншахских монет, который

⁷ Монеты Дербентского эмирата, на которых наряду с именами эмиров упоминался халиф, а также сельджукский султан, описываются Е. А. Пахомовым в кладах под № 1096, 1097, 1098, 1099, 1793, 1799 (*Пахомов*, 1949а; 1957б).

установил снижение количества серебра в монетах с 10,75 % до 0,177 % (Пахомов, 1927). Начало их серебряния приходится на 545 и 552 гг. х. (*Раджабли*, 1997. С. 69). Подобные монеты, как и ранние низкопробные дирхемы, обращались в соответствии с установленным на рынке курсом. Вскоре ширваншахи отказались от серебряния монет и перешли к выпуску монет из чистой меди. Исследователи серебряного кризиса выдвигали различные причины этого феномена. Так, Ю. Ф. Буряков, исследуя историю горного дела и металлургии одного из крупнейших горнорудных районов средневекового Востока – Илака, причиной кризиса денежного обращения видит не только в истощении рудников, но и в росте потребностей в серебре в связи с развитием города и внутренней торговли, децентрализации серебряных запасов. Изучение рудников Илака показывает сокращение их деятельности, особенно со второй половины XI и в XII вв., что, несомненно, явилось еще одной причиной в цепи других, способствовавших усилению серебряного кризиса. В настоящее время ясно, что основной причиной серебряного кризиса не могло быть истощение богатых рудных жил. В Илаке встречаются законсервированные выработки с достаточным запасом руды. Главная причина, видимо, лежит в области политической и социально-экономической обстановки. Феодалная раздробленность с характерной для нее неустойчивостью земельных владений мало способствовала интенсификации горнорудных работ (*Буряков*, 1974. С. 127). Опираясь на письменные источники, Е. А. Давидович установила соотношение стоимости серебра и золота, показав значительное превышение цены на серебро в XII в. Анализ курсов дирхемов XI–XII вв. в сочетании с немногочисленными сведениями о цене серебра в слитках действительно свидетельствует о подорожании серебра (*Давидович*, 1959. С. 158). Она видит причину исчезновения высокопробной серебряной монеты в увеличении спроса на средства обращения вследствие расцвета городской жизни в Средней Азии XI – начала XIII вв., росте объема ремесленной продукции (стеклянное и керамическое производства, изготовление художественных изделий из металла). Количество необходимых для торговли средств обращения определяется суммой

цен на товары и быстротой оборота. Именно бурное развитие городов и товарного производства в XI–XII вв. потребовало обеспечения рынка большим количеством монет. Наряду с интенсивным развитием городов другую причину серебряного кризиса Е. А. Давидович видит в усилении феодалной раздробленности, в господстве системы феодалных пожалований, что исключало возможность мобилизации и концентрации уже накопленных серебряных запасов для регулярной государственной чеканки монет, а феодалные усобицы и прочие политические осложнения не создавали благоприятных условий для этого (Там же. С. 146). По мнению Е. А. Пахомова, приход к власти местных феодалов, тесно не связанных с Халифатом, а иногда даже настроенных враждебно к последнему, несомненно ускорил процесс феодалного дробления Переднего Востока, что вызвало затруднения для свободной караванной торговли, а также привело к присвоению феодалами права чекана монеты. Серебряные халифские дирхемы, почти однородные по качеству металла и весу на всем пространстве Халифата, постепенно заменяются разновесными в зависимости от того, в какой области они выпущены. Это все более и более стесняло торговые обороты, а области, в которых собственное серебро не добывалось, начинали испытывать недостаток его, так как сокращался приток серебра посредством транзитной торговли. Хазарское государство, через которое шла значительная часть арабской торговли с севером, не смогло оправиться от нападения в 968 г. Святослава, в результате чего территории приволжских, северокавказских и придонских степей оказались во власти кочевников, и постоянные межплеменные и межродовые войны и набеги очень сильно повлияли на торговлю на путях, шедших из Азербайджана на север вдоль Каспия (*Пахомов*, 1957а. С. 82–83). А. Раджабли подразделяет серебряный кризис на этапы: понижение пробы дирхема; чекан и обращение низкопробных посеребренных дирхемов; чекан и обращение медных фельсов и медных дирхемов; активизация золота (*Раджабли*, 1997. С. 64). Конечно, выпадение серебряных монет из денежного обращения происходило не сразу. Денежное обращение, основанное на дирхемах, постепенно уступало место золотой и медной

денежной системе, что происходило параллельно с интенсивным ростом городов и товарного производства. Нехватка серебра отразилась и на составе монетных кладов Азербайджана, зарытых до последней четверти X в. Несмотря на интенсивную работу местных монетных дворов, монеты азербайджанских государств IX–X вв. встречаются в них очень редко. В связи с кризисом распространение монет на север резко прекращается. В первые годы XI в. там уже не фиксируются клады дирхемов, выпущенных после 1015 г. В этот период между государством Ширваншахов и Дербентским эмиратом шла борьба за влияние в данном регионе. Так, исследовавший сочинения Мас'уда ибн Намдара В. М. Бейлис отмечал, что ширваншах Фарибурз (1063–1096 гг.) продолжал традиционную для ширваншахов-Йазидидов политику укрепления влияния Ширвана в Южном Дагестане (Бейлис, 1975. С. 40). По данным В. Ф. Минорского, в период правления в Дербенте эмиров ас-Сулами Ширваншахи установили брачные связи с грузинскими царями, которые несколько раз поддерживали Ширван в его борьбе с Дербентом (Минорский, 1963. С. 186). Только при ширваншахе Фарибурзе III (1225–1244 гг.) многолетняя борьба Ширваншахов за овладение Дербентом окончилась включением Дербента в состав государства Ширваншахов и ликвидацией монетной регалии Аглабидов Бану Сулами – последних эмиров Дербента (Раджабли, 2015. С. 135).

В XIII в. страны Азии подверглись нашествию монголов. Впоследствии между джучидами, джелаиридами и тимуридами шла борьба за влияние на Кавказе.⁸ В этих условиях во главе государства Ширваншахов встал ширваншах Шейх-Ибрагим I (784–820 гг. х. / 1380–1418 гг.). Г. В. Злобин по присутствующим на монетах именам делит типы ширваншахских монет на восемь групп, чеканенных от имени Шейх-Ибрагима бин Муххамада; от имени Джелаирида Султана Ахмада; от имени Токтамышша; от имени Тимура, по джелаиридскому весовому стандарту; от имени Тимура, по тимуровскому весовому стандарту; от имени Шадибека; анонимный чекан; от имени Пир Будака и Йусуфа Кара-

коюнлу (Злобин, 2010. С. 45). Во второй половине XIV в. Азербайджан попал под власть Тимура, при котором началась чеканка серебряной теньги. Известны его «оккупационные» монеты, чеканившиеся в 805 г. х. (1402/3 гг.) в Тебризе, Шемахе и в 806 г. х. в Дербенте Г. В. Злобиным приводится описание ширваншахских тенег, чеканенных от имени эмира Тимура в 803 г. х. и от имени джучида Шадибека в 809–812 гг. х. в Дербенте (Там же. С. 135). Впоследствии теньга чеканилась в 808–811 г. х. (1405–1408 гг.) в Дербенте и в Баку джучидом Шадибеком. Теньга легла в основу монетной системы азербайджанских феодальных государств Каракоюнлу, Агкоюнлу и Ширваншахов. А. Раджабли приводится анонимная монета ширваншаха Халилуллаха I бин Ибрагима (1417–1465 гг.), чеканенная в 833 г. х./1429 г. Вес теньги – 4 грамма серебра (Раджабли, 2015. С. 142) (рис. 1, 3).

В государстве Ширваншахов, правители которого были вассалами эмира Тимура, серебряная теньга чеканилась в Дербенте, Баку и в Шемахе. С 790 г. х. (1388 г.) начинается выпуск монет от имени джучида Токтамышша и продолжается до 792 г. х. (1389/90 гг.). Это говорит о вхождении Ширвана, в том числе Дербента, в сферу влияния джучидов. По данным В. В. Бартольда, противник Тимура Тохтамыш приказал чеканить здесь монету от своего имени. В качестве пограничной крепости основанной Тимуром державы Дербент по-прежнему был передан ширваншаху (Бартольд, 1965. С. 426). В Азербайджане теньга чеканилась самим Тимуром. Известны его «оккупационные» монеты, выпущенные в 805 г. х. (1402/1403 гг.) в Тебризе и Шемахе, в 806 г. х. – в Дербенте. После смерти Тимура теньга в Азербайджане чеканилась в течение 808–811 гг. (1405–1408 гг.) его преемником внуком Шахрухом, а в северных городах (Дербенте, Баку, Шемахе) джучидом Шадибеком (Пахомов, 1956. С. 49). Но чеканились монеты анонимно, без имени ширваншаха Ибрагима I (1382–1417 гг.). Исследовав ширваншахские монеты,⁹ найденные в с. Чайкенд в 1935 г., Е. А. Пахомов пришел к выводу, что вес основной единицы Ширвана, введенной в употребление в начале XV в. при Ибрагиме I, стал быстро понижаться и столетие спустя, к 913 г. х. (1507–1508 гг.), упал до 1,02 г (Пахомов, 1941. С. 49).

⁸ Монеты Джучидов, отчеканенные в Дербенте, Шаберане, Шемахе и Баку, обнаружены в кладах под № 1887, 2120 (Пахомов, 1957а; 1966).

⁹ В выпусках «Монетные клады...» они значатся под № 163, 478, 2120 (Пахомов, 1926; 1938; 1966).

Монетная система Сефевидского государства основывалась на серебряном монометаллизме и основной монетной единицей был принят крупный высокопробный номинал – «шахи», весом в 2 мискаля (9,36 гр) с номинальной стоимостью 50 медных динаров или 25 двойных динаров (*Раджабли*, 2014. С. 207). В работе Е. А. Пахомова не приводится описание кладов с монетами Сефевидов, чеканенных в Дербенте, что можно объяснить тем, что монеты, чеканенные в других городах Сефевидской державы, по-видимому, обеспечивали потребности оборота в монетах.

Государство Надиршаха возникло на развалинах Сефевидской державы. Однако после смерти Надиршаха его государство начали раздирать междоусобные войны, сопровождавшиеся возникновением независимых ханств (княжеств). Распад государства Надиршаха привел к образованию на территории Северного Азербайджана ханств, в том числе Дербентского ханства. Как отмечает Е. А. Синицина, если в середине XVIII в. в денежном обращении Азербайджана наряду с ханскими анонимами участвовали образцы старого чекана (Сефевидов и Афшаридов), то в последней четверти XVIII в. основным платежным средством стали выпуски местных монетных

дворов (Гянджи, Шемахи, Панахабада, Кубы, Дербента и др.).¹⁰ В конце XVIII – начале XIX в. в обращение включаются монеты иноземного чекана (России, Турции и Ирана), присутствие которых в кладах в массовом количестве позволяет считать их полноправными участниками денежного обращения (*Синицына*, 1992. С. 8). Выпуски монетного двора Дербента представляли собой единый тип с формулой «О, Владыка времени», что было характерно для всех монетных дворов Северо-Восточного Азербайджана. В обращении Дербентского ханства использовались однотипные номиналы достоинством три шахи заниженного веса (3,5 данга мискаля) и две шахи (рис. 1, 5). Значит, монетная система Дербентского ханства основывалась на номинале шахи и его производных, а также медных номиналах фулус и его производных.

Таким образом, возникнув в период царствования династии Сасанидов, монетный двор Дербента продолжал действовать и в последующих восточных государствах, – Арабском Халифате, Суламидах, Меликах Дербента, Ширваншахах, Хулагуидах, Джучидах, Каракоюнлу, в том числе в период существования Дербентского ханства, вплоть до начала XIX в.

¹⁰ Е. А. Пахомов приводит описание кладов с монетами закавказских ханств под № 235, 538, 1862, 2038 (*Пахомов*, 1926; 1938; 19576; 1966).

Азимова, 1986 – *Азимова Л. А.* Денежное обращение Азербайджана во второй половине IX – первой половине XI вв. (по данным нумизматики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Артамонов, 1962 – *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

Аиурбейли, 1983 – *Аиурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.

Балазури, 1927 – *Балазури*. Книга завоевания стран / пер. с арабского П. К. Жузе // *Материалы по истории Азербайджана*. Баку, 1927. Вып. III.

Бартольд, 1965 – *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1965. Т. 3.

Бейлис, 1975 – *Бейлис В. М.* Сочинение Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1975.

Берга, 1988 – *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига, 1988.

Буниятов, 1999 – *Буниятов З. М.* Избранные сочинения: в 3 т. Баку, 1999. Т. 1.

Буряков, 1974 – *Буряков Ю. Ф.* Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.

Давидович, 1959 – *Давидович Е. А.* Городское ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» XI–XIII вв. // *Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии*. М.; Л., 1959.

- Заходер*, 1962 – *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Злобин*, 2010 – *Злобин Г. В.* Монеты Ширваншахов династии Дербенти (третья династия) 784 г. х./1382–956 г. х./1548 гг. М., 2010.
- Ибн-ал-Асир*, 1940 – «Тарих-ал-камил» (Полный свод истории) Ибн-ал-Асир // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.
- Ибн Фадлан*, 1939 – *Ибн Фадлан.* Путешествие на Волгу / пер. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Ибн-Хаукаль*, 2016 – «Китаб сурат ал-ард» (Книга описания мира) / Велиханлы Н. Азербайджан в VII–XII вв.: история, источники, комментарий. Баку, 2016. (На азерб. яз.)
- Ибн Хордадбех*, 1986 – *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Известия о хазарах..., 1869 – Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-али Ахмеда бен Омар Ибн Даста / пер. проф. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869.
- Ковалевский*, 1956 – *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Кропоткин*, 1968 – *Кропоткин В. В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. М., 1968.
- Кулишер*, 1916 – *Кулишер М. И.* Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916.
- Леонтьев*, *Носов*, 2012 – *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
- Любомиров*, 1923 – *Любомиров П. Г.* Торговые связи Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Учен. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3.
- Мамедов*, 1993 – *Мамедов Т. М.* Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку, 1993.
- Марков*, 1896 – *Марков А.* Инвентарный каталог мусульманских монет. СПб., 1896.
- Марков*, 1910 – *Марков А.* Топография кладов восточных монет: сасанидских и куфических. СПб., 1910.
- Мец*, 1973 – *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973.
- Минорский*, 1963 – *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Мюллер*, 1896 – *Мюллер А.* История ислама: в 2 т. СПб., 1896. Т. 2.
- Нунан*, 2004 – *Нунан Т. С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Пахомов*, 1926 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926. Вып. I: Монетные клады Азербайджана и Закавказья (Тр. О-ва Обследования и Изучения Азербайджана; Вып. 3).
- Пахомов*, 1927 – *Пахомов Е. А.* Химический анализ ширваншахских монет // Известия Азкомстариса. Баку, 1927. Вып. 3.
- Пахомов*, 1930а – *Пахомов Е. А.* К толкованию пехлевийских надписей Дербенда. Баку, 1930.
- Пахомов*, 1930б – *Пахомов Е. А.* О Дербендском княжестве XII–XIII вв. Баку, 1930.
- Пахомов*, 1935 – *Пахомов Е. А.* Ганджинский клад 1929 г. и переломный момент арабской торговли в Закавказье. К 45-летию академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1935.
- Пахомов*, 1938 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1938. Вып. II: Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа.
- Пахомов*, 1940 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1940. Вып. III.
- Пахомов*, 1941 – *Пахомов Е. А.* Чайкентский клад 1935 года. Баку, 1941.
- Пахомов*, 1949а – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. IV.
- Пахомов*, 1949б – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. V.

- Пахомов*, 1950 – *Пахомов Е. А.* Закавказская «Длинная стена» // Тр. Азербайджанского гос. ун-та. Серия историческая. Баку, 1950. Вып. I.
- Пахомов*, 1954 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1954. Вып. VI.
- Пахомов*, 1956 – *Пахомов Е. А.* Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с первой половины XIV до начала XV вв. по монетным данным // КСИИМК. М.; Л., 1956. Вып. 66.
- Пахомов*, 1957а – *Пахомов Е. А.* Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в. // Нумизматический сборник. М., 1957 (Труды ГИМ; XXVI, ч. II).
- Пахомов*, 1957б – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. VII.
- Пахомов*, 1959а – *Пахомов Е. А.* Монеты Азербайджана. Баку, 1959. Вып. 1.
- Пахомов*, 1959б – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1959. Вып. VIII.
- Пахомов*, 1966 – *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1966. Вып. IX.
- Раджабли*, 1997 – *Раджабли А.* Нумизматика Азербайджана: Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана. Баку, 1997.
- Раджабли*, 2012 – *Раджабли А.* Монеты Азербайджана. Баку, 2012.
- Раджабли*, 2014 – *Раджабли А.* Монетное дело Азербайджанского государства Сефевидов. Баку, 2014.
- Раджабли*, 2015 – *Раджабли А.* Монетная чеканка в государстве Ширваншахов (VIII–XVI вв.). Баку, 2015.
- Раджабли*, 2016 – *Раджабли А.* Деньги Кавказа: Книга-альбом. Баку, 2016.
- Савельев*, 1847 – *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847.
- Синицына*, 1992 – *Синицына Е. А.* Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Смирнов*, 1951 – *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
- Тизенгаузен*, 1873 – *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.
- Фомин*, 1982 – *Фомин А. В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИИМК. 1982. Вып. 171.
- Lebedev*, 2010 – *Lebedev V. P.* A dirham of the ruler of Darband, Maymūn bin Ahmad // ONS Newsletter, N 202 (winter 2010).

From the history of the Derbend mint

T. A. Kuliev

This article covers the role and significance of the mint of Derbent and political and economical history is considered on the basis of numismatic and written sources. Having emerged in the period of the existence of the state of Sasanids, the mint of Derbent lasted throughout several ages until the beginning of the 19th century. During the Sasanian epoch, Derbent, owing to its geographic situation played an important role in international trade. Via Derbent, trade routes went northward, westward (to the Black Sea) via Georgia and southward (to the Persian Gulf). Since

Derbent was a powerful citadel of the Sasanian empire, one of the most important mints of the Sasanians was there situated.

After the Arabs occupied Derbent, its mint ceased the coinage of drachms including those with countermarks in Arabian language which were struck at other mints. With the emergence of the Arabian Caliphate, the centralized state power was strengthened promoting the development of general Caliphate's trade. According to information of mediaeval travellers and historians, with the rise of the Caspian trade in the

7th–9th century, Derbent became the largest town and important port on the Caspian Sea. The trade in the southern part of the Caspian basin was stimulated by the closeness of the extremely large markets of Baghdad, Bukhara and Samarkand which were widely connected with numerous Asiatic countries with their advanced crafts. In addition, via Derbent, the coins minted in the Caliphate's cities, including al-Bab, came to the North. The western littoral of the Caspian Sea from the mouth of the Volga to as far as Shirvan in that period was dominated by the powerful and warlike state of the Khazars. The numerous coin hoards found in the territory of Eastern Europe as far as the Baltic region indicate that via Derbent the coins minted in the Arabian Caliphate came to the north.

Beginning with the 9th century, in Azerbaijan, like in other regions of the Caliphate, first vassal then half-dependent and independent feudal states gradually arose. Among the first ones, the state of Shirvanshahs appeared in 889 and that of Sajids in 889. In addition to Shirvan, the state of Shirvanshahs included also Tabarasan and Layzan. At the same time, al-Bab (Derbent) came under the rule of the Hashimid emirs who enjoyed the right of striking coins. Historical sources tell us that between the emirs of al-Bab and Shirvanshahs, as well as between the urban nobility and emirs, there was a struggle for the domination in this region. This struggle proceeded with variable success. Since the early 12th century and until the beginning of the 13th century, the independent Derbent Emirate existed in southern Dagestan. Its rulers were Muzaffar ibn Muhammad and his successor Bekbars ibn Muzaffar Abd al-Malik as-Sulami who had the right of minting coins. In literature, this period is called the 'silver crisis' which was characterised by the lack of silver coins and their replacement with copper and gold pieces in the monetary circulation. The 'silver crisis', having begun in Central Asia, since the first half of the 11th century gradually spread to the monetary circulation of other countries of the East continuing there throughout the first half of the 11th to the first half of the 13th century. With the second half of the 10th century the standard of dirhem was decreased and its weight was raised. This quality was characteristic of late dirhems of the Mazyadids of Shirvan, Shed-

dadids of Arran, Ravvadids of Azerbaijan, Buveyhids of Iran, Samanids of Khorasan, Karakhanide ileks of Turkestan.

In the 13th century, countries of Asia suffered the invasion of the Mongols. Hoards with coins of Juchids struck in Derbent were found in Shabaran, Shamakhi and Baku. Subsequently there was a struggle between the Juchids, Jelairids and Timurids for influence in the Caucasus. In the second half of the 14th century, Azerbaijan got under the power of Timur (Tamerlane) under whom minting of silver tenga started. There are known his 'occupation' coins minted in 805 of Hegira (1402/3 AD) in Tebriz, Shamakhi and in 806 of Hegira in Derbent. In the state of Shirvanshahs, the rulers of which were vassals of the Emir Timur, the silver tenga was struck in Derbent, Baku and Shamakhi. It is exactly then that issuing of coins in the name of the Juchid Tokhtamysh was started continuing until 792 of Hegira (1389/90 AD). This fact is evidence that Shirvan, including Derbent, was introduced into the sphere of influence of the Juchids. The monetary system of the Sephevid state was based on silver monometallism but no hoards of Sephevid coins are known in Derbent. Evidently coins minted in other towns of the Sephevid empire provided for the needs of the market. On the ruins of the Sephevid state, the power of Nader Shah arose. However after the death of Nader Shah, internal strife began to tear his state and it was accompanied by the appearance of independent khanates (princdoms). The fall of the Nader Shah's empire resulted in the formation of several khanates in the territory of Northern Azerbaijan too, e.g. in the Derbent Khanate. The issues of the mint of Derbent composed a single type with the legend 'Oh, Lord of Time' typical for all the mints of North-Eastern Azerbaijan. In the circulation of the Derbent Khanate, uniform denominations were used with a face value of three shahi of a lowered weight (3.5 dang of miskal) and 2 shahi.

Thus, having arisen in the period of the rule of the Sasanian dynasty, the mint of Derbent continued its functioning also in the time of the subsequent oriental states, i.e. the Arab Caliphate, Sulamids, Meliks of Derbent, Shirvanshahs, Hulaguids, Juchids, Karakoyunlu, and during the existence of the Derbent Khanate until the early 19th century.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАДОВ СЕРЕБРЯНЫХ ГРИВЕН В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. На Северо-Западе лесной зоны Восточной Европы в конце XIX в. при случайных обстоятельствах встречены клады серебряных гривен. В статье показано, что по своему составу они близкикладам из Восточной Прибалтики, датируются третьей четвертью I тыс. н. э. и являются не просто украшениями, а реально слитками серебра, которым придана форма шейных обручей.

Annotation. In the end of the 19th century, several hoards of silver neck rings were fortuitously found in the North-West of the forest zone of Eastern Europe. In this paper, it is shown that they are close in their composition to buried treasures from the Eastern Baltic Sea region, dating from the third quarter of the 1st millennium AD. These objects are no simple ornaments but in fact ingots of silver to which the shape of neck hoops was rendered.

Ключевые слова: клады серебряных гривен в Восточной Европе, уточнение датировки, интерпретация.
Keywords: hoards of silver neck rings in Eastern Europe, precise dating, interpretation.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-182-189

Особое место среди археологических памятников занимают клады. Классической работой по систематизации вещевых кладов Древней Руси является фундаментальный свод Г. Ф. Корзухиной «Русские клады IX–XIII вв.», изданный в 1954 г. Последующие 70 лет этот свод был пополнен новыми находками, но до сих пор работа Г. Ф. Корзухиной остается главным подспорьем при изучении данной категории материала. Собранные 175 вещевых кладов распределены исследовательницей по четырем хронологическим периодам: IX – рубеж IX–X в. (11 кладов), вторая половина X – рубеж X–XI в. (17 кладов), XI – начало XII в. (36 кладов), 70-е гг. XII в. – 1240 г. (111 кладов) (Корзухина, 1954. С. 19). Столь значительное количество кладов в последней хронологической группе объясняется татаро-монгольским нашествием. И неслучайно, что наибольшее число кладов последней группы концентрируется на территории Южной Руси, и прежде всего в районе самого Киева. Анализируя состав кладов, Г. Ф. Корзухина рассматривает входящие в них вещи как комплекс богатых металлических украшений парадного костюма, хранящийся в знатных семьях

древнерусского общества. По ее мнению, отдельные изделия могли передаваться по наследству, а поэтому «состав большинства кладов неоднороден, так как входящие в них вещи разновременны» (Там же. С. 15). Таким образом, она связывала клады с княжеско-боярской верхушкой и средой зажиточных горожан (Там же. С. 76). Особое внимание в работе было уделено предметам, представляющим собой редкие произведения ювелирного мастерства и позволявшим судить о развитии художественного ремесла Древней Руси. По мнению исследовательницы, в отличие от монетных кладов, «топография вещевых кладов никакого отношения к торговым путям не имеет. В состав вещевых кладов попадало имущество наименее подвижной части населения древнерусских городов и усадеб, это “женская ларечная кузнь”, которую в момент опасности зарывали у дома. Поэтому топография вещевых кладов отражает не районы с наиболее развитым ремеслом и не направление торговых путей, она указывает пункты и целые районы, испытывавшие те или иные бедствия» (Там же).

Выводы Г. Ф. Корзухиной вполне справедливы для значительной части собранного ею богатейшего материала древнерусского периода. И, как в дальнейшем показали работы Н. В. Жилиной, княжеско-боярский убор с наибольшей долей вероятности можно восстановить именно по вещам из кладов (Жилина, 2010. С. 175–198; 2012. С. 251–281). Однако не все клады вписываются в общую концепцию Г. Ф. Корзухиной. В данной статье я хочу

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

остановиться на двух кладах, найденных в конце XIX в. на Северо-Западе у деревень Узьмино и Горки (рис. 1) и включенных Г. Ф. Корзухиной в группу ранних кладов, зарытых в IX в. и на рубеже IX–X вв. (Корзухина. 1954. С. 82). Примечательно, что они состояли исключительно из серебряных гривен.

Один из кладов был обнаружен при вспашке поля в 1875 г. у д. Горки близ Передольского погоста Лужского у. Петербургской губ. (ныне д. Горка Батецкого р-на Новгородской обл.) (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1875. Д. № 17). Клад был передан в Археологическую комиссию священником деревни Ильей Яковлевичем Быстровым через сына, студента Историко-филологического института, и затем поступил на хранение в Императорский Эрмитаж. В клад входило три серебряных обруча с так называемыми седловидными и костьюльковыми концами (рис. 2). Основу гривен представляли граненые серебряные дроты. Оба конца дрота были загнуты в широкую петлю, но с одного конца центральная часть петли была расплющена и украшена валиком, напоминающим по форме седло. У одной из гривен концы были дополнительно обмотаны серебряной проволокой (рис. 2, 3), а у другой – орнаментированы пуансонным кружковым орнаментом (рис. 2, 2). По характеру декора дуги изделия отличаются друг от друга. Один из дротов был перекручен (рис. 2, 1), на другой – нанесена нарезка (рис. 2, 2), подражающая витью, а третий был покрыт сеткой мелких вытянутых ромбиков (фасетками, поэтому такой тип гривен называют фасетированными) (рис. 2, 3).

Второй клад был найден в 1889 г. крестьянином Иваном Яковлевым также при обработке поля близ д. Узьмино Гдовского у. Петербургской губ. (ныне деревня находится в Красностругском р-не Псковской обл.) (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1889. Д. № 85. Л. 1–8). Клад был передан в Археологическую комиссию землевладельцем действительным статским советником Львом Николаевичем Модзалевским. В клад входило три целых обруча и четыре обломка (рис. 3).³ Все целые гривны и, скорее всего, два обломка относились к группе изделий с седловидными концами. Концы одной из сломанных

³ В деле Археологической комиссии обломки рассматриваются как остатки целой гривны, но это не так. Они принадлежат разным изделиям.

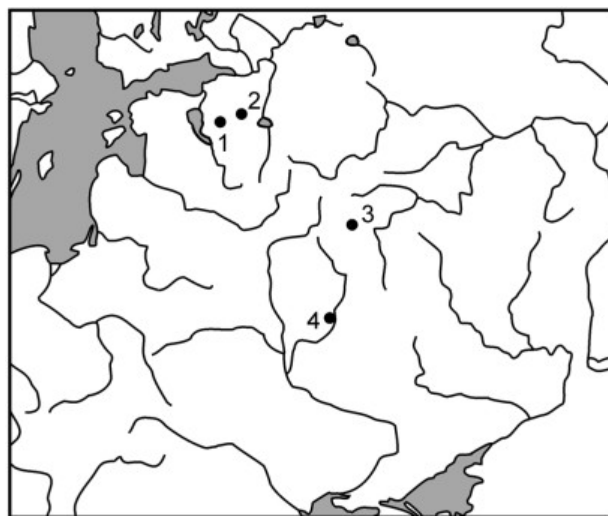

Рис. 1. Клады серебряных гривен на территории Восточной Европы: 1 – Узьмино; 2 – Горки; 3 – Долины; 4 – Мамекино

Fig. 1. Hoards of silver grivnas over the territory of Eastern Europe: 1 – Uz'mino; 2 – Gorki; 3 – Doliny; 4 – Mamekino

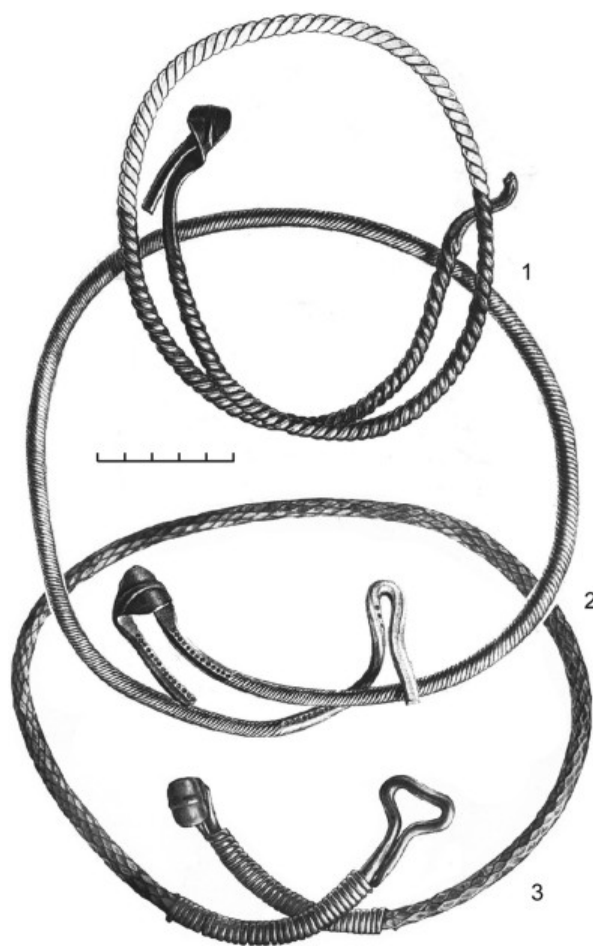

Рис. 2. Клад у д. Горки

Fig. 2. Hoard from the village of Gorki

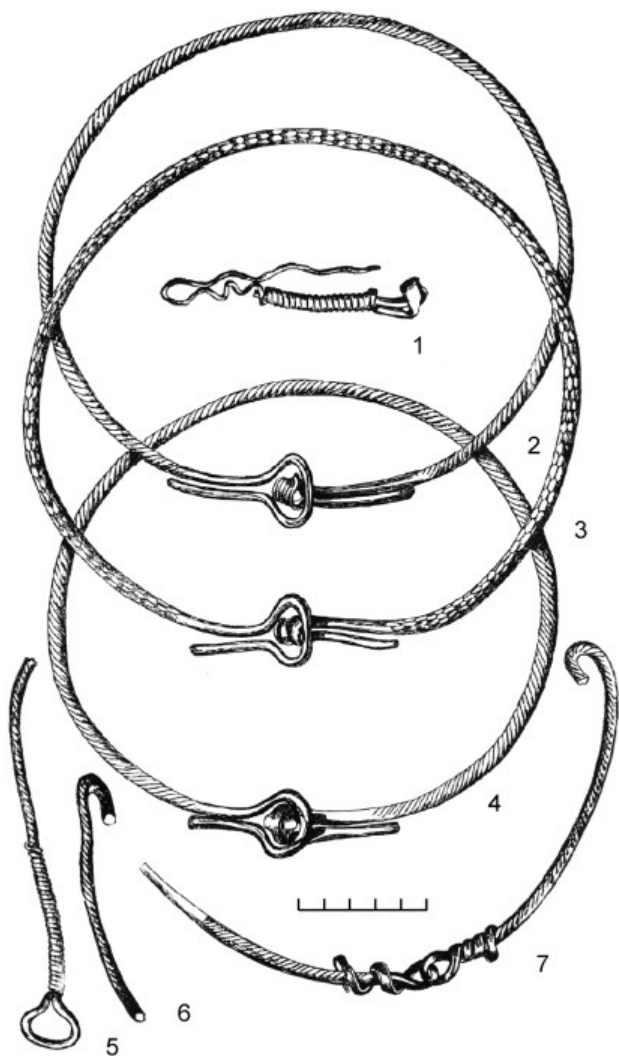

Рис. 3. Клад у д. Узьмино

Fig. 3. Hoard from the village of Uz'mino

гривен были скреплены неразъемными петлями (рис. 3, 7). Дуга другой гривны была украшена удлиненными мелкими фасетками шестиугольной формы (рис. 3, 3). Остальные обручи, включая обломки, декорированы орнаментом, имитирующим витые (рис. 3, 2, 4–7). Из Археологической комиссии, куда они поступили, в 1891 г. фасетированная гривна была передана в Эрмитаж, а остальная часть клада – в Московский Исторический музей.

Если сравнить состав кладов, то нетрудно заметить их идентичность в типах представленных в них изделий. Несомненно, они одновременны и, по-видимому, поступили из одного источника. Кроме того, они оказались зарыты в одном культурно-историческом регионе на рас-

стоянии около 90 км по прямой и, возможно, поступили одним путем.

Как отмечала еще Г. Ф. Корзухина, самое сложное состоит с датированием клада, когда в его составе нет монет. Собственно, одна из ее заслуг заключается в том, что она попыталась разделить клад на хронологические группы. Г. Ф. Корзухина сначала продатиовала клады, имеющие нумизматический материал, а затем по сходству вещей выделила группы, объединенные «рядом общих устойчивых признаков» (Корзухина, 1954. С. 18).

В этой связи надо отметить, что ранние клады чрезвычайно разнообразны по своему составу и объединены в одну группу исходя из общих рассуждений: 1 – что «почти во всех кладах с сохранившейся вещевой частью найдены шейные гривны ранних типов, когда гривны застегивались еще не сзади на шее, а на груди»; 2 – что в этой группе кладов представлены «довольно массивные и крупные вещи, сделанные путемковки и литья», и в них отсутствуют витые украшения, которые широко распространяются позже. «Самое большее, – пишет Г. Ф. Корзухина – это перекрученный вокруг своей оси граненный дрот или спиральная нарезка, подражающая витью, но и то только у гривен» (Там же. С. 21).

В настоящее время не вызывает сомнения, что гривны с седловидными и костьювидными концами имеют прибалтийское происхождение. В. Уртанс, опубликовавший клады Латвии, отмечает, что в Восточной Прибалтике известны сотни таких украшений. По его подсчетам, в разных отдельных латвийских кладах встречено 14 серебряных гривен подобного типа, а в клад Саулескалнс входило девять бронзовых гривен с седловидными концами. Такой тип застежки у обручей не дает узкой даты, поскольку имеет чрезвычайно широкие рамки бытования от VII в. до XII в. (Urtāns, 1977. 21 lpp.). Однако в составе рассматриваемых нами кладов у деревень Узьмино и Горки есть изделия, которые могут существенно сузить их дату сокрытия. Речь идет о гривнах с фасетированными дугами, которые присутствуют в каждом из этих комплексов.

Подобный тип гривен в свое время вызвал дискуссию в литературе. Дело в том, что Х. А. Моора в 1938 г. высказал мысль, что прототипы гривен, орнаментированных фасетками, отсутствуют на Западе и, скорее всего, были привнесены в При-

балтику из Южной или Средней России по днепровскому пути (Moora, 1938. S. 317–319). В прибалтийской литературе это мнение утвердилось. Г. Ф. Корзухина подробно рассмотрела этот вопрос и указала на неточность приводимых им ссылок и несостоятельность самой идеи. Возражая против заключения Х. А. Моора, она сделала определенный вывод, что «на территории Среднего Поднепровья известна лишь одна гривна с длинными фасетками» (Корзухина, 1978. С. 59, 60). Она имела в виду клад у с. Мамекино Новгород-Северского р-на Черниговской обл. (рис. 1). Клад состоял из трех серебряных гривен, из которых сохранилась только одна (рис. 4, 2). Ее приобрел Д. Я. Самоквасов и в 1910 г. передал в ГИМ (Там же. С. 72). «В то же время, – продолжает Г. Ф. Корзухина – в Эстонии в одном только кладе, найденном в Пылльва, таких гривен оказалось 11. Собственно клад и состоит из одних таких гривен» (Там же. С. 60). Далее она приводит другие примеры для территории Эстонии, а также Латвии и заключает, что «всего в Прибалтике только в кладах мне известно не менее 16 гривен с длинными фасетками, а в Среднем же Поднепровье только одна» (Там же).

Г. Ф. Корзухина права, что традиция орнаментации дуг обручей фасетками на территории Прибалтики прослеживается по крайней мере с середины I тыс. н. э., причем сам фасетированный орнамент был довольно разнообразным (более или менее рельефным, с удлиненными или мелкими фасетками) и украшал гривны разных типов. Если брать материалы прибалтийских кладов, то можно привести некоторые примеры: так, в кладе Леяслепи в Латвии из семи серебряных обручей шесть имели фасетированные концы или дуги (рис. 5). В. Урганс датирует данный комплекс V–VI вв. (Urtāns, 1977. 149, 150 lpp., 55. att.). Подобные серебряные обручи, украшенные разными вариантами фасеток, встречены в кладах Кардла, Виира, Виллевере и других на территории Эстонии, которые также относятся к V–VI вв. (Eesti..., 2005. Lk. 20–25).

В Юго-Восточной Эстонии в кладе Лоози найдена серебряная гривна, являющаяся наиболее близкой аналогией нашим экземплярам (рис. 4, 1). Эта гривна, по мнению М. Аун, представляет промежуточный вариант между гривнами с концами в виде петли и крючка и с седловидными концами

Рис. 4. Серебряные шейные гривны: 1 – из клада Лоози (Эстония); 2 – из клада Мамекино (Украина)

Fig. 4. Silver neck rings: 1 – from the hoard of Loosi (Estonia); 2 – from the hoard of Mamekino (Ukraine)

и датируется не позднее VII–VIII вв. М. Аун, в частности, отмечает что наиболее близкая аналогия ей найдена в кладе у д. Горки Ленинградской обл. (Аун, 1992. С. 140).

Итак, мы думаем, что клад у деревень Узьмино и Горки отличаются от группы ранних кладов, выделенных Г. Ф. Корзухиной, типами украшений и отсутствием монет, сравнимы с кладами Прибалтики и датируются третьей четвертью I тыс. н. э., то есть несколько более ранним временем. В этой связи надо отметить, что на территории Восточной Европы имеется еще один клад, состоящий только из серебряных гривен, типы которых полностью совпадают с обручами из рассматриваемых нами кладов. В том числе в его составе имеются гривны с седловидными концами

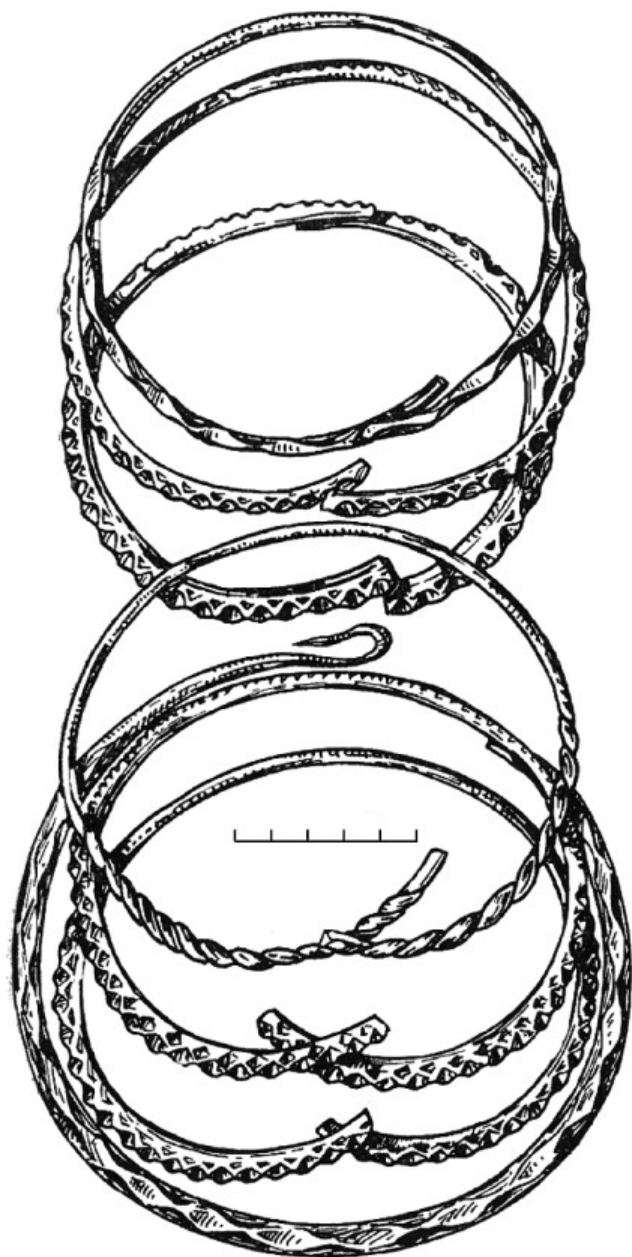

Рис. 5. Клад Леяслепји (Латвия)

Fig. 5. Hoard from Lejaslepji (Latvia)

и фасетированной дугой. И этот клад не вошел в сводную работу Г. Ф. Корзухиной.

Клад был найден в 1885 г. в Юхновском у. Смоленской губ. в Мочановской вол. д. Долины (ныне Юхновский р-н Калужской обл.) крестьянкой Прасковьей Прохоровной Беловой при распашке поля (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1885. Д. № 13. Л. 8–25). Клад богатый, в него входило восемь гривен (две из них были фрагментированы) и шесть

обломков от таких же гривен (рис. 6). Судя по документам, хранящимся в деле Археологической комиссии, целые гривны, включая две фрагментированные, но собирающиеся в целые украшения, поступили в Эрмитаж, а обломки от разрозненных изделий были отправлены на переплавку на Императорский Монетный двор. В состав клада входят пять гривен с седловидными концами (причем дуги их были фасетированы различными видами фасеток) (рис. 6, 2–6), еще обломок гривны из простого дрота, второй конец не сохранился, но, судя по общему облику гривны, вполне мог быть седловидным (рис. 6, 1), и две массивные гривны с петлевидными головками (рис. 6, 7, 8), которые следует рассматривать как прототипы гривен с седловидными концами (то есть одна из петель расковывается в середине, превращаясь в прогнутую пластину с валиком, действительно напоминающую седло). Одна из них с нанизанными бусами и обвитая серебряной проволокой (рис. 6, 7) имеет аналогию гривне в кладе Кокумуйжа II на территории Латвии, который датируется концом V в. (*Urtāns*, 1977. 142–145 lpp.). Одним словом, клад у д. Долины был зарыт не позднее третьей четверти I тыс. н. э. По своему составу он был богаче, но, на наш взгляд, находится в одной группе с кладами у деревень Горки и Узьмино.

Почему же клад у д. Долины вообще не вошел в сводную работу Г. Ф. Корзухиной, хотя она конечно прекрасно о нем знала. Во-первых, Г. Ф. Корзухина при характеристике кладов постоянно ссылается на работу Е. А. Рызевской, которая в 1915 г. подготовила каталог серебряных шейных обручей, хранящихся в Эрмитаже, и ее статья открывается описанием гривен именно из клада Долины (*Рызевская*, 1915. С. 191–193). Во-вторых, как очень тщательный исследователь, Г. Ф. Корзухина прекрасно знала эрмитажные коллекции и архивные материалы, тем более она определенное время являлась заведующей архива ИИМК. Я думаю, что клад у д. Долины она считала более ранним, выходящим за хронологические рамки ее работы, и не обратила внимания на сходство с ним кладов у деревень Горки и Узьмино. Поэтому последние она включила в общий свод кладов, а у д. Долины нет.

Таким образом, на территории Восточной Европы мы имеем четыре клада (Горки, Узьмино, Долины и Мамекино), состоящих исключительно

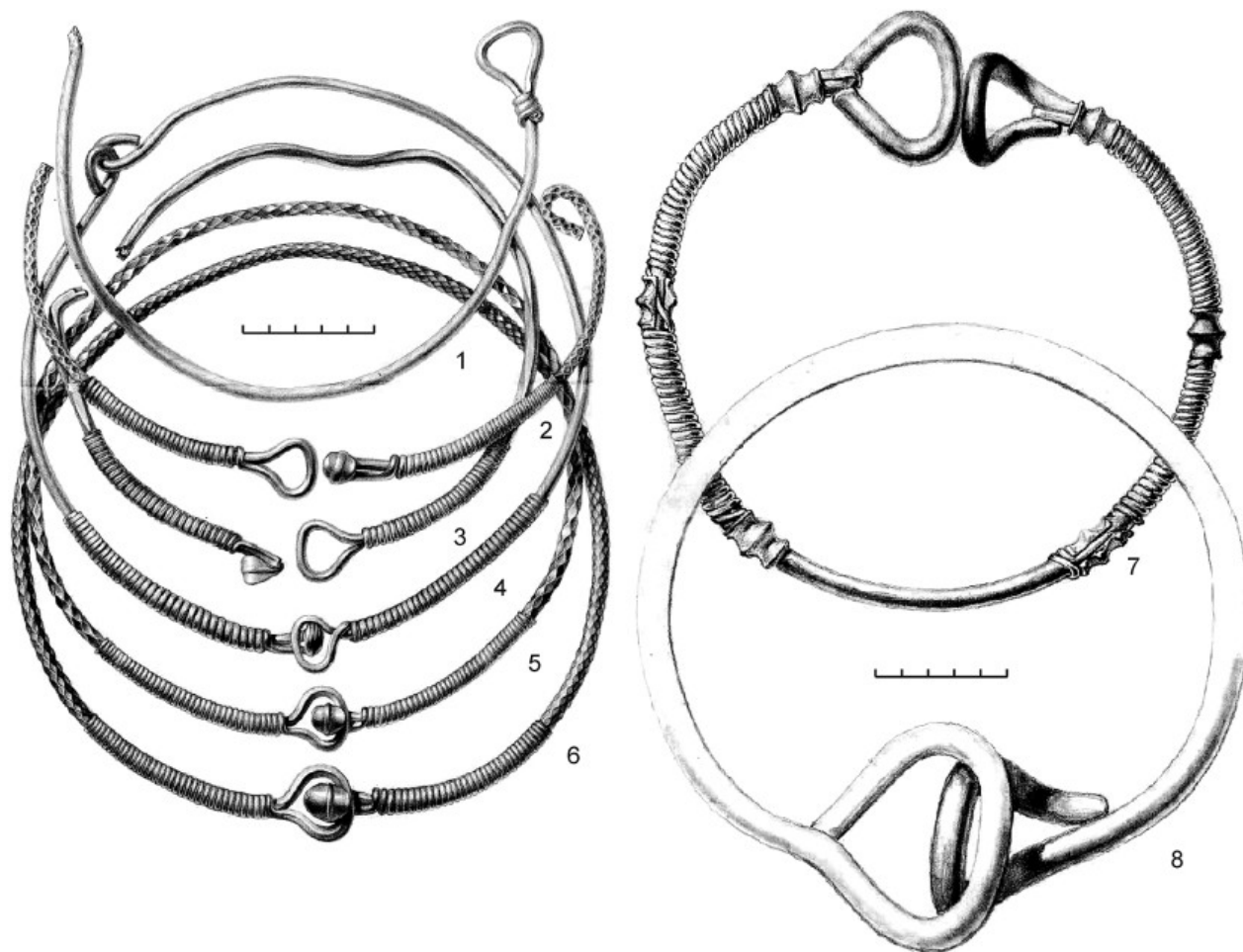

Рис. 6. Клад у д. Долины

Fig. 6. Hoard from the village of Doliny

из серебряных гривен (в одном случае вместе с ломом), датирующихся третьей четвертью I тыс. н. э. Нет сомнения, что их следует рассматривать не как собрание престижных украшений женской элитной части общества, а как своего рода «банковский капитал» слитков серебра, которым придана форма шейных обручей. С одной стороны, данное серебро можно было использовать как платежную единицу для обмена, отрубая куски определенного веса, а с другой стороны, как сырье для изготовления украшений.

В связи с этим интересные наблюдения сделала Л. Вайткусене по материалам кладов Литвы второй половины I тыс. н. э.: «наряду с появлением кладов с серебряными изделиями и постепенным исчезновением серебряных предметов из погребального инвентаря прослеживается еще одна тенденция: серебряные изделия в это время ста-

новятся массивными, теряют изящество форм, свойственное украшению. <...> Они мало напоминают предмет, который может служить украшением. Некоторые гривны приобретают необычные размеры». Вес отдельных из них достигает от 0,5 до 2 кг (*Vaitkunsienė*, 1981. P. 99–100). Это в полной мере относится к изделиям из наших кладов.

Здесь также уместно привести мнение И. Янсона относительно кладов более позднего времени, а именно эпохи викингов: «в некоторых кладах найдены большие наборы ювелирных изделий, которые, по-видимому, представляли собой драгоценности всей семьи, но даже они имеют следы проб и отломов, говорящие о том, что эти украшения использовались в качестве средств платежа, когда для этого возникала необходимость. Сложно и невозможно установить, были ли вещи клада куплены, захвачены при нападении или представляют собой

плату за службу. Однако чаще всего состав вещей и их состояние свидетельствуют, что в основном они попали к владельцу в результате торговых операций» (Янссон, 1996. С. 45).

Рассмотренные клады маркируют поток серебра в Восточную Европу с Запада, очевидно, через Прибалтику, до распространения со второй половины VIII в. в массовом количестве серебряных монет с Востока, проходивших через Хазарию. В доказательство того, что у населения северной части лесной зоны Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. имелось в обиходе серебро, можно привести в пример редкие предметы из погребений культуры длинных курганов. Среди них наиболее роскошными, наверно, являются серебряные браслеты из могильника у д. Володи Псковской обл.

Говоря о пути поступления серебра, следует обратиться к более раннему времени. В работах

М. М. Казанского неоднократно рассматривались находки предметов римского времени и периода Великого переселения народов в Прибалтике и Южной Скандинавии. Они трассируют путь от Рижского залива по рекам Гауи и Эмайыги на Чудское озеро. Для I в. данный путь реконструируется «по распространению торков с воронковидными концами, "глазчатых" фибул прусской серии, а также перекладчатых фибул 5-й (эстонской) серии. Дорога существовала и во II–III вв., как показывает распространение эмалей на территории Эстонии и северной Латвии. Для эпохи переселения народов эту трассу маркируют гривны с заходящими концами и различные арбалетовидные застёжки балтского происхождения» (Казанский, 2010. С. 335). По-видимому, этот путь продолжал функционировать и в более позднее время. Серебро же в верхнее Поднепровье с Балтики могло идти и другим путем по Западной Двине.

Аун, 1992 – Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин, 1992.

Жилина, 2010 – Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб., 2010.

Жилина, 2012 – Жилина Н. В. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // АВ. 2012. № 18.

Казанский, 2010 – Казанский М. М. О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.

Корзухина, 1954 – Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Корзухина, 1978 – Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ; вып. Е1–43).

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1875. Д. № 17: О восточных монетах и серебряных шейных кольцах, найденных в Петербургской губ. в 1875 г.; 1885. Д. № 13: О старинных русских серебряных монетах, найденных в Смоленской губ.; 1889. Д. № 85: О древних серебряных шейных кольцах, найденных в д. Узьмино Гдовского уезда С.-Петербургской губ.

Рыдзевская, 1915 – Рыдзевская Е. А. Клады старых серебряных шейных гривен западного типа // ЗОРСА. Пг., 1915. Т. XI.

Янссон, 1996 – Янссон И. Сокрытые сокровища эпохи викингов // Наследие варягов. Диалог культур. М., 1996.

Eesti..., 2005 – Eesti muistsed aarded. Näituse kataloog. Tallinn, 2005.

Moora, 1938 – Moora H. Die Eisenzeit Lettlands bis etwa 500 n. Chr. 2. Tartu; Dorpat, 1938.

Urtāns, 1977 – Urtāns V. Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.). Rīga, 1977.

Vaitkunskenė, 1981 – Vaitkunskenė. L. Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius, 1981.

Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe

N. V. Khvoshchinskaya

In the end of the 19th century, hoards of silver neck rings were fortuitously discovered near the villages of Gorki and Uzmino in the North-West of the forest zone of Eastern Europe. In Gali F. Korzukhina's corpus, they were published among the early group of hoards dated to the 9th or the turn between the 9th and 10th century. However, basing on the typological similarity of these neck rings with analogous ornaments from hoards in the Eastern Baltic Region, in particular the hoops with the bows decorated with a faceted pattern, these complexes are datable to an earlier period i.e. the third quarter of the 1st millennium AD. Analogous silver neck rings decorated with facets on the bows were found among two hoards from the Dnieper region (Doliny and Mamekino). The composition of the rich hoard from Doliny, composed of 8 entire silver rings and 6 fragments, included three neck rings which, judging by the Baltic parallels, are dated to the 6th–7th centuries. This is why this hoard, undoubtedly known to G. F. Korzukhina, was not included into her corpus since it was beyond the chronological range of her work. Generally, Korzukhina linked the hoards under study with prestigious objects of attire of the princely and boyar elite and the milieu of the prosperous townsmen. These were artefacts probably hidden in the moment of threat. In the opinion of the researcher, contrary to coin treasures, the topology of the hoards of properties had no relation with trade routes but indicate the points and entire regions subjected to some calamities.

Korzukhina's conclusions are quite justified as considerable numbers of the extremely rich materials of the Old-Russian period collected by her are concerned. However, the hoards analyzed by us, consisting exclusively of fairly massive silver hoops, do not correspond to her conception. Undoubtedly, they should be considered not as sets of prestigious ornaments of the society's female elite but rather as a 'bank capital' of its kind in the form of silver ingots shaped as neck hoops. This silver can have been used, on the one hand, as a paying unit for exchange by chopping from it pieces of a definite weight and, on the other hand, as raw material for manufacturing ornaments.

The hoards under consideration mark the flows of silver to Eastern Europe from the West, evidently via the Baltic littoral. This silver was imported to Eastern Europe since the second half of the 8th century, until the distribution of mass numbers of silver coins coming via Khazaria began. When talking about the route of importation of silver we must turn to the earlier period. In studies by Mikhail M. Kazanskiy, findings of the Roman period and the time of the Great Migration of Peoples in the Baltic region and Southern Scandinavia not once were considered. They trace the route from the Gulf of Riga via the Gaujas and Emajyga rivers to Lake Chudskoye (Peipus). Evidently, this route continued its functioning also in the later period. Silver could have come also via another route to the Upper Dnieper area i.e. from the Baltic littoral via the Western Dvina.

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАДОЖСКОЙ КРЕПОСТИ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ВЫСОКОТОЧНОЙ ГРАВИМЕТРИИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАННЫХ О РЕЛЬЕФЕ МЕСТНОСТИ)¹

Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев²

Аннотация. В статье речь идет о геоархеологических исследованиях, проведенных в 2017 г. на территории двора Ладужской крепости. Результаты высокоточной гравиметрической съемки позволили получить неизвестные ранее данные об особенностях палеоландшафта местности и инженерных решениях, принятых при возведении стен одного из этапов строительства каменной крепости.

Annotation. This paper deals with geoarchaeological researches conducted in 2017 in the area of the courtyard of the Ladoga fortress. The results of high precision gravimetric surveys have provided unknown earlier data on the peculiarities of the palaeolandscape and engineer solutions employed for construction of the walls at one of the stages of building of the stone fortress.

Ключевые слова: Старая Ладога, средневековье, крепость, геоархеология, гравиметрия.

Keywords: Staraya Ladoga, Middle Ages, fortress, geoarchaeology, gravimetry.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-190-197

Комплексный подход, с применением естественнонаучных методов, является на сегодняшний день неотъемлемой частью археологического исследования (Кузьмин, 2017. С. 13–23). Одним из используемых методов является геофизический метод. Материалы раскопок с анализом полученных артефактов дополняются изучением структуры самих культурных отложений, условий их накопления и формирования. Геоархеологические методы позволяют отвечать на вопросы, которые трудно или зачастую даже невозможно решить только археологическими методами. Комплексный подход дает возможность получить наполненную деталями своеобразную многомерную модель существования древних коллективов, учитываю-

щую уникальную многогранность конкретной среды их жизни, а также представить и оценить степень их взаимовлияния.

При изучении древностей Ладужского поселения уже значительное время осуществляется систематическое сотрудничество со специалистами по биоархеологии – археоботаниками из Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Вавилова (Сперанская и др., 2017. С. 984–985; Чухина и др., 2014. С. 244–251; 2015. С. 223–229); археозоологами из Института экологии растений и животных УрО РАН, Зоологического института РАН и Санкт-Петербургского государственного университета (Галкина и др., 2016. С. 118–124); антропологами из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Кунсткамера РАН (Моисеев и др., 2016. С. 390–399). Для хронологической привязки культурных отложений, когда это возможно, используется дендрохронология и радиоуглеродный анализ. При работе с разными категориями археологических находок применяется метод их химического, рентгеноструктурного и микронзондового исследований (Коновалов и др., 2008. С. 133–154; Григорьева, Лесман, 2012. С. 62–77; Григорьева, 2015. С. 39–47; 2017. С. 88–91).

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

² Григорьева Н. В. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

Кошевой В. В.; Медведев О. Ю. – Россия, 199106, Санкт-Петербург, Средний пр., 74. ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского. Гравиметрическая партия центра глубинной геофизики.

Впервые к междисциплинарному изучению региона нижнего Поволжья и истории сложения и накопления культурных напластований Ладожского поселения обратилась группа специалистов из Института истории материальной культуры РАН и СПбГУ (Человек и природная среда... , 2005). До настоящего времени нижняя древнейшая часть культурного слоя и подстилающая погребенная почва являются объектом отдельного изучения специалистов Института географии РАН (*Александровский и др.*, 2010. С. 43–61; 2017. С. 10–14; *Александровский*, 2012. С. 59–61; *Александровский, Долгих*, 2012. С. 69–78). Внимание специалистов по палеогеографии большей частью сосредоточено на территории открытого поселения (Земляного городища), так как именно там ведутся многолетние археологические раскопки, позволяющие получать данные о времени и особенностях освоения территории современной Ладоги.

В последние годы Староладожская археологическая экспедиция проводила масштабные археологические раскопки на территории двора каменной крепости (рис. 1), воздвигнутой на мысу, при впадении р. Ладожка в р. Волхов. Именно здесь в рамках работ 2017 г. впервые в Ладоге были применены методы высокоточной гравиметрии и магнитометрической разведки. Геофизические работы выполнялись гравиметрической партией Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского (ФГБУ ВСЕГЕИ), под руководством В. В. Кошевого.

В 2017 г. раскопки проводились вдоль восточной линии укреплений крепости, около Тайничной башни и на участке разрушенного юго-восточного прясла (рис. 1, раскопы 1 и 2). Эта кромка и ранее привлекала пристальное внимание исследователей. Слои многочисленных подсыпок, относящихся к периоду, предшествующему строительству Георгиевской церкви, описывает Н. К. Стеценко (*Стеценко*, 1999. С. 68–71). В ее раскопках мощность насыпных напластований на участке между церковью и восточным пряслом достигала 3,6 м.³ Южнее,

³ Расчеты ведутся от уровня верха фундамента Георгиевской церкви, который предположительно соответствует уровню дневной поверхности XII в. Отметка abc 12.59 по Балтийской системе.

напротив входа в Раскатную башню, где в 2013–2015 гг. проводились раскопки Георгиевским отрядом Староладожской экспедиции, уровень материка на горизонтальной части исследованной площади находился на глубине 0,5–0,7 м от уровня верха фундамента храма, но наблюдалось его резкое понижение в сторону реки, к востоку.

Похожую картину удалось проследить в северной части крепости, в раскопе 2017 г. у Тайничной башни, севернее поворотной площадки лестницы Тайничного спуска (рис. 1). Здесь, на горизонтальной части раскопа, материк находился примерно на 1 м ниже уровня фундамента церкви Св. Георгия, а перепад его поверхности в восточную сторону достигал 1,5 м. Кроме того, совершенно неожиданно открылось падение материка в сторону юга, в этом направлении перепад превысил 2,5 м.

Было выдвинуто предположение, что открываемые неровности связаны с особенностями рельефа древней материковой поверхности, а подсыпки, очевидно, являются результатом антропогенной деятельности. Трудно объяснить это только с помощью археологических методов, поэтому задача исследовать особенности древнего ландшафта ладожского мыса и была поставлена в начале совместной работы экспедиций.

Магнитная съемка не дала ожидаемых результатов, так как фактически вся территория крепостного двора в значительной степени заражена современным железом, что отражается в аномалии магнитного поля амплитудой более 3000 нТл. Выделить из всего спектра магнитных аномалий отдельные, представляющие интерес для археологии, возможно, но это требует значительных затрат и времени.

Гравиметрический метод в археологии использовался довольно редко, вероятно, в силу устоявшихся представлений о трудоемкости проведения и сложности обработки получаемых данных. Однако за последние 10–15 лет аппаратная база и методика обработки результатов гравиметрических наблюдений столь значительно изменились, что позволяют теперь решать широкий круг детальных поисковых задач.

В гравиметрических наблюдениях используются гравиметры – приборы для измерения

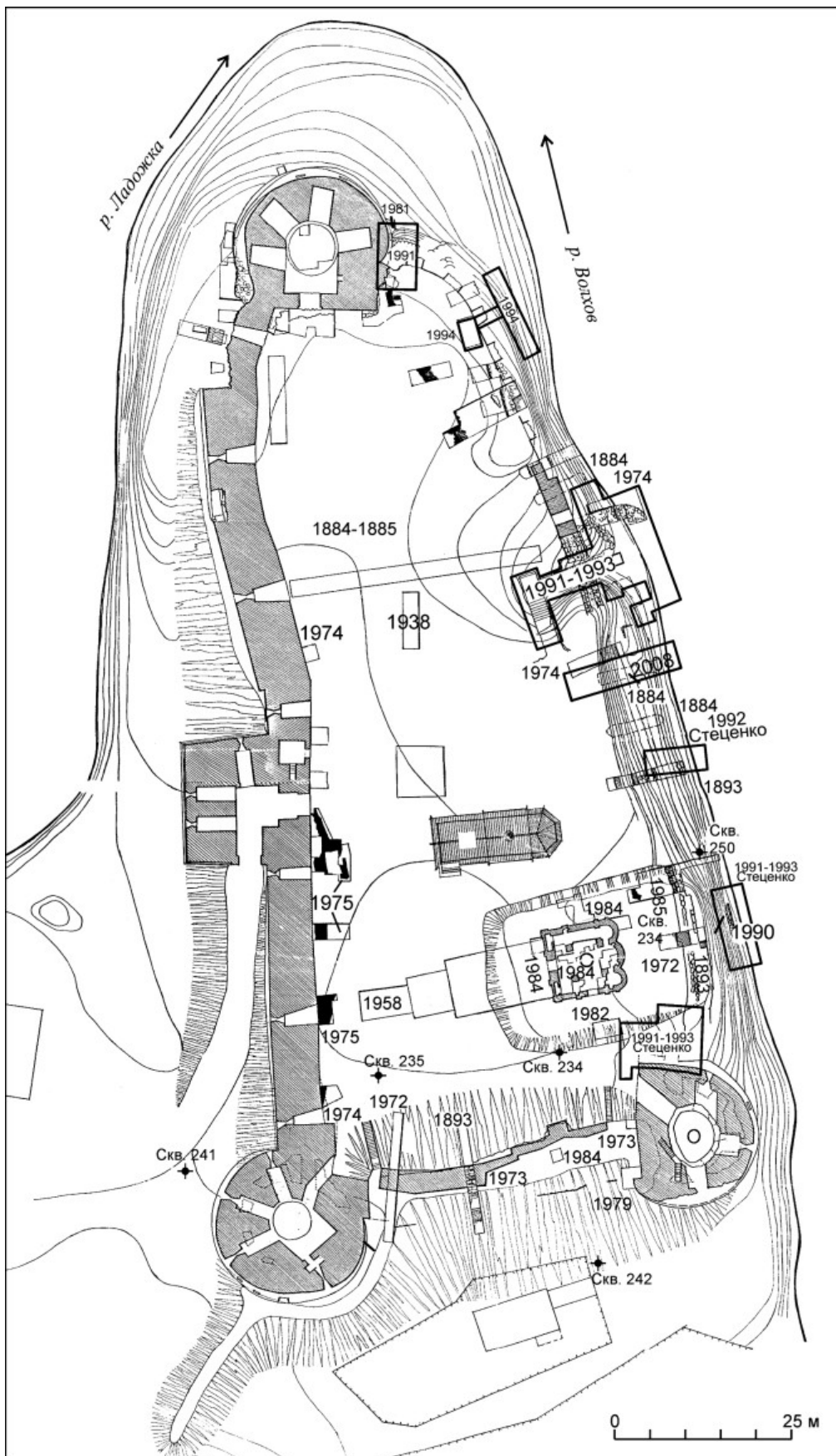

Рис. 1. Сводный план раскопок на территории Ладожской крепости, проведенных в 1884–2017 гг. За основу принят план, предоставленный специалистом НИИ «Спецпроектреставрация» С. В. Лалазаровым

Fig. 1. Composite plan of excavations conducted in 1884–2017 in the territory of the Ladoga fortress. A plan provided by the specialist of the Research Institute “Spetsproektrestavratsiya” S. V. Lalazarov is taken as the basis

ускорения под действием силы тяжести.⁴ Замеры проводятся по предварительно разбитой сети профилей с регулярным шагом (расстоянием между пунктами наблюдений). Шаг съемки и расстояние между профилями зависят от размеров поисковых объектов.

Гравиметрические измерения всегда сопровождаются высокоточными топогеодезическими наблюдениями, так как для вычисления аномалий силы тяжести (или гравитационных аномалий) очень важно точное определение высоты и координат пунктов наблюдений.⁵

В результате камеральной обработки геофизических и топогеодезических данных были построены графики и карты аномалий силы тяжести, получены схема цифровой модели местности и топографический план расположения архитектурных объектов и действующих археологических раскопов внутри крепостных стен.

Обработанная информация полевых наблюдений, подлежащая дальнейшей интерпретации, содержится в графиках и в картах поля аномалий силы тяжести и их трансформант (рис. 2; **рис. цветная иллюстрация на четвертой странице обложки**). Трансформанты – это преобразования исходных данных, которые позволяют выделять из общей картины поля особенности, представляющие интерпретационный интерес.

Для корректной интерпретации полученных геофизических данных необходимо иметь пред-

⁴ При проведении гравиметрической съемки в Ладожской крепости применялись высокоточные автоматические гравиметры AUTOGRAV CG-5 канадского производства (Scintrex, LTD), способные измерять ускорение свободного падения с точностью свыше $1 \cdot 10^{-5}$ м/с², что соответствует погрешности менее 0,01 мГал (миллигал – внесистемная единица, используемая в гравиметрии). По результатам контроля гравиметрической съемки погрешность определения наблюденных значений силы тяжести составила $\pm 0,013$ мгал.

⁵ Обязательные сопровождающие топогеодезические работы выполнялись с геодезической спутниковой аппаратурой в дифференциальном режиме (RTK). Для геодезических работ использовались двухчастотные приемники Trimble R10 и PrioCE. Точность определения координат и высот пунктов гравиметрических наблюдений составила менее 5 см.

ставления о модели геологического разреза, характерного для изучаемой территории, и сведения о физических свойствах горных пород, составляющих геологический разрез. Для получения сведений о верхней части типичного геологического разреза, характерного для территории Ладожской крепости, были использованы данные бурения инженерно-геологических скважин (Отчет о проведении..., 1989) и материалы, полученные в рамках исследований позднеголоценовых изменений уровня воды р. Волхов в районе Старой Ладogi (Человек и природная среда..., 2005. С. 57–76, рис. 1, 4).

В верхней части геологического разреза присутствуют две контрастные по плотностным свойствам толщи пород, рельеф границы между которыми отражается (с обратным знаком) в наиболее протяженных (в пределах участка работ) аномалиях силы тяжести. Это толща рыхлых отложений с максимальной мощностью более 6 м, плотность которых составляет $2,00 \div 2,20$ г/куб. см, и толща ордовикских кварцевых песчаников со средней плотностью $2,30 \div 2,35$ г/куб. см.

Кроме того, по данным бурения, над толщиной ордовикских кварцевых песчаников присутствуют линзы кварцевых песков того же возраста, заполняющие углубления в кровле песчаников. Основываясь на результатах анализа и интерпретации гравиметрических данных, предполагается, что плотность кварцевых песков близка по значениям к плотности кварцевых песчаников и может составлять $2,30 \div 2,35$ г/куб. см. Средняя плотность известняков (каменная кладка стен) может составлять $2,55$ г/куб. см. Сведения о плотностях горных пород типового геологического разреза взяты из опубликованной справочной литературы (Seigel, 1995. Р. 119; Грушинский, Сажина, 1981. С. 391).

Построенная по результатам камеральной обработки гравиметрических данных карта аномалий силы тяжести (рис. 2) характеризует общую картину распределения плотностных свойств горных пород и грунтов на территории двора Ладожской крепости. Характер аномалий силы тяжести связан, в первую очередь, с изменением мощности рыхлых отложений

Рис. 2. Двор Ладожской крепости. Карта аномалий силы тяжести: *a* – изолинии аномалий силы тяжести; *b* – линии геофизических профилей; *v* – буровые скважины (1989 г.); *z* – фрагменты разрушенных крепостных стен

Fig. 2. Courtyard of the Ladoga fortress. Map of anomalies of the gravity force: *a* – isolines of anomalies of the gravity force; *b* – lines of geophysical profiles; *v* – boreholes (1989); *z* – fragments of the ruined defensive walls

(или, другими словами, изменением глубины до кровли ордовикских кварцевых песчаников). На рис. 2 изменение раскраски карты от светлых тонов к темным соответствует возрастанию значений аномалий силы тяжести. Наиболее темными тонами отображается выступ древнего мыса. Конфигурация изолиний силы тяжести в плане позволяет реконструировать морфологию палеорельефа территории Ладожской крепости. Контуры выступа древнего мыса на восточной границе изучаемой площади (в районе расположения раскопов 2017 г. и собора Св. Георгия) трассируются примерно по изолинии 0,04 мГал.

Результаты интерпретации гравиметрических данных (то есть связь конфигурации гравитационных аномалий с погребенными формами палеорельефа местности) не противоречат данным бурений 1989 и 2005 гг., что делает их еще более обоснованными.

На карте вертикального градиента аномалий силы тяжести (**см. цветную иллюстрацию на четвертой странице обложки**), по своему смыслу подобной карте локальных аномалий, локальные изменения цвета раскраски отражают соответствующие плотностные неоднородности. Так, фрагментам каменной кладки стен и погребенным фундаментам древних сооружений, рассматриваемым как объекты избыточной плотности по отношению к рыхлым отложениям, соответствуют повышенные значения вертикального градиента, отражающиеся оттенками красного, малинового и сиреневого цветов. Понижениям в подземном рельефе кровли кварцевых песчаников и увеличению мощности рыхлых отложений соответствуют пониженные значения вертикального градиента, отражающиеся оттенками зеленого и синего цветов.

Основные результаты интерпретации материалов гравиметрических измерений:

1. По обширным положительным аномалиям поля силы тяжести и вертикального градиента поля силы тяжести картируются контуры древней террасы (мыса).

2. По локальной отрицательной аномалии поля силы тяжести и вертикального градиента поля силы тяжести в восточной части двора крепости напротив церкви Св. Георгия и северо-восточнее ее картируется изгиб древней террасы, где возрастает мощность рыхлых отложений. Восточная часть фундамента собора расположена в зоне разуплот-

нения (возрастания мощности рыхлых отложений), что может приводить к подвижкам фундамента и разрушению конструкции здания.

3. По локальным положительным аномалиям вертикального градиента поля силы тяжести и аномалиям полного горизонтального градиента гравитационного поля трассируются фрагменты каменных стен различного возраста.

4. По характеру трансформант поля силы тяжести к западу от церкви Св. Димитрия Солунского и далее вдоль западного прясла к югу картируются развалы древней квадратной в плане постройки, известной по раскопкам А. Н. Кирпичникова 1975 г. (*Кирпичников*, 1984. С. 25–31).

5. На участке около развалин постройки из раскопок А. Н. Кирпичникова по локальной отрицательной аномалии вертикального градиента поля силы тяжести картируется локальное разуплотнение, предполагаемая природа которого может объясняться наличием «ямы», заполненной рыхлыми отложениями.

6. В северной части крепости локальными положительными аномалиями поля силы тяжести и вертикального градиента поля силы тяжести отмечаются предполагаемые развалы каменной кладки.

Результаты высокоточных гравиметрических наблюдений в первую очередь позволили получить неизвестные ранее, беспрецедентные данные о конфигурации первоначального материкового мыса. По его краю была выстроена стена древнейшей Ладожской крепости X в., остатки стен которой были изучены при раскопках. Конфигурация изначальной крепости значительно отличалась от более поздней и была подчинена естественным изгибам мыса.

Очевидно, что выявленный изгиб материкового останца в юго-восточной части был засыпан и сnivelирован. Предположительно указанное благоустройство территории происходило в начале XII в., до строительства крепостных стен, возведенных при посаднике Павле, и церкви Св. Георгия, время строительства которой приходится на 60-е гг. XII в.

Проведенная совместная работа наглядно показывает, что комплексный подход, с привлечением специалистов и методов естественных наук, представляет исключительные возможности и перспективы в изучении памятников археологии.

- Александровский*, 2012 – *Александровский А. Л.* Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб., 2012. Вып. 3.
- Александровский и др.*, 2010 – *Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С.* Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // *Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. М., 2010. Т. I.
- Александровский и др.*, 2017 – *Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В.* Старая Ладога: палеопочвы и природная среда в неолите и раннем средневековье // *Человек и природа: Материалы XXVII Междунар. междисциплинарной конф. и Междунар. междисциплинарной молодежной школы (18–22 сентября 2017 г., Крым)*. М., 2017.
- Александровский, Долгих*, 2012 – *Александровский А. Л., Долгих А. В.* Почвенно-географические исследования в Старой Ладoge в 2010 г. // *Староладожский сборник*. СПб., 2012. Вып. 9.
- Галкина и др.*, 2016 – *Галкина С. А., Демин А. Г., Пантелеев А. В., Дружкова А. С., Трифонов В. А., Григорьева Н. В.* Перспективы и методика анализа ДНК ископаемых костей домашней курицы, обнаруженных при археологических раскопках // *Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии: Сб. статей по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 20–21 декабря 2014 г.; Старая Ладога, 26–27 декабря 2015 г.)*. СПб., 2016.
- Григорьева*, 2015 – *Григорьева Н. В.* Свидетельства медеплавильного и бронзолитейного производства в Ладoge в XI в. (по материалам раскопок в Ладожской крепости) // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб., 2015. Вып. 5.
- Григорьева*, 2017 – *Григорьева Н. В.* Тигли и глиняные формы Ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой // *Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям: Материалы IV конф. молодых ученых (28–30 марта 2017 г., Москва)*. М., 2017.
- Григорьева, Лесман*, 2012 – *Григорьева Н. В., Лесман Ю. М.* Новые материалы о стеклоделии в средневековой Ладoge // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб., 2012. Вып. 3.
- Грушинский, Сажина*, 1981 – *Грушинский Н. П., Сажина И. Б.* Гравитационная разведка. 3-е изд., перераб., М., 1981.
- Кирпичников*, 1984 – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Коновалов и др.*, 2008 – *Коновалов А. А., Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008.
- Кузьмин*, 2017 – *Кузьмин Я. В.* Геоархеология: естественно-научные методы в археологических исследованиях. Томск, 2017.
- Моисеев и др.*, 2016 – *Моисеев В. Г., Григорьева Н. В., Широбоков И. Г., Хартанович В. И.* Краниологические материалы из раскопок у церкви Святого Георгия в Старой Ладoge // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г.* СПб., 2016.
- Отчет о проведении..., 1989 – Отчет о проведении геолого-инженерных изысканий в п. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 1989 г. // *Архив ЛенГИСИЗ*. Арх. № 6117 г.
- Сперанская и др.*, 2017 – *Сперанская Н. Ю., Чухина И. Г., Григорьева Н. В., Соломонова М. Ю.* Итоги изучения фитолитов погребенной почвы Земляного городища Старой Ладogi // *Сб. науч. тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда (2–7 октября 2017 г. Барнаул, Белокуриха)*. Научное электронное издание. Барнаул, 2017.
- Стеценко*, 1999 – *Стеценко Н. К.* Археология Ладожской церкви Георгия // *Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тез. докл.* СПб., 1999.
- Человек и природная среда..., 2005 – Человек и природная среда в истории России. Междисциплинарные исследования и учебные практики СПбГУ в Старой Ладoge и Южном Приладожье. СПб., 2005. Ч. I.
- Чухина и др.*, 2014 – *Чухина И. Г., Радьши Д. В., Григорьева Н. В.* Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 г. в Старой Ладoge // *Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Материалы XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.)*. СПб., 2014.
- Чухина и др.*, 2015 – *Чухина И. Г., Радьши Д. В., Григорьева Н. В.* Опыт сопоставления результатов карпологических исследований Земляного городища Старой Ладogi и городища Камно // *АИППЗ. Материалы 60-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова (22–24 апреля 2014 г.)*. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30.
- Seigel*, 1995 – *Seigel H. O.* A Guide to High Precision Land Gravimeter Surveys. Scintrex Ltd, Canada, 1995.

**Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress
(experiment on application of the method of high precision gravimetry
for investigation of the original relief of a site surface)**

N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev

In the investigation of archaeological monuments of Staraya Ladoga, special attention is paid to the interdisciplinary approach to the studies of the material. Works of many years were conducted in close collaboration with palaeobotanists, archaeozoologists, anthropologists and other experts in bioarchaeology. Examination of the peculiarities of the palaeolandscape was carried out within a limited area of Zemlyanoye Gorodishche. Recently, mass scale investigations in the territory of the Ladoga fortress (Fig. 1), have enabled the researchers to expand the available knowledge base.

In 2017, first in the stone fortress of Ladoga, high precision gravimetric surveys were conducted in order to investigate the peculiarities of the palaeorelief here. The geoarchaeological investigations were conducted in the frame of excavations by the Staraya Ladoga Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture RAS in collabora-

tion with geophysicists of the VSEGEI Russian Research Geological Institute).

The researches resulted in drawing a map of the initial landscape of the area studied with the outlines of the ancient promontory formed by the rivers Ladozhka and Volkhov. Along the edge of this promontory, the earliest Ladoga fortress (10th century) was built.

The map shows that the original configuration of the promontory differs markedly from the area occupied by the modern fortress. The considerable bending area of the virgin rib was filled up and levelled so that the stone wall of the fortress of the 12th century in its lower section is entirely resting upon the made ground.

Possibly, the improvement of this territory took place in the beginning of the 12th century, before the construction of the defensive walls under the *Posadnik* (governor) Pavel and building of the Church of St George.

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ВЗВЕШИВАНИЯ С ГРАФФИТИ ИЗ РАСКОПОК НОВГОРОДА

М. О. Жуковский¹

Аннотация. В статье впервые публикуются три находки раннесредневековых инструментов для взвешивания с граффити – металлические футляры для хранения складных весов и чашка, происходящие из культурного слоя Новгорода середины – второй половины X в. Изображения на двух футлярах, как и сами коробки, имеют выраженный круг североевропейских аналогий. Напротив, чашка имеет восточное происхождение. Рисунок на ней вдохновлен среднеазиатскими растительными мотивами, однако выполнен в североевропейской технике.

Annotation. This article publishes for the first time three findings of early mediaeval weighing instruments with graffiti, i.e. metal cases for keeping folding balances and a cup retrieved from the cultural layer of Novgorod of the middle and second half of the 10th century. The representations on two etuis along with the cases themselves have a distinctive circle of North European parallels. By contrast, the cup is of Eastern provenience. The design on it is inspired by Central Asiatic plant motifs but is rendered in a North European technique.

Ключевые слова: инструменты для взвешивания, X век, Новгород, граффити, саманидский Иран и Согд, Северная Европа.

Keywords: instruments for weighing, 10th century, Novgorod, graffiti, Samanian Iran and Sogd, Northern Europe.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-198-206

Раннесредневековые изделия из серебра – монеты, слитки, некоторые типы украшений входят в число находок, которые нередко несут на себе эпиграфические и символичные изображения. Даже самые скупые рисунки и надписи многократно повышают информативность отмеченных ими предметов, приоткрывая индивидуальность их владельцев, почти недоступную современному исследователю. Граффити на средневековом драгоценном металле неслучайно и заслуженно становились объектом специального рассмотрения: тщательно изучены и введены в научный оборот изображения на куфических монетах, обнаруженных как в Восточной, так и Северной Европе (Hammerberg, Rispling, 1985; Добровольский и др., 1991; Наханетян, Фомин, 1994. С. 139–208; Мельникова, 1996б. С. 248–284), рассмотрена эпиграфика древнерусских серебряных слитков (Сотникова, 1961. С. 44–91; Мельникова, 1996а. С. 143–150), в последнее время собраны и проанализированы знаки на гривнах глазовского типа (Hårdth, 2016).

В то же время какие-либо индивидуальные изображения на инструментах для взвешивания,

непосредственно участвовавших в хождении разнородной массы серебряных изделий и обеспечивавших оборот драгоценного металла, оставались почти неизвестными. Первым исключением является металлический футляр для весов из Сигтуны, датирующийся XI в.² Руническая надпись в две строки на бортике двусторонней составной округлой коробки сообщает, что «Дьярв получил от земгальца эти весы в ... -ланде. А Вермунд сделал эти руны. // Птица разорвала бледного грабителя. Я видел, как кукушка трупов поднималась (?)»³. Сами весы в находке отсутствовали, и на использование коробки для их хранения указывает только

² Находка впервые опубликована Отто ф. Фрисеном (Friesen, 1912. S. 6–19) и прокомментирована Т. Арне (Arne, 1912. S. 64–66). Диаметр футляра около 10 см, высота – около 8 см. Судя по размерам, помещавшиеся в коробку весы датируются не ранее, чем второй половиной XI в.

³ Перевод Е. А. Мельниковой (Мельникова, 2001. С. 330–331), которая относит надпись к первой половине XI в. В работе исследователя не совсем точно указывается, что футляр происходит из погребения. Из описания О. ф. Фрисена этого не следует. Напротив, сообщается, что содержимое коробки представляло собой множество сильно корродированных мелких, угловатых кусочков металла и что общий вес находки составлял около 2 кг, что может свидетельствовать о кладе. Содержимое было выброшено находчиком. В точно таком же футляре, обнаруженном в эстонском Кохтла-Кява, было сокрыто сокровище (младшая монета 1113 г. – Söder, 1965. Taf. III).

¹ Россия, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ, Исторический факультет, кафедра археологии, аспирант. E-mail: mzhukovsky@mail.ru.

надпись. Интересно, что строки, размещенные на половинках футляра, не имеют смысловой связи: первая – памятная, а вторая, по предположению Отто ф. Фрисена, представляет собой магическую охраняющую формулу-заклинание и могла быть добавлена позднее.

Среди опубликованных восточноевропейских находок необходимо отметить сразу два комплекта чашек весов с арабскими надписями, происходящие из Тимерёвского некрополя и могильника Межарес в Латвии (*Фехнер, Янина, 1978. С. 186; Berga, 1996. 53, 55 lpp., 5 att.*). На внутренней поверхности чашек в тонком двойном циркульном круге выбито слово, которое на тимерёвской находке С. А. Янина прочитала как «налог» или «доброкачественный», в то время как Б. И. Маршак на латвийской – как «благословение [Аллаха]». При этом надписи тождественны, но выполнены немного в разной манере. По мнению В. С. Кулешова, прочтение Б. И. Маршака следует признать предпочтительным. По эпиграфическим признакам обе надписи сделаны в саманидском Иране в X в.⁴ Весы из Тимерёва обнаружены в погребении последней четверти X в., латвийские немного младше, встречены в комплексе XI в. Оба комплекта чрезвычайно схожи, например, идентичен диаметр чашек, равный 7 см, и важно, что по целому ряду признаков весы с арабскими надписями отличаются от синхронных североевропейских находок: в первую очередь отсутствием закраины вдоль венчика чашек и характером обработки их поверхности, которая залощена каким-то абразивным инструментом (напильником?) без применения токарного станка⁵. К этому принципиальному моменту мы еще вернемся.

Надписи на находках из Сигтуны, с одной стороны, и чашках из Тимерёва и Межарес – с другой очень наглядно маркируют крайние точки протяженного и сложного по составу маршрута движения куфического серебра из Халифата в Скандинавию. Картину этих связей дополняет еще целый ряд

⁴ В отношении весов из Латвии это мнение высказано Б. И. Маршаком (*Berga, 1996. 55 lpp.*) и подтверждено В. С. Кулешовым для обеих находок (личное сообщение), за что автор ему глубоко признателен.

⁵ Прочие элементы весов помимо чашек: коромысло и держатель в обоих случаях не сохранились, что может быть косвенным указанием на то, что они были изготовлены из железа.

предметов, отмеченных граффити, – чашка весов и футляры к ним, происходящие из раскопок Новгорода. Все они обнаружены в ранних слоях середины – второй половины X в. и, учитывая уникальный характер сигтунского футляра и чашек с арабскими надписями, удваивают число известных находок инструментов для взвешивания, отмеченных граффити, и важны для характеристики их владельцев. Задачей настоящей работы является публикация этих редких находок.

Металлический футляр для складных весов с граффити происходит из ранних напластований усадьбы «К» Неревского раскопа.⁶ Его конструкция типична для находок X – начала XI в. (*Steuer, 1997*). Футляр состоит из двух частей – полусферического глубокого тела и слегка выпуклой крышки, соединенных подвижной петлей. Футляр предназначался для хранения весов миниатюрных размеров – диаметр коробки составляет 65 мм, ее глубина – 23 мм. Фиксацию крышки в закрытом состоянии обеспечивает расположенный напротив петли замоч-защелка. Язычок замка, приклепанный к крышке, представляет собой узкую бронзовую пластину, согнутую пополам и действовавшую по принципу пружины, которая защелкивалась в приемнике, закрепленном на коробке. В футляре с Неревского раскопа язычок обломан, однако находки аналогичной конструкции, в частности, происходящие из Гнёздова, демонстрируют принцип работы замка в деталях (*Жуковский, в печати*). В верхней части приемника располагался фиксатор-заклепка. В приемнике язычок сжимался, удерживая замок в закрытом состоянии за счет ребра упора в верхней части приемника. Открыть коробку можно было, нажав на фиксатор, как на кнопку. Заклепка надавливала на язычок, позволяя ему выйти из приемника.

По периметру крышки и краю нижней полусферы футляра выбито по ряду крупного пуансона. Пуансон также полностью покрывает петли и трапециевидное крепление язычка замка и опоясывает его приемник. В остальном поверхность футляра не орнаментирована, однако несет ряд

⁶ НГМ КП 34792-1077. Неревский XV–XVI, 1956 г., кв. 1177А, пл. 34. Автор сердечно благодарен хранителю НГОМЗ А. В. Андриенко за неоценимую помощь в работе с фондами музея и консультации.

прочерченных изображений, нанесенных после изготовления коробки, вероятно, самим владельцем весов. Рисунки выполнены твердой рукой, практически без ошибок, четкими выразительными линиями с помощью специального инструмента. Граффити присутствуют на лицевой стороне крышки, внешней поверхности в центральной части нижней полусферы, а также на ее внутренней стороне. Наиболее любопытны первые два изображения (рис. 1, 1).

В центре крышки помещены две пересекающиеся под прямым углом линии, формирующие равноконечный крест, сориентированный по оси симметрии коробки, пролегающей между замком и петлей. Линия, следующая по оси, имеет отросток, отклоняющийся под острым углом влево. С этой же стороны дополнительно прочерчены два коротких отрезка, повторяющих направление одной из линий креста и отростка. С другой стороны от крестообразной фигуры нанесено соразмерное с ней изображение стрелы, ориентированной под углом в 45° к оси симметрии крышки. Наконечник и оперение переданы несколько укрупненно по отношению к пропорциям дровца, что, однако, лишь подчеркивает смысл изображения. Граффито выполнено в геометрической манере, короткими резкими глубоко прочерченными линиями. Наконечник имеет ромбовидную, оперение – округлую форму. Граффити предметных символов, в частности – стрел, известны на монетах IX – XI вв. Они, как правило, проще – стрела передается всего несколькими чертами, что, вероятно, обусловлено в первую очередь небольшой площадью поля рисунка. Тем не менее близкое по стилистике изображение стрелы имеется на саманидском дирхеме из состава готландского клада из Сигсарве (приход Хейде, после 1055 г. *Hammerberg, Rispling*, 1985. Nr 61; *Добровольский и др.*, 1991. Рис. 44, 10). Аналогичное начертание стрелы встречено также на еще одном саманидском дирхеме из Гнэдова (*Наханетян, Фомин*, 1991. № 317). Центральная крестообразная фигура на крышке футляра не имеет прямых аналогий среди синхронных находок, несмотря на то что изображение равностороннего креста является одним из наиболее распространенных небуквенных граффито. Похожим знаком отмечена одна из монет Безлюдовского клада 930-х гг. (Там же. № 292).

По мнению Е. А. Мельниковой, прочерченный символ не является буквой, надписью либо ее частью.⁷ При этом геометрический стиль и общая композиция крестообразной фигуры с отростком находят параллели в знаках собственности, зафиксированных на деревянных предметах, например – днищах бочек, из новгородских слоев XIV–XV вв. Е. А. Рыбина указывает на их соответствие западноевропейским, преимущественно – северонемецким, владельческим знакам, использовавшимся, в частности, ганзейскими купцами для маркировки товара (*Рыбина*, 1978, С. 142). Изображение на футляре имеет несомненное сходство со знаками собственности на деревянных бирках из собрания нумизматического кабинета Стокгольма (*Hommeyer*, 1870. Taf. II). Примечательно, что аналогичные по составу, но более простые по исполнению композиции, образованные равносторонним крестом и стрелой, доминируют среди граффито, наносившихся на гранчатые окончания гривен глазовского типа (*Hårdth*, 2016. S. 42, fig. 10). Эти изображения не только синхронны новгородскому футляру, но и наиболее близки к знаку на нем стилистически.

Круг большинства имеющихся аналогий младше футляра с Неревского раскопа на несколько столетий, однако определяет область возможных значений символа, нанесенного в центре лицевой части его крышки. Его геометрическая простота косвенно указывает на ранний характер изображения. Крестообразная фигура с отростком может быть предположительно интерпретирована как владельческий знак собственника весов, а сопровождающий его рисунок стрелы выступать в качестве магического оберегающего символа, недвусмысленно предсказывающего судьбу лица, решившего открыть крышку футляра без разрешения хозяина. Подобная трактовка делает возможным использование футляра для хранения чего-то ценного, как, например, в уже упоминавшемся кладе из Кохтла-Кява (Эстония, после 1113 г.), где сокровище было сокрыто в металлической коробке от весов.

Второе не менее любопытное изображение нанесено на внешнюю сторону нижней полусферы футляра (рис. 1, 1). В ее центре помещена прочерченная фигура, составленная тремя частично

⁷ Личное сообщение. Автор глубоко признателен Е. А. Мельниковой за ее комментарии к граффити.

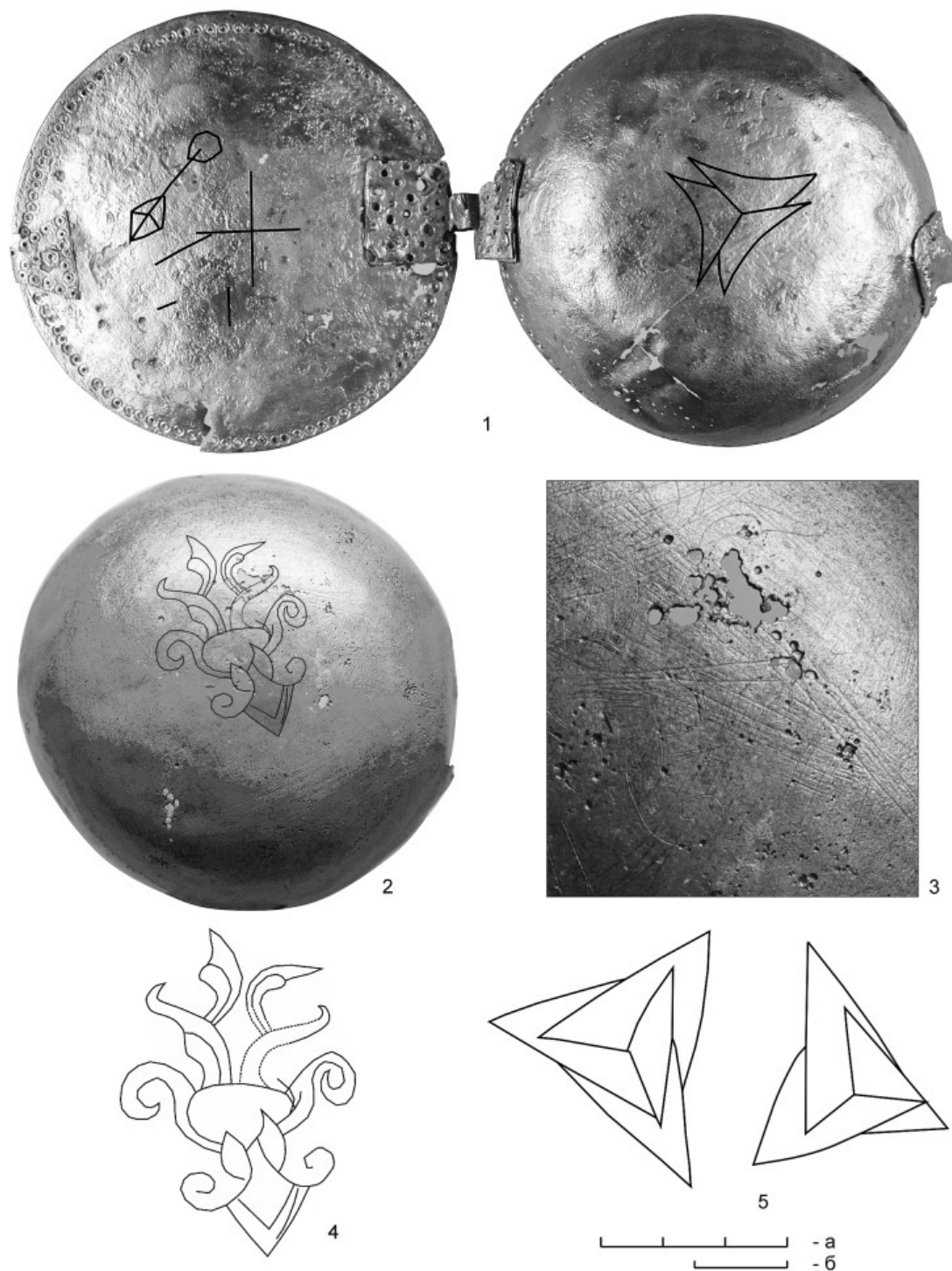

Рис. 1. Инструменты для взвешивания с граффити из Новгорода: 1 – футляр для складных весов, медный сплав (Неревский раскоп, НГМ КП 34792-1077); 2–4 – чашка миниатюрных весов, медный сплав (Троицкий раскоп, НГМ КП 33996-97) (2 – общий вид; 3 – деталь поверхности чашки с граффити, фото; 4 – прорисовка изображения); 5 – изображение на костяном навершии с Неревского раскопа

Масштабы: а – № 1–3, 5; б – № 4

Fig. 1. Weighing instruments from Novgorod with graffiti: 1 – case for folding balance, copper alloy (Nerevsky Excavation, НГМ КП 34792-1077); 2–4 – bowl of miniature balance, copper alloy (Troitsky Excavation, НГМ КП 33996-97) (2 – general view; 3 – part of the surface of a bowl with graffiti, photo; 4 – rubbing of the image); 5 – image on a bone top from the Nerevsky Excavation

Scales: а – nos. 1–3, 5; б – no. 4

перекрывающимися треугольниками, одна из трех вершин каждого из которых последовательно спрятана за плоскостью следующего за ней по часовой стрелке. В итоге образованный тремя треугольниками символ имеет шесть остроконечных вершин. Фигура вырезана на поверхности футляра с большим искусством: дугообразная форма ее граней учитывает кривизну поверхности полусферы коробки, изображение построено вокруг центральной точки футляра, отмеченной небольшим отверстием, оставленным упором токарного станка, однако точка симметрии рисунка помещена таким образом, чтобы не нарушить целостности линий, имевшей, судя по всему, принципиальное значение.

Ближайшими аналогиями тройному треугольнику на футляре с Неревского раскопа являются одно из двух изображений на моржовом клыке, происходящем из слоя первой половины X в. Рюрикова городища (*Носов и др.*, 2009. Рис. 7), а также символы на широко известных готландских рунических камнях из Стура Хаммарс (*Stora Hammars I*) и Тэнгельгорда (*Tängelgårda*) и золотом англосаксонском перстне, датирующихся VIII–IX в. (*Tait*, 1986. P. 570). Аналогичные фигуры нанесены на целый комплекс вещей из королевского погребения в Усеберге второй четверти IX в.: оголовье кровати, гобелен, носовую часть корабля (*Wilson, Klindt-Jensen*, 1966. Pl. XVII).⁸

В то же время у изображения на футляре есть характерная особенность, выделяющая его в круге схожих рисунков, – «глухая» центральная часть, скрывающая вершины треугольников, и акцентированная точка симметрии, из которой следуют три прямые линии, соответствующие трем их сторонам. Эти отрезки – единственные прямые в геометрии символа, две другие стороны каждого из треугольников переданы, как уже отмечалось, дугами. Подобная трактовка объединяет в начертании одной фигуры сразу два символа: тройной треугольник и трехлучевой знак – трискелий.⁹

⁸ Упомянутые в качестве аналогий знаки трикветры, помещавшиеся на ряд монетных серий Йорка середины X в., а в XI в. – на монеты датского чекана Кнута Великого, Хардекнута, Магнуса, сына Олава, и Свена, сына Эстрид, и норвежские пенни Харальда Хардрады стилистически все же весьма далеки от изображений на перечисленных находках.

⁹ Подробный разбор значений символов приведен в

Примечательно, что при множестве далеких параллелей непосредственная аналогия символу на футляре нашлась среди материалов того же Неревского раскопа. Из предматерикового слоя середины X в. усадьбы «Е», расположенной напротив усадьбы «К», где был найден футляр, происходит костяное навершие (возможно, отвес).¹⁰ Отмеченное аналогичным по композиции знаком (рис. 1, 5). Символ на предмете нанесен дважды – на каждую из сторон: в одном случае он помещен в центре, во втором – соседствует с еще одним знаком. Рисунки выполнены в несколько небрежной манере решительными твердыми линиями. Треугольники скомпонованы таким образом, что фигура имеет три, а не шесть выступающих остроконечных вершин, однако в остальном – соблюдены все принципиальные особенности изображения на футляре, приведенные выше.¹¹

Помимо знаков на лицевой стороне крышки и дне коробки с внешней стороны неясные линии присутствуют и на внутренней поверхности футляра. Неглубокие, но, очевидно, намеренно нанесенные царапины расположены крест-накрест, но не образуют каких-либо четких фигур или знаков. Их сложно интерпретировать, но, возможно, это следы пробных граффити, сделанных прежде, чем нанести изображения на внешнюю часть коробки.

Рисунки на футляре объединяет выразительный североευропейский круг аналогий, особенно очевидный для фигуры тройного треугольника, и сама коробка, безусловно, имеет то же происхождение. Археологический контекст футляра с граффити, к сожалению, не до конца ясен. находка была

работе, посвященной находке с Рюрикова городища (*Носов и др.*, 2009).

¹⁰ НГМ КП 35471-947. Неревский XIX–XX раскоп, 1957 г., кв. 1396, пл. 36. Пласт включен в древнейший 28-й ярус застройки участка, который представляет фактически несколько деревянных подкладных плах. Иначе говоря, предмет утерян в ходе освоения участка. Интерпретация находки как навершия, приведенная в полевой описи, условна. В описании сообщается, что в канал был вставлен железный гвоздь, очевидно, утерянный впоследствии. Гвоздь, вероятно, использовался для утяжеления предмета. Сочетание контекста находки, деталей полевого описания и формы предмета позволяет предположить, что он мог использоваться как отвес.

¹¹ Еще одна недавно опубликованная новгородская находка, демонстрирующая развитие такого начертания трикветры, происходит из слоев конца X – начала XI в. (*Мусин и др.*, 2016. С. 163, рис. 6).

обнаружена в углу раскопа, что мешала разборке деревянных конструкций, уходящих за его пределы. Предмет залегал в яме, вырытой с уровня материка и, по-видимому, обложенной деревом, в сопровождении бочонковидной весовой гирьки, ножа и еще ряда деревянных предметов на глубине 34-го пласта (*Арциховский, Колчин, 1956. Л. 86–87*). Несмотря на то что яма была перекопана с уровня вышележащего 25-го пласта (рубеж XI–XII вв.), авторы работ уверенно указывают на существование раннего комплекса середины X в., который, возможно, представлял собой небольшой подпол полностью разобранный впоследствии постройкой. Близкие аналогии неревскому футляру в материалах гнёздовских погребений, не выходящие за пределы второй половины X в., подтверждают стратиграфическую дату находки (*Жуковский, в печати*). Отметим, что менее чем в 15 м от футляра на той же глубине, но опять на другой стороне улицы, на этот раз – Великой, так же под постройкой, возведенной на материке, был обнаружен II Неревский клад куфических дирхемов последней четверти X в. (младшая монета 974/975 г., *Янина, 1956*).

Находку коробки от раннесредневековых весов с граффити дополняет крышка еще одного миниатюрного футляра, обнаруженная тоже на Троицком раскопе в слоях второй половины X в.¹² Диаметр крышки лишь немногим превышает 5 см, однако она изготовлена из достаточно толстого листа бронзы. Сохранились отверстия крепления петли и приклепанный язычок-защелка. По своей конструкции находка полностью аналогична полному футляру, рассмотренному выше. Внешняя поверхность крышки покрыта зонным орнаментом, образованным концентрическими циркульными окружностями, один из поясов которых заполнен сетчатой штриховкой. Эту композицию можно считать характерной для декора инструментов для взвешивания X – первой половины XI в. Она зафиксирована, например, в Гнёздове на чашках весов из кургана Серг-18 (86),¹³ исследованного С. И. Сергеевым в Днепровской группе в 1901 г. В центре крышки вокруг отверстия от упора токарного станка читаются следы рисунка, вписан-

ного в наименьший из циркульных кругов. Изображение было спроектировано как часть декора, наносилось уже на готовое изделие, но не вполне удалось. В пользу его трактовки как граффито указывают заметно более тонкие линии рисунка, выделяющиеся в глубоко врезанном орнаменте крышки. Работа не была завершена, исполнитель рисунка запутался в линиях, очевидно, пытаясь изобразить симметричную геометrizированную плетенку. Однако в данном случае важно, что ряд черт изображения позволяет так же вписать его в круг североевропейских декоративных мотивов наряду с граффити, рассмотренными выше. Обе находки демонстрируют непосредственное участие людей, тесно связанных с Североевропейским регионом, в жизни Новгорода в самый ранний период становления города на новом месте.

Еще один, и, пожалуй, наиболее любопытный, инструмент для взвешивания с граффито из новгородских раскопок происходит из слоя середины X в. Троицкого VI раскопа (рис. 1, 2).¹⁴ Это чашка весов средних размеров: ее диаметр около 7 см, глубина – 2 см. Находка была обнаружена под подкладками галереи сруба VI-64 в предматериковом слое и относится к начальному периоду существования хорошо известной усадьбы «А». Чашка изготовлена из тонкого листа медного сплава, ее отличительная черта – отсутствие утолщения вдоль венчика, характерной закраины, оставшейся после финальной обработки изделия на токарном станке, и следов его упора в центре. Это обстоятельство заслуживает внимания, поскольку шлифовка поверхности чашек с помощью токарного станка была стандартной технологической процедурой, отмеченной для подавляющего большинства находок весов североевропейского происхождения X – первой половины XI в. Напротив, мастер, сделавший чашку из Новгорода, прибегнул к обработке внешней поверхности изделия грубым абразивным инструментом, оставившим множество мелких разнонаправленных рядов насечек (рис. 1, 3). При этом общее качество изготовления чашки весьма высоко, и нестандартный характер ее финальной обработки нельзя объяснить низкой квалификацией ремесленника. По размерам новгородская находка почти идентична

¹² НГМ КП 43204-371. Троицкий XI раскоп, 1998 г., кв. 1232, пл. 21, яр. 29.

¹³ По нумерации А. А. Спицына (*Спицын, 1905*).

¹⁴ НГМ КП 33996-97. Троицкий VI, 1983 г., кв. 476. пл. 26, яр. 29.

двум комплектам чашек саманидского происхождения из погребений в Тимерёво и Межарес (Латвия) – все они имеют диаметр около 7 см, а тимёрские и новгородская – еще и одинаковую глубину в 2 см. Чашка из Латвии более плоская: ее глубина составляет около 1,6 см. Все они изготовлены в одинаковой технике без обработки на токарном станке, имеют гладкий бортик, лишены утолщения-закраины и зашлифованы абразивным инструментом, оставившим хорошо читаемую сеточку разнонаправленных царапин. Чашку из Новгорода отличают лишь четыре (а не три) крупных отверстия для подвешивания и отсутствие надписи. Последнюю заменяет рисунок (рис. 1, 4).

Граффито было нанесено в центре чашки на ее внешней поверхности уже после лощения рукой квалифицированного художника. Изображение орнаментального характера имеет законченную симметричную композицию и представляет собой цветок, распустившийся из центра полусферы чашки. Более смелая, но небесспорная, трактовка позволяет увидеть в рисунке языки огня, поднимающиеся из округлой чаши, установленной на витиевато украшенном основании. Граффито выполнено твердо и в то же время весьма деликатными линиями с минимумом ошибок. Необходимо отметить преобладание острых и четких окончаний и граней.

Все элементы изображения универсальны и имеют широчайший круг евразийских аналогий, однако композиция в целом весьма самобытна и не находит себе очевидных параллелей, в том числе среди достаточно полно опубликованных рисунков на новгородских находках и резьбе по дереву (Колчин, 1971; Рыбина, 1998). Принципиально, что мотив цветка совершенно не характерен для синхронного североевропейского декоративного искусства, и в то же время мастер, создавший рисунок, использует резкие колкие контуры и вырубь, чуждые как для степной, так и постсанидской орнаментики. Изображение симметрично, но не зеркально. Благодаря легкому наклону вправо автор умело оживляет фигуру, придает ей движение, свойственное североевропейскому узору.

Структура сюжета и ряд деталей граффито демонстрируют некоторое сходство с оформлением отдельных синхронных южнорусских находок,

например, крупных листовидных бляшек-бубенцов сбруйного набора из черниговского погребения в ур. Березки середины X в., восходящих, по мнению Р. С. Орлова, к среднеазиатским образцам (Орлов, 1982. С. 169–170). В эту же группу аналогий входят бляшки из погребения № 108 Киевского некрополя и ряд других предметов (Каргер, 1958. С. 169–172). Более общие параллели прослеживаются с элементами растительного орнамента изделий торевтики Согда и восточного Ирана (Маршак, 1971. С. 22. Табл. 28, 32; Даркевич, 1976. С. 75. Рис. 7; см. изображение на золотой подвеске из Пенджикента – Распонова, 1980. Рис. 34, 1).

В то же время отдельные элементы орнамента – окончания отростков, спирали, сдвоенные линии находят множество соответствий в северном искусстве второй половины–конца X в. (O'Meadhra, 1979). Все они, например, присутствуют в орнаменте оборотной стороны рунического камня из Альштад в Норвегии (Alstad) – раннего образца стиля Рингерике (Wilson, Klindt-Jensen, 1966. P. 130. Fig. 59). Складывается ощущение, что граффито на новгородской чашке весов было выполнено в североевропейской технике мастером, вдохновленным восточным декоративным сюжетом. Такое предположение подкрепляет на контрасте, например, серебряный игольник из погребения Bj464 середины X в. в Бирке, декорированный растительным сюжетом, возможно, деревом жизни, исполненным в безусловно восточной технике (Arbman, 1943. S. 132–133).

Граффито на чашке весов из Новгорода является живым примером культурного взаимодействия, сопровождавшего контакты Севера и Юга и достигающего своего расцвета к середине X столетия, демонстрируя пути интеграции восточных мотивов в североевропейское и древнерусское декоративное искусство. И не кажется случайным, что находка с таким рисунком происходит из усадьбы «А» Троицкого раскопа, которая через два с половиной столетия будет принадлежать Олисею-Гречину (Колчин и др., 1981),¹⁵ новгородскому художнику и иерарху княжеского происхождения, детство которого прошло в далеком Восточном Средиземноморье (Янин, 2008. С. 92).

¹⁵ Авторы исследований отмечают стабильность границ усадьбы с момента ее основания (Янин и др., 1983. Л. 41).

- Арциховский, Колчин*, 1956 – *Арциховский А. В., Колчин Б. А.* Отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. Т. 1 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1278 (I).
- Даркевич*, 1976 – *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
- Добровольский и др.*, 1991 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Жуковский*, в печати – *Жуковский М. О.* Весы и гирьки Гнёздова // Гнёздовский археологический сборник. Материалы и исследования. Вып. 1. В печати.
- Каргер*, 1958 – *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Колчин*, 1971 – *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971 (САИ; Вып. Е 1-55).
- Колчин и др.*, 1981 – *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Маршак*, 1971 – *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971.
- Мельникова*, 1996а – *Мельникова Е. А.* Эпиграфика древнерусских платежных слитков (в связи с надписями на гривнах клада из Бюрге, Готланд) // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994 г. М., 1996.
- Мельникова*, 1996б – *Мельникова Е. А.* Граффити на восточных монетах из собраний Украины // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994 г. М., 1996.
- Мельникова*, 2001 – *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Мусин и др.*, 2016 – *Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К.* Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // РАЕ. 2015–2016. СПб., 2016. № 5–6.
- Нахапетян, Фомин*, 1994 – *Нахапетян (Флерова) В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994.
- Носов и др.*, 2009 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гиря Е. Ю.* «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.
- Орлов*, 1982 – *Орлов Р. С.* Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
- Распопова*, 1980 – *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Рыбина*, 1978 – *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.
- Рыбина*, 1998 – *Рыбина Е. А.* Рисунки средневековых новгородцев (по археологическим материалам) // Историческая археология. Традиции и перспективы: к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М., 1998.
- Сотникова*, 1961 – *Сотникова М. П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Тр. ГЭ. Л., 1961. Т. 4, вып. 2.
- Спицын*, 1905 – *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы из раскопок С. И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
- Фехнер, Янина*, 1978 – *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Янин*, 2008 – *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- Янин и др.*, 1983 – *Янин В. Л., Колчин Б. А., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Отчет Новгородской экспедиции за 1983 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 11834.
- Янина*, 1956 – *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X века // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1 (МИА; № 55).
- Arbman*, 1943 – *Arbman H.* Birka I. Die Gräber: Text. Uppsala, 1943.
- Arne*, 1912 – *Arne T. J.* Viktdosan från Sigtuna // Fornvännen. 1912. Nr 7.
- Berga*, 1996 – *Berga T.* Saliekamie svariņi Latvijā (10.–13. gs.) // Arheologija un etnografija. Rīga, 1996. Bd 18.
- Friesen*, 1912 – *Friesen O.*, von. Runinskrifterna på en koppardosa funnen i Sigtuna, augusti 1911 // Fornvännen. 1912. Nr 7.
- Hammerberg, Rispling*, 1985 – *Hammerberg I., Rispling G.* Graffiter på vikngatida mynt // Hikuin. 1985. Nr 11.

- Hårdth*, 2016 – *Hårdth B.* The Perm'/Glazov rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and the Baltic Region // *Acta Archaeologica Lundensia*. Helsinki, 2016 (Series in 8°; Nr 67).
- Hommeyer*, 1870 – *Hommeyer C. G.* Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870.
- O'Meadhra*, 1979 – *O'Meadhra U.* Early Christian, Viking and Romanesque art: motif-pieces from Ireland: an illustrated and descriptive catalogue of the so-called artists' «trial pieces» from c.5th–12th cents. AD, found in Ireland, c.1830–1973. Stockholm, 1979.
- Steuer*, 1997 – *Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhundert als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*, 10. Köln, 1997.
- Søerd*, 1965 – *Søerd V.* Ein Münzfund des XII Jahrhunderts aus Kohtla-Käva // *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused*, 14(4). 1965.
- Tait*, 1986 – *Tait H.* (ed.). Seven Thousand Years of Jewellery. London, 1986.
- Wilson, Klindt-Jensen*, 1966 – *Wilson D. M., Klindt-Jensen O.* Viking Art. New York, 1966.

Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod

M. O. Zhukovskiy

In contrast to early mediaeval objects from precious metals, in particular silver, the miniature instruments for weighing immediately involved in circulation of the metals extremely rarely bear epigraphic or symbolic graffiti representations. Their published finds include a well known etui with a runic inscription of the 11th century from Sigtuna and two sets of balance cups dating from the 10th century with identical Arabic inscriptions with good wishes found in burials of the Timeryovo necropolis in the Volga region near Yaroslavl and at the cemetery of Mežares in Latvia.

The parts of balances and metal cases for them from the early Novgorod deposits of the middle – second half of the 10th century considered in this paper double the collection of the known findings of weighing instruments with graffiti. The two etuis both are North European products of a single type characteristic of the 10th – early 11th century. Of greatest interest are the representations on the completely preserved case. On its lid there are drawn a cross-shaped symbol and an arrow, on the bottom of the etui there is a figure in the form of a hexagonal triple triangle with a 'blind' central part. Taking in consideration the parallels available, the symbols on the lid can have been an owner's mark on the balance and a formula protecting

the contents of the case. The sign on the bottom of the etui is of a synonymic sense. The representation on the second find which is the cover of another case is an incomplete ornamental guilloche design. The drawings on the cases are associated with the expressive North European circle of parallels while the objects themselves demonstrate that persons closely tied with the North European region directly participated in Novgorod's life in the earliest period of the establishment of the city in the new place.

The balance cup with graffiti from Novgorod is a find of a completely different kind. Certain peculiarities in the technique of manufacturing this object, in particular the absence of any traces of working the artefact using a lathe, indicate its eastern provenance. This is confirmed also by the graffiti representing a drawing of a flower blossoming out from the centre of the cup. This image has no close analogues in the synchronous Old-Russian or North European ornamentations but shows parallels to the toreutics of eastern Iran and Sogd. However the manner of rendering the pattern and details of the design seem to indicate the northern origin of the artisan. The graffiti on the cup is a vivid example of the cultural interaction accompanying contacts between the North and South in the Early Middle Ages.

ТОПОГРАФИЯ АКТОВЫХ ПЕЧАТЕЙ НОВГОРОДА XI–XV вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО И ТРОИЦКОГО РАСКОПОВ)

В. В. Яблончук¹

Аннотация. В статье представлен анализ данных о печатях Неревского и Троицкого раскопов, которые располагались в древнейших Неревском и Людине концах средневекового Новгорода. Изучение количественного и качественного состава сфрагистической коллекции данных раскопов подтверждает общие закономерности развития политической системы средневекового Новгорода, а также отражает специфику усадебных комплексов данных районов.

Annotation. This paper presents analysis of the information on seals found in the Nerevsky and Troitsky excavation areas which are situated within the earliest Nereva and Lyudin kontsy (city districts) of medieval Novgorod. Examination of the quantitative and qualitative composition of the sphragistic collections from these excavations confirms the general regularities of the development of the political system of mediaeval Novgorod and reflects the specifics of the estates in the districts under consideration.

Ключевые слова: Неревский и Троицкий раскопы Новгорода, топография печатей.

Keywords: Nerevsky and Troitsky excavations in Novgorod, topography of seals.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-207-217

За годы археологического изучения Новгорода, в результате проведения крупномасштабных исследований, была собрана богатейшая коллекция археологических древностей. Значительное место в ней занимают сфрагистические материалы, ценность которых для изучения социального и политического аспектов истории Древней Руси в настоящее время общепризнанна.

По количеству найденных булл новгородское собрание занимает ведущее место, что подтверждают существующие публикации. Особое значение имеют находки печатей в хорошо датированном культурном слое города, где на территории городских концов к 2016 г. встречено более 300 булл.

Предметом данной статьи являются печати самых больших раскопов – Неревского (8840 кв. м) и Троицкого (около 7000 кв. м), расположенных на территории древнейших Неревского и Людина концов (рис. 1).

Выбор именно этих раскопов обусловлен тем, что на их территории были открыты усадьбы, принадлежавшие крупнейшим боярским семьям – Мишиничам-Онцифоровичам и Мирошкиничам, представители которых не раз занимали посты посадников в администрации Новгорода.

Огромное значение при характеристике печатей имеет возможный характер документов, к которым были привешены буллы, обнаруженные на территории усадебных комплексов Новгорода. В. Л. Янин проанализировал весь массив новгородских актов и выделил два больших отдела. В первый входят документы общегосударственного значения – акты международного характера и отношений Новгорода с князьями. Во второй – документы, имеющие локально-территориальный характер, действие которых ограничено определенной местностью в пределах Новгородской земли – Новгородом с прилегающими землями, Заонежьем, Вагой и Двиной (Янин, 1991. С. 7). К последним относятся чисто поземельные акты (купчие, духовные, меновые и т. д.), уставные монастырские (учредительные), благословенные, вечевые (двинского веча и новгородского) (Там же. С. 8–9). Какой же тип актов, к которым были прикреплены печати, найденные в усадебных комплексах, превалировал?

Большинство документов, которые хранились на территории усадебных комплексов Новгорода, связаны с поземельными отношениями и отражают историю развития вотчинного фонда Новгородской земли, особенно в послемонгольский период (Янин, 1981).

¹ Россия, 173007, Великий Новгород, Прусская ул., д. 12. ГБУК НОСБ «Веда».

Рис. 1. Топография актов печатей Новгорода XI–XV вв.: 1 – общий план средневекового Новгорода; 2 – Троицкий раскоп, план; 3 – Неревский раскоп, план

Условные обозначения: *a* – печати домонгольского периода; *b* – печати послемонгольского периода

Fig. 1. Topography of official seals from Novgorod of the 11th–15th century: 1 – general plan of mediaeval Novgorod; 2 – Troitsky Excavation, plan; 3 – Nerevsky Excavation, plan

a – seals of the pre-Mongol period; *b* – seals of the post-Mongol period

Неревский раскоп. Здесь впервые были зафиксированы и исследованы городские усадьбы X–XV вв., из которых семь вошли целиком в площадь раскопа, а 10 – частично. Распределение сфрагистического материала по усадьбам представляется перспективным для характеристики той или иной усадьбы, для определения социального статуса ее владельца и, возможно, его занятий. Всего на Неревском раскопе было собрано 55 булл (табл. 1).

Судя по представленной таблице, с XI по XV в. происходит постепенное увеличение числа булл, причем большая их часть приходится на послемонгольский период (38 экз.), тогда как к домонгольскому относится 19 булл. Это отвечает общим тенденциям развития политической системы средневекового Новгорода. В конце XIII в. происходит коренное преобразование республиканских органов управления, расширение государственного аппарата, что сопровождается увеличением числа разного рода документов, которые удостоверялись печатями. Подавляющее число различного характера актов (княжеских и торговых договоров, земле-владельческих актов и т. д.) относится к XIV–XV вв. (Валк, 2013).

Однако подобное распределение булл может быть связано и со спецификой данного района Новгорода.

Таблица 1. Хронология печатей Неревского раскопа

Table 1. Chronology of seals from Nerevsky excavation

Век	Кол-во (экз.)
XI в.	3
XII в.	13
XIII в.	4
XIV в.	20
XV в.	15
Всего	55

Именно в послемонгольский период большая часть усадеб Неревского раскопа принадлежала боярской семье Мишиничей-Онцифоровичей. Известно, что в XIV–XV вв. представители этой семьи не раз занимали пост посадника, игравшего значительную роль в государственном управлении Новгородом. Печати в данном случае являются отражением политической и экономической активности владельцев усадеб Неревского раскопа, а также лишний раз подчеркивают их социальный статус.

Сфрагистическая коллекция Неревского раскопа достаточно многообразна и представлена 16 разрядами, выделенными В. Л. Яниным в его своде «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.» (Янин, 1970а; 1970б). Все они принадлежали определенным институтам государственной власти (табл. 2).

Таким образом, характер распределения различных типов печатей сфрагистического комплекса Неревского раскопа соответствует общим тенденциям развития политической системы средневекового Новгорода.

Для домонгольского периода наиболее многочисленным является комплекс княжеских булл (12 экз.), представленный тремя разрядами (княжеские печати архаической традиции, печати с русской благопожелательной надписью и печати с изображением святых на обеих сторонах).

В послемонгольский период на Неревском раскопе встречено только четыре княжеские печати, тогда как комплекс посадничьих булл составляет 13 экз., относящихся к двум разрядам (печати без обозначения должности и печати новгородского Совета Господ). Это отражает сужение юрисдикции князя и укрепление республиканских органов.

Отметим также преобладание булл владычных наместников (14 экз.), что отвечает общим тенденциям возрастания роли церкви в экономике и политике Новгорода. Начиная с XIV в. новгородский владыка в лице владычных наместников скреплял печатью практически все земельные документы (купчие, раздельные, закладные, меновые)

Таблица 2. Разряды печатей Неревского раскопа

Table 2. Types of seals from Nerevsky excavation

Разряд	Кол-во (экз.)
Княжеские печати архаической традиции X – начала XII в.	3
Печати с русской благопожелательной надписью	2
Печати с изображением святых на обеих сторонах	7
Печати с изображением княжеской тамги	2
Печати с изображением Христа или Его символов	2
Печати, русская принадлежность которых гипотетична	2
Именные княжеские печати XIII – первой четверти XIV в.	1
Именные княжеские печати второй четверти XIV – XV в.	2
Печати великокняжеских наместников и тиунов	1
Именные печати новгородских архиепископов	1
Печати владычных наместников	14
Именные печати новгородских посадников	1
Именные печати новгородских тысяцких	1
Печати новгородских тиунов	3
Именные печати без обозначения должности	7
Печати новгородского Совета Господ	6
Всего	55

независимо от того, в чьем бы владении эти земли ни находились. Одной из причин преобладания церковных булл в этой части города является структура городской церковной организации, выявленная В. Л. Яниным на основании «Семисоборной росписи» (Янин, 2003. С. 512). Согласно росписи в Новгороде существовало семь городских соборных престолов, к которым были приписаны все остальные соборные храмы. В. Л. Янин вскрыл кончанский принцип распределения церквей и выявил

явное несоответствие. Если Людин, Загородский, Плотницкий и Славенский концы объединены каждый в одном соборном участке, то церкви Неревского конца закреплены за двумя соборами – Яковлевским и Сорока мучеников. В. Л. Янин также связывает это с кончанским представительство в посадничестве, что свидетельствует о тесной связи боярства с приходским духовенством. Связь эта в первую очередь определялась тем, что строителями значительной части новгородских церквей были сами бояре. Большинство приходских церквей средневекового Новгорода – это ктитории. Ктитор обеспечивал содержание самой церкви, распоряжался ее доходами и фактически являлся собственником церкви. По данным летописей, заказчиками строительства значительной части новгородских церквей являются феодалы.

Так, в список вкладчиков при строительстве церкви Козьмы и Демьяна входят неревские бояре, среди которых есть представитель семьи Мишиничей-Онцифоровичей – Юрий Онцифорович. Членов своей семьи Мишиничи хоронили в церкви Сорока мучеников. Впоследствии при Юрии Онцифоровиче семейная усыпальница была перенесена в Колмов монастырь. Следует отметить, что из 14 булл владычных наместников 10 были найдены на усадьбах, принадлежащих данной семье («Д», «И», «К»). Это отражает тесную связь семьи Мишиничей-Онцифоровичей с духовенством.

Количественное распределение печатей Неревского раскопа по усадьбам выглядит следующим образом (табл. 3).

Как видно из таблицы, печати по усадьбам распределены неравномерно. Наибольшее число булл найдено на усадьбе «Б» (14 экз.). На усадьбах «И», «А», «В», «К» также наблюдается некоторый перевес в количественном отношении, хотя на территории этих усадеб найдено вполнину меньше булл, чем на усадьбе «Б». На остальных усадьбах печати единичны, а на территории усадьбы «З» вообще отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что была раскопана лишь небольшая часть этой усадьбы.

Отметим, что печати послемонгольского периода были найдены на усадьбах «И», «К», «Д», «Е», «В», «Б», «А», «Г», из которых четыре усадьбы

Таблица 3. Распределение печатей Неревского раскопа по усадьбам (датировка приводится по своду «Актовые печати...» В. Л. Янина (Янин, 1970а; 1970б))

Table 3. Distribution of seals from Nerevsky excavation through estates (the dates are presented according to the corpus «Актовые печати...» by V. L. Yanin (Янин, 1970а; 1970б))

Усадьбы	XI в.		XII в.		XIII в.		XIV в.		XV в.		Всего
	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	
Б			4	3	1		3		3		14
И			1	2			3	2	1		9
А						1	1		3	1	6
В		1		1	1				3		6
К						1	1	3			5
Д		1					1	2			4
Е									2	1	3
Г			1					1			2
Ж					1						1
Мостовая Холопьев улицы							1			1	2
Выброс	1						1		1		3
Итого	1	2	6	6	3	1	11	8	13	3	55

(«Д», «И», «Е», «К») в XIII–XIV вв. входили во владения семьи Мишиничей-Онцифоровичей. На их территории было найдено 17 печатей из 38, относящихся к этому периоду.

Более наглядно распределение печатей по усадьбам представлено на плане (рис. 1, 3). На схеме видно, что большая часть печатей домонгольского периода сконцентрирована в северной части Неревского раскопа, тогда как в южной части преобладают печати послемонгольского периода.

По мнению П. И. Засурцева, «четыре усадьбы, расположенные в северной части Неревского раскопа («А», «Г», «Ж» и «З»), принадлежали одному поселению, а усадьбы, расположенные от Кузьмодемьянской улицы и южнее, – другому» более позднему (усадьбы «И», «Е», «К», а затем «Д»). Между этими территориями существовал пустырь

на протяжении нескольких десятилетий. Впоследствии этот разрыв заполнился образовавшейся здесь в самом начале XI в. новой улицей – Холопьев. Некоторые факты позволяют проследить также разделение этих территорий. Так, по соборной описи XVI в. Козьмодемьянская и другие улицы, расположенные южнее, относились к одному приходу, а Холопья и улицы севернее ее – к другому (Засурцев, 1963. С. 88)

Троицкий раскоп. Материалы данного раскопа находятся в стадии изучения. В работе учитываются сфрагистические материалы, зарегистрированные до 2016 г.

Здесь были зафиксированы и исследованы городские усадьбы X–XV вв., из них семь вошли целиком в площадь раскопа, 10 – частично. Всего на Троицком раскопе было найдено 62 буллы (табл. 4).

Таблица 4. Хронология печатей Троицкого раскопа

Table 4. Chronology of seals from Troitsky excavation

Век	Кол-во (экз.)
XI в.	10
XII в.	20
XIII в.	5
XIV в.	13
XV в.	14
Всего	62

При примерно равной с Неревским раскопом насыщенности печатями троицкий комплекс демонстрирует совершенно иную картину хронологического распределения булл. Если в Неревском раскопе большая часть булл приходится на послемонгольский период, то здесь перевес, пусть незначительный, приходится на домонгольский период (32 экз.), тогда как к послемонгольскому относится 30 булл.

Основная причина такой пропорции объясняется тем фактом, что концентрация печатей в XII и в начале XIII в. наблюдается на усадьбах, принадлежавших клану Мирошки Нездинича и Мирошкиничей. После восстания 1207 г. Мирошкиничей были изгнаны из Новгорода. Их усадьбы перешли к другим владельцам. Кроме того, значительное число булл 20–70-х гг. XII в. было найдено на усадьбе «Е», которая интерпретируется В. Л. Янин как административная (Янин, 2001. С. 8).

Вместе с тем сохранение значительного числа булл послемонгольского периода соответствует общим тенденциям развития политической системы средневекового Новгорода. Это же отмечалось выше при характеристике сфрагистического комплекса Неревского раскопа.

Коллекция печатей Троицкого раскопа достаточно многообразна и представлена 18 разрядами (Янин, 1970а; 1970б). Все они принадлежали определенным институтам государственной власти (табл. 5).

Таблица 5. Разряды печатей Троицкого раскопа

Table 5. Types of seals from Troitsky excavation

Разряд	Кол-во (экз.)
Княжеские печати архаической традиции X – начала XII в.	5
Именные печати церковных иерархов	2
Печати протопроедра Евстафия	4
Печати с изображением святых на обеих сторонах	11
Печати XII – начала XIII в. с изображением княжеских знаков	3
Печати с изображением Христа или Его символов	5
Именные княжеские печати XIII – первой четверти XIV в.	2
Печати великокняжеских наместников и тиунов	2
Именные печати новгородских архиепископов	3
Печати владычных наместников	5
Именные печати новгородских посадников	4
Именные печати новгородских тысяцких	2
Печати старост	1
Печати новгородских тиунов	2
Именные печати без обозначения должности	2
Печати новгородского Совета Господ	6
Кончанские и монастырские печати	1
Неопределенные печати	1
Всего	62

Для домонгольского периода наиболее многочисленным является комплекс княжеских булл (16 экз.), представленный двумя разрядами (княжеские печати архаической традиции и печати с изображением святых на обеих сторонах). Это может быть связано, во-первых, с высокой активностью владельцев усадеб в данный период в этой части города, во-вторых, большая часть печатей подобного типа была найдена на усадьбе «Е» (6 экз.), которая, по предположению исследователей, была не чем иным, как местом заседаний «сместного суда» князя и посадника, функционировавшим на протяжении пяти или шести десятилетий.

На Троицком раскопе встречено всего две княжеские печати послемонгольского периода, тогда как комплекс посадничьих булл (печати без обозначения должности и печати новгородского Совета Господ) составляет 8 экз. Для данного периода можно отметить также преобладание булл владычных наместников (5 экз.) (табл. 6).

Большая часть печатей найдена на территории усадеб «Е» и «Г». Хотя на территории усадеб «А», «О», «К», «Р» найдено вполнину меньше булл, здесь также наблюдается некоторый перевес в количественном отношении. На остальных усадьбах печати единичны. На территории усадеб «Б», «Д», «В»

Таблица 6. Количественное распределение печатей на площади Троицкого раскопа (Янин, Гайдуков, 1998)

Table 6. Quantitative distribution of seals through the area of the Troitsky excavation (Янин, Гайдуков, 1998)

Усадьбы	XI в.		XII в.		XIII в.		XIV в.		XV в.		Всего
	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	
И	1				1	1					3
Ж		1	1								2
О		1						2		1	4
Е			3	7		1	1		2		14
П		2						1			3
А		2		1					1	1	5
Т		2							1		3
Г		1		2		1	2	4			10
К				3					1		4
У										1	1
Р								2	2		4
М								1			1
З				1					1	1	3
С				1							1
Мостовая									1	1	2
Выброс									1	1	2
Итого	1	9	4	15	1	3	3	10	10	6	62

печатей не обнаружено. Возможно, это связано с тем, что в раскоп попала лишь часть этих усадеб.

Печати древнейшего периода были найдены на усадьбах «И», «О», «Т», «П», «А», «Ж». Они представлены двумя разрядами: княжеские печати и печати посадника Завида. Самая древняя княжеская печать архаической традиции (*Янин, Гайдуков, 1998. № 2а*) была найдена на усадьбе «И» в финальный этап первого строительного периода. Эта печать обнаружена в слоях, синхронных постройкам, возведенным в 1010-е гг. Эти сооружения, как и застройка всех усадеб Ярышевой улицы начала XI в., уничтожены крупным пожаром. Печать эта принадлежит Ярославу Мудрому с уникальным его изображением, надписью «Ярослав князь русский» на одной стороне и изображением небесного патрона Ярослава – св. Георгия на другой. Анализируя стилистические особенности печати, В. Л. Янин приходит к выводу, что данная булла относится ко времени окончательного вокняжения князя Ярослава в Киеве в 1019 г., которое сопровождалось актом его благодарности новгородцам, обеспечившим ему победу. Ярослав в награду за помощь, оказанную ему новгородцами, дал им «Правду и Устав», то есть те льготы, которые стали конституционной основой Новгородской вечевой республики. На «Ярославовы грамоты» как на гарантию вольности новгородцы ссылались всегда, когда со стороны приглашаемых ими князей возникали попытки ущемить вечевую свободу. То есть фактически это декларация изъятия боярских дел из княжеской юрисдикции и передача их в ведение самого боярства. От одного из таких актов, возможно, и происходит эта печать (*Янин, 1996*).

Печать невестки Ярослава Мудрого Марии, превращенная в подвеску, была найдена на усадьбе «О», в слоях конца XI в. в период формирования единого усадебного комплекса. Хронологический разрыв между попаданием этой печати в слой и исторической датой, а также функциональное назначение печати свидетельствуют о длительном использовании этой печати (*Фараджева и др., 2014*).

Печать сына Ярослава Мудрого, Святослава Ярославича, встречена на усадьбе «Т» в слоях первой половины XI в., что соответствует начальному периоду застройки. В это время здесь за-

фиксированы остатки лишь одного сооружения, но в целом границы усадьбы уже хорошо очерчены (*Степанов и др., 2013*).

Две буллы, найденные в комплексе, – печать Святополка Изяславича в период его новгородского княжения, а также печать княжеского печатника Мефодия были обнаружены на усадьбе «П» в слоях рубежа XI – XII вв. Обе буллы, по всей видимости, были прикреплены к одному документу (*Янин, Гайдуков, 1998. С. 25–26*).

Таким образом, до середины XI в. документы, снабженные печатями, исключительны. К первой половине XI в. относится всего одна булла, принадлежавшая князю Ярославу Мудрому (2а).

В период княжения Мстислава Владимировича, воспользовавшись его малолетством, новгородское боярство создает параллельный орган власти, избирая из своей среды посадника. Отныне боярский посадник сосуществует с князем и неподсуден князю (*Янин, 2003*). Активность вновь учрежденного посадничества ярко продемонстрирована количеством найденных к настоящему времени (главным образом в Новгороде) печатей «протопроедра Евстафия» (посадника Завида). На Троицком раскопе таких булл известно четыре. Две найдены на усадьбе «А» в слоях первой половины XI в. Одна на усадьбе «Ж» в слоях второй половины XII в., одна на усадьбе «Т» в слоях второй половины XII в. (*Степанов и др., 2013*).

Такое распределение древнейших печатей по площади раскопа во многом объясняется расположением в местах концентрации древнейших построек, хотя, на наш взгляд, это не является единственной причиной. Самые ранние строения прослежены и на площади усадьбы «Р», и на территории усадьбы «Г». Однако печатей домонгольского времени на усадьбе «Р» не обнаружено, а на усадьбе «Г» найдено крайне мало. На этих усадьбах преобладают печати послемонгольского периода. Очевидно, подобное распределение булл связано с социальной характеристикой усадеб, а также с политической активностью ее владельцев.

Анализ берестяных грамот Троицкого раскопа, проведенный В. Л. Яниным и А. А. Зализняком, показал, что усадьбы «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж» и «З» во второй половине XII – начале XIII в. были тесно связаны между собой и являлись пе-

риферийными дворами мощного боярского клана Мирошки Нездинича и Мирошкиничей, давшего Новгороду многих знаменитых посадников (*Янин, Зализняк, 1993. С. 14*). Сфрагистические материалы, которые лишним раз подчеркивают высокий социальный статус владельцев усадеб, это подтверждают. Печати в этот период найдены на усадьбах «А», «Е», «Г», «И», «Ж», «М», «З», «К». Наиболее подробно с точки зрения топографии, хронологии, стратиграфии и усадебной планировки изучена территория усадеб «А», «Е».

В период 1151–1209 гг. большая часть боярского комплекса усадьбы «А» была предоставлена духовенству. В 1151 г. боярами на собственной их земле был построен храм Василия Парийского, по-видимому, именно с этим событием было связано водворение клириков (*Янин, 1983. С. 86*). Присутствие здесь духовных лиц характеризуется составом находок, комплексом берестяных грамот, существованием здесь в 80–90-е гг. XII в. мастерской художника-иконописца Олисея Гречина, которая просуществовала до 1209 г. Анализ берестяных грамот показывает, что Олисей Гречин владел усадьбой «А», был священником, членом «сместного» суда и претендентом на пост архиепископа (*Колчин и др., 1981*). На усадьбе была найдена одна княжеская булла с изображением святых на обеих сторонах. Печать принадлежит князю Ярополку Ярославичу (1197 г.) и была найдена в слоях второй половины XII в. Следовательно, документ, к которому печать была прикреплена, мог храниться более полувека. После событий 1209 г., когда выгорели жилые кварталы, а также все церкви, священнослужители переходят в другой район города.

В 20–70-е гг. XII в. усадьба «Е» была административным центром Людина конца. В. Л. Янин на основе анализа берестяных грамот, которых было найдено на территории усадьбы 92 экз., сделал вывод, что усадьба «Е» в середине XII в. служила местопребыванием «сместного» суда князя и посадника (*Янин, 2001. С. 11*). На территории усадьбы обнаружен настил, который датируется 1126 г., где могли решаться административные дела (гражданские, уголовные, имущественные, торговые, земельные). Все это объясняет значительное количество булл, найденных на территории усадьбы в этот период (8 экз.). Из них шесть княжеских

печатей с изображением святых на обеих сторонах. Это печати князей Всеволода Мстиславича (1117–1136 гг.), Ярослава Изяславича (1148–1154 гг.), Мстислава Юрьевича (1155–1157), печати неопределенных князей. Одна булла принадлежала епископу Илье (1163–1186 гг.), явно связанному с Людиным концом и выступавшему на стороне бояр. Имеется и территориальная привязка печати. Известно, что епископ Илья был священником Власьевской церкви, а также совместно с братом Гавриилом основал Благовещенский монастырь Людина конца. Скорее всего, акты, к которым были прикреплены вышеназванные буллы, были актами земельными (купля-продажа, обмен, дарение, раздел, заклад земельной собственности).

На усадьбе «Г» были найдены две печати с изображением Христа или Его символов. Данный тип буллы в Новгороде использовался посадниками. Одна булла относится к разряду печатей с изображением княжеской тамги и, по-видимому, принадлежала лицам, имевшим непосредственное отношение к княжеской администрации – полномочным представителям князей.

Следует отметить, что боярские дворы в нижних горизонтах отличались величиной и особой устойчивостью, что для троицкого комплекса особенно очевидно, поскольку боярскими они были только до 1207 г., когда произошло выступление новгородцев против Мирошкиничей. После пожара 1209 г., уничтожившего в Людином конце усадебную застройку и все церкви, жизнь там замерла практически на четыре года. В дальнейшем происходит дробление усадебного пространства, что связано с изменениями в политической жизни и сменой социального статуса жителей усадеб. Более наглядно распределение печатей по усадьбам представлено на плане (рис. 1, 2). При взгляде на топографию печатей Троицкого раскопа обращает на себя внимание то, что буллы этого периода встречаются практически на всех усадьбах, распределены относительно равномерно по площади раскопа. На схеме видно, что большая часть печатей домонгольского периода сконцентрирована на усадьбе «Е» в северной части Троицкого раскопа, послемонгольского периода – в южной части раскопа на усадьбах «Г» и «Р».

Таким образом, распределение булл Неревского и Троицкого раскопов по векам, по усадьбам,

количественное распределение различных разрядов булл соответствуют как общим тенденциям развития политической системы средневекового Новгорода, так и специфике развития данных районов города.

Представленный топографический анализ печатей из раскопок Новгорода, несомненно, свидетельствует о важности этой темы как для изучения самого сфрагистического материала, так и для характеристики усадеб этого древнерусского города.

- Валк*, 2013 – *Валк С. Н.* Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 2013.
- Засурцев*, 1963 – *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. М., 1963 (МИА; № 123).
- Колчин и др.*, 1981 – *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Степанов и др.*, 2013 – *Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К.* Усадьбы «Т» и «У» в южной части Троицкого раскопа (XIII и XIV) // НиНЗИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.
- Фараджеева и др.*, 2014 – *Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьба «О» Ярышевой улицы Троицкого раскопа: топография, стратиграфия, хронология // НиНЗИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28.
- Янин*, 1970а – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1: Печати X–XII вв.
- Янин*, 1970б – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2: Новгородские печати XIII–XV вв.
- Янин*, 1981 – *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
- Янин*, 1983 – *Янин В. Л.* Открытие мастерской художника XII в. в Новгороде // Древний Новгород: история, искусство, археология. М., 1983.
- Янин*, 1991 – *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин*, 1996 – *Янин В. Л.* Ему достался Новгород // Чело. Великий Новгород, 1996. № 1(8).
- Янин*, 2001 – *Янин В. Л.* У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин*, 2003 – *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- Янин, Гайдуков*, 1998 – *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Янин, Зализняк*, 1993 – *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Topography of official seals in Novgorod of the 11th–15th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)

V. V. Yablonchuk

The Novgorod sphragistic assemblage holds the leading place in terms of the number of found bullae. Of special importance are findings of seals in the reliably dated cultural layer of the city. Totally over 300 bullae have been found by 2016 within the kontsy (districts) of mediaeval Novgorod.

In this paper, seals from the largest Nerevsky (8,840 sq m) and Troitsky (ca 7.000 sq m) excavations situated in the areas of the earliest Novgorod's Nereva and Lyudin kontsy are considered.

Nerevsky excavation. In total 655 bullae have been collected from the Nerevsky excavation. Among the

finds of the pre-Mongolian period, the most numerous is the complex of princely bullae (12 items). It is represented in three categories (princely seals in the archaic traditions, seals with a Russian inscription wishing happiness and examples with representations of saints on both sides). Princely seals of the post-Mongol period from the Nerevsky excavation number only 4 items. At the same time, the assemblage of the posadniks' bullae (represented by two groups: seals without a designation of the official positions and those of the Novgorod Council of Lords) includes 13 items indicating the narrowing of the princely

jurisdiction and strengthening of the republican bodies during that period. The character of the distribution of different types of seals among the sphragistic complex from the Nerovsky excavation corresponds to the general tendencies of the development of the political system of mediaeval Novgorod. The most of the seals of the pre-Mongol period were concentrated in the northern sector of the Nerevsky excavation whereas in the southern area, seals of the post-Mongol period predominate.

Troitsky excavation. The present study takes in consideration sphragistic finds recorded before 2016, i.e. 62 bullae. For the pre-Mongolian period, the complex of princely bullae is the most numerous (16 items). It is represented by two types (princely bullae in the archaic tradition and seals with representations of saints on both sides). In the post-Mongol period, princely seals are represented by only 2 items.

At the same time, the complex of *posadnik* bullae (represented by two types: seals without a designation of the position and seals of the Novgorod Council of Lords) numbers 8 examples. Besides, for this period, the predominance of bullae of church hierarchs' deputies is notable (5 items).

The distribution of bullae from the Nerovsky and Troitsky excavations through ages and estates, as well as the quantitative distribution of different types of the bullae, correspond both to the general tendencies of the evolution of the political system of mediaeval Novgorod and to the specifics of the development of mediaeval Novgorod's districts under consideration. Topographic analysis of the seals from excavations in Novgorod demonstrates the importance of this subject both for studies of the sphragistic materials themselves and for characterization of the estates in mediaeval Novgorod.

НАХОДКИ ДЕТАЛЕЙ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ВООРУЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – XVI в. из Старой Ладогы и крепости ОРЕШЕК В СВЕТЕ ВОСТОЧНО- И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АНАЛОГИЙ¹

П. А. Миляев²

Аннотация. Статья посвящена исследованию находок деталей огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладогы и крепости Орешек. Рассмотрены и подробно описаны фрагменты ружейных стволов и части фитильных замков с боковым спуском-кнопкой: S-видные курки и боевые пружины. Предметами изучения также стали инструменты для чистки и обслуживания ручных пищалей – насадки на шомпола и пулелейки. Были выявлены аналогичные ружейные детали из нескольких городов и крепостей Московского государства, уточнена хронология некоторых категорий предметов.

Annotation. This paper is devoted to investigation of findings of parts of firearms of the second half of the 15th – 16th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek. Fragments of gun barrels and parts of matchlocks with a lateral sear-buttons are considered and carefully described, in particular S-shaped cocks and mainsprings. Among the studied objects there were also tools for cleaning and maintenance of portable pishchali (arquebuses), including attachments for ramrods and bullet casting moulds. Analogous gun parts have been found in several towns and fortresses of the Muscovite state. The chronology of the use of some categories of objects under consideration was defined more precisely.

Ключевые слова: Ладоба, позднее средневековье, раннее новое время, огнестрельное оружие, ружейные замки, ручные пищали.

Keywords: Ladoga, Late Middle Ages, early modern period, firearms, gun locks, portable arquebuses-pishchali.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-218-238

Изучение образцов раннего ручного огнестрельного вооружения, использовавшегося на территории Руси, проводилось в основном на материалах музейных собраний предметов, происхождение и датировка которых часто были неизвестны. Количество сохранившихся в отечественных фондах подлинных стволов и иных ружейных деталей второй половины XV – XVI в. невелико. Видный исследователь отечественного ручного огнестрельного оружия Е. В. Мышковский отмечал, что вещественные памятники, дошедшие до нас, «главным образом относятся к XVII в., небольшое количество к XVI в. и единичные экземпляры к XV в.» (Мышковский, 1961. С. 225). Возможность попол-

нения музейных коллекций была и остается до сих пор весьма ограниченной, что исследователь и отмечал в своих трудах (Там же. С. 234). Во второй половине XX – начале XXI в. количество материальных источников по данному вопросу увеличилось незначительно, поэтому введение в научный оборот нового материала остается актуальным.

На территории России сохранились единичные экземпляры целых ручных пищалей XVI в. с замками и ложами в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС, ранее Артиллерийский исторический музей) (Мышковский, 1965. С. 189; Маковская, 1992. С. 31, рис. 44–46). Все они происходят из оружейной палаты Соловецкого монастыря (рис. 1, 1–2). В фондах ВИМАИВиВС находится представительная коллекция ружейных стволов середины XV – XVI в. (Мышковский, 1961. С. 226–227; Маковская, 1992. С. 31, рис. 33, 37–40). Кроме того, в Оружейной палате Московского Кремля хранятся 28 ружей из Троице-Сергиевой

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

Рис. 1. Образцы ручного огнестрельного оружия с фитильным ружейным замком и боковым спуском-кнопкой: 1 – ручница второй половины XVI в. (Оружейная палата Соловецкого монастыря – *Маковская*, 1992); 2 – ручница середины XVI в. (Оружейная палата Соловецкого монастыря – *Маковская*, 1992); 3 – аркебуза (Германия, Базель, ок. 1510 г., – *Essenwein*, 1877); 4 – аркебуза (Германия, Нюрнберг (?), ок. 1500 г. – *Тарасюк*, 1971); 5 – затинная пищаль (конец XVI – начало XVII в. – *Маковская*, 1992); 6 – крепостное ружье (Германия, Дрезден, XVI в. – *Schön*, 1858); 7 – фитильный ружейный замок с S-видным курком и боковым спуском кнопкой, установленный на затинной пищали (конец XVI – начало XVII в. – *Маковская*, 1992). 1–7 – железо

Fig. 1. Examples of hand firearms with matchlocks and lateral sear-buttons: 1 – hand firearm with a matchlock of the second half of the 16th century (Armoury Collection of the Solovtsy Monastery – *Маковская*, 1992); 2 – hand firearm of the mid-16th century (Armoury Collection of the Solovtsy Monastery – *Маковская*, 1992); 3 – arquebus (Germany, Basel, ca 1510, – *Essenwein*, 1877); 4 – arquebus (Germany, Nuremberg (?), ca 1500 – *Тарасюк*, 1971); 5 – fortress pishchal (arquebus) (late 16th – early 17th century – *Маковская*, 1992); 6 – fortress gun (Germany, Dresden, 16th century – *Schön*, 1858); 7 – gun matchlock with a S-shaped cock and a lateral sear-button mounted on a fortress pishchal (late 16th – early 17th century – *Маковская*, 1992). 1–7 – iron

лавры со стволами второй половины XVI в. (*Гордеев*, 1954. С. 6–10).

Исследование предметов огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. осложняется тем, что они часто подвергались переделке в XVII в., и большинство образцов дошло до нашего времени

в сильно измененном виде (*Гордеев*, 1954. С. 10; *Мышковский*, 1959. С. 227; *Маковская*, 1992. С. 6). Чаще всего сохранились сами стволы, служившие долгое время, деревянные ложа заменялись на новые, а механизмы воспламенения заряда – на более современные и эффективные (*Мышковский*,

1959. С. 227; 1961. С. 225; *Маковская*, 1992. Рис. 54). По этой причине в нашем распоряжении имеется крайне мало деталей фитильных ружейных замков XVI в., вместо которых во второй половине – последней четверти этого столетия в Московском государстве стали распространяться различные ударно-кремневые системы (*Гордеев*, 1954. С. 10, *Маковская*, 1992. С. 22). Кроме вышеупомянутых целых ручниц из Соловецкого монастыря фитильные замки с S-видным курком-серпентином и боковым спуском-кнопкой в целости сохранились на нескольких тяжелых затинных пищалах из города Тихвина, хранящихся в собрании ВИМАИВиВС (*Мышковский*, 1958. С. 378; *Маковская*, 1992. С. 40–41, рис. 99). Они датируются в целом XV (скорее всего, его второй половиной) – XVI в.; на некоторых образцах монтаж механизмов воспламенения заряда на ложа мог быть произведен позже времени изготовления их стволов (*Мышковский*, 1958. С. 378), вероятнее всего, во второй половине XVI в.

Пополнение комплекса вещевых источников по данной проблематике осуществляется в основном за счет материалов из археологических раскопок. Несколько фрагментов ружейных стволов XVI в. были обнаружены при раскопках в Москве на территории Китай-города и в Ипатьевском переулке (*Векслер, Двуреченский*, 2000. С. 171–173; *Кутасов*, 2010. С. 304–306). Находки деталей замков ручных пищалей данного периода были найдены при раскопках оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря (*Кирпичников*, 1971б. Лист 2, рис. 4; *Кирпичников, Хлопин*, 1972. С. 218). В коллекции ГИМ находятся ружейные стволы, происходящие из сборов на территории Тушинского лагеря, датированные второй половиной XVI – XVII в. (*Двуреченский*, 2007. С. 264–265). Недавно в фондах Усвятского краеведческого музея И. И. Еремеевым был выявлен ствол ручной пищали, который можно датировать в рамках XVI в. (*Еремеев*, 2015. С. 536, 539). В отличие от музейных коллекций, в которые часто попадали статусные и парадные вещи, археологические находки характеризуют оружие рядового личного состава войск эпохи Московского государства.

Для изучения ранних типов огнестрельного вооружения на Северо-Западе России особенно интересны находки из Старой Ладogi и крепости

Орешек. Ладожская каменная крепость с пятью башнями была возведена на рубеже XV–XVI вв. (*Кирпичников*, 1984. С. 67). В середине 80-х гг. XVI в. с юга к ней был пристроен Земляной город с валами и тремя бастionsами, на которых была сооружена деревянная стена с башнями (*Кирпичников*, 1979. С. 471–472; *Селин*, 2010. С. 337; *Мильчик*, 2014. С. 32). Дата возведения крепости Орешек более поздняя и определяется в пределах первой четверти XVI в. (*Кирпичников*, 1980. С. 55). Данные укрепления, построенные на местах более ранних каменных крепостей новгородской поры, специально проектировались для применения артиллерии, затинных пищалей и ручного огнестрельного оружия (Там же. С. 55; *Кирпичников*, 1984. С. 67, 89). Крепостные сооружения Ладogi и Орешка позднего средневековья – раннего нового времени изучены достаточно хорошо и реконструированы с большой точностью (*Кирпичников*, 1980. С. 57–65; 1984. С. 85–88; *Лалазаров*, 2012. С. 255–265).

Комплекс письменных источников, относящихся к указанным крепостям, широко известен и достаточно полно опубликован, впрочем, писцовые книги конца XV – XVI в. не донесли до нас исчерпывающие сведения о воинах, несших оборонную службу в этих крепостях, и их вооружении (*Бранденбург*, 1896. С. 242–280; *Кирпичников*, 1980. С. 73–86; 1985. С. 170–180; 2002. С. 268–277; *Мильчик*, 2014. С. 261–345; *Селин*, 2008; 2010. С. 335–349). Согласно им, гарнизоны Ладogi и Орешка в первой половине XVI в. состояли из пищальников и воротников (*Кирпичников*, 1980. С. 75; 1985. С. 174). Стоит отметить, что на данный момент среди исследователей нет общего мнения об обязанностях пищальников, их количестве в русском войске и социальном составе (*Пахомов*, 2002. С. 6–9). Они набирались из посадских жителей, как нетяглых, так и тяглых; некоторые служили на постоянной основе, но большая часть только во время военной кампании (Там же. С. 9). Эти особенности, судя по всему, можно отнести и к гарнизонам Ладожской крепости и крепости Орешек.

Во второй половине XVI в. в Орешке и Ладoge стоял постоянный стрелецкий гарнизон, кроме того, в крепости службу несли пушкари и воротники (*Бранденбург*, 1896. С. 33–34, 67; *Кирпичников*,

1980. С. 81–82). Во второй половине XVI в. в Ладоге появляются Стрелецкая и Пушкарская слободы (*Бранденбург*, 1896. С. 31–35; *Мильчик*, 2014. С. 31). Количество стрельцов в крепостях определить достаточно сложно, для периода второй половины XVI в. письменных источников с такими данными не сохранилось. Примерное количество их можно выяснить, привлекая более поздние документы. Число воинов в ладожском гарнизоне вряд ли следует определять больше, чем указано в росписном списке, составленном немного ранее 1628 г., то есть 150–200 человек (*Бранденбург*, 1896. С. 69, 253). В крепости Орешек гарнизон был более значительным. Во время нападения шведов в 1581 г. оборону держали 500 стрельцов и казаков (*Кирпичников*, 1980. С. 71), в 1611–1612 гг. в ходе боевых действий Смутного времени количество защитников достигало 1300 человек (Там же. С. 101). Однако следует отметить, что данные цифры характеризуют гарнизон Орешка в военное время, в мирное он, наверное, был намного меньше, особенно в первой половине – третьей четверти XVI в.

При археологических исследованиях Старой Ладоги и крепости Орешек были выявлены изделия, относящиеся к фрагментам стволов, ружейных замков и приспособлений для обслуживания и чистки ручных пищалей конца XV – XVI в. На основе данных материалов можно уточнить датировку некоторых деталей огнестрельного вооружения Московской поры.

Одной из самых интересных находок является фрагмент ружейного ствола, разорванного, по всей видимости, в древности при неудачном выстреле. Предмет был найден в Старой Ладоге на Земляном городище при раскопках В. И. Равдоникаса в 1949 г. (рис. 2, 1) (ГЭ ЛА-1195).³ Несмотря на многочисленные повреждения изделия, сохранилась его важнейшая деталь – казенная часть, особенности устройства которой позволяют с большей точностью датировать предмет. Полная изначальная длина ствола неизвестна. Размеры фрагмента 28 × 141 мм, калибр 11–12 мм, на конце есть небольшое расширение, которое произошло при «осаживании» изделия – придании ему необходи-

мой длины. При этом процессе только что выкованный ствол раскаленными торцами ударялся о наковальню, в результате чего происходило утолщение дульной и казенной частей (*Гордеев*, 1954. С. 9; *Мышковский*, 1961. С. 227). Основа ствола представляла собой свернутый в трубку лист металла со сварным швом, затем на поверхности изделия выковывались грани, которые могли находиться только на казенной части или покрывать его по всей длине (*Мышковский*, 1958. С. 372). На фрагменте из Старой Ладоги различимы восемь граней. Канал ствола, частично забитый коррозионной массой, несколько смещен вправо от центральной оси к одной из стенок, толщина которых составляет 6–10 мм. Столь массивные стенки при небольшом калибре ствола говорят о его датировке в пределах XV–XVI вв. (*Мышковский*, 1959. С. 230; 1961. С. 234). Полная изначальная величина ладожской находки не может быть установлена, однако стоит отметить, что подобные изделия в указанный период имели небольшую длину (*Мышковский*, 1959. С. 230–231; 1961. С. 234). В 16 мм от края казенной части на верхней грани расположено запальное отверстие, имеющее воронковидную форму, диаметром от 2,5 до 4,5 мм. Около него не выявлено следов прикрепления пороховой полки, которые, несмотря на сильные повреждения изделия, были бы видны отчетливо. Следовательно, перед нами фрагмент ствола раннего огнестрельного оружия, которое не предполагало использование ружейного замка для воспламенения заряда. Затравочный порох насыпался стрелком непосредственно в отверстие, и его поджигание производилось вручную при помощи фитиля или раскаленного прута (*Маковская*, 1992. С. 12–13). На поверхности изделия нет прицельных приспособлений или следов их монтажа, в нижней его части не было «ушек» для соединения с деревянной ложей, ствол закрепляли на ней при помощи железных пластинчатых оковок и гвоздей. С казенной части ствольный канал был закрыт железным прутком. Об этом говорит характер его слома и отсутствие на стенках канала винтовой нарезки. Если бы для запирания была применена казенная пробка (по сути, представляющая собой крупную заклепку) с невысокой, плавных очертаний шляпкой, приваренной краями к торцу ствола, подобный слом не мог бы

³ Автор выражает глубокую признательность к и. н., с. н. с. ОАВЕС Государственного Эрмитажа Б. С. Короткевичу за помощь в работе с коллекциями из раскопок В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге.

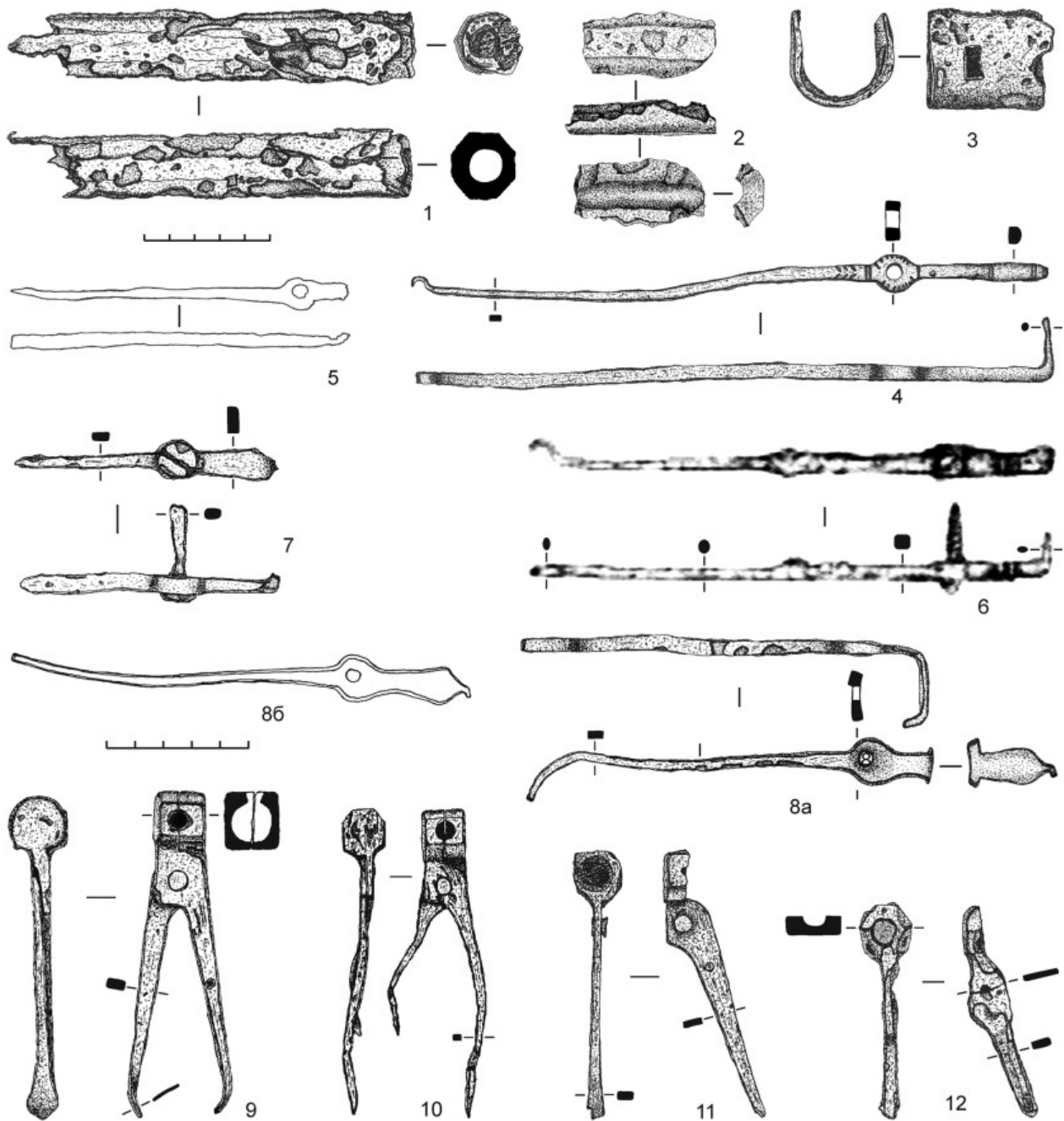

Рис. 2. Фрагменты ружейных стволов, оковка для соединения ствола с ложей, боевые пружины, пулелейки: 1 – фрагмент ружейного ствола (Старая Ладога, Земляное городище, 1949 г.); 2 – фрагмент ружейного ствола (Орешек, 1972 г.); 3 – оковка для соединения ружейного ствола с деревянной ложей (Старая Ладога, каменная крепость, 1983 г.); 4 – боевая пружина ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (Старая Ладога, каменная крепость, 2017 г.); 5 – фрагмент боевой пружины ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (Кирилло-Белозерский монастырь – Кирпичников, 1971б); 6 – боевая пружина ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (Москва, Ильинка – Векслер, 2015); 7 – фрагмент боевой пружины ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (Орешек, 1972 г.); 8а – боевая пружина ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой; 8б – изначальная форма детали (Старая Ладога, Земляное городище, 1981 г.); 9 – пулелейка (Старая Ладога, Земляное городище, 1938 г.); 10 – пулелейка (Орешек, 1969 г.); 11 – фрагмент пулелейки (Старая Ладога, каменная крепость, 1974 г.); 12 – фрагмент пулелейки (Старая Ладога, Земляное городище, 1994 г.). 1–12 – железо

Fig. 2. Fragments of gun barrels, binding for attachment of the barrel to the gun stock, mainsprings, bullet casting moulds: 1 – fragment of a gun barrel (Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1949); 2 – fragment of a gun barrel (Oreshek, 1972); 3 – binding for attachment of the barrel to the wooden gun stock (Staraya Ladoga, stone fortress, 1983); 4 – mainspring of the

произойти. Е. В. Мышковский датировал ружейные стволы без казенных винтов XV – началом XVI в. (*Мышковский*, 1961. С. 230), Л. К. Маковская считала, что вид запирания казенной части ружейного ствола при помощи железного стержня (прута) был характерен для второй половины XV – начала XVI в. (*Маковская*, 1992. С. 21–22, рис. 20–21). Видимо, именно этим хронологическим периодом следует датировать фрагмент из раскопок Земляного городища.

Стоит отметить, что изделия с подобной системой запирания казенной части могли производиться и позднее указанной даты. По мнению Л. К. Маковской, на Руси во второй половине XV в. к ружейным стволам начали прикреплять пороховые полки, а с рубежа XV–XVI вв. стали использовать фитильные ружейные замки для воспламенения заряда (Там же. С. 13, 21–22). Однако, по всей видимости, процесс этот был более сложным и долгим, подобные операции производились не со всеми стволами. Вероятно, параллельно с современными образцами вооружения продолжалось производство и использование более простых и архаичных изделий. Л. К. Маковская писала, что в Московском государстве были местные кузнечные центры, которые не располагали мастерами столь высокой квалификации и могли изготавливать огнестрельное оружие по устаревшим технологиям (Там же. С. 10, 16–17). Вероятно, ствол из Старой Ладogi относится именно к продукции северо-западных ремесленников, был изготовлен в архаичной традиции и использовался в течение многих лет.

Весьма интересен контекст ладожской находки. Фрагмент ствола был обнаружен на полу срубной постройки, расчищенной в юго-восточной части раскопа 1949 г. на Земляном городище в квадратах С-ХII-XIV, Т-ХII-XIV. В одном из углов этого жилого сооружения располагался развал печи из кирпичей и известняковых плит, скрепленных глиной. Рассматриваемый предмет лежал в юго-западном углу постройки в скоплении железных

вещей, среди которых были два сломанных еще в древности долота, железный язычок от крупной пряжки (возможно, подпружной), а также скобы и гвозди. Открытый в результате раскопок 1945, 1948–1949, 1957 гг. стратиграфически самый верхний ярус одновременных сооружений – горизонт В, по В. И. Равдоникасу, – был уничтожен сильным пожаром. В остатках стен жилых и хозяйственных построек и рядом с ними были найдены свинцовые пули, обнаружено несколько железных ядер и значительное количество фрагментов вооружения и военного снаряжения. Все это свидетельствует об уничтожении застройки на этом участке в результате активных военных действий. В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин и Г. П. Гроздилов датировали горизонт В концом XVI – началом XVII в. и отмечали, что гибель домов связана с военными действиями Смутного времени (*Равдоникас, Лаушкин*, 1959. С. 26; *Гроздилов*, 1950. С. 139–140). Можно предположить, что ружейный ствол, изготовленный в конце XV – начале XVI в., принятый на вооружение гарнизоном недавно построенной Ладожской крепости, служил довольно продолжительное время и после порчи был приготовлен к перековке в качестве железного сырья, как и найденные вместе с ним в скоплении другие сломанные предметы. По справедливому мнению Е. В. Мышковского, стволы ручного огнестрельного оружия могли служить более 100 лет (*Мышковский*, 1961. С. 225), данный вывод не раз подтвердился при исследованиях предметов из музейных коллекций (*Маковская*, 1992. С. 6) Известен похожий случай нахождения фрагментов ружейных стволов XVI в. в более позднем контексте, зафиксированный в ходе археологических раскопок в Москве (*Векслер, Двуреченский*, 2000. С. 172–173).

В качестве примера стоит упомянуть коллекцию железных оружейных стволов из г. Устюжны Железнопольской, которые, вероятно, использовались в начале XVII в. для отражения нападения польско-литовских войск (*Бранденбург*, 1877.

matchlock with a lateral sear-button (Staraya Ladoga, stone fortress, 2017); 5 – fragment of the mainspring of a lateral sear-button (Kyryl-Belozersk Monastery – *Киртичников*, 19716); 6 – mainspring of a gun matchlock with a lateral sear-button (Moscow, Ilyinka – *Векслер*, 2015); 7 – fragment of the mainspring of a matchlock with of a lateral sear-button (Oreshkek, 1972); 8a – mainspring of a gun matchlock with a lateral sear-button; 8b – original form of the gun part (Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1981); 9 – bullet casting mould (Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1938); 10 – bullet casting mould (Oreshkek, 1969); 11 – fragment of a bullet casting mould (Staraya Ladoga, stone fortress, 1974); 12 – fragment of a bullet casting mould (Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1994). 1–12 – iron

С. 119–120; Максименков, 1957; Кирпичников, 1992. С. 194–197; Шмелев, 2016. С. 227–228). Большая часть их была очень архаичной конструкции – с казенными пробками и запальными отверстиями сверху, без пороховых полок. Некоторые из данных образцов могли быть изготовлены еще в XVI в.

Ружейные стволы изготавливались вручную, поэтому они имеют различные параметры и каждый, по сути, является индивидуальным образцом. По конструктивным особенностям ладожскому экземпляру наиболее близки следующие стволы ручных пищалей: из коллекции ВИМАИВиВС середины XV в. (инв. № 1/883) (Маковская, 1992. С. 31, рис. 33) и из музея города Пльзень в Чехии конца XV в. (Там же. С. 31, рис. 35). По основным техническим параметрам они весьма близки ладожскому фрагменту, однако отличаются от него размерами и большим калибром. У чешского экземпляра сохранилась деревянная ложа: массивная, угловатая, с пеналом для хранения фитиля и ружейных принадлежностей, выдолбленным в прикладе. Возможно, похожая ложа была и у ладожской ручницы.

Необходимо отметить, что в Западной Европе в XVI в. наряду с современными образцами ручного огнестрельного оружия применялись и более архаичные экземпляры. Свидетельство этому можно найти на иллюстрации из Арсенальной книги императора Максимилиана I (*Zeugbuch Kaiser Maximilians I*), где изображены ручные пищали, находящиеся на хранении в «пирамиде», и двое стрелков (*Essenwein*, 1877. Tab. В XIII, XIV; *Konstam*, 1998. Р. 17). Из 13 запечатленных экземпляров ручного огнестрельного оружия лишь пять имеют фитильные замки, у остальных воспламенение заряда производилось вручную через запальное отверстие, расположенное справа или сверху ствола; некоторые образцы не имеют пороховых полок. На картине Мельхиора Фезелена «Осада Алезии» (1533 г.) присутствует изображение стрелков с аркебузами, при этом отчетливо видно, что некоторые воины производят выстрел с помощью отрезка фитиля, который они держат в руках (*Essenwein*, 1877. Tab. В. XVIa: e; *Konstam*, 1998. Р. 19). Таким образом, в Германии, которая в XVI в. обладала одной из лучших армий в Европе и крупными центрами по производству огнестрельного оружия, были в использовании образцы ручных пищалей весьма архаичного вида.

Скорее всего, ситуация с «огненным боем» в Московском государстве была во многом схожей.

При раскопках крепости Орешек в 1972 г. (раскопки В. И. Кильдюшевского) был найден небольшой фрагмент стенки ствола ручной пищали толщиной 8–9 мм (рис. 2, 2).⁴ Размеры его 27 × 52 мм, на внешней поверхности предмета есть две грани, калибр 11–12 мм. Величина осколка не позволяет определить его место на ружейном стволе. Соотношение небольшого калибра и массивных стенок указывает на возможную датировку изделия в рамках второй половины XV – XVI в. (*Мышковский*, 1959. С. 230; 1961. С. 234). Автор раскопок В. И. Кильдюшевский датирует данный фрагмент ствола XVI в. (*Кильдюшевский*, 1972. С. 6).

На территории Ладожской каменной крепости был найден фрагмент железной оковки, при помощи которой ствол ружья скреплялся с деревянной ложей (рис. 2, 3) (СЛМ НВФ 795-109). Изделие было обнаружено к северу от Тайничной башни на месте восточной оборонительной линии укреплений (архитектурно-археологические исследования Н. К. Стеценко, 1983 г.), на раскопе I при разборе горизонта III в слое серого гумуса с угольками и мелкими обломками кирпича на глубине 0,7–0,8 м от дневной поверхности (*Стеценко*, 1984а. С. 12–13). Сохранилась только нижняя часть оковки, верхняя была обломана, что могло произойти в результате демонтажа ствола с ложи. Размеры фрагмента 3 × 35 × 41 мм, на одной его стороне пробито прямоугольное отверстие для гвоздя. Н. К. Стеценко датировала пласт III XV–XVI вв. (Там же. С. 16). Однако, судя по сопутствующим находкам (*Стеценко*, 1984б. С. 66), датировку слоя можно сузить до конца XV – XVI в. Подобные детали, но более крупных размеров, мы можем видеть на затинных пищалах из г. Тихвина, некоторые из них были изготовлены в XVI в. (*Мышковский*, 1958. С. 369). Е. В. Мышковский и Л. К. Маковская определяют время использования железных оковок для скрепления ружейных стволов с ложами концом XIV – началом XVI в., на затинных пищалах они могли употребляться и позже. (*Мышковский*, 1961. С. 227, рис. 3, II; *Маковская*, 1992. С. 21, 31, 40).

⁴ Автор выражает глубокую благодарность хранителю фонда археологии ГМИ СПб Л. Г. Стариковой и В. И. Кильдюшевскому за помощь в работе с коллекциями из раскопок в крепости Орешек.

При раскопках в Старой Ладогe и крепости Орешек были найдены весьма редкие и почти не описанные в русской археологической литературе детали фитильных ружейных замков XVI в. Они относятся к одному из самых распространенных в Европе вариантов данного механизма, который имел довольно простую конструкцию, состоящую примерно из семи частей (рис. 3, 2) (*Мышковский*, 1959. С. 228–229, рис. 2–3; 1965. С. 189, рис. 1; *Маковская*, 1992. С. 22, 31, рис. 5, 41). Замочная доска была небольшая, прямоугольных очертаний, курок-серпентин S-видной формы, двуплечий, его верхнее плечо было снабжено трубочкой для фитиля. Боевая пружина отдельная, пластинчатая, прикреплялась к деревянной ложе ручки при помощи шипа на ее основании и гвоздя. Спуск курка, закрепленного на ложе также гвоздем, осуществлялся при помощи боковой пластинчатой пружины с кнопкой и шепталом, которое удерживало серпентин во взведенном состоянии (рис. 3, 1). Для закрепления отдельных деталей механизма также могли применяться ружейные винты с округлой шляпкой и вертикальным шлицем (*Ефимов*, 2015. С. 585). Окончательно вид классического фитильного ружейного замка с боковым спуском-кнопкой оформился в конце XV в., но в первой четверти XVI в. еще не использовался повсеместно и устанавливался далеко не на все образцы ручного огнестрельного оружия. В Западной Европе массовое использование подобных механизмов начинается с 20-х гг. XVI в. (*Мышковский*, 1965. С. 188). В Московском государстве такой тип ручной пищали именовался «ручница», а сам фитильный замок носил название «жагра» (*Мышковский*, 1959. С. 227; *Кирпичников*, 1976а. С. 90; *Маковская*, 1992. С. 22).

На территории Ладожской каменной крепости при архитектурно-археологических исследованиях Н. К. Стеценко в 1980 г. был найден курок-серпентин от ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (рис. 3, 9) (СЛМ КП-41388, А-9645) (*Стеценко*, 1981. С. 15–17). Деталь была найдена в шурфе № 1, располагавшемся вдоль южного фасада Стрелочной башни перед входом в нее, в слое мешаного гумуса со строительным мусором на глубине -1,6 м от дневной поверхности. Изделие размерами 57 × 112 мм представляет со-

бой железную S-видную пластину прямоугольного сечения, центральная часть которой раскована в площадку подовальной формы, в ней пробито отверстие диаметром 4 мм для крепления к ложе ручки. Верхнее плечо курка на конце расковано в прямоугольную пластину, согнутую в трубочку диаметром 9 мм, в которую вставлялся фитиль.

Фрагмент еще одного курка-серпентина был найден в 1984 г. на Земляном городище Старой Ладоги (рис. 3, 3) (СЛМ КП-82908, А-16507). находка обнаружена на раскопе 1, который располагался недалеко от северо-западного бастиона Земляного города конца XVI в. Верхний рычаг изделия, на котором была трубка для фитиля, обломан; сохранился нижний рычаг с фрагментом центральной площадки и отверстием в ней. Размеры сохранившейся части 5 × 12 × 105 мм, диаметр отверстия 4 мм. Судя по крупным размерам фрагмента, целый курок мог быть величиной около 190 мм и принадлежать затинной пищали.

При раскопках крепости Орешек в 1968 г. был найден железный S-видный курок от ружейного замка с боковым спуском-кнопкой (рис. 3, 6) (О-68/549) (*Кирпичников*, 1969б. Л. 7, рис. 9). Предмет был обнаружен в пределах квадратов ЕЖ-13 в заполнении срубной постройки, располагавшейся в восточной части раскопа на глубине -0,8 – -0,9 м от уровня дневной поверхности (Там же. Л. 4, рис 4). Курок находился в южной части сооружения, от которого сохранились в основном остатки досок пола. Постройка изобилвала находками; при разборе ее заполнения были обнаружены железные бытовые изделия, фрагменты предметов вооружения, детали снаряжения коня и всадника, украшения из цветных металлов (*Кирпичников*, 1969а. С. 4). По мнению А. Н. Кирпичникова, жилище было заброшено, часть вещей повреждена еще в древности, дата постройки была им определена в рамках конца XV – первой половины XVI в. (*Кирпичников*, 1980. С. 91, 93–98). Однако некоторые сопутствующие находки, такие как костяные накладки на ложе пищалей или пистолей, появившиеся только во второй половине XVI в., указывают на возможность омоложения датировки данного комплекса. S-видный серпентин из Орешка сохранился полностью, его размеры 5 × 48 × 125 мм, он несколько крупнее, чем ладожская находка, форма изгиба

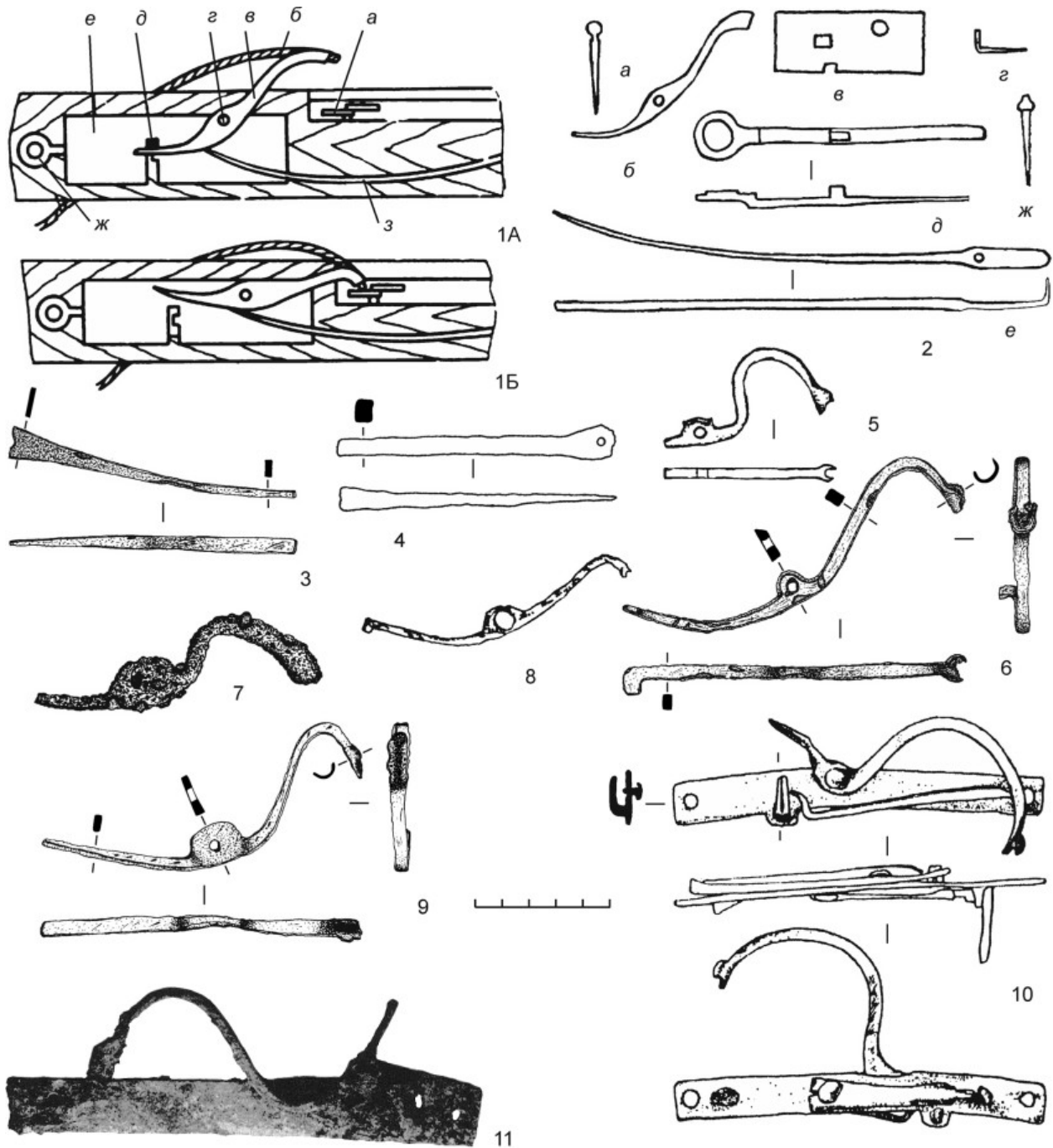

Рис. 3. Схема действия и составные детали ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой, фитильные ружейные замки, S-видные курки от ружейных замков с боковым спуском-кнопкой: 1 – фитильный ружейный замок с боковым спуском-кнопкой (Маковская, 1992): 1А – во взведенном состоянии (а – пороховая полка, б – фитиль, в – S-видный курок, г – ось курка, д – шептало, е – замочная доска, ж – спуск-кнопка, з – боевая пружина), 1Б – со спущенным курком; 2 – части фитильного ружейного замка с боковым спуском-кнопкой (Мышковский, 1959): а – гвоздь, ось курка, б – S-видный курок, в – замочная доска, г – скоба-ограничитель взвода курка, д – спусковая пружина с кнопкой, е – боевая пружина, ж – гвоздь для крепления боевой пружины); 3–5 – фрагменты S-видных курков: 3 – Старая Ладога, Земляное городище, 1984 г.; 4 – Кирилло-Белозерский монастырь (Кирпичников, 1971б); 5 – Пустозерск (Барышев и др., 2014); 6–9 – S-видные курки: 6 – Орешек, 1968 г.; 7 – Порхов, 2014 г.; 8 – Мстиславль, Беларусь (Алексеев, 1995а); 9 – Старая Ладога, каменная крепость, 1980 г.; 10, 11 – фитильные ружейные замки: 10 – Псков (Салмин, 2011); 11 – Цесис (Венден), Латвия (Barišņikovs, 2017). 2–11 – железо

у обоих курков примерно одинаковая. Центральная площадка для крепления детали к замочной доске представляет собой небольшой полукруглый выступ с отверстием диаметром 6 мм. Конец верхнего плеча курка оформлен в виде трубочки, в которую вставлялся фитиль. Край нижнего плеча детали был отогнут под прямым углом и образовывал прямоугольный выступ, в который упиралась рабочая часть боевой пружины.

Аналогии описанным выше находкам из Ладоги и Орешка немногочисленны, подобные предметы нечасто встречаются в процессе археологических раскопок, однако они найдены на обширной территории России и сопредельных государств.

В 2014 г. при раскопках в Порховской крепости был обнаружен S-видный курок-серпентин (рис. 3, 7) (Попов, Румянцева, 2017. С. 115–116). Изделие размерами 30 × 105 мм было найдено в шурфе № 7, заложенном во внутреннем объеме Малой башни. Нижнее плечо детали обломано, верхнее согнуто, на его конце сохранилась трубочка для фитиля (Там же. С. 125). В центре предмета выкована подпрямоугольная площадка с отверстием диаметром 5 мм. Вместе с курком при раскопках в Малой башне были найдены: железное ядро, фрагмент крупного ножа или серпа, обувная подковка, фрагменты керамики. А. Н. Кирпичников датировал культурный слой на территории двора Порховской крепости XVI в. (Кирпичников, 1984. С. 216–217). Верхняя дата напластований была им определена как третья четверть XVI в. по находке роговой пороховницы немецкой работы с изображением ландскнехта (Кирпичников, 1976б. С. 332–336). Полностью принимая датировку, предложенную автором, стоит отметить, что такие вещи могли находиться в использовании и в более позднее время, до конца XVI – начала XVII в. Однако четко выраженных слоев XVII в. на территории крепости не было найдено, как и более ранних напластований конца XIV – XV в. Следовательно, курок из Порхова в целом можно датировать XVI в.

При раскопках А. Н. Кирпичникова в Оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. в процессе разборки завалов внутри помещения был найден фрагмент S-видного курка-серпентина (рис. 3, 4) (Кирпичников, 1971а. С. 11; 1971б. Л. 15).⁵ Сохранился только нижний рычаг изделия с частью центральной площадки и отверстием, верхний с трубочкой для фитиля был обломан. Фрагмент размерами 6 × 9 × 104 мм центральная площадка уплощенная, диаметр отверстия 3 мм, край изделия, в который упиралась боевая пружина, имеет заметное расширение. Целый курок, скорее всего, имел длину около 200 мм, и мог принадлежать затинной пищали. По внешним характеристикам предмет может быть соотнесен с деталями фитильных замков тихвинских затинных пищалей из коллекции ВИМАИВиВС. В целом, фрагменты оружия из раскопок в Кириллове А. Н. Кирпичников датировал концом XVI – XVII в. (Кирпичников, 1971а. С. 11).

В 2016 г. в г. Нижнем Новгороде в процессе раскопок на ул. Октябрьской дома: № 11А и 13 был найден целый S-видный курок (Костромская археологическая экспедиция: [сайт]. URL: <http://archo44.ru/news/news0043>).⁶ Деталь была обнаружена в заполнении ямы 61, которая являлась крупным погребом. Исследованный объект располагался на территории усадьбы, предварительно датированной авторами раскопок XVI – первой половиной XVII в. Вместе с курком были обнаружены железные бытовые изделия, украшения из цветных

⁵ Автор выражает глубокую признательность д. и. н., профессору, научному руководителю Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН А. Н. Кирпичникову за возможность использования ранее не опубликованных материалов.

⁶ Раскопки проводились ООО «Костромская археологическая экспедиция». Автор выражает признательность А. В. Новикову и С. В. Долгополову за предоставленную информацию.

Fig. 3. Principle of action and constituent details of a gun matchlock with a lateral sear-button and S-shaped cocks from gun locks with a lateral sear-button: 1 – matchlock with a lateral sear-button (Маковская, 1992): 1А – in the cocked state (а – flashpan, б – fuse, в – S-shaped cock, г – axis of the cock, д – sear, е – lock board, ж – sear button, з – mainspring), 1Б – with pulled trigger; 2 – parts of matchlock with a lateral sear-button (Мышковский, 1959): а – nail, axis of the cock, б – S-shaped cock, в – lock board, г – shackle limiting the cocking, д – release spring, е – mainspring, ж – nail for fixing the mainspring); 3–5 – fragments of S-shaped cocks: 3 – Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1984; 4 – Kirillo-Belozersky monastery (Кирпичников, 1971б); 5 – Pustozersk (Барышев et al., 2014); 6–9 – S-shaped cocks: 6 – Oreshek, 1968; 7 – Porkhov, 2014; 8 – Mstislavl, Belarus (Алексеев, 1995а); 9 – Staraya Ladoga, stone fortress, 1980; 10, 11 – gun matchlocks: 10 – Pskov (Салмин, 2011); 11 – Cēsis Castle (Wenden), Latvia (Barišņikovs, 2017). 2–11 – iron

металлов и предметы вооружения. Деталь из Нижнего Новгорода выделяется тем, что ее центральная площадка имеет фигурную форму с волнистым верхним краем. Кроме того, верхний рычаг с трубкой для фитиля на конце украшен орнаментом из параллельных вертикальных насечек. Деталь с таким оформлением впервые найдена при археологических раскопках в России, подобные образцы неизвестны на ручных и затинных пищалах XVI в., хранящихся в фондах ВИМАИВиВС.

Из материалов раскопок городища Пустозерск в 2013 г. происходит фрагмент аналогичной детали (Барышев и др., 2014. С. 6). S-видный курок сохранился частично, его нижнее плечо обломано (рис. 3, 5). Предмет был выкован из пластины прямоугольного сечения, верхнее плечо размерами $5 \times 28 \times 68$ мм имеет сильный полукруглый изгиб, на его конце сохранилась трубочка для фитиля. Центральная часть имеет вид прямоугольника, со скошенными верхними гранями. В центре площадки пробито круглое отверстие диаметром 4 мм. Авторами раскопок данная находка была интерпретирована как деталь дверного замка (Там же), а культурные напластования, в которых найден предмет, были датированы XVIII – началом XX в. Однако представленный в публикации сопроводительный материал, который был обнаружен вместе с фрагментом курка, может быть отнесен к XVI–XVII вв. (Там же. С. 6–7). Вероятно, в раскопе все же присутствовали слои указанного времени или же данные предметы были переотложены.

На Петровском IX раскопе в г. Пскове был найден целый фитильный ружейный замок с S-видным курком-серпентином, замочной доской, боевой пружиной и шепталом (рис. 3, 10) (Салмин, 2011. С. 29–30, рис. 1, 14; 2017. С. 299, рис. 2, 14). Указанный экземпляр имеет весьма заметные конструктивные отличия от замков ручниц из Соловецкого монастыря, описанных Е. В. Мышковским и Л. К. Маковской. Замочная доска псковской находки узкая и длинная, размерами 28×140 мм, курок имеет более резкий изгиб верхнего рычага и короткий, чуть изогнутый заостренный нижний рычаг. Кроме того, серпентин, боевая и спусковая пружины были закреплены на замочной доске, а не на деревянной ложе ручницы. Пружина бокового спуска, сохранившаяся фрагментарно, была при-

клепана на внутренней стороне изделия. Предмет был датирован серединой – второй половиной XVI в. (Салмин, 2011. С. 30; 2017. С. 299). Однако по результатам дендрохронологического анализа слой, где была обнаружена находка, относится к началу XVII в. Стоит отметить, что в Западной Европе подобные фитильные замки с длиной доской использовались с начала XVI в. (Hoff, 1969. S. 14). На территории России подобные целые предметы в археологическом контексте ранее не встречались.

Находки аналогичных ружейных фитильных замков и их деталей известны на территориях, входивших в состав Великого княжества Литовского и Ливонского ордена.

S-видный курок был найден при раскопках городища Мстиславль (Могилевская обл., Республика Беларусь) (рис. 3, 8). Он обнаружен в нижней части мешаного слоя на глубине 4–3 штыков (Алексеев, 1976. С. 47, рис. 2, 7; 1995а. С. 165, рис. 9, 2; 1995б. Рис. 6, 14). Верхние культурные напластования городища сильно переотложены, в них встречались разнообразные и разновременные изделия, самые поздние из которых датируются первой половиной XVII в. Предмет размерами 25×100 мм был выкован из пластины прямоугольного сечения, центральная часть имеет трапециевидное расширение с отверстием диаметром 6 мм. Верхний рычаг S-видного курка снабжен трубкой для фитиля, конец нижнего рычага отогнут под прямым углом и образует прямоугольный выступ для упора боевой пружины. Автором раскопок данный предмет был ошибочно интерпретирован как деталь спускового механизма арбалета (Алексеев, 1976. С. 51; 1995а. С. 165). По форме находка из Мстиславля наиболее близка детали из Орешка, также имеющей выступ на нижнем рычаге.

Целый ствол ручной пищали вместе с S-видным курком от фитильного замка с боковым спуском-кнопкой были найдены дайверами при очистке дна озера Дубингяй (Асвея). Предметы находятся в Национальном музее Литвы на экспозиции в бастее оборонительной стены города Вильнюс.⁷ Находки широко датируются концом XVI–XVII в.

Ружейный фитильный замок, аналогичный псковскому, был найден в 1927 г. в Латвии при

⁷ Автор благодарит Н. А. Плавинского и Р. Йонайтиса за предоставленную информацию.

раскопках замка Цесис (Венден) на территории его западного корпуса (рис. 3, 11) (*Barišņikovs*, 2017. L. 136, 138). Данное изделие тоже имеет длинную замочную доску размерами 25 × 190 мм, к которой на внешней стороне крепились S-видный курок с трубочкой на конце верхнего рычага и боевая пружина, которая не сохранилась. Судя по аналогичным германским изделиям, механизм спуска у такого замка мог быть как кнопочным, так и в виде стержня. Предмет можно датировать 40–50-ми гг. XVI в. (*Ibid.* L. 138, 141). Вероятно, это оружие использовалось гарнизоном замка во время Ливонской войны при штурме Вендена войсками Ивана IV в 1577 г.

Кроме курков-серпентинов при изучении находок фрагментов оружия из Ладоги и Орешка были выделены боевые пружины фитильных ружейных замков XVI в. с боковым спуском-кнопкой.⁸ Ранее подобные изделия не выявлялись в археологических коллекциях из позднесредневековых слоев русских городов и не описывались подробно в отечественной археологической литературе.

В 1981 г. при раскопках Е. А. Рябинина в центральной части западной куртины Земляного городища в культурных напластованиях горизонта В была найдена целая боевая пружина от замка с S-видным курком и боковым спуском-кнопкой (рис. 2, 8a) (СЛМ КП-92077, А-17412). Изделие находилось в слое бурого гумуса, залежавшего под насыпью вала конца XVI в. (кв. Ш-8 гл. 0 от R) к востоку от остатков верхнего яруса деревянной постройки, частично вскрытой в северо-западном углу раскопа (*Рябинин*, 1982а. С. 6–7, рис. 11). Деталь представляет собой пластинчатое изделие размером 4,5 × 140 мм, с узкой вытянутой рабочей частью, поврежденной и согнутой в древности. Крепежная часть пружины, более тонкая и широкая, состоит из округлой площадки и подпрямоугольного хвостовика. На его торце находится шип, круглый в сечении, с обломанным острием, изогнутый под прямым углом к детали. При закреплении боевой пружины шип фиксировался в деревянной ложе ручницы, а основное крепление осуществлялось при помощи гвоздя или ружейного винта через отверстие в центральной части пло-

щадки. Хвостовик изделия также был поврежден в древности – согнут под прямым углом; возможно, это произошло при демонтаже детали. Кроме боевой пружины в слое бурого гумуса в пределах границ верхнего яруса постройки и рядом с ней были найдены многочисленные фрагменты кожаных изделий, орудия труда, предметы вооружения, снаряжение коня и всадника, немногочисленные украшения из медного сплава (*Рябинин*, 1982а. С. 7–8; 1982б. Рис. 15–17). Остатки сооружения, на уровне которого была найдена боевая пружина, датируется автором раскопок серединой – второй половиной XVI в. (*Рябинин*, 1982а. С. 9).

В 2017 г. при проведении археологических исследований в ладожской каменной крепости к югу от Тайничной башни на месте расположения юго-восточного прясла укреплений была найдена целая боевая пружина от фитильного ружейного замка со спуском-кнопкой (рис. 2, 4). Деталь крепилась к ложе пищали при помощи заостренного шипа на основании, а также гвоздя или ружейного винта, под шляпку которого на изделии имеется круглая площадка с отверстием. Конец рабочей части пружины имеет полукруглый изгиб, что усиливало ее свойства. Внешняя поверхность основания предмета была орнаментирована двойными вертикальными линиями и насечкой. У площадки для упора шляпки крепежного гвоздя насечки образуют фигуру в виде «елочки».

Фрагмент аналогичной детали был найден в 1972 г. в крепости Орешек (рис. 2, 7) (О-72/514). Предмет был обнаружен в кв. ЗИ 13–14 в сером гумусированном песчанистом слое, при расчистке завала камней рядом с настилом, который, возможно, являлся остатками деревянной мостовой (*Кильдюшевский*, 1972. С. 3). Автор раскопок, В. И. Кильдюшевский, датирует напластования, где был найдена деталь, XVI в. (Там же. С. 2). Фрагмент боевой пружины идентичен находкам из Старой Ладоги, его размеры 5 × 12 × 87 мм. Крепежная площадка изделия полностью сохранилась, на ее торце имеется шип круглого сечения с обломанным концом, расположенный под прямым углом к детали. В отверстии крепежной площадки сохранился фрагмент ружейного винта длиной 32 мм с округлой грибовидной шляпкой со шлицем – вертикальным пазом для отвертки. На данном

⁸ Автор выражает признательность А. А. Новикову за помощь в работе с данной категорией предметов.

фрагменте винтовой нарезки не выявлено, вероятно, она занимала нижнюю часть крепежа, которая оказалась утраченной.

Боевая пружина от ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой, полностью аналогичная находке 2017 г. из Ладоги, была обнаружена в Москве при раскопках на ул. Ильинка (рис. 2, б) (Векслер, 2015. С. 195, ил. 182, 5). Изделие размерами 5×168 мм имело полукруглый изгиб на конце рабочей части, который улучшал пружинящий эффект. Находка была интерпретирована как деталь дверного замка и датирована XVI–XVI вв. Основание предмета украшено чеканными вертикальными линиями, в отверстии его округлой площадки сохранился фрагмент ружейного винта длиной 23 мм с нарезкой на стержне и округлой шляпкой с вертикальным шлицем. Орнаментированная чеканными линиями боевая пружина с изгибом на конце, полностью аналогичная находкам из Ладоги и Москвы, была установлена на ручную пищаль из оружейной Соловецкого монастыря, хранящуюся в собрании ВИМАИВиВС (№ 1/3) (Ефимов, 2015. С. 585). Деталь была закреплена на ложе при помощи ружейного винта с вертикальным шлицем. Данный экземпляр огнестрельного оружия, как и другие ручницы с подобными фитильными замками из этого арсенала, относится к середине – второй половине XVI в. (Мышковский, 1959. С. 232–233, Маковская, 1992. С. 31, рис. 45) (рис. 1, 2).

При раскопках Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. А. Н. Кирпичниковым также был найден фрагмент боевой пружины от фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (рис. 2, 5) (Кирпичников, 1971б. Л. 17). Изделие отличается миниатюрностью, размеры его сохранившейся части $5 \times 12 \times 116$ мм, шип для закрепления детали на ложе пищали сломан у основания. Центральная часть округлой формы, в центре ее отверстие диаметром 4 мм. Рабочая часть пружины обломана на конце. Вероятнее она была установлена на ложе мелкокалиберной ручной пищали.

Найденные при археологических раскопках детали фитильных ружейных замков с S-видным курком и боковым спуском-кнопкой находят полные аналогии на сохранившихся до наших дней образцах ручного огнестрельного оружия XVI в., хранящихся в фондах ВИМАИВиВС. Они были

установлены на ручницах, происходящих из арсенала Соловецкого монастыря (Мышковский, 1959. С. 228–229; Маковская, 1992. Рис. 41). Две ручные пищали датированы серединой – второй половиной XVI в. (рис. 1, 1–2) (ВИМАИВиВС инв. 1/2, инв. 1/3) (Маковская, 1992. С. 31, рис. 45–46), один образец Л. К. Маковская относит к первой половине XVI в. (ВИМАИВиВС инв. 1/713) (Там же. С. 31, рис. 44). Однако датировка последнего экземпляра была произведена исследователем по конструктивным особенностям ружейного ствола, характерным для указанного времени; фитильный замок с S-видным курком и спуском-кнопкой мог быть установлен на ложе ручницы не одновременно с ним, а позже, в середине – второй половине XVI в. Элементы механизмов воспламенения зарядов на пищалах из ВИМАИВиВС несколько отличаются от находок из Ладоги, Орешка и других городов размерами, вариантами оформления различных частей деталей, формой изгиба курков, также стоит отметить их некоторую массивность и грубоватость отделки. Описанные выше курки-серпентины из материалов археологических раскопок имеют более изящный вид. По мнению Е. В. Мышковского и Л. К. Маковской, ручные пищали, подобные соловецким, состояли на вооружении стрелецкого войска во второй половине XVI в. (Мышковский, 1959. С. 233; Маковская, 1992. С. 22). В Московском государстве аналогичные ружейные фитильные замки с боковым спуском-кнопкой, имеющие более крупные размеры, во второй половине XVI – начале XVII в. устанавливались на тяжелые затинные пищали (рис. 1, 5, 7).

В Западной Европе также имеется ряд аналогий ружейным деталям, найденным в Ладоге, Орешке и других русских городах. Аркебузы с фитильными замками и боковым спуском-кнопкой можно увидеть на иллюстрациях, изображающих немецких, швейцарских и испанских солдат XVI в. (Ethnographic Arms & Armour Forum. URL: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus>). На гравюре из серии «Триумф императора Максимилиана I» (1520 г.) несколько образцов подобного огнестрельного оружия изображено в руках ландскнехтов (Essenwein, 1877. Tab. V. XVI). Пехотинца с аналогичной аркебузой мы можем видеть на гравюре Ганса

Шауфеляйна (1513 г.) (*Liebe*, 1899. S. 55; *Konstam*, 1998. P. 17). На серии гобеленов «Битва при Павии» (1531 г.) в руках некоторых испанских солдат и немецких ландскнехтов показаны аркебузы с S-видными курками и отдельными боевыми пружинами, прикрепленными к деревянным лолам (*Konstam*, 1998. P. 21). Необходимо отметить, что на большинстве европейских изобразительных источников ружейные замки с боковым спуском-кнопкой имеют длинную замочную доску, как у находки из Пскова, образцы с подквадратной замочной доской и отдельной боевой пружиной, как на соловецких пищалах, встречаются реже.

В. Бехайм отмечал широкое использование аркебуз с S-видными курками-серпентинами, отдельными нажимной и боевой пружинами в Германии, а также указывал, что они полностью исчезли к началу XVII в. (*Бехайм*, 1995. С. 321–322, рис. 509). В коллекции Государственного Эрмитажа хранится аркебуза с аналогичным ружейным замком, датированная временем около 1500 г., предположительно изготовленная в Нюрнберге (рис. 1, 4) (*Тарасюк*, 1971. С. 155). Отличительной особенностью данного экземпляра является S-видный курок из медного сплава, размещенный впереди пороховой полки и действующий в сторону лица стрелка. Боевая пружина короткая, закреплена отдельно на ложе при помощи ружейного винта. Такой же механизм воспламенения заряда имеет аркебуза из Германского Национального музея в Нюрнберге, изготовленная для арсенала г. Базеля около 1510 г. (рис. 1, 3) (*Müller*, 1979. S. 29, Fig. 10). Ружейный замок на ее ложе имеет S-видный курок, закрепленный на удлиненной замочной доске ромбовидных очертаний перед пороховой полкой (*Essenwein*, 1877. Taf. V. VIII c; *Hoff*, 1969. S. 15, Abb. 14). Оба описанных выше экземпляра имеют бронзовые стволы.

Фитильные замки с S-видным курком и боковым спуском-кнопкой также устанавливались на западноевропейские тяжелые крепостные ружья – аналогичные русским затинным пищалам. В качестве примера можно привести экспонат из Исторического музея в г. Дрездене (рис. 1, б). На нем отсутствовала замочная доска, курок и боевая пружина были закреплены непосредственно на ложе, в нее же была врезана спусковая пружина

с кнопкой (*Schön*, 1858. S. 12, Fig. 5a, 5b; *Schmidt*, 1875. S. 11, Tab. 4, 16). Началом XVI в. (1500–1510 гг.) датируется аналогичное оружие из Германского Национального музея в Нюрнберге. На ложе этого крепостного ружья с крюком установлен замок с узкой длинной пластиной, к которой прикреплены S-видный серпентин и боевая пружина (*Essenwein*, 1877, Tab. V VII e; *Müller*, 1979. S. 58, Abb. 20). Конструктивно данный механизм аналогичен находке из Пскова. Интересный экземпляр происходит из арсенала в г. Граце (Австрия). Его замок имеет небольшую подквадратную пластину, через которую к ложе крепится S-видный серпентин, боевая пружина отдельная, боковой спуск с кнопкой закреплен в специальной нише (*Hoff*, 1969. S. 14–15, Abb. 13). А. Хофф датировал данное крепостное ружье концом XV – началом XVI в. Однако данное изделие вполне может иметь более позднюю датировку. В Румынии, в собрании музея Брукенталь, есть несколько образцов аркебуз и крепостных ружей, аналогичных немецким (*Ethnographic Arms & Armour Forum*. URL: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus>). Большое количество подобных изделий находится в музее г. Пльзень в Чехии (*Zapadoceske muzeum*. URL: <http://www.virtualtravel.cz/plzen/zapadoceske-muzeum/mestska-zbrojnice.html>). С середины XVI в. некоторые замки с S-видным курком стали снабжать спуском стержнем, основные детали механизма при этом остались неизменными (*Hoff*, 1969. S. 31, Abb. 28).

Важно отметить датирующие возможности находок фитильных ружейных замков с S-видным курком и боковым спуском-кнопкой, а также их деталей в культурных напластованиях русских городов и крепостей. Подобные механизмы воспламенения заряда в Московском государстве получили широкое распространение, скорее всего, несколько позже, чем в Западной Европе, и применялись до начала XVII в. Пик их использования приходится на середину – вторую половину XVI в.; большинство описанных выше находок относится именно к этому хронологическому периоду. Затем ручные пищали с подобными механизмами воспламенения заряда постепенно были сданы в арсеналы отдаленных крепостей и монастырей, переведены в резерв, где они в небольшом количестве

находились вплоть до XVIII–XIX вв. Именно таким образом сохранились до наших дней образцы из Соловецкого монастыря. На большинстве ручниц фитильные замки с боковым спуском-кнопкой в течение последней четверти XVI – первой четверти XVII в., видимо, были демонтированы и заменены на новые ударно-кремневые. Этот процесс, вероятно, иллюстрирует находка из Пскова в слоях начала XVII в. Скорее всего, целый фитильный замок был снят с ложи пищали и за ненадобностью мог быть использован в качестве железного сырья для других изделий. Таким образом, археологический комплекс, при раскопках которого была сделана находка подобного S-видного курка, может быть датирован в пределах 50–70 лет (при непротиворечии датировки всей совокупности обнаруженных рядом с ним предметов) в основном второй половиной XVI – началом XVII в. Однако стоит учитывать и возможность длительного хранения предметов ручного огнестрельного вооружения подобного вида. Судя по всему, последние активные боевые действия, где ручные пищали, снабженные фитильным замком с боковым спуском-кнопкой, использовались в сколь-нибудь значительном количестве, происходили в Смутное время, когда чрезвычайная военная ситуация требовала использование всего оружия, имевшегося в арсеналах городов, крепостей и монастырей, даже если оно было на тот момент уже устаревшим.

При раскопках в Ладоге и крепости Орешек были найдены инструменты для обслуживания ручных пищалей. В первую очередь это железные насадки на шомпола, при помощи которых производилась чистка ствола огнестрельного оружия. В обеих крепостях было обнаружено более десятка насадок двух типов: втульчатые и черешковые с винтовой нарезкой. Дробной хронологии данных предметов не разработано, в целом их можно датировать XVI–XVII вв. Несмотря на то что большинство подобных предметов из Ладоги и Орешка относится к XVII в., некоторые из них могли быть изготовлены и использоваться ранее.

В Старой Ладоге было выявлено три таких изделия. Две втульчатые насадки были обнаружены в 1949 г. на Земляном городище рядом со сгоревшими постройками горизонта В. Одна из них (ГЭ Ла-916) размерами 10 × 66 мм была найдена на

настиле хозяйственного сооружения, вероятно, скотного двора, располагавшегося в юго-западной части раскопа 1949 г. (рис. 4, 5). Второе аналогичное изделие размерами 10 × 55 мм (ГЭ Ла-924) обнаружено в кв. П-III недалеко от сгоревшей жилой постройки, внутри которой были расчищены остатки кирпичной печи (рис. 4, 4). Фрагмент насадки на шомпол (СЛМ НВФ 794/16), найденный в 1982 г. в ладожской каменной крепости, черешковый, имеет винтовую нарезку на основании, от рабочей части сохранилась только центральная пружина, две боковые обломаны (рис. 4, 6).

В крепости Орешек в 1969 г. был найден аналогичный инструмент крупных размеров (22 × 92 мм) с винтовой нарезкой на основании (рис. 4, 1) (О-69/1454). Верхняя часть центральной пружины изделия оканчивается двумя плавно закрученными в виде штопора круглыми в сечении заостренными шипами. Данная насадка на шомпол имела комбинированные функции: использовалась для чистки ствола и применялась как разрядник (экстрактор).

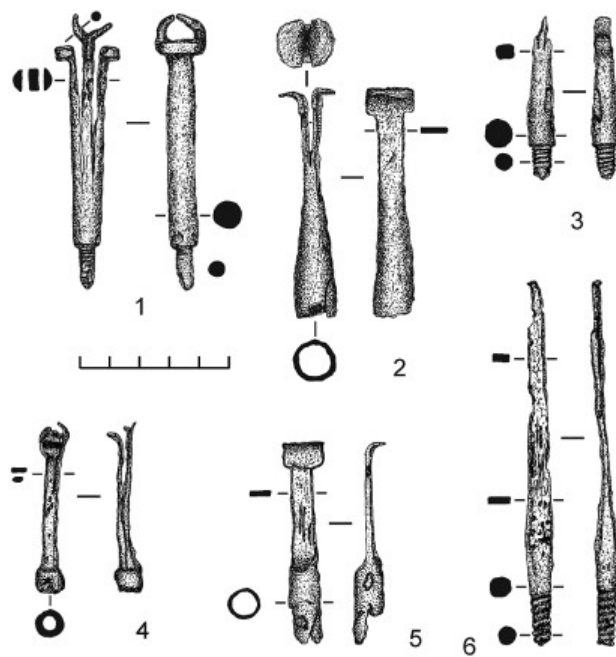

Рис. 4. Насадки на шомпола для чистки стволов ручного огнестрельного оружия: 1–6 – насадки на шомпола (1–3 – Орешек, 1969 г.; 4, 5 – Старая Ладога, Земляное городище, 1949 г.; 6 – Старая Ладога, каменная крепость, 1982 г.)

Fig. 4. Attachments to ramrods for cleaning the barrels of hand firearms: 1–6 – attachments to ramrods (1–3 – Oreshek, 1969; 4, 5 – Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1949; 6 – Staraya Ladoga, stone fortress, 1982)

При помощи заостренных шипов из ружейного ствола можно было извлечь пыж, проколов его, а затем вынуть пулю в том случае, если произошла осечка при выстреле. Втульчатые насадки на шомпола, найденные в крепости Орешек, в целом аналогичны ладожским, отличаясь только более крупными размерами (рис. 4, 2–3). Привязать данные находки к постройкам или комплексам на территории крепостного двора не представляется возможным. Встречены они, в основном, при исследовании так называемого «московского слоя» (термин А. Н. Кирпичникова), датированного в пределах XVI, возможно, начала XVII в.

Аналогии этим изделиям многочисленны, они были зафиксированы во многих городах и крепостях на территории России и за рубежом. Насадки на шомпола известны в материалах Тушинского лагеря (*Розенфельдт*, 1958. С. 94–95; *Двуреченский*, 2007. С. 266, рис. 12, 7), Москвы (*Рабинович*, 1971. С. 41), Чебоксар (*Краснов, Каховский*, 1978. С. 138, рис. 71, 6–9), Албазина (*Артемьев*, 1999. С. 298, 305, рис. 80, 7, 8; 14), Мангазеи (*Белов и др.*, 1981. С. 138, табл. 69, 4). Найденны они были на поле битвы под Берестечком 1651 г. (*Свешников*, 1992. С. 245, 247, рис. 64; 65). Данные изделия представлены и в европейских археологических материалах, например, среди находок из замка Селпилс в Латвии (*Šnore, Zariņa*, 1980. L. 74, 81, att. 77, 21; 82, 17).

Для стрельбы из ручных пищалей применялся свинцовый боеприпас, который мог изготавливаться различными способами (*Двуреченский*, 2005. С. 264–273). Самыми распространенными были округлые пули, отлитые при помощи специальных инструментов – пулелеек (Там же. С. 264). При раскопках в Старой Ладоге было встречены одно целое и два фрагмента подобных изделий, в крепости Орешек был найден один целый экземпляр.

Наиболее ранним является фрагмент пулелейки из раскопа 2 1994 г., располагавшегося недалеко от северо-западного бастиона Земляного городища в Старой Ладоге (рис. 2, 12) (СЛМ НВФ-1150, САЭ-94/№ 216). Находка была обнаружена в нижней части насыпи вала конца XVI в. в квадрате Г-38 на глубине -5,08 м от R, размеры ее 27 × 74 мм, калибр отливаемой пули 11 мм. Рабочая часть изделия округлой формы, прямоугольного сечения, с полусферической выемкой и остатком литейного

канала, ручка короткая, прямоугольного сечения, слегка уплощенная, обломана на конце. В центре сохранился фрагмент заклепки, скреплявшей две половинки инструмента.

Два других экземпляра ладожских пулелеек, возможно, относятся к более позднему периоду и, скорее всего, были утеряны во время боевых действий Смутного времени в начале XVII в., однако их изготовление во второй половине – конце XVI в. весьма вероятно. При раскопках В. И. Равдоникаса в 1938 г. на Земляном городище в его центральной части была обнаружена целая железная пулелейка, отреставрированная в мастерских Государственного Эрмитажа до рабочего состояния (рис. 2, 9) (ГЭ 2751-241). Размеры предмета 20 × 113 мм, калибр 15 мм. Половина клещей аналогичного инструмента была найдена на территории каменной ладожской крепости при раскопках А. Н. Кирпичникова в 1974 г. (рис. 2, 11) (СЛМ КП-7595, А-5915). Размеры его 12 × 99 мм, рабочая часть округлой формы прямоугольного сечения, с полусферической выемкой и половиной литейного канала воронковидной формы, калибр 11–12 мм. Рукоятка прямоугольного сечения, уплощенная на конце, в центральном отверстии сохранился фрагмент заклепки, соединявшей половинки изделия. Интересно, что на ручке пулелейки было выявлено клеймо в виде круга с точкой в центре. Клейма были характерны для западноевропейских изделий и не ставились на продукцию русских мастеров. Возможно, данная пулелейка иностранного происхождения и попала в Ладогу во время событий Смутного времени вместе с наемниками или солдатами шведской армии, не исключено ее использование и воинами Московского государства.

При раскопках в крепости Орешек в 1969 г. была найдена одна целая железная пулелейка (рис. 2, 10) (О-69/1498). Изделие имеет размеры 35 × 100 мм, рукоятки чуть изогнуты, одна из них обломана. Рабочие части клещей, имеющие многогранную форму, сомкнуты, приблизительный калибр отливаемой пули 12–13 мм.

Пулелейки, подобные ладожским и ореховским, хорошо известны исследователям позднесредневековой материальной культуры русских и европейских городов. Они найдены в Москве (*Кутасов*, 2011. С. 402, рис. 5, 3), Тушинском лагере (*Розенфельдт*,

1958. С. 94, рис. 32: 13–15; *Двуреченский*, 2007. С. 269, рис. 12, 4–6), Коломне (*Ульянова*, 2008. С. 208, рис. 11, 1, 2), Пскове (*Кильдюшевский*, 1976. Л. 7, рис. 13, 6). На сопредельных территориях пулелейки были обнаружены на месте битвы под Берестечком 1651 г. (*Свейников*, 1992. С. 254–255, рис. 65, 11; 67, 7). Они часто встречаются также в археологических материалах, происходящих из замков в Латвии: Турайда (*Graudonis*, 1979. Att. 8, 3), Цесис (Венден) (*Apala*, 1994. Att. 1, 16), Алуksне (*Atgāzis*, 1979. Att. 3, 13).

В заключение стоит отметить, что широкая география находок деталей фитильных ружейных замков с боковым спуском-кнопкой и целые экземпляры из музейных собраний свидетельствуют, что в конце XV – XVI в. на территории Западной и Восточной Европы были в употреблении аналогичные виды ручного огнестрельного оружия и механизмы воспламенения зарядов. Воинами различных государств использовались схожие инструменты для чистки и обслуживания ручных пищалей, а также пороховницы. Что касается находок деталей ружейных замков с боковым спуском-кнопкой на территории России, то их распространение весьма обширно – от Поволжья до

крайнего Севера. Однако небольшое количество подобных предметов не может отражать истинный уровень оснащения русского войска этими современными для того времени механизмами. Кроме того, стоит принять во внимание использование ратниками устаревших образцов огнестрельного вооружения или изготовленных в местных кузнечных центрах с применением весьма архаичных технологий. Судя по всему, комплекс вооружения пешего стрелца Московского государства второй половины XVI в. имел общеевропейский характер. При этом, несомненно, имелись его местные региональные особенности, которые на данный момент определить весьма сложно. На территории Руси было в ходу два вида фитильных ружейных замков с боковым спуском-кнопкой: с деталями, закрепленными по отдельности на деревянном ложе ручницы (аналогичные соловецким), и более сложный вид, как найденный в Пскове, с более совершенным механизмом, в котором все детали монтировались на удлиненной замочной доске. При этом замки одинаковой конструкции устанавливались как на ручные, так и на затинные пищали, отличаясь лишь размерами.

Алексеев, 1976 – *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959–1964, 1968 и 1969 гг.) // КСИА. 1976. № 146: Славяно-русские древности.

Алексеев, 1995а – *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль в свете археологии // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1995. № 6.

Алексеев, 1995б – *Алексеев Л. В.* Мстиславльский детинец в XII–XIV вв. // РА. 1995. № 3.

Артемов, 1999 – *Артемов А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999.

Барышев и др., 2014 – *Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Умняшов А. Б.* Археологические исследования Пустозерского городища в 2013 г. // Культурологический журнал: Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/260.html&j_id=19 (дата обращения 07.04.2018).

Белов и др., 1981 – *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981.

Бехайм, 1995 – *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб., 1995.

Бранденбург, 1877 – *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. I.

Бранденбург, 1896 – *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.

Векслер, 2015 – *Векслер А. Г.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. Материалы исследований. М., 2015.

Векслер, *Двуреченский*, 2000 – *Векслер А. Г., Двуреченский О. В.* Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Тр. МИГМ. М., 2000. Вып. 10.

Гордеев, 1954 – *Гордеев Н. В.* Русское огнестрельное оружие. Мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государева Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

- Гроздилов, 1950* – *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. // Советская археология. М.; Л., 1950. Вып. XIV.
- Двуреченский, 2005* – *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII в. // Археология Подмоскoвья. М., 2005. Вып. 2.
- Двуреченский, 2007* – *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмоскoвья. М., 2007. Вып. 3.
- Еремеев, 2015* – *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.
- Ефимов, 2015* – *Ефимов С. В.* Европейская охота и охотничье оружие от Средневековья до конца XVIII века. СПб., 2015.
- Кильдюшевский, 1972* – *Кильдюшевский В. И.* Отчет о раскопках древнего Орешка в 1972 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 82. 1972.
- Кильдюшевский, 1976* – *Кильдюшевский В. И.* Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в Пскове в 1976 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 113. 1976.
- Кирпичников, 1969a* – *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках древнего Орешка в 1968 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 103. 1969.
- Кирпичников, 1969б* – *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках древнего Орешка в 1968 г. Иллюстрации к отчету // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 150. 1969.
- Кирпичников, 1971a* – *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках в г. Кириллове Вологодской обл. в 1971 г. Приложение: описи находок и иллюстраций, договор ЛОИА с Кирилло-Белозерским музеем-заповедником о работах в г. Кириллове, краткий отчет // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Д. 143. 1971.
- Кирпичников, 1971б* – *Кирпичников А. Н.* Рисунки находок оружия в Оружейной палате и остроге Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 146. 1971.
- Кирпичников, Хлопин, 1972* – *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Великая Государева крепость. Л., 1972.
- Кирпичников, 1976a* – *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников, 1976б* – *Кирпичников А. Н.* Пороховница XVI в., найденная в Порхове // Средневековая Русь. М., 1976.
- Кирпичников, 1979* – *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979.
- Кирпичников, 1980* – *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек: Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.
- Кирпичников, 1984* – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников, 1985* – *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Кирпичников, 1992* – *Кирпичников А. Н.* Заметки о средневековых гаковницах // Materiały Muzeum Wnętrz Zabytkowych w Pszczynie. VII. Pszczyna, 1992.
- Кирпичников, 2002* – *Кирпичников А. Н.* Ладога в третьей четверти XVI в. (первопубликация писцовой книги 1568 г.) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Костромская археологическая экспедиция: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://archeo44.ru/news/news0043> (дата обращения 14.04.2018).
- Краснов, Каховский, 1978* – *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1978.
- Кутасов, 2010* – *Кутасов П. А.* Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переулкa в Москве // Археология Подмоскoвья. М., 2010. Вып. 6.
- Кутасов, 2011* – *Кутасов П. А.* Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве // Археология Подмоскoвья. М., 2011. Вып. 7.
- Лалазаров, 2012* – *Лалазаров С. В.* Последняя реконструкция ладожской крепости во второй половине XVII в. // Старо-ладожский сборник. СПб., 2012. Вып. 9.
- Маковская, 1992* – *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII в.: Определитель. М. 1992.

- Максименков, 1957 – Максименков Г. А. Из истории древнерусской артиллерии // СА. 1957. № 3.
- Мильчик, 2014 – Мильчик М. И. Старая Ладога: Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. СПб., 2014.
- Мышковский, 1958 – Мышковский Е. В. Тихвинские пищали // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1958. Вып. III.
- Мышковский, 1959 – Мышковский Е. В. Соловецкая ручница // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. IV.
- Мышковский, 1961 – Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. 1961. № 1.
- Мышковский, 1965 – Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. 1965. № 4. С. 186–198.
- Пахомов, 2002 – Пахомов И. Пищальники Василия III (Ч. 1) // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. М., 2002. № 20 (№4/2002).
- Попов, Румянцева, 2017 – Попов С. Г., Румянцева З. Р. Исследования Порховской крепости в 2014 г. // Бюллетень. Охранная археология. СПб., 2017. № 6.
- Рабинович, 1971 – Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля: Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1971. Т. IV (МИА; № 167).
- Равдоникас, Лаушкин, 1959 – Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д. Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Вып. IV.
- Розенфельдт, 1958 – Розенфельдт Р. Л. Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИА. 1958. Вып. 72.
- Рябинин, 1982а – Рябинин Е. А. Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1981 г. // Архив музея-заповедника «Старая Ладога». 1982. Д. № 77.
- Рябинин, 1982б – Рябинин Е. А. Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1981 г. Приложение к отчету за 1981 г. Альбом иллюстраций // Архив музея-заповедника «Старая Ладога». 1982. Д. № 78.
- Салмин, 2011 – Салмин С. А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2011. № 56.
- Салмин, 2017 – Салмин С. А. Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок псковского Окольного города // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. статей. Омск, 2017.
- Свешніков, 1992 – Свешніков І. К. Битва під Берестечком. Львів, 1992.
- Селин, 2008 – Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2008.
- Селин, 2010 – Селин А. А. О времени строительства Земляного города в Ладоге // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. II.
- Стеценко, 1981 – Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Ладожской крепости в 1980 г. // Архив музея-заповедника «Старая Ладога». 1981. 7–II–23–12.
- Стеценко, 1984а – Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Ладожской крепости в 1983 г. Т. I // Архив музея-заповедника «Старая Ладога». 1984. 7–II–23–24.
- Стеценко, 1984б – Стеценко Н. К. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Ладожской крепости в 1983 г. Т. II // Архив музея-заповедника «Старая Ладога». 1984. 7–II–23–23.
- Тарасюк, 1971 – Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л., 1971.
- Ульянова, 2008 – Ульянова Т. Н. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам археологических работ 1991–2006 гг. // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 4.
- Шмелев, 2016 – Шмелев К. В. «Стрелять призрачно». Находки на Северо-Западе России орудий XVI–XVII вв. с боевыми повреждениями // История военного дела: исследования и источники. Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. СПб., 2016. Спец. вып. VI, ч. II.
- Apala, 1994 – Apala Z. Arheoloģiskie izrakumi Cēsu viduslaiku pilī // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1992. un 1993. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1994.

- Atgāzis*, 1979 – *Atgāzis M.* Izrakumi Alūksnes pili // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1978. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1979.
- Barišņikovs*, 2017 – *Barišņikovs K.* Liecības par ugunsieroču izmantošanu Cēsu pilī 15.–16. gadsimtā // Cēsu pils raksti I: arheoloģija, arhitektūra, vesture. Cēsu pils saglabāšanas fonds, 2017.
- Essenwein*, 1877 – *Essenwein A.*, von. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Faksimilierte Nachbildungen alter Originalzeichnungen, Miniaturen, Holzschnitte und Kupferstiche, nebst Aufnahmen alter Originalwaffen und Modelle. In vier Lieferungen. Leipzig, 1877.
- Ethnographic Arms & Armour Forum. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus> (дата обращения 08.03.2018).
- Graudonis*, 1979 – *Graudonis J.* Izrakumi Turaidas pilsdrupās 1978. gadā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1978. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1979.
- Hoff*, 1969 – *Hoff A.* Feuerwaffen. Braunschweig, 1969. Т. I.
- Konstam*, 1998 – *Konstam A.* Pavia 1525. The Climax of the Italian Wars. Oxford, 1998.
- Liebe*, 1899 – *Liebe G.* Der Soldat in der deutschen Vergangenheit. Mit 184 Abbildungen und Beilagen nach Originalen, größtenteils aus dem fünfzehnten bis achtzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1899.
- Müller*, 1979 – *Müller H.* Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand- und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig, 1979.
- Schmidt*, 1875 – *Schmidt R.* Die Handfeuerwaffen, ihre Entstehung und technisch-historische Entwicklung bis zur Gegenwart. Basel, 1875.
- Schön*, 1858 – *Schön J.* Geschichte der Handfeuerwaffen. Eine Darstellung des Entwicklungsganges von ihrem Entstehen bis auf die Neuzeit. Dresden, 1858.
- Šnore, Zariņa*, 1980 – *Šnore E., Zariņa A.* Senā Sēlpils. Rīga, 1980.
- Zapadoceske-muzeum [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.virtualtravel.cz/plzen/zapadoceske-muzeum/mestska-zbrojnice.html> (дата обращения 08.03.2018).

Finds of parts of hand firearms of the 15th–16th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels

P. A. Milyaev

The studying of early firearms used in the territory of Rus has been conducted mainly through materials from museum collections. However these objects not always had precise documentation on their origin and date. In Russia, only single examples of hand *pishchali* (arquebuses) of the 16th century are preserved. In particular, the entire items with gun locks and stocks are kept in the collections of the Military History Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (the former Artillery Historical Museum). Increase of the fund of artefact sources on this problem is realized mostly through findings from archaeological excavations. One of the most interesting finds of this kind is represented by a fragment of a gun barrel exploded probably in the old time during an unsuccessful shot. This artefact was uncovered in Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) of Staraya Ladoga during

excavations by Vladislav I. Ravdonikas in 1949. The fragment measuring 28 × 141 mm was of 11–12 mm calibre. In the breech, the bore of the barrel was stopped with an iron rod. This way of locking the breech of a gun barrel with an iron rod was characteristic of the second half of the 15th and early 16th century. During investigations in the fortress of Oreshek in 1972 (excavations by Vladimir I. Kil'dyushvskiy), was found a small fragment of the barrel wall of a hand *pishchal* (arquebus) 8–9 mm thick, measuring 27 × 52 mm. Its calibre was 11–12 mm. On the external surface of the object there are two facets. The director of the excavations dates this barrel fragment to the 16th century. During excavations in Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek there were found very rare details of matchlock gun of the 16th century. Such objects are but scantily described in

Russian archaeological publications. During Nina K. Stetsenko's architectural and archaeological investigations in the area of the Ladoga stone fortress in 1980, were found a serpentine gun cock from a matchlock with a lateral sear button. A fragment of another serpentine cock was found at Zemlyanoye Gorodishche in 1984. In the course of excavation of the fortress of Oreshek in 1968, a steel S-shaped cock from a gun lock with a lateral sear button was retrieved. It was uncovered from the fill of a timber structure found in the eastern part of the excavation area. Similar entire cocks and their fragments have been found in Porkhov, Kirillo-Belozersky Monastery, Nizhny Novgorod, at the townsites of Pustozersk and Mstislavl (Republic of Belarus). Intact matchlocks of a similar type were found in Pskov and the Cēsis Castle in Latvia. In addition, in Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek were found sear springs from gun locks with lateral sear buttons one of which was decorated. Such objects were also discovered during excavations in Moscow and Kirillo-Belozersky Monastery. Along with gun parts, finds of attachments for ramrods for cleaning

pishchali and moulds for casting round lead bullets are reported from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek. Of note are the dating possibilities of finds of matchlocks with the S-shaped cock and lateral sear-button as well as their details from the cultural deposits in Russian towns and fortresses. Similar mechanisms of ignition of powder charges were widespread in the Muscovite state probably slightly later than in Western Europe and were used until the beginning of the 17th century. The peak of their use took place in the middle and second half of the 16th century. The most of their finds are dated exactly to that chronological span. Later, hand *pishchali* of this type were gradually transferred as a reserve to the arsenals of remote fortresses and monasteries. There they were kept in small numbers until the Modern period. Exactly in this way, examples from the Solovtsy Monastery have survived. During the last quarter of the 16th – first quarter of the 17th century, on the most of the hand guns, the matchlocks with a lateral sear button were probably removed and replaced with the new flint locks.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЛА-ПАЙЯ (ПРОВИНЦИЯ САЛЬТА, СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АРГЕНТИНА) ИЗ СОБРАНИЯ МАЭ РАН¹

Л. М. Дмитренко²

Аннотация. Археологический комплекс поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Аргентина) является основополагающим в изучении прошлого культуры кальчаки культурной общности Санта-Мария. В статье представлены результаты планиграфического и технологического изучения коллекции керамики из МАЭ РАН. Анализ местонахождения сосудов, приемов их конструирования и обработки внешней поверхности свидетельствует о культурной неоднородности рассматриваемого комплекса. Выявлена локализация отдельных типов сосудов на территории памятника: на поселении или на прилегающем некрополе. Технологической особенностью некоторых типов сосудов является конструирование их отдельных частей в формах-емкостях.

Annotation. The archaeological complex of the settlement-site of La Paya (Salta Province, Argentina) is a basic one for studies of the past of the Calcháqui culture of the Santa-Maria cultural unity. The present paper deals with the results of the plan and technological aspects of the study of a collection of pottery kept at the Museum of Anthropology and Ethnography RAS (MAE RAS). Analysis of the location of the vessels and techniques of their shaping and treatment of the external surface indicates a cultural heterogeneity of the complex under consideration. Particular types of the pottery show a tendency to a definite localization within the area of the site, namely in the settlement or the necropolis contiguous to it. A technological peculiarity of some types of the pottery may be recognized in shaping some of their parts in inside moulds.

Ключевые слова: Аргентина, провинция Сальта, кальчаки, керамика, планиграфия, технологический анализ.

Keywords: Argentina, Salta Province, Calcháqui, pottery, plan studies, technological analysis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-239-248

В 1908 г. в фонд Америки МАЭ (Кунсткамера) РАН поступила археологическая коллекция, происходящая из раскопок Х. Б. Амбросетти (J. B. Ambrosetti) поселения Ла-Пайя (La Paya) (Ambrosetti, 1907; Sprovieri, 2010. P. 237–251; Дмитренко, 2016. С. 99–108). Памятник был обнаружен в долине р. Кальчаки (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) и представлял собой укрепленное оборонительной стеной поселение, функционировавшее в IX–XVI вв. (Baldini, 1980. P. 60). Археологический комплекс памятника свидетельствует о том, что в его основании и развитии принимали участие несколько культур: атакаменьо, кальчаки (культурной общ-

ности Санта-Мария) и локальная общность инков (Handbook..., 1946. P. 602).

Х. Б. Амбросетти отобрал для МАЭ 81 сосуд из различных погребений с целью наиболее полного представления керамического комплекса памятника в музейной коллекции. Вся керамика из Ла-Пайя происходит из захоронений-цист или детских захоронений, обнаруженных на территории поселения, прилегающего с западной стороны некрополя, и некрополя, расположенного к северо-востоку на противоположном берегу р. Ла-Пайя. Согласно современным исследованиям некрополь на противоположном берегу реки скорее относился к располагавшемуся поблизости поселению Гитиан (Guitián) (Sprovieri, 2013. Fig. 2).

Сложность анализа коллекции заключается в том, что керамика Ла-Пайя была прислана вместе с материалами других памятников – Пукара-де-Тилкара (Pucará de Tilcara), Ла-Пома (La Poma) и Пайюгаста (Payogasta). На большей части чернолощенной

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01092 а2 «Исследование археологических коллекций из Аргентины в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН».

² Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел этнографии Америки. E-mail: jakovlevaljuba@mail.ru.

керамики и красноглиняных мисочек с лощеной поверхностью не были указаны полевые номера. В части случаев номера не соответствовали сопровождающему списку, составленному автором раскопок. На данном этапе работы изучались только сосуды, на которых сохранились точные полевые номера, имеющие привязку к объектам, опубликованным Амбросетти (*Ambrosetti*, 1907).

Почти все сосуды коллекции были отреставрированы (склеены, догипсованы и т. д.), поэтому даже в случаях вторичного отделения фрагментов по старым сломам их нельзя использовать для анализа формовочных масс, так как швы полностью закрыты остатками гипса или клея. Петрографические исследования для музейных коллекций противопоказаны в связи с разрушением экспонатов. Отсюда характеристики формовочных масс, использованных при изготовлении сосудов, были получены при изучении поверхности сосудов.

Наибольшую информацию о гончарной технологии дали исследования процессов формообразования и обработки внешней поверхности (см.: *Бобринский*, 1978. С. 114–242). В исследовании использовался микроскоп МБС-10, с максимальным увеличением в 48 раз.

Выделены 46 красноглиняных и девять черноглиняных сосудов, относящихся к комплексу Ла-Пайя.

Небольшую часть коллекции составляет *керамика инкского типа*. Все сосуды инкского типа в коллекции МАЭ происходят из раскопок погребений, располагавшихся на территории поселения.

Сосуд на ножке (836)³ происходит из объекта 74, который включал только погребальный инвентарь без труположения. Комплекс состоял из трех сосудов на ножке, трех псевдоарибаллов, двух орнитоморфных блюд, трех мисок-*picos*, деревянной цилиндрической коробочки, бронзовой булавки и остатков ткани. Сосуд из коллекции МАЭ обладает темно-серой тщательно заглаженной внешней поверхностью, равномерно покрытой слоем

черного нагара (рис. 1, 1). Внутренняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, покрыта следами от заглаживания зубчатым штампом. В стенке и дне были сделаны отверстия. В два из них, расположенных на стенках, были вставлены концы ручки в виде жгута, которая позже была уплощена. В отверстие в донной части таким же образом была вставлена ножка. На внутренней и внешней поверхностях тулова сохранились следы от выдавливания стыков конструктивных элементов. Согласно работам М. Спровиери этот сосуд относится к типу *Inka Provincial* (*Sprovieri*, 2013. Fig. 41).

На памятнике были найдены шесть таких сосудов в трех захоронениях. В двух объектах они были помещены по два (№ 73) и три экземпляра (№ 74) в сопровождении других сосудов инкского типа (псевдоарибаллов и орнитоморфных блюд). Труположения в этих случаях отсутствовали. В третьем захоронении (№ 63) был найден один скелет, сопровождаемый псевдоарибаллом и парой орнитоморфных блюд (*Ambrosetti*, 1907. P. 151–153). Все вышеописанные захоронения были расположены в центре поселения.

Псевдоарибалл (794; рис. 1, 2) из погребения № 73, расположенного в центре поселения, также происходил из захоронения с другими сосудами инкского типа. Сосуд красно-коричневого цвета с залощенной, неорнаментированной поверхностью, с шаровидным туловом и узким горлом. С двух сторон, в области максимального диаметра тулова, прикреплены вертикальные уплощенные ручки. Кольцевой поддон дна с одной стороны значительно выше, чем с противоположной. Придонная часть с внешней стороны очень грубо заглажена. Присутствует несколько косых вертикальных складок, обычно образующихся от одновременного присоединения слишком тяжелых стенок. Вследствие этого сосуд приобрел асимметрию в придонной части. На стенках сосуда видны многочисленные следы стыков конструктивных элементов – жгуты или ленты, шириной 4–5 см. Внешняя поверхность сосуда тщательно залощена, на ней видны довольно тонкие следы от орудия лощила. На внутренней поверхности сохранились следы от заглаживания пальцами и множество следов от выдавливания стыков конструктивных элементов. В придонной части сохранились гори-

³ Номера в скобках – оригинальные полевые номера Х. Б. Амбросетти, отраженные в генеральном каталоге Музея этнографии им. Х. Б. Амбросетти в Буэнос-Айресе (Museo Etnográfico «Juan B. Ambrosetti»), опубликованные в 1907 г. в работе «Exploraciones arqueológicas en la ciudad prehistórica de “La Paya” (valle Calchaquí – provincial de Salta) campañas de 1906 y 1907».

Рис. 1. 1 – сосуд на ножке инкского типа; 2 – псевдоарибалл; 3 – орнитоморфное блюдо; 4 – краслощенное блюдо инкского типа; 5–6 – сосуд с носиком для слива: 5 – внешний вид, 6 – следы от формы-емкости в придонной части сосуда; 7 – сосуд с носиком для слива; 8, 9 – сосуды с широким горлом: 8 – красноглиняный; 9 – чернолощеный; 10, 11 – асимметричные сосуды; 12 – следы от формы-емкости в придонной части асимметричного сосуда

Fig. 1. 1 – vessel of an Incan type on pedestal; 2 – pseudo-aryballos; 3 – ornitomorphic dish; 4 – red-polished dish of an Incan type; 5, 6 – libatoir vessels: 5 – outer view, 6 – traces of an inside mould in the bottom part of the vessel; 7 – libatoir vessel; 8, 9 – vessels with a broad mouth: 8 – red-clay; 9 – black-polished; 10, 11 – asymmetric vessels; 12 – traces of an inside mould in the bottom part of an asymmetric vessel

зонтальные следы плохо заглаженных стыков трех витков элементов, шириной 4,5–5 см (видимо, лент). Сосуд тонкостенный, толщина стенок – 0,4–0,7 см.

Орнитоморфное блюдо происходило из погребения с одним труположением, расположенного

в центре поселения, немного смещенного к северу (1014, погребение № 63; рис. 1, 3). В погребение были помещены еще три сосуда инкского типа, а также обсидиановый наконечник стрелы (*Ambrosetti*, 1907. P. 139–141). Поверхность блюда была тщательно

заглажена и залощена с обеих сторон, в результате чего были уничтожены все следы от конструирования. Сосуд был сформован из тщательно вымешанного теста с небольшими слюдистыми включениями, приобретшего после обжига оранжевый цвет. На внешней поверхности – глубокие выщербины из-за разрушения крупных включений белого цвета (известняк). На внешней поверхности дна сохранились отпечатки травы. На внутренней поверхности – следы лощения, расположенные поперек диаметра блюда.

Краснолощенная миска усеченно-конической формы (841; рис. 1, 4). Происходит из погребения № 6, расположенного у западной границы поселения, на границе с примыкающим могильником. Была найдена в паре с аналогичным блюдом, сильно пострадавшим от влияния почвы, но сохранившим два налета у края венчика, обычно характерных для орнитоморфных блюд. Таким образом, миска из собрания МАЭ замещала орнитоморфное блюдо, которые обычно помещались в погребения парами. Поверхность сосуда была тщательно залощена с обеих сторон. В результате пребывания в почве лощение большей частью утрачено. Перед лощением поверхность сосуда была окрашена в красный цвет. На внутренней поверхности сохранился небольшой фрагмент росписи, нанесенной черной краской.

Основную часть коллекции Кунсткамеры представляют сосуды традиционной для кальчаки формы. *Миски-писос* составляют наибольшую часть всего комплекса Ла-Пайя и также преобладают (77 %) в коллекции. В соответствии с имеющейся классификацией, в основу которой положен технологический принцип (см.: *De la Fuente*, 2015), миски из коллекции МАЭ можно разделить на восемь типов⁴ (табл.).

Другие сосуды типа кальчаки

Сосуды с носиком для слива. В коллекции представлено три таких сосуда. Сосуд среднего размера (769; рис. 1, 5) из погребения № 23 у западной границы поселения с некрополем. Был найден в погребении с тремя труположениями, которые сопровождалась тремя чернолощеными мисками-писос и одним чернолощеным сосудом с широким горлом. В качестве погребального инвентаря также

были положены бронзовая пластина, каменное пряслице, каменный шар-болас и кусок охры (*Ambrosetti*, 1907. P. 112–113). Сосуд был отреставрирован, в результате чего приобрел второй носик для слива, изначально отсутствовавший. В формовочной массе сосуда наблюдается множество мелких слюдистых включений. На внутренней поверхности видно, что верхняя часть была поставлена торцом на внутренний край усеченно-конической миски. В результате присоединения тяжелой части стенки в придонной части образовалась деформация в виде глубоких вертикальных складок. Поверхность сосуда была покрыта ангобом. Внешняя поверхность расписана геометрическим орнаментом краской темно-коричневого цвета. Ангоб вместе с росписью были утрачены на большей части внешней поверхности. Под слоем ангоба сохранились вертикальные и горизонтальные параллельные следы, возможно, отпечатки основы формы-емкости.⁵ Эти следы видны как на стыке элементов в наиболее широкой области тулова сосуда, так и в придонной части (рис. 1, 6).

Сосуд наибольшего размера в коллекции МАЭ (1725; рис. 1, 7) происходит из погребения № 127, расположенного в центре примыкающего некрополя. Он найден вместе с тремя труположениями, сопровождаемыми чернолощеной миской и миской с вертикальной верхней частью стенки, медным долотом, медной булавкой и остатками красной краски (*Ambrosetti*, 1907. P. 210). Нижняя часть сосуда сконструирована в виде усеченно-конической миски-писос, характерной для Ла-Пайя. Один из таких сосудов хранится в коллекции МАЭ (1481-41, 1028). Верхняя часть тулова сосуда либо была наложена на придонную часть в качестве жгутов, либо сформована отдельно и присоединена целиком. В пользу последнего предположения говорят несколько вертикальных трещин в придонной части, образовавшихся от крепления слишком тяжелой верхней части сосуда еще во влажном состоянии. Об этом свидетельствует также сильное проседание краев придонной части и ее сильно выраженная асимметрия, возможная лишь при одновременном наложении тяжелой части стенок на края еще не

⁴ Этой керамике будет посвящено отдельное исследование.

⁵ Форма-емкость – форма для лепки сосудов с использованием ее внутренней поверхности (*Бобринский*, 1978. С. 193–201).

Таблица. Типология мисок-писос из комплекса Ла-Пайя
Table. Typology of pisos (bowls) from the complex of La Paya

Красноглиняные расписные	Чернолощенные (от светло-серого и светло-коричневого до черного цветов)
А. Колоколовидные	А. Полусферические
Б. Полусферические	Б. Усеченно-конические
В. С вертикальной верхней частью тулова	В. С вертикальной верхней частью тулова
Г. Усеченно-конические	
Д. Единичные формы	

высохшего начина.⁶ При равномерном наращивании тулова с помощью жгутов или лент подобная деформация образоваться не могла. Поверхность сосуда покрыта слоем ангоба и декорирована с внешней стороны расписным геометрическим орнаментом темно-коричневого цвета.

Сосуд самого маленького размера был разбит и отреставрирован, в результате чего утратил носик для слива (1732). Происходил из погребения № 128 из центральной части примыкающего к поселению некрополя. В погребении находились более пяти труположений, общее число которых не определить из-за плохой сохранности. В качестве погребального инвентаря были положены две чернолощенные и четыре расписные миски-писос, кувшин, асимметричный сосуд, одно орнитоморфное и два краснолощенных блюда, фрагментированная корзина из ивовых прутьев, костяной мундштук, остатки вязания, несколько фрагментов обсидиана, изделия из дерева (пряслице, две плоские подставки для курительных веществ, лопата, нож), а также редкая находка – фрагмент большой антропоморфной фигуры (Ambrosetti, 1907. Р. 211–214). В формочной массе сосуда найдено множество мелких слюдястых включений. Сосуд сделан в виде полусферической мисочки с наложенной на ее край лентой, образующей плечико и зауженный венчик. Сосуд декорирован геометрическим расписным орнаментом, нанесенным черной краской по ангобу светло-желтого цвета, который в результате нахождения в погребении был утрачен на большей части внешней поверхности сосуда.

Сосуды с широким горлом. Красноглиняный расписной сосуд с широким горлом – единственный

⁶ Начин – первоначальная часть сосуда, изготовленная мастером непрерывно (Бобринский, 1978. С. 114).

в коллекции МАЭ (873; рис. 1, 8). Всего на памятнике были найдены девять таких сосудов. Это единственный сосуд такого типа, найденный на территории поселения в погребении № 32, расположенном к северу от строения Каса-Морада (Ambrosetti, 1907. Р. 119). В погребении было найдено шесть труположений в сопровождении четырех деревянных кинжалов, трех чернолощенных и четырех расписных мисок-писос. Сосуд тонкостенный. На его внешней поверхности наблюдаются очень грубые горизонтальные следы от заглаживания конструктивных элементов (видимо, жгутов), которые наиболее отчетливо видны в области максимального диаметра тулова. На внутренней поверхности горла наблюдается трещина по стыку конструктивных элементов. Нижняя часть была вылеплена в виде миски усеченно-конической формы. Придонная часть, как и в случае с сосудом с носиком для слива (769), сильно деформирована в результате наложения слишком тяжелой верхней части тулова. Внешняя поверхность была покрыта ангобом и расписана геометрическим орнаментом краской коричневого цвета. Сосуд претерпел повторное сильное нагревание, так как одна из сторон приобрела однородный серый цвет, отличный от цвета остальной поверхности, и полностью утратила расписной орнамент.

Чернолощенный сосуд с широким горлом, аналогичный по форме предшествующему (рис. 1, 9). Единственный экземпляр такого типа в коллекции МАЭ происходит из погребения с территории поселения у границы с некрополем (1340, погребение № 16). Был положен в захоронение с восьмью труположениями. В качестве погребального инвентаря были помещены две чернолощенные миниатюрные урны, один сосуд с носиком для слива, четыре

колоколовидные миски-ricos (*Ambrosetti*, 1907. P. 105–106). На внешней поверхности сосуда – множество округлых выщербин (0,1–0,5 см), в центре многих из них обнаружены мелкие включения известняка. Обладает тщательно залощенной черной поверхностью. Придонная часть с внешней стороны залощена в меньшей степени, как и слабее залощена внутренняя поверхность серо-коричневого цвета. Поверхность, утратившая лощение, темно-серого цвета. В области ребра (максимальный диаметр тулова) наблюдаются уплощенные площадки, видимо, оставшиеся от выдавливания стыков двух частей сосуда, изготовленных по отдельности. Дно вогнутое, на нем с внешней стороны – множество тонких следов от подложенной основы из травы. В отличие от расписного сосуда, этот экземпляр имеет кольцевой поддон.

Урны погребальные. Для района долины р. Кальчаки в период регионального развития наиболее традиционными были захоронения в урнах типа Санта-Мария.

Одна из таких урн хранится в коллекции 1481. Ее точное местонахождение на памятнике пока не удалось установить (2063; рис. 2, 1), при этом погребальная урна под этим номером значится в генеральном каталоге Музея этнографии им. Х. Б. Амбросетти. В формовочной массе множество слюдястых включений. Сосуд в сломе красно-оранжевого цвета. Внешняя поверхность была покрыта ангобом светло-коричневого цвета. Орнамент геометрический, состоял из вертикальных полос, волнистых линий и спиралей.

Вторая урна типа Санта-Мария (2068) не имеет точного места происхождения. Фрагменты в сломе оранжевого цвета. В формовочной массе добавление песка и крупные слюдястые включения. Сосуд был покрыт ангобом светло-желтого цвета, поверх которого нанесен геометрический орнамент с орнитоформными элементами (изображения нанду). Орнамент нанесен краской темно-коричневого цвета.

Еще одна урна с туловом эллиптического сечения и широким горлом, маленьким вогнутым дном и двумя очень широкими горизонтальными ручками-ушками, скошенными кверху (2061, погребение № 57; рис. 2, 2). Она найдена в углу жилища, содержала остатки детского скелета и была пере-

крыта большой зернотеркой (*Ambrosetti*, 1907. P. 134). В формовочной массе наблюдаются мелкие слюдястые включения. Внешняя поверхность почти целиком покрыта «расчесами» от зубчатого штампа, вертикально направленными. Наибольшая концентрация «расчесов» наблюдалась в придонной части. Сосуд покрыт светло-бежевым ангобом, частично утраченным. Ангоб и роспись нанесены поверх «расчесов», во многих местах слой ангоба отсутствует или столь незначителен, что роспись нанесена прямо поверх «расчесов» (рис. 2, 5). Внешняя поверхность покрыта бихромным орнаментом. Основная часть орнамента выполнена краской коричневого цвета, промежуточные полосы частично окрашены в красный цвет. Вертикальные полосы по всей высоте сосуда, проходящие через ручки, также окрашены красным. На внешней поверхности сосуда прослеживается заглаженный стык конструктивных элементов при переходе от придонной части к тулову.

Еще одна погребальная урна с туловом эллиптического сечения была использована в качестве погребального сосуда для ребенка в ногах коллективного погребения, состоящего из шести труположений (888, погребение № 22). Урна не традиционного типа для этого района. Скелет ребенка не сохранился из-за разрушительного воздействия почвы (*Ambrosetti*, 1907. P. 109–111). Верхняя часть сосуда и одна из ручек отсутствуют. Внешняя поверхность покрыта разносторонне направленными «расчесами». Поверх них сосуд был покрыт тонким слоем светло-коричневого, почти желтого ангоба, поверх которого нанесен расписной узор из вертикальных полос темно-коричневого и красного цветов. Внутренняя поверхность сосуда тщательно заглажена – это позволяет предположить, что «расчесы» на внешней поверхности намеренно оставлены мастером.

Урна с тремя сужениями была найдена к югу от захоронения 33, у северной стены поселения (2072, объект № 35; рис. 2, 4). Захоронение состояло из двух урн с тремя сужениями, одна из которых (2072) накрыта дном другой. В урне найдены останки детского скелета и расписная миска-ricos с вертикальными стенками. В формовочной массе наблюдаются мелкие слюдястые включения. Урна сконструирована из четырех частей. Нижняя часть –

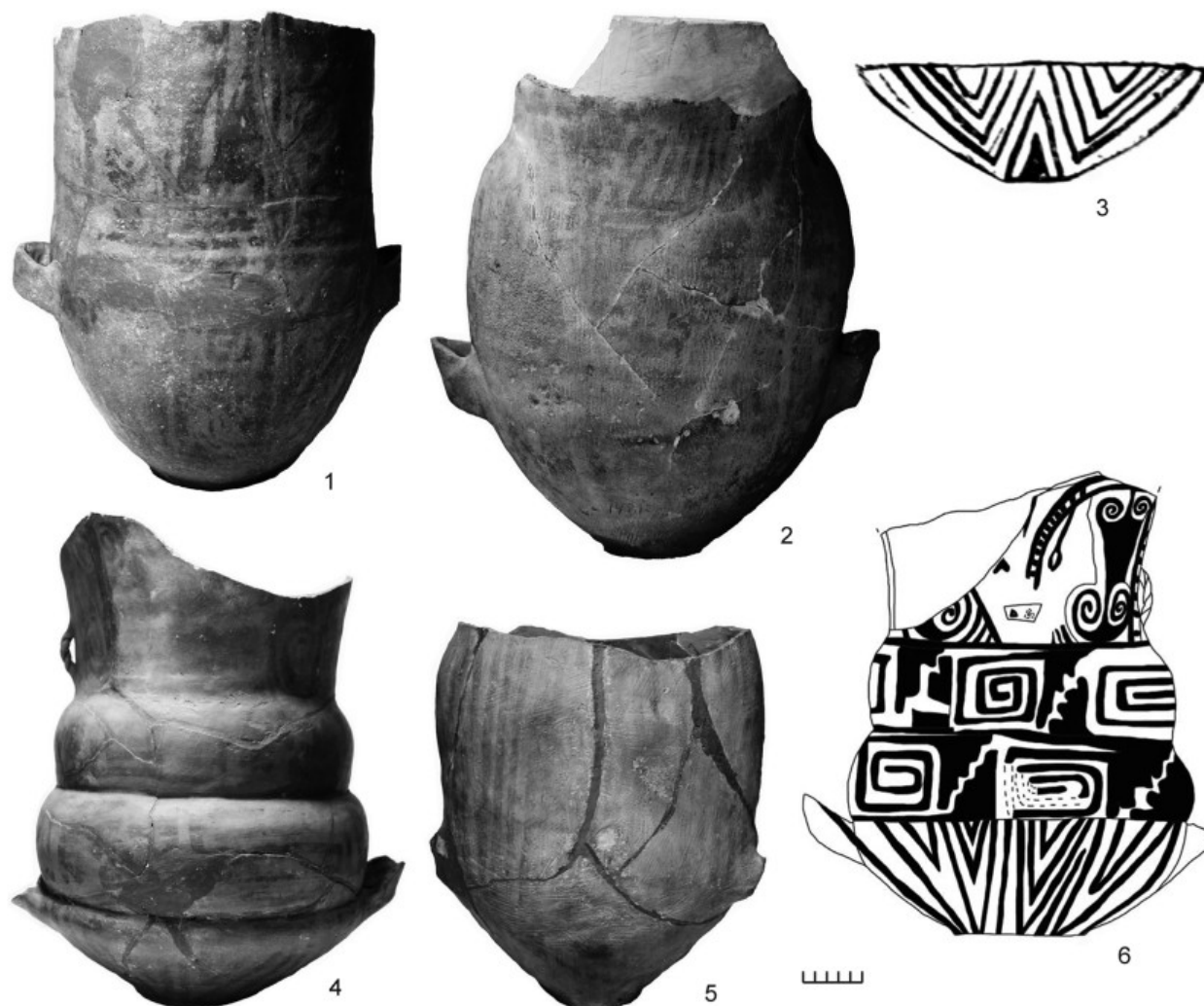

Рис. 2. 1 – погребальная урна типа Санта-Мария; 2, 5 – погребальные урны с туловом эллиптического сечения; 3 – расписной орнамент миски-писос (*Ambrosetti*, 1907. P. 323); 4, 6 – погребальная урна с туловом с тремя сужениями: 4 – внешний вид, 6 – прорисовка расписного орнамента

Fig. 2. 1 – burial urn of the Santa-Maria type; 2, 5 – burial urns with the body of elliptical section; 3 – painted decoration of a pisos bowl (*Ambrosetti*, 1907. P. 323); 4, 6 – burial urn with the body with three taperings: 4 – outer view, 6 – rubbing of the painted design

полусферическая миска-писос (с двумя скошенными уплощенными ручками в верхней части), на которую поставлены две детали – части тулова с округлым профилем и вытянутое горло. Части тулова сужаются на краях, что придает урне форму, сужающуюся в трех местах, и делит ее на четыре части: миска-писос, две детали тулова и горло. В верхней части сосуда прикреплены две вертикальные, витые из двух тонких жгутиков ручки.

Естественный светло-коричневый цвет сосуда сохранился на внешней поверхности первой детали тулова, а внешняя поверхность придонной части,

второй детали и горла окрашены краской красного цвета. Сосуд декорирован расписным геометрическим орнаментом темно-коричневого цвета: углы, вписанные одна в другую спирали, похожие на меандры фигуры и лестницы. Нижняя часть урны была декорирована традиционным для полусферических мисок-писос геометрическим орнаментом в виде вписанных один в другой серии углов, расширяющихся кверху. Внутренняя поверхность была тщательно заглажена, но хорошо сохранились стыки вышеописанных четырех частей, вылепленные отдельно и соединенные в единый сосуд.

На внешней и внутренней поверхностях обнаружены тонкие параллельные следы от заглаживания. На внешней поверхности отчетливо видны горизонтальные следы заглаживания при креплении горла к верхней округлой детали. Согласно Л. Балдини, этот сосуд относится к типу А (*Baldini*, 1980. Fig. 2).

Сероглиняная керамика. К этой группе относятся асимметричные сосуды. В коллекции МАЭ они представлены четырьмя сосудами, которые выделяются специфической формой, не имеющей аналогий. Все они происходят с территории прилегающего к поселению могильника.

Два сосуда происходят из соседних погребений в центре (№ 3 – 1547, погребение № 115, рис. 1, 11; № 5 – 1577, погребение № 112, рис. 1, 10) и один – из захоронения, расположенного у северной границы некрополя (№ 4 – 901, погребение № 97; рис. 1, 12). Четвертый сосуд происходил из погребения № 132 – в западной части прилегающего могильника. Технологически он выполнен наиболее грубым способом по сравнению со всеми, имеющимися в коллекции.

Сосуды 1547 и 1577 были положены дном вверх. Поверхность сосудов из погребений № 97 и № 112 шероховатая, серого цвета, и только сосуд из погребения № 115 обладал почти черной глянцевой поверхностью. Во всех случаях сосуды декорированы углубленным орнаментом в виде наклонных, разносторонне направленных «расчесов». Сосуды обнаружены в погребениях разных типов: погребение № 97 – ребенка 11 лет; погребение № 112 – с 11 труположениями, двумя асимметричными сосудами, в котором сосуд 1577 располагался под черепом одного из погребенных; погребение № 115 – с шестью труположениями, захороненными в разное время.

По конструктивным особенностям интересно, что нижняя часть таких сосудов изготавливалась в качестве полусферической или усеченно-конической миски-рисос (вероятно, в форме-модели), а потом из конструктивных элементов наращивалась верхняя часть. На внешней поверхности придонной части одного из сосудов прослежены упорядоченные, немного наклонные параллельные углубленные следы, сохранившие отпечаток поверхности формы-емкости (901; рис. 1, 12).

Согласно предварительным итогам изучения части коллекции из Ла-Пайя:

1. По формовочной массе исследованные сосуды разделяются на три группы: а) ожелезненная глина с добавлением песка и множеством слюдистых включений (орнитоморфное блюдо, сосуды с носиком для слива, погребальные урны с эллиптическим сечением тулова, погребальная урна типа Санта-Мария); б) ожелезненная глина с добавлением песка; в) глина с минеральными рыхлыми включениями белого цвета (известняк) – в основном, использовалась для чернolощенных сосудов.

2. Выделяются некоторые закономерности в формoобразовании и обработке поверхности сосудов разных типов. Конструирование отдельных сосудов начиналось с изготовления наиболее распространенной для Ла-Пайя формы – миски-рисос (*Дмитренко*, 2016. С. 103). К этой группе относятся сосуды с расширенным горлом, асимметричные сосуды, сосуды с носиком для слива и урна с тройным сужением. Они изготавливались из двух или более частей и соединялись в целый сосуд. Такая особенность выступает в качестве технологического признака наиболее многочисленной керамики на поселении, принадлежавшей производству местного населения кальчаки. Некоторые из этих сосудов демонстрируют и единую с мисками традицию орнаментации. Например, декорирование вертикальными углами в придонной части урны с тройным сужением (рис. 2, б), идентичное орнаменту некоторых полусферических мисок из комплекса Ла-Пайя (рис. 2, 3). Для изготовления придонных частей сосудов с носиками для слива и асимметричных сосудов использовали формы-емкости, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы отпечатков текстиля. Сосуды с носиком для слива изготавливались по частям, а у асимметричных сосудов верхняя часть наращивалась на основание, изготовленное в форме-емкости. Способы конструирования сосудов и обработки внешней поверхности внутри отдельных типов форм аналогичны (сосуды с носиком для слива, асимметричные сосуды). Это касается также сосудов с широким горлом, сконструированных аналогичными способами, но в свою очередь отличающихся по составу использованной формовочной массы и способу обработки внешней поверхности.

3. Поверхность большей части красноглиняных сосудов из коллекции МАЭ покрывалась ангобом. Зачастую он скрывал грубые следы от заглаживания поверхности и отпечатки форм-емкостей, в которых изготавливались отдельные части сосудов (например, придонная часть сосудов с носиком для слива). Аналогичные следы зафиксированы и на внешней поверхности придонной части асимметричных сосудов. В этом случае такие следы были скрыты с помощью «расчесов», нанесенных зубчатым штампом. В случаях с погребальными урнами с эллиптическим сечением роспись была нанесена специально поверх незаглаженных «расчесов». Ни один сосуд другой формы не подвергался такому приему обработки внешней поверхности. Обращает на себя внимание, что асимметричные сосуды и урны

с эллиптическим сечением по способу обработки поверхности относятся скорее к отдельной традиции обработки поверхности или сохранили элементы одной традиции. Углубленный орнамент в виде бессистемных «расчесов» намеренно покрывал всю поверхность сосуда. В случае с урнами он намеренно не был заглажен или выровнен ангобом и служил основанием для расписного орнамента.

В дальнейшем будут анализироваться технологические особенности мисок-*picos* из Ла-Пайя в сопоставлении с имеющимися результатами изучения других форм керамики. Особый интерес представляет сравнение технологической дифференциации сосудов с традиционным разделением керамики, основанным на типологическом анализе орнамента.

Бобринский, 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Дмитренко, 2016 – *Дмитренко Л. М.* Коллекция керамики индейцев калчаки в собрании МАЭ РАН // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб., 2016.

Ambrosetti, 1907 – *Ambrosetti J. B.* Exploraciones arqueológicas en la ciudad prehistoric de «La Paya» (valle Calchaquí – provincial de Salta) campañas de 1906 y 1907 // Revista de la Universidad de Buenos Aires. Buenos Aires, 1907. T. VIII.

Baldini, 1980 – *Baldini L.* Dispresión y cronología de las urnas tres cinturas en el Noroeste Argentino // Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología. Nueva Serie. Buenos Aires, 1980. T. XIV, no. 1.

De la Fuente, 2015 – *De la Fuente G.* Técnicas de Manufactura Cerámica durante el Período Tardío en el Valle de Abaucán: una aproximación a través de la radiografía industrial y la petrología cerámica (Tinogasta, Catamarca, Argentina). Cuadernos del Instituto Nacional de Antropología y Pensamiento Latinoamericano, 2015.

Handbook..., 1946 – Handbook of South American Indians. The Andean civilizations // Smithsonian Institution bureau of American ethnology. Washington, 1946. Bulletin 143. Vol. 2.

Sprovieri, 2010 – *Sprovieri M.* La colección La Paya un siglo después // Arqueología. Buenos Aires, 2010. Vol. 16.

Sprovieri, 2013 – *Sprovieri M.* El mundo en movimiento: Circulación de bienes, recursos e ideas en el valle Calchaquí, Salta (Noroeste Argentino). Una vision desde La Paya. England: British Archaeological Reports, International Series, 2013, S2487.

Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS

L. M. Dmitrenko

The history of the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) RAS was inseparable in the 20th century from the collaboration with the Ethnographical Museum of the University of Buenos Aires. Owing to an exchange of museum collections, MAE received in 1908 a collection of pottery of the Calchaquí Indians from excavations of the site of La Paya (Salta Province, Argentina). This paper

presents the first results of a study concerned with the problem of the findspots of the vessels from the collection of MAE and some technological aspects of their manufacturing.

The question of the topographic origin of particular vessels is very important since items from the collection of La Paya were sent to over 19 museums so that the uniting of separate finds within the frame

of the complex published by J. B. Ambrosetti (*Ambrosetti*, 1907) is a task of the paramount significance for Argentinian archaeologists (*Baldini*, 1980; *Sprovieri*, 2013).

The finds of the Inca type come from burials located exceptionally within the perimeter of the settlement: a vessel on a pedestal (*ollita de pie*, Fig. 1, 1), pseudo-aryballos (Fig. 1, 2), red polished plates (Figs. 1, 3, 4). Libatorio vases (with a spout for libations) originate from the territory of the necropolis adjoining the settlement from the west or from burials in the direct vicinity of the contiguous necropolis (Fig. 1, 6). All the asymmetric vessels were found at the necropolis (Figs. 1, 10, 11). It has proved impossible to identify the findspots of a large group of burial urns. They are found neither in the publication by Ambrosetti nor even in the general catalogue of the Ethnographical Museum of the University of Buenos Aires.

The largest volume of information concerning the technology of manufacturing the pottery has been obtained through analysis of shaping of the vessels and treatment of their outer surface (after the method of A. A. Bobrinskiy – *Бобринский*, 1978). Most of the vessels belonging to the Diaguita (*Diagit*) culture were made by joining separate parts. Characteristic of some of the pottery types was shaping of their bottom parts in inside moulds. For the latter, textile pads were used, imprints of which have been found on the surface of libatorio vases and asymmetric vessels (Fig. 1, 12).

In some cases (burial urns with a body of elliptical section) rough combing on the surface was intentionally preserved and a painted design was applied over it (Fig. 2, 4). The results of the studies here presented supplement and add new aspects to the problems of investigation of the site of La Paya.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА ФИГУРНЫХ ПРЯЖЕК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЕВРОПЕ И НА КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЙ¹

Р. А. Мимоход²

Аннотация. Статья посвящена анализу фигурных пряжек, которые распространились в Европе и на Кавказе во второй половине III – начале II тыс. до н. э. Среди них можно выделить изделия кавказской и европейской традиций. Первые – это кольцевидные пряжки с широкой планкой, известные на Северо-Восточном Кавказе и в Предкавказье, вторые – крючково-планочные предметы, которые концентрируются в Карпато-Дунайском регионе, Центральной Европе и в Днепро-Донецком междуречье. Сопоставление этих изделий с ближневосточной мелкой пластикой показывает, что пряжки передают антропоморфный образ. Предметы европейской традиции изображают стоящего индивида с поднятыми вверх и разведенными руками (поза «оранта»), а кавказские экземпляры – персонажей с согнутыми в локтях и скрещенными на груди руками (поза «адорации»). Антропоморфные пряжки в Европе и на Кавказе – одно из проявлений в этих регионах целого комплекса новаций, связанных с Ближним Востоком и Восточным Средиземноморьем.

Annotation. This paper analyses the figured buckles which became widespread in Europe and Caucasus in the second half of the 3rd to the early 2nd millennium BC. Among these buckles, objects in the Caucasian and European traditions can be distinguished. The first are represented by ring-shaped clasps with broad planks known in the North-Eastern Caucasus and Ciscaucasia; the second type is that of hook and plank objects which are concentrated in the Carpathian and Danube region, Central Europe, and between the Dnieper and Donets. Comparison of these artefacts with the Near Eastern small plastic arts demonstrates that the buckles represent anthropomorphic images. The objects of the European tradition render a standing individual with the arms held upward and stretched apart (the 'orans' pose), while the Caucasian examples render figures with arms bent at the elbows and crossed on the breast (the 'adoration' pose). The appearance of the anthropomorphic buckles in Europe and in the Caucasus is one of the manifestations of the entire complex of innovations influenced by the Near East and Eastern Mediterranean in these regions.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток, бронзовый век, поясные пряжки, антропоморфные образы, хронология, семантика.

Keywords: Central and Eastern Europe, Caucasus, Near East, Bronze Age, belt buckles, anthropomorphic images, chronology, semantics.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-249-275

В бронзовом веке в Европе и на Кавказе получили распространение фигурные бронзовые и ро-

говые планочные поясные пряжки (рис. 1). Им посвящена обширная литература (Hájek, 1959; Hänsel, 1968. S. 109–111; Андреева, 1986; Гершкович, 1979; 1986; Магомедов, 1990; Братченко, 1995; Литвиненко, 1996а; Василенко, 1999; Калмыков, Мимоход, 2005; Ильюков, Магомедов, 2010; Мимоход, 2013. С. 104–124; Ильюков, 2016; и др.). Накопленные к настоящему времени данные позволяют уверенно разделить эти изделия на две группы по системе крепления ремня (Мимоход, 2016а. С. 46).

¹ В основу статьи положен одноименный доклад, прочитанный на Международной научной конференции и Гумбольдт-лектории «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)», проходившей в г. Санкт-Петербурге (5–8.10.2015).

² Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова 19, Институт археологии РАН, Отдел бронзового века. E-mail: mimokhod@list.ru.

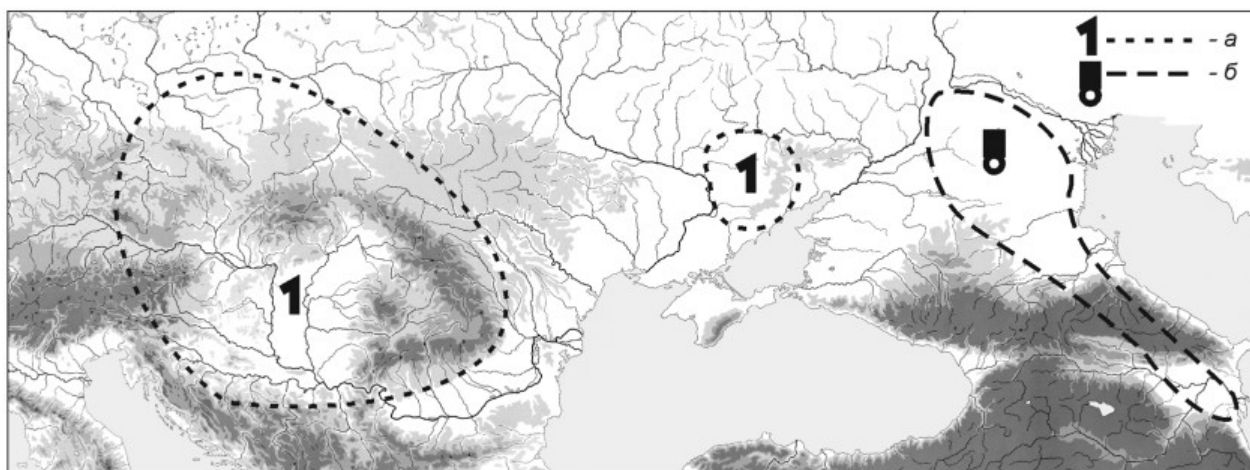

Рис. 1. Основные ареалы фигурных пряжек европейской (а) и кавказской (б) традиций
 Fig. 1. The main areas of distribution of figured buckles in European (а) and Caucasian (б) traditions

В первую группу фигурных пряжек входят предметы европейской традиции, к которым относятся крючково-планочные пряжки или пряжки-запонки (рис. 2, 1). Глухой конец ремня намертво крепился к планке, а в свободном конце была прорезь, с помощью которой он цеплялся за крючок. Территория их распространения представлена двумя основными ареалами. Больше всего пряжек обнаружено в Карпато-Дунайском регионе и в Центральной Европе; второй ареал – степная зона Днедро-Донецкого междуречья (рис. 1).

Карпато-дунайские и центральноевропейские пряжки широко датируются. Первые крючково-планочные изделия в эпоху бронзы появляются в культуре Шнекенберг (*Hájek*, 1959. Обр. 12).³ Большая часть фигурных пряжек относится к раннему бронзовому веку (BrA1–A2, по Райнеке). Они обнаружены в комплексах культур Ватья, Муреш (Перьямош, Мокрин), Сёрег, Рона (Валлис), курганных погребений, нитрянской, оттоманской, стжижовской, унетичской. Встречаются пряжки-запонки и позже – в культурах среднего бронзового века (BrB1–B2, по Райнеке) (рис. 2, 1–5), в которых известны роговые и бронзовые экземпляры (*Prox*, 1941. Taf. XXXIII, 1, 2; *Hájek*, 1959. S. 285–295, obr. 1–13; *Székely*, 1962. Fig. 4, 7; *Hänsel*, 1968. S. 109–111, taf. 2, 30; 12, 9, 12; 50, 2; *Müller-Karpe*, 1974. Taf. 520, 9; 1980. Taf. 293, F. 1–3; 295, F. 10, 11; *Bóna*, 1975. Taf. 127, 3, 7; *Machnik*, 1978.

Tabl. IV, 11, 12; XXIV, 5; XXV, 34; 1991. Fig. 7, 20, 29; 21, 14; *Гершкович*, 1979. С. 59, 60; 1986. С. 141, 142; *Paulik*, 1980. Abb. 87; *Hänsel, Medović*, 1994. Abb. 6, 2; *Hafner*, 1998. Abb. 6, 38).

Фигурные пряжки Днедро-Донецкого междуречья (второй ареал) представлены исключительно роковыми экземплярами (рис. 2, 6–10) (*Городцов*, 1907. С. 356–357; *Латынин*, 1967. С. 30, рис. 26; *Шаповалов, Колесник*, 1972. С. 69, рис. 3–4; *Братченко*, 1985. С. 453, рис. 123, 7, 11–12; *Гершкович*, 1986; *Ковалева и др.*, 1987. С. 20, рис. 6, 11–13; *Ильюков, Казакова*, 1988. С. 53–55; *Привалова, Привалов*, 1988. С. 21, рис. 9, 2; *Поллидович*, 1993. С. 80–81, рис. 49–52; *Клименко*, 1998. С. 85, рис. 26, 9; *Кульбака, Качур*, 2000. С. 51, рис. 9, 1–3; *Цимиданов и др.*, 2013. С. 156, рис. 1). Здесь они датируются узко и относятся к раннему этапу днепродонской бабинской культуры, что в калиброванных радиоуглеродных значениях соответствует XXII–XXI вв. до н. э. В последующие периоды развития культуры Бабино фигурные пряжки неизвестны. Это свидетельствует о том, что в Днедро-Донецком междуречье данный тип изделий, не имеющий местных прототипов, скорее всего, был привнесен сюда из Карпато-Дунайского региона и Центральной Европы. Этот импульс не только был одним из главных в сложении раннебабинских культур (*Черняков*, 1996; *Литвиненко*, 2001. С. 168; 2006; 2009. С. 61; 2013. С. 206; *Лутуненко*, 2013; *Клочко*, 2006. С. 156; 2012; *Мимоход*, 2016а. С. 46–47), но и привел к тому, что одновременно далеко на северо-востоке можно

³ До этого они известны в некоторых энеолитических культурах (*Hájek*, 1959. S. 289; *Гершкович*, 1986. С. 140).

Рис. 2. Фигурные роговые и бронзовые пряжки бронзового века.

I – крючково-планочные пряжки европейской традиции: 1 – Ярославце (унетицкая культура); 2 – Сёрег, погребение № 156 (культурная группа Сёрег); 3 – Барца 1 (культура Отомань); 4 – Железовце (культура курганных погребений); 5 – Гановце (культура Отомань); 6 – Новолакедемоновка, погребение № 3; 7 – Новоамвросиевка 3/2; 8 – Терны II 4/17; 9 – Беева могила, погребение № 3; 10 – Донецк Текстильщик 4/19;

II – кольцевидно-планочные фигурные пряжки кавказской традиции: 11 – Темрта I 2/7; 12 – Чограй VIII 34/1; 13 – Кевюды I 3/5; 14 – Черноярская 3/10; 15 – Ирганайский 1/1; 16 – Ирганайское поселение; 17 – Гертма III 5/1; 18 – Гертма III 6/3 (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 2. Figsured horn and bronze buckles of the Bronze Age.

I – Hook and plank buckles in European tradition: 1 – Jaroslavice (Únětice culture); 2 – Söreg, burial no. 156 (Söreg cultural group); 3 – Barca 1 (Otomani culture); 4 – Železovce (Tumulus culture); 5 – Gánovce (Otomani culture); 6 – Novolakedemonovka, burial no. 3; 7 – Novoamvrosievka 3/2; 8 – Terny II 4/17; 9 – Beyeva Mogila, burial no. 3; 10 – Donetsk Tekstilshchik 4/19;

II – Ring-plank figued buckles in Caucasian tradition: 11 – Temrta I 2/7; 12 – Chogray VIII 34/1; 13 – Kevyudy I 3/5; 14 – Chernoyarskaya 3/10; 15 – Irganay 1/1; 16 – Irganay settlement; 17 – Gertma III 5/1; 18 – Gertma III 6/3 (source references are given in the text)

выделить целый комплекс карпато-дунайских и центральноевропейских аналогий в среде средневожской абашевской культуры (Мимоход, 2016б. С. 37; Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 43).

Вторая группа фигурных пряжек – это кольцевидно-планочные изделия кавказской традиции, тип Чограй–Кевюды (рис. 2, II) (Андреева, 1986. Рис. 3, 4; Магомедов, 1990. Рис. 1; Калмыков, 2005. Рис. 2, 6; Калмыков, Мимоход, 2005. Рис. 1; Калмыков, Матюхин, 2007. Рис. 2, 4, 5; Ростунов, 2007. Рис. 42, 5–12; Ильюков, Магомедов, 2010. Рис. 1, 2;⁴ Мимоход, 2013. Ил. 57, 1–4). Система крепления здесь несколько иная: глухой конец ремня также крепился к планке, но свободный – захлестывался через кольцо. Как и в случае с днепро-донской бабинской культурой, все поясные детали кавказской традиции сделаны из рога.

⁴ В этой публикации, к сожалению, перепутаны подписанные подписи к рис. 1 и рис. 2.

Основной ареал кольцевидно-планочных пряжек довольно компактен (рис. 1). Он расположен в Восточном Предкавказье, на Северо-Восточном Кавказе и Восточном Закавказье. Следует отметить, что кольцевидно-планочные пряжки представлены двумя вариантами. Собственно фигурные изделия, о которых идет речь в данной работе (рис. 2, II), орнаментированы, им присуща вычурность и обрзанность; их ареал ограничен Восточным Предкавказьем и Северо-Восточным Кавказом. Вторым вариантом – это простые изделия без декора, состоящие из кольца и длинной планки без дополнительных деталей (Мимоход, 2013. Рис. 61, II, 10–15).

Фигурные пряжки кавказской традиции принадлежат трем культурам: лолинской (рис. 2, 11–14), локализуемой в степной зоне Северо-Западного Прикаспия, присулакской (рис. 2, 17, 18) в предгорной и гинчинской (рис. 2, 15, 16) в горной зонах Северо-Восточного Кавказа (рис. 1). Изделия всех

трех культур синхронны. В гинчинско-присулакских древностях поясные детали маркируют поздние стадии их развития, в лолинской культуре они относятся к раннему этапу (*Мимоход*, 2013. С. 244–251). Хронология всех фигурных пряжек кавказской традиции укладывается в XXII–XXI cal. BC.

Механизмы распространения крючковых пряжек европейской (Бабино) и кольцевидно-планочных изделий кавказской (Лола) традиций имеют структурное сходство. В обоих случаях появление планочных поясных изделий в восточноевропейской степи связано с миграционными импульсами из Карпато-Подунавья – Центральной Европы и Восточного Кавказа, приходящихся, соответственно, на период резкой аридизации климата. Именно эти импульсы определили структуру всего посткатакомбного мира, в котором выделяются культуры культурного круга Бабино и культурного круга Лола (*Мимоход*, 2016б; 2018б).

Важно, что датировки крючковых пряжек днепро-донской бабинской культуры и кольцевидно-планочных изделий кавказской традиции совпадают и приходятся на XXII–XXI cal. BC, что синхронно периоду Va1b в Карпато-Дунайском регионе и Центральной Европе, где известны фигурные пряжки-запонки. Благодаря этому высока роль фигурных пряжек в определении времени и направленности культурно-генетических процессов, особенно в степной зоне Восточной Европы и на Кавказе. Культурное и хронологическое значения этой категории изделий неоднократно отмечены исследователями, которые рассматривали вопросы типологии, функционального назначения, крепления пряжек к ремню, их изготовления и использования (*Hájek*, 1959; *Гершкович*, 1982. С. 136; *Василенко*, 1999; *Братченко*, 1995. С. 13–14; *Кульбака, Качур*, 2000. С. 38, рис. 9, 7; *Литвиненко*, 2004. С. 264–265; *Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 221–223; *Усачук*, 2007; *Ильюков, Магомедов*, 2010. С. 51–52; *Мимоход*, 2013. С. 104–124; *Ильюков*, 2014; 2016).

Отдельное направление исследований – **семантика пряжек**. Изящные и детализированные изделия, нередко покрытые декором, всегда вызвали интерес с точки зрения идентификации образа, который они передают. Еще в начале прошлого века В. А. Городцов отметил черты антропомор-

физма на бабинской пряжке из Камышеваха 5/1⁵ (*Городцов*, 1907. С. 357). Как зооморфную оценивал форму фигурных пряжек европейской традиции Я. П. Гершкович (1979. С. 59; 1986. С. 45). В частности, на примере роговой пряжки из г. Донецк Текстильщик 4/19 (рис. 2, 10) он предположил, что изделия «передают схематическое изображение головы быка: косые прорезы по бокам в верхней части могут быть поняты как рога, а пара симметрично расположенных отверстий на щитке – глаза этого животного» (*Гершкович*, 1986. С. 136). Однако исследователь не дал объяснения, что могут изображать два вверх поднятых отростка в нижней части изделия, которые, как будет показано ниже, являются структурными элементами для правильного распознавания образа. В своей статье Я. П. Гершкович привел мнение В. В. Отрощенко, посчитавшего, что пряжки передают антропоморфные изображения (Там же). Позже исследователь высказал его уже в собственной публикации (*Отрощенко*, 2001. С. 88), однако без должных разъяснений: какие черты у изделий антропоморфные, зооморфные, и кто собственно изображен? К зооморфным бабинские пряжки относит О. Г. Вангородская, полагая, что изделия напоминают голову животного без уточнения, какого именно (*Вангородская*, 1987. С. 45).

Пожалуй, наиболее предметно к изучению первичной семантики фигурных пряжек подошла М. В. Андреева. На примере кольцевидно-планочного изделия кавказской традиции из Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12) она предложила рассматривать пряжку как зооантропоморфную фаллическую фигурку (*Андреева*, 1986. С. 232, рис. 3, 4). Это было первое найденное фигурное изделие кавказской традиции и первое – с явно выраженной фаллической деталью. Исследовательница не ограничилась простой констатацией зооантропоморфности образа, но идентифицировала детали: «Голову фигурки венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смодели-

⁵ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем – номер погребения: Камышеваха 5/1 соответствует могильник Камышеваха, курган № 5, погребение № 1; Донецк Текстильщик 4/19 соответствует могильник Донецк Текстильщик, курган № 4, погребение № 19. В тексте слово «могильник», как правило, опускается.

лированы небольшие выступы (руки?, крылья?), в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс» (Там же. С. 233–234). Добавлю, что два отростка в нижней части кольца являются ногами, а выступ между ними фаллосом. С. Н. Братченко поддержал идею М. В. Андреевой о зооантропоморфности чограйского изделия (*Братченко*, 1995. С. 11, 14).

Существует единственная специальная работа, посвященная семантике бабинских фигурных пряжек европейской традиции (*Степанов*, 2008). Ее автор в передаваемом изделиями образе видит изображения рогатых змей, находя аналогии в орнаментальных мотивах трипольской культуры. Данные сходства не имеют никакой структуры, они единичны и умозрительны. М. В. Степанову не удалось показать хоть какие-нибудь звенья, связывающие изображения земледельческих культур энеолита с бабинскими пряжками финала среднего бронзового века. Не вызывает сомнения, что все бабинские крючково-планочные пряжки передают единый образ, соответственно, для восприятия изображения они и должны располагаться одинаково. Однако на рисунках М. В. Степанов помещает их согласно своей интерпретации – то планкой вверх, то вниз (Там же. Рис. 1, 1, 3–5; 5, 8).

Пожалуй, лучше всего противоречивость распознавания образа, который передают пряжки, отразилась в недавней работе В. В. Рогудеева. Рассматривая фигурные поясные детали кавказской традиции, более реалистичные изделия (рис. 2, 12, 13) он трактует как антропо-зооморфные, а стилизованные предметы того же типа (рис. 2, 14, 15) – как зооморфные (*Рогудеев*, 2015. С. 79). Несмотря на то что статья посвящена семантике пряжек всех типов, никаких доводов в пользу подобных интерпретаций в ней не приведено.

Таким образом, предложенные интерпретации образов, которые передают пряжки кавказской и европейской традиций, делятся на две основные группы. Одни исследователи видят в изделиях только зооморфные черты (*Гершкович*, 1979; 1986; *Вангородская*, 1987; *Степанов*, 2008; *Рогудеев*, 2015), другие – зооантропоморфные (*Андреева*, 1986; *Братченко*, 1995; *Василенко*, 1999; *Магомедов*, 1990; *Кульбака*, *Качур*, 2000. С. 38; *Илюков*, *Магомедов*, 2010; *Рогудеев*, 2015). Третья точка зрения,

согласно которой речь идет об антропоморфности передаваемых образов, была кратко изложена мной на примере пряжек кавказской традиции (*Мимоход*, 2013. С. 112, 116; 2018a). Остановлюсь на этом подробнее.

Не вызывает сомнений, что пряжки обеих традиций имеют облик каких-то фигур. Соответственно, для установления их первичной семантики необходимо правильно расположить изделие в пространстве так, как фигура воспринималась в реальности. Следует подчеркнуть, что мы имеем дело с поясными пряжками, а не скульптурой в чистом виде (ср.: *Гершкович*, 1986. С. 140). Когда пряжки носились на ремне, их реальное расположение хорошо устанавливается. Оно является горизонтальным в соответствии с креплением к концам ремня. Только в работах С. Н. Братченко на иллюстрациях поясные детали обеих традиций даны в горизонтальном положении (*Братченко*, 1985. Рис. 123, 11; 1995. Рис. 2, 16, 17; 2006. Рис. 111, 16, 17).⁶ Во всех остальных публикациях изображения пряжек представлены в вертикальной позиции, и это неспроста. Обоснованно или чисто интуитивно исследователи понимали, что образ лучше опознается именно в вертикальном положении. М. В. Андреева, вертикально разместив чограйскую пряжку (рис. 2, 12), справедливо отметила, что «предмет был рассчитан на рассмотрение его спереди и сбоку» (*Андреева*, 1986. С. 234). Восприятие образа этого изделия в вертикальной позиции, равно как и других пряжек кавказской традиции, было настолько очевидно, что С. Н. Братченко, который всегда в своих работах помещал пряжки в горизонтальном положении, предположил, что чограйское изделие могло скреплять ремень именно в вертикальном положении при помощи двух дополнительных параллельных узких ремней (*Братченко*, 1995. С. 14).⁷

⁶ В горизонтальной позиции представлена чограйская пряжка кавказской традиции (рис. 2, 12) и в работе А. И. Василенко (1999. Табл. 1), которая посвящена исключительно креплению изделия к ремню.

⁷ Впрочем, это предположение не соответствует действительности. Обнаружение ряда кольцевидно-планочных пряжек *in situ* недвусмысленно указывает на то, что они скрепляли пояс в горизонтальном положении. Пряжки лежали в районе таза перпендикулярно позвоночнику, непосредственно по линии реконструируемого пояса (*Калмыков*, *Мимоход*, 2005. С. 225; 2013. С. 110).

Таким образом, сложилась несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, на поясе фигурные пряжки носились в горизонтальном положении, в то время как их образ распознается только при вертикальной позиции. Возможно, в этом нет противоречия, если принимать во внимание большую редкость фигурных пряжек, пояса с которыми едва ли использовались в повседневной жизни. Скорее всего, они были признаком статуса и элементом ритуальной практики (см. *Гершкович*, 1986. С. 136; *Андреева*, 1986. С. 234; *Калмыков*, *Мимоход*, 2005. С. 225; *Мимоход*, 2013. С. 111). Остается неизвестно, в каких ритуалах, помимо погребального, использовался пояс с пряжкой. Можно предположить, что в определенных случаях (например, подвешивание на шест или на столб и т. д.) пояс располагался так, что пряжка полностью раскрывала образ, находясь в вертикальном положении. Очевидно, что первичную семантику пряжек можно установить, рассматривая их только в вертикальной позиции.

Расположив изделие вертикально, необходимо установить, где у него находятся верх и низ. На пряжках кавказской традиции (рис. 2, II) хорошо опознаются ноги, а в долинской серии – фаллос (рис. 2, II–14) и глаза (рис. 2, II–13, 15, 17, 18). Во всех публикациях, за редкими исключениями, они расположены правильно с точки зрения распознавания образа.⁸ Несколько сложнее обстоит дело с пряжками европейской традиции (рис. 2, I). Здесь нет ни фаллических деталей, ни четко опознающихся ног. Отсюда в бабинской серии имеется некий разнород в том, как представлены пряжки в публикациях:

⁸ Исключением является работа В. Кульбаки и В. Качура, в которой пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12) дана вверх ногами, а сами ноги интерпретированы как рога (*Кульбака*, *Качур*, 2000. С. 38, рис. 9, 7). При этом само изделие исследователи рассматривают не как элемент ремня, который принадлежал человеку, а как деталь конской упряжи, что противоречит всей сумме имеющихся на данный момент фактов. Еще один вариант интерпретации пряжки (рис. 2, 13), когда два дуговидных выступа в нижней части кольца рассматриваются как рога, принадлежит А. Р. Канторовичу. Об этой устной гипотезе было упомянуто в работе А. А. Калмыкова и А. Д. Матюхина. По мнению А. Р. Канторовича, «при размещении пряжки в горизонтальном положении роговидными выступами вперед в ней угадывается изображение лежащего быка» (*Калмыков*, *Матюхин*, 2007. С. 82). Однако в таком случае объяснение находят только эти выступы, но без всех остальных деталей (центральный выступ в нижней части кольца, треугольные выступы и «глаза» на планке).

часть из них помещена планкой вниз и щитком вверх (*Гершкович*, 1986. Рис. 2–5; *Березанская*, 1986. Рис. 8, 4; *Привалова*, *Привалов*, 1988. Рис. 9, 2; *Кульбака*, *Качур*, 2000. Рис. 9, 2; *Литвиненко*, 1996а. Рис. 1, 9; 1996б. Рис. 1, 3, 4, 6; *Клименко*, 1998. Рис. 26, 9; *Ильюков*, 2016. Рис. 1), а часть – наоборот (*Латынин*, 1967. Рис. 26; *Ковалева и др.*, 1987. Рис. 6, 12; *Полидович*, 1993. Рис. 52, 2; *Циміданов и др.*, 2013. Рис. 1, 4; 2013. Ил. 61, 5–9; *Ильюков*, 2014. Рис. 1, 2). Такая же ситуация характерна и для изделий из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, где пряжки помещены то планкой вверх (*Bóna*, 1975. Taf. 127, 3, 7; *Müller-Karpe*, 1974. Taf. 520, 9; *Machnik*, 1978. Tabl. IV, 11, 12; 1991. Fig. 7, 29; 21, 14; *Paulik*, 1980. Abb. 87; *Hänsel*, *Medović*, 1994. Abb. 6, 2), то вниз (*Prox*, 1941. Taf. XXXIII, 1, 2; *Hájek*, 1959; *Hänsel*, 1968. Taf. 2, 30; 12, 9, 12; 50, 2; *Machnik*, 1978. Tabl. XXIV, 5, XXV, 34; 1991. Fig. 7, 20). Изредка они подаются в горизонтальном положении (*Müller-Karpe*, 1980. Taf. 293, F. 1–3, 295, F. 10, 11; *Hafner*, 1998. Abb. 6, 38).

В правильном (с точки зрения передачи образа) расположении пряжек европейской традиции ключевыми являются «глаза» – это нефункциональные отверстия или соответствующий узор на щитке (рис. 2, 4, 9, 10, 11, 13). При таком «прочтении» щиток является стилизованной головой, и, соответственно, для передачи образа пряжки европейской традиции должны располагаться планкой вниз, а щитком вверх (рис. 2, I).

Таким образом, разделение пряжек на европейскую и кавказскую традиции правомерно не только с точки зрения системы крепления ремня, но и передаваемого образа. При правильном расположении пряжек кавказской традиции планка, за которую крепится глухой конец ремня, будет находиться сверху (рис. 2, II), а у изделий европейской традиции, наоборот, – внизу (рис. 2, I).

Распознавание образов, которые передают фигурные пряжки, лучше начать с *изделий кавказской традиции*, имеющих ряд хорошо опознаваемых деталей. В первую очередь, это глаза: их роль играли либо функциональные отверстия для крепления глухого конца ремня (рис. 2, II, 15, 17, 18), либо чисто декоративные округлые углубления, вырезанные на планке (рис. 2, 12, 13). Следует отметить немаловажную деталь, отличающую

лолинскую серию от гинчинско-присулакской, – это четко оформленный центральный выступ в нижней части кольца (рис. 2, 11–14). Расположение его между двумя отростками, которые уверенно можно интерпретировать как ноги на кевюдской и чограйской пряжках (рис. 2, 12, 13), позволяет рассматривать эту деталь как фаллос. Причем на изделии из Темрты он имеет характерную фигурную форму (рис. 2, 11). Эта деталь в семантическом отношении настолько важна, что она сохраняется даже на самой стилизованной пряжке из Черноярской (рис. 2, 14). Из гинчинско-присулакской серии полностью сохранились два изделия (рис. 2, 15, 17), лишенные фаллической детали.

Особый интерес с точки зрения семантики вызывают треугольные (или заovalенные) выступы на планке, направленные вершинами к кольцу. Они присутствуют на всех предметах (рис. 2, 12–17), кроме пряжек из Темрта I 2/7 и Гертма III 6/3 (рис. 2, 11, 18). На примере чограйской пряжки (рис. 2, 12) на их значение обратила внимание только М. В. Андреева, но она так и не определилась, крылья это или руки (Андреева, 1986. С. 233–234). Исходя из уже опознанных деталей на пряжках кавказской традиции, логично предположить, что выступами обозначены именно руки. Однако они имеют странную треугольную форму, в то время как ноги показаны обычными отростками или выступами.

Объяснение может быть найдено, если предположить, что «крыловидная» форма этих деталей появилась из-за того, что на пряжках стилизованно изображена поза адорации, то есть руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы – это сильно согнутые в локтевых суставах руки (рис. 3, 1). Убедительные аналогии подобной «крыловидности» рук имеются в иконографическом изображении адорантов Ближнего Востока (рис. 3, II, 9–15 – Frankfort, 1935. Fig. 63–73; 1936. Fig. 30; 1939. Pl. 1, 5, 7–12; Koşay, 1951. Pl. CXCIV; Al-Gailani, 1972. Pl. XXII–XXIII; Lloyd, 1978. Fig. 101; 102; Joukowsky, 1986. Fig. 243a; Gods and Goddesses, 1992. Fig. 98; 99; Moorey, 2003. Pl. 7, 10–12; Rice, 2004. Fig. 4.5, a; и др.). В качестве весомого доказательства предложенной интерпретации приведу две каменные фигурки идолов типа Килия, представляющие собой изображения адорантов из позднеэнеоли-

тического слоя преисторического Афродизиаза в Анатолии (Joukowsky, 1986. Fig. 197; 198; 207; 208). Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки, и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у пряжек кавказской традиции. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из фигурок руки показаны в виде треугольных выступов (рис. 3, 13 – Ibid. Fig. 197; 207), как и в наших случаях (рис. 3, 2–7), а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди (рис. 3, 14), что отметила и автор публикации (Ibid. P. 206, fig. 198; 208).

Аналогичные детали имеются и на фигурке из храма Сина городища Хафаджа в Месопотамии, которая датируется второй половиной III тыс. до н. э. Здесь согнутые в локтях руки также показаны только линиями (рис. 3, 12⁹ – Frankfort, 1936. Fig. 30, 302). Иконография рук на этой статуэтке чрезвычайно близка пряжкам кавказской традиции.

Характерный для лолинской культуры адоративный обряд погребения, впервые как системное явление распространившийся в степи после майкопской культуры, – еще одно подтверждение, что в случае с посткатакомбными предкавказскими пряжками мы имеем дело со стилизованными изображениями мужчин-адорантов. Такой же обряд был характерен и для гинчинско-присулакских древностей.

Из этого ряда как будто выбивается пряжка из Темрта I 2/7 (рис. 3, 1), не имеющая характерных треугольных выступов. В этом случае скорее нефункциональные парные дугообразные прорезы в теле пряжки должны быть синонимичны треугольным выступам. Мастер, вырезавший темртинскую пряжку, просто избрал иной прием для того, чтобы показать адоративную позицию фигурки. Парные дугообразные прорезы в нижней части планки (рис. 3, 1) рельефно и более реалистично показывают руки (компакта рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные

⁹ Деталь на голове этой фигурки семантического значения не имеет, так как изделие является подвеской, а выступ – петелькой для подвешивания.

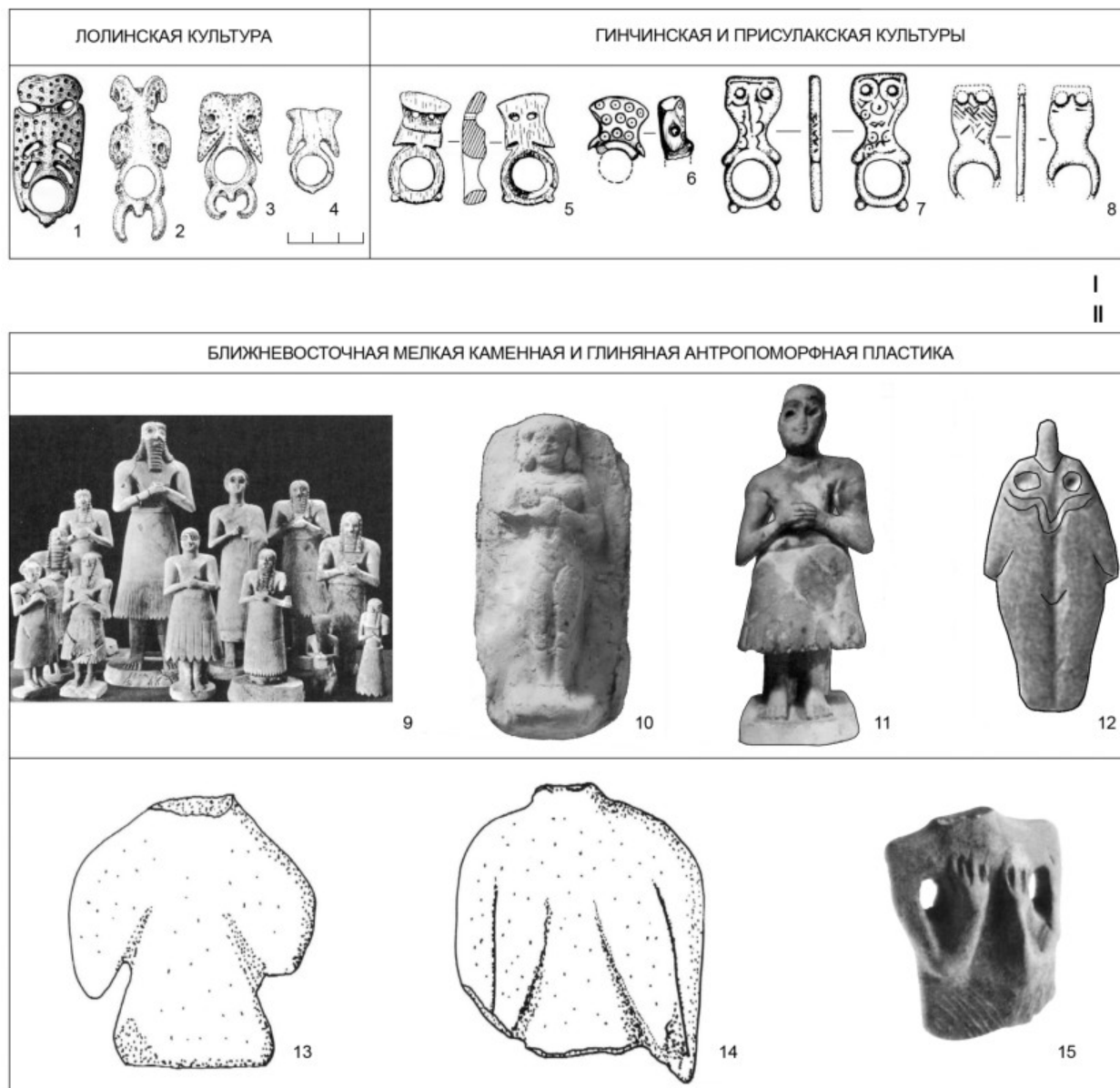

Рис. 3. Фигурные роговые пряжки кавказской традиции и ближневосточная мелкая пластика.

I – кольцевидно-планочные фигурные пряжки кавказской традиции: 1 – Темрта I 2/7; 2 – Чограй VIII 34/1; 3 – Кевюды I 3/5; 4 – Чернораяская 3/10; 5 – Ирганайский 1/1; 6 – Ирганайское поселение; 7 – Гертма III 5/1; 8 – Гертма III 6/3;

II – ближневосточная мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика: 9 – Тель Асмар, квадратный храм (Месопотамия, второй раннединастический период, 2600–2500 BC); 10 – терракота старовавилонского периода (Месопотамия, 1900–1750 BC); 11 – бассейн р. Дияла, третий раннединастический период (Месопотамия, 2500–2315 BC); 12 – Хафаджа (Месопотамия, третий раннединастический период, 2500–2315 BC); 13, 14 – идолы типа Килия (Анатолия, позднеэнеолитический слой Афродизиаза); 15 – Асаги Пинар (Анатолия, халколит) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 3. Figured horn buckles in Caucasian tradition and Near East small plastic art.

I – Ring-plank figured buckles in Caucasian tradition: 1 – Temrta I 2/7; 2 – Chogray VIII 34/1; 3 – Kevyudy I 3/5; 4 – Chernoyarskaya 3/10; 5 – Irganay 1/1; 6 – Irganay settlement; 7 – Gertma III 5/1; 8 – Gertma III 6/3;

II – Near East stone and clay anthropomorphic plastic art: 9 – Tell Asmar, square temple (Mesopotamia, second Early Dynastic period, 2600–2500 BC); 10 – terracotta of the Old Babylonian period (Mesopotamia, 1900–1750 BC); 11 – basin of the Diyala River, third Early Dynastic period (Mesopotamia, 2500–2315 BC); 12 – Khafajah (Mesopotamia, third Early Dynastic period, 2500–2315 BC); 13, 14 – Kiliya-type idols (Anatolia, Late Eneolithic layer at Aphrodisias); 15 – Aşağı Pınar (Anatolia, Chalcolithic) (source references are given in the text)

кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры известна на Ближнем Востоке и на Балканах с энеолита (рис. 3, 15 – *Lloyd*, 1978. Fig. 45; *Gods and Goddesses*, 1992. Fig. 83, 92; *Kadinlary*, 2006. Fig. 21).¹⁰

Таким образом, роговые пряжки кавказской традиции (рис. 3, 1) представляют собой антропоморфные фигурки с согнутыми в локтях руками, кисти которых находятся на груди, – фигурки-адоранты.

Особый интерес вызывает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 4, 1). Здесь кроме глаз, рук¹¹ и фаллоса показан собственно сам пояс по обеим сторонам кольца и дополнительная деталь сверху головы, фактически аналогичная расположенным ниже глазам. Эту последнюю М. В. Андреева назвала «полукруглыми рогами» (*Андреева*, 1986.

С. 234). Такая интерпретация элемента привела исследовательницу к мнению об зооантропоморфности пряжки, как и остальных исследователей, считавших, что в фигурке сочетаются черты человека и животного. Обратим внимание, что по форме и размерам округлых вырезоз (собственно глаз) и точечной орнаментации вокруг них «рога» очень близки находящейся ниже голове с глазами. Ключ к пониманию значения этой детали можно найти среди мелкой пластики Ближнего Востока.

С позднего халколита на Ближнем Востоке распространяются культы глазастых идолов (*eye-idols*) (*Mallowan*, 1947. P. 198–200; *Buren*, 1950; 1955). В этих статуэтках нет деталей тела (рук, ног и т. д.), но выражены глаза и иногда головные уборы (рис. 4, 2–7). Много таких статуэток, по размерам вполне

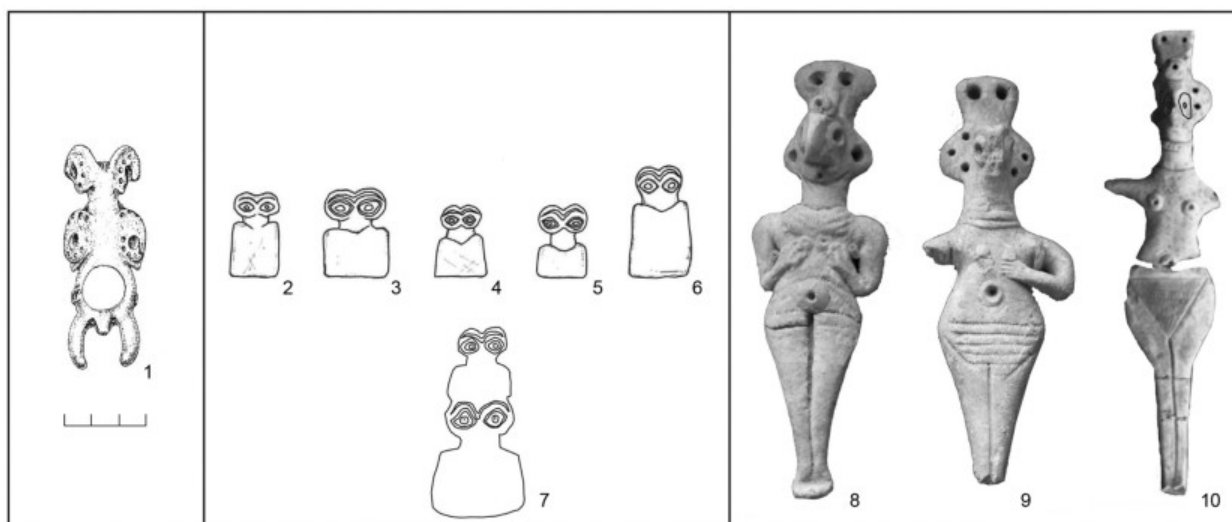

Рис. 4. Чограйская роговая пряжка и скульптуры глазастых идолов (*eye-idols*) из Месопотамии и Сирии: 1 – роговая пряжка из Чограй VIII 34/1; 2–7 – алебастровые глазастые идолы (*eye-idols*) из теля Брак (XXX в. до н. э., Урук III–Джемдет-Наср); 8, 9 – терракотовые статуэтки глазастых идолов старовавилонского периода (Месопотамия, 1900–1750 BC); 10 – тель Умм эль-Марра (Западная Сирия, средний бронзовый век) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 4. Chogray horn buckle and sculptures of eye idols from Mesopotamia and Syria: 1 – horn buckle from Chogray VIII 34/1; 2–7 – alabaster eye idols from Tell Brak (30th century BC, Uruk III– Jemdet Nasr); 8, 9 – terracotta figurines of eye idols of the Old Babylonian period (Mesopotamia, 1900–1750 BC); 10 – Tell Umm el-Marra (West Syria, Middle Bronze Age) (source references are given in the text)

¹⁰ У пряжки из комплекса Гертма III 6/3 (рис. 3, 8) руки в морфологии пряжки вообще не показаны. Возможно, они намечены нарезными линиями в нижней части планки. Некоторые из этих штрихов с определенной долей вероятности можно интерпретировать как адоративную позицию рук.

¹¹ На примере этой пряжки обращает внимание важность треугольных выступов на планке (руки) с точки зрения иконографии образа. Здесь они очень мелкие, но мастер их четко обозначил и отделил от головы с глазами, тем самым показав этот отдельный смысловой элемент изделия.

сопоставимых с пряжками, происходит из теля Брак периода Урук III–Джемдет-Наср (*Mallowan*, 1947. Pl. XXVI, LI; *Oates*, 2005. P. 15, fig. 10). Известны они и на других памятниках, в частности на Тепе Гавра и позднее – на теле Хазна (*Speiser*, 1935. Pl. XLIV, c; *Tobler*, 1950. Pl. XII, b; LXXXVI, a; CLVI, 60, 61; CLVII, 62–67; *Мунчаев, Амиров*, 2016. С. 316, табл. 11, 848). Среди этих статуэток для интерпретации

чограйской пряжки интерес представляют алебастровые фигурки теля Брак, тип 3 (eye-idols: type 3 – multiple idols) по типологии М. Маллоуэна. Это статуэтки, которые имеют не пару глаз, а две или даже три пары глаз (*Mallowan, 1947. P. 198*). Причем в ряде случаев они располагаются в вертикальной позиции друг над другом (рис. 4, 7), как на поясной детали из Чограй (рис. 4, 1). Интерпретация подобных изделий с двумя парами глаз связана с семейными (муж и жена) или близнечными культами (*Mallowan, 1947. P. 198; Buren, 1950. P. 141*). Известны идола-адоранты с четырьмя глазами и в более позднее время, в частности, в Месопотамии старовавилонского периода и в материалах теля Умм эль-Марра этого же времени в Западной Сирии (рис. 4, 8–10¹² – *Schwartz et al., 2012. Fig. 22*). В любом случае, исходя из ближневосточных соответствий и их интерпретаций, можно констатировать, что ничего зооморфного в пряжке из комплекса Чограй VIII 34/1 нет. Образы, которые передают фигурные поясные детали кавказской традиции, являются полностью антропоморфными.

Для кольцевидно-планочных изделий следует обратить внимание на некоторые факты, вносящие смысловую градацию в пряжки кавказской традиции. Речь идет о различиях между лолинскими (рис. 3, 1–4) и гинчинско-присулакскими (рис. 3, 5–8) поясными деталями. В морфологическом отношении заметен более детализированный вид изделий лолинской культуры. Они выглядят более объемными по сравнению с северокавказскими изделиями, которые в основном имеют плоскую форму. Л. С. Ильюков и Р. Г. Магомедов называют их «пластинчатыми» (*Ильюков, Магомедов, 2010. С. 48*). Эффект объемности у лолинских предметов из Чограй и Кевюды достигается за счет их толщины, а у пряжки из Темрта – благодаря довольно изогнутой в сечении форме.

У гинчинских и присулакских пряжек все морфологические декоративные детали, несущие исключительно семантическую нагрузку, являются более стилизованными. У них нет таких выраженных дугообразных выступов (ног), как у лолинских экземпляров из Чограй VIII 34/1 и Кевюды I 3/5 (рис. 3, 2, 3). На гинчинских пряжках эти детали

едва намечены небольшими округлыми выступами (рис. 3, 5, 7). Редуцированными выглядят треугольные выступы (руки) при переходе кольца в планку (рис. 3, 5–7). На одной присулакской пряжке они отсутствуют вовсе (рис. 3, 8).¹³ Нет у изделий Северо-Восточного Кавказа характерных округлых деталей в верхней части, как у кевюдской и чограйской пряжек, и удлиненных декоративных вырезков на планке, как у экземпляра из Темрта. У лолинских изделий всегда декорирована только внешняя сторона (рис. 3, 1–3), рассчитанная на восприятие. Присулакские пряжки орнаментированы с обеих сторон (рис. 3, 7, 8), и в этом отношении они ближе к статуарным образам, особенно это касается экземпляра из комплекса Гертма III 5/1 (рис. 3, 7). Отличается и техника нанесения декора. Лолинские экземпляры украшены только точечным узором (рис. 3, 1–3), на гинчинско-присулакских изделиях чаще встречается циркульный орнамент, косые насечки, перевернутые углы и вертикальная волна (рис. 3, 6–8).

Вернемся к вышеупомянутому морфологическому различию пряжек, которое может иметь и семантическое значение. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ-фаллос в центре нижней части кольца (рис. 3, 1–4), который сохраняется даже на самом стилизованном предмете этой группы (рис. 3, 4). Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (рис. 3, 5, 7), но ни одна не имеет этой детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Здесь заманчиво предположить, что гинчинско-присулакские пряжки также передают антропоморфный образ (у них присутствует ряд характерных деталей), но женский.

Подтверждение подобной трактовке дает пряжка из Гертма III 5/1 (рис. 5, 1), на которой, благодаря орнаментации, хорошо опознаются передняя и задняя стороны. На лицевой части четко видны глаза, нос, рот, ниже расположены три окружности, выполненные циркульным орнаментом, и перевернутый угол. На обратной стороне нанесены две вертикальные параллельные волны. Это антропоморфная адоративная фигурка, а отсутствие у нее фаллоса помогает

¹² Фото (рис. 4, 8, 9; 7, 18) сделаны мною в археологическом музее Алларда Пирсона в Амстердаме.

¹³ Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу того, что эти элементы не несли функциональной нагрузки ни у гинчинских, ни у лолинских пряжек.

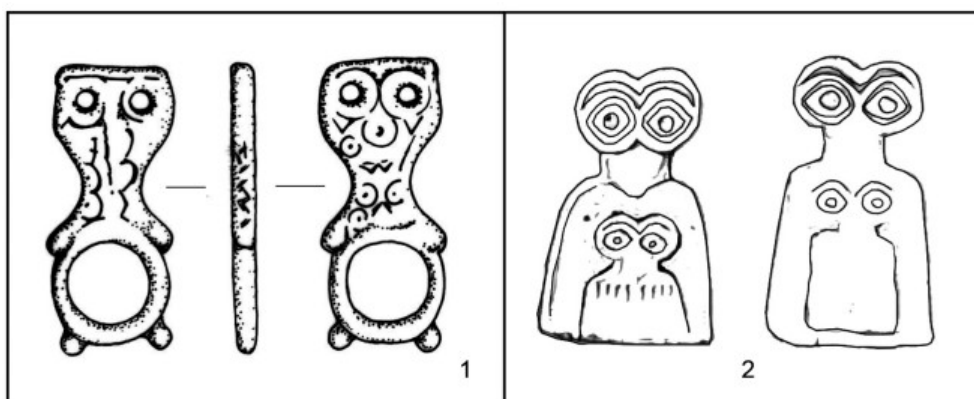

Рис. 5. Роговая пряжка из Гертма III 5/1 (1) присулакской культуры (Северо-Восточный Кавказ, XXII–XXI вв. до н. э.) и изображения беременных богинь из теля Брак (2) (Урук III–Джемдет-Наср, XXX в. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 5. Horn buckle from Gertma III 5/1 (1) Sulak culture (North-Eastern Caucasus, 22nd–21st century BC) and representations of pregnant goddesses from Tell Brak (2) (Uruk III – Jemdet Nasr, 30th century BC) (source references are given in the text)

определить половую принадлежность. Ключевыми в этом отношении могут оказаться окружности и перевернутый угол, расположенные ниже головы; когда я впервые анализировал иконографию этого предмета, мне было сложно понять их значение (Мимоход, 2013. С. 116). Сейчас следует отметить, что в этой (нижней) части композиции присутствуют те же элементы, которые есть на лице фигурки: окружности, выполненные в циркульной технике, и угол. Расположение угла между двумя окружностями создает впечатление некой антропоморфности (личина), и здесь вторая личина расположена внутри тела человека (рис. 5, 1), а не над головой (рис. 4, 1). Найти возможное объяснение помогают алебастровые статуэтки глазастых идолов из теля Брак. М. Маллоуэн выделяет среди них тип 4 (mother and child idols), когда маленький идол (детский) заключен в теле материнского идола (рис. 5, 2). Эти статуэтки, бесспорно, трактуются как изображения беременных женщин (Mallowan, 1947. P. 199). В таком ключе можно рассматривать и гертминскую фигурку-пряжку (рис. 5, 1). Отсутствие фаллоса, вторая личина в теле фигурки (беременность) позволяют видеть в гинчинско-присулакских пряжках, по крайней мере в изделиях из комплексов Ирганайский 1/1 и Гертма III 5/1 (рис. 3, 5, 7), изображения женщин-адорантов. Это подтверждает и вертикальная волна на задней стороне гертминской поясной детали (рис. 5, 1). В свете вышесказанного весьма вероятно, что здесь показана прическа в виде косы.

Интересны антропологические данные погребений, в которых обнаружены пряжки кавказской традиции. Все изделия типа Чограй–Кевюды лолинской культуры (рис. 3, 1–4), изображающие мужчин-адорантов, обнаружены исключительно в захоронениях мужчин старше 30 лет, где скелеты лежали в позе адорации. Производные от пряжек типа Чограй–Кевюды более поздние модификации без признаков антропоморфизма изделия типа Ипатово–Типки тоже найдены только в погребениях взрослых мужчин (Калмыков, Мимоход, 2005. С. 225, рис. 14, 4–5; Мимоход, 2013. С. 111, ил. 60, 5–8).

Ситуация с фигурными поясными деталями гинчинско-присулакских древностей, которые, возможно, изображали женщин-адорантов, выглядит принципиально иной. О том, кому принадлежала пряжка из комплекса Ирганай 1/1 (рис. 3, 5), судить сложно. Оно было ограблено, в склепе обнаружены кости двух взрослых индивидов и ребенка без анатомического порядка (Магомедов, 1990. С. 41). В комплексе Гертма III 5/1 пряжка (рис. 3, 7) находилась в захоронении подростка 10–12 лет, а в Гертма III 6/3 поясная деталь (рис. 3, 8) сопровождала ребенка 4–6 лет (Илюков, Магомедов, 2010. С. 47, 48). В могильнике Ханлар (Азербайджан) кольцевидно-узкопланочная пряжка, утратившая следы антропоморфизма, найдена в женском погребении (Гуммель, 1940. С. 70, фиг. 30, 15). Иными словами, в предкавказской степной лолинской культуре фаллические адоративные фигурки

обнаружены исключительно в захоронениях мужчин среднего и преклонного возраста, в то время как на Кавказе они встречаются в детских и женском захоронениях. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует о том, что гинчинско-присулакские пряжки могли изображать женщин, по крайней мере изделия, сохранившие полную форму.

В заключение характеристики образов, которые передают роговые фигурные поясные детали кавказской традиции, стоит напомнить, что в поясных изделиях кавказской традиции свободный конец ремня крепился к пряжке путем захлестывания через кольцо (рис. 2, II). Имеет ли такая особенность крепления пояса определенную семантическую нагрузку, помогает понять ближневосточная мелкая пластика. Важным связующим звеном выступает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12), на которой вокруг кольцевого отверстия показан пояс (Андреева, 1986. С. 234). Его расположение по отношению ко всем остальным антропоморфным элементам фигурки показывает, что при использовании ремень на теле человека находился в районе пояса или пупка. В ближневосточной мифологической традиции образ пупа, как связанный с материнскими и другими культами,¹⁴ имеет большое значение. Пупок нередко изображался на разного рода скульптурах, в том числе и на предметах мелкой пластики (рис. 4, 8–10; 6 – *Frankfort*, 1935. Fig. 73; *Pendlebury*, 1963. Pl. XII, 2; *Yakar*, 1985. Fig. XIII, 34; XIV, 5, 19; *Gods and Goddesses*, 1992. Fig. 84; 92; 93). Значение его было настолько велико, что в некоторых случаях это был единственный элемент, который показывался на теле, увенчанном вполне реалистичной головой (рис. 6, 1, 4). Нередко пуп представлял собой сквозное отверстие на мелких скульптурах, в том числе и адоративных (рис. 4, 8, 9; 6, 3–5).

Принимая во внимание, что фактически все антропоморфные элементы поясных деталей кавказской традиции находят структурные соответствия в ближневосточной и восточномедитерранской мелкой пластике, логично предположить, что при реализации ее стандартов на пряжке именно пуп трансформировался в кольцо, сохранив при этом

свое семантическое значение.¹⁵ Структурная аналогия такой трансформации будет показана ниже на примере пряжек европейской традиции.

Таким образом, роговые фигурные пряжки кавказской традиции (рис. 3, 1) являются полностью антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки, ноги и пуп. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой долинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок.

Обратимся к *пряжкам европейской традиции*. Учитывая, что в правильном их расположении главную роль играют элементы, не несущие функциональной нагрузки и интерпретирующиеся как глаза, то эта часть фигурки вместе с округлым щитком опознается как голова (рис. 7, I, 4, 10, 11, 13),¹⁶ если щиток находится сверху (рис. 7, I). У большинства изделий в такой позиции ниже щитка (головы) имеются подтреугольные выступы (рис. 7, I, 1–4, 6–10, 12), которые, как и похожие выступы на пряжках кавказской традиции, не несут функциональной нагрузки с точки зрения крепления ремня. По аналогии с кавказскими поясными деталями эти выступы на изделиях европейской традиции можно интерпретировать как руки. Однако их расположение на пряжках разное. Здесь выступы направлены вверх, соответственно, их можно интерпретировать как сильно стилизованные поднятые и разведенные в стороны руки – «поза оранта». Последняя хорошо представлена на мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Среди-

¹⁵ Стоит обратить внимание на очевидные сходства чограйской пряжки (рис. 4, 1) с мелкой терракотой старовавилонского периода. У всех изделий показаны ноги, руки в позе адорации, голова с четырьмя глазами и пупок. Только в Месопотамии с ее развитыми земледельческим культами – это женские фигурки, а в скотоводческой долинской культуре – мужская.

¹⁶ У некоторых экземпляров западного ареала эта морфологическая и семантическая деталь очень маленькая, а планка, наоборот, большая (рис. 7, 3, 5).

¹⁴ Ср., например, расхожее «пуп земли» и его значение в различных космологических системах.

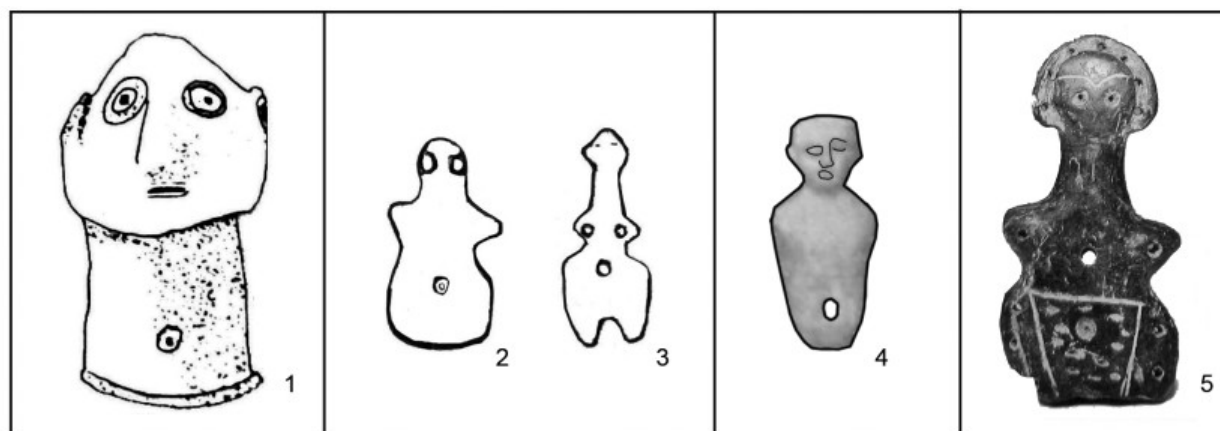

Рис. 6. Ближневосточная и средиземноморская мелкая каменная и глиняная пластика – антропоморфные статуэтки с изображением пупка: 1 – Кюль-Тепе (Анатолия, ранний бронзовый век III, 2300 BC); 2, 3 – Алишар-Хююк (Анатолия, ранний бронзовый век III, 2300 BC); 4 – Крит, раннеминойский период III (2300–2160 BC); 5 – Караоглан (Анатолия, III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 6. Near East and Mediterranean stone and clay small plastic art – anthropomorphic statuettes with representation of an omphalos: 1 – Kültepe (Anatolia, Early Bronze Age III, 2300 BC); 2, 3 – Alishar-Hüyük (Anatolia, Early Bronze Age III, 2300 BC); 4 – Crete, Early Minoan period III (2300–2160 BC); 5 – Karaoglan (Anatolia, 3rd millennium BC) (source references are given in the text)

земноморья (рис. 7, II, 14–19 – Schmidt E., 1932. P. 2506; Frankfort, 1935. Fig. 28; Bossert, 1937. Abb. 83; 86; Андреев, 2002. Рис. 126; Potts, 2004. Fig. 5.5; Prent, 2005. P. 181–184, tabl. 6; Kadinlary, 2006. Pic. 29, M 11, M 12, tabl. 1; и др.).

Казалось бы, при такой интерпретации вопросы может вызвать сложно стилизованная пряжка бабинской серии из комплекса Донецк Текстильщик 4/19 (рис. 2, 10). Благодаря специальным прорезям у нее верхняя часть щитка в области глаз оформлена в виде своеобразного полумесяца. Именно эта деталь изделия дала основание ряду исследователей рассматривать пряжки европейской традиции как передающие зооморфные образы. В частности, Я. П. Гершкович предлагал рассматривать эту пряжку как изображение головы быка, в котором «косые прорезы по бокам в верхней части могут быть поняты как рога» (Гершкович, 1986. С. 136). При такой интерпретации непонятно, почему они опущены вниз, что противоречит иконографии букраниев. В действительности мастер, вырезавший пряжку из Донецк Текстильщика, придерживался канона изображения головы антропоморфного персонажа, хорошо известного на Ближнем Востоке, при котором предусматривается воспроизведение характерной прически в виде косы, уложенной вокруг головы (Frankfort, 1939. P. 51). При такой стилизации голова

приобретала форму полумесяца, что хорошо прослеживается как в стилизованной (рис. 8, 4 – Koşay, 1951. Pl. CXCIV; Gods and Goddesses, 1992. Fig. 97–99), так и в реалистичной (рис. 8, 5–9) мелкой пластике Ближнего Востока (Frankfort, 1935. Fig. 76; 1939. Pl. 16, 62, 73–76, 79, 82–91; Moorey, 2003. Pl. 12). Таким же образом следует объяснять и характерную форму щитка на пряжке из Железовце (рис. 8, 2). В этом отношении очень показателен циркульный орнамент на щитке роговой поясной детали из погребения 156 Сёрег (рис. 8, 3) одноименной культурной группы. Здесь две нижние окружности опознаются как глаза, которые мастер намеренно поместил в области носа-крючка (см. ниже) и отделил от трех других расположенных в ряд окружностей, которые можно рассматривать как изображение прически (ср. волнистое оформление верхней части щитка-головы). Скорее всего, это стилизованное изображение рельефа косы, уложенной вокруг головы (ср. рис. 8, 5). На примере экземпляров из Донецк Текстильщика, Железовце, Сёрег даже в очень схематичной передаче образа фигурными пряжками европейской традиции можно отыскать соответствующие ключи к его дешифровке.

Важной отличительной чертой пряжек-фигурок европейской традиции является отсутствие в их морфологии элементов, которые можно интерпре-

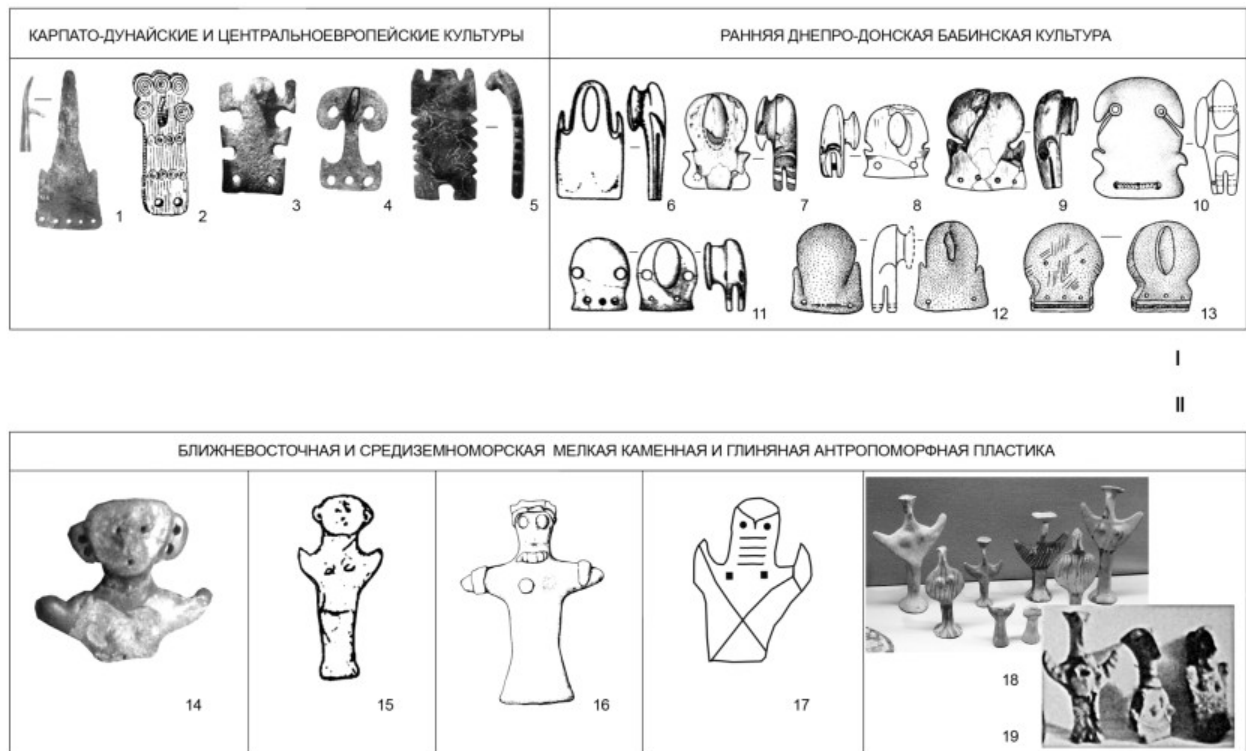

Рис. 7. Фигурные роговые пряжки европейской традиции и ближневосточная и средиземноморская мелкая пластика.

I – крючково-планочные пряжки европейской традиции: 1 – Ярославце; 2 – Сёрег, погребение № 156; 3 – Барца 1; 4 – Железовце; 5 – Гановце; 6 – Новолакедемоновка, погребение № 3; 7 – Новоамвросиевка 3/2; 8 – Терны II 4/17; 9 – Беева могила, погребение № 3; 10 – Донецк Текстильщик 4/19; 11 – Новоалександровка 4/1; 12 – Александровск 4/1; 13 – Камышевахы 5/1;

II – ближневосточная и средиземноморская мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика: 14, 15 – Икиз-Тепе (Анатолия, ранний бронзовый век III, вторая четверть III тыс. до н. э.); 16 – Сузы (Иран, XXII–XX вв. до н. э.); 17 – Троя (Анатолия, ранний бронзовый век II, вторая половина III тыс. до н. э.); 18, 19 – Греция, позднэллиадский период III (XIV–XIII вв. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 7. Figned horn buckles in European tradition and Near East and Mediterranean small plastic art.

I – Hook and plank buckles in European tradition: 1 – Jaroslavice; 2 – Söreg, burial no. 156; 3 – Barca 1; 4 – Železovce; 5 – Gánovce; 6 – Novolakedemonovka, burial no. 3; 7 – Novoamvrosievka 3/2; 8 – Terny II 4/17; 9 – Beyeva Mogila no. 3; 10 – Donetsk Tekstilshchik 4/19; 11 – Novoaleksandrovka 4/1; 12 – Aleksandrovsk 4/1; 13 – Kamyshevakh 5/1;

II – Near East and Mediterranean stone and clay anthropomorphic small plastic art: 14, 15 – Ikiz-Tepe (Anatolia, Early Bronze Age III, second quarter of the 3rd millennium BC); 16 – Susa (Iran, 22nd–20th century BC); 17 – Troy (Anatolia, Early Bronze Age II, second half of the 3rd century BC); 18, 19 – Greece, Late Helladic period III (14th–13th century BC) (source references are given in the text)

тировать как ноги. Исключение здесь составляют два изделия. На пряжке из Сёрег (рис. 2, 2; 8, 3), как и на изделии из комплекса Гертма III 6/3 (рис. 2, 18), руки не показаны, но циркульным орнаментом хорошо обозначена трехчастность стоящей фигурки, соответствующая строению человека: нижняя зона – ноги, средняя – туловище, верхняя – голова. Однако показана только зона ног, но не они сами. Однако на пряжке из Гановце (рис. 7, 5) ноги показаны довольно отчетливо. Впрочем, это единственный известный мне предмет европейской традиции, где этот элемент четко обозначен.

Примечательно, что структурные аналогии иконографии, когда изображаются голова, руки в позе «оранта» и туловище без ног, можно отыскать в статуэтках Ближневосточного региона и сопредельных территорий (рис. 7, II). Эта традиция зарождается еще в энеолите. Серия подобных антропоморфных роговых изделий представлена в мелкой пластике Эзеро (Эзеро, 1979. Обр. 201), а из слоновой кости – в культуре Накада в Египте (Petrie, Quibell, 1896. Pl. XLII, 42, 43), на которых внизу имеются отверстия для крепления. На серии из Эзеро, кроме того, в верхней части изделий

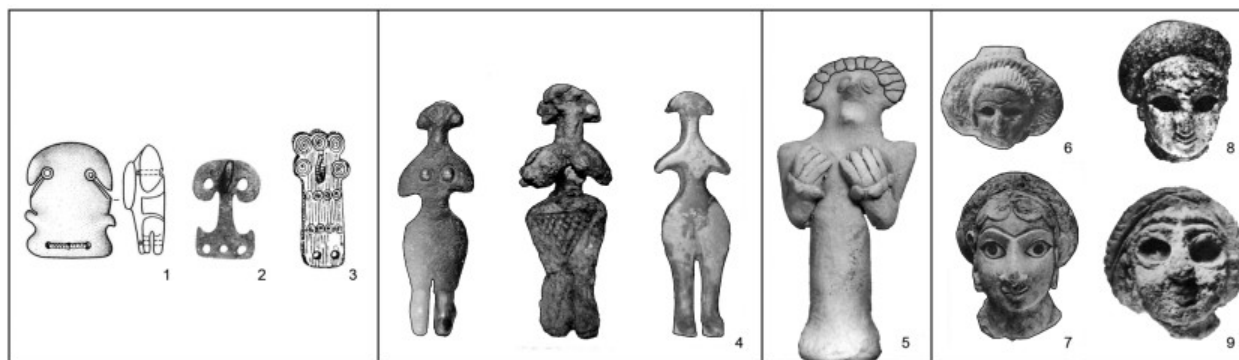

Рис. 8. Пряжки европейской традиции и ближневосточная иконография изображения головы с косой: 1 – Донецк Текстильщик 4/19; 2 – Железовце; 3 – Сёрег, погребение № 156; 4 – Аладжахеюк (Иран, вторая половина III тыс. до н. э.); 5 – Сирия (1700 BC); 6–8 – Хафаджа, храм Сина (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.); 9 – тель Асмар (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 8. Buckles in European tradition and Near East iconography of representation of a head with a plait: 1 – Donetsk Tekstilshchik 4/19; 2 – Železovce; 3 – Söreg, burial no. 156; 4 – Alacahöyük (Iran, second half of the 3rd millennium BC); 5 – Syria (1700 BC); 6–8 – Khafajah, temple of Sin (Mesopotamia, first half of the 3rd millennium BC); 9 – Tell Asmar (Mesopotamia, first half of the 3rd millennium BC) (source references are given in the text)

присутствуют крючковидные выступы, что позволяет эти изделия относить к самым ранним антропоморфным пряжкам-орантам.

Важно отметить, что и для поясных изделий европейской традиции прослеживается трансформация анатомической детали с сохранением семантического значения. Однако в этом случае речь идет не о пупке (см. выше). На пряжках европейской традиции существенное значение имеет расположение крючково- или запонковидного выступа на некоторых изделиях на щитке между глазами (рис. 7, 2, 4, 10, 11), что соответствует расположению носа на лице человека. В мелкой ближневосточной и восточносредиземноморской пластике такая деталь как нос была не менее значимой, чем, например, пуп. Начиная с халколита, на Ближнем Востоке появляются антропоморфные фигурки, у которых из всех анатомических деталей показаны только тело с головой и носом. Серия такого рода каменных статуэток типа «Норшунтепе» происходит из 8–6-го слоев периода III раннего бронзового века одноименного теля (рис. 9, 1–3 – Schmidt K., 2002. Taf. 75, 1208–1211, 1223–1228). Известны они и в древностях фазы I в Антиохии, которая в хронологическом отношении непосредственно предшествует периодам BгA1–A2 в Центральной Европе и посткатакомбному периоду в восточно-европейской степи и лесостепи (рис. 9, 4 – Braidwood R., Braidwood L., 1960. P. 420, 520–521,

fig. 323, 3). Фигурки с хорошо выделенными носами встречаются и позже, причем нередко в сочетании с позой «оранта» (рис. 7, 18, 19). Обращает внимание распространение в Восточном Средиземноморье в III тыс. до н. э. мелких мраморных фигурок в виде антропоморфных голов, на которых из черт лица показан только нос (рис. 9, 5, 6 – Renfrew, 2007. Fig. 7.1, 7.2). По размерам они вполне сопоставимы с пряжками европейской традиции. На фигурке из Агиоса Онуфриоса (Крит) ниже головы имеются два отверстия, вероятно, для крепления (рис. 9, 7 – Karantzali, 1996. Fig. 141, MN 91). Это, без сомнения, антропоморфное изделие по структуре очень напоминает бабинские фигурные пряжки.

Приведенные аналогии позволяют заключить, что такой важный для мелкой пластики Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья элемент как нос на пряжках европейской традиции трансформировался в крючок или запонку для крепления свободного конца ремня. Причем этот уже функциональный элемент поясной детали продолжает сохранять свое семантическое значение в передаваемом антропоморфном образе.

Таким образом, пряжки европейской традиции (рис. 7, 1), так же как и кавказские предметы, являются полностью антропоморфными изделиями. Они представляют собой сильно стилизованные изображения людей/богов (голова – щиток с глазами и носом, туловище и руки – планка) с поднятыми

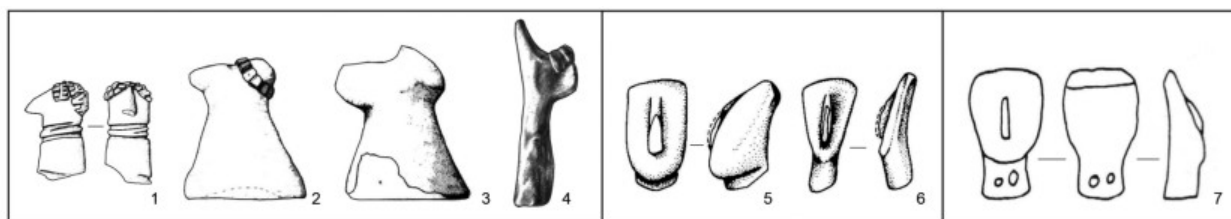

Рис. 9. Статуэтки носатых антропоморфных идолов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья: 1–3 – Норшунтепе (период IIIС, ранний бронзовый век); 4 – Антиохия (фаза I, XXV–XXIV вв. до н. э.); 5, 6 – Даскалио Кавос, о. Керос (культура Керос-Сирос, второй раннециклядский период, середина III тыс. до н. э.); 7 – Агиос Онуфриос, о. Крит (второй раннеминойский период, середина III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 9. Figurines of big-nosed anthropomorphic idols from Near East and Mediterranean: 1–3 – Norşuntepe (period IIIС, Early Bronze Age); 4 – Antioch (phase I, 25th–24th century BC); 5, 6 – Daskalio Kavos, Keros island (Keros-Siros culture, second Early Cycladic period, mid. 3rd millennium BC); 7 – Agios Onoufriios, i. Crete (second Early Minoan period, mid-3rd millennium BC) (source references are given in the text)

вверх руками, которые находятся в так называемой позе оранта. В отличие от пряжек кавказской традиции, европейские экземпляры не имеют деталей, по которым можно было бы идентифицировать половую принадлежность этих антропоморфных фигурок. В этом отношении еще раз следует обратить внимание на предметы из Донецк Текстильщика, Железовце, Сёрега (рис. 8, 1–3), щитки которых являются стилизованными изображениями голов с косой вокруг них. На Ближнем Востоке такая прическа – атрибут исключительно женской иконографии (Frankfort, 1939. P. 50–51). Однако европейские мастера вполне могли и не осознавать этого.

Итак, выделение двух традиций в «пряжечных» культурах Европы и Кавказа обосновывается не только очевидными различиями в системе крепления ремня, но и первичной семантикой поясных деталей. Кавказские и европейские фигурные пряжки передают антропоморфные образы в вертикальном положении: первые изображают стоящих персонажей в позе адорации (руки согнуты в локтях и скрещены на груди), вторые – в позе оранта (руки подняты вверх и разведены в стороны). Кавказские пряжки более реалистичны – у них показаны ноги. Для лолинской серии четко определяется мужской пол. Согласно приведенным данным некоторые изделия гинчинско-присулакских комплексов могут транслировать женский образ. Пряжки европейской традиции менее реалистичны. Они передают только верхнюю часть антропоморфного персонажа: голову, туловище, руки.

Изучение семантики артефактов, к тому же довольно стилизованных, всегда будет вызывать

дискуссию: будет недоставать каких-то деталей, некоторые из них останутся неопознанными, другие могут не вписываться в систему предложенных аргументов. Например, не понятно значение дополнительных выступов, расположенных посередине планки ниже головы и рук, согнутых в позе «оранта» на пряжке из Барца 1 (рис. 7, 3).¹⁷ Не на всех пряжках показаны глаза и руки, в частности, на образце из Чернойорская 3/10 (рис. 2, 14) нет глаз, головы и ног. Однако те изделия, которые сочетают в себе все антропоморфные признаки, являются ключом к пониманию семантики всех вещей этого типа, даже стилизованных. Так, при сравнении чернойорской пряжки (рис. 2, 14) с изделиями из Кевюды I 3/5 и Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12, 13) становится понятным, что она передает образ мужчины-адоранта.

Распознать образы, передаваемые пряжками кавказской и европейской традиций, удастся только при сравнении их с ближневосточной и восточносредиземноморской мелкой пластикой. Здесь представлены структурные иконографические аналогии, которые позволяют идентифицировать все антропоморфные детали на рассматриваемых поясных изделиях. По моему мнению, можно отказаться от трактовки образов как неопределенных (зооморфные или зооантропоморфные), которые не дают объяснения всей совокупности функцио-

¹⁷ Форма этих выступов также напоминает «оранту», но почему на изделии две пары рук? Причем это тоже определенный изобразительный канон, потому что такую же ситуацию, только более стилизованную, можно наблюдать, например, на пряжке из Мошорина культуры Ватина (Hänsel, Medović, 1994. Abb. 6, 2).

нальных и нефункциональных элементов пряжек. Только интерпретация этих изделий как стоящих антропоморфных фигурок в позах адорация или оранта позволяет непротиворечиво свести все детали морфологии к конкретной иконографии.

Появление в Европе и на Кавказе фигурных пряжек, находящихся структурные соответствия в мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, скорее всего, отражает влияние цивилизационных центров этих территорий на первобытную периферию. Распространение фигурных поясных деталей в восточноевропейской степи и на Кавказе в конце III тыс. до н.э. совпадает с резкой аридизацией климата, которая привела к масштабным миграциям в Европе, в Кавказском регионе и на Ближнем Востоке (Кленгель, 1985. С. 213–214; Черных, 1989. С. 24–25; Neev, Emery, 1995. P. 64–65, 148–149; Григорьев, 1999. С. 374–375; Weiss et al., 1993. P. 135–137, 99–102; Мельник, 2009. С. 20–21; 2015. С. 64–65; Issar, 2003. P. 19; 2007. P. 19–20; Kiple, 2007. P. 25–26; Kohl, 2007. P. 112; Murphy, 2007. P. 170, tabl. 10.3; Anthony, 2009. P. 48; Wossink, 2009. P. 21, tabl. 2.3; Борисов, Мимоход, 2010; Бауэр, 2012. С. 88; Weiss, 2012; Мимоход, 2013. С. 292–316, 340–341; 2016а. С. 37; 2018б. С. 41, 43; Амиров, 2014. С. 8; Амиров, Немировский, 2014. С. 305).

Следствием этих событий могло стать отражение в морфологии и орнаментации пряжек кавказской и европейской традиций ближневосточной иконографии (в модифицированном и стилизованном виде). Для подтверждения этой гипотезы рассмотрим несколько сюжетов, которые показывают, что определенные импульсы с Ближнего Востока в Европу и на Кавказ в конце III тыс. до н.э. можно проследить не только по фигурным пряжкам, но и ряду других артефактов.

О связи орудийно-оружейного металлокомплекса культур Европы и Кавказа с Ближним Востоком хорошо известно (Черных, 1978. С. 61, 67, 69; Авилова, Черных, 1989. С. 76; Черных и др., 2002. С. 5–14). Прослеживается она и по данным керамических комплексов (Machnik, 1973. P. 163–164). Показательна ситуация с синхронным возникновением в Европе и на Кавказе индустрии «вербового листа». В первом регионе она распространяется в периоды BrA1–A2 (рис. 10, 7 – Zaharia, 1959. Abb. 3, 1; Тоčík, 1963. Obr. 242, 4, 5, 243, 261, 1–3, 4–6;

Vladár, 1973. Tab. I, 23–25; II, 9, 12, 23, 26; V, 27; VIII, 11, 13; XIII, 23, 24, 26–28; etc.; Müller-Karpe, 1974. Taf. 522, 21–29; 523, 35–37, 43–45; Kadrow, 1998. Abb. 6; 2000. S. 142; Братченко, 2001. С. 47; и др.), во втором – на позднем этапе среднего бронзового века (рис. 10, 9 – Гаджиев, 1969. Рис. 22, 5; Гаджиев, Магомедов, 1985. С. 89, рис. 4, 51–64; Магомедов, 1998. С. 119). Возникает эта техника в Месопотамии (XXVI–XXV вв. до н.э.), откуда передается на указанные территории (Kadrow, 2000. S. 142). Самые ранние бронзовые украшения с вербоволистной расковкой обнаружены в царских гробницах Ура (рис. 10, 8 – Woolley, 1934. Pl. 146, b, 219, 7).

В этой связи стоит упомянуть и каменные оселки, которые одновременно получили распространение в европейских культурах периодов BrA1–A2 (рис. 10, 1 – Sangmeister, 1964. Abb. 8, F, G; Köster, 1966. Taf. 11, 2, 3, 12; 18, 3; 20, 13; 27, 12; Bill, 1973. Taf. 1, 6, 17, 6, 18, 2; Ondrāček, Šebela, 1985. Tab. 18, 9; 20, 18; 26, 16; 28, 17; Case, 2004. Fig. 69, 5, 10, 17; и др.) и в культурах среднего бронзового века Кавказа (рис. 10, 3 – Багаев, 1986. Рис. 3, 21; Нукколаева, 2011. Рис. 70; Makharadze, Murvanidze, 2014. Tabl. XII, 16). Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно рассматриваются как защитные накладки на запястья лучников (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977. P. 160; 1980. P. 52–55; 2007. P. 105; Fokkens et al., 2008; Woodward et al., 2006), реже как точильные камни (Harrison, 1980. P. 53; 2007. P. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding, 2004. P. 185; Harrison, 2007. P. 105). Такие предметы известны и на Ближнем Востоке. В частности, они есть в Троее II, в некрополе Мегиддо, Иерихоне (рис. 10, 2 – Schliemann, 1881. Nr. 102; Guy, 1938. Pl. 123, 5; Kenyon, Holland, 1983. Fig. 368, 7, 8). В ряде случаев они датируются раньше, чем европейские и кавказские экземпляры.

В указанные периоды в Балкано-Дунайском регионе и на Кавказе распространяются металлические подвески с переложной петлей (рис. 10, 10, 12 – Zaharia, 1959. Abb. 1, 6; 4, 6; 6, 4, 4a, 9; 13, 3; Марковин, 1963. С. 63, рис. 9, 4; 1970. С. 91, рис. 1, II; Mozsolics, 1973. Taf. 4, 1, 2; 90, 1, 2; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974. С. 84, табл. 74, 631; Petrescu-Dîmbovița, 1977. Pl. 9, 8–10, 11, 13, 14; 74, 14; Gogâltan, 1999. Fig. 40, 11–17; Kushnareva, 1997. Fig. 54, 11; 67, 4;

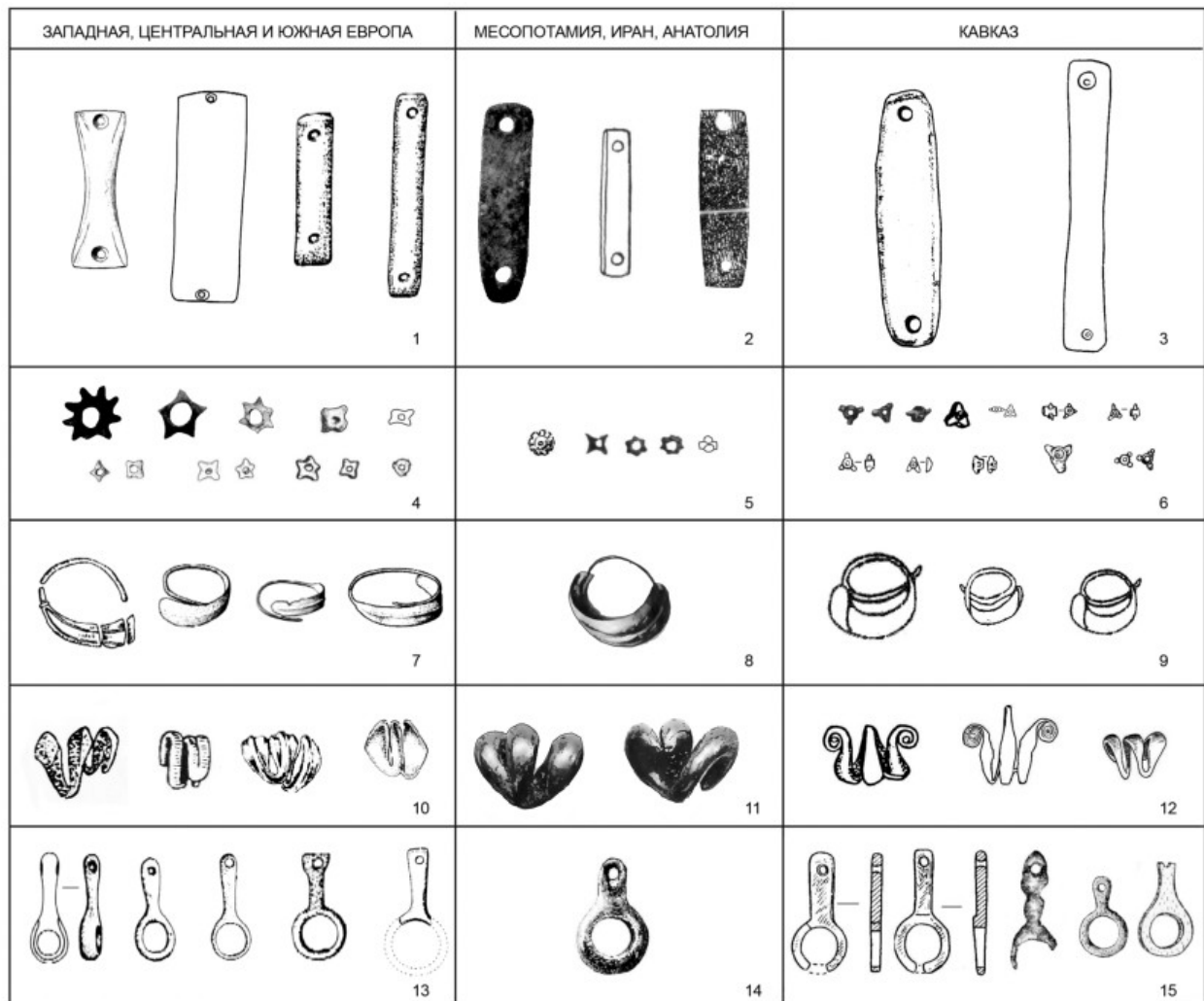

Рис. 10. Оселки (1–3), бусы (4–6), украшения (7–12) и пряжки (13–15) в Европе, на Ближнем Востоке и на Кавказе (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 10. Whetstones (1–3), beads (4–6), ornaments (7–12) and buckles (13–15) in Europe, Near East and Caucasus (source references are given in the text)

Кореневский, Мимоход, 2011. Рис. 8, 3; и др.). Прототипы этих изделий также имеются на Ближнем Востоке, в частности, в царских гробницах Ура (рис. 10, 11 – Woolley, 1934. Pl. 146, b, 219, 7).

Аналогичные тенденции можно проследить и по узкопланочным кольцевидным пряжкам. Последние присутствуют в культурах позднего энеолита – раннего бронзового века в Средней и Западной Европе (рис. 10, 13 – Grimes, 1960. P. 162, fig. 67; Clarke, 1970. P. 297, 299; Müller-Karpe, 1974. Taf. 636, F2, L9, 514, M5, 515, J3, 519, A10, F11, I3; Šebela, Škrdla, 2003. Abb. 4, 3, 6) и в комплексах рубежа среднего – позднего бронзового века Кавказа (рис. 10, 15 – Гумель, 1940. Фиг. 30, 15; 38, 5; Марковин, 1963. Рис. 5,

7, 8; 25, 3; Гаджиев, 1969. Рис. 12, 6). В Ближневосточном регионе такое изделие известно, например, в Трое II (рис. 10, 14 – Schliemann, 1881. Nr. 557), а прототипы подобных пряжек-подвесок можно найти еще в неолитических материалах Чатал-Хююка (Mellaart, 1961. P. 91).

Особенно показательна еще одна категория инвентаря – фаянсовые бусы с выступами. В рассматриваемые периоды эти украшения так же синхронно распространяются в Европе, на Кавказе и Предкавказье. Однако типологически они представляют собой разные изделия. В Центральной, Западной и Южной Европе широко используются бусы, которые называют как «имеющие форму звезды»:

«перле од фајанса звездастог облика» в сербском, «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» в английском языках (рис. 10, 4 – *Bóna*, 1965. P. 33; *Piggot*, 1966. P. 120; *Girić*, 1971. P. 84; *Harding*, 1971. P. 190, fig. 1; *Гарашианин*, 1973. С. 244). На Кавказе и в Предкавказье на позднем этапе среднего бронзового века распространение получили бородавчатые и рожковые бусы (рис. 10, 6 – *Мимоход*, 2012. Рис. 2; 2013. Ил. 79, I, 8–56). Показательно, что оба типа бисера представлены в памятниках Ближнего Востока (рис. 10, 5). В частности, аналогии бородавчатым кавказским бусам имеются в материалах Шах-Тепе в Иране (*Arne*, 1945. P. 288, pl. LXXVI, 601, 603–605), а бусы в форме звезды найдены в захоронениях на Аладжахююке в Малой Азии (*Koşay*, 1951. Pl. CXXXIV; CLXVII; CC; CCVI). Датируются эти комплексы временем, синхронным позднекатакомбному и посткатакомбному этапам Восточной Европы, и, соответственно, периодам ВгА1–А2 средневропейской хронологии.

О генетической связи фаянсового бисера в Европе и на Кавказе с Ближневосточным регионом исследователи писали неоднократно, вплоть до прямого импорта бус из Восточного Средиземноморья и Месопотамии (*Столярова*, 2000; 2002; 2003; *Stolyarova*, 2000; *Острроверхов*, 2003. С. 405; *Šmid*, 2006. S. 16; *Gregerová et al.*, 2006; *Schuhmacher*, 2011. P. 423). Однако большая часть специалистов считает, что фаянсы производились на месте. Такой вывод делается как на основе типологии и количественных характеристик (*Newton, Renfrew*, 1970. P. 203; *Harding*, 1971. P. 188–193; 1984. P. 103–104; 1990. P. 143–145; *Vladár*, 1973. S. 206; 2000. P. 269; *Махно, Братченко*, 1977. С. 58; *Орфинская и др.*, 2003. С. 267; *Лутвиненко*, 2005. С. 76; *Bátora*, 2006. S. 171, 201–203; *Мимоход*, 2012. С. 141–142; 2013. С. 203–204; 2014. С. 28–29), так и по данным химического анализа (*Newton, Renfrew*, 1970. P. 200–202; *Briard*, 1979. P. 97; *Henderson*, 1988. P. 438–440; *Williams et al.*, 1994. P. 57; *Shortland et al.*, 2007. P. 281–282; *Зудина, Судариков*, 2007. С. 65; *Staššikova-Štukovská, Hložek*,

2009; *Шишлина и др.*, 2010. С. 650). Однако идеи ряда форм и самого производства бус были, несомненно, заимствованы с Ближнего Востока. Видимо, аналогичная ситуация имела место и с пряжками: заимствуется не сама мелкая антропоморфная пластика в позах оранта или адорация, а их идеи, которые реализуются на поясных деталях.

Ситуация с распространением разнотипного фаянсового бисера в Европе и на Кавказе типологически напоминает картину использования фигурных пряжек кавказской и европейской традиций. Бусы с выступами из ближневосточного очага распространились в Европу и на Кавказ. В первом регионе была воспринята мода на звездоподобные бусы, во втором – на бородавчатые. Мелкая антропоморфная пластика в позах адорация и оранта существовала на Ближнем Востоке, но в пряжках европейской традиции была реализована идея персонажа с поднятыми вверх и разведенными руками (оранта), а в изделиях кавказской традиции – с согнутыми в локтях руками, скрещенными на груди (адорация). Важно отметить, что фигурки в позе оранта были больше популярны в Анатолии и Восточном Средиземноморье, а в позе адорации – в Месопотамии. Любопытно, что первый регион располагается ближе к Европе, второй – к Кавказу. Видимо, импульсы именно с этих территорий привели к реализации разных образов в пряжках двух традиций – европейской и кавказской.

Таким образом, распространение фигурных пряжек в Европе и на Кавказе было одним из проявлений комплекса новаций, шедших из Ближневосточного региона. Появление этих изделий в XXII–XXI cal. BC в восточноевропейской степи является результатом прямой миграции, обусловленной резкой аридизацией климата. В случае с бабинскими экземплярами речь идет о передвижении групп из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, а в случае с лолинскими – из Северо-Восточного Кавказа.

Авилова, Черных, 1989 – *Авилова Л. И., Черных Е. Н.* Малая Азия в системе металлургических провинций // *Естественнонаучные методы в археологии*. М., 1989.

Амиров, 2014 – *Амиров Ш. Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // *КСИА*. 2014. № 233.

- Амиров, Немировский*, 2014 – *Амиров Ш. Н., Немировский А. А.* К вопросу о кавказско-переднеазиатских связях IV–III тыс. до н. э. // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рождения Н. Я. Мерперга. М., 2014.
- Андреев*, 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–I тыс. до н. э.). СПб., 2002.
- Андреева*, 1986 – *Андреева М. В.* Об одной зоантропоморфной фигурке из Ставрополя // СА. 1986. № 2.
- Багаев*, 1986 – *Багаев М. Х.* Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- Бауэр*, 2012 – *Бауэр Г. М.* Возникновение южноаравийских цивилизаций // Красноморский мир в древности. М., 2012.
- Березанская*, 1986 – *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики // *Березанская С. С., Отроценко В. В., Чердиченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Борисов, Мимоход*, 2010 – *Борисов А. В., Мимоход Р. А.* Палеоэкологические условия и механизмы сложения лопинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Нижневолжской археолог. конф. Астрахань, 2010.
- Братченко*, 1985 – *Братченко С. Н.* Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1: Первобытная археология.
- Братченко*, 1995 – *Братченко С. Н.* Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II.
- Братченко*, 2001 – *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
- Братченко*, 2006 – *Братченко С. Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. Луганськ, 2006. № 6.
- Вангородская*, 1987 – *Вангородская О. Г.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
- Василенко*, 1999 – *Василенко А. И.* Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополе // Древности Подонцовья. Луганск, 1999.
- Гаджиев*, 1969 – *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- Гаджиев, Магомедов*, 1985 – *Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г.* Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Гарашанин*, 1973 – *Гарашанин М.* Праисторја на тлу ср Србјеу. Београд, 1973.
- Гершкович*, 1979 – *Гершкович Я. П.* Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Гершкович*, 1982 – *Гершкович Я. П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Гершкович*, 1986 – *Гершкович Я. П.* Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. 1986. № 2.
- Городцов*, 1907 – *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII АС. М., 1905. Т. I.
- Григорьев*, 1999 – *Григорьев С. А.* Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Гуммель*, 1940 – *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку, 1940.
- Жоржикашвили, Гогодзе*, 1974 – *Жоржикашвили Л. Г., Гогодзе Э. М.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.). Тбилиси, 1974.
- Зудина, Сударинов*, 2007 – *Зудина В. Н., Сударинов О. В.* Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре Волго-Уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.
- Ильюков*, 2014 – *Ильюков Л. С.* Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2014. № 2 (2). [Электронный ресурс]. URL: http://aaatec.org/documents/article/il_le1r.pdf (дата обращения 27.12.2016).

- Ильюков*, 2016 – *Ильюков Л. С.* Костяные пряжки-запонки бабинской культуры // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). М., 2016. Т. 12. № 2.
- Ильюков, Казакова*, 1988 – *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д, 1988.
- Ильюков, Магомедов*, 2010 – *Ильюков Л. С., Магомедов Р. Г.* Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2010. № 39.
- Калмыков*, 2005 – *Калмыков А. А.* Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Калмыков, Матюхин*, 2007 – *Калмыков А. А., Матюхин А. Д.* Роговая пряжка из курганного могильника Кевюды I // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VII.
- Калмыков, Мимоход*, 2005 – *Калмыков А. А., Мимоход Р. А.* Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. Луганськ, 2005. № 4.
- Кленгель*, 1985 – *Кленгель Х.* Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы // Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М., 1985.
- Клименко*, 1998 – *Клименко В. Ф.* Курганы юга Донетчины. Енакиево, 1998.
- Клочко*, 2006 – *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ, 2006.
- Клочко*, 2012 – *Клочко В. І.* «Гордіївський феномен» // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. Kraków, 2012.
- Ковалева и др.*, 1987 – *Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г. И.* Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепрпетровск, 1987.
- Корневский, Мимоход*, 2011 – *Корневский С. Н., Мимоход Р. А.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М., 2011.
- Кузьминых, Мимоход*, 2016 – *Кузьминых С. В., Мимоход Р. А.* Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб., 2016.
- Кульбака, Качур*, 2000 – *Кульбака В., Качур В.* Индоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь, 2000.
- Латынин*, 1967 – *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9.
- Литвиненко*, 1996а – *Литвиненко Р. А.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 2.
- Литвиненко*, 1996б – *Литвиненко Р. А.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Материалы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 1.
- Литвиненко*, 2001 – *Литвиненко Р. А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара, 2001.
- Литвиненко*, 2004 – *Литвиненко Р. А.* «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. Луганськ, 2004. № 2.
- Литвиненко*, 2005 – *Литвиненко Р. О.* Культури бабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Литвиненко*, 2006 – *Литвиненко Р. А.* Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3.
- Литвиненко*, 2009 – *Литвиненко Р. А.* Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // МДАСУ. Луганськ, 2009. № 9.
- Литвиненко*, 2013 – *Литвиненко Р. А.* Північне Приазов'я в системі східноєвропейського бронзового віку // Україна і світ: проблеми історії: Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. Маріуполь, 2013.

- Магомедов*, 1990 – *Магомедов Р. Г.* Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Магомедов*, 1998 – *Магомедов Р. Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.
- Марковин*, 1963 – *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Марковин*, 1970 – *Марковин В. И.* Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. 1970. № 4.
- Махно, Братченко*, 1977 – *Махно С. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. Київ, 1977. Вип. 24.
- Мельник*, 2009 – *Мельник В. И.* Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. 2009. Вып. 223.
- Мельник*, 2015 – *Мельник В. И.* Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н. э. // КСИА. 2015. Вып. 239.
- Мимоход*, 2012 – *Мимоход Р. А.* Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Мимоход*, 2013 – *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).
- Мимоход*, 2014 – *Мимоход Р. А.* Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор // КСИА. 2014. Вып. 233.
- Мимоход*, 2016а – *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Грозный, 2016.
- Мимоход*, 2016б – *Мимоход Р. А.* Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк, 2016.
- Мимоход*, 2018а – *Мимоход Р. А.* Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 2018.
- Мимоход*, 2018б – *Мимоход Р. А.* Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2.
- Мунчаев, Амиров*, 2016 – *Мунчаев Р. Ф., Амиров Ш. Н.* Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2016. Т. 2.
- Николаева*, 2011 – *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., 2011.
- Орфинская и др.*, 2003 – *Орфинская О. В., Шишлина Н. И., Голиков В. П.* Головной убор из катакомбного погребения в могильнике Шахаевский 1 на реке Маныч // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
- Островерхов*, 2003 – *Островерхов А. С.* Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. – первая половина VII в. до н. э.) // Stratum plus. 2003. № 2: Земля Триполиада.
- Отрощенко*, 2001 – *Отрощенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Полидович*, 1993 – *Полидович Ю. Б.* Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Привалова, Привалов*, 1988 – *Привалова О. Я., Привалов А. И.* Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.
- Рогудеев*, 2015 – *Рогудеев В. В.* Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 2015. Вып. 11.
- Ростунов*, 2007 – *Ростунов В. Л.* Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 1.

- Степанов, 2008 – Степанов М. В. О семантике фигурных пряжек культуры многоваликовой керамики // МДАСУ. Луганськ, 2008. № 8.
- Столярова, 2000 – Столярова Е. К. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части евразийских степей // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М., 2000 (Тр. ГИМ. Вып. 120).
- Столярова, 2002 – Столярова Е. К. Стекланные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.
- Столярова, 2003 – Столярова Е. К. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М., 2003. Ч. I.
- Усачук, 2007 – Усачук А. Н. Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды I // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VII.
- Циміданов и др., 2013 – Циміданов В. В., Кравченко Е. С., Підобід В. А., Полідович Ю. Б., Спінов В. В., Усачук А. М. Дослідження курганів групи Марієнфельд на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні. 2012. Київ; Луцьк, 2013.
- Черных, 1978 – Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Черных, 1989 – Черных Е. Н. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Черных и др., 2002 – Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1.
- Черняков, 1996 – Черняков И. Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Балкано-Дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Материалы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 1.
- Шаповалов, Колесник, 1972 – Шаповалов Т. А., Колесник О. В. Розкопки курганів у Донецькій області // Археологічні дослідження в Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV.
- Шишлина и др., 2010 – Шишлина Н. И., Егорьков А. Н., Шортланд А. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-Западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010 (Тр. МарГАЭ; Т. 3).
- Эзеро, 1979 – Эзеро – раннабронзового селище. София, 1979.
- Al-Gailani, 1972 – Al-Gailani L. Some Sumerian Statues in the Iraq Museum // Iraq. 1972. Vol. XXXIV.
- Anthony, 2009 – Anthony D. W. The Sintashta Genesis. The Roles of Climate Change, Warfare, and Long-Distance Trade // Social Complexity in Prehistoric Eurasia. Monuments, Metal, and Mobility. Cambridge, 2009.
- Arne, 1945 – Arne T. J. Excavations at Shah Tepé, Iran. Stockholm, 1945.
- Bátora, 2006 – Bátora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava, 2006.
- Bóna, 1965 – Bóna I. The Peoples of Southern Origin of the Early Bronze Age in Hungary I–II // Alba Regia. Székesfehérvár, 1965. Vol. IV–V.
- Bóna, 1975 – Bóna I. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest, 1975. Vol. XVII.
- Bossert, 1937 – Bossert H. T. Altkreta. Kunts und Handwerk in Griecheland, Kreta und in der Ägäis von den Anfängen bis zur Eisenseit. Berlin, 1937.
- Braidwood R., Braidwood L., 1960 – Braidwood R. F., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch. The Earlier Assemblages Phases A–J. Chicago, 1960.
- Briard, 1979 – Briard J. The Bronze Age in Barbarian Europe. From the Megaliths to the Celts. London, 1979.
- Buren, 1950 – van Buren E. D. Amulets, Symbols or Idols // Iraq. 1950. Vol. XII.
- Buren, 1955 – van Buren E. D. New evidence concerning an Eye-Divinity // Iraq. 1955. Vol. XVII.
- Case, 2004 – Case H. Bell Beaker and Corded Ware Culture Burial Assotiations: A Bottom-Up rather than Top-Down Approach // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. Stroud, 2004.

- Clarke, 1970 – Clarke D. L. Beaker pottery of Great Britain and Ireland. Cambridge, 1970. Vol. 1.
- Fokkens et al., 2008 – Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M. Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge, 2008. Vol. 78.
- Frankfort, 1935 – Frankfort H. Oriental Institute Discoveries in Iraq, 1933/34. Chicago, 1935.
- Frankfort, 1936 – Frankfort H. Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq, 1934/35. Chicago, 1936.
- Frankfort, 1939 – Frankfort H. Sculpture of The Third Millennium B.C. from Tell Asmar and Khafājah. Chicago, 1939.
- Girić, 1971 – Girić M. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Beograd, 1971 (Dissertations et Monographie. T. XI).
- Gods and Goddesses, 1992 – Gods and Goddesses. Ankara, 1992.
- Gogâltan, 1999 – Gogâltan F. Bronzul timpuriu și Mijlociu în Banatul Românesc și pe cursul inferior al Mureșului. Timișoara, 1999.
- Gregerová et al., 2006 – Gregerová M., Hložek M., Sulovský P. Přírodovědné analýzy fajánsového korálku z hrobu Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. Nitra, 2006. Roč. LIV. Čís. 1.
- Grimes, 1960 – Grimes W. F. Excavations on Defence Sites, 1939-45 // Mainly Neolithic – Bronze Age. London, 1960.
- Guy, 1938 – Guy P. L. O. Megiddo Tombs. Chicago, 1938.
- Hafner, 1998 – Hafner A. Frühbronzezeit. Westschweiz und Wallis // Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum frühen Mittelalter. Vom Neandertaler bis zu Karl dem Grossen. 3. Bronzezeit. Basel, 1998 (Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum Frühen Mittelalter (SPM) 3).
- Hájek, 1959 – Hájek L. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce // Slovenská archeológia. Bratislava, 1959. Roč. VII. Čís. 2.
- Harding, 1971 – Harding A. F. The Earliest Glass in Europe // Archeologické rozhledy. Praha, 1971. XXIII.
- Harding, 1984 – Harding A. F. The Mycenaean and Europe. London, 1984.
- Harding, 1990 – Harding A. F. The Wessex connection: developments and perspectives // Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der europäischen Bronzezeit. Bonn, 1990 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd 15).
- Harrison, 1977 – Harrison R. J. The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. Cambridge, 1977.
- Harrison, 1980 – Harrison R. J. The Beaker Folk. Copper Age Archaeology in Western Europe. London, 1980.
- Harrison, 2007 – Harrison R. J. Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders. Rahden/Westf., 2007 (Internationale Archäologie; Bd 107).
- Hänsel, 1968 – Hänsel B. Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn, 1968. Teil. I, II.
- Hänsel, Medović, 1994 – Hänsel B., Medović P. Bronzezeitliche Inkrustationskeramik aus Feudvar bei Mošorin an der Theißmündung // Die Fragen der Bronzezeit. Archäologische Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 1994 (Zalai Múzeum 5).
- Healy, Harding, 2004 – Healy F., Harding J. Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. Stroud, 2004.
- Henderson, 1988 – Henderson J. Glass production and Bronze Age Europe // Antiquity. 1988. Vol. 62. No. 236.
- Issar, 2003 – Issar A. S. Climate Change during the Holocene and their Impact on Hydrological Systems. Cambridge, 2003.
- Issar, 2007 – Issar A. S. Climate Change. Environment and History of the Near East. Berlin; Heidelberg, 2007.
- Joukowsky, 1986 – Joukowsky M. S. Prehistoric Aphrodisias. An Account of the Excavation and Artifact Studies. Rhode Island, 1986.
- Kadinlary, 2006 – Kadinlary T. Ç. G. Mysterious Women of the Bronze Age. Istanbul, 2006.
- Kadrow, 1998 – Kadrow S. Osteuropäische Beziehungen des epischnerkeramischen karpaten-ländischen Kulturkreises in der Frühbronzezeit // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). München; Rahden/Westf., 1998 (Südosteuropa-Schriften; Bd 20; Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Bd 12).
- Kadrow, 2000 – Kadrow S. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. Kraków, 2000.
- Karantzali, 1996 – Karantzali E. Le Bronze Ancien dans les Cyclades et en Crète. Les relations entre les deux region Influence de la Grèce Continentale. Oxford, 1996.

- Kenyon, Holland*, 1983 – *Kenyon K. M., Holland T. A.* Excavations at Jericho. Vol. Five: The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. Jerusalem, 1983.
- Kiple*, 2007 – *Kiple K. F.* A Movable Feast. Ten Millennia of Food Globalization. Cambridge, 2007.
- Kohl*, 2007 – *Kohl F. L.* The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.
- Koşay*, 1951 – *Koşay H. Z.* Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminaire // Türk Tarih Kurumu Tarafından Yapılan. Ankara, 1951.
- Köster*, 1966 – *Köster C.* Beiträge zum Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // Prähistorische Zeitschrift. New York; Berlin, 1966. Bd XLIII/XLIV.
- Kushnareva*, 1997 – *Kushnareva K. Kh.* The Southern Caucasus in Prehistory. Stages cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B. C. Philadelphia, 1997.
- Lloyd*, 1978 – *Lloyd S.* The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest. London, 1978.
- Lytvynenko*, 2013 – *Lytvynenko R. O.* Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200–1750 BC. Poznań, 2013 (Baltic-Pontic studies; Vol. 18).
- Machnik*, 1973 – *Machnik J.* Ze studiów nad związkami Kaukazu z obszarami karpaccymi w początkach epoki brązu // Archaeologia Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. T. XVIII.
- Machnik*, 1978 – *Machnik J.* Wczesny okres epoki brązu // Prahistoria ziem polskich. Wczesna epoka brązu. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.
- Machnik*, 1991 – *Machnik J.* The Earliest Bronze Age in the Carpatian Basin. Bradford, 1991.
- Makharadze, Murvanidze*, 2014 – *Makharadze Z., Murvanidze B.* Anauri Nr. 3 Big Kurgan // Dziebani. Journal of the Georgian Archaeology. Tbilisi, 2014. No. 22.
- Mallowan*, 1947 – *Mallowan M. E. L.* Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. Vol. IX.
- Moorey*, 2003 – *Moorey P. R. S.* Idols of the People. Miniature Images of Clay in the Ancient Near East. Oxford, 2003.
- Mellaart*, 1961 – *Mellaart J.* Earliest Civilizations of the Near East. London, 1961.
- Mozsolics*, 1973 – *Mozsolics A.* Bronze- und Golfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. Budapest, 1973.
- Murphy*, 2007 – *Murphy D. J.* People, Plants, and Genes. The Story of Crops and Humanity. Oxford, 2007.
- Müller-Karpe*, 1974 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München, 1974. Bd III/1-3.
- Müller-Karpe*, 1980 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit. München, 1980. Bd IV/1-3.
- Neev, Emery*, 1995 – *Neev D., Emery K. O.* The Destruction of Sodom, Gomorrah, and Jericho. Geological, Climatological, and Archaeological Background. Oxford, 1995.
- Newton, Renfrew*, 1970 – *Newton R. G., Renfrew C.* British Faience Beads Reconsidered // Antiquity. 1970. Vol. XLIV.
- Oates*, 2005 – *Oates J.* Archaeology in Mesopotamia: Digging Deeper at Tell Brak // Proceedings of British Academy. Oxford, 2005. No. 131.
- Ondrůček, Šebela*, 1985 – *Ondrůček J., Šebela L.* Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) // Studie Muzea Kroměřížska. Kroměříž, 1985.
- Paulík*, 1980 – *Paulík J.* Prähistorische Kunst in der Slowakei. Bratislava, 1980.
- Pendlebury*, 1963 – *Pendlebury J. D. S.* The archaeology of Crete. New-York, 1963.
- Petrescu-Dîmbovița*, 1977 – *Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București, 1977.
- Petrie, Quibell*, 1896 – *Petrie W. M. F., Quibell J. E.* Naqada and Ballas. 1895. London, 1896.
- Piggot*, 1966 – *Piggot S.* Mycenae and barbarian Europe: an Outline Survey // Sborník Národního muzea v Praze – Acta Musei Nationalis Pragae. Praha, 1966. Sv. XX. Čís. 1–2.
- Potts*, 2004 – *Potts D. T.* The Archaeology of Elam. Formation and Transformation an Ancient Iranian State. Cambridge, 2004.
- Prent*, 2005 – *Prent M.* Cretan Sanctuaries and Cults // Religions in the Graeco-Roman World. Leiden; Boston, 2005. Vol. 154.
- Prox*, 1941 – *Prox A.* Die Schneckenbergkultur. Kronstadt, 1941.

- Renfrew*, 2007 – *Renfrew C.* The Figurine Fragments // Keros, Dhaskalio Kavos. The investigation of 1987–1988. Oxford, 2007. Vol. 1.
- Rice*, 2004 – *Rice M.* Egypt's Making. The origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC. London; New York, 2004.
- Sangmeister*, 1964 – *Sangmeister E.* Die schmalen «Armschutzplatten» // Studien aus Alteuropa. Köln, 1964. Vol. I.
- Sangmeister*, 1974 – *Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Stuttgart, 1974. Bd1.
- Schliemann*, 1881 – *Schliemann H.* Ilios. Stad und Land der Trojaner. Leipzig, 1881.
- Schmidt E.*, 1932 – *Schmidt E. F.* The Alishar-Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. Chicago, 1932.
- Schmidt K.*, 2002 – *Schmidt K.* Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas. Mainz am Rhein, 2002.
- Schuhmacher*, 2011 – *Schuhmacher T. X.* Long and Middle Range Contacts in the Early Bronze Age of the Western Mediterranean // Sozialarchäologische Perspektiven: gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus. Internationale Tagung 15.–18. Oktober 2007 in Kiel. Darmstadt, 2011 (Archäologie in Eurasien; Bd 24).
- Schwartz et al.*, 2012 – *Schwartz G. M., Curvers H. H., Dunham S. S., Weber J. A.* From Urban Origins to Imperial Integration in Western Syria: Umm el-Marra 2006, 2008 // American Journal of Archaeology. Boston, 2012. Vol. 16. No. 1.
- Shortland et al.*, 2007 – *Shortland A., Shishlina N., Egorkov A.* Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Speiser*, 1935 – *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. 1.
- Staššikova-Štukovská, Hložek*, 2009 – *Staššikova-Štukovská D., Hložek M.* Praveké fajansové koráliky z hrobu 1 v Spišských Tomášovciach // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAN. Bratislava, 2009. 45.
- Stolyarova*, 2000 – *Stolyarova E. K.* On the origin of glass beads from South-Russian steppe (from the end of the IIIrd to the beginning of the IIrd thousand BC) // 32nd International Symposium «Archaeometry». Program. Abstracts. Mexico City, 2000.
- Székely*, 1962 – *Székely Z.* Sondajele executate de Muzeul din Sf. Gheorge // Materiale și cercetări arheologice. București, 1962. Vol. VIII.
- Šebela, Škrdla*, 2003 – *Šebela L., Škrdla P. A.* Cemetery of the Bell Beaker Culture in Marefy and its Contribution to Studies on the Chipped Stone Industry of the Moravian Late Eneolithic Period // The Northern Frontier of Bells Beaker. Oxford, 2003.
- Šmid*, 2006 – *Šmid M.* Pohřebišťe Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. Nitra, 2006. Roč. LIV. Čís. 1.
- Točík*, 1963 – *Točík A.* Die Nitra-Gruppe // Archeologické rozhledy. Praha, 1963. Vol. XV.
- Tobler*, 1950 – *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia, 1950.
- Weiss*, 2012 – *Weiss H.* Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // Seven Generations Since the Fall of Akkad. Studia Chaburensia I. Weisbaden, 2012. Vol. 3.
- Vladár*, 1973 – *Vladár J.* Pohrebiská zo staršej doby bronzovej v Branči // Archaeologica Slovaca – Fontes. Bratislava, 1973. T. XII.
- Weiss et al.*, 1993 – *Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A.* The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. Vol. 261.
- Williams et al.*, 1994 – *Williams B. B., Wilkinson J. L., Magee R. W.* Bronze Age burials at Kilcroagh, County Antrim, and faience beads in Ireland // Ulster Journal of Archaeology. Belfast, 1994. Vol. 54–55.
- Woodward et al.*, 2006 – *Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P. C., Watson J. S., Jones M. C.* Beaker age bracers in England: sources, function and use // Antiquity. 2006. Vol. 80. No. 309.
- Woolley*, 1934 – *Woolley C. L.* Ur excavation. The Royal cemetery. New York, 1934.
- Wossink*, 2009 – *Wossink A.* Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden, 2009.
- Yakar*, 1985 – *Yakar J.* The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age. Oxford, 1985.
- Zaharia*, 1959 – *Zaharia E.* Die Lockenringe von Sărata-Monteoru und ihre typologischen und chronologischen Beziehungen // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. Budapesht, 1959. Sér. III.

The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences

R. A. Mimokhod

In the second half of the 3rd and early 2nd millennium BC, in Europe and the Caucasus, bronze and horn figured belt buckles began to be widespread. Among them it is possible to distinguish artefacts in a Caucasian and European traditions. The first are represented by ring-shaped clasps with broad planks known in the North-Eastern Caucasus and Ciscaucasia; the second type is that of hook and plank objects which are concentrated in the Carpathian and Danube region, Central Europe, and between the Dnieper and Donets.

In Eastern Europe, the dates of hook buckles of the Babyno culture and ring-shaped plank artefacts in the Caucasian tradition coincide (22–21 centuries cal. BC). This range is synchronous also to period BrA1b after P. Reineke in the Carpathian-Danube region and Central Europe where in the local cultures also figured clasps are known. The distribution of figured belt parts in the Eastern European steppe and Ciscaucasia was related with the migration impulses from the region from the Carpathian Danube to Central Europe and the Eastern Caucasus respectively.

The figured buckles undoubtedly render some image. Researchers interpret it as a zoomorphic or anthropozoomorphic one. Comparison of these artefacts with the anthropomorphic small plastic arts of the Near East enables us to elucidate their primary semantics. Buckles in the Caucasian tradition are standing

anthropomorphic figurines with the arms in the ‘adoration’ pose, i.e. they are bent at the elbows with the hands crossed on the breast. In the Lolino culture, these figures are clearly discernible as masculine ones. Among the Ginchin-Sulak series there are also feminine representations. Strongly stylized buckles in the European tradition render also an anthropomorphic image but already in the ‘orans’ pose where the arms are raised upward and stretched apart. The European examples, unlike the buckles of the Caucasian tradition, bear no details for sex assignment of the anthropomorphic figures.

The appearance of figured buckles in Europe and Caucasus, that have structural parallels in small plastic arts of the Near East and Eastern Mediterranean probably reflects the influence of the civilization centres of the latter regions upon the ‘retarded’ periphery. The spread of figured belt parts in the Eastern European steppe and Caucasus in the late 3rd millennium BC coincides with a sharp aridization of climate which led to large-scale migrations both in Europe and in the Near East. As a result, the Near Eastern iconography, naturally in a modified and stylized form, was reflected in the morphology and ornamentation of buckles of the Caucasian and European traditions. Their appearance was only one manifestation of the complex of innovations related with the Near Eastern region.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛОЙ ПАСТЫ ДЛЯ ИНКРУСТАЦИИ КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ¹

М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков,
Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер²

Аннотация. В статье публикуются результаты первых анализов белой пасты для инкрустации узора на лощеной посуде из поселений (Глинжень II-Ла Шань, Шолдэнешть II, Жаботин) и погребений (могильник Шолдэнешть I) оседлого населения, а также захоронений ранних кочевников (Пришиб, Суклея) раннего железного века в Северном Причерноморье. Отмечены общие компоненты в рецептуре белой пасты, сопоставимые с традицией ее подготовки в древней Европе в неолите, бронзовом и раннем железном веках, а также зафиксированы инновации в производстве пасты, связанные с получением нового прочного синтетического материала – волластонита.

Annotation. This paper presents the results of the first analyses of white paste for the inlaid design on polished pottery from settlement-sites (Glinjeni II – La Şanţ, Şoldăneşti II, Zhabotin) and burials of settled population (cemetery of Şoldăneşti I), as well as burials of early nomads (Prishib, Sukleya) of the Early Iron Age in the northern Black Sea littoral. The common components in the composition of the white paste are defined which have parallels in the traditions of its preparation in early Europe in the Neolithic, Bronze and Early Iron Age. Also innovations in making the paste with production of a new strong synthetic material – wollastonite – are identified.

Ключевые слова: Европа, Северное Причерноморье, ранний железный век, оседлое население, ранние кочевники, лощеная керамика, инкрустация, белая паста, анализы, синтетический материал волластонит.

Keywords: Europe, northern Black Sea littoral, Early Iron Age, settled population, early nomads, polished pottery, inlay, white paste, analyses, synthetic material wollastonite.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-276-289

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Фольксваген (грант № 90 216). М. Т. Кашубой работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0009. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)»).

² Кулькова М. А. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки 48/12. Государственный педагогический университет им. А. Герцена, Факультет геологии и геоэкологии. E-mail: kulkova@mail.ru.

Кашуба М. Т. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: mirra-k@yandex.ru.

Кульков А. М. – Россия, 199155, Санкт-Петербург, пер. Декабристов, 16. Санкт-Петербургский государственный университет, Ресурсный центр «Рентгенодифракционные методы исследования». E-mail: aguacrystals@narod.ru.

Власенко Н. С. – Россия, 198504, Санкт-Петербург, ул. Ульяновская, 1. Санкт-Петербургский государственный университет, Ресурсный центр «Геомодель». E-mail: ly17@mail.ru.

Введение. Посуда, в орнаментации которой используется инкрустация пастой: обычно – белой, реже – цветной, относится к одному из интереснейших явлений в гончарном производстве древней Европы (включая Северное Причерноморье) с начала неолита и до железного века. От Испании и Италии до Карпатского бассейна и Малой Польши традиция инкрустирования берет начало еще в раннем неолите (см. ниже), а на территориях к северу от Черного моря гораздо позднее – с наступлением железного века, когда в начале I тыс. до н. э. у разных сообществ была широко распространена качественная черная лощеная посуда с белой инкрустацией.

Гаврилюк Н. А. – Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины. E-mail: gavrylyuk_na@ukr.net.

Кайзер Э. – Германия, D-14195, Берлин, Фабекштрассе, 23–25. Институт преисторической археологии Свободного университета Берлина. E-mail: elke.kaiser@topoi.org.

В свое время А. А. Иессен при изучении материалов Моздокского могильника «отметил наличие большого сходства одной группы керамики Северного Кавказа, а именно чернолощеной, с геометрическим орнаментом и часто инкрустированной белой массой со сходной с нею керамикой раннескифского времени на Украине и в низовьях Дона и гальштатской культурой в Австрии» (Иессен, Пиотровский, 1940. С. 40; см. также: Грязнов, 1966. С. 31). Обратившись к этой посуде спустя четверть века, М. П. Грязнов существенно расширил ее географию и культурные контексты, указывая, что «очень близкие типы керамики находятся в указанных выше степных и лесостепных районах Восточной Европы. Они широко распространены, по-видимому, во всех частях Великого Пояса степей. Также по преимуществу чернолощеной, с того же рода геометрическим орнаментом и также более или менее часто инкрустированная белой массой посуда характерна здесь для памятников поздней бронзы, как и на Кавказе, датируемой концом II и началом I тысячелетия до н. э.» (Грязнов, 1966. С. 33).

Решая проблему происхождения и удивительного сходства такой керамики на обширной территории, и А. А. Иессен, и М. П. Грязнов пришли к заключению о ее конвергентном появлении и особой роли мобильных скотоводов в ее распространении. По А. А. Иессену, рассматриваемая керамика от Австрии до Кавказа и низовьев Дона имела местную основу, а ее близкие формы и узоры объясняются «конвергентным развитием керамического производства при сходных хозяйственных и технических условиях» и наличием межплеменных связей (Иессен, Пиотровский, 1940. С. 40 сл.). М. П. Грязнов поддержал это мнение и подчеркнул, что «не надо думать, что чернолощеной нарядная керамика со своеобразным геометрическим орнаментом и белой инкрустацией, зародившаяся и развившаяся где-то в одном районе, распространилась затем в готовом виде среди всех скотоводческих племен в горных и равнинных степях, лесостепях. <...> В каждом районе, как правило, вся керамика в целом, пройдя свой особый путь развития, вполне самобытна, и только один из видов ее, а именно нарядная чернолощеной посуда, также в общих чертах самобытная, имеет в то же время много сходных черт с подобной посудой других районов.

Приемы изготовления нарядной посуды и ее орнаментации неоднократно заимствовались скотоводческими племенами друг у друга. Таким путем у племен разного происхождения, с разной культурой выработался во многом сходный тип посуды, распространенный в степях на тысячи километров» (Грязнов, 1966. С. 34).

Через полвека к вопросу о широком распространении на рубеже II–I тыс. до н. э. чернолощеной инкрустированной керамики вернулся И. В. Бруяко (2005. С. 52–73. Рис. 14). Он поддержал независимое происхождение геометрического стиля в разных регионах (Там же. С. 69) и обобщил имеющиеся данные по Балкано-Подунавью, Северному Причерноморью и Кавказу. Исследователь разработал оригинальную гипотезу о «делении геометрического ареала “северного полушария” Циркумпонтийской области на две самостоятельные ветви – балкано-причерноморскую и кавказско-крымскую» (Там же. С. 67) и выделил в «балкано-причерноморской ветви <...> степной ареал “геометрической” керамики» (Там же. Рис. 14).

В степях Северного Причерноморья действительно известна сравнительно большая серия сосудов из глины, происходящих из погребальных комплексов ранних кочевников. Нередко глиняный сосуд является едва ли не единственной сопроводительной вещью в могиле – мало известно захоронений с двумя и более сосудами (см.: Тереножкин, 1976. С. 24–89, 167–170; Махортых, 2005. С. 72–76, 106–110). Эта керамика давно привлекает внимание исследователей: в специальной литературе идут многолетние дискуссии о месте производства такой посуды (в лесостепи или степи), ее технологиях, а также контактах между оседлым населением и степными сообществами, ведущими мобильный образ жизни.

Среди погребальной керамики ранних кочевников известны лощеные сосуды с геометрическим узором, заполненным белой пастой (Кашуба и др., 2018. С. 199–202). Эти последние, которые можно датировать IX – первой половиной VIII в. до н. э., сопоставимы с сосудами из поселений лесостепной зоны к северу от Черноморского побережья: в Среднем Поднестровье – с керамикой гальштатских (карпато-дунайских) культур Козия-Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть, а на Правобережье

Днепра – с керамикой Жаботинской культуры (см. кратко: *Kайзер и др.*, 2017. С. 137–151, там же библиография).

В рамках комплексного исследования керамики из раннекочевнических погребений Северного Причерноморья в сравнении с посудой, найденной на открытых и укрепленных поселениях оседлого лесостепного населения (см.: *Kайзер и др.*, 2016. С. 33–40; *Кулькова и др.*, 2016. С. 348–352; 2017. С. 409–411; *Daszkiewicz u. a.*, 2018. S. 54–57), мы проанализировали пасты для инкрустации. Анализы пасты на керамике из Северного Причерноморья проводятся впервые. Для нашего исследования мы имеем хорошие сравнительные данные, полученные по материалам из раскопок памятников разных эпох на территории древней Европы.

Анализ белой пасты на керамике древней Европы в неолите – железном веке. Традиция инкрустирования узора на керамике берет начало в древней Европе еще в раннем неолите. М. Спатаро (*Spataro*, 2016. P. 167–174) отмечает, что белый пигмент, который был нанесен на поверхность сосудов культуры Старчево-Криш из поселений Дonya Бранневина и Гура Бачулуй (Балканы), был изготовлен из местных карбонатных материалов. Для пасты на сосуде с памятника Дonya Бранневина применялись глины, богатые кальцием и магнием, которые использовались и для изготовления самого сосуда, в состав пасты входили известняк или доломит, богатые окаменелыми микроорганизмами. Белый пигмент сосуда из памятника Гура Бачулуй был изготовлен из толченого мрамора.

По данным Р. Джустетто и коллег (*Giustetto et al.*, 2013. P. 4249–4263), на территории Северной Италии, в Пьемонте, инкрустированные белой пастой сосуды были найдены на поселении Каstellо ди Аннони (*Castello di Annone*) в слоях периода среднего неолита (4500 г. до н. э.), эпохи бронзы и железного века (VI–V вв. до н. э.). Неолитическая керамика появляется в Пьемонте с началом проникновения культур с Запада. Посуда железного века культуры Голасекка представлена чернолощенной керамикой, орнаментированной прочерченными треугольными мотивами, заполненными белой пастой. Наиболее распространенным рецептом для белой пасты была смесь талька (50 %) и костной золы (50 %) (или белой кости). В некоторых об-

разцах присутствуют каолинит, кальцит (вторичного происхождения). Выходы пород стеатита с тальком встречаются рядом с памятником, поэтому его использование было широко распространено как в неолите, так и в поздние периоды. Кость, вероятно, перед перемалыванием в порошок обжигалась для лучшего и более легкого измельчения. В пастах на посуде из поселений железного века костная зола (биогидроксипатит) является главным компонентом по сравнению с тальком, который преобладал в пастах неолита и бронзового века. Кальцинирование свежей кости для получения золы происходило при температуре около 900° С, тогда как обжиг самой керамики был в пределах от 750 до 900° С. Обожженная кость растиралась и смешивалась с тальком, затем этим порошком затирались углубления орнамента на уже обожженной посуде. Иногда в качестве колоранта в белую пасту добавлялась охра (гематит) для создания розового цвета, особенно это характерно для неолитической посуды.

Инкрустация белой пастой была отмечена на посуде с памятников, расположенных на территориях Франции (*Salanova*, 2000), северо-восточной Испании (*Martin Valls, Debiles de Castro*, 1989) и Испанской Месеты (*Blasco*, 1994). Как правило, такие сосуды были инкрустированы пастой белого цвета, в состав которой входил карбонат кальция.

На территории Испании сосуды, инкрустированные белой пастой, были найдены на поселении Сан Блас в Иберии (*La Pijotilla, San Blas и Molino Perdido*), которое относится к культуре воронковидных кубков. Воронковидные кубки с территории, расположенной в среднем течении р. Гуадиана, были исследованы впервые (*Odriozola, Hurtado Pérez*, 2007. P. 1794–1803). Декорация этих сосудов нетипична для посуды III тыс. до н. э., как и для воронковидных кубков. Толщина и глубина вдавленных орнаментальных мотивов на керамике варьирует от 0,4 до 1,0 мм. Технология, которая была использована гончарами в регионе среднего течения р. Гуадиана на стадии декорации, заключалась в том, что прорисовывался декоративный мотив и поверх зазора или оттисков наносилась густая, мягкая паста, получаемая путем смешивания сухой порошкообразной кости с жидкостью, водой или жиром. Инкрустация костной пастой могла быть выполнена до обжига (по данным *Salanova*, 2000)

или после обжига, что характерно при использовании карбонатной пасты (*Covertini, Querré, 1998. P. 333–341*).

Исследователи предполагают, что костная паста могла быть подготовлена с некоторым количеством жира (например, с костным мозгом), клея или пчелиного воска вместо воды для того, чтобы улучшить ее обрабатываемость и сродство к глинистой матрице, и то, что она наносилась до полировки и обжига. Высокие температуры обжига, около 750–900° С, уничтожили эти органические следы. С другой стороны, сухая костная паста могла быть просто заложена в прочерченный рисунок без какого-либо фиксирующего раствора. Декорированные изделия, такие как воронковидные кубки, рассматриваются как престижные изделия. Поэтому они вряд ли использовались как сосуды для приготовления еды или как кухонные изделия и, вероятно, не взаимодействовали с огнем. Даже если их использовали как сосуды для приготовления пищи, температуры не превышали температур кипения масла (200° С). В бассейне р. Гуадиана могли сосуществовать две технологии изготовления белой пасты для инкрустации: 1) использование костной пасты и 2) пасты, состоящей из карбоната кальция. Оба типа сырья были подготовлены в качестве пасты до их нанесения на сосуд. Костная паста, вероятно, была нанесена на сосуд до нагрева, то есть процесс декорации, полировки был выполнен до нагрева. Присутствие в пасте обожженной кости различного типа трансформации при обжиге может свидетельствовать о том, что гончар мог контролировать температуру обжига с помощью топлива или своих навыков. Карбонатная паста является более редкой на сосудах и нехарактерна для этого региона. По-видимому, эта традиция приходит из Испанской Месеты, Прованса, Бретани. Костная паста рассматривается как признак технологической идентичности этого региона с территорией Тьерра-де-Баррос медного века.

Культура воронковидных кубков была распространена в Моравии, одновременно формируясь в Богемии, Нижней Австрии, Малой Польше и регионе современного Будапешта (*Všianský et al., 2014. P. 414–422*). В Моравии эти сосуды, как правило, орнаментированы мотивами из вдавленных,

пунктирных линий и гребенчатого штампа, которые иногда заполнены белой инкрустацией, в отличие от применявшейся ранее окраски поверхности красной краской. Традиция инкрустирования белой пастой продолжается на этой территории и позже – в культуре Унетиче (2300/2200 до 1650 г. до н. э.) и группе Вертова (1650 и 1500 г. до н. э.).

Для сосудов выделяется пять типов пасты:

Группа 1 – каолиновая паста. Паста состоит из каолинита, иллита и кварца. Инкрустация применялась на уже обожженном сосуде, который был обожжен при температуре не выше чем 500–600° С. Большая часть керамики, инкрустированной таким образом, была найдена в юго-западной части Моравии, где присутствуют выходы каолина;

Группа 2 – паста из костного материала. Гидроксипатит является преобладающим компонентом, входящим в состав этой пасты. Кости были подвержены относительно высоким температурам обжига. Возможны две техники производства пасты с костью: а) свежая кость была подготовлена как пастообразное костное тесто, которое затем наносилось на сосуд. Однако, как отмечают многие авторы, свежую кость размельчить до состояния порошка гораздо труднее, чем обожженную; б) обожженная кость, которая затем измельчалась и использовалась для подготовки пасты из костной муки. Могло существовать несколько вариантов подготовленных для декорации сосудов: паста из костного порошка наносилась на необожженный сосуд, и затем сосуд обжигался. Паста из костного порошка была нанесена на поверхность предварительно обожженного сосуда. Наиболее вероятным вариантом, по-видимому, является вариант, когда кость была обожжена предварительно, затем измельчена и нанесена на уже обожженную посуду, и затем сосуд вновь был обожжен;

Группа 3 – карбонатная паста. Измельченные карбонатные породы или карбонатные глины, или почвы, входили в состав пасты. В состав карбонатов входит кальцит или доломит. Пасты с относительно большим содержанием доломита не подвергались нагреву выше 600–650° С. Возможным источником карбонатных материалов для пасты могли быть известняк или вторичные карбонатные конкреции из лессов. Эродированные частицы известняка могли просто быть собраны из поверхностных

отложений. Использование раковин моллюсков не может быть исключено в карбонатных пастах, которые не содержат доломита. Карбонатная паста изготавливалась из измельченных в пудру карбонатов, смешанных с водой;

Группа 4 – «штукатурка», приготавливалась из измельченного гипса обожженного или необожженного. Гипс является одним из главных минералов третичных глин и содержится в мраморах Предкарпатского прогиба. Гипс, смешанный с водой, образует бессанит. После гидратации при нагревании бессанит переходит в гипс снова и затвердевает, образуя «штукатурку»;

Группа 5 – глина или почва с низким содержанием карбонатов или без карбонатов. Присутствуют смешанные рецептуры паст: каолин+кость, каолин+карбонаты, кость+карбонаты, кость+глина. Температура обжига керамики была около 800° С. Присутствие темной центральной части на изломе черепка связано с восстановительной атмосферой в печи, которая медленно переходит в окислительную в период обжига. Основной технологией приготовления пасты являлся первоначальный обжиг минеральных и костных материалов в пределах от 500° до 700° С, затем измельчение и смешивание с жидкостью или жиром.

Культура среднего бронзового века инкрустированных сосудов в Подунавье, Венгрии (2000–1500 гг. до н. э.) названа по типичным сосудам (*Roberts et al.*, 2008. P. 322–333). Сосуды имеют широкое разнообразие декоративных мотивов, включающих спираль, зигзаги, расчесывание, линии, точки, круги, ленты и елочки, которые могут встречаться как самостоятельно, так и в комбинации, и они обычно заполнены белой пастой. Керамика культуры Кисапостаг (ранний бронзовый век, 2100–2000 гг. до н. э.) имеет типичную орнаментацию в виде кругов-спиралей, заполненных белой пастой. Изучение пасты на сосудах из поселений Кисапостаг и Верс показали, что в ее состав входит кальцит и фосфаты, которые образуют гидроксиапатит (кость). Проведенные исследования показали, что в состав пасты по данным дифракционного анализа входят кварц, кальцит и плохо раскристаллизованный гидросиапатит, что соответствует костным тканям большинства млекопитающих. По данным микронзондового исследования, матрица

образца состоит из апатита, хотя встречаются случайные фрагменты силикатов (Ca, Al, Fe, Mg). Эти особенности предполагают, что хотя паста имеет одинаковый химический состав, некоторые изменения могли происходить в период ее подготовки, еще до обжига сосуда. В большинстве образцов для изготовления белой пасты применялся гидроксиапатит (кость), хотя в отдельных образцах карбонат кальция присутствует в пасте. Высокие температуры обжига 600–825° С могут свидетельствовать о том, что пасты могли применяться после обжига, или вторичные карбонаты могли образоваться при охлаждении и последующем захоронении черепка.

Проведенные исследования образцов пасты для инкрустации посуды из различных памятников разных эпох в древней Европе показывают удивительное сходство в рецептуре пасты. Основой для большинства рецептов служит костный или карбонатный материал. Тем не менее остается открытым вопрос о способе инкрустирования пастой сосудов: наносилась паста на сосуд до или после обжига.

Приведенные выше данные важны для сравнительного анализа в изучении пасты на керамике раннего железного века в Северном Причерноморье.

Методы исследования белой пасты из памятников Северного Причерноморья. Минеральный состав пасты для инкрустации был определен методом SEM-EDS в центре коллективного пользования СПбГУ «Геомодель». Паста была снята скальпелем из углублений на керамике. Проанализировано 14 образцов пасты из заполнения в орнаменте керамики, один образец был подготовлен специально как экспериментальный. Экспериментальная паста была изготовлена из смеси мела, скорлупы яйца и толченой кости.

Результаты анализа. Для исследований отобраны образцы пасты, используемой для инкрустации сосудов из поселений (Глинжень II-Ла Шанц, Шолдэнешть II, Жаботин) и погребений (Шолдэнешть I) оседлого населения и захоронений ранних кочевников (Пришиб, Суклея 3).

Поселение Глинжень II-Ла Шанц, Средний Днестр (культурно-хронологический горизонт культуры Басарабь-Шолдэнешть, VIII – первая половина VII в. до н. э.).

Образец Glinjeni 10.³ Белой пастой были заполнены линии геометрического узора, нанесенные мелкозубчатым штампом на тулово чернолощеного сосуда (рис. 1, 1). Состав: смектитовые глины, глауконит, кальцит, окислы железа (гетита), кварц, каолинит, циркон, хлорит, плагиоклаз, рутил, флогопит, волластонит, вивианит микроклин (рис. 1, 2). Можно отметить, что часть минералов могла попасть в состав пасты с поверхности черепка. Такие минералы, как смектитовые глины, окислы железа, глауконит, циркон, рутил, плагиоклаз, микроклин, кварц, флогопит, моноцит и гадолинит, входят в состав керамического теста сосуда. Белая паста состоит главным образом из таких минералов, как кальцит, каолинит, волластонит, вивианит.

Образец Glinjeni 3. Белая паста в линиях геометрического узора на тулове чернолощеного сосуда практически не сохранилась (рис. 2, 2), но при анализе на поверхности черепка в составе керамического теста обнаружено присутствие таких акцессорных минералов, как титаномагнетит, хромит, рутил и барит-цельзиан (рис. 2, 1).

Поселение Шолдэнешть II, Средний Днестр (культура Басарабь-Шолдэнешть, VIII – первая половина VII в. до н. э.).

Образец Şoldăneşti 75. Белой пастой заполнены линии геометрического узора, нанесенные мелкозубчатым штампом по отогнутому наружу краю миски (рис. 2, 4). Состав: смектитовые глины, хлорит, окислы железа, апатит-волластонит (рис. 2, 3).

Могильник Шолдэнешть I, Средний Днестр (культура Басарабь-Шолдэнешть, VIII – первая половина VII в. до н. э.).

Образец Şoldăneşti 64. Белой пастой заполнены линии геометрического и волотообразного узора, нанесенные крупнозубчатым штампом на широкий отогнутый наружу край чернолощеной миски (рис. 2, 6). Состав: смектитовые глины, апатит, барит, цельзиан, Ca-Sr-плагиоклаз (рис. 2, 5).

Поселение Жаботин, Правобережье Днестра (Жаботинская культура, горизонт Жаботин-I, первая половина VIII в. до н. э.).

Образец Zhabotyn 440. Белой пастой заполнены линии геометрического узора на тулове черноло-

щеного черпака (рис. 3, 2). В состав пасты входит плагиоклаз, рудные минералы: рутил, хромит-магнетит, ортит. Основа пасты представлена волластонитом (рис. 3, 1).

Образец Zhabotyn 441. Белой пастой заполнены линии геометрического узора на верхней (внешней) части высокой ленточной ручки черпака (рис. 3, 4). Паста розоватого цвета. Состав: смектитовые глины, кварц, лабрадор, анортит, ильменит. Основа пасты: каолинит, кальцит-волластонит, апатит (Ca/P = 1,404 в составе обломка апатита по данным микронзондового исследования) (рис. 3, 3).

Образец Zhabotyn 442. Белой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного в средней части тулова чернолощеного черпака. Паста, состав: кварц, эпидот, битовнит.

Образец Zhabotyn 448. Остатки белого вещества на внутренней поверхности верхней части небольшого сосуда (рис. 3, 6). Состав: смектитовые глины, титаномагнетит, кальцит, апатит-волластонит (рис. 3, 5).

Образец Zhabotyn 451. Белой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного в средней части тулова серолощеного черпака (рис. 4, 3). Состав: смектитовые глины, глауконит, ферросилит, эпидот (рис. 3, 1, 2).

Образец Zhabotyn 453. Желтой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного в средней части тулова серолощеного черпака. Состав: смектитовые глины, хромит-магнетит, кварц.

Образец Zhabotyn 469. Белой пастой заполнены линии геометрического узора на тулове лощеного сосуда. Состав: смектитовые глины, лабрадор, анортит, волластонит-кальцит.

Образец Zhabotyn 470. Белой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного в средней части тулова светло-оранжевого лощеного черпака. Состав: смектитовые глины, анортит, кальцит-волластонит.

Образец Zhabotyn 473. Серой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного на тулове светло-оранжевого сосуда (рис. 3, 8). Состав: смектитовые глины, сфен, волластонит, каолинит (рис. 3, 7).

Погребения ранних кочевников («киммерийская» культура, IX–VIII вв. до н. э.).

Пришиб, курган 4, погребение 25.

Образец Pryshyb 104. Пастой бежевого цвета заполнены линии геометрического узора, распо-

³ Здесь и далее названия образцов и номер даются согласно базе данных, подготовленной на английском языке по проекту.

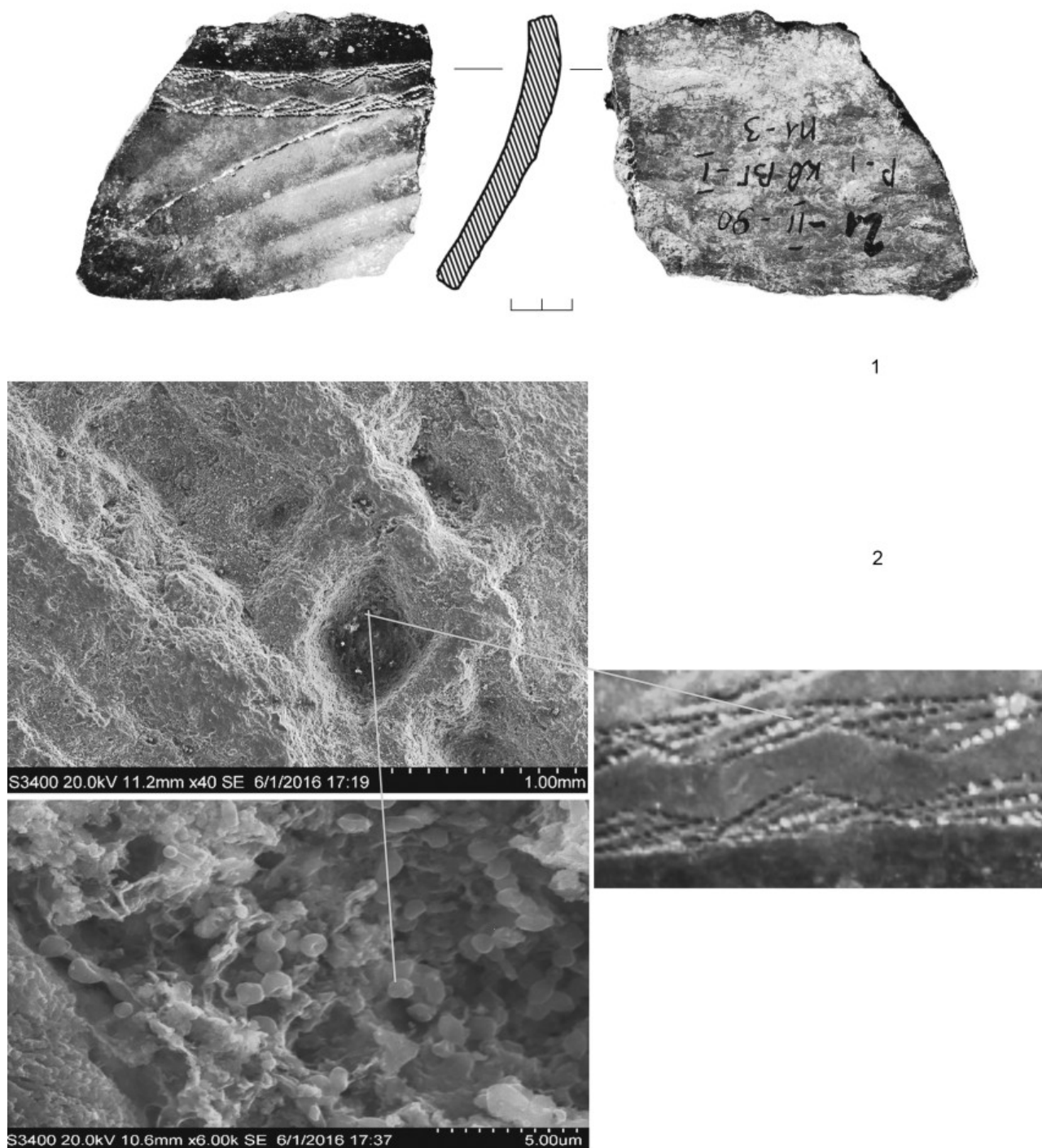

Рис. 1. Среднее Поднестровье, городище Глинжень II-*Ла Шанц*, культура Басарабь-Шолдэнешть. Образец Glinjeni 10: 1 – фрагмент; 2 – декорированное углубление на поверхности черепка, 100нм кокковидные наночастицы, состоящие из биоапатита, SEM-EDS

Fig. 1. Middle Dniester region, settlement-site of Glinjeni II-*La Șanț*, Basarabi-Șoldănești culture. Sample Glinjeni 10: 1 – fragment; 2 – decorated depression on the surface of a sherd, 100nm coccus-like nanoparticles consisting of bioapatite, SEM-EDS

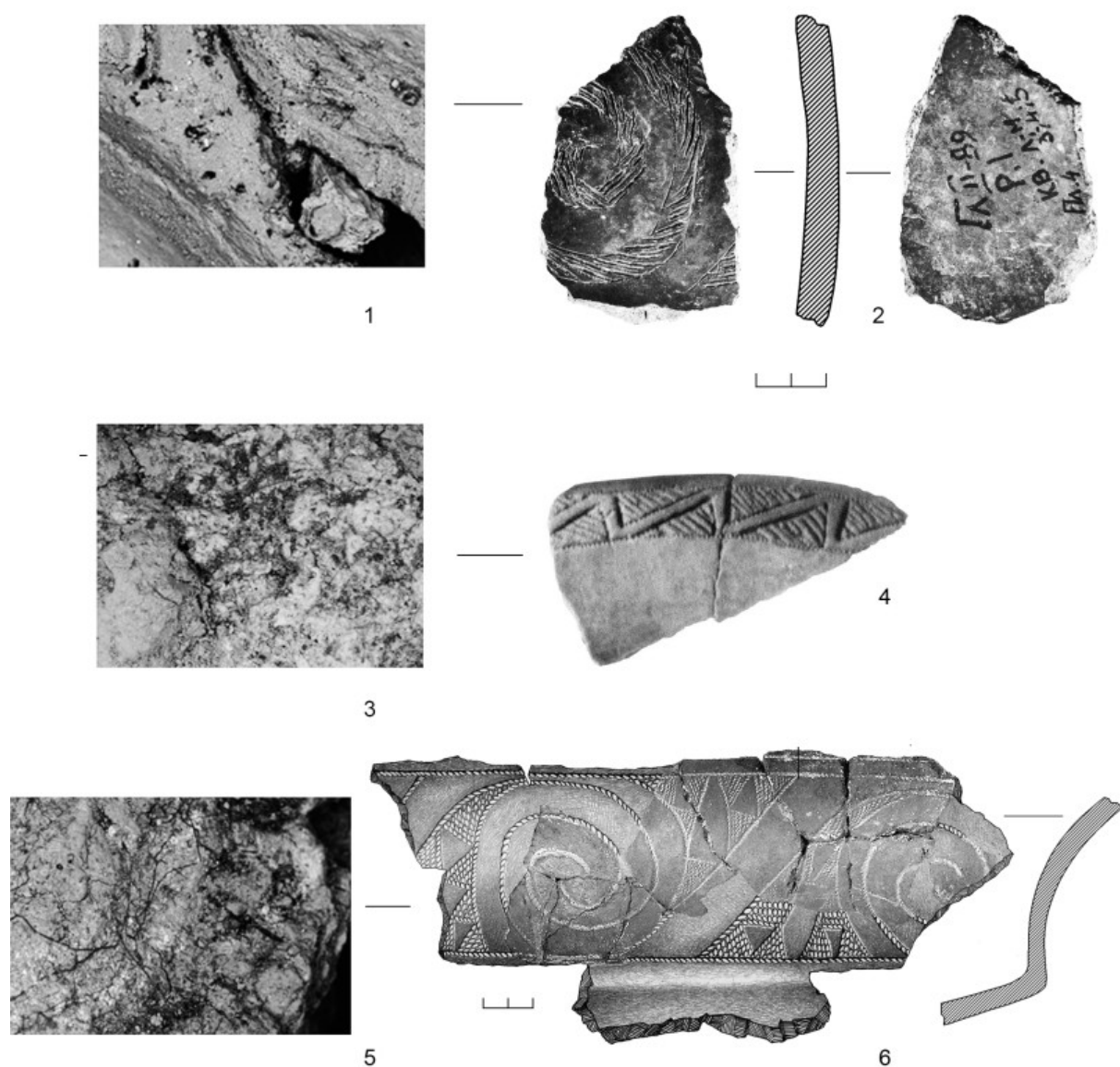

Рис. 2. Среднее Поднестровье, культура Басарабь-Шолдэнешть: 1, 2 – городище Глинжень II-*Ла Шань*, образец Glinjeni 3; 3, 4 – поселение Шолдэнешть I, образец Şoldăneşti 75; 5, 6 – могильник Шолдэнешть II, образец Şoldăneşti 64 (1, 3, 5 – SEM-EDS белой пасты)

Fig. 2. Middle Dniester region, Basarabi-Şoldăneşti culture: 1, 2 – settlement of Glinjeni-*La Şanţ*, sample Glinjeni 3; 3, 4 – settlement of Şoldăneşti I, sample Şoldăneşti 75; 5, 6 – cemetery of Şoldăneşti II, sample Şoldăneşti 64 (1, 3, 5 – SEM-EDS of white paste)

женного в средней части тулова серолощеного черпака (рис. 5, 2). Состав: смектитовые глины, глауконит, рутил, биотит, силлиманит (рис. 5, 1).

Сукляя, курган 3.

Образец Sucleia 132. Белой пастой заполнены линии геометрического узора, расположенного в верхней части тулова серолощеной корчаги (рис. 5, 4). Состав: смектитовые глины, Fe-Са глин, титаномагнетит (рис. 5, 3).

Экспериментальный образец. Белая паста, состав: гипс, апатит – толченая кость ($Ca/P = 1,405$), кальцит (рис. 4, 4, 5).

Обсуждение результатов. Основной особенностью всех проанализированных образцов является то, что почти в каждом из них встречаются силикаты кальция – волластонит ($Ca_3[Si_3O_9]$), геленит, ларнит, которые имеют схожие химические составы и их сложно различить только на основании химического

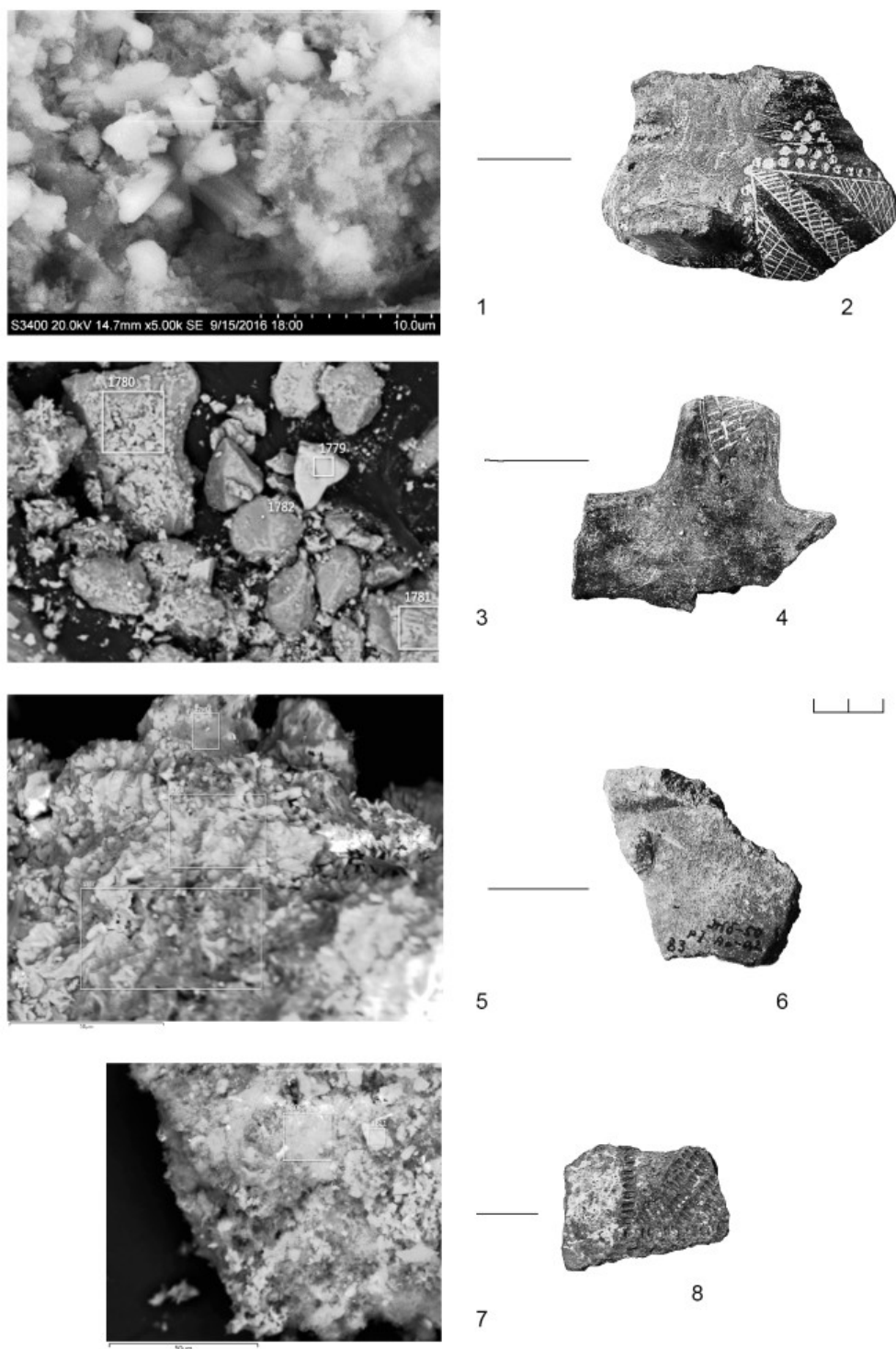

Рис. 3. Правобережье Днепра, поселение Жаботин, Жаботинская культура: 1, 2 – образец Zhabotyn 440 (1 – кристаллы волластонита); 3, 4 – образец Zhabotyn 441 (3 – 1779 – обломок кости (апатит)); 5, 6 – образец Zhabotyn 448 (5 – смектит, кальцит); 7, 8 – образец Zhabotyn 473 (7 – 1808, 1811 – каолинит) (1, 3, 5, 7 – SEM-EDS белой пасты)

Fig. 3. Right bank of the Dnieper, settlement of Zhabotin, Zhabotin culture: 1, 2 – sample Zhabotyn 440 (1 – crystals of wollastonite); 3, 4 – sample Zhabotyn 441 (3 – 1779 – bone fragment (apatite)); 5, 6 – sample Zhabotyn 448 (5 – smectite, calcite); 7, 8 – sample Zhabotyn 473 (7 – 1808, 1811 – kaolinite) (1, 3, 5, 7 – SEM-EDS of white paste)

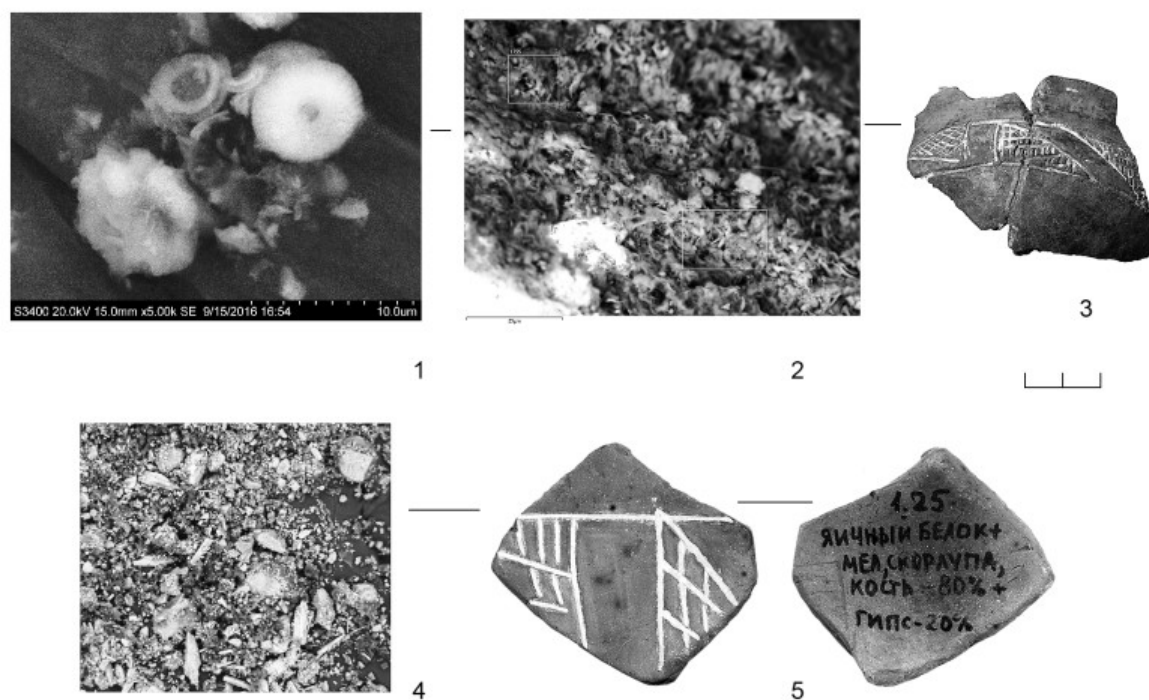

Рис. 4. Правобережье Днепра, поселение Жаботин, Жаботинская культура (1–3) и экспериментальный образец (4, 5): 1–3 – образец Zhabotyń 451 (1 – остатки диатомовых водорослей в пасте; 2 – смектит); 4, 5 – экспериментальный образец (4 – 1808, 1811 – каолинит) (1, 2, 4 – SEM-EDS белой пасты)

Fig. 4. Right bank of the Dnieper, settlement of Zhabotyń, Zhabotyń culture (1–3) and experimental sample (4, 5): 1–3 – sample Zhabotyń 451 (1 – remains of diatomaceous water-weeds in the paste; 2 – smectite); 4, 5 – experimental sample (4 – 1808, 1811 – kaolinite) (1, 2, 4 – SEM-EDS of white paste)

состава, без проведения дополнительных исследований их структур. В настоящее время волластонит достаточно широко применяется в производстве керамических изделий и получается искусственно путем твердофазного синтеза из диатомита (SiO_2) и кальцита (CaCO_3). Его синтез идет активно при температурах около 900°C (Исламова и др., 2010. С. 257–262). Кальциевые метасиликаты, геленит, ларнит могут образовываться в результате такой реакции, даже при более низких температурах (600 – 700°C). В составе большинства паст встречается кальцит, который, по-видимому, не до конца перешел в волластонит. В некоторых образцах встречаются переходные фазы между кальцитом и волластонитом. Кроме того, в одном из образцов были обнаружены остатки диатомовых водорослей (рис. 4, 1), которые могли входить в состав опоки или диатомита. По данным SEM-EDS анализа, в этом образце по химическому составу были определены частицы кремнезема. В состав какого

из минеральных образований кремнезема, кварца или опала они входят, сложно определить без исследований структуры минералов.

В некоторых образцах присутствует апатит. Анализ экспериментального образца пасты, в которой использовалась толченая кость, показал, что соотношение Ca/P по данным микрондового анализа частиц этой кости составляет 1,405. Этот показатель был рассчитан также для обломков апатита (рис. 3, 3), встречающихся в пасте образца *Zhabotyń 441*, и составляет 1,404, что свидетельствует о том, что апатит имеет биогенное происхождение и входил в состав кости.

В белой пасте образца *Glinjeni 10* обломков апатита (кости) не было выявлено. Паста имеет очень хорошую однородную текстуру (рис. 1, 2). В составе пасты наряду с кальцитом, каолинитом, волластонитом был отмечен вивианит ($\text{Fe}_3(\text{PO}_4)_2 \cdot 8\text{H}_2\text{O}$), который представляет собой фосфат железа. Возможно, образование вивианита происходило уже

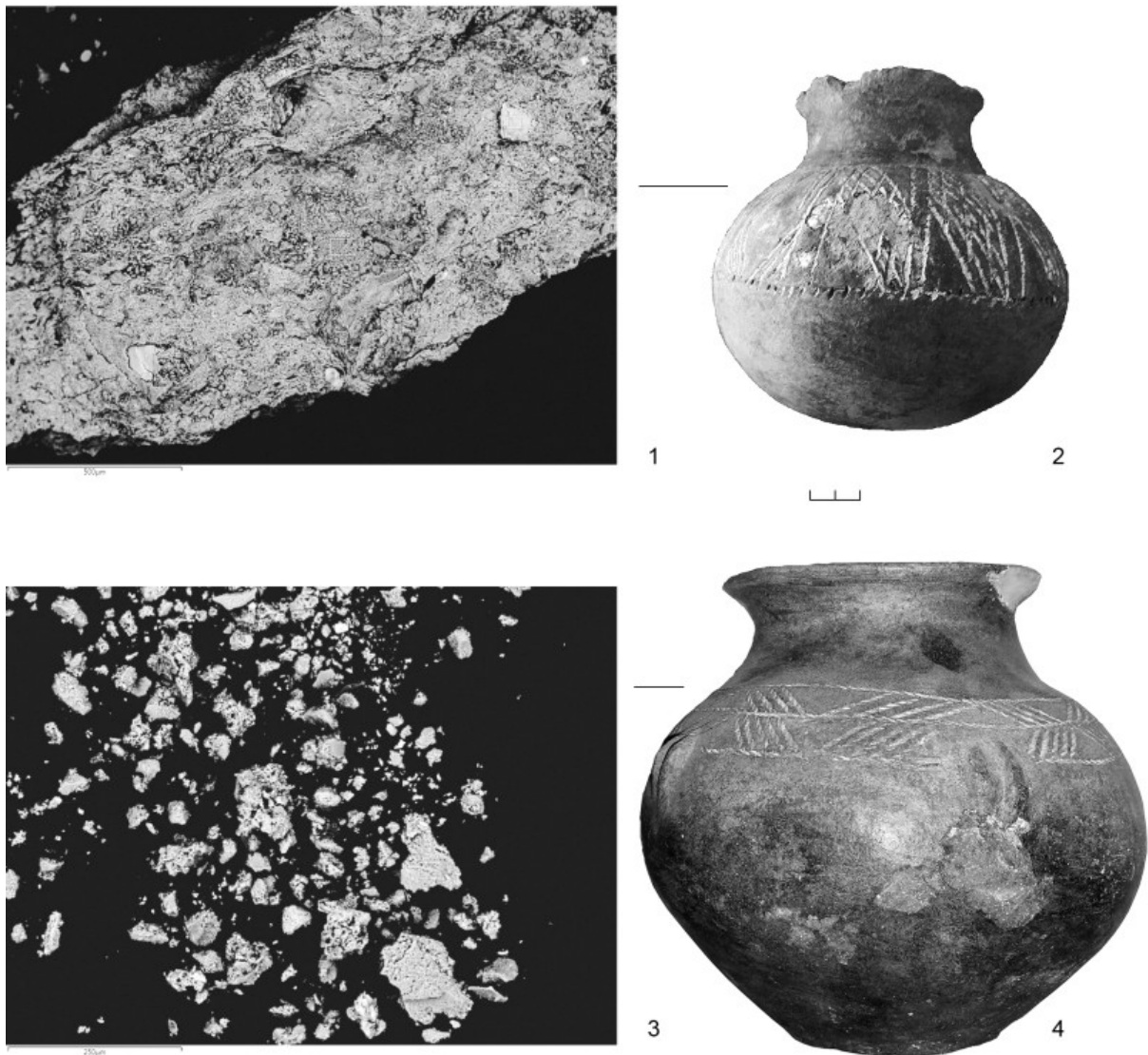

Рис. 5. Северное Причерноморье, погребения ранних кочевников, «киммерийская» культура: 1, 2 – образец Pryshyb 104; 3, 4 – образец Sucleia 132 (1, 3 – SEM-EDS белой пасты)

Fig. 5. Northern Black Sea littoral, burials of early nomads, ‘Cimmerian’ culture: 1, 2 – sample Pryshyb 104; 3, 4 – sample Sucleia 132 (1, 3 – SEM-EDS of white paste)

на стадии захоронения сосуда и носит диагенетический характер. Его формирование связано с анаэробным процессом восстановления трехвалентного железа (Fe(III)) в результате жизнедеятельности микроорганизмов в присутствии избыточного содержания фосфора. В данном случае такой процесс мог проходить на контакте соприкосновения костных частиц и чернолощеной поверхности сосуда (в составе которой присутствуют соединения железа). Другим свидетельством того, что в состав этой пасты входили биогенные вещества, являются обнаруженные в ее составе 100 нм кокковидные наночастицы,

состоящие из биоапатита. Размножению и росту таких частиц способствует белковая среда, содержащая фетuin, который, в свою очередь, является основным биологическим компонентом крови.

Важно отметить, что для образца *Şoldăneşti 64* отмечается новая рецептура пасты, в составе пасты присутствуют минералы, содержащие барий ($BaSO_4$ – барит, $Ba[Al_2Si_2O_8]$ – бариевый плагиоклаз-цельзиан). Такое же редкое сочетание барита с цельзианом выявлено в образце *Glinjeni 3*. Использование сульфата бария для изготовления пасты можно сопоставить с традицией изготовления пасты

из гипса ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$), которая использовалась при инкрустации сосудов, относящихся к культуре воронковидных кубков. Барит с целезианом и апатитом представляют собой редкую ассоциацию. Они характерны для гидротермальных месторождений. Примечательно, что ближайшие месторождения барита расположены на территории Румынии – в восточной части Карпатского бассейна (месторождения Кавник, Бая-Сприе). Присутствие барита-целезиана на этих фрагментах может свидетельствовать об импортном производстве сосудов (по составу теста и технологии эти образцы *Soldănești 64* и *Glinjeni 3* одинаковы, отличаясь только некоторыми микроэлементами).

Выводы и задачи. По минеральному составу можно выделить несколько рецептов пасты для инкрустации сосудов из памятников VIII – первой половины VII в. до н. э. Северного Причерноморья:

- 1) каолинит, кальцит, волластонит, костная зола;
- 2) смектитовые глины, кальцит, костная зола, волластонит;
- 3) смектитовые глины;
- 4) волластонит;
- 5) смектитовые глины, апатит, целезиан, барит.

Таким образом, в основной состав пасты входили кальцит и кремнезем. Для отдельных образцов в составе отмечается присутствие костной золы, каолинита и смектита. Особо выделяются образцы, содержащие сульфат бария – барит. Общей особенностью состава почти всех образцов пасты является присутствие высокотемпературных силикатов кальция, таких как волластонит. Нужно отметить, что волластонит нехарактерен для пород, слагающих геологическую провинцию региона. Особен-

ности состава всех проанализированных образцов пасты показывают, что паста была, по-видимому, предварительно подготовлена. Наличие волластонита свидетельствует о том, что первоначально кальцит и силикатный материал (диатомит, опока, глина) были измельчены в порошок и нагреты до 700–900°С. Затем полученный продукт вновь был растерт и смешан с сухой, порошкообразной костью (возможно, предварительно обожженной), каолинитом, с жидкостью, например, с водой, жиром или кровью. Этой пастообразной массой были затерты орнаментальные надрезы на сосуде.

Важно, что традиция использования в составе пасты для инкрустации таких ингредиентов, как кальцит, костная зола, каолинит, сохраняется с периода неолита, бронзового века в древней Европе, и в раннем железном веке в результате миграционных процессов появляется в Северном Причерноморье. В этот период можно отметить некоторые изменения, можно сказать, инновационные, в подготовке белой пасты, такие, как высокотемпературный обжиг основных ингредиентов с получением нового, более прочного синтетического материала, такого, как алюмосиликаты и силикаты кальция (волластонита). Развитие железообрабатывающих технологий в этот период могло способствовать созданию таких новых материалов. Дальнейшее проведение исследований структурных особенностей минералов, входящих в состав пасты, даст возможность охарактеризовать этот процесс более детально, в том числе предстоит выяснить, белые пасты какой рецептуры присутствовали на сосудах из погребений ранних кочевников Северного Причерноморья.

Бруйко, 2005 – Бруйко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005 (Археологические источники Восточной Европы).

Грязнов, 1966 – Грязнов М. П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. М., 1966 (КСИА; Вып. 108: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии).

Иессен, Пиотровский, 1940 – Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. Л., 1940 (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа; Вып. 1).

Исламова и др., 2010 – Исламова Г. Г., Лыгина Т. З., Губайдуллина А. М. Кинетика твердофазного синтеза силикатов кальция и качественная диагностика продуктов синтеза // Вестник Казанского технологического ун-та. 2010. № 8.

Кайзер и др., 2016 – Кайзер Э., Кашуба М., Гаврилюк Н., Кулькова М. Дискуссионные вопросы изучения керамики у ранних кочевников Северного Причерноморья // Емінак: науковий щоквартальник. Київ; Миколаїв, 2016. № 4 (16) (жовтень–грудень).

- Кайзер и др.*, 2017 – *Кайзер Э., Гаврилюк Н. А., Каиуба М. Т., Кулькова М. А.* Сосуды «фракийской группы» из степных предскифских погребений в Северном Причерноморье: возможности изучения // Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2017 (Археологія і давня історія України; Вип. 2 (23)).
- Каиуба и др.*, 2018 – *Каиуба М. Т., Кулькова М. А., Кульков С. А., Власенко Н. С., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э.* Белая паста – ноу-хау в производстве керамики раннего железного века Причерноморского бассейна // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск, 2018.
- Кулькова и др.*, 2016 – *Кулькова М. А., Мадянова Н. П., Каиуба М. Т., Кульков А. М.* Технология изготовления керамических сосудов раннего железного века из памятников Причерноморья // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб., 2016 (Тр. междунар. семинара; Т. XV).
- Кулькова и др.*, 2017 – *Кулькова М. А., Каиуба М. Т., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э., Кульков А. М., Ветрова М. Н.* Технологические особенности изготовления глиняной посуды из памятников X–VIII вв. до н. э. Северного Причерноморья по данным минералого-геохимического метода // Материалы Юбилейного съезда Российского минералогического общества «200 лет РМО» (Санкт-Петербург, 10–13 октября 2017 г.). СПб., 2017. Т. 2.
- Махортых*, 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005 (Bibliotheca Vita Antiqua).
- Тереножкин*, 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Blasco*, 1994 – *Blasco C.* El horizonte campaniforme de la región de Madrid en el centenario de Ciempozuelos. Madrid, 1994.
- Covertini, Querré*, 1998 – *Covertini F., Querré G.* Apports des études céramologiques en laboratoire à la connaissance du Campaniforme: résultat, bilan et perspectives // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1998. Vol. 95.
- Daszkiewicz et al.*, 2018 – *Daszkiewicz M., Gavryluk N., Kaiser E., Kashuba M., Kulkova M., Nykonenko D., Schneider G., Vetrova M.* Keramikanalysen für die Rekonstruktion sozio-ökonomischer Verhältnisse bei den frühen Reiternomaden nördlich des Schwarzen Meeres zwischen 1000 und 600 v. Chr. // «Archäometrie und Denkmalpflege» 2018. Jahrestagung am Deutschen Elektronen-Synchrotron, Hamburg, 20.–24. März 2018. Kurzfassungen der Vorträge und Poster. Hamburg, 2018.
- Giustetto et al.*, 2013 – *Giustetto R., Berruto G., Diana E., Costa E.* Decorated prehistoric pottery from Castello di Annone (Piedmont, Italy): archaeometric study and pilot comparison with coeval analogous find // JAS. 2013. Vol. 40. Is. 12.
- Martín Valls, Debiles de Castro*, 1989 – *Martín Valls R., Debiles de Castro G.* La cultura del vaso campaniforme en las campiñas meridionales del Duero: el enterramiento de Fuente-Olmedo (Valladolid). Valladolid, 1989 (Monografías del Museo arqueológico de Valladolid. Vol. 1).
- Odriozola, Hurtado Pérez*, 2007 – *Odriozola C. P., Hurtado Pérez V. M.* The manufacturing process of 3rd millennium BC bone based incrustrated pottery decoration from the Middle Guadiana river basin (Badajoz, Spain) // JAS. 2007. Vol. 34. Is. 11.
- Roberts et al.*, 2008 – *Roberts S., Sofaer J., Kiss V.* Characterization and textural analysis of Middle Bronze Age Transdanubian inlaid wares of the Encrusted Pottery Culture, Hungary: a preliminary study // JAS. 2008. Vol. 35. Is. 2.
- Salanova*, 2000 – *Salanova L.* La question du campaniforme en France et dans les îles anglo-normandes. Production et rôles d'un standard céramique. Paris, 2000.
- Spataro*, 2016 – *Spataro M.* Playing with colours: understanding the chaîne opératoire of the earliest red monochrome and white-on-red painted ware of the central Balkans // Southeast Europe and Anatolia in prehistory: Essays in honor of Vassil Nikolov on his 65th anniversary. Bonn, 2016 (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie; Bd 293).
- Všianský et al.*, 2014 – *Všianský D., Kolář J., Peřík J.* Continuity and changes of manufacturing traditions of Bell Beaker and Bronze Age encrusted pottery in the Morava river catchment (Czech Republic) // JAS. 2014. Vol. 49, September.

First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral

**M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov,
N. S. Vlasenko, N. A. Gavrilyuk, E. Kaiser**

The problem of innovations in pottery manufacture of the Early Iron Age is considered here at the example of the polished pottery with geometric designs inlaid with white paste. The area of distribution of the pottery of this type comprises Europe including the northern Black Sea region, as well as the Caucasus and territories eastwards from it. The object of the study is pottery from burials of early nomads of the Northern Black Sea region and its comparison with the ware from sites of the settled population. Present-day analytical methods of studies of ancient pottery have succeeded in identifying the components of the white paste. In terms of the mineral composition several formulations are distinguishable in the paste for incrustation of vessels

from sites of the 8th – first half of the 7th century BC in the northern Black Sea littoral. Some of them have parallels in traditions of preparation of paste in early Europe of the Neolithic – Bronze Age. A composition including barite with celsian and anorthite has been identified which is a rare association characteristic of hydrothermal deposits: the nearest deposits of barite are found in the eastern area of the Carpathian basin. Of importance are the recorded innovations in preparation of white paste in the Northern Black Sea region in the process of which a *new strong synthetic material* wollastonite was produced. The development of ironworking technologies may have promoted innovations in manufacture of the pottery in this region.

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ И ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ КОБАНО-СКИФСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В. И. Козенкова¹

Аннотация. В связи с 80-летием раскопок Е. И. Крупновым памятников кобанской культуры (Алхасте, Нестеровская) в Ассинском ущелье Северного Кавказа в статье вновь поднимается вопрос о взаимоотношениях автохтонной культуры с кочевой культурой собственно скифов, элементы которой были выявлены в этих памятниках. Новые данные позволяют охарактеризовать различные мнения об основных аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений в VII–IV вв. до н. э. Приводятся примеры трансформации кобанской культуры на позднем этапе развития, ее степени и глубины в зависимости от близости и удаленности от границы контактов двух сообществ в условиях наличия широкого ареала коренной культуры. Затронут хронологический аспект. Выявлены противоречия в версиях специалистов относительно формы и модели взаимоотношений. Автором предложена модель устной договоренности в форме вооруженного нейтралитета, как наиболее адекватно отвечающая имеющимся археологическим свидетельствам.

Annotation. This sketch is connected with the 80th anniversary of E. I. Krupnov's excavations of sites of the Koban culture (Alkhaste, Nesterovskaya) in the Assa River Gorge of the Northern Caucasus. Here the question is once again raised about the interrelations between the autochthonous culture and the nomadic culture of the Scythians proper. Elements of the latter culture were distinguished at the abovementioned sites. On the basis of the new evidence accumulated, different opinions are characterized about the main aspects and the vector of development of the Koban/Scythian interrelations in the 7th–4th century BC. The causes of the transformation of the Koban culture, the extent and depth of this transformation depending on the closeness or remoteness from the border of the contacts of the two communities in the conditions of the presence of a wide habitat of the indigenous culture are here considered. The chronological aspect is also touched upon. Opposing versions by different experts concerning the form and model of the interrelations are shown. The present author proposes a model of a verbal agreement in the form of armed neutrality as the most adequately responding to the archaeological evidence available.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Е. И. Крупнов, кобанская культура, позднекобанская культура, скифская культура, контактирующие сообщества, вооруженный нейтралитет.

Keywords: North Caucasus, E. I. Krupnov, Koban culture, Late Koban culture, Scythian culture, contacting communities, armed neutrality.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-290-310

Тысячелетнее существование кобанской культуры в окружении инокультурного мира вносило в жизнь автохтонного населения обстоятельства, обусловленные исторически (кратковременные связи, военные набеги, миграции и т. п.). Большая роль во всех этих процессах принадлежала кочевым культурам юга Восточной Европы. Такие контакты приводили к существенной трансформации многих аспектов автохтонной культуры под воздействием чуждых культурных элементов. В данном процессе

исключительную роль играли кочевые племена скифов, господствовавшие в Предкавказье в эпоху их походов в Переднюю Азию и возврата оттуда (VII–IV вв. до н. э.). Накопленные с момента открытия кобанских древностей данные по многим сторонам быта носителей культуры позволяют уверенно говорить о появлении на позднем этапе ее развития качественно новых форм посуды и их большем разнообразии, новых типов украшений, железного оружия, часть которого была либо явно скифского типа, либо ему подражавшего (наконечники стрел, кинжалы). Конское снаряжение преимущественно подражало степным формам.

¹ Россия, 117036, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19. Институт археологии РАН, Отдел скифо-сарматской археологии. E-mail: kozenkova_vi@mail.ru.

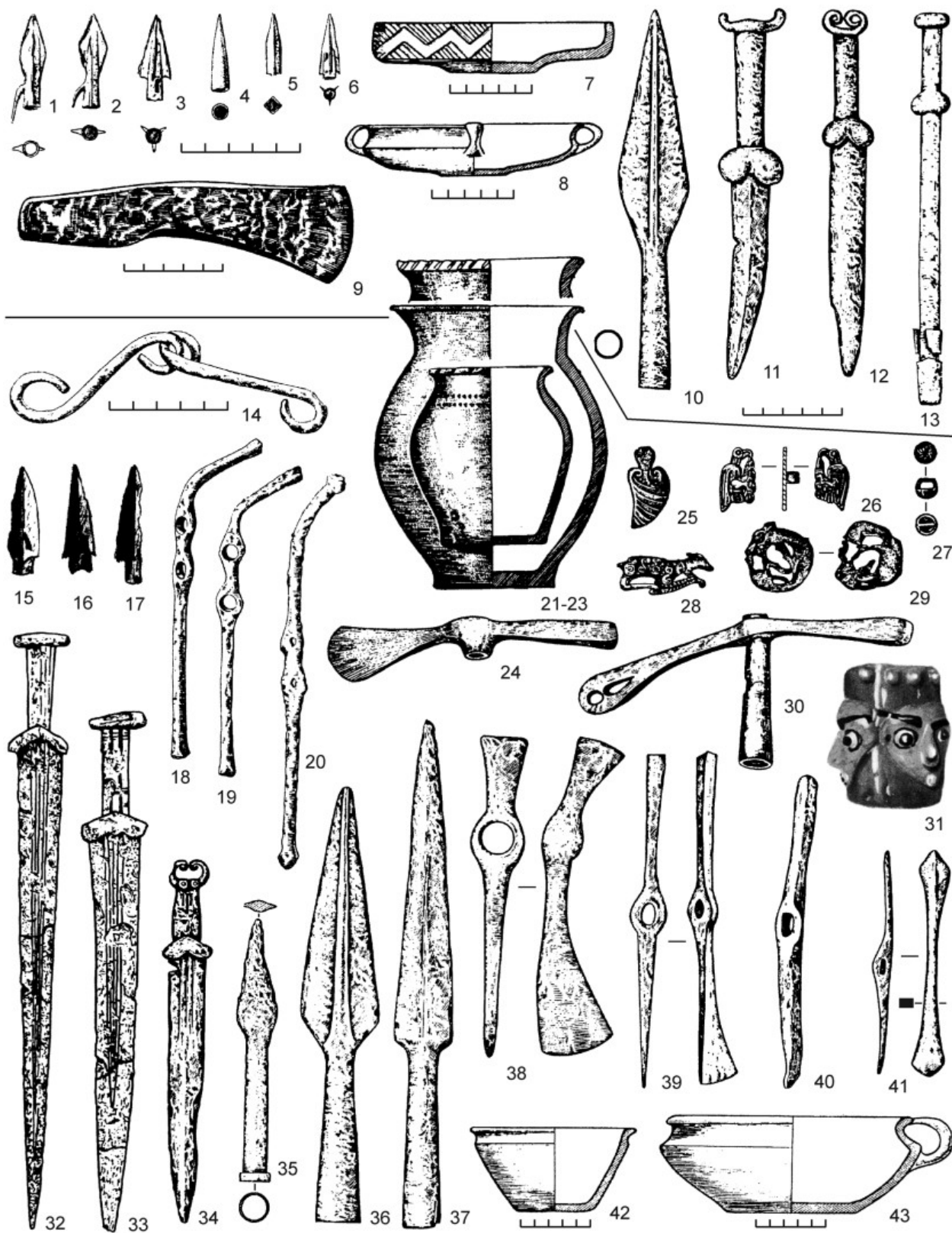
Значительное скифское влияние испытали детали костюма, выполненные в зверином стиле. Ряд кочевнических образов звериного стиля был преобразован согласно вкусам местного населения, выступая в иной ипостаси. Несмотря на традиционный оседлый образ жизни населения кобанской культуры, новые, связанные с кочевой культурой элементы проявились даже в погребальном обряде: вытянутая поза захоронений покойников, реальный в погребальном инвентаре, брахикранный некоторых черепов, захоронения коня.

При изучении столь заметных явлений в кобано-скифских взаимоотношениях исследователи выделяют несколько аспектов, из которых главными, на мой взгляд, являются: 1) причины трансформации кобанской культуры на поздних этапах; 2) степень и глубина трансформации; 3) проблема этнополитического сосуществования двух различных культур; 4) хронологический аспект – вектор развития кобано-скифских взаимоотношений от их начала и до конца. В историографии существуют разные гипотезы, часть которых получила подтверждения новыми находками, часть – потеряла свою актуальность. Однако многое все еще остается предметом дискуссии.

Стоит напомнить о произошедших значительных изменениях во взглядах по многим обозначенным выше направлениям. В 30-е гг. XX в. в археологической науке господствовала стадильная система, согласно которой археологические материалы Северного Кавказа делились на группы, соответствующие развитию экономического и социального строя. В результате и автохтонные, и подвергшиеся скифскому влиянию памятники относились к так называемой скифской стадии. Наиболее определенно в те годы по поводу этой схемы высказался А. А. Иессен. Анализируя добытые материалы Моздокского могильника, в которых прослеживались скифоидные элементы, он писал: «необходимо еще раз отметить, что применение термина «скифский» и здесь и в дальнейшем является условным. Им обозначается стадильное состояние данной общественной среды, более или менее общее для весьма обширных территорий от лесостепной полосы на севере до предгорий Кавказа на юге. Говорить об этническом единстве насельников Предкавказья и собственно "скифов" Север-

ного Причерноморья затруднительно. *Нет также оснований считать, что местное население в Закубанье и на Тереке носило имя скифы»* (Пиотровский, Иессен, 1940. С. 28, сн. 2) (курсив мой. – В. К.). Изучая имевшиеся на то время немногочисленные материалы из Кабардино-Балкарии (Каменноостский могильник и др.), исследователь различал «два различных комплекса – степной, отвечающей собственно "скифской" культуре, с одной стороны, предгорный и горный, теснейшим образом связанный с предшествующим этапом...» (Иессен, 1941. С. 20).

С начала 30-х гг. XX в. с появлением материалов из стационарно раскопанных памятников была предложена другая интерпретация причин изменения отдельных элементов автохтонной культуры. Согласно этой гипотезе имело место столкновение двух разных по происхождению культур: местной и кочевой, агрессивно милитаризованной, скифской. Речь идет о раскопках Е. И. Крупнова Алхастинского поселения и археологического комплекса Нестеровского поселения и могильника в Ассинском ущелье в Ингушетии на Северном Кавказе (рис. 1, 1–13). Основанием для гипотезы послужил комплекс находок (сосуды баночной формы, украшенные налепным щипковым орнаментом по краю венчика, бронзовые наконечники стрел скифского типа, железный акинак и другие, менее яркие предметы) из позднего слоя этих поселений кобанской культуры и в могильнике. На основе их анализа и близких аналогий он попытался «установить органическую связь Нестеровского могильника с подлинной скифской культурой» (Крупнов, 1948. С. 28) и сформулировал заключение о том, «что в определенный период бытования кобанской культуры на Северном Кавказе выявляются новые археологические объекты, представляющие иную культуру, именуемую скифской» (Там же. С. 31). Несмотря на скептицизм со стороны специалистов-скифологов (см.: Крупнов, 1960. С. 356), исследователь придерживался мнения, что выявленные элементы не позволяют такие памятники Ассинского ущелья «рассматривать изолированно от памятников Скифии», и они могут «считаться пограничными представителями, отражающими скифскую культуру» (Крупнов, 1941. С. 182). По мере накопления новых материалов свои

предварительные выводы ученый углубил, уточнил (Крупнов, 1949. С. 27) и скорректировал некоторые излишне прямолинейные заключения.

В своем основополагающем исследовании «Древняя история Северного Кавказа» Е. И. Крупнов (1960) представил версию о трех вариантах, выделенных в ареале кобанской культуры к концу 50-х гг. XX в., фундаментально подкрепленную новыми материалами (Луговой могильник), одновременно предложив убедительную концепцию трансформации кобанской культуры в середине VII–IV вв. до н. э. Она сводилась к тому, что в результате скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию во всех культурах Кавказа, в том числе и в кобанской, явно активизировались скифские элементы, глубоко затронув местные культуры. «Проникновение северных элементов привело к некоторому культурному синкретизму в отдельных районах Кавказа. <...> смешанный характер вещевого могильного инвентаря, а в какой-то степени и погребального обряда, наблюдаемого в Нестеровском и типологически близких ему других могильниках центральной полосы Северного Кавказа, совершенно очевиден. Следовательно, эта особенность памятников раннескифского времени составляет уже их типическую черту, безусловно, отражающую какую-

то историческую реальность, а также то соотношение различных элементов, которые оформляли культуру и этнографическую физиономию местного общества» (Крупнов, 1960. С. 385). На основе имевшихся источников Е. И. Крупнов не только подчеркивал наличие в позднекобанских памятниках культурного синкретизма, но и предполагал возможность не временного пребывания здесь скифов, а «частичного их оседания в отдельных пунктах». Специально при этом указывалось, что полной замены местной культуры с появлением в ней элементов кочевой не произошло. Местная культура оказалась «живучей», по выражению ученого, в силу ее укорененности (Там же. С. 388 и сл.). Отмечая важность существовавших взаимосвязей Скифии и Кавказа, Е. И. Крупнов особо обращал внимание на то, что «при разработке этого вопроса необходимо учитывать факт *первого* появления скифских вещей и дальнейшее, уже местное их производство по скифским образцам» (Крупнов, 1955. С. 11) (курсив мой. – В. К.). Другими словами, эти вещи должны были соответствовать вкусам и традициям автохтонного населения.

Наиболее яркие примеры такого усвоения населением позднекобанской культуры новых чуждых (степных) элементов представлены на северном

Рис. 1. Материалы скифского типа в позднекобанских памятниках ущелья р. Ассы.

1–13 – Нестеровский могильник VII–VI вв. до н. э.: 1–4 – погребение № 20; 5, 12 – погребение № 12; 6 – погребение № 4; 7 – погребение № 2; 8 – погребение № 50; 9 – вне погребения; 10 – кол. Арчакова; 11 – погребение № 1; 13 – погребение № 53; 14–43 – Луговой могильник VI–IV вв. до н. э.: 14, 18–19, 30, 40 – погребение № 50; 15–17, 27–29, 34, 41–42 – погребение № 64/128; 20, 31, 37 – погребение № 48/112; 21–23 – сосуды скифского типа в могильниках ущелья р. Ассы; 24 – погребение № 32/96; 26 – погребение № 66/130; 33 – погребение № 49/113; 35 – погребение № 26/90; 32, 36 – погребение № 37/101; 38, 43 – погребение № 88/152.

1–6 – Крупнов, 1948. С. 25, рис. 22; 7, 8, 42, 43 – Козенкова, 1982. С. 174, табл. LIII; 4, 8–10; 9, 12, 13, 35 – Крупнов, 1960. С. 177, 277, 482, 483, рис. 21, 5; 45; табл. LXII, 1; LXIII; 10, 11 – Крупнов, 1941. С. 196, табл. V; 4, 7; 14–20, 24–37, 40–41 – Мунчаев, 1963. С. 146, 151, 153, 161, 170, 171, 173, 180, 186, рис. 4, 6; 7, 1; 13, 5, 6, 9, 10; 18, 5; 19, 9, 10; 20, 3–6; 26, 3, 8, 12; 29, 6–9, 13, 14, 16; 21–23 – реконструкция автора сосудов из Нестеровского и Лугового могильников.

1–3, 15–17, 25–29 – бронза; 21–23, 42, 43 – глина; 31 – цветное стекло; остальное – железо

Fig. 1. Finds of the Scythian type from Late Koban sites in the gorge of the Assa River.

1–13 – Nesterovskoye burial ground of the 7th–6th century BC: 1–4 – burial no. 20; 5, 12 – burial no. 12; 6 – burial no. 4; 7 – burial no. 2; 8 – burial no. 50; 9 – from outside a burial; 10 – Archakov's collection; 11 – burial no. 1; 13 – burial no. 53; 14–43 – Cemetery of Lugovoy of the 6th–4th century BC: 14, 18–19, 30, 40 – burial no. 50; 15–17, 27–29, 34, 41–42 – burial no. 64/128; 20, 31, 37 – burial no. 48/112; 21–23 – pots of the Scythian type from cemeteries of the Assa gorge; 24 – burial no. 32/96; 26 – burial no. 66/130; 33 – burial no. 49/113; 35 – burial no. 26/90; 32, 36 – burial no. 37/101; 38, 43 – burial no. 88/152.

1–6 – Крупнов, 1948. P. 25, Fig. 22; 7, 8, 42, 43 – Козенкова, 1982. P. 174, Pl. LIII; 4, 8–10; 9, 12, 13, 35 – Крупнов, 1960. P. 177, 277, 482, 483, Fig. 21, 5; 45; Pl. LXII, 1; LXIII; 10, 11 – Крупнов, 1941. P. 196, Pl. V; 4, 7; 14–20, 24–37, 40–41 – Мунчаев, 1963. P. 146, 151, 153, 161, 170, 171, 173, 180, 186, Fig. 4, 6; 7, 1; 13, 5, 6, 9, 10; 18, 5; 19, 9, 10; 20, 3–6; 26, 3, 8, 12; 29, 6–9, 13, 14, 16; 21–23 – author's reconstruction of the pottery from the cemeteries of Nesterovskoye and Lugovoy)

1–3, 15–17, 25–29 – bronze; 21–23, 42, 43 – clay; 31 – coloured glass; the rest – iron

склоне Кавказа в погребальном инвентаре Лугового могильника VI–IV вв. до н. э. (рис. 1, 15–43) (Мунчаев, 1963. С. 139 и сл.). Среди комплексов вещей более 150 погребений ярко выделяются инвентари могил с массово представленным оружием разных типов и конским снаряжением, изготовленными во многом по скифским и позднее – по савроматским образцам, однако почти не имеющими прямых аналогий из ареала собственно кочевых культур. Некоторые погребения отличаются очевидными импортными престижными изделиями. Так, в погребении № 64/128 (рис. 1, 15–17, 27–29, 34, 41, 42) среди высокохудожественных украшений присутствуют собственно скифские предметы и их подражания: немногочисленный набор бронзовых трехгранных втульчатых наконечников стрел, железный акинак с навершием в виде волют, бляшки в виде крыла птицы, стилизованная бляшка в форме свернувшегося хищника, фрагмент бронзового пояса с гофрированной в «елочку» поверхностью, напоминающей визуальными наборными пластинчатыми скифские портупейные пояса (Козенкова, 2013. С. 119, рис. 62, 7). Кроме того, имеются наборы из импортных цветных стеклянных бус, среди которых выделяются крупные экземпляры с лицом человека (рис. 1, 31). Бляшка в виде свернувшегося зверя скорее представляет местную копию собственно скифских изделий (Мунчаев, 1963. С. 187, рис. 29, 16, 17; Козенкова, 1982. С. 31, табл. XXI, 9, 10). В погребении № 66/130 к таким вещам, безусловно, относятся бронзовые уздечные бляшки в виде орла, клюющего рыбу, и ожерелья из стеклянных бус (Мунчаев, 1963. С. 151, рис. 7, 1, 2; Козенкова, 1982. С. 31, табл. XXI, 11). Среди бытовых предметов и особенно аксессуаров костюма отмечены изделия, истоки формы которых (например, бронзовые двуховальные бляхи и бронзовые поясные пряжки с кругами) свидетельствуют о западноевропейском происхождении. Их прототипы прослеживаются в ареале позднего Гальштатта (VI–V вв. до н. э.), причем как особый набор украшений, так и схема их расположения в парадном костюме погребенных в Гальштаттском могильнике (Козенкова, 2007; 2013. Рис. 17, 5; цветная вклейка 17а, 37, 78). Подобное сходство вряд ли возможно без визуального наблюдения, что свидетельствует о миграционных импульсах поздних «кобанцев» в Западную Европу и, возможно, в Крым, где в син-

хронных с кобанскими могильниками обнаружены сходные украшения (Лесков, 1965. С. 148, рис. 38; Козенкова, 2008. С. 75). Включение собственно скифских вещей в инвентари погребенных в Луговом могильнике отражает не только явно элитарный характер захороненных, но и их воинскую мобильность. Миграционные импульсы «кобанцев» отмечены в этот период на восток в сторону Поволжья, в ареал савроматов. Доказательствами служат находки в позднем слое Сержень-юртовского поселения бронзовых втульчатых наконечников стрел кочевников. Так, в развале позднекобанского помещения № 4 обнаружена втульчатая трехгранная стрела конца VII – VI в. до н. э. (Козенкова, 2001. С. 84, рис. 45, 2). Второй бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник с изображением змейки на лопасти (Там же. С. 83, рис. 85, 15) аналогичен найденным экземплярам в савроматских погребениях конца VI – V в. до н. э., например, в Блюменфельдском кургане № А12 (Смирнов, 1964. С. 303 сл., рис. 11Б, 4). Чрезвычайно важное свидетельство существования прямых контактов поздних «кобанцев» с Поволжьем – две бронзовые ажурные уздечные бляхи из Галайтинского могильника в ущелье р. Аксай в Чечне. Эти четырехлучевые розетки свастической схемы с орлиными головками на концах имеют не просто прямые параллели, а идентичны уздечным бляхам из Хошеутовского могильника V в. до н. э. в Северном Прикаспии (Багаев, 2008. С. 79, рис. 126, 10; Козенкова, 2013. С. 128, рис. 71, 10, 11, 23). Все вышеприведенные примеры, скорее всего, могут свидетельствовать о самостоятельном, нейтральном сосуществовании сообществ, основанном не только на силовом превосходстве со стороны скифского контингента, но и на других факторах. Видимо, сразу после внезапного утраченного нашествия, главным образом в конце VI – начале IV в. до н. э., пришельцы стали нуждаться в экономических и военных ресурсах коренного населения, что требовало совершенно другой системы взаимоотношений.

Подобные сложные, разнохарактерные отношения двух пограничных сообществ как раз и подтверждают многолетние исследования Сержень-юртовского комплекса (поселение и могильник), расположенного у входа в ущелье р. Хулхулау в Чечне на востоке ареала кобанской культуры

(Козенкова, 2001; 2002). Анализ материалов второго этапа обитания поселка-убежища показал, что вначале контакты были агрессивными, когда внезапность и превосходство скифских передовых орд привели к разрушению поселка, гибели защитников и бегству части обитателей в горы (рис. 2, 1–18). Находки ранних бронзовых наконечников стрел скифского типа (рис. 2, 18) свидетельствуют, что эти события могли происходить во второй четверти – середине VII в. до н. э. Однако уже в конце VII – начале VI в. до н. э. обитатели Сержень-юртовского поселения и всей округи возвращаются на старые обжитые места. Возникают прочные межкультурные отношения, судя по упомянутым выше степным наконечникам стрел в слое остатков жилищ второго периода (VI–V вв. до н. э.). Этот процесс наблюдается и на других позднекобанских поселениях, например на Нестеровском.

Подтверждают эту ситуацию и самые поздние погребения Сержень-юртовского могильника. Могила на его позднем участке содержала железное оружие местных форм (наконечники стрел-площички, топоры), железный кинжал кобанского облика с элементами синкретизма и железные акинаки (Козенкова, 2002. Табл. 22, 7; 71, 14; 75, 14), однако при отсутствии типичных, собственно скифских наконечников стрел (рис. 2, 19–33). Один из железных топоров имеет очертания (рис. 2, 29), аналогичные местным традиционным бронзовым изделиям (Там же. Табл. 71, 15).

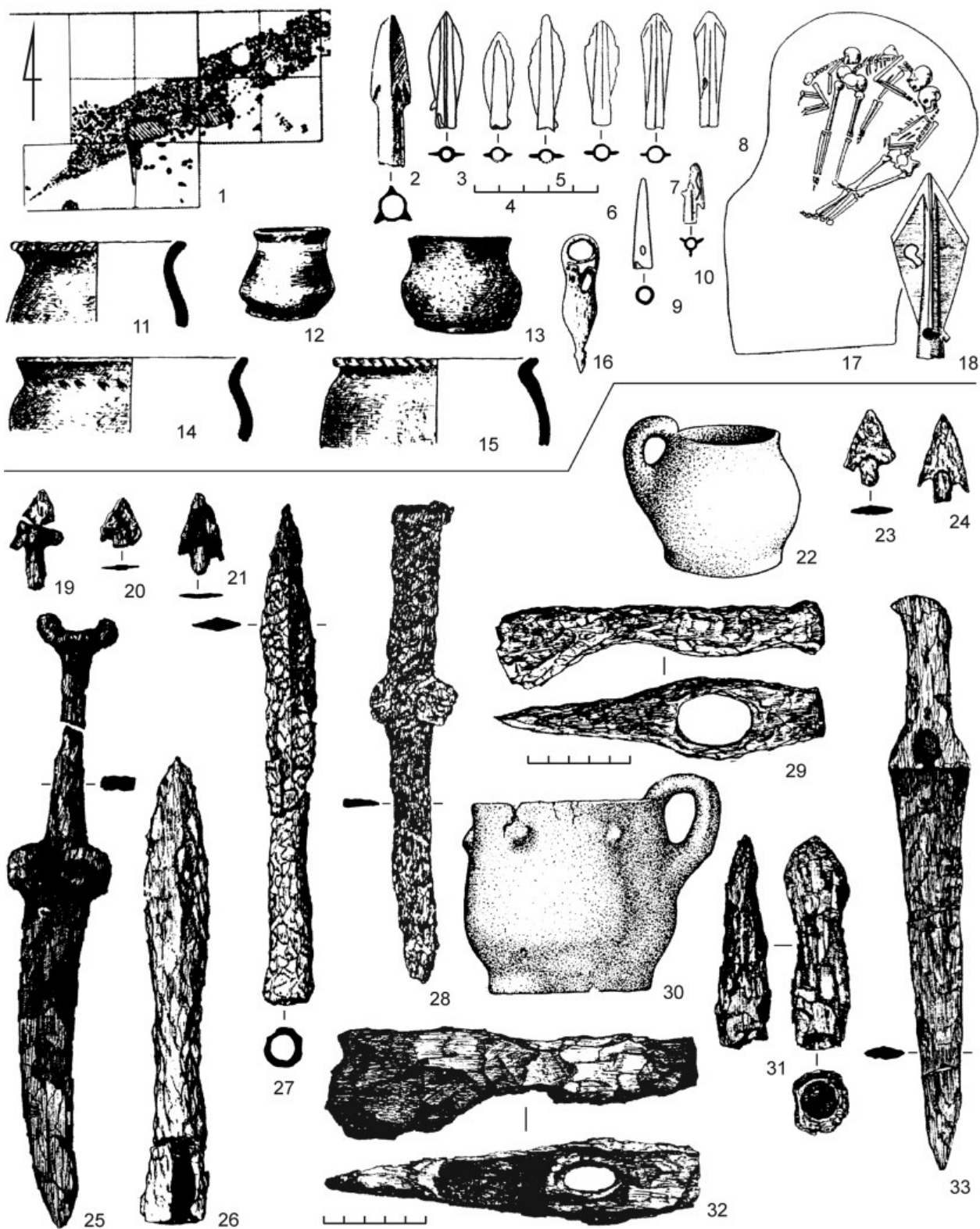
Близкие процессы наиболее засвидетельствованы в могильниках обеих групп центрального варианта (Тли, Кливана, Комарово), особенно в пограничной зоне Центрального Предкавказья. Речь идет о грунтовых могильниках конца VI – начала IV в. до н. э. – у сел. Комарово (Северная Осетия), Нижне-Джуглатский могильник у г. Майский в Кабардино-Балкарии и курган у ст. Терской. Эти памятники дали ценную информацию о процессе трансформации позднекобанской культуры в результате ее взаимодействия со скифской и савроматской культурами конца VII–IV вв. до н. э. (Абрамова, 1974. С. 195 и сл.). По мнению М. П. Абрамовой, материалы этих памятников, отражая традиционно местный характер культуры, содержали кочевнические изделия. Например, наборы бронзовых наконечников стрел, фрагмент железного

однолезвийного кинжала, элементы конской узды и украшений уздечки, близкие кочевым вещам культур скифо-савроматского типа. В Комаровском могильнике (рис. 3, 1–18) особо выделяются костяная головка птицы с загнутым клювом и крупные лощеные орнаментированные корчаги (рис. 3, 10, 20), аналогичные известным в синхронных памятниках Ставрополя еще с конца XIX – начала XX в. (аналогичная ситуация прослежена и по составам бус из ожерелий: цветное стекло, египетский фаянс, янтарь). Для мужских захоронений типичен военизированный характер погребального инвентаря.

Схожие по времени материалы содержит могильник близ ст. Исправная Ставропольского края. В каменных ящиках, расположенных на высокой террасе предгорий на границе со степью, обнаружены захоронения с погребальным инвентарем раннескифского периода, но мало подверженного влиянию культуры скифов. Лишь одно погребение из 14 содержало единичные скифские наконечники стрел, часть из которых с удлинено ромбическим пером и с шипами на втулках. Ранними формами отличалась и керамика (Козенкова, Найдено, 1980. С. 195 и сл.).

По проблеме причин трансформации кобанской культуры на поздних этапах можно привести множество других примеров, учитывая количество важных (открытых и стационарно раскопанных) позднекобанских памятников после выхода книги Е. И. Крупнова. Это Тлийский и Кливанский могильники, могильник Гастон Уота центрального варианта; Новогрозненский и Пседахский могильники на востоке ареала, могильники Кисловодской котловины – на западе (долго функционировавшие могильники Клинь-Яр II и Клинь-Яр III, Султангорский 3, Уллубаганалы-2 и др.).

Большое значение для рассматриваемых в статье вопросов имеют материалы курганных могильников в Центральном Предкавказье, среди которых – Красное знамя, Новозаведенное-I, Новозаведенное-II и Новозаведенное-III, относившиеся к культуре собственно скифов и датированные специалистами серединой VII–VI в. до н. э. (Петренко, 2006; Петренко, Маслов, 1996; Петренко и др., 2000; 2006). По мнению большинства скифологов, эти материалы позволили «подтвердить постоянное пребывание степного кочевнического населения на территории

Центрального Предкавказья» и создать здесь плацдарм для переднеазиатских походов (Петренко, 2006. С. 17, 52) (курсив мой. – В. К.). Как полагает В. Г. Петренко, «в период походов степи Северного Кавказа были уже освоены скифами, создавшими здесь *политическое объединение с определенной социальной структурой...*» (Там же. С. 120) (курсив мой. – В. К.), то есть в регионе было установлено политическое господство скифов. Впрочем, были и альтернативные мнения (Коренько, 1990; Кузнецова, 1992; 2015; Козенкова, 1996. С. 143–144).

Предполагаемая в форме постулата политическая ситуация в предгорьях Северного Кавказа не могла не вызвать среди специалистов острую дискуссию по поводу степени и глубины трансформации позднекобанской культуры. Обсуждается и модель долгих взаимоотношений между двумя тесно контактировавшими социумами, не обойден стороной и хронологический аспект. После публикации обобщающего труда Е. И. Крупнова вышли в свет многие десятки статей и важных аналитических монографий (Виноградов, 1972; Ильинская, Тереножкин, 1983; Техов, 1980; 2002; Дударев, 1991; Дударев, Рунич, 1992. С. 22–26, 35–49; Махортовых, 1991; Ковалевская, 1984; 2005. С. 43, 66; Мошинский, 2006; и др.). В этих трудах предметно анализировались и кобано-скифские взаимоотношения: на основе новых данных были высказаны разные гипотезы и заключения о характере контактов местного населения с кочевниками в скифский период.

В своей монографии В. Б. Виноградов изложил кардинальные вопросы взаимоотношений насе-

ления позднекобанской культуры со скифо-савроматским миром. Проанализировав имеющиеся старые и накопленные новые материалы, исследователь подтвердил и развил точку зрения Е. И. Крупнова о скифском нашествии в ареал кобанской культуры, «познавшей мощь военных мобильных отрядов <...>, диктовавших свою власть и волю» (Виноградов, 1972. С. 42, 75), что было основной причиной трансформации местной культуры. По материалам могильников В. Б. Виноградов выделил три хронологических периода в развитии взаимоотношений. Первый – 50 лет VII и 15 лет VI вв. до н. э. – период «покорности и зависимости» местного населения в целом от степняков, но в то же время вовлечение «отдельных родоплеменных групп в *тесный альянс* со скифами, подразумевающий совместное участие союзников в азиатских походах» (Там же. С. 75, 78) (курсив мой. – В. К.). Второй – начало VI в. до н. э. – при «дальнейшем господстве над частью аборигенов» начало возвращения основной массы местного населения из высокогорья, как признак стабилизации обстановки (Там же. С. 79). Третий – VI–V вв. до н. э. – «вполне мирный и дружественный характер <...> части племен» (Там же. С. 81). Теперь это уже «зачастую не *зависимое* население, ищущее защиту у «плетня сильных», а вполне суверенные, *боеспособные, готовые к обороне местные племена*, чьи отношения друг с другом и соседними *степняками* строятся по принципу «*вооруженного уважения*»» (Там же. С. 84–85) (курсив мой. – В. К.).

Подводя итог сравнительному анализу погребального обряда и инвентаря могил «кобанцев»

Рис. 2. Находки скифского типа в позднекобанских памятниках ущелья р. Хулхулау. 1–18 – поселение Сержень-юрт, холм-убежище 1, слой VII–V вв. до н. э.: 1 – стратиграфия двух разновременных слоев, часть плана; 2–10 – наконечники стрел; 11–15 – сосуды из позднего слоя; 16 – поделка с элементами скифского звериного стиля; 17 – яма с погребениями; 18 – ранний наконечник стрелы в засыпи ямы с погребениями, край холма; 19–33 – могильник Сержень-юрт (раскоп II), VII в. до н. э. (19–22, 25, 26 – погребение № 4; 23, 24, 27–29 – погребение № 1; 30–33 – погребение № 3).

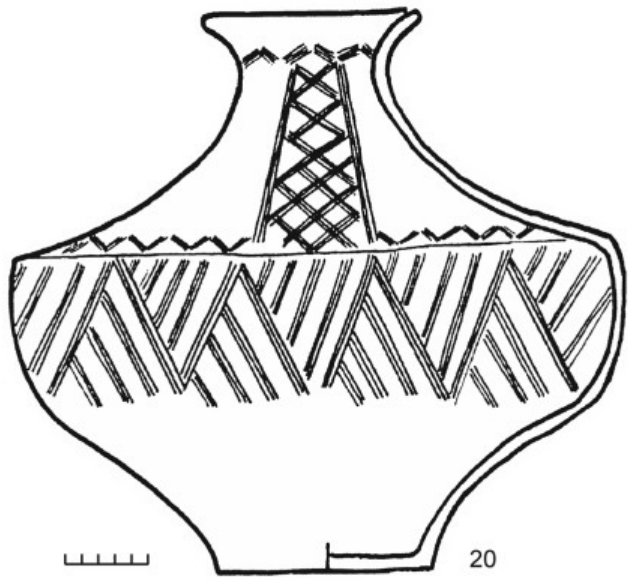
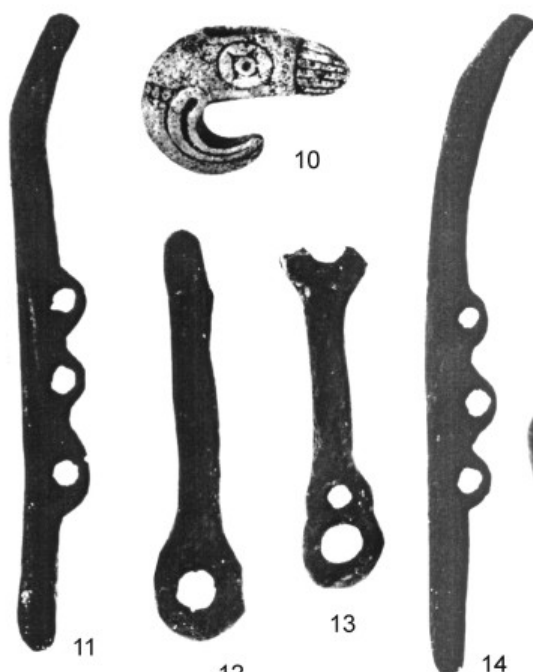
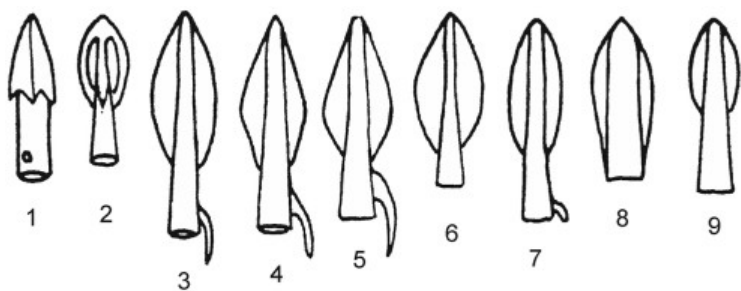
1–18 – Козенкова, 2001. С. 150, 188, 195, 196, рис. 45, 1, 2; 86, 8, 11, 13–15; 93; 94, 4, 5; 19–33 – Козенкова, 2002. С. 226, 229, 230, табл. 75, 5–7, 9, 12, 14; 71, 3, 4, 13–15; 74, 16–19.

2–10, 18 – бронза; 11–15, 22, 30 – глина; 16 – кость; 33 – железо и кость; остальное – железо

Fig. 2. Finds of the Scythian type from the Late Koban sites in the Khulkhulau River gorge. 1–18 – settlement of Serzhen-Yurt, hill shelter 1, layer of the 7th–5th century BC: 1 – stratigraphic scheme of two layers of different periods, part of the plan; 2–10 – arrowheads; 11–15 – pottery from the later layer; 16 – an article with elements of the Scythian animal style; 17 – pit with burials; 18 – early arrowhead from the fill of the pit with burials, edge of the hill; 19–33 – cemetery of Serzhen-Yurt (excavation II), 7th century BC (19–22, 25, 26 – burial no. 4; 23, 24, 27–29 – burial no. 1; 30–33 – burial no. 3).

1–18 – Козенкова, 2001. P. 150, 188, 195, 196, Fig. 45, 1, 2; 86, 8, 11, 13–15; 93; 94, 4, 5; 19–33 – Козенкова, 2002. P. 226, 229, 230, Pl. 75, 5–7, 9, 12, 14; 71, 3, 4, 13–15; 74, 16–19.

2–10, 18 – bronze; 11–15, 22, 30 – clay; 16 – bone; 33 – iron and bone; the rest – iron

и скифов, ученый пришел к обоснованному выводу, что скифское, достаточно длительное влияние «не привело к нивелировке материальной и духовной культуры аборигенов». Материал «не дает оснований для провозглашения <...> значительной этнической и культурной ассимиляции кавказцев со стороны степняков» (Там же. С. 180–181). Относительно интенсивности и глубины проникновения кочевых элементов и их влияния на культуру автохтонного населения В. Б. Виноградов справедливо полагал, что это во многом определялось местом расположения центров проживания «кобанцев». В удаленности от степей проникновение и интенсивность в материалах местных могильников просматриваются значительно меньше, чем в материалах памятников, расположенных в контактной зоне предгорий и равнины (Там же. С. 89–90). Данная точка зрения подтвердилась и по материалам памятников, раскопанных позднее. Например, керамика из слоя VI в. до н. э. Хумаринского поселения в верховьях р. Кубани (Абрамова, 1998. С. 5–6; 1999. С. 89–120). Раскопки позволили их автору сделать заключение, что памятник принадлежит к небольшой локальной группе оседлого населения кобанской культуры (Абрамова, 1999. С. 101–102), которая была удалена от контактной зоны и мало подвержена скифскому влиянию (Там же. С. 114–115, рис. 12; 13).

В отличие от находящегося в горах Хумаринского поселения, материалы могильника Султан-Гора 3, расположенного на границе предгорий и равнины, показывают другую картину (Членова, 1984. С. 235 сл.). Здесь на могильнике западного варианта позднекобанской культуры (рис. 4, 1–43) выявлено погребальное сооружение сложной конструкции в виде каменной ограды, внутри которой находились

шесть погребений в каменных ящиках (рис. 4, 1) (Там же. С. 236, 240, рис. 1–3). Погребальный инвентарь состоял из оружия скифского типа конца VI – IV в. до н. э. (железные акинаки, топорик, бронзовые и железные стрелы). Одно из погребений сопровождало захоронение коня. По мнению Н. Л. Членовой, могильник был оставлен смешанным каменноостско-скифским (по ее гипотезе) населением и представляет собой одно из свидетельств длительного пребывания скифов на Северном Кавказе. Причем скифский компонент восходит к скифам не Северного Причерноморья, а Северного Кавказа (Там же. С. 239), то есть к потомкам смешанного поколения, последующего за пришедшими сюда степняками.

Подтверждают эту точку зрения и материалы позднекобанского поселения и могильника Уллубаганалы-2 (рис. 5, 1–15). В своем обобщающем труде эти уникальные памятники, находящиеся в пограничной зоне между предгорьями и равниной, В. Б. Ковалевская датирует концом VII – началом VI в. до н. э. (Ковалевская, 2005). Исследователь предложила гипотезу о весьма сложных и многосторонних взаимоотношениях коренного населения со степными пришельцами. Достаточно «сложно структурированное и сильное в военном отношении» местное сообщество на раннем этапе появления скифских кочевников рассматривалось ею как данность. Предполагалось, что это были взаимоотношения ближайших соседей, при которых «ведущая воинская роль скифов в этих взаимоотношениях была безусловна». Кроме того, они «отражали и союзнические отношения – участие кавказцев в скифских военных походах» (Там же. С. 57). Согласно материалам позднего периода комплекса поселения и могильника Уллубаганалы-2

Рис. 3. Позднекобанский Комаровский могильник конца VII – начала VI в. до н. э.: 1–9 – погребение № 9; 10–14 – погребение № 3; 15 – погребение № 8; 16, 19 – погребение № 5 (типичный погребальный обряд); 17 – погребение № 4; 18 – погребение № 2; 20 – погребение № 6

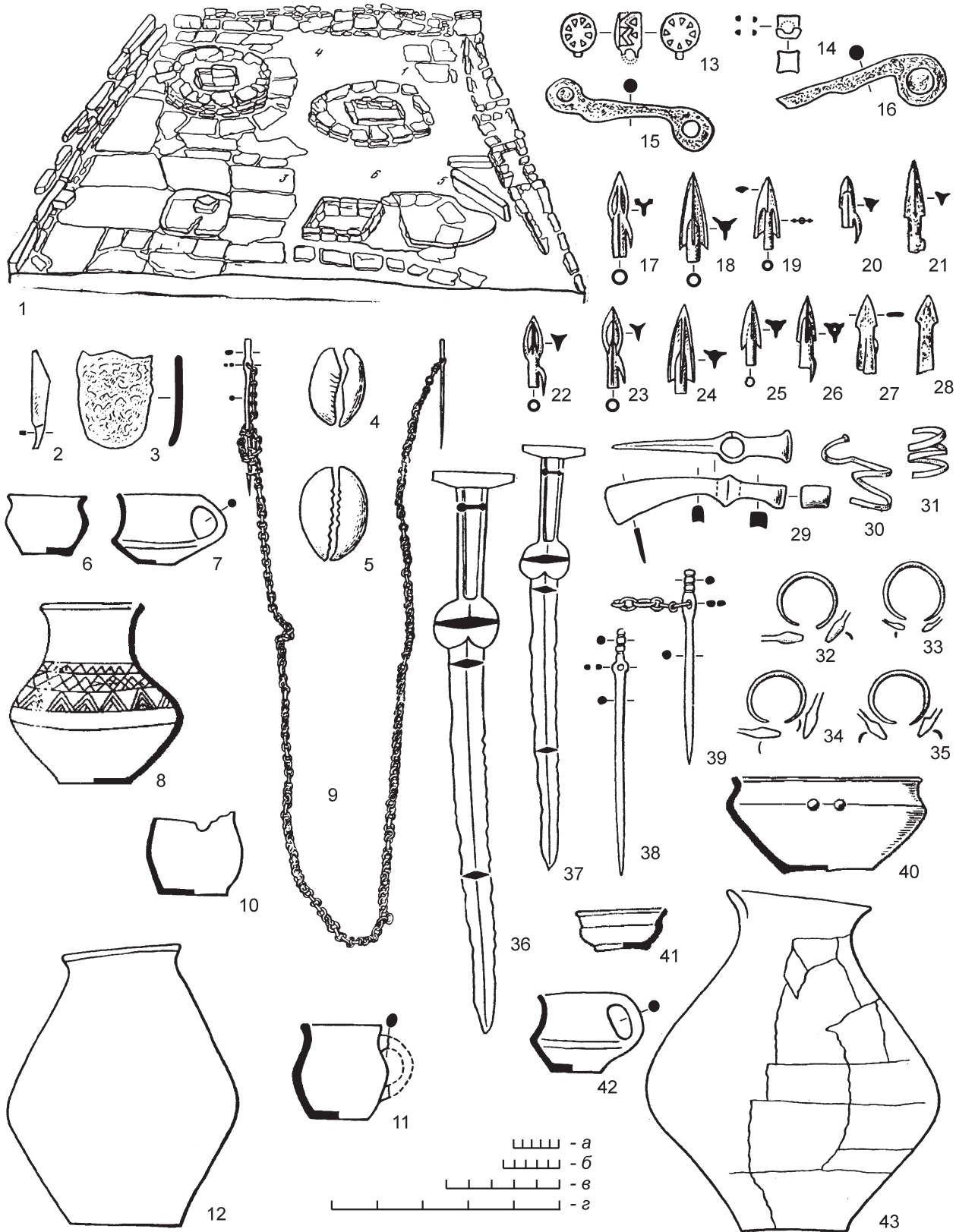
1–10, 20 – Абрамова, 1974. С. 198, 202, рис. 3, 3, 19, 20; 5; 11–14, 15, 17–19 – Козенкова, 1996. С. 29, рис. 11, 6–14; 16 – фото из архива автора

1–9 – бронза; 10 – кость; 11–14 – железо; 15 – стекло; 17–20 – глина

Fig. 3. Late Koban cemetery of Komarovskiy of the late 7th – early 6th century BC: 1–9 – burial no. 9; 10–14 – burial no. 3; 15 – burial no. 8; 16, 19 – burial no. 5 (typical funerary rite); 17 – burial no. 4; 18 – burial no. 2; 20 – burial no. 6

1–10, 20 – Абрамова, 1974. P. 198, 202, Fig. 3, 3, 19, 20; 5; 11–14, 15, 17–19 – Козенкова, 1996. P. 29, Fig. 11, 6–14; 16 – photo from the author's archives

1–9 – bronze; 10 – bone; 11–14 – iron; 15 – glass; 17–20 – clay

(Ковалевская, 1984. С. 31; Козенкова, 1989. С. 33, табл. XXIII, 7; 89 – сводные табл. по погребальному обряду) В. Б. Ковалевская отметила ряд скифских импульсов в местную позднекобанскую культуру, например, близкие звериному стилю скифов элементы на отдельных предметах. Наиболее показательна роговая рукоятка стального ножа из погребения № 7 (рис. 5, 14), украшенная стилизованными птичьими головками (Козенкова, 1998. С. 12, рис. 2). Интересен факт наличия в одном из каменных ящиков захоронения только отрубленной головы, железного акинака и корчаги как проявления, по мнению В. Б. Ковалевской, скифского обычая, несвойственного обычаям местной культуры (Ковалевская, 2005. С. 63). По материалам могильника прослежен такой важный факт, как антропологическое смешение захороненных. В некоторых мужских черепах преобладали антропологические признаки степного населения. Все это и ряд других доводов, как полагает В. Б. Ковалевская, позволяет говорить о пересмотре «вопроса об удельном весе скифских культурных влияний в позднекобанской культуре в пользу включения собственно скифов в состав тех групп населения, которые были носителями кобано-скифской культуры в равнинном Предкавказье» (Там же. С. 65).

Интересный материал о взаимоотношениях скифов и местного населения получен на территории Ставрополя, где раскопанный у села Прогресс-2 курган находился в ареале западного варианта кобанской культуры – в районе, плотно заселенном «кобанцами», где доминирование степного влияния было особо заметно. Здесь на вершине кургана среднего бронзового века, на небольшой глубине оказалось впускное погребение первой половины VII в. до н. э. (Березин, Маслов, 2016. С. 191, 198). Скелет погребенного подростка лежал

под каменной наброской в скорченном положении, на правом боку с завалом на спину, головой на юго-запад. Как особенность погребального обряда авторы публикации отмечают положение ног, согнутых под *прямым* углом, что, по их мнению, нехарактерно для кобанских могильников. Погребальный инвентарь имел степной облик: четыре бронзовых наконечника стрел (три двухлопастные с удлинено-ромбическим и один с листовидно-асимметричным пером), втулки которых снабжены шипами. Кроме стрел в могиле была, видимо, деревянная чаша, от которой сохранились бронзовые пластины обкладки. С. Я. Березин и В. Е. Маслов отнесли погребение к условно раннескифскому («раннескифское»), полагая, что «из-за отсутствия четких критериев этничности в археологии принадлежность "раннескифских" материалов можно рассматривать гипотетически» (Там же. С. 198). С этим можно было бы согласиться, однако именно особенности погребального обряда являются приоритетными при определении культурной принадлежности могильников. В данном случае скорченная поза, юго-западная ориентировка покойника, перекрытие могилы в виде каменной наброски свидетельствуют о том, что здесь захоронен носитель кобанской культуры. Даже такой способ расположения тела с ногами, согнутыми под *прямым* углом, объединяет данное погребение с синхронными захоронениями из могильников Мебельная фабрика-1 (погребения № 17, 19, 24, 34, 42), Султангорский-1 (погребение № 7), Клин-Яр II (погребение № 4), Исправная (погребение № 14). Юго-западная ориентировка скелетов имела в Минераловодском могильнике, в синхронных могильниках Индустрия, Исправная, Уллубаганалы-2 (Козенкова, 1989. Табл. 18; 19), многие погребения которых содержали оружие скифского типа (Виноградов и др., 1980.

Рис. 4. Позднекобанский могильник Султан-Гора 3, VI в. до н. э. Контактная предгорно-степная зона: 1 – погребальное сооружение из камня (реконструкция); 2–9 – погребение 1; 10 – погребение 2; 11–12 – погребение 3; 13 – погребение 4; 14–16 – погребение 5; 17–43 – погребение 6. Масштабы: а – № 6–8, 10–12, 40–43; б – № 9, 29, 32–37; в – № 2, 13–28, 30–31, 38–39; г – № 3–5.

1–43 – Членова, 1984. С. 238, 240, рис. 2, 9, 10, 16, 18; 3

2–3, 15–16, 29, 36–37 – сталь; 4, 5 – каури; 6, 9, 13–14, 17–28, 30–35, 38–39 – бронза; 6–8, 10–12, 40–43 – глина

Fig. 4. Late Koban cemetery of Sultan-Gora 3, 6th century BC. Contact piedmont–steppe zone: 1 – stone burial installation (reconstruction); 2–9 – burial no. 1; 10 – burial no. 2; 11–12 – burial no. 3; 13 – burial no. 4; 14–16 – burial no. 5; 17–43 – burial no. 6. Scales: а – no. 6–8, 10–12, 40–43; б – no. 9, 29, 32–37; в – no. 2, 13–28, 30–31, 38–39; г – no. 3–5. Scales: а – no. 6–8, 10–12, 40–43; б – no. 9, 29, 32–37; в – no. 2, 13–28, 30–31, 38–39; г – no. 3–5.

1–43 – Членова, 1984. P. 238, 240, Fig. 2, 9, 10, 16, 18; 3

2–3, 15–16, 29, 36–37 – steel; 4, 5 – cowry; 6, 9, 13–14, 17–28, 30–35, 38–39 – bronze; 6–8, 10–12, 40–43 – clay

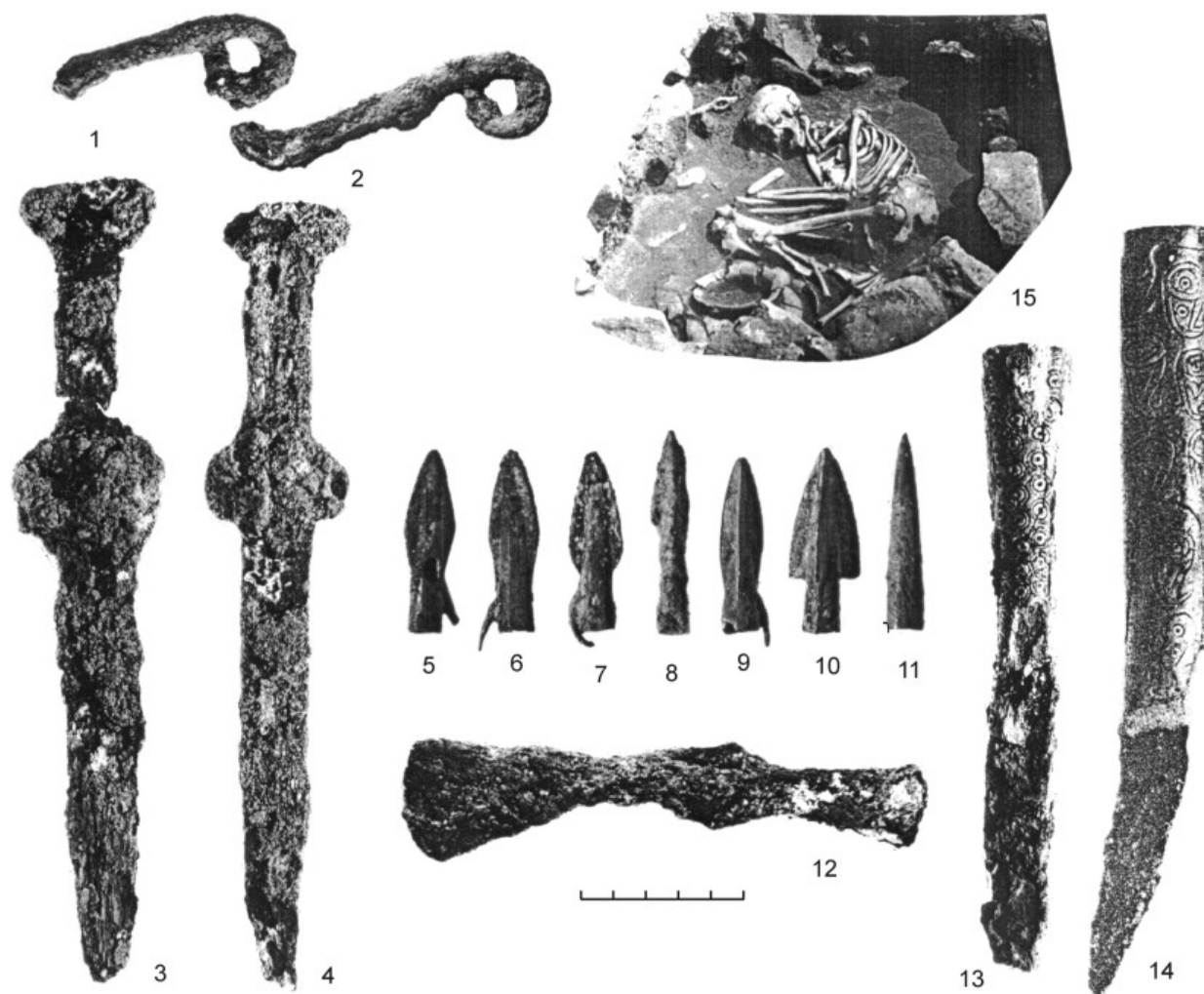

Рис. 5. Предметы скифского типа: 1–6, 9–15 – из могильника Уллубаганалы-2 конца VII–VI в. до н. э.; 7, 8 – из позднекобанского поселения. Контактная предгорно-степная зона.

1, 2, 5, 6, 9, 11 – погребение № 4; 3 – погребение № 5; 4 – погребение № 15; 10 – погребение № 7; 12 – погребение № 2; 13 – погребение № 16; 14 – погребение № 7; 15 – погребение № 17, план

1–15 – фото из архива В. И. Козенковой; номера на рисунке частично соответствуют: 3, 4, 10, 12 – Ковалевская, 2005. С. 246, 247, рис. 11, 7, 9, 12; 12.

1–4, 12 – сталь; 13, 14 – сталь и кость; 5–11 – бронза

Fig. 5. Objects of Scythian type: 1–6, 9–15 – from the cemetery of Ullubaganaly-2 of the late 7th–6th century BC; 7, 8 – from a Late Koban settlement. Contact piedmont–steppe zone.

1, 2, 5, 6, 9, 11 – burial no. 4; 3 – burial no. 5; 4 – burial no. 15; 10 – burial no. 7; 12 – burial no. 2; 13 – burial no. 16; 14 – burial no. 7; 15 – burial no. 17, plan

1–15 – photo from V. I. Kozenkova's archives; numbers in the drawing partly correspond to: 3, 4, 10, 12 – Kovalovskaya, 2005. P. 246, 247, Fig. 11, 7, 9, 12; 12.

1–4, 12 – steel; 13, 14 – steel and bone; 5–11 – bronze

С. 189, рис. 3, 1; 4, 1; Дударев, Рунич, 1992. С. 4, 7, рис. 2, 1; 5, 1; Козенкова, 1989. Табл. XXVI, 1; XXVII, 6; XXXV, 2, 6; Рунич, 1971). В скорченной позе, с ногами, согнутыми под прямым углом, захоронен покойник и в погребении № 13 могильника Уллуба-

ганалы-2. Отличает впускное погребение из кургана Прогресс-2 от вышеуказанных аналогий лишь большой удельный вес скифского влияния в погребальном инвентаре. В данном случае уместно констатировать смешанность обряда.

Проведенный обзор показал, что по основным выделенным мной аспектам мнения скифологов и кавказоведов, специально занимающихся кобанской культурой, во многом совпадают. Можно считать общепризнанным, что главной причиной трансформации кобанской культуры на позднем этапе ее развития является вооруженное вторжение на территорию коренного оседлого населения отрядов кочевых скифов, проживавших по соседству в степных районах. Очевидно и саморазвитие местной культуры как вполне самостоятельного социального общества. Очевидна и большая роль внедрения различных новаций как в производственную сферу (качественно новые формы железного оружия, новые типы конского снаряжения), так и в повседневную культуру. В последнем случае речь идет о новой моде в костюме, отдельные элементы которого (бронзовые пряжки с кругами) могут выступать не только хронологическими индикаторами для ряда памятников по обе стороны склонов Кавказа, но также указывать на этническое родство оставившего их населения (Козенкова, 2007. С. 258–279; Рамшвили и др., 1987. С. 83, табл. CXLIII, 1, 2).

Во многом близки взгляды специалистов и по проблеме степени и интенсивности трансформации культуры автохтонного населения. Однако вслед за Е. И. Крупновым и В. Б. Виноградовым многие исследователи (С. Л. Дударев, С. В. Махортых и другие, в том числе автор) разделяют мнение о том, что степное влияние хотя и показывает изменения кобанской культуры на позднем ее этапе, но не нарушило местный субстрат.

Относительно *политического аспекта* взаимоотношений скифов и населения, носителей позднекобанской культуры, взгляды специалистов, напротив, выглядят неоднозначными и подчас противоречивыми. Например, общим местом стало утверждение о почти *тотальном* политическом господстве скифов в ареале кобанской культуры в течение всего позднего этапа. Так, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин считали, что скифы являлись *главной политической силой* на территории кобанских племен. Отмечая следы культуры кочевников в материальной культуре аборигенов, исследователи указывали на наличие «местного населения, сохранившего оседлый образ жизни и не вовлеченного в круговорот скифских событий» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 25)

(курсив мой. – В. К.). По В. Б. Виноградову, в начале VII – VI в. до н. э. «диктовать свою волю и власть» местному населению, при помощи вооруженной силы держать его в «покорности и зависимости», совершать «сокрушительные погромы» был основной способ подчинения. Одновременно он видел в «кобанцах» «союзников и соучастников походов» в Переднюю Азию (Виноградов, 1972. С. 42, 75–78, 86) (курсив мой. – В. К.). Такая же нелогичность, исходя из контекста, отмечается и у С. Л. Дударева. С одной стороны, «последствия его (населения. – В. К.) первого столкновения с пришлыми скифами были самыми отрицательными», даже в позднее пребывание «отдельные группы скифов задержались в равнинно-степном Предкавказье <...> по-прежнему господствуя над <...> группами северокавказцев». А с другой стороны, уже к началу VI в. до н. э. возникла необходимость «новых пополнений <...> на переднеазиатском театре <...> военной силы, которой могли стать соседние северокавказские племена» (Дударев, 1991. С. 43, 45, 49) (курсив мой. – В. К.). *Политическое господство* над местным населением, по мнению С. В. Махортых, было основой социально-политической структуры скифов. Причем активный период военных грабежей, «насильственное отчуждение произведенного продукта» у оседлого населения кобанской культуры, грабительские набеги для сбора дани охватывают весь VII в. до н. э. Далеко не мирные отношения с трагическими последствиями продолжаются и в VI в. С другой стороны, согласно исследователю, можно сделать заключение о «глубоких, длительных и постоянных связях двух различных этносоциальных образований VII–V вв. до н. э.» (Махортых, 1991. С. 101, 105). По мнению М. П. Абрамовой, скифы, обладая яркой, выразительной культурой, оказали *сильное* влияние на культуру местного населения. Однако их политическое господство было неравнозначное в разных частях ареала позднекобанской культуры. Лишь «на территории Ставрополя и Кабарды скифская культура имеет стойкие признаки, в особенности погребальный обряд» (Абрамова, 1992. С. 22–23). По мнению В. Е. Маслова, политическому доминированию скифов в этих регионах вплоть до IV в. до н. э. (Новозаведенное) способствовал и природный ландшафт, благоприятный для хозяйственной деятельности (Маслов, 2016. С. 165–167).

Представления В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, что «скифская дорога была прорублена при насильственном подавлении всяких попыток воспрепятствовать продвижению скифов» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 22) (курсив мой. – В. К.), не подтверждают материалы высокогорных могильников Центрального Кавказа, как Тлийский, Верхне-Кобанский, Кливанский, Гастон Уота. Состав погребального инвентаря наиболее информативного Тлийского могильника (206 могил скифского периода) показывает, что традиционная культура претерпела изменения больше за счет саморазвития (Техов, 1985; 2002). Особенно это прослеживается на атрибутах костюма, украшениях, сакральных предметах. Хотя формы бронзовых браслетов стали лаконичнее, все же дуговидные фибулы, бронзовые пояса, прямоугольные пряжки, ножные браслеты по-прежнему составляли аксессуары мало изменившегося костюма. Сохранились также традиционные бронзовые кружки с зооморфными ручками и миски.

Важную роль в трансформации бытовой культуры сыграло широкое освоение железоделательного ремесла. Появились железные браслеты, фибулы и гривны. Особенно это сказалось на вооружении. Топоры, кинжалы традиционных и общекавказских типов, однолезвийные кинжалы с грибовидным навершием, большие ножи и секиры теперь изготавливались из железа. Тем не менее в арсенале по-прежнему сохранились зачастую традиционные бронзовые орнаментированные прямообушные и клиновидные (так называемые колхидские) топоры. Отмечены изменения в типах бронзовой посуды. Для инвентаря стали типичными бронзовые ведерки (Техов, 2002. Табл. 100, 3; 102, 8), иногда с железными дужками. Можно согласиться с Б. В. Теховым, что некоторая трансформация также была «обусловлена общим ростом культурных и хозяйственных связей с племенами соседних народов и областей, в первую очередь с племенами Закавказья и Передней Азии» (Техов, 1980. С. 257). Яркое свидетельство тому – бронзовые орнаментированные пояса, три из которых (погребения № 363, 419, 425) были урартскими по происхождению (Техов, 2002. С. 22, 42, 45).

Относительно степени и интенсивности влияния культуры скифов на местную культуру высоко-

горного могильника, то из 206 изобилующих оружием тлийских могил только в 13 найдены один биметаллический (Техов, 1980. Рис. 85, 7) и 12 железных скифских акинаков, или чуть более 5 % (Техов, 1980; 2002). В комплекте с акинаком (погребение № 129) найден один бронзовый втульчатый наконечник стрелы с удлинненно-ромбическим пером с шипом (Техов, 1980. Рис. 11, 32). Кроме того, имелось около десятка роговых деталей, выполненных в скифском зверином стиле от несохранившихся предметов, один наконечник в виде головки хищной птицы (грифон) из погребения № 246 украшал, видимо, деревянные ножны железного кинжала кавказского типа (Там же. Рис. 18, 2).

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин считали тлийские материалы скифского типа наиболее ранними и датировали их не VII–VI вв. до н. э., а только VII в. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 32). По моему мнению, ничтожное количество кочевнических находок, среди которых преобладают самые ранние, свидетельствует скорее о стремительном проходе скифов через перевалы высокогорья мимо хорошо защищенных поселений коренных жителей, оставив только немногочисленные следы военных стычек. Впрочем, Б. В. Техов предположил, что какие-то небольшие группы скифов «могли остаться в горных районах Центрального Кавказа, в том числе и на южном склоне» (Техов, 2002. С. 257). Могилы VI–V вв. до н. э., составляющие около четверти от общего числа, свидетельствуют о стабильном состоянии местной культуры, во многом с унифицированным бытовым погребальным инвентарем (поясные пряжки, типы браслетов и гривен, серьги, ожерелья из традиционных сердоликовых бус). Типы железного оружия тяготели не только к металлургическим центрам Северного Кавказа, но и Закавказья. Позднескифское влияние, но не доминирующее господство кочевников, сказалось в малочисленных (от одного до шести) наборах бронзовых наконечников конца V – начала IV в. до н. э., эпизодически встречающихся роговых украшениях ножен кинжалов и в особенностях изображений в зверином стиле на бронзовых поясах.

В этой связи показателен погребальный инвентарь части мужских могил Кливанского могильника в высокогорном ущелье р. Меджуда (левобережье

р. Большая Лиаква). Наряду с железными однолезвийными кинжалами с грибовидным навершием, как в Тли, здесь обнаружены особого варианта железные топоры и мотыга, неизвестные на северном склоне. В то же время почти каждое погребение содержало единичные бронзовые наконечники стрел, известен поздний вариант бронзового наконечника ножен в виде головы грифона. Среди украшений – стеклянные привески каплевидной формы, как в Луговом, и поясные пряжки с кругами, как в Тлийском, Верхне-Кобанском, Архонском и Луговом могильниках (Козенкова, 2007. С. 267, рис. 7–12). Среди украшений Кливанского могильника важна находка серьги кольцевидной формы с припаянными тремя столбиками из зерни. Подобный тип серег не обычен для позднекобанской культуры, но типичен для V–IV вв. до н. э. в культурах Закавказья, что может служить доказательством продолжения экономических связей между «кобанцами» и племенами Закавказского региона.

Близкий по составу погребального инвентаря (оружие, керамика, пряжка с кругами и т. п.) могильник открыт на территории Грузии близ сел. Аргуни, северо-западнее Душети. Этот географический район находится «на стыке Картлийского и Алевского хребтов, где с древнейших времен проходили кратчайшие дороги, связывающие Ксанское и Арагвское ущелья с Северным Кавказом» (Рамшвили и др., 1987. С. 83, табл. СХLIII, 1, 2). Кроме того, именно в Ксанском ущелье был найден известный бронзовый пояс V в. до н. э. с ажурной пряжкой с кругами, украшенный изображениями оленей (Доманский, 1984. Ил. 51). Стиль изображения оленей, по моему мнению, представляет собой образец творческой переработки кобанскими мастерами элементов скифского звериного стиля с возвратом к исконно местным изобразительным приемам, на что указывают положение ног, форма рогов, циркульный орнамент в сочетании с ломаной линией (Козенкова, 2007. С. 269–270, рис. 13, 1, 2). Следующий более поздний этап возврата к исконным изобразительным традициям, возможно, в конце V – начале IV в. до н. э., виден в стилизованных изображениях оленя и быка на фрагменте бронзового пояса из погребения № 64/128 Лугового могильника. Рисунки животных сочетаются с гравированной ломаной линией на

конце пояса, который по контуру дополнен гравированным пояском с косыми насечками (Мунчаев, 1963. С. 184–187, рис. 29, 11; Козенкова, 1982. С. 51–52, табл. ХХIХ, 2).

Древности Дигорского ущелья позднекобанского времени наиболее достоверно представлены стационарно раскопанным высокогорным могильником Гастон Уота (Мошинский, 2006). Материалы памятника свидетельствуют, что причина трансформации культуры VII–IV вв. до н. э. в этом районе Северного Кавказа обусловлена, как и в других частях ареала кобанской культуры, скифскими походами в Переднюю Азию. Однако здесь, в стороне от основных маршрутов, степень и интенсивность скифского влияния была значительно меньше, чем в предгорно-равнинной полосе Северного Кавказа. В силу некоторой замкнутости географического положения Дигории многие черты бытовой культуры имели свою специфику: особый тип железного дротика, бронзовые поясные пряжки дигорского типа, некоторые типы браслетов и др. Что касается характера кобано-скифских взаимоотношений и хронологии, то на основе анализа погребального инвентаря А. П. Мошинский выделяет четыре этапа: 1) VII–VI вв. до н. э.; 2) вторая половина VI в. до н. э.; 3) конец VI – середина V в. до н. э.; 4) конец V – начало IV в. до н. э. (Там же. С. 87). В целом, можно согласиться с предложенной исследователем динамикой событий, базирующейся на материалах могильника Гастон Уота и всего массива позднекобанских древностей Дигорского ущелья. На раннем этапе, в VII – начале VI в. до н. э., в общекобанских типах и категориях вещей еще ощущается отзвук скифских походов через Кавказ. Особо заметна общая вооруженность местного населения, но в то же время наблюдается слабая трансформация местного погребального обряда, известны конские захоронения, бляшки конского убора в скифском зверином стиле, бронзовые наконечники стрел скифского типа как проявление степного влияния (Там же. С. 23–24). Со второй половины VI в. до н. э. наступает период стабилизации. В конце V – начале IV в. до н. э. возникает качественно новая форма контактов со степным миром, предполагающая своеобразный консенсус, выразившийся «во взаимопроникновении элементов двух столь разных по облику культур». По мнению А. П. Мошинского,

для этого времени вообще не следует преувеличивать степное влияние в регионе (Там же. С. 88–89), поскольку оно не привело к активному процессу иранизации коренного населения гор. Особенность позднекобанских древностей Дигории – это заметное в V–IV вв. до н. э. влияние культур Закавказья, особенно горной Рачи и колхского царства (кольцевидные серьги с двумя или тремя столбиками зерни, протома изображения двух лошадей – элемент золотой подвески, типы бронзовых священных жезлов). В среде горцев Дигории наметилась социальная дифференциация (рост всадничества, жреческая верхушка). Долгое время культура Дигории оставалась традиционно кобанской, но с заметными элементами консерватизма.

Обращаясь к вопросам хронологии кобано-скифских взаимоотношений, можно отметить близкие мнения среди специалистов, скифологов и кавказоведов. Эти отношения развивались около 300 лет – от захватнических военных конфликтов в начале контактов (середина VII в. до н. э.) до фактически полной стабилизации в конце V – начале IV в. до н. э. Разногласия имеются только в определении длительности военной стадии. Большинство специалистов определяет ее в более чем полвека (середина VII – начало VI в. до н. э.). Для горных районов В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин отводили ей только VII в. до н. э. По моему мнению, активные военные акции между скифами и хорошо вооруженным воинским контингентом «кобанцев», судя по обилию в местных могилах разнообразного оружия, могли продолжаться менее одного поколения. Об этом свидетельствует, например, стратиграфия на Сержень-юртовском поселении. Между остатками ранних помещений XI – начала VII в. до н. э. и поздних строений середины VII–V в. до н. э. отсутствует hiatus. В частности, помещение № 14 VI в. до н. э. расположено на мостовой № 1 из гальки раннего периода (Козенкова, 2001. С. 84–85, табл. 5; рис. 27). При такой ситуации снимается вопрос, связанный с гипотезой об участии местных кобанских воинов в переднеазиатских походах. Видимо, уже к концу VII – началу VI в. до н. э. между элитами скифов и носителей позднекобанской культуры возник консенсус, *устное соглашение* о разделении политической власти в регионе и на этой *договорной* основе – приглашение местных

вооруженных отрядов для продолжения дальних походов. Кроме привлекаемых ранее данных, среди которых наиболее значима находка в скифском кургане № 1 Краснознаменского могильника бронзовой обкладки дышла с изображением богини Иштар (Петренко, 2006. С. 106–107, табл. 51, 66), свидетельством очевидного вовлечения автохтонного населения в военные скифо-кобанские экспедиции на рубеже VII–VI вв. до н. э. служит ранее недооцененная находка в кенотафе из Перкальского позднекобанского могильника бронзового клева («чекана»), представляющего, видимо, импорт из Малой Азии. Типологически, морфологически, возможно, хронологически это изделие совпадает с клецом из погребения № 9 могильника Имерлир – самым древним (700–650 гг. до н. э.) из малоазийских памятников (Козенкова, 2013. С. 104, 106, рис. 54, 8). Перкальский кенотаф, возможно, был сооружен вернувшимися из похода домой сородичами в память о погибшем на чужбине воине-«кобанце».

Таким образом, наиболее противоречивым, на мой взгляд, является вопрос сосуществования двух разных этнокультурных сообществ. С одной стороны, почти всеми специалистами принимается постулат *политической власти* скифов над населением обширного региона. С другой – имелась устоявшаяся многовековая культура, общество воинственных, избыточно вооруженных горцев с регламентированным бытом. Якобы имевшее место тотальное *подчинение власти* кочевников после внезапного разрушительного нападения, скорее всего, не могло не вызвать *вооруженный отпор*. Противоречащее всему – *одновременное* приглашение принять участие в совместных переднеазиатских походах. Выдвигаемые некоторыми специалистами постулаты о *грабежах и данничестве* на протяжении всего периода обитания скифов в Предкавказье. И наконец, достоверно отмечаемые по материалам поселений и могильников *самостоятельные связи и даже миграции* «кобанцев» далеко за пределы ареала, главным образом в Закавказье, а также в Причерноморье, в Подунавье и Поволжье (Мошинский, 2006; Козенкова, 2013).

Все сказанное позволяет думать, что практически сразу после активного военного этапа отношения могли строиться на основе принципа «вооруженного уважения» (Виноградов, 1972). Безусловно,

сохранялись культурные взаимовлияния при доминировании скифских элементов, в особенности в степном Предкавказье. Для этой части ареала можно говорить о политической власти скифов в *полной мере* (взыскание дани, захват скота, карательные акции, процесс смешения населения т. п.). В целом, на территории обитания кобанских племен, как справедливо полагали В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, «*после первых столкновений <...> сложились определенные отношения, гарантирующие беспрепятственное передвижение скифов через Кавказ в страны Передней Азии, тем более, что археологические памятники не воссоздают картину повсеместного уничтожения и разгрома на путях скифского продвижения*» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 25) (курсив мой. – В. К.).

Возникает вопрос: какова же эта формула власти, наиболее адекватная кобано-скифским отношениям того периода? Более 20 лет назад мною была предложена такая модель (Козенкова, 1996. С. 144; 2008. С. 74, 76), которая, кроме полного отрицания (Маслов, 2016. С. 167), не вызвала интереса исследователей, хотя она объясняет столь долгую «живучесть», по выражению Е. И. Крупнова, традиционной автохтонной культуры. Это модель *вооруженного нейтралитета*. Подобное понятие отражало взаимоотношения между двумя долговременно соседствовавшими, различными по культуре сообществами, основанные на *устной договоренности*: – отказ от постоянных военных акций, но с сохранением оборонительного вооруженного потенциала; – соблюдение разграничительной линии соприкосновения в условиях горного региона; – невмешательство в бытовой уклад соседей; – обоюдный обмен продукцией жизнеобеспечения, в том числе условиями использования зимних пастбищ в степной зоне – эпицентре обитания кочевников.

О реальности существования такой модели взаимоотношений, включающих неременную *устную договоренность* между двумя контактирующими сообществами, вооруженным оседлым населением и скифами, в близком по экологии регионе доносит Лукиан (II в. н. э.) в диалоге «Токсарид, или О дружбе» (гл. 44–55), приводя свидетельство Токсариды, присутствовавшего по поручению Солона в V в. до н. э. на Боспоре. Ток-

сарид сообщал рассказ посланца скифов, обитавших в ближайших окрестностях. Вожди кочевников поручили передать боспорцам ответ на их жалобу о якобы незаконных набегах скифов на их владения, в частности, на места пастбищ. «Скифы считают, – передал посланец, – что ни в данное время, ни впредь ваши пастухи не должны переходить на равнину, но пусть пасут стада до границы каменистой почвы. Грабители же, на которых вы жалуетесь, что они делают набеги на вашу землю, посылаются *не по общему решению*, но каждый грабит на свой страх. Если кто-то из них будет захвачен, то ты *вправе его наказывать*. Вот что скифы поручили мне передать» (цит. по: Сапрыкин, 2012. С. 185–209) (курсив мой. – В. К.).

Близкие баланс сил и условия сохранения относительного социального спокойствия, необходимого для сосуществования в заданных условиях, могли иметь место в рассматриваемом регионе.

Несколько иначе, видимо, развивались события в области постоянного обитания скифов в окружении населения кобанской культуры: поборы, дань, захват скота, – что не обходилось без сопротивления, а значит, и без карательных акций. В этой связи важны материалы могильника Пелагиада на Ставрополье (Петренко, 1984. С. 155 сл.; Козенкова, 1989. С. 55–56, рис. 6). Среди типичных по обряду кобанских погребений (в одном из них находился покойник, убитый наконечником стрелы, датирующимся VI в. до н. э.) выделяется могила с коллективным захоронением взрослых и детей, со следами насильственного умерщвления и признаками огневого ритуала. По мнению многих специалистов, именно в этой части ареала кобанской культуры особо активно шел процесс смешения разноэтничного населения (Козенкова, 2008. С. 76–77). Можно согласиться с С. Б. Бурковым и В. Е. Масловым, «что территория Предкавказья к V в. до н. э. превратилась в периферийную провинцию скифской культуры. Важнейшими особенностями этого региона было наличие *значительных групп автохтонного* населения и близость к Закавказью» (Бурков, Маслов, 2007. С. 309) (курсив мой. – В. К.). Последнее заключение особенно важно. О том, что скифы пришли на земли, уже заселенные носителями кобанской культуры, свидетельствуют слои доскифского периода на

- Грушевском (Козенкова, 1989. С. 165, табл. XVIII) и Татарском городищах близ г. Ставрополя. Особо показательны раскопки Татарского городища, где прослежены участки раннего слоя, которые «свидетельствуют о стабильном проживании на <...> территории городища "кобанцев"» (Березин и др., 2012. С. 43, рис. 66). В связи с этим предположение, что «кобанцы были переселены скифами...» (Ковалевская, 2005. С. 65) на Ставропольскую возвышенность, остается только одной из версий.
- Абрамова, 1974 – Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
- Абрамова, 1992 – Абрамова М. П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен // РА. 1992. № 2.
- Абрамова, 1998 – Абрамова М. П. Некоторые особенности поселений скифского времени Верхней Кубани // XX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Железноводск, 1998.
- Абрамова, 1999 – Абрамова М. П. Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Багаев, 2008 – Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. М., 2008.
- Березин и др., 2012 – Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.
- Березин, Маслов, 2016 – Березин С. Я., Маслов В. Е. «Раннескифское» погребение в могильнике Прогресс-2 // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. I.
- Бурков, Маслов, 2007 – Бурков С. Б., Маслов В. Е. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007 (МИАР; Т. 8).
- Виноградов, 1972 – Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
- Виноградов и др., 1980 – Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-скифские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Доманский, 1984 – Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.
- Дударев, 1991 – Дударев С. Л. Очерки древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1997.
- Дударев, Рунич, 1992 – Дударев С. Л., Рунич А. П. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н. э. (на примере Пятигорья). Грозный, 1992.
- Иессен, 1941 – Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л., 1941 (МИА; № 3).
- Ильинская, Тереножкин, 1983 – Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Ковалевская, 1984 – Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984.
- Ковалевская, 2005 – Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2005.
- Козенкова, 1982 – Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1982 (САИ; Вып. В 2–5, Т. 2).
- Козенкова, 1989 – Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989 (САИ; Вып. В 2–5, Т. 3).
- Козенкова, 1995 – Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М., 1995 (САИ; Вып. В 2–5, Вып. 4).
- Козенкова, 1996 – Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Козенкова, 1998 – Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В 2–5, Т. 5).
- Козенкова, 2001 – Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
- Козенкова, 2002 – Козенкова В. И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы – раннего железа у аула Сержень-юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2002. Вып. III.

- Козенкова, 2007* – Козенкова В. И. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграции // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007 (МИАР; Т. 8).
- Козенкова, 2008* – Козенкова В. И. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. М., 2008 (МИАР; Т. 10).
- Козенкова, 2013* – Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.
- Козенкова, Найдено, 1980* – Козенкова В. И., Найдено А. В. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // СА. 1980. № 1.
- Кореняко, 1990* – Кореняко В. А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990.
- Крупнов, 1941* – Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Работы археологических экспедиций. М., 1941 (Тр. ГИМ; Вып. XII).
- Крупнов, 1948* – Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжа // Археологический сборник. М., 1948 (Тр. ГИМ; Вып. XVII).
- Крупнов, 1949* – Крупнов Е. И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. 1949. Т. XXIV.
- Крупнов, 1955* – Крупнов Е. И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа // КСИИМК. 1955. Т. 60.
- Крупнов, 1960* – Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузнецова, 1992* – Кузнецова Т. М. Памятники бассейна Кубани в контексте скифской архаики // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1992.
- Кузнецова, 2015* – Кузнецова Т. М. Хронология Келермесского могильника и скифские заимствования // АСГЭ. 2015. Вып. 40.
- Лесков, 1965* – Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965.
- Маслов, 2016* – Маслов В. Е. Раннескифская история и Геродот // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой. М., 2016.
- Махортых, 1991* – Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
- Мошинский, 2006* – Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э. Систематизация и хронология. М., 2006 (Тр. ГИМ; Вып. 154).
- Мунчаев, 1963* – Мунчаев Р. М. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Петренко, 1984* – Петренко В. Г. Погребальные комплексы и находки у сел. Пелагиада // СА. 1984. № 2.
- Петренко, 2006* – Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.
- Петренко и др., 2000* – Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Петренко и др., 2006* – Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Петренко, Маслов, 1996* – Петренко В. Г., Маслов В. Е. Исследование Новозаведенского-II могильника // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996.
- Пиотровский, Иессен, 1940* – Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1.
- Рамишвили и др., 1987* – Рамишвили Р. В., Джорбенадзе В. А., Чиковани М. Е., Глонти М. Г. и др. Археологическое изучение Арагвского ущелья // Полевые археологические исследования в 1985–1986 годах (краткие сообщения). Тбилиси, 1987.
- Рунич, 1971* – Рунич А. П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1971 году // Архив ИА АН СССР. Ф-1. № 4633.
- Сапрыкин, 2012* – Сапрыкин С. Ю. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид» // Аристей: классическая филология и античная история. М., 2012. Т. 5.

Смирнов, 1964 – Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

Техов, 1980 – Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н. э. // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Техов, 1985 – Техов Б. В. Тлийский могильник: Каталог. Тбилиси, 1985. Т. III.

Техов, 2002 – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

Членова, 1984 – Членова Н. Л. Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations

V. I. Kozenkova

This paper is connected with the 80th anniversary of Evgeniy I. Krupnov's excavations of sites of the Koban culture (Alkhaste, Nesterovskaya settlement-site, Nesterovskoye burial ground) in the Assa River Gorge in Ingushetia in the Northern Caucasus. Here the question is once again raised about the interrelations between the autochthonous culture and the steppe culture of the Scythians proper of which elements were distinguished at the abovementioned sites (1941, 1948). Archaeological sources accumulated during this period concerning the late Koban culture enable us to review some important aspects and the vector of development of the two cultures of different ethos's in the 7th–4th century BC. It is generally accepted among students of the Caucasus and scythologists to distinguish mainly four problems here as the most important ones, viz. the causes of the transformation of the Koban culture at its later stage; the extent and depth of this transformation; the form and model of the interrelations as are deduced from different sources (archaeology, anthropology, ethnography etc.) and the chronological aspect. In the monograph by E. I. Krupnov 'Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza' (*Ancient history of the Northern Caucasus*) published in 1960, the historiography of these aspects was thoroughly analysed and a fairly convincing conception of the

subject under consideration was proposed. However the evidence accumulated and studied by different authors throughout half a century, in particular a series of Scythian kurgans in the Ciscaucasia, have engendered significant corrections although treating the abovementioned scientific directions differently in different works. The author of the present article, on the basis of the most vivid examples of local sites situated at different mountainous altitudes, notes the relative unity of the views concerning three of the mentioned aspects and contradictions in the interpretation of the form of the interrelations. In particular, the author proposes a model most adequate, in her opinion, to the available data on the interrelations between the 'Kobans' and Scythians for a period of 300 years. This is a model of an armed neutrality according to a verbal treaty between the upper strata of the two equally armed contacting unities. This agreement included the cease of continuous military activities but with the preservation of the war potential. It was the maintenance of a marked delimitation line in the conditions of a mountainous region, non-interference with the life mode of the neighbours, mutual exchange of vital products including the terms of the exploitation of winter pastures in the steppe as the epicentre of the habitation of the nomads.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПОПЫТКА С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ИЛИ НЕПРЕОДОЛЕННОЕ НЕПОСТИЖИМОЕ

Winkler-Horaček L. *Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren.* (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith). Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb.

Ключевые слова: архаическое искусство Греции, вазовая живопись, монстры, сфинкс, грифон, сирена, фризы с изображением животных, Владычица зверей.

Keywords: archaic art of Greece, vase painting, monsters, sphinx, gryphon, siren, friezes with representations of animals, Mistress of Beasts.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-311-320

Монография немецкого исследователя Лоренца Винклер-Горачека «Монстры в раннегреческом искусстве» является осовремененным вариантом его докторской диссертации, защищенной еще в 2003 г. в Ростке. Ее подзаголовок «Преодоление непостижимого» выглядит особенно многообещающим, поскольку к этой теме в разных аспектах неоднократно обращались исследователи разных стран.¹

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, трех приложений, развернутых резюме² на немецком и английском языках, общего указателя и списков литературы и иллюстраций.

Во введении Л. Винклер-Горачек определяет объект своего исследования, его цель и задачи. Объект – «изображение монстров как исторический феномен». По высказанному автором здесь же убеждению, в рассматриваемых им гибридных существах, соединяющих в себе черты различных животных, человека и животного или человека, животное и растение, воплощены «представления о преодолении границ» (*Vorstellungen von Grenz-*

überschreitungen), представления, которые обусловлены историческими обстоятельствами (S. 5).³ «Что говорят изображения монстров о самих себе и о своем времени?» – таков главный вопрос, интересующий автора (Там же). Его цель – «изучить роль гибридных образов в раннегреческом искусстве, определить значение их изображений, найти подход к объяснению широкого распространения этого мотива. При этом проанализировать формы данных монстров с точки зрения их значения, обсудить вопросы их происхождения, а также рассмотреть их изобразительный контекст» (Там же). Несмотря на столь широко заявленную тему, оказывается, что автор рассматривает отнюдь не все монструозные образы раннегреческого искусства, а только те, которые наряду с реальными животными украшают фризы греческих ваз, в подавляющем большинстве коринфских. Поэтому им не анализируются изображения тех монстров (морских чудовищ, горгон, сатиров, силенов и др.), которые не фигурируют на этих фризах, но широко представлены как на расписных вазах, так и на других памятниках греческой архаики.

«Монстры – это обитатели периферийных миров. Они преодолевают устоявшиеся конфигурации

¹ См. обширную библиографию, составленную автором рассматриваемой книги.

² Поскольку чрезвычайное многословие автора нередко затемняет его мысли, эти резюме являются хорошим подспорьем как для их понимания, так и для их передачи. Поэтому мы неоднократно будем ссылаться не только на основной текст книги, но и на ее немецкое резюме.

³ Здесь и далее ссылки на страницы рассматриваемой книги и на иллюстрации в ней даются в скобках в тексте рецензии.

и соединяют области, которые при "нормальном" порядке вещей не соприкасаются. Это делает их странными, чужими, непостижимыми, – пишет автор. – Монстры появляются в сфере культурной жизни и одновременно ставят эту сферу под вопрос. Одно из существенных культурных завоеваний общества состоит в возможности не только выразить человеческие страхи и неуверенность, но и в показе альтернативных концепций через смысловые и визуальные образы монстров. Поэтому монстров можно было бы рассматривать в соответствующем временном и культурном контексте как часть реальности. Кроме того, во многих культурах монстры являлись неотъемлемой частью более крупной идеологической системы. Это могли быть мифологические, религиозные или политические системы либо системы, созданные другими разнообразными способами. Эти системы ассимилировали монструозное, преодолевали непостижимое и в то же время инкорпорировали его в превалирующий социальный порядок.

Монстр всегда является продуктом культуры. Поэтому он всегда связан с конкретным историческим контекстом, из которого возник» (S. 617).

В рассматриваемой работе термин «монстр» относится к созданиям, являющимся комбинацией разных видов животных, человека и животного или человека, животного и растения. Термину «монстр» также синонимично выражение «гибридное существо», или «Mischwesen». Такие существа, как крылатый гибрид человека и льва (сфинкс), гибрид человека и птицы (сирена), орла и льва (грифон), пантеры и птицы и многие другие, были особенно широко распространены в греческой иконографии с конца VIII до середины VI в. до н. э. Либо отдельно, либо в качестве части фризов гибридные создания вместе с животными и растениями изображались на многочисленных предметах, чаще всего на вазах. «Расписные сосуды были объектами культурной деятельности: они использовались на симпозиях, в качестве сосудов для дорогих благовоний и в других сферах жизни, таких как религиозные ритуалы и похороны, – разъясняет автор. – Посредством функционального использования ваз и украшавших их изображений происходило взаимодействие между культурным актом и образом. Благодаря этому мы можем заглянуть внутрь идей,

лежавших в основе представлений данного периода времени» (S. 617–618).

Многие исследователи, которые занимались проблематикой греческого искусства архаической эпохи, уже давно (и нередко независимо друг от друга) пришли к выводу, что монстры здесь не только были семантически значимыми образами, но что в них греки видели воплощение смертоносных демонических сил (см., например: Müller, 1978, с библиографией). О том, что монстры выступали в качестве спутников богов, свидетельствуют как памятники изобразительного искусства, так и данные античных авторов. Об отношении к монстрам как к могучим апотропеям свидетельствуют данные этнографии. Л. Винклер-Горачек все эти интерпретации знает, но сознательно отмечает, считая умозрительными. Как же он пытается осуществить свое смелое намерение «заглянуть внутрь идей», отвергая достижения тех своих предшественников?

В главе 1 автор рассматривает представления, связанные с понятием «даймон», совершает экскурс в историю его употребления в греческих литературных источниках.

В научном обиходе монстров обычно называют «демонами», однако, по мнению автора, употребление этого термина в данной связи не точно, так как он охватывает различные, часто противоречивые представления (S. 23ff.) Все многочисленные интерпретации греческих монстров в качестве демонов, по словам самого автора, вызывают у него «нехорошее чувство» (S. 24). Образы монстров, которые являются объектом исследования автора, не имеют, по его мнению, ничего общего с древнейшими представлениями, с которыми мы знакомы по Гомеровским *daimones*, равно как и с областью философии, известной как демонология. Было бы разумнее, считает автор, интерпретировать все эти образы как *Schadensgeister*, или зловредные призраки. Разницу между категориями демонов и монстров он демонстрирует на примере двух эпизодов из «Одиссеи». Когда Одиссей приближается к острову сирен, именно демон успокаивает своей невидимой властью море, чтобы Одиссей мог беспрепятственно проплыть мимо острова сирен (Od. 12, 168 f.). А когда тот же герой дрейфует в водах около острова феаков после кораблекрушения, он опасается, что демон может наслать на

него морского монстра из воинства Амфитриты (Od. 5, 421 f.). Здесь не монстр является демоном, а силы, заставляющие его действовать таким образом. Сами по себе монстры живут на своем острове или в глубинах моря. Они связаны с представлениями об этих местах и выступают в виде странного, чужеродного представителя этих мест на периферии мира или в глубинах земли (S. 37). «Монстров на вазах и других предметах допустимо интерпретировать подобным образом независимо от того, являются ли они частью мифологического повествования или компонентом фриза с изображением животных. Их можно считать "демоническими" только в современном понимании в том смысле, что они воплощают что-то неизвестное или сверхъестественное», – утверждает автор (S. 618–619). Однако представление о том, что все странное, чужое, непонятное, а тем более пугающее, служит знаком скрытых сил, – является характерной особенностью человеческой психики, а отнюдь не ограничивается «современным пониманием». «Все необычное, уникальное, новое, совершенное или чудовищное становится вместилищем магико-религиозных сил и, в зависимости от обстоятельств, предметом поклонения или страха», – справедливо отмечает М. Элиаде (*Элиаде*, 1999. С. 28–29).

Что касается примеров из «Одиссеи», то, хотя конкретная их интерпретация Л. Винклер-Горачек и не вызывает возражений, нет никаких оснований переносить ее на всех монстров и на иные контексты. Наглядный пример дает «семантический пучок», связанный с персонажем, оставшимся вне поля зрения немецкого исследователя, – Горгоной. Горгона Медуза (родовое имя которой явно догреческое, а собственное означает «Владычица») представляет собой парадигматически монструозную фигуру. Ее имя наряду с убийственным взглядом и целым рядом других впечатляющих черт, о которых свидетельствуют многие античные авторы, а также ее образ в архаическом искусстве, где она нередко выступает в облике Владычицы зверей, – все это позволяет видеть в ней деградировавшую ипостась Великой богини (см.: *Шауб*, 1999. С. 211 сл. (с библиографией); 2007. С. 95–99 (с библиографией)). Согласно основной мифологической традиции, Медуза обитает на дальнем острове, где ее находит и обезглавливает Персей. Герой отдает голову чу-

довища Афине, которая делает ее украшением своей эгиды, что не мешает той же голове одновременно находиться в распоряжении Персефоны в царстве Аида (Od. XI, 634).

Глава 2 (самая большая) посвящена монстрам в искусстве Греции с конца VIII до середины VI в. до н. э., то есть от появления в нем гибридных существ,⁴ до начала массового изготовления ваз с выполненными в чернофигурной технике мифологическими сюжетами.

«В чудовищах инородность дикой природы приобретает инородную форму» (S. 624), – каламбурирует Л. Винклер-Горачек, разъясняя, что как сами монстры, так и многие элементы и контексты их образов пришли в Грецию с «Востока» (автор берет это слово в кавычки) длинными и извилистыми путями. Наиболее тесные связи Греции раннеархаической эпохи

⁴ Л. Винклер-Горачек утверждает, что монстры в греческом искусстве появляются «с началом фигуративных изображений» в конце VIII в. до н. э. (S. 4). Это мнение не соответствует действительности, поскольку, несмотря на угасание микенских художественных традиций и на господство геометрического стиля в период «темных веков», изображения живых существ, в том числе и монстров, никогда не исчезали (наглядный пример – терракотовый фигурный сосуд в виде кентавра X в. до н. э. из Лефканди; см. ниже). Данный факт косвенно подтверждает и сам автор рассматриваемой книги, отмечая непрерывность традиции изображения монстров на Крите (S. 4). Несмотря на устойчивую традицию изображения монстров на самых разных памятниках крито-микенской культуры, господствует мнение, что в искусстве Эллады они не являются ее продолжением, но были заимствованы из стран Ближнего Востока и Египта (S. 4 и др.). Однако некоторые иконографические особенности архаических монстров свидетельствуют о том, что полностью отменить влияние на них местных традиций невозможно. Речь идет прежде всего о довольно долго бытовавшем (IX – середина VII в. до н. э.), хотя и не особенно распространенном, образе сфинкса не с львиными лапами, но с бычьими и/или лошадиными копытами (Abb. 73–78. S. 121–125). Предполагается, что эта черта была копирована с изображений ассирийских крылатых быков. Но, поскольку у ближневосточных сфинксов эта особенность отсутствует (см.: Abb. 52–70, 72. S. 103–117), гораздо более вероятно, что она сохранилась с микенских времен, когда изображения сфинксов с ногами копытных животных были довольно широко распространены (S. 100–101. Abb. 47–50).

Допуская возможность пережиточного существования некоторых микенских изобразительных элементов в архаическом искусстве Крита, Л. Винклер-Горачек в данном случае ее полностью отвергает. При этом он ссылается на изображение монстра на протогеометрическом кратере из Кносса (Abb. 51. S. 102), утверждая, что этот сфинкс носит следы переднеазиатских и египетских влияний (S. 99). Однако и черты лица монстра, и специфическая штриховка всего его тела весьма схожи именно с трактовкой вышеупомянутых микенских персонажей.

прослеживаются с Сирией и Ассирией. Именно отсюда греки заимствовали не только фризы с животными, но и образы гибридных существ, помещенных в сцены борьбы животных, их тесную связь с растительным орнаментом, сюжеты борьбы героев с чудовищами, подчинение животных и монстров богам. Эта тесная связь между греческими и ближневосточными монстрами нашла отражение и в их атрибутах. Наглядным примером ближневосточных влияний является ранний греческий сфинкс (крылатый человеколев) с его характерным головным украшением, некоторыми бычьими признаками, бородой и т. д. В то же время греки избегали заимствования других изобразительных элементов. Так, египетские атрибуты сфинксов были широко известны в Греции по изображениям на финикийских предметах, но эти атрибуты трудно найти на изображениях греческих монстров, поскольку египетские представления отличались от греческих. В Египте боги и сами правители изображались в виде монстров или гибридных существ; к примеру, сфинксы представляли бога солнца и фараона. В отличие от Египта, на Ближнем Востоке, особенно в Северной Сирии и Ассирии, животные и гибридные существа обычно изображались подчиненными богам. «Существуют структурные совпадения или общие смысловые поля между культурами, что нашло выражение в осуществленном греками выборе и приспособлении конкретных элементов из других культур. Этот процесс заимствования нужно понимать в контексте стимулирования и интенсификации развития соответствующих идей в Греции, а не как прямое копирование. Иноземные влияния воспринимались, трансформировались и связывались с существовавшими здесь идеями. Возникшие в результате этого образы должны интерпретироваться исходя из греческого культурного контекста», — справедливо утверждает автор (S. 624).

Монстры, населяющие греческие фризы с животными VII и начала VI вв. до н. э., по твердому убеждению Л. Винклер-Горачека, были первоначально «монстрами без мифов». Позднее в течение VI в. до н. э. многие из них стали использоваться для иллюстраций известных мифологических сюжетов: крылатый человеколев стал фиванским Сфинксом, гибрид человека и птицы превратился в гомеровскую сирену, львы-грифоны стали со-

перниками аримаспов. Другие, например, птица-грифон или пантера-птица, так и не приобрели статус определенных мифологических фигур. Граница между мифологическими образами и «монстрами без мифов» текуча; иногда они перекрывают друг друга. Но гибридные существа, представленные на фризах с животными, должны рассматриваться как первоначально независимые от мифологического повествования. Когда сцена содержит несколько изображений гибридов человека и льва, они почти наверняка не представляют конкретного фиванского Сфинкса. Вместо этого они воплощают вид монстров, из которых смогли возникнуть индивидуализированные существа, как Немейский Лев возник из вида «львы». И все же существуют определенные структурные сходства между монстрами, включенными в животные фризы, и изображениями мифологических существ. В обоих случаях это чужеродные существа, действующие в диком мире либо как сфинкс в горах около города, как сирены на краю мира, или мира на животном фризе. Общей их чертой является то, что они воплощают чужие и непостижимые особенности периферийных регионов (S. 625).

Как известно, фризы с животными и монстрами украшали золотые ленты, бронзовые щиты, а также многие другие предметы архаического греческого искусства. Однако особенно характерны эти фризы для росписи восточногреческих и коринфских ваз, где ряды реальных и фантастических существ создают «ковровый» орнамент. Композиционное построение этих изображений и функциональные взаимодействия между отдельными фигурами преимущественно на вазах, созданных в Коринфе, анализируются автором в главе 3. В количественном плане мифологические образы здесь являются исключениями. В прошлом исследователями делалось различие между сценами с животными и монстрами, которые описывались как «декоративные и орнаментальные», и сценами с этими существами, которые описывались как «мифологические и повествовательные». Тогда и до некоторой степени и сегодня считается, что в «декоративных, орнаментальных» сценах отсутствует какой-либо более глубокий смысл. Эту точку зрения, по справедливому мнению Л. Винклера-Горачека, можно решительно опровергнуть. Основываясь на примере

коринфских вазовых фризов с изображением животных, он стремится показать, что композиция, кажущаяся на первый взгляд чисто орнаментальной, просто изображением серии животных и гибридных существ, на самом деле ориентирована на структуры и модели, которые вполне осмысленны. Чтобы соответствующим образом интерпретировать эти «орнаменты» (как фриз с животными в целом, так и его отдельные компоненты, то есть животных и монстров), необходимо, считает автор, сначала принять три базовых положения.

Первое исходит из предметности всех орнаментов в раннегреческом искусстве, то есть из того, что они изображают реально существующие объекты. «Это простое утверждение является основополагающим. Растительный орнамент воспринимается прежде всего как реальное растение. Это не означает, что это растение не имеет своего смысла. Этот смысл напрямую связан с качествами, которыми растение обладает как физический объект, или в данном случае как растение. На основе этой идеи растение выступает как проявление внутренней жизнеспособности и генерирующей энергии» (S. 619). Но автор выступает категорически против интерпретации подобных изображений в качестве абстрактных символов типа «цветок смерти» или что-либо подобное. «Еще меньше на абстрактные символы похожи образы животных и гибридных существ, являющиеся конкретными изображениями сами по себе. Так, изображение льва на самом деле есть лев, то же самое относится к качествам, происходящим из характеристик льва, включающих силу, власть и жестокость. Похожим образом эти качества могут относиться и к людям. На еще более базовом уровне лев выступает представителем опасного дикого мира» (Там же). И вновь автор считает недопустимыми предположения ряда предшественников, которые полагали, что лев мог выступать в качестве «демона смерти». «Такие умозаключения упускают из вида "первичную форму репрезентативности". Гибридных существ также надо рассматривать с этой точки зрения. Они представляют собой конкретные образы живых существ, чьи качества являются производными от составляющих их частей. Статистическое исследование фризов с животными на коринфских вазах показало, что первостепенным и определяющим элементом

этих существ является их торс (лев, птица и т. д.)», а не голова (Там же).

«Вторым основополагающим предположением является столь же простое фундаментальное правило: животные, растения и монстры – представлены ли они отдельно или в последовательном контексте фриза – изображают мир. Они не рассказывают какую-либо историю и должны рассматриваться отдельно от изображений повествовательных мифологических сюжетов. Здесь необходимо провести различия между *описательной* и *повествовательной* моделями (выделено автором. – *И. Ш.*). Описательные образы основываются на модели, которая была широко распространена в геометрическом периоде греческого искусства. Изображением монструозного животного мира передается идея дикого мира, который также называют "внешним", глубоко укоренившуюся в культурном сознании греков VII и начала VI вв. до н. э.» (S. 619–620).

Третье фундаментальное предположение является более сложным и связано с взаимоотношениями между различными фигурами на вазах. Животные и гибридные существа на фризах иногда организованы в группы, вовлеченные в какое-либо действие. По мысли Л. Винклера-Горачека, чтобы понять значение этих групп, необходимо учитывать «иероглифический» характер раннегреческого изобразительного искусства.

«Сцены и добавочные ряды, состоящие из отдельных фигур, представляют собой визуальные коды и шифры, каждый со своим индивидуальным смыслом, – пишет автор. – В сценах эти коды («иероглифы») могут взаимодействовать и ссылаться друг на друга в контексте какого-то действия. В этом случае они, так сказать, "вступают в коммуникацию". Сцены борьбы животных построены по этому принципу. Но и за пределами разворачивающегося в сцене действия визуальные коды могут коррелировать другими способами. Каждый код сохраняет свое индивидуальное значение, которое определяется по отношению к другим значениям той модели, в которую они включены. Следовательно, столкновение образов есть лишь столкновение значений, сцены становятся группами бездействия (смысловыми группами) без интерактивного потенциала. Такие изображения не являются произвольными или чисто декоративными. В то же время содержащиеся в них

значения возникают не из последовательности потенциальных действий, а становятся ясными только тогда, когда мы узнаем значение каждого отдельного "иероглифа" и связываем соответствующие значения друг с другом» (S. 620–621).

Что касается соотношения фигур на рассматриваемых фризах, то Л. Винклер-Горачек разделяет их на три группы: динамичные (куда относятся сцены борьбы животных), статичные, но с интерактивным потенциалом (таково большинство фризов, украшающих коринфские вазы), и статичные без этого потенциала (сюда относятся изображения животных и монстров, которые сопровождают композиции, в которых взаимодействуют люди) (S. 621).

«Как же понять, что такое монстры в мире животных?» – ставит вопрос автор и отвечает на него так: «Гибридные формы придают монстрам непостижимые и сверхъестественные качества. Таким образом, они выполняют в животном фризе совершенно определенную функцию. Именно через них "внешний" мир предстает как зловещий, непостижимый и чужой. В то же время возникает взаимосвязь: монстры символизируют "внешний" мир как некое страшное место, но, будучи включенными на коринфских вазах в определенный порядок, они подвергаются иной категоризации. Так, крылатый человеколев (сфинкс) занимает ту же позицию, что и лев. Он нападает на животных и людей, но иногда, хотя и менее часто, на него охотится человек. Гибрид человека и птицы (сирена) во "внешнем" мире, несмотря на свою гибридную враждебность, определенно находится ниже многих реальных животных. В сценах борьбы животных человекоптицу неоднократно окружают и атакуют львы. Львы-грифоны относятся к хищным животным. Птицы-грифоны более амбивалентны, но имеют тенденцию к тому, чтобы быть в подчинении у других животных, то же можно сказать и о пантере-птице» (S. 623–624).

Л. Винклер-Горачек убежден, что с включением монстров во фризовый порядок они теряют часть своей «угрожающей непостижимости», которую символизируют их гибридные формы. «Когда сирены подчиняются львам или пантерам в иерархии животного мира, или когда крылатые сфинксы показаны равными хищным животным, тогда, бу-

дучи частью этого животного мира, гибридные существа становятся не более сильными, чем торс соответствующего животного. Тело гибрида определяет его положение среди животных. Гибридные существа все же остаются опасными, но то, что в них было непостижимо и вызывало тревогу, преодолено» (S. 624).

Четвертая глава называется «Мир животных – аристократия – полис». Здесь автор продолжает рассуждать на свою излюбленную тему о фризах с животными и монстрами на коринфских вазах, которые использовались и в качестве погребального инвентаря, и как дары в святилища, и в быту. По мнению Л. Винклер-Горачека, то обстоятельство, что подавляющее большинство этих сосудов (как и прочих вещей) было найдено в могилах, сыграло несчастливую роль в их интерпретации: и самим вазам, и украшающим их изображениям (животным, монстрам и проч.) исследователями было якобы приписано погребальное значение и связь с загробными представлениями (S. 328). Автор всячески стремится показать, что никакой связи здесь нет. Однако ему совершенно невдомек, что греки представляли мир как единое целое и граница между обителью живых и мертвых мыслилась ими весьма условной и зыбкой (это известно и из Гомера, и из культовой практики архаики; в классическую эпоху данное представление нашло наглядное выражение в сюжетах росписи афинских погребальных белофонных лекифов).

«В так называемых группах бездействия (смысловых группах) без интерактивного потенциала, изображения встречи и борьбы львов, танцев и гибридных существ должны рассматриваться в связи друг с другом, – рассуждает Л. Винклер-Горачек. – Здесь основополагающие принципы общества, находящегося в процессе культурного самоопределения, сталкиваются с визуальными знаками очевидно неукротенной природы. Их соответствующие смыслы находятся в прямой конфронтации.

Таким образом, фриз с животными и монстрами особенно выделяет образы собственной культуры и связывает две области деятельности – человеческую культуру и дикую природу. Ранний греческий полис строил свои основополагающие принципы и экстраординарные задачи именно в связи с миром дикой природы и на его фоне. Мир животных вы-

являет культуру как таковую и культурное самосознание оформляется в противовес «внешнему» миру. До какой степени "городская" культура греческого мира VII – начала VI вв. до н. э. основывалась на противопоставлении с миром дикой природы, подтверждается мифологическими образами того времени. Особенно в VII в. до н. э. сюжеты борьбы греческих героев против разнообразных монстров претерпели статистические изменения. Наиболее часто встречающимися изображениями были сцены борьбы героя Геракла с кентавром или Лернейской Гидрой, Персея с Горгоной, Беллерофонта с Химерой, Одиссея с Полифемом. В этих мифах герой прокладывает путь в периферийные области и Греции и ойкумены и побеждает монстров. Борьба Геракла с кентавром помещается на периферию греческого мира. В этом мире Геракл борется не только с животными и гибридными существами, но также отстаивает нормы и "ценности" древнегреческого общества: в борьбе с кентаврами на горе Фолое он защищает обычай гостеприимства и симпосия, в котором он участвует вместе с Фолом; в борьбе с кентавром Нессом он борется за институт брака, подвергшийся опасности, когда это гибридное существо напало на его жену Деяниру. Греческий мир за краем ойкумены («эсхатия») становится экраном, на который проецируется мир дикой природы, в котором человеческие существа (герои) вынуждены утверждаться как культурные субъекты. Фриз с животными очерчивают пространство, находящееся вне повествовательного контекста. Они одновременно связаны с историческим процессом возникновения раннего греческого полиса. После утверждения полиса самое позднее к середине VI в. до н. э. противопоставление "культуры" и "дикости", а вместе с этим и фриз с животными и монстрами, теряет свое значение. Фриз с животными становится вспомогательным, пока постепенно совсем не исчезает» (S. 626). Примеров столь позднего формирования культурно значимых полисов в Греции Л. Винклер-Горачек, естественно, не приводит, но эта дата нужна ему для подтверждения своей совершенно умозрительной схемы.

В заключительном разделе данной главы автор довольно пространно и весьма банально рассуждает о том, что такое полис, а также пытается постичь, как самосознание греков соотносилось с миром

животных. Вывод автора таков: в коринфских фризах с изображением животных в течение долгого времени вырабатываются шаблоны, которые определяют и закрепляют положение монстров среди животных на этих фризах. После того, как «трансграничный характер» этих персонажей «таким образом интегрируется, непостижимое в них преодолевается». Л. Винклер-Горачек глубокомысленно замечает, что «"городская" культура греческого мира VII и VI вв. до н. э. в том, что касается ее самосознания, в значительной степени основана на рациональном постижении дикой природы. Наглядным выражением для этого служит сопоставление сцен из мира культуры с изображениями из мира животных, в котором непостижимых монстров можно привести в определенный порядок» (S. 370).

В последней, самой небольшой по объему (S. 373–394) главе речь идет о вымышленных границах раннегреческого мира и связи монстров с представлениями эллинов о рубежах ойкумены. «Соединение в одном образе частей различных животных, черт животных и человека, а также растительных элементов символизирует амбивалентность вымышленных периферийных пространств, колеблющихся между странностью, опасностью и плодородием. Локализация фриз с животными столь же возможна в периферийном пространстве на краю мира, как и в случае с конструированием "запредельного" внутри греческого мира. В этом случае изображения являются намеренно неоднозначными. Как животный мир, так и монстры имеют одинаково близкое отношение к основополагающим культурным принципам древнегреческого общества. Эти взаимные связи культурного и дикого мира оказываются более сложными, если мы посмотрим на то, как строится "внешний" мир на фризах коринфских ваз. Здесь мир животных и опасен и миролюбив, и амбивалентен и непостижим, но монстры с их гибридными формами, вызывающими тревогу и жуть, включаются в существующий порядок. С помощью их включения в один ряд с реальными животными и подразумеваемой таким образом их классификации преодолевается непостижимость гибридных существ. Эта тенденция была обусловлена стремлением рационально постичь дикий мир, которое являлось основой для раскрытия потенциала греческой культуры и ее

основополагающих принципов», – резюмирует автор (S. 627). В тексте же самой главы обращает на себя внимание следующий пассаж, ярко характеризующий степень проникновения Л. Винклера-Горачека в предмет своего исследования: «Бесчисленные цветы, растительные побеги и пальметки на фризах с животными символизируют изобильное плодородие и тем самым источник жизни греческого полиса и колоний» (S. 393). Это представление автора об убожестве греческого символизма (к сожалению, ныне весьма расхожее) легко поставить под сомнение хотя бы тем фактом, что стилизованные изображения растительности являются наиболее распространенным мотивом не только на коринфских сосудах, которые отнюдь неслучайно чаще всего были найдены в могилах, но и на южноиталийских погребальных вазах, и на боспорских саркофагах (см.: *Шауб*, 2016). То есть все эти изображения имели самое прямое отношение к погребальному символизму и, соответственно, к загробным представлениям их создателей.

Повторяя в основном уже неоднократно изложенные им ранее немудреные (и притом не особо оригинальные) мысли по поводу связи монстров с представлениями о крае ойкумены, автор нигде не вспоминает о том, что греки смотрели на окраинные области известного им мира как на территории, за которыми начинается потусторонний мир, «загробье» (см., например: *Толстой*, 1918. С. 4 сл.). И именно этот взгляд, столь характерный для греков, прежде всего и позволяет видеть в монстрах, обитающих где-то на краю земли, представителей загробного мира. О существовании этого представления Л. Винклер-Горачек не мог не знать, но оно совершенно неприемлемо для него, ученого-позитивиста, для которого «монстр – это продукт культуры, который нужно постигать как исторический феномен» (S. 9), понимаемый чисто социологически.

При превосходном знании современной литературы по своей теме у Л. Винклера-Горачека налицо и серьезные пробелы. Например, в его библиографии нет работы Х. Франкфорта (*Frankfort*, 1936–1937. P. 106–122) о критском грифоне, отсутствие которой необходимо отметить в связи с тем, что рассматриваемый в ней сюжет грифонов, представленный на фресках тронного зала Кнос-

ского дворца (не упоминаемый автором книги), важен для понимания семантики этого монстра в критском искусстве, а именно – в контексте его связи с Великой богиней (см.: *Андреев*, 2002. С. 265 сл., 307 сл., 348 и др.; ср.: *Шауб*, 2013. С. 27 сл.)

Автору неизвестны вещи с изображениями монстров, найденные на территории Северного Причерноморья.⁵

Еще более важным недочетом является незнание автором результатов некоторых важных для его темы раскопок. Он, следуя за К. Фиттхеном (*Fittchen*, 1969. S. 88 ff.), по старинке относит появление образа кентавра в греческом искусстве к концу VIII в. до н. э. (ок. 725 г. до н. э., когда была исполнена хрестоматийная бронзовая композиция, хранящаяся в музее Метрополитен: Abb. 18. S. 73). В то время как в Лефканди (на о. Эвбея) был найден фигурный сосуд в виде кентавра, относящийся еще к X в. до н. э. (*Desborough et al.*, 1970; *Андреев*, 2002. С. 696 сл., 705).

Относительно истории монстров в искусстве Греции автор придерживается умозрительной схемы, которую можно кратко сформулировать так: «от безымянных гибридных изобразительных образов – к получившим родовые или/и личные имена монстрам мифов». Очень близко к ней мнение К. Фиттхена (*Fittchen*, 1969. S. 127), согласно которому, поскольку Гомер, упоминая кентавров, не описывает их внешний вид, «демонический образ человека-коня первоначально не был идентичен с кентавром предания» (S. 237). Однако хорошо известно, что Гомер не только не дает детальных описаний многих, несомненно, хорошо известных ему вещей, но иногда даже не упоминает о них. А тот факт, что сюжет борьбы Геракла с кентавром (или кентаврами) относится к древнейшим в греческом изобразительном искусстве (причем на памятниках того же или даже более позднего времени кентавр преспокойно фигурирует среди прочих, якобы также безымянных и не соотносенных с конкретными мифами монстров), заставляет усомниться в релевантности вышеупомянутой схемы.

Монстры всегда (и, в соответствии с принципами симпатической магии, совершенно резонно) считались могучими апотропеями. Ныне это не «тренд», поэтому автор не только не считает нуж-

⁵ Кроме зеркала из Келермесских курганов (S. 222. Anm. 942).

ным рассматривать такой старомодный взгляд, но и прямо заявляет, что он ему непоятен (S. 24). Монстры, несомненно, мыслились греками как существа, связанные с потусторонним миром⁶ (а не просто пограничные, как полагает автор), поэтому неудивительно, что самые распространенные из них, сфинксы, изображались в качестве скульптурных стражей могил (см., например: *Demisch*, 1977; *Hoffmann*, 1997. P. 79). Монстры наделены крыльями и таким образом воплощают медиацию, связывают миры, поэтому в мифах эти существа выступают в качестве посланцев богов и богинь (Зевса, Диониса, Геры), а в произведениях искусства – их атрибутов. Обо всем этом речи в книге нет, равно как и о том, что изображение гибридных существ среди реальных зверей и растений прежде всего остального должно было недвусмысленно намекать на присутствие сверхъестественных сил. Судя по тому, что на памятниках эгейского искусства монстры (прежде всего грифоны) изображаются служителями Великой богини, а в искусстве архаики представляются в таком же качестве по сторонам или в руках ее наследницы – Владычицы зверей,⁷ речь должна идти именно о ней. Причем сказанное отнюдь не исключает всех прочих упомянутых интерпретаций, поскольку, как известно, мифологическое сознание функционирует по принципу дополнительности. Что касается образа Великой богини всего сущего, то он по определению должен был занимать главенствующую позицию в религиозных

представлениях, с помощью которых эллины осмысливали действительность.

В приложениях I и II, которые следуют за сгруппированными в самостоятельный раздел примечаниями, обобщена база данных о реальных и фантастических животных и их взаиморасположении на фризах почти 1700 коринфских расписных ваз, изученных автором.

В III приложении то же самое предпринято для восточногреческих архаических расписных сосудов. Приложения содержат ссылки на издания, где опубликованы рассмотренные автором изображения, причем приложения I и II даже снабжены отдельным перечнем всех этих изображений.

Составив эти объемистые каталоги (S. 471–615), Л. Винклер-Горачек продемонстрировал свои отменные бухгалтерские способности. Однако, пытаясь понять смысл изображений монстров на памятниках греческого искусства архаического периода, автор подошел к объекту своего исследования исключительно как социолог, поэтому его выводы относительно смысла изображений монстров не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной. Этого печального факта не в состоянии скрыть ни его многословие, ни постоянные повторы, подчас напоминающие заклинания. Сознательно отказываясь от гипотез своих предшественников в деле изучения семантики изображений монстров, автор отмел и тот бесспорный факт, что область его исследования, греческое искусство – это религиозный феномен (см., например: *Schefold*, 1959).

⁶ Так, Сфинкс в одной эпитафии конца VI – V в. до н. э. из Фессалии названа «собакой Гадеса» (*Peek*, 1955. Nr 1831); главный герой «Золотого осла» Апулея Луций, став мистом великой богини Исиды, получает драгоценный плащ, среди украшений которого были «гиперборейские грифоны, порожденные другим миром» (*Apul. Metam. XI*, 24).

⁷ Автор вскользь упоминает о Потнии Терон и даже воспроизводит два ее изображения, правда, со знаками вопроса (*Abb. 174, 175; S. 221, 222*) и не касаясь сути образа этой богини. (О ней см.: *Christou*, 1968).

Андреев, 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. СПб., 2002.

Толстой, 1918 – *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

Шауб, 1999 – *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3: Скифский квадрат.

Шауб, 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.

- Шауб*, 2013 – *Шауб И. Ю.* «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2013.
- Шауб*, 2016 – *Шауб И. Ю.* Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство. Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства. М., 2016. Вып. V.
- Элиаде*, 1999 – *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
- Christou*, 1968 – *Christou Ch.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968.
- Demisch*, 1977 – *Demisch H.* Die Sphinx. Geschichte ihrer Darstellung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Urachhaus, 1977.
- Desborough et al.*, 1970 – *Desborough V. R., Nicholls R. V., Popham M.* Euboean Centaur // BSA. Athens, 1970. Vol. 65.
- Fittchen*, 1969 – *Fittchen K.* Untersuchungen zum Beginn der Sagedarstellungen bei den Griechen. Berlin, 1969.
- Frankfort*, 1936–1937 – *Frankfort H.* Notes on Cretan Griffin // BSA. Athens, 1936–1937. Vol. 37.
- Hoffmann*, 1997 – *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford, 1997.
- Müller*, 1978 – *Müller P.* Löwen und Mischwesen in der archaischen griechischen Kunst. Eine Untersuchung über ihre Bedeutung. Zürich, 1978.
- Peek*, 1955 – *Peek W.* Griechische Wersinschriften. Berlin, 1955.
- Schefold*, 1959 – *Schefold K.* Griechische Kunst als religiöses Phänomen. München, 1959.

И. Ю. Шауб
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации
в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко»,
2017. 310 с. ISBN 978-5-903521-50-0

Ключевые слова: раннесредневековая археология, культурная антропология, Древняя Русь, культура, методология, элитарные древности, погребальные памятники, поселения, междисциплинарный синтез

Keywords: Early Mediaeval archaeology, cultural anthropology, Early Rus', culture, methodology, elite antiquities, funerary sites, settlements, interdisciplinary synthesis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-321-324

Рецензируемая книга подводит итог двум проектам, выполненным в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2017 гг. Работы осуществлялись в рамках Программы фундаментальных исследований (ПФИ) Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» («Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству» / рук. Е. Н. Носов) и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы» («Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным» / рук. Н. И. Платонова). В рамках этих проектов в ИИМК РАН были проведены (с участием ученых из Эрмитажа, СПбГУ, МАЭ РАН (Кунсткамеры) и ИА РАН) две научно-практические конференции: «Элитарная культура стран Восточной Европы второй половины I – начала II тыс. н. э.» (июнь 2015 г.) и «Социокультурные трансформации в Восточной Европе середины I – начала II тыс. н. э.» (май 2016 г.). На базе докладов, прочитанных на этих конференциях, и был подготовлен настоящий сборник.

Статьи сборника разделены на три больших блока: 1) *Культурные трансформации и археология элиты: общие вопросы и историография* (раздел I); 2) *Погребальные памятники и проблема выделения социальных маркеров* (раздел II); 3) *Археология городов и поселений: проблема социальных структур раннего средневековья* (раздел III).

Непосредственное ознакомление со статьями рецензируемого сборника зримо демонстрирует

актуальность и плодотворность самой идеи проведения двух научно-практических конференций, посвященных специфике отражения культурных трансформаций в археологическом материале и вопросам выделения элитарных древностей в раннесредневековых культурах Восточной Европы. Содержание этих статей вызывает ощущение несомненной новизны в подходах и постановке основных обозначенных в книге научных проблем.

Н. И. Платонова в своей вводной статье «Древнерусская культура и древнерусская элита: к определению понятий» сделала анализ сложившихся на данный момент представлений и интерпретаций археологического материала лесной зоны I тыс. н. э. («дорусский период») и рубежа – первых веков II тыс. н. э. («древнерусская культура»). Она приходит к выводу, что при обращении к памятникам, предшествующим сложению «зрелой» древнерусской культуры (IX–XI вв.), «глазам исследователя предстает не устойчивая структура, а разнородный, не устоявшийся конгломерат различных традиций и элементов». Сравнительная «бедность» и редкость памятников I тыс. н. э. на Северо-Западе имела в основе, по мнению исследовательницы, не реальную бедность живой культуры, а особенности археологизации материала и древних представлений о потустороннем. Один из путей к пониманию преемственности обоих периодов и к пониманию процесса возникновения инноваций и их культурно-антропологических механизмов она видит в изучении «элиты» – социально-репрезентативных групп населения, внутри которой происходило преломление различных чужеземных влияний и выработка

новых социальных (идеологических, религиозных) и иных понятий. Это в конечном счете приводило к системным изменениям в культуре. Отсюда и задача настоящего и будущего исследования – провести, наряду с систематизацией умножившихся материалов и параллельно с нею, детальное культурно-антропологическое исследование самого феномена *древнерусской культуры*, ее генезиса, трансформаций и основных составляющих. Наши общие представления об этих явлениях требуют пересмотра с учетом новых археологических данных и современных научных представлений об этно- и культурогенезе.

Подобные мысли высказываются на конкретном материале и в целом ряде других статей сборника, что определяет его тематическую цельность и содержательность. Рассматриваемые проблемы связаны преимущественно с ранним этапом древнерусской культуры – процессом ее формирования, различными компонентами и спецификой их отражения в археологических источниках. Вполне естественно, тематика сборника посвящена в первую очередь памятникам эпохи викингов в Восточной Европе, перспективам изучения древнерусской элиты и выделению социальных маркеров элитарных групп в археологических источниках.

Этой цели служит как углубленный анализ материалов погребальных памятников и отдельных категорий вещей с широким охватом от Рязанской до Новгородской земель, так и рассмотрение общей проблемы формирования критериев для определения элитарного характера исследуемых археологических комплексов и, в целом, элитарной культуры Древней Руси.

В результате наши представления по обозначенному в сборнике кругу проблем обогатились конкретными материалами по отдельным памятникам Древней Руси, которые наглядно демонстрируют происходившие в конце эпохи викингов изменения в погребальном обряде и уборе, позволяют сделать выводы об активизации процесса социального и имущественного расслоения на рубеже XI–XII вв., уменьшении проницаемости социальных перегородок и постепенного превращения жителей Новгородской земли из «мужей» в «смердов» (см. статью Н. И. Платоновой «К вопросу об интерпретации «богатых» погребений на древнерусских могильниках второй половины XI – начала XII в.»). Проблема интерпретации археологического материала

и выделения критериев, позволявших относить определенные археологические комплексы к так называемым элитарным, их применение к древнерусским погребальным памятникам и поселениям рассмотрена в статьях О. В. Григорьевой «Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии» и Е. Р. Михайловой и В. Ю. Соболева «Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста)».

Особый интерес представляет рассмотрение находок отдельных вещей «иноземного» происхождения, ставших престижными в среде местного населения и вошедших в обиход его «элиты» (статья И. Р. Ахмедова и А. П. Гаврилова «"Славянские" фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки»). Отметим констатацию трудностей использования устоявшегося набора критериев, характеризующих принадлежность погребений людям высокого статуса, применительно к курганам Ижорского плато. Данный вопрос поставлен в статье И. В. Стасюка «К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли (по материалам погребальных памятников)». В этих могильниках трудно выделить бесспорно элитарные комплексы, поскольку погребения с оружием, серебряными предметами (либо с большим количеством предметов из недрагоценных металлов) здесь можно рассматривать как принадлежащие рядовым сельским жителям.

В тот же ряд следует поставить статью А. Ю. Чураковой «Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв.». Автор показывает, что эти всем известные крестики, разделенные на две группы по орнаментации, размеру и материалу, связаны с разными группами погребальных памятников: камерными захоронениями и «богатыми» погребениями древнерусских курганных могильников. Выявлена тесная связь крестиков раннего типа из благородных металлов с дружинной элитарной культурой, а более поздних – из медных сплавов и олова – с женской провинциальной культурой XII–XIII вв.

В статье С. В. Бельского «Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований» проанализированы особенности погребальной обрядности населения Карельского перешейка в X–XI вв.,

обладающей значительным локальным своеобразием. Вместе с тем эти трупосожжения на древней дневной поверхности вписываются в контекст культуры подобных могильников с кремациями, распространенной в конце I тыс. н. э. в Восточной Прибалтике и на Севере Европы. Исследование таких могильников проливает свет на особенности сложения погребальной культуры населения, находившегося под сильным влиянием западнофинской культурной общности, испытывавшей скандинавское воздействие, и практиковавшего погребальные традиции, близкие к тем, что характерны для населения Северо-Восточной Эстонии.

Таким образом, в отмеченных работах наглядно выявлены особенности процесса формирования древнерусской культуры на раннем этапе, ее разнородные компоненты, отраженные как в материалах поселений, так и в специфике и разнообразии сложения погребальной обрядности населения восточных и северо-западных окраин Древней Руси. В ходе этого процесса наблюдается, с одной стороны, внутренняя эволюция культуры на основных территориях Руси (в данном случае Новгородской земли), с другой стороны, различные влияния и избирательное проникновение отдельных культурных элементов, воспринятых как «элитарные», в среду «окраинного» населения. Это вело к выделению в нем «элитарных групп», находивших отражение в археологическом материале. Сложность в определении социальных маркеров этих групп определяется как спецификой их отражения в археологических источниках, так и различными этническими компонентами населения Древней Руси, в частности, сохранением ими культурных традиций предшествующего времени.

На этом фоне в особом свете представляется рассмотренная в отдельном блоке проблема социальных структур раннего средневековья, выявленная по материалам археологических раскопок городов и поселений. Открывает его статья Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской «Атрибуция жилых построек древнерусского времени в центральной части Рюрикова городища (к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов)». В ней рассмотрены входившие в комплекс великокняжеского двора большие, углубленные в материк постройки XII–XV вв. с находками престижных импортных изделий в их заполнении. Со всей очевидностью представлена материальная культура

действительно эталонной, престижной княжеской культуры Древней Руси. Не ограничившись публикацией этого материала, в котором выделяется своим богатством и конструктивными особенностями постройка IV, авторы обращают наше внимание на то, что отсутствие подобных жилых построек с подпольем на боярских усадьбах в Новгороде объясняется, скорее всего, особенностями «мокрого» культурного слоя в городе. Особо отметим сюжет, посвященный домостроительству в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси, где рассматриваются общие строительные тенденции славянского домостроительства с конца I тыс. н. э. и сделаны выводы, меняющие наши стереотипные представления об этом материале.

В статье Т. Б. Сениченковой и С. О. Урюпова «Горшок знахаря из "большой постройки" Старой Ладogi (раскоп 1973 г. на Варяжской улице)» приведено дополнительное обоснование интерпретации «большой постройки» конца X в. в раскопе 1973 г. на Варяжской улице как языческого святилища. Данная трактовка впервые была выдвинута автором раскопок Староладогского «посада» В. П. Петренко. Авторы статьи доказывают ее правомочность, используя новейшие естественнонаучные методы исследования, в контексте анализа данных скандинавских саг.

Статья П. А. Миляева «Изделия североевропейского облика на городище Любша (предварительное сообщение)» построена на материалах городища Любша, относимого к числу важнейших памятников ранней отечественной истории. Автор обращается к «загадкам» культурного слоя Любши, делая пусть и предварительные, но обоснованные и очень интересные замечания о значении этого городища и его связи со Старой Ладогой в IX – начале X в.

Важной составляющей раздела о поселениях является статья Е. Р. Михайловой «Городище на Втырке», представляющая собой детальную публикацию материалов раскопок этого уникального многослойного памятника, расположенного в западной части Ленинградской области. На данном поселении фиксируется несколько периодов освоения, включая ранний железный век и раннее средневековье. Древности такого типа совсем недавно попали в поле зрения исследователей Северо-Запада Новгородской земли и представляют огромный интерес.

Отметим работу стажера Института Гумбольдта в ИИМК РАН Й. Шнеевайса «Раннесредневековые городища северной Германии», посвященную историографии, современному состоянию исследований и конструктивным особенностям славянских и саксонских городищ IX–XI вв. в данном регионе. Это первый обзор по данной проблематике, ставший доступным российским исследователям в таком полном виде. Вторая статья того же автора, опубликованная в первом разделе сборника, озаглавлена: «К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793 г., 862 г. и 929 г.)». Она посвящена рассмотрению письменных источников, в которых приведены некоторые важные известия о событиях эпохи викингов и их даты, получившие некий символический смысл, а именно:

793 год – морские разбойники нападают на Линдисфарн; эта дата символически «открывает» собой эпоху викингов;

862 год в Повести временных лет – призвание Юрика на княжение;

929 год – войска Генриха I наносят славянам решающее поражение у Ленцена.

Рассмотрев подробно историографию указанных проблем и результаты археологических раскопок в местах, связанных с этими историческими событиями, Й. Шнеевайс приходит к выводу, что письменные и археологические версии событий существуют как бы в разных плоскостях. По его мнению, они отражают различные, независимые друг от друга стороны исторической реальности. Деление на хронологические периоды не может осуществляться в разных регионах и на различных направлениях по одному и тому же критерию. Археологические даты, установленные по памятникам материальной культуры, за редким исключением, не превышают уровня точности в одно поколение. В основе своей они менее точны, чем даты, ориентированные на отдельные исторические события. В то же время даты, указанные в письменных источниках, не всегда следует признавать достоверными.

Исторические источники, продолжает исследователь, отражают реальность времени их создания, они всегда субъективны и абсолютно независимы от археологических открытий и объектов (и наоборот). Отсюда древние письменные сообщения невозможно «доказать» археологическими методами. Контекстуальный анализ, включая данные историографии, особо важен как для археологического, так и для исторического исследования; в обоих случаях он помогает уяснить степень сложности исторических процессов. Письменные источники рассказывают историю, зависящую от их авторов, контекста и цели написания. Материальные остатки рассказывают иную историю, внедренную в совершенно другой контекст. Наша задача – расшифровать эти два независимых повествования и найти место их встречи... Несомненно, поднятая автором проблема весьма актуальна, и отечественные исследователи заинтересованы в продолжении дискуссии на эту тему.

Завершает сборник статья литовских авторов Р. Йонайтиса и И. Каплунайте «Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города». В ней рассмотрена проблема сосуществования двух христианских конфессий на раннем этапе развития Вильнюса (XIII–XIV вв.), взаимоотношения между местными язычниками и представителями двух христианских общин – католической и православной в процессе их сосуществования. Достаточное количество письменных источников и археологического материала позволило авторам детально показать характер взаимоотношений этих сообществ, различившихся не только конфессионально, но и этнически, и образовавших разные «концы» в рамках городской территории. Анализ этой проблемы представляет значительный интерес, в том числе в контексте проблемы формирования древнерусского города.

В целом, издание такого бесспорно актуального, интересного, цельного по своему содержанию сборника является важной вехой на пути исследования поднятых в нем проблем и задает хорошую перспективу на будущее.

*А. И. Сакса
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной
культуры РАН, Отдел
славяно-финской археологии*

ЭНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АТЛАС ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области /
О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков
и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с.

Ключевые слова: Ленинградская область, этнические группы, конфессии, опыт полидисциплинарного исследования.

Keywords: Leningrad Oblast, ethnic groups, confessions, essay to polydisciplinary research.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-325-328

В последние десятилетия во всем мире наблюдается возрастание роли этнических и конфессиональных факторов в развитии общества, очевидно, как психологическая реакция на общие процессы глобализации, к которым население не успевает адаптироваться. Территория Санкт-Петербургской губернии – Ленинградской области, как до основания Санкт-Петербурга, так и в особенности после 1703 г., была и остается местом соприкосновения и взаимодействия многих народов и всех основных конфессий мира. Это делает область уникальным полигоном для исследований историков, археологов и этнографов.

Представляемое издание является первым опытом полидисциплинарного исследования в истории изучения населения Северо-Запада России, «сочетающим методологические приемы комплексного источниковедения, актуальной регионалистики, исторической географии, этносоциальной истории и этноконфессионального картографирования, совмещение данных демографической статистики с территориальным размещением различных этнических и конфессиональных групп» (с. 8). «Атлас» – коллективный труд сотрудников ряда петербургских научных учреждений (РЭМ, МАЭ, БАН, СПбГУ). Работа с архивными и литературными источниками сочеталась с полевыми исследованиями сотрудников Российского этнографического музея, организовавшего в процессе работы над «Атласом» 19 экспедиций. «Атлас» содержит обширный картографический (101 историческая карта, многие из которых публикуются впервые) и статистический материал, выявленный в архивах, библиотеках и музеях Санкт-Петербурга, Ленин-

градской области и других стран, оригинальные авторские карты (67), пояснительные и аналитические тексты, справочные материалы, комментарии и иллюстрации (более 1000). К изданию приложен DVD с электронными картами и списками населенных пунктов прибалтийско-финских и балтских народов.

«Атлас» состоит из четырех разделов. Раздел I «История освоения территории» является своеобразным предисловием к основным разделам «Атласа», посвященным этнической и конфессиональной истории Ленинградской области. В нем дается общая характеристика природных условий и история заселения рассматриваемого региона. Раздел включает физико-географические подразделы – «Природные и культурные ландшафты», «Физико-географическое районирование», «Культурно-ландшафтное районирование» и историко-археологические – «История заселения и освоения территории. VII тыс. до н. э. – XVI в.», «Крестьянская, боярская и монастырская колонизация. XII–XVII вв.». Представленные материалы содержат обобщенные результаты комплексных исследований географов, археологов и историков, свидетельствующие о длительной истории освоения территории современной Ленинградской области, обусловленной во многом глобальными климатическими изменениями.

Раздел содержит многочисленные авторские карты Ленинградской области, многие из которых опубликованы впервые: «Ландшафтные (физико-географические) районы», «Агроклиматическая группировка ландшафтов», «Антропогенная трансформация ландшафтов». Результатом синтеза

собранных данных о природных ландшафтах и исторически сложившихся системах природопользования явилось выделение на территории области 14 культурно-ландшафтных районов (карта «Культурно-ландшафтное районирование»).

При написании подраздела «История заселения и освоения территории» использованы новые данные для создания уточненных карт археологических и культовых объектов: мезолитических и неолитических стоянок, сопок, курганов, жальников и каменных крестов, маркирующих ареалы раннего заселения, а также расселения прибалтийско-финского и русского населения в эпоху средневековья. Подраздел хорошо иллюстрирован архивными фотографиями, историческими картами и фотографиями современного состояния археологических объектов, сделанными в процессе подготовки «Атласа».

Процессы христианизации, крестьянской и монастырской колонизации, этапы церковного строительства показаны на картах «Средневековые погосты XIII–XVII вв.» и «Средневековые монастыри XII–XVII вв.», впервые составленных на основании писцовых книг и хорошо иллюстрированных архивными и современными фотографиями. Учтено 98 погостов и 56 монастырей. В «Атласе» собраны, опубликованы и картографированы более чем 970 объектов, в которые помимо памятников, традиционно относимых к числу археологических, включены средневековые погосты, храмы и монастыри, каменные и деревянные кресты, чтимые источники, камни и деревья.

Последний сюжет раздела «Сакральный ландшафт. XIX – начало XXI в.» представляет особый интерес. Современный сакральный ландшафт долгое время незаслуженно оставался на периферии внимания археологов и историков. Возникновение культа камней, деревьев, источников уходит в дохристианскую древность. Позднее почитаемые места были адаптированы церковью: около них часто устанавливались часовни или кресты. В советскую эпоху борьбы с религией древние культовые места часто заменяли собой разрушенные храмы, став объектами «народного православия». В настоящее время культ почитаемых мест переживает

своеобразный ренессанс. В «Атласе» впервые наиболее полно собраны и картографированы известные на данный момент сакральные объекты.

Раздел II «**Политико-административное устройство Ленинградской области**» должен был иметь вспомогательный характер. Без учета внешнеполитической и внутренней ситуации, которая влияла на изменение границ региона в различные периоды его истории, невозможно понять сложный этнический и конфессиональный состав населения края. С другой стороны, приведенные картографические документы (более 60 карт, многие публикуются впервые) имеют самостоятельное значение как ценный исторический источник. Карты соотношены с конкретными периодами истории, отражающими все значимые изменения, прежде всего – северо-западной части государственной границы, начиная с Ореховецкого мира (1323 г.), первого договора Новгородской республики со Шведским королевством.

Раздел включает четыре подраздела: «Формирование территории Ленинградской области в исторической ретроспективе», «Ингерманландская губерния (1706–1710 гг.) / Санкт-Петербургская губерния (1710–1914 гг.)», «Петроградская губерния (1914–1924 гг.)», «Ленинградская губерния (1924–1927 гг.) и Ленинградская область (с 1927 г.)». В разделе приведены карты, хранящиеся в Библиотеке Российской академии наук, Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке (г. Москва), Национальном архиве Финляндии, Университете г. Тарту (Эстония), Эстонском национальном архиве, Национальной библиотеке Эстонии, Университете г. Севилья (Испания), Королевской библиотеке Швеции, размещенные на интернет-ресурсах отечественных и иностранных архивов, библиотек, университетов.

Раздел III «**Этническая история Ленинградской области**» включает подразделы «**Этническое картографирование и этническая статистика. XVIII – начало XXI в.**», «Этнический состав населения» и «Этнокультурный ландшафт. XIX – начало XXI в.». В первом подразделе описаны основные вехи истории отечественного картогра-

фирования и этнической статистики, воспроизведены первые документальные этнические карты региона, выполненные известными отечественными исследователями прошлого (Ф. Туманский, П. И. Кёппен, А. Ф. Риттих и др.). Отдельно характеризуются переписи населения, начиная с новгородских писцовых книг рубежа XV–XVI вв. И заканчивая Всероссийской переписью 2010 г. Особенности миграционных, этнодемографических и этнических процессов XIX – начала XXI в. наряду с картами характеризуют сводные таблицы, диаграммы и гистограммы, обобщающие значительный объем проанализированных статистических материалов ревизий и переписей населения Российской империи – СССР – Российской Федерации за 1850–2010 гг. В приложении к «Атласу» впервые публикуются подробные (поездные и подеревенские) списки расселения и численности прибалтийско-финских народов: вепсов, ижоры, ингерманландских финнов, карел, эстонцев, и балтских народов: латышей и литовцев, составленные по данным Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и ранее не публиковавшиеся.

Во втором подразделе «Этнический состав населения» приводятся аналитические карты, созданные на основании архивных и опубликованных статистических данных середины XIX – первых десятилетий XX в. В отдельных очерках характеризуется этнический состав населения Санкт-Петербургской губернии – Ленинградской области во всем его многообразии (славянские народы – русские, украинцы, белорусы, поляки; прибалтийско-финские народы – финны, карелы, ижора, воль, вепсы, эстонцы; германские народы – немцы, шведы; балтские народы – латыши, литовцы; финно-угорские народы Поволжья – марийцы, мордва; тюркские народы – азербайджанцы, башкиры, татары, узбеки, чуваша, а кроме того – армяне; грузины; евреи; молдаване и цыгане). Очерки сопровождаются многочисленными фотоиллюстрациями, как архивными, так и современными. Карты иллюстрируют динамику расселения народов на середину – конец XIX в. и по переписи 1926 г. В совокупности с материалами первого подраздела на их

основании прослеживается динамика этнических процессов на протяжении XVIII – начала XXI в. Такая историческая ретроспектива создает картину этнической истории Северо-Запада Российской Федерации как части страны в целом.

Третий подраздел «Этнокультурный ландшафт. XIX – начало XXI в.» иллюстрирует то, как складывалась современная этнокультурная ситуация в Ленинградской области на протяжении последних двух столетий. Представленные документальные и аналитические карты традиционной культуры населения Ленинградской области – основных занятий, промыслов и ремесел местного населения в XIX – начале XX в., дополнены данными о традиционных водных и сухопутных средствах передвижения, типах жилищ и народном костюме. Кардинальные политические и социально-экономические преобразования в России, в том числе депортации местного населения в 1930-е гг., внешние миграции, ликвидация «неперспективных» деревень в 1960–1970-е гг. привели не только к изменению этнической карты Ленинградской области, сокращению численности сельских жителей, но и к серьезным трансформациям природно-культурного ландшафта и деградации сельского ландшафта в целом. В результате этих процессов утрачены традиционные для разноэтничных анклавов поселенческие структуры, системы расселения и типы поселений (например, финские, эстонские и латышские хутора), многие населенные пункты; значительно изменена топонимическая система.

Раздел IV «**Конфессиональная история Ленинградской области**» содержит подробную характеристику конфессионального состава населения Ленинградской области в прошлом и настоящем, в том числе все актуальные для населения области религиозные течения (православие, старообрядчество, единоверие, армянская апостольская церковь, католицизм, протестантизм, лютеранство) и движения (адвентизм, баптизм, пятидесятничество, скакуны, скопчество, чуриковцы) в христианстве, а еще ислам, иудаизм и буддизм. Раздел иллюстрирован картами и фотографиями, как архивными, так и современными. В заключение раздела характеризуется современное конфессиональ-

ное состояние Ленинградской области с приложением Реестра из 376 религиозных организаций области на 2016 г. и карты их расположения.

В Заключении авторы «Атласа» подчеркивают, что опубликованные «результаты не являются исчерпывающими или окончательными, но отражают итог современных знаний по этноконфессиональной Ленинградской области. Мониторинг и прогнозирование межнациональных и межконфессиональных отношений невозможны без предварительного ознакомления с этническим и религиозным составом населения, историей формирования» (с. 614). В завершение приведены выдержки из документа «Стратегия реализации государственной национальной политики в Ленинградской области», в основе которого – стратегия государственной национальной политики Российской

Федерации на период до 2025 г. (указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г.).

В рецензии часто повторяются слова «впервые» и «ранее не публиковались». «Атлас» действительно уникален по охвату материала и наглядности его подачи, как уникальна и сама история территории Ленинградской области. В книге не декларируется, а наглядно показывается, что этнический и религиозный факторы в настоящее время, не менее чем в прошлом, актуальны и являются основанием национальной идентичности. В задачи авторов «Атласа» не входила, да и не должна была входить, выработка практических рекомендаций. Но данное издание дает богатую пищу для размышлений о путях преодоления современного демографического и экономического кризиса в регионе, как и в стране в целом.

*В. А. Лапшин
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН*

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК – ЗАПАД

V (XXI) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

(Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017)

Ключевые слова: археологический съезд, Сибирь, Алтай, палеолит, мезолит

Keywords: archaeological congress, Siberia, Altai, Paleolithic, Mesolithic

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-329-332

Состоявшийся на Алтае очередной, пятый по новой нумерации, археологический съезд объединил более 500 археологов, приехавших из различных городов нашей страны и из-за рубежа. В их числе была представительная делегация сотрудников ИИМК РАН. Съезд был посвящен 180-летию юбилею выдающегося русского востоковеда, этнографа и археолога В. В. Радлова. Поскольку практика предыдущих съездов показала невозможность оперативной публикации все более расширяющегося числа докладов, организаторы мероприятия решили издать тезисы в электронном виде (объем сборника составил 1207 страниц), а по итогам собрания позднее опубликовать том материалов.

Работа съезда проходила в рамках 17 секций, организованных по большей части в хронологическом порядке – от палеолита до средневековья и нового времени. Кроме того, отдельно рассматривались проблемы изучения первобытного искусства, история нашей науки, охрана и музеефикация памятников, антропологические аспекты, палеогеографические реконструкции, компьютерные методы и актуальные вопросы сохранения национального археологического наследия. Состоялся круглый стол, посвященный проблемам археологического образования в нашей стране.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века. Эти вопросы рассматривались на секции 1 («Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите»). Данная секция

съезда была представительной и продолжительной (в течение трех дней было заслушано и обсуждено 49 устных и стендовых докладов). Работа собрания велась под руководством М. В. Шунькова, К. Н. Гаврилова и автора. Помимо основной секции сообщения по палеолиту были представлены в рамках секций по древнему искусству, междисциплинарным исследованиям, истории археологии. Нельзя не упомянуть развернутый пленарный доклад А. П. Деревянко и М. В. Шунькова, посвященный итогам комплексного изучения палеолита Алтая, и выступление Х. А. Амирханова о хронологии и периодизации нижнего палеолита на севере Кавказа. Далее я буду перечислять выступления по палеолиту, группируя их по тематике, независимо от разбивки по секциям.

Прежде всего, отметим доклады, посвященные доашельским памятникам Кавказа. Внимание собравшихся привлекли сенсационные результаты раскопок на местонахождении Мухкай Па в Дагестане (доклад Д. В. Ожерельева), где были выявлены три четко стратифицированных культурных слоя с находками каменной индустрии в сопровождении фаунистических остатков. Возраст находок раннеплейстоценовый, около 2 млн лет. А. А. Зейналов и С. А. Кулаков продемонстрировали серию чопперов-гигантолитов – характерных форм орудий раннепалеолитической галечной куручайской индустрии в Азербайджане и Дагестане.

А. А. Анойкин развернул панораму культурного развития индустрий Приморского Дагестана от доашельских микроорудийных памятников типа Рубас-1 до рубежа среднего и верхнего палеолита.

Тему продолжил А. Г. Рыбалко, рассказавший о нижнепалеолитических памятниках с бифасами на территории Дагестана. Е. В. Дороничева поделилась сведениями об открытии первого среднепалеолитического памятника на Баксане – грота Сарадж-Чуко. Л. В. Голованова предприняла попытку связать динамику развития палеолита Кавказа с изменениями природной среды.

Хронология финальной поры среднего палеолита и перехода к верхнему палеолиту на Русской равнине – тема доклада А. К. Очередного с соавторами. Большая часть сообщений по палеолиту Восточной Европы затрагивала верхнепалеолитическую тематику. А. А. Синицын обсуждал общие перспективы социологических реконструкций в археологии палеолита. Е. В. Воскресенская с соавторами посвятила свое выступление вопросам хронологии стоянок хотылевской группы в диапазоне от среднего палеолита до эпиграветта. По тематике к этому докладу примыкало сообщение К. Н. Гаврилова о динамике развития восточного граветта и эпиграветта в бассейне Десны. С. Ю. Лев рассказал о характере и строении культурного слоя на Зарайской стоянке.

Е. А. Виноградова рассказала о типологии и планиграфическом распределении микроинвентаря каменнобалковской культуры по материалам стоянки Каменная Балка-2. В докладе Н. Б. Ахметгалеевой была дана развернутая характеристика технологии обработки камня и кости по материалам стоянок Быки-1 и Быки-7. Каменный инвентарь группы стоянок в Дивногорье был рассмотрен в докладе группы исследователей под руководством А. Н. Бессуднова. Интересным дополнением к сообщению стал стендовый доклад Н. Е. Прилепской с соавторами, посвященный реконструкции сезона гибели и возраста лошадей в Дивногорье на основе анализа микроструктуры зубов.

Археологами новосибирского центра активно ведется изучение древнекаменного века Средней Азии и Казахстана. А. М. Чеха остановился на спорных вопросах прослеживания путей заселения Арало-Каспийского региона носителями культур с бифасами. Внимание собравшихся привлек доклад А. И. Кривошапкина с соавторами, посвященный первым результатам возобновленных раскопочных работ на знаменитой пещерной стоянке

Сельунгур в Киргизии. Новые данные не позволяют говорить о нижнепалеолитическом возрасте остатков, а встреченные материалы дают основание выделить здесь новый вариант среднепалеолитической культуры в регионе. К. К. Павленок проинформировал о раскопках последних лет на среднепалеолитических стоянках Кульбулак и Катсай-1 в Узбекистане.

В центре внимания секции находились алтайские материалы. В развернутом докладе К. А. Колобовой с соавторами содержалось изложение результатов раскопок последних лет в Чагырской пещере, доставившей помимо обильных археологических материалов среднего палеолита (восточного микока) также антропологические находки, принадлежащие неандертальцам. Доклад был дополнен постером А. В. Шалагиной, где была показана методика трехмерного сканирования и анализа последовательности нанесения сколов на двусторонне обработанных орудиях из Чагырской пещеры. К. Лесаж с соавторами представила результаты технологического анализа коллекции каменного инвентаря из Усть-Канской пещеры. В коллективном докладе, зачитанном Г. И. Марковским, были подведены итоги комплексного исследования средне- и верхнепалеолитических слоев пещеры Страшная.

Проблемы поиска, фиксации и сохранения разрушающихся археологических объектов каменного века на берегах Красноярского водохранилища стали темой коллективных докладов красноярских исследователей (Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, В. И. Макулов). Д. Н. Дроздов и Донхек Сон представили материалы местонахождения Каменный Лог-1 на Среднем Енисее, выделив здесь комплексы находок ранне-, средне- и верхнепалеолитического возраста. Н. И. Дроздов с соавторами рассказал о результатах работ последних лет в Туве и Хакасии. Новый спор разгорелся вокруг затронутой в докладе В. М. Новосельцевой традиционной темы хронологического членения коррадированных материалов из местонахождений среднего и раннего верхнего палеолита Приангарья.

Большая серия докладов была посвящена верхнему палеолиту Сибири и Дальнего Востока. Впервые для азиатской территории был поставлен вопрос о критериях разграничения начальной фазы

верхнего палеолита от ранней поры этого периода в целом (выступление Е. П. Рыбина и В. С. Славинского по материалам Алтая и Средней Азии, А. М. Хаценович по памятникам севера Монголии). Н. Е. Белоусова с соавторами представила результаты трасологического анализа площадок заготовок в группе ранних верхнепалеолитических комплексов Алтая и предложила реконструкцию приемов пикетажа и редуцирования карниза, использовавшихся древними мастерами. В докладе А. Ю. Федорченко и М. Б. Козликина были продемонстрированы результаты технологического анализа костяных украшений из позднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры. В. Н. Зенин и С. В. Лещинский проинформировали о результатах возобновления раскопок знаменитого «мамонтового кладбища» в Волчьей Гриве на юге Западной Сибири.

Е. В. Акимова проанализировала многообразные культурные явления в позднем палеолите Среднего Енисея, выделив здесь несколько вариантов так называемых «мелкопластинчатых индустрий». В. С. Зубков и С. А. Васильев представили доклад о предварительных результатах работ последних лет по палеолиту на Верхнем Абакане (Хакасия). В коллективном докладе исследователей под руководством А. В. Полякова были изложены итоги двух сезонов раскопок позднепалеолитического памятника Ирба-2, расположенного в Красноярском крае на трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино.

А. М. Кузнецов и Е. О. Роговской рассказали о древнейших зубчатых наконечниках со стоянки Верхоленская Гора-1. Руководимый Е. О. Роговским коллектив авторов представил итоги раскопок перетолженного палеолитического местонахождения Туяна в малоизученной Тункинской котловине. П. В. Мороз рассказал о первых результатах поиска палеолитических местонахождений в районах расположения палеовулканов в Забайкалье.

А. В. Тетенькин продемонстрировал результаты раскопок последних лет на Витиме, где на стоянке Коврижка-4 было найдено уникальное костяное антропоморфное изображение. А. А. Василевский в обзорном докладе развернул панораму смены культур в позднем плейстоцене и раннем голоцене на территории Сахалина и Хоккайдо.

Ряд докладов касался тематики финала палеолита и перехода к мезолиту. Г. В. Синицына остановилась на вопросах хронологии и культурно-исторического деления финального палеолита и мезолита на северо-западе Русской равнины. Н. В. Косорукова и М. Г. Жилин продемонстрировали серию костяных наконечников стрел из мезолитической стоянки Погостище-15. М. В. Иванничева представила первые результаты изучения серии мезолитических погребений, открытых на поселении Березовая Слободка-2-3 на р. Сухоне. Технологический анализ каменного инвентаря комплексов иеневской мезолитической культуры стал темой постера Д. К. Еськовой. С. А. Кулаков проинформировал об открытии мезолитической стоянки в гроте Ахцу на р. Мзымта в Сочинском Причерноморье. Е. В. Леонова и О. И. Александрова проанализировали состав каменного инвентаря финальнопалеолитических и мезолитических комплексов пещеры Двойная с точки зрения их функциональной специфики. С. В. Шнайдер говорила о проблемах изучения обиширской мезолитической культуры в Средней Азии.

В постере Т. А. Горбуновой были представлены немногочисленные пока материалы по мезолиту на территории Омской области. Находки раннеголоценовых памятников в бассейне Енисея до последнего времени были крайне немногочисленны. Тем больший интерес вызвало выступление группы красноярских археологов, представленное В. М. Харевичем, об открытии стоянки Бюза-2, материалы которой говорят о продолжении традиций палеолитической кокоревской культуры в раннем голоцене. Н. П. Макаров рассказал об итогах изучения культурных слоев каменного века, в том числе относящихся к мезолиту, в пещере Еленева. Е. Н. Бочарова и Л. В. Зоткина сообщили о редкой находке – изделии из графита с отверстиями, происходящего из 19-го культурного горизонта стоянки Казачка-1 на р. Кан. Г. Д. Павленок представила обзор мнений исследователей относительно характера и хронологии финального верхнего палеолита и мезолита Забайкалья. В докладе В. М. Дьяконова были изложены итоги раскопок опорного памятника сумнагинской культуры мезолита Якутии – стоянки Ферменное Озеро.

Ряд выступлений был посвящен искусству палеолита. Технология изготовления статуэток Мальты была рассмотрена в докладе Л. В. Лбовой с соавторами. Химический анализ пигментов из верхнепалеолитических стоянок юга Сибири и Костенок стал темой сообщения Л. В. Лбова и Ю. С. Губар. И. Крафт с соавторами рассмотрели вопрос о подлинности раскрашенных галек из Мас-д'Азиль, хранящихся в Дрездене. Л. В. Зоткина продемонстрировала на примере пещеры Ля Грез (Франция) возможности микроскопического анализа скальных поверхностей с изображениями. В докладе А. С. Пахунова и Е. Г. Дэвлет были представлены итоги

сплошной съемки Каповой пещеры с применением методов фотограмметрии.

Вопросы истории археологии палеолита были затронуты в докладе А. С. Вдовина, посвященном деятельности в Сибири Н. К. Ауэрбаха.

Помимо работы на секциях участники съезда имели возможность посетить основной палеолитический объект Горного Алтая – знаменитую Денисову пещеру и древнейшую в Сибири стоянку открытого типа Карама.

Следующий археологический съезд состоится в 2020 г. в Самаре на базе Самарского государственного социально-педагогического университета.

*С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита.*

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВРЕМЯ И МАТЕРИАЛЬНОСТЬ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕХОДА ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В ЕВРАЗИИ (1200–600 ВСЕ)»

(Берлин, 19–21 марта 2018 г.)

Ключевые слова: Евразия, время в археологии, поздний бронзовый век, ранний железный век, переход, периодизация, хронология.

Keywords: Eurasia, time in archeology, Late Bronze Age, Early Iron Age, Transition, periodization, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-333-338

По проекту «Периодизация древних культур Евразии (10° W – 70° E)», поддержанному Центром Эйнштейна «Хроной» («Время»), с 19 по 21 марта 2018 г. в Берлине (Германия) прошла Первая Международная конференция из цикла «Время и материальность». Инициаторами и организаторами нового цикла конференций выступили проф. д-р В. Шир и проф. д-р Э. Кайзер (оба – Институт преисторической археологии, Свободный университет Берлина), д-р М. Т. Кашуба, д-р О. А. Щеглова (ИИМК РАН; О. А. Щеглова – также Санкт-Петербургский государственный университет). Планирование конференций разработано на основе совместных проектов между двумя университетами в Берлине и Санкт-Петербурге, профинансированных в 2013 и 2015 гг. Центром международного сотрудничества (Свободный университет Берлина) в рамках программы стратегического партнерства (см. Принципы датирования в эпоху бронзы, железном веке и средневековье: Материалы российско-германского коллоквиума (2–3 декабря 2013 г., Санкт-Петербург) / Е.Н. Носов и др. (ред.). СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. 192 с. : ил.).

В основу нового цикла конференций «Время и материальность» положена одна из основных парадигм современной археологии – концепция времени и его материальное, вещественное воплощение. Исследования в этом направлении имеют сравнительно длительную традицию, наибольшее признание и распространение начиная с конца XIX – начала XX в. получила «система трех веков» Кристиана Юргенсена Томсена. В оценке исторической значимости «системы трех веков» особых разногласий нет: использование или доступность

определенных материалов, таких как камень, бронза и железо, позволяло разрабатывать хронологическую систему находок и комплексов для бесписыменных периодов. По мере своего развития технологическая схема Томсена приобрела статус универсальной археологической периодизации, вслед за ее общим признанием последовало развитие многочисленных региональных периодизаций. Они часто отражают соответствующие академические традиции тех или иных исследователей, поэтому трудно сопоставимы и увязаны друг с другом, но не меньшие сложности в синхронизациях также возникают из-за специфики той или иной локальной культурно-исторической ситуации. В дополнение к региональному разнообразию возникает вопрос о том, являются ли относительно старые структуры еще актуальными, поскольку для многих периодов имеются достаточные абсолютные данные, полученные современными естественнонаучными методами. Отсюда критерии периодизации, которая относится к числу сложнейших проблем археологии, вызывают многочисленные и зачастую жаркие споры ученых-археологов.

Основная цель конференций – рассмотрение различных концепций периодизации, используемых в археологии, синхронизация и соотнесение их между собой.

Первая конференция из предлагаемого цикла была посвящена проблемам перехода от бронзового века к железному в Евразии (10° W – 70° E) (см. <https://www.topoi.org/event/44920>, дата обращения 21.06.2018). В докладах участников были представлены концепции и принципы периодизации, как и сами схемы, существующие академи-

ческие традиции, а также применимость межрегиональных, региональных и локальных периодизаций на обширной территории между Атлантикой на западе, Уральскими горами на востоке, Балтийским и Северным морями на севере, также Средиземным и Черным морями на юге.

Работа конференции проходила в течение трех дней. В первый день, после вступительных слов В. Ширы и Э. Кайзер (рис. 1, 1), заслушаны и обсуждены восемь докладов (включая вечернюю лекцию Г. Парцингера); во второй – слушались и обсуждались семь докладов; третий день начался с утренней лекции и завершился финальным обсуждением (рис. 1, 1–4).

Конференцию открыл пленарный доклад В. С. Бочкарёва (Санкт-Петербург, Россия) «К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы», зачитанный Э. Кайзер, так как по состоянию здоровья докладчик не смог принять личное участие в работе конференции. В. С. Бочкарёв рассмотрел различные критерии (исторические, геологические и т. д.) периодизации, высказался критически относительно широкого применения надрегиональных периодов. Он убедительно показал, что традиционная культурно-хронологическая периодизация, построенная на смене культур, не дает возможность более или менее надежно упорядочить полученные в последнее время новые огромные материалы. Для степных и лесостепных областей Восточной Европы он обосновал новый критерий периодизации для бронзового века – изменение во времени технологии металлообработки. Прослеживаемое развитие технологии меди и металлургии бронзы позволяют также объективно оценивать временную последовательность (ранний – средний – поздний бронзовый век).

Среди заслушанных докладов, посвященных периодизации отдельных больших областей, можно выделить следующие основные направления:

1. Применение на другой территории периодизации, разработанной и созданной для одного конкретного (большого) региона;

2. Переход от бронзового к железному веку можно рассматривать как время потрясения или, в большинстве случаев, как результат непрерывного эволюционного развития?

3. Контекстное и концептуальное разделение периодизации и хронологии: часто многочисленные абсолютные независимые даты позволяют уточнить хронологию. Цель состоит в том, чтобы сопоставить более ранние периодизации с новой структурой данных;

4. Можно освоение нового металла (железа) брать за основу для выделения новых периодов?

Фундаментальным по характеру и рассмотрению упомянутых аспектов был доклад К. Паре (Пэа) (Майнц, Германия) «Переход от бронзы к железу в Центральной Европе: новый период, новый металл, новые ценности?». Он затронул следующие проблемы: Начинается ли новый период с переходом от фазы HaB к фазе HaC средне-европейской хронологической системы? Использовалось ли в тот время железо вместо бронзы? На базе материальной культуры можно ли проследить утверждение новых ценностей, например, выразился ли социальный статус путем возведения курганов? Несмотря на изменения, наблюдаемые во многих областях, он с осторожностью высказался относительно перерыва (в традициях), как и прямого увязывания между становлением новой технологии (обработка железа) и трансформацией погребального обряда.

В большей части докладов, так или иначе, поднимались все перечисленные выше аспекты, однако улавливается и генеральная линия каждого из них. В нескольких докладах большее внимание было уделено адаптации хронологических систем для других регионов (направление 1).

С. Вирт (Дижон, Франция) в докладе «Переход от бронзового века к железному веку во французской археологии. Традиционные концепции, последние данные и проблемы терминологии» остановился на традиционных концепциях и «терминологических недоразумениях», возникающих из-за специфики развития отдельных областей от позднего бронзового до раннего железного века. Попытки перенести общую периодизацию из других районов, особенно из Южной Скандинавии (Монтелиус) и Альпийского пространства (Мюллер-Карпе) во Францию, подверглись критике в 1980-х гг. Другая проблема заключалась в том, что переход от позднего бронзового века к раннему железному веку считался переходом от пре- к протоистории.

Рис. 1. Заседания конференции: 1 – открытие, В. Шир и Э. Кайзер; 2 – вечерний доклад, Г. Парцингер; 3 – доклад, О. А. Щеглова и участники; 4 – во время доклада (фотографии Ю. Ю. Пиотровского)

Fig. 1. The conference meetings: 1 – the opening, W. Schier and E. Kaiser; 2 – the evening report, H. Parzinger; 3 – the report, O. A. Shcheglova and participants; 4 – during the report (photos by Yu. Yu. Piotrovsky)

А. Медерос Мартин (Мадрид, Испания) в своем докладе «*Западная Европа – Пиренейский полуостров в период 1200–600 гг. до н. э.*», опираясь на историю исследований, представил хронологическую схему позднего бронзового века, как это принято в испанских исследованиях. Он отметил, что в погребальном обряде позднего бронзового века можно проследить многочисленные перемены. Самая последняя фаза (LVA IIIВ – поздний бронзовый век IIIВ) помещена между 950 и 850 гг. до н. э. согласно межрегиональной перекрестной датировке. Однако и начало железного века относится к тому же периоду и приравнивается к историческому событию – заселению полуострова финикийцами.

М. Гавранович (Вена, Австрия) в докладе «*Трудности перехода – поздний бронзовый век и ранний железный век на Западных и Центральных Балканах*» доложил, что принятое для Западных Балкан разделение на этапы культуры полей погребальных урн и гальштаттское время может найти подтверждение и в развитии материальной культуры. Однако на Центральных Балканах, то есть непосредственно соседствующем регионе, изменения не столь явные, а культурно-исторические процессы в обоих регионах различаются.

М. Т. Кашуба (Санкт-Петербург, Россия) в докладе «*От бронзового века к железному веку в Северном Причерноморье*» рассмотрела различные влияния, имевшие место в Северном Причерноморье между 1000 и 800 гг. до н. э., особенно в западных его областях (совр. Молдова и Западная Украина), в том числе шедшие из культур периодов НаА–НаВ Средней Европы. Последнее описывается как «гальштаттизация», что указывает на адаптацию средневропейской хронологической системы в значительно отдаленном регионе. Многочисленные влияния с постепенным внедрением железа в качестве нового металла побудили М. Т. Кашубу совместно В. С. Бочкарёвым выделить переходный период между бронзовым и железным веками, который они предложили называть «ферраэнеум» или «биметалликум».

В двух докладах представлены существующие объяснительные модели перехода от бронзового к железному веку как времени потрясения или непрерывного эволюционного развития (*направление 2*).

Б. В. Робертс (Дарем, Великобритания) в докладе «*Типологии, технологии и общества – понимание хронологии позднего бронзового века – самого раннего железного века в Великобритании*» убедительно продемонстрировал, что, несмотря на впечатляющий объем данных, здесь трудно описать переход от бронзы к железному веку. Докладчик сосредоточился на двух основных темах, которые в настоящее время интенсивно обсуждаются в британской археологии. С одной стороны, количество находок и памятников непрерывно уменьшалось с 800 г. до н.э., и с 600 г. до н.э. их настолько мало, что здесь трудно распознать начало железного века. С другой стороны, в какой-то степени это также связано с резким ухудшением климатических условий и, как следствие, сопровождалось демографическим спадом.

В своем докладе *С. Райнхольд* (Берлин, Германия) «*Хронология кобанской культуры: к построению надрегиональных хронологических горизонтов кавказского раннего железного века*» выделила две парадигмы, которые по-прежнему ориентируют исследования на Кавказе: многочисленные миграции и около 713 г. до н. э. уничтожение киммерийцами кобанской культуры бронзового века. Однако взамен многочисленных постулируемых изменений *С. Райнхольд* продемонстрировала непрерывное развитие до VIII в. до н. э. и прослеженные очень явные изменения, в частности, поселенческой керамики примерно в 780/750 г. до н. э. Эти изменения в технологии более важны даже по сравнению с началом производства железа в то время.

Несколько докладов были посвящены сопоставлению более ранних периодизаций с новыми датами, полученными путем применения естественнонаучных методов датирования (*направление 3*).

Ю. Кнайзель (Киль, Германия) в докладе «*Типология и радиоуглеродное датирование – хронологические исследования позднего бронзового века в Скандинавии*» остановилась на относительном и абсолютном датировании периодов IV–VI Монтелиуса. На примере исследований в Дании и Шлезвиг-Гольштейне она продемонстрировала возможность первоначального разделения находок из погребений с помощью анализа соответствия (Korrespondenzanalyse), а затем последующее использование относительно небольшого числа радио-

углеродных данных для определения их надежной хронологической последовательности.

В докладе *С. Гимацидиса* (Вена, Австрия) «*Греческие даты и хронология: панацея средиземноморской археологии*» убедительно показано, насколько сильными могут быть некоторые парадигмы. Традиционная схема греческого бронзового и раннего железного века, предложенная Дж. Н. Колдстримом в 1968 г., постепенно меняется согласно новым данным. В Греции давно, особенно для бронзового века, известны исследования по абсолютной хронологии, базирующиеся на ясно разработанных классификациях керамики и наличии ранних исторических дат. Однако для позднеэладского ПС имеются весьма ограниченные данные и надежные контексты, поэтому для него и протогеометрического периода важны радиоуглеродные даты. Новые такие данные были представлены докладчиком для поселения Синдос.

Ф. Гогылтан (Клуж, Румыния) в докладе «*Переход от позднего бронзового века к раннему железному веку в Карпатском бассейне*» отвергает принятие концепции «галыштаттизации» для внутрикарпатского бассейна, поскольку это было постулировано только для Трансдунайского региона. С другой стороны, для Венгерской низменности им подчеркнута влияние из степной зоны Восточной Европы. Докладчик представил много принципиально новых серий радиоуглеродных дат, частично подтверждающих относительную хронологию позднего бронзового века, которая нуждается, по его мнению, в дальнейшей корректировке.

Несколько докладчиков сосредоточились на проблеме освоения нового металла (железа) как основы для выделения новых периодов (*направление 4*).

Э. Ленхардт (Берлин, Германия) в утреннем докладе «*Освоение железа в Старом Свете*» продемонстрировал находки ранних изделий из железа в древнем мире, включая Левант и Анатолию. Для многих железных изделий, датированных II тыс. до н. э. и часто упоминаемых в литературе как доказательства ранней железообработки, он смог показать, что найденные контексты и/или даты часто являются неоднозначными. Таким образом, ареал ранних железных находок существенно сократился, а карта таких памятников была пересмо-

трена. В докладе было высказано, что для многих территорий железо нельзя считать признаком нового периода.

В некоторых больших областях, например, в лесной зоне Центральной России, железо появляется очень поздно. Отсюда период между 1200 и 600 гг. до н. э. был описан в докладе *А. Сыроватко* (Коломна, Россия) «*Переход от бронзового века к раннему железному веку в лесной зоне Центральной России: как интерпретировать материалы*» как «темный век». Здесь, по всей вероятности, между памятниками бронзового века и гораздо более поздними существует разрыв, перекрытый непрерывным использованием текстильной керамики.

Похожей выглядит ситуация в странах Балтии. Период между 1100 и 500 гг. до н. э. по-прежнему считается поздним бронзовым веком, только после этого речь идет о доримском периоде. *У. Сперлинг* (Берлин/Росток, Германия) в докладе «*Разрыв или континуум? Проблемы хронологии бронзового и железного веков в Восточной Балтике*» показал изменения и преемственность на поселениях, а также в погребальных обрядах.

В своем докладе *Н. Бороффка* (Берлин, Германия) «*Вопросы терминологии и хронологии в эпоху бронзы – перехода к железному веку в Центральной Азии*» объяснил, что здесь периодизация была заимствована с Древнего Востока, хотя вплоть до сарматского времени в Центральной Азии до сих пор практически не обнаружены железные объекты. Бронза вплоть до V–IV вв. до н. э. остается основным металлом. На некоторых поселениях с непрерывными культурными слоями можно наблюдать значительные изменения в традициях бронзового века, но реальный разрыв отсутствует. Раковины каури, оловянная бронза, другие сырье и материалы указывают на межрегиональный обмен.

Вечерняя лекция *Г. Парцингера* (Берлин, Германия) «*Переход от бронзового века к железному веку: начало новой эпохи в доисторической Евразии*» собрала широкую аудиторию. Докладчик рассказал о большой серии находок от Алтайских гор до Центральной Европы (рис. 1, 2). Он описал горизонт конца IX – начала VIII в. до н. э., характеризующийся определенными стилистическими формами, а также железными предметами, найденными в различных, сильно отдаленных друг от друга областях.

В ходе большой заключительной дискуссии, в которой наряду с докладчиками приняли участие многие слушатели, были рассмотрены проблемы соотношения локальных периодизаций и межрегиональных схем, синхронизации локальных хро-

нологических систем, изучения и анализа имеющихся разработок, а также многие другие вопросы, поднятые в докладах участников. В настоящее время идет подготовка публикации материалов конференции.

*Э. Кайзер,
Германия, Берлин,
Институт преисторической археологии
Свободного университета Берлина*

*М. Т. Кашуба
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел археологии
Центральной Азии и Кавказа*

*О. А. Щеглова
Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский госуниверситет,
Институт истории,
кафедра археологии*

ИСТОРИЯ НАУКИ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В НАЧАЛЕ 1920-х ГГ.

Е. Г. Застрожнова¹

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот информации, полученной в ходе работы с архивными документами в Государственном архиве Российской Федерации. История археологического изучения античного наследия Крымского полуострова крайне актуальное в настоящее время направление в истории археологии. Выявленные документы содержат крайне важную информацию о состоянии музеев, являющихся центрами дореволюционного изучения античности на территории Крымского полуострова, в первую очередь – Керченского музея древностей и Херсонесского археологического музея. Меры, предпринимаемые правительством в начале 1920-х гг. по восстановлению и нормализации научно-организационной деятельности музеев, очень важны для понимания дальнейшей политики государства, направленной на возобновление археологических раскопок и сохранение памятников античности Крымского региона.

Annotation. This article deals with the history of scientific publications of the information obtained in the course of examination of archive documents from the State Archives of the Russian Federation. The history of archaeological studies of the ancient heritage in the Crimean Peninsula is now an extremely timely direction in the history of archaeology. The documents revealed contain very important information on the character of the museums which were the centres of the pre-revolutionary studies of antiquity in the Crimean Peninsula, particularly the Kerch Museum of Antiquities and the Chersonesean Archaeological Museum. The measures undertaken by the government in the early 1920s for restoration and normalization of scientific and organizational activities are very important for our understanding of the subsequent policy of the state directed to the resumption of archaeological excavations and preservation of the ancient monuments of the Crimean region.

Ключевые слова: история археологии, Керченский историко-археологический музей древностей, Херсонесский историко-археологический музей

Keywords: history of archaeology, Kerch Museum of Antiquities, Chersonesean Historico-Archaeological Museum.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-339-348

Начало 1920-х гг. в истории отечественной античной археологии наименее изученный, но очень важный для понимания особенностей дальнейшего пути развития период.² В сложнейших социально-политических и экономических условиях осуществлялся процесс по восстановлению археологической и научно-организационной дея-

тельности музеев, являвшихся до революции центрами изучения античности. Архивные источники, относящиеся к первым годам установления советской власти, крайне немногочисленны, или разбросаны по российским и европейским архивам, либо же вовсе утеряны. В связи с этим особое значение приобретают архивные документы, выявленные в ходе работы в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), позволяющие установить не известные ранее подробности из истории Керченского и Херсонесского историко-

¹ Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
E-mail: pankratova0484@yandex.ru

² Исследование проведено при финансовой поддержке Президента Российской Федерации (грант № МК-867.2017.6).

археологических музеев. Это материалы Главнауки по Отделу музеев и охране памятников (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 90), Секретариату (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 180) и Научному отделу (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 286; Оп. 3. Д. 9). Некоторые материалы из этого же фонда, посвященные истории развития музейного дела в Крыму в 1920–1930-е гг., были рассмотрены в научных статьях У. К. Асановой (Асанова, 2010. С. 10–21; 2012. С. 22–41). В них автор анализирует участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в ходе музейного строительства в Крыму, изучает формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в процессе работы крымских музеев. Однако в силу научных приоритетов автора не были рассмотрены единицы хранения, содержащие важную информацию о состоянии музеев, являющихся центрами дореволюционного изучения античности, в первую очередь – Керченского музея древностей и Херсонесского музея.

В современной историографии отдельным эпизодам истории археологического изучения Керченского полуострова посвящены труды таких ученых, как Ю. А. Виноградов, Н. И. Платонова, С. В. Кашаев и др. (Виноградов, 2012; Платонова, 2010; Академическая археология., 2013). Анализ научно-исследовательской деятельности и функционирования крымских музеев в 20–30-е гг. XX в. приведен в научных статьях крымских исследователей (Андросов, 2005. С. 7–16; Асанова, 2010; 2011. С. 16–21; 2012; Боровкова, 1999; Дубилей, 1996. С. 95–98; Непомнящий, 2000; Севастьянов, 2010. С. 168–179; Федосеев, 2001. С. 18–29; 2002. С. 154–178). Несмотря на наличие научных исследований, выполненных на высоком методическом уровне, отмечается, что в историографии отсутствует очерк, посвященный истории изучения античных памятников Керчи и Керченского полуострова (Севастьянов, 2010. С. 174). Безусловно, это – задача дальнейших исследований, осуществить которую возможно, лишь выявив и проанализировав все неизвестные ранее архивные документы и комплекс научно-исследовательской литературы по рассматриваемой теме. Приблизиться к этому позволят материалы, приведенные в данной статье.

Революционные события 1918 г. и последовавшая за ними Гражданская война самым тяжелым образом

отразились на научной деятельности всех дореволюционных научных учреждений, находящихся на территории Крыма. Боевые действия полностью приостановили производство археологических раскопок. После Гражданской войны возникла острая необходимость в нормализации научно-организационной работы по охране античного наследия Крыма. В системе народного образования были созданы учреждения, которые занимались отдельными направлениями, касающимися изучения этого региона. В сфере охраны памятников в Крымской АССР был создан Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС, 1920–1927 гг.) Именно с деятельностью КрымОХРИСа в 20-е гг. XX в. были связаны основные этапы развития музейного дела в Крымской АССР (Асанова, 2011. С. 16). Были созданы шесть ОХРИСов в таких городах Крыма, как Бахчисарай, Евпатория, Керчь (рис. 1), Севастополь, Феодосия и Ялта. Заведующим Керченским ОХРИСом (КерчОХРИС) был назначен Ю. Ю. Марти (Федосеев, 2001. С. 20). Стали предприниматься активные действия по организации охраны археологического наследия. С этой целью для предотвращения хищнических раскопок городищ и курганов, которые подлежали ведению Музейного Отдела Наркомпроса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил обязать Губисполкомы принимать все возможные меры для сохранения археологических памятников. Для этой цели Губисполкомы должны были следить за тем, чтобы все раскопки производились исключительно на основании Охранных разрешительных листов, выдаваемых Отделом музеев Наркомпроса, согласно существующей в этом отношении Инструкции (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 9. Л. 3). Следовало также следить за тем, чтобы все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруженные при земельных работах, были сданы в ближайшие Государственные музеи, с уведомлением о том Отдела музеев Наркомпроса. В своих распоряжениях Губисполкомы пользовались данными губернских Подотделов по охране памятников искусства, старины и природы (Губмузеев). За нарушение указанных правил все лица, учреждения и органы, виновные в нарушении настоящего Постановления, подлежали ответственности по

Рис. 1. Керчь в начале XX в. Фотоархив НА ИИМК РАН. Q.308.34

Fig. 1. Kerch in the early 20th century. Photo from the Scientific Archives of ИМК RAS. Q.308.34

ст. 102, 107, 108, 110 и 128 Уголовного Кодекса СССР (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 9. Л. 5).

В 1923 г. Отдел по делам Музеев Главнауки запросил у КрымОХРИСов данные о материально-техническом состоянии музеев Крымского полуострова. Среди полученных анкетных данных и планов³ в контексте данной работы будут рассмотрены материалы, относящиеся к Керченскому и Митридатскому историко-археологическому музеям (г. Керчь), Херсонесскому историко-археологическому музею (г. Севастополь) и Центральному музею Тавриды (г. Симферополь).

Для изучения античных памятников Европейского Боспора ключевое значение имел Керченский музей древностей, основанный в 1826 г. В разгар революционных событий директором музея был

³ По причине того, что документы из этого фонда доступны только в виде негативов, публикация планов пока не представляется возможной.

назначен К. Э. Гриневиц (1919–1921 гг.) После его перевода на пост директора Херсонесского музея, с 1921 по 1939 г. (фактически до 1951 г.), Керченским музеем руководил Юлий Юльевич Марти (1874–1955 гг.). Потрясения начала XX столетия крайне негативно отразились на деятельности музея и его сотрудниках. После того как почтовая связь между Петроградом и Крымом была восстановлена, Ю. Ю. Марти писал в ГАИМК о жизненной необходимости ходатайства перед Главнаукой об оказании музею всесторонней помощи (*Виноградов*, 2012. С. 341). В 1922 г. Керченскому археологическому музею было передано одно из лучших зданий в городе – частный особняк табачного фабриканта П. К. Месаксуди, эмигрировавшего в 1919 г. (*Непомнящий*, 2000. С. 74). Первый этаж музейного здания был занят картинной галереей, открытой в 1922 г. Коллекция галереи была сформирована из картин и других предметов искусства, реквизиру-

ванных из богатых домов Керчи и близлежащих имений. На втором этаже здания располагались коллекции античных предметов из раскопок XIX столетия (Федосеев, 2002. С. 160). В 1922 г. фонды музея пополнились чернолаковой и краснофигурной керамикой из коллекции керченских собирателей древностей А. В. Новикова и находками из Тиритаки А. В. Оливы (Боровкова, 1999. С. 143).

С 1923 г. постепенно начинает возобновляться научно-исследовательская деятельность музея. На Заседании Керченского ОХРИСа 12 ноября 1923 г. Ю. Ю. Марти было вынесено предложение о закреплении за Керченским археологическим музеем следующих объектов: «музеев, сторожек и остатков древностей на Центральной улице и на улице Свердлова, 16», а также городища Пантикапей, здания музея на Митридатской улице, сторожки у Золотого, Мелек-Чесменского и Царского курганов, сторожки при склепе Деметры и других склепов на Нагорной и Продольно-Нагорной улицах. Кроме того, Ю. Ю. Марти предложил выделить подходящие доходные земли, связанные с керченскими древностями в районе Керченского округа, для их эксплуатации Охрисом (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 180. Л. 36–40). Один из членов КерчОХРИСа В. Н. Зорин полагал, что к таким землям можно отнести территорию в районе совхоза в Тобечике, в 3 км от д. Эльтиген и озера Тобечик, где был древний город Нимфей. Как отмечалось на заседании: «эти совхозы могут дать ежегодную доходность в сумме до 3000 руб., однако передача означенных совхозов Охрису может состояться не иначе, как с разрешения Управоохриса и при Наркомпросе Крыма» (Там же. Л. 41). Было выдвинуто предложение от КерчОХРИСа и Отдела охраны культурных ценностей о строительстве в указанном районе археологической базы для охраны городища и курганов этой местности и для стационарного проведения раскопок в этом районе, что существенно облегчило бы археологическое исследование Нимфея.

В декабре этого же года в ответ на запрос Отдела музеев Главнауки Ю. Ю. Марти были направлены анкетные данные Керченского археологического музея и его Отделения, Митридатского музея.⁴ Это особенно интересно потому, что впервые стали

⁴ Здание на горе Митридат, где первоначально располагался Керченский археологический музей с 1835 г.

известны факты, касающиеся здания музея, находившегося на горе Митридат (табл. 1). Из музейной анкеты становится известно, что в Митридатском музее, принадлежавшем до революции Императорской Археологической комиссии, имелся один выставочный зал площадью 292 кв. м. Капитальный ремонт здания был проведен в 1913–1914 гг., после чего оно находилось в хорошем состоянии и даже не было повреждено в ходе военных действий в Гражданскую войну. В здании отсутствовали отопление, освещение, водопровод и канализация. При музее проживал один сотрудник музея и сторож, вооруженной охраны не было. После Великой Отечественной войны здание оказалось настолько сильно поврежденным, что не подлежало восстановлению и в конце 1950-х гг. было снесено.

Неизвестные ранее сведения характеризуют состояние музейного здания в 1923 г. (табл. 2). Оно перешло в собственность музея согласно арендному договору, заключенному между представителями Наркомпроса, Керченского коммунального хозяйства и Ю. Ю. Марти. В договор был включен один дом в два этажа и надворная постройка-флигель, состоящая из сторожки и сараев, причем сам дом и флигель были перестроены заново в 1910 г. В здании музея было оборудовано пять выставочных залов: два в верхнем этаже (в них располагался археологический музей) и три в нижнем, где находилась картинная галерея. Здание музея отапливалось 19 голландскими печами. Во флигеле была квартира музейного сторожа, отапливавшаяся кафельной печью-плитой. Электричество было проведено по всему зданию, но действовало только в трех помещениях. Дом нуждался в ремонте, о чем Ю. Ю. Марти неоднократно сообщал в КрымОхрис.

Античные памятники юго-западного Крыма, в первую очередь Херсонес, находились не в лучшем состоянии. На I Музейном съезде в Крыму был представлен акт осмотра Херсонесского городища и музея. Центральное здание музея (Антиквариум) выглядело как временная постройка – «одноэтажное вросшее в землю, с прогнившими потолками, надоконными и наддверными балками, отсыревшее с серьезными от осадки трещинами по углам, сделавшимися характера угрожающего после бомбардировок города в течение последних лет» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 180. Л. 14 об.). Здание Малого

Таблица 1. Сведения о владении Митридатского музея
 Table 1. Information about the possessions of the Mitridat Museum

1. Название учреждения	Отделение историко-археологического музея, так называемый Митридатский музей
4. Кому владение принадлежало до октября 1917 г.	Принадлежало Археологической комиссии
6. Количество домов и флигелей	Здание музея и [...] сторожка
7. Время капитальной переделки	Здание было основательно отремонтировано в 1913–1914 гг.
8. Состояние зданий	состояние здания прочное [...]
9. Количество выставочных зал с указанием полезной площади стен и полов	Выставочный зал один, полезная площадь стен 578 кв. арш. (292 м ²) [...]; полезн. площ. пола – 227 кв. арш. (114 м ²)
11. Квадратура застекления	Квадратура застекления 57 кв. ар.
12. Отопление	Нет
13. Освещение	Нет
14. Водопровод	Нет
15. Канализация	Нет
16. Площадь участка	[...]
17. Квадратура и кубатура полезной площади учреждения	Квадратура – 224 кв. арш. 42 кв. в. (113 м ²), кубатура – 224 кв. арш. 42 кв. в. (113 м ²)
18. Квадрат.* и кубат. неполезной площади учреждений	Квадратура – 28 кв. арш. (14 м ²), кубатура – 28 кв. арш. × 10=280 (141 м ²)
22. Квадратура надворных построек	Сторожка при музее – квадр. 9 ар. × 7 ар. = 62 кв. ар. (31,3 м ²), кубат. 9 ар. × 7 ар. × 4 ар. = 252 куб. из [...]
в оригинале пропуск – с 23 по 29	
30. Сколько сотрудников из числа штатных проживает при учреждении	Один сотрудник музея
33. Сколько лиц проживает при сотрудниках, названных в п.п. 30	Трое
34. Имеется ли дневная и ночная охрана	Есть в лице [...] при стороже. Вооружения нет

* Так в оригинале.

музея, использовавшегося как склад древностей, найденных в течение 1909–1914 гг., первоначально было лодочным сараем и находилось прямо у берега. Его железная крыша «проржавела и была сорвана минувшими бурями, деревянные подшивки под нею прогнили, обнажая небо» (Там же. Л. 15). Каменные надворные постройки 1912 г. (Лапидариум) были недостроены, кровельная черепица от артиллерийской стрельбы сползла на хранящиеся внутри

крупные гончарные сосуды и водопроводные трубы римско-византийского времени, разрушив их. В административном корпусе протекали потолки. Набережная музейного двора в 1918 г. была подмыта бурями, и ее часть, обращенная к устью Казантипской бухты, размывалась морем, грозя разрушением всей площади музейных зданий. Сама изгородь музейного двора со стороны городища обвалилась с высоты 6 м, обнажая доступ в него. Отмечалось,

Таблица 2. Сведения о владении Историко-археологического музея в Керчи

Table 2. Information about the possessions of the Historical and Archaeological Museum of Kerch

1. Название учреждения	Керченский историко-археологический музей (КерчОхрис)
2. Адрес и № отделения милиции	Керчь, Свердлова ул. (бывш. ...), д. № 16, П-й участок
3. № телефона	Телефона не имеется
4. Кому владение принадлежало на 25 октября 1917 г.	Владение табачной фабрики Петра Константиновича Месаксуди
5. На основании каких документов владение находится в ведении Отдела	На основании арендных договоров, заключенных представ. Наркомпроса и представителей охриса и Керч. коммунхозом 10 июля 1922 по 1 июля 1925 г.
6. Количество домов и флигелей с указанием количества этажей и материала постройки	Один дом в два этажа и надворная постройка-флигель, состоящая из сторожки и сараев
7. Время постройки зданий и время капитальных переделок и построек	Дом и флигель заново выстроены в 1910 г.
8. Состояние зданий/прочное или ветхое/	Здание прочное, но во флигеле над сараями сняты потолок и пол; кроме того водопровод требует ремонта
9. Количество выставочных зал с указанием полезной площади стен и полов	Выставочных залов пять: два в верхнем этаже (музей) и 3 в нижнем (картинная галерея). Квадратура полезн. площади стен 886 кв. арш. (448 м ²). Квадратура полезн. площади пола 518 кв. арш. (262 м ²)
10. Количество отдельно полезных и отдельно неполезных помещений [...] и в отдельности жилых зданиях раздельно каждое	При учреждении количество полезных помещений 7, неполезных 16...; кроме того во флигеле полезных помещений – 1; неполезных 1 (квартира сторожа музея)
11. Квадратура застекления бокового и верхнего света	248 кв. арш. (125,4 м ²)
12. Какое отопление центральное или местное	Местное – 19 печей голландских; во флигеле, две квартиры отапливает кафельная печь – плита
13. Какое освещение и действует ли оно	Электричество, проведено по всему зданию, но оборудовано и действует в трех помещениях (три лампочки)
14. Есть ли водопровод и действует ли	Водопровод есть, действует, но не вполне исправен
15. Есть ли канализация, какая /городская или местная / и действует ли	Канализация есть, местная, действует
16. Площадь участка владения	Площадь участка 71 × 90 [...] – 2165 кв. арш. (1 095 м ²)
17. Квадратура и кубатура полезной площади учреждения	Квадратура полезной площади учреждения – 611 кв. ар. (309 м ²), XI кв., кубатура полезной площади учреждения – 3209 1/2 куб. ар.
18. Квадратура и кубатура неполезной площади учреждений	Квадратура неполезной площади учреждения – 205 кв. ар. (103,7 м ²), кубатура неполезной площади – 109 куб. ар.
19. Квадратура и кубатура полезной площади квартир сотрудников учреждения	Квадратура полезной площади квартир сотрудников – 115 кв. ар. (58 м ²) (в главном здании) + 27 кв. ар. 96 кв. в. (14 м) (квартира сторожа во флигеле), кубатура [...]
20. Квадрат. и кубат. неполезной площади квартир занятых сотрудниками учреждения	Квадратура неполезной площади квартир сотрудников – 219 кв. ар. 24 кв. в. (111,3 м ²). Кубатура неполезн. площ. кв. сотрудников [...] куб. ар. (главн. здание) + 239 куб. арш.

что само Херсонесское городище со всей совокупностью открытых сооружений⁵ требует благоустройства и ограждения решеткой или стеной. Необходимую решетку должно было изготовить Севастопольское Инженерное управление, но оставался актуальным вопрос о средствах для ее установки, «после чего только и можно помышлять о дальнейшем благоустройстве городища и мерах против стихийной страсти масс к разрушениям» (Там же. Л. 16). Тем не менее руководством музея отмечалось, что установка ограды будет невозможна до тех пор, пока центральная часть городища, бывшая усадьба Херсонесского монастыря, находится вне ведения дирекции херсонесских раскопок. В зданиях, построенных на территории городища для защиты мозаик, покрытие над «храмом с мозаичными полами» требовало безотлагательного ремонта. Его не перекрашиваемая на протяжении нескольких лет железная крыша могла разрушиться и обнажить сразу все покрытия, что нанесло бы невосполнимый ущерб мозаичному полу. Отмечалось, что крыши, построенные в 1889 г., уже тогда носили временный характер. В акте указывалось на то, что все здания для защиты частей раскопа необходимо было либо перестроить заново, либо немедленно снести, «присыпая мозаики толстым слоем песка, иначе они не сохранились бы» (Там же. Л. 17).

Анкетные сведения были поданы и Центральным музеем Тавриды, учрежденным в 1921 г. Коллекции двух первых отделов этого музея (этнографического и художественного) сформировались из конфискованных художественных ценностей дворцов Южного берега Крыма (*Дубилей*, 1996. С. 96). Данные по Центральному музею Тавриды приведены в работе У. К. Асановой (см.: *Асанова*, 2010. С. 17–19), но там отсутствует анкета музея, которая публикуется в данном исследовании (табл. 3).

Позднее, в сентябре 1924 г., все полученные сведения были приняты во внимание в ходе работы III Крымской музейной конференции. В 1926 г. на

IV Крымской музейной конференции были подведены итоги работы музеев и определена дальнейшая стратегия развития. В Керченском историко-археологическом музее предполагалось выделение краеведческого отдела из общей структуры музея. Формирование основной экспозиции должно было осуществляться по хронологическому принципу, от античности до конца XVIII в. Под контролем музея оставались все античные памятники Керчи и Керченского района. Планировалось организовать экспозиционную работу Херсонесского историко-археологического музея в рамках трех хронологических периодов: греческого, римского и византийского. Музей должен был контролировать все археологические памятники Севастопольского и Евпаторийского районов. Важно отметить, что в ходе работы конференции 1926 г. выступил К. Э. Гриневиц с докладом «План археологических раскопок в Крыму». В процессе обсуждения доклада было принято решение о том, что исследователи будут напрямую обращаться в Главнауку, без содействия ОХРИСа (*Асанова*, 2012. С. 39).

В заключение важно отметить, что даже не очень значимые в общем контексте истории науки документы крайне ценны для понимания того сложного периода, в котором оказалась античная археология в 1920-е гг. Восстановление научно-организационной деятельности музеев, решение ключевых вопросов об их финансировании самым прямым образом повлияли на возобновление археологических раскопок. В связи с промышленным освоением Крымского полуострова, заложенного в основу Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, на качественно иной уровень вышло формирование и применение охранного законодательства. Включение в охранную зону Пантикапея, «малых» городов Боспора и Херсонеса повлекло за собой создание крупных античных экспедиций, исследования которых легли в основу современного боспороведения.

⁵ На тот момент исследованная площадь памятника включала в себя 15 городских кварталов, 55 храмовых комплексов и оборонительные стены.

Таблица 3. Сведения о владении музея Тавриды в Симферополе

Table 3. Information about the possessions of the Museum of Taurida in Simferopol

1. Название учреждения	Центральный музей Тавриды
2. Адрес и № отделения милиции	Симферополь, Долгоруковская [...], первое отделение милиции
3. № телефона	Нет
4. Кому владение принадлежало на 25 октября 1917 г.	Офицерскому собранию 51-го пехотного Литовского полка
5. На основании каких документов владение находится в ведении Отдела	По постановлению КрымСовнаркома 1922 г.
6. Количество домов и флигелей с указанием количества этажей и материала постройки	1) одно главное здание в два этажа с подвалом каменным 2) дворовый служебный флигель в один этаж каменный
7. Время постройки зданий и время капитальных переделок и построек	Главное здание построено 1909 г. Служебный флигель неизвестно когда, немного ранее
8. Состояние зданий/прочное или ветхое/	главный флигель в удовлетворительном состоянии, флигель в плохом
9. Количество выставочных зал с указанием полезной площади стен и полов	Выставочный зал 6 с полезной площадью для расположения экспонатов при длине стен 101 квдр. саж., полов – 131
10. Количество отдельно полезных и отдельно неполезных помещений, как при учреждении, так равно и в отдельности жилых зданиях раздельно каждое. <i>Примечание:</i> неполезными помещениями считаются: коридоры, уборные, кухни, ванны, комнаты, темные комнаты, лестница и проч.	В главном здании полезного помещения по площади – 131,80 кв. саж. (599 м ²), неполезных 120 кв. саж. (546 м ²) в служебном флигеле общая площадь 100 кв. саж. Из них полезной площади 60 кв. саж. (273 м ²), неполезной 40 кв. саж. (182 м ²)
11. Квадратура застекления бокового /окон/ и верхнего /фонари/ света	В главном здании боковое застекление 43,40 кв. саж. (197 м ²), в служебном флигеле 14,00 кв. саж. (63,7 м ²)
12. Какое отопление: а/ если центральное, указать систему; б/ если местное, указать количество постоянных печей – голланд., уттермановских и др.	1) отопление центральное переднее низкого давления в главном здании и два кухонных очага, отапливаемых дровами 2) во флигеле обыкновенные голландские печи /14/ для каменного угля или дров
13. Какое освещение и действует ли	Электрическое освещение существовало ранее, теперь испорчено и не действует
14. Есть ли водопровод и действует ли	Водопровод только частично действует
15. Есть ли канализация, какая /городская или местная во владении/ и действует ли	Канализация городская
16. Площадь участка владения	600 кв. саж. (2731 м ²)
17. Квадратура и кубатура полезной площади учреждения	Квадратура полезной площади 130 кв. саж. (591 м ²); кубатура полезной площади 250 куб. саж.
18. Квадрат. и кубат. неполезной площади учреждений	Квадратура неполезной площади 100 кв. саж. (455 м ²); кубатура неполезной площади 326 куб. саж.
19. Квадрат. и кубат. полезной площади квартир сотрудников учреждения	Служебный флигель: полезная площадь квадратура 100 кв. саж. (455 м ²); кубатура 200 куб. саж.
/х/* если несколько домов и флигелей то переименовать их, считая главный дом № 1 и в дальнейшем ссылаться уже на нумерацию и пользоваться [слово <i>нрзб.</i>] названиями.	I. Главное здание Музея II. Служебный флигель

20. Квадрат. и кубат. неполезной площади квартир, занятых сотрудниками учреждения	Нет
21. Квадрат. и кубат. полезной площади, занятой посторонними учрежд. и лицами	Нет
22. Надземные постройки, занятые учрежд. С указанием кубатуры и материала стен и площади [слово <i>нрзб.</i>].	Нет
23. Надворные постройки, занятые сотрудниками учрежд., с указанием кубатуры и материала стен и площади крыш	Нет
24. Надворные постройки, занятые посторонними учреждениями, с указанием куб. и материала стен и площади крыш	Нет
25. Дворы, огороды, сады. Их площадь с указанием как эксплуатируются	Двор площадью 425 квадратных саженей (1934 м ²)
26. Кем возглавляется домоуправление/ комендант или зав. Музеем/	Заведующим Музеем
27. Когда составлена последняя опись движимого и недвижимого имущества	Опись движимого со времени возникновения музея в 1921 г., опись недвижимого с момента передачи здания в ноябре 1922 г.
28. Имеется ли генеральный план владения, где он хранится, а также имеются ли полностью подробные чертежи зданий	При передаче здания никаких чертежей не имелось, будут произведены обмеры и составлены чертежи
29. Штат сотрудников, обслуживающих домоуправление, с указанием их должностей	Два музейных служителя и смотритель в порядке совместительства
30. Сколько сотрудников из числа штатных проживает при учреждении	4 сотрудника
31. Сколько других сотрудников Музейного Отдела проживает при учреждении	Нет
32. Сколько проживает посторонних лиц	Нет
33. Сколько лиц проживает при сотрудниках, названных в п.п. 29 и 30	Четверо
34. Имеется ли дневная и ночная охрана внутренняя и наружная с указанием вооружена ли она	Имеется дневная и ночная охрана внутренняя, вооруженная музейным /старым/ оружием. Наружной охраны нет
35. Какие имеются противопожарные приспособления	Нет
36. Имеется ли охранная сигнализация	Нет

* Так в оригинале.

Академическая археология..., 2013 – Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.

Андросов, 2005 – Андросов С. А. Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20–30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 66.

Асанова, 2010 – Асанова У. К. Новые документы по истории музейного дела в Крымской АССР в 20-е годы XX века из фондов Государственного архива Российской Федерации // История Украины. Симферополь, 2010 (Учен. зап. ТНУ, Исторические науки. Т. 23 (62), № 1).

- Асанова*, 2011 – *Асанова У. К.* Новая музейная система в Крымской АССР (20-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2011. № 199. Т. 1.
- Асанова*, 2012 – *Асанова У. К.* III и IV Крымские конференции музейных работников: цели, проекты, результаты // История Украины. Симферополь, 2012 (Учен. зап. ТНУ, Исторические науки. Т. 25 (64), № 1).
- Боровкова*, 1999 – *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999 (Древности Керчи; Вып. 4).
- Виноградов*, 2012 – *Виноградов Ю. А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917) // БИ. Симферополь; Керчь, 2012. Вып. XXVII.
- ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 9: Постановление ВЦИК о порядке охраны памятников зодчества и материалы по проведению в жизнь постановления; Оп. 5. Д. 8: Об охране археологических памятников; Оп. 8. Д. 180: Сведения об имуществе музеев Крымской области и переписка с ними по хозяйственным вопросам; Д. 286: Переписка с Российским обществом по изучению Крыма по административным вопросам; Д. 90: Положение о Российской Академии истории материальной культуры и переписка с ней об археологических исследованиях.
- Дубилей*, 1996 – *Дубилей Л. П.* Центральный музей Тавриды в 1921–1940 гг. // Известия КРКМ. Симферополь, 1996. № 14.
- Непомнящий*, 2000 – *Непомнящий А. А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): библиографическое исследование. Симферополь, 2000.
- Платонова*, 2010 – *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Севастьянов*, 2010 – *Севастьянов А. В.* Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // История Украины. Симферополь, 2010 (Учен. зап. ТНУ, Исторические науки. Т. 23 (62), № 1).
- Федосеев*, 2001 – *Федосеев Н. Ф.* Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы междунар. конф. Керчь, 2001.
- Федосеев*, 2002 – *Федосеев Н. Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЖЕВЕННОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. Изучение средневековых кожаных изделий в отечественной науке прошло несколько этапов, каждому из которых присущи свои методические подходы. В работе 1948 г. Б. А. Рыбаков выделял три этапа развития взглядов исследователей на древнерусское ремесло, в том числе и кожевенно-обувное. С конца 50-х гг. можно было говорить о четвертом этапе изучения кожевенного ремесла. Сегодня же возможно вести речь о начале следующего – пятого этапа изучения кожевенного ремесла, когда собранные материалы из разных исторических дисциплин стало возможным привлечь для палеоэтнографических и палеосоциологических реконструкций.

Annotation. Studying of mediaeval leather artefacts has taken several stages in national science. Of each of these stages, their proper methodological approaches were characteristic. In his work of 1948, Boris A. Rybakov distinguished three stages of the evolution of the views of researchers of the Old-Russian crafts including leather footwear making. From the late 1950s, we can talk about the beginning of the next or fourth stage of studies of leather working. Today we can define already the beginning of the fifth stage of studies of tanning craft when it became possible to apply results of different historical disciplines to palaeoethnographic and palaeosociological reconstructions.

Ключевые слова: изучение средневекового кожевенного ремесла, периодизация, проблематика.

Keywords: studies of mediaeval tanning craft, periodization, problems.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-349-357

Изучение средневековых кожаных изделий в отечественной науке прошло несколько этапов, каждому из которых присущи свои методические подходы. В работе 1948 г. Б. А. Рыбаков выделял три этапа развития взглядов исследователей на древнерусское ремесло, в том числе и кожевенно-обувное (Рыбаков, 1948). *Первый этап* (первая половина XIX в.) определен как время накопления в музеях более или менее случайных археологических предметов. Из трех главных разделов древнерусского хозяйства – земледелия, ремесла и торговли – тогда лучше всего были изучены торговые связи Руси, преимущественно внешние, а история ремесла, наоборот, была изучена слабо. Специальное рассмотрение ремесла начиналось от позднего средневековья, с периода XVI–XVII вв., от которого до нас дошло много разнородных источников. Предшествующий период долгое время

не привлекал внимания исследователей из-за скудости материалов.

В первой половине XIX в. стали накапливаться археологические материалы из кладов и курганных древностей, давшие историкам подлинные древнерусские вещи. К началу XX в. в музейных собраниях уже хранились и отдельные средневековые кожаные изделия. Но эти вещи, случайно найденные при земляных работах или собранные при раскопках городов и древних погребений, не могли стать основой для комплексного изучения древнего ремесла. В то же время немногие кожаные изделия, хранимые в «царских закромах», в основном представляли вещи царского и великокняжеского обихода XVI–XVII вв. Они послужили для первых системных описаний древней русской одежды и предметов быта. Большой вклад в публикацию этих материалов внес академик живописи Ф. Г. Солнцев (*Евтушенко*, 2017. С. 54 и сл.). На их основе изданы монографические описания русской одежды и всего русского быта (*Висковатов*, 1841; *Тереженко*, 1848). Последняя книга стала настольной для нескольких поколений образованных людей в России. Сегодня эти работы надо считать научно-популярными. Первые же специальные исследования по древнерусскому

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

ремеслу принадлежат И. Е. Забелину, а первым обобщением такого рода является монография Н. Д. Аристова, основанная на сумме почти всех известных тогда документов (*Забелин*, 1853; 1855; *Аристов*, 1866. С. 149–153). Она и завершает первый этап в изучении кожевенного ремесла.

В свое время Б. А. Рыбаков отметил существенные недостатки исследования Н. Д. Аристова. Среди них оставленные без внимания вопросы цеховой организации средневекового ремесла и социально-правового положения ремесленников, обсуждаемые в середине XIX в. Кроме того, эпоха X–XV вв. рассмотрена в книге как единое целое, без деления на периоды. В этом общем виде, для всего русского средневековья, историк очень низко оценил уровень развития промышленности. Такой взгляд Н. Д. Аристова надолго определил отношение отечественных историков к ремесленному производству и его значению для развития экономики и быта средневековой России.

Второй этап отмечен постепенным накоплением археологических материалов во второй половине XIX – начале XX в., в основном происшедших из курганов и кладов, хотя с конца XIX в. начались и раскопки древнерусских городов (*Рыбаков*, 1948. С. 204). Данный этап завершился выходом в свет книги Любора Нидерле «Славянские древности», в которой ремеслу посвящен только один раздел (*Niederle*, 1921, Т. III, 1; *Нидерле*, 1956. Кн. 2, гл. IV). В книге разобраны письменные и археологические материалы только домонгольского времени, а из археологических источников использованы в основном древнерусские. Кожевенное ремесло в работе особо не выделено, вероятно, из-за скудости археологических данных. Отмечено только, что кожевники и скорняки упоминаются в письменных источниках с XI в., имея в виду чешские грамоты 1046, 1057 и 1088 гг., о которых писал чешский хронист Козьма Пражский (ок. 1045–1125). Приведены названия обуви и других кожаных элементов одежды, встречающиеся в ранних описаниях славян, и отдельные археологические находки в Киевской губернии. В русском переводе книги имеется рисунок «кожаного башмака из могилы Шаргородского городища близ Киева», у Василькова Киевской губ. Из описания следует, что это «сапоги с раструбами

спереди и с отверстиями для шнуровки», тогда как на рис. 22 показан башмак без голенища и без отворота. В примечании к этому отрывку текста добавлено: «В сообщениях русских археологов мы довольно часто встречаем упоминания об "остатках обуви", обнаруженных в могилах, но по ним нельзя установить, о какой именно обуви идет речь. В Шаргороде были найдены кожаные башмаки и полусапожки, в других же местах и целые сшитые сапоги с носком, загнутым сверху, и швом на подошве или на боку» (*Нидерле*, 1956. С. 234–235).

Третий этап изучения ремесла относится уже к советскому времени. Он отмечен особым вниманием к археологическому изучению древнерусского города и попыткам реконструкции всех сторон его жизнедеятельности, воссозданию культурных процессов в древнерусское время, в том числе и в области ремесла. основополагающей для этого этапа стала монография Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», в которой освещены многие вопросы организации и технического оснащения разных ремесел, в том числе и кожевенного. В ней подробно, на всем наличном фонде источников, изучена техника и технология производства, социальная организация ремесла (наличие самостоятельных, а также вотчинных, княжеских и монастырских ремесленников) и возможное объединение мастеров XIV–XV вв. в особые корпорации (*Рыбаков*, 1948. С. 775–776). Для понимания истории кожевенного дела работа содержит ряд важных выводов:

1) В X–XIII вв. кожевенное ремесло в деревне, в основном, имело домашний характер, тогда как городское складывалось как профессиональное производство вместе с образованием раннегородских ремесленных посадок;

2) Городские кожевники, в значительной степени, занимались выделкой кож разных сортов и, одновременно, пошивом различных изделий;

3) Среди ремесленников можно выделить узких специалистов – по обработке шкур (кожемяки, усмари), усмошевцев, мастеров по изготовлению пергамента, сапожников, седельников, тульников, скорняков? шорников?; кроме того, вероятно, уже обособилось и производство сафьяна;

4) После монголо-татарских погромов и увода в плен значительной части ремесленного населения многих

городов уровень городского ремесла значительно снизился; однако если для мастеров одних специальностей это подтверждают письменные и археологические данные, то для других, в том числе кожевников, это положение остается недоказанным;

5) Для XIV–XV вв. в деревне отмечена большая группа ремесленников, выделившихся из массы сельского населения, среди них сапожники, овчинники, кожевники и седельники, что отражает развитие специализации сельских мастеров;

6) Городское ремесло достигло значительного технического развития к середине XIV в., когда наступил перелом, ведущий к расцвету всех ремесел во второй половине этого столетия, что, в свою очередь, было обусловлено общим подъемом русской культуры в XIV–XV вв. (Рыбаков, 1948. С. 695). В это время значительно расширился круг ремесленных специальностей, в том числе связанных с обработкой кожи и пошивом кожаных изделий. С некоей долей условности Б. А. Рыбаков распространял на XIV–XV вв. круг специалистов, названных в писцовых книгах 80-х гг. XVI в. Из них следует, что в Новгороде жили и работали сотни кожевников, сапожников, рукавичников, подошвенников, поршенников, сыромятников, тимовников, ирешников, ременников, седельников, сумочников, каблучников, кнутников, кошельников, сандальников, уздников, хомутников, мошеников, калитников и других мастеров, связанных с обувным делом, например, лычников (Арциховский, 1939. С. 7). Широкая специализация ремесла в XIV–XV вв. отражала его возросшую ориентацию на рынок. Именно тогда в городе кожевенное ремесло полностью разделилось на две основные отрасли – обработку разных видов кожевенного сырья и пошив кожаных изделий. Тогда же выделился и ряд ремесленных мастеров на селе, где ранее такие занятия, в форме домашнего ремесла, совмещались с сельскохозяйственными работами. Появление особых сельских кожевников, оторванных от полевых работ, маркирует термин *тихан кожевничои* в новгородской грамоте великому князю Василию Васильевичу, датируемой в пределах 1448–1461 гг. В XIV в. сформировалась и структура ремесленного ученичества.

В своей монографии Б. А. Рыбаков обобщил данные всех исторических дисциплин, поэтому

она на долгие годы стала главным аналитическим исследованием по древнерусскому ремеслу. Но в отношении кожевенного дела в работе сохраняются обобщенность и схематизм, связанные с недостаточным объемом конкретной археологической информации. Поэтому основная аргументация историка строится на письменных источниках, подкрепленных выборочными находками из раскопок. Более того, в работе археологический материал не был в должной мере рассмотрен как комплекс специфических данных. Отсюда – недостаточное внимание к технической стороне ремесла – приемам раскроя, пошива и декора изделий, развитию техники и технологии и иным аспектам, связанным с анализом археологических комплексов. К оценке не привлекались и специальные работы по кустарному кожевному ремеслу XIX – начала XX в., например, монография Г. Поварнина (Поварнин, 1912), где профессионально разобрана история развития техники кожевенного дела на Руси. Не учитывались справочники и пособия по кожевному и сапожному делу, бывшие своего рода энциклопедиями этнографических материалов по кустарному ремеслу в России (Кривцов, 1912; Гданский, 1917).

Надо отметить, что работы 40-х гг. Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского и других историков, разные по широте охвата материала и историческим реконструкциям, отличаются синкретизмом во взглядах на исторические источники, характерным для советских историков и археологов того времени (Клейн, 1995. С. 80–94). Все работы основываются на общих методических принципах подхода к интерпретации археологических материалов, приравненных к историческим источникам, и рассматриваются адекватно письменным и изобразительным материалам в конкретных сюжетах.

В целом, выделенный Б. А. Рыбаковым третий этап изучения древнерусского ремесла можно назвать временем накопления и систематизации первых крупных коллекций археологических кожаных предметов. Это было время эмпирического подхода к фиксации и истолкованию археологического материала. В то же время комплексы массовых археологических находок были впервые включены в состав исторических источников по древнерусскому ремеслу. Для кожевенного ремесла,

а возможно, и других производств, третий этап закончился в конце 50-х гг., вместе с появлением узкоспециальных работ, в которых древнерусское кожевенное ремесло реконструируется по археологическим и этнографическим материалам.

Периодизацию изучения древнерусского кожевенного ремесла, доведенную Б. А. Рыбаковым до конца 1940-х гг., сегодня можно продолжить. Материалы раскопок в 40–50-е гг. XX в. дали толчок к появлению аналитических работ по кожевенному ремеслу. В них даны первые описания производственных комплексов и предложены археологические критерии выделения кожевенных мастерских, рассмотрены кожаные предметы из древнерусских курганов и захоронений при церквях (полную библиографию для этого и следующего разделов см.: *Визгалов и др.*, 2011. С. 12–14).

До 1950-х гг. появилась только одна специальная работа по изделиям кожевенного ремесла, в которой собирательно описаны и определены кожаные находки из средневековых слоев Новгорода (*Якунина*, 1947. С. 38–48). В ней отсутствует технический подход к фиксации находок и передаче конструктивных деталей в моделях обуви, а кроме того, статистика кожаных предметов по слоям и комплексам. Для аналогий, не всегда правомерно, привлечены разновременные материалы из археологических раскопок и этнографических коллекций, собранных в разных регионах России. Так, многослойность поршней подтверждает женская сандалия из погребения III в. до н. э. в Керчи. К моделям XII–XIV вв., в отсутствие стратиграфического анализа новгородских находок и их связи с конкретными строительными горизонтами, были отнесены наборные кожаные каблуки высотой до 5–7 см, появившиеся в русских городах только во второй половине XVI в. (*Курбатов*, 2008. С. 252–253). Кроме того, новгородские модели обуви, без должной критики, были сопоставлены с изображениями на миниатюрах лицевых сводов и фресках новгородских церквей (Нередицы, Спаса на Ковалева).

В 1950-е гг. появились первые публикации комплексов археологических кожаных предметов из коллекций находок, хранящихся в музеях Заполярья, Гродно, Москвы, Ленинграда, давшие толчок к изучению ремесла. Одной из первых работ *четвертого*

этапа изучения кожевенного ремесла можно назвать статью В. П. Левашевой (*Левашева*, 1959. С. 38–51). В ней дан анализ археологических кожаных предметов из древнерусских городов и курганных могильников, приведена историческая интерпретация технологических процессов производства кож, с широким использованием письменных источников, описана техника пошива изделий. Статья показывает, что новый этап изучения отличает понимание специфики археологического материала и широкое привлечение естественно-научных методов, с их особыми сериями экспериментов и анализов. Данные археологии, этнографии и письменных источников сопоставляются между собой, исходя из анализа фиксируемых археологами деталей в составе археологических комплексов. Для начальной стадии нового этапа показательна серия статей кожевника-технолога Ю. П. Зыбина, профессора московского Института текстильной и легкой промышленности. В них с профессиональных позиций современного технолога описаны технические приемы обработки кожевенного сырья, методы раскроя, пошива и декора изделий в русских городах от эпохи Древней Руси до нового времени.

Следующий шаг в методике разработки археологических материалов как самостоятельного вида исторических источников сделала С. А. Изюмова на материалах Неревского раскопа Новгорода (*Изюмова*, 1959. С. 192–222). Статистика кожаных находок по слоям и ярусам позволила проследить динамику развития кожевенного производства на отдельных группах массовых находок – обуви, частей одежды, чехлов для ножей и других изделий. Их соотнесение с данными других исторических дисциплин подтверждает, в частности, ранние предположения о разделении ремесленных специальностей в кожевенном деле в XV–XVI вв., о территориальном делении ремесленных районов Новгорода по отдельным специальностям. Так, кожевенно-обувные мастерские на Неревском раскопе правомерно связывать с районом Кожевники. Эта работа объективно показывает открывающиеся возможности для социологического изучения русского средневекового ремесла на массовом археологическом материале.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. археологи окончательно определились в вопросе

о времени и причинах разделения двух направлений кожевенного ремесла в древнерусских городах – по выделке кож и пошиву кожаных изделий. На материалах Неревского раскопа в Новгороде С. А. Изюмова заключила, что такое разделение произошло уже в домонгольское время (Там же. С. 197). Недавно Д. О. Осипов предпринял критический анализ ранних материалов из раскопок Новгорода и Москвы в 30–50-е гг. XX в., сделав упор на оценке археологических источников (Осипов, 2010. С. 207 и сл.). Он пришел к выводу о сомнительности ряда материалов, касающихся следов кожевенного ремесла. Но в вопросе о времени разделения двух направлений он солидарен с С. А. Изюмовой.

Сегодня можно признать правомерными критические замечания Д. О. Осипова в оценке методов археологической фиксации открытых объектов и находок в указанных исследованиях. Но не следует забывать, что методика полевой археологической фиксации в середине XX в. развивалась в русле общего совершенствования археологических исследований древних городов, полностью учитывая отечественный и зарубежный опыт. В то время еще не до конца было преодолено отношение к средневековой городской археологии как к «истории, вооруженной лопатой», для которой не требовалась особая методика интерпретации объектов и вещевых комплексов. Отсюда следовали широкие исторические выводы, сделанные непосредственно по остаткам открываемых объектов.

Приводимые аргументы для Новгорода С. А. Изюмова рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах. При этом материалы разных периодов средневековой Руси трактовались как единое и неизменное состояние ремесла, сохранявшееся в кустарном деле до XX в. Поэтому она считала правомерным использовать документы XVI–XVII вв. для оценки ремесла эпохи Древней Руси. Широкий охват археологических, этнографических и письменных данных способствовал популярности работы и предложенных выводов. Сегодня методический подход С. А. Изюмовой и предложенные выводы уже не вызывают доверия.

На наш взгляд, ответ на вопрос о разделении кожевенного и сапожного ремесел лежит в совершенно иной плоскости, а именно – разделение

ремесел стало следствием регламентации застройки, поддержания чистоты и утилизации гнилостных отходов жизнедеятельности для предотвращения эпидемий в городе (Курбатов, 2012а. С. 167–168).

Кроме того, работа С. А. Изюмовой показала разногласия в интерпретации археологических находок у археологов и современных технологов кожевенно-обувного дела. В ней, кроме всего, содержатся неверные выводы относительно найденных в Новгороде деревянных обувных колодок. К ним относятся: 1) использование колодок именно в процессе пошива обуви для «оббивания» сшитой модели; 2) местоположение колодок маркирует нахождение пошивочных мастерских; 3) наличие простых и составных колодок; 4) знаки на колодках принадлежат мастеру-обувщику.

На это в свое время указывал Ю. П. Зыбин, скептически оценивший выделение составных колодок в средневековых слоях. Рецензируя статью С. А. Изюмовой, он отметил, что автор не смогла доказать появление способа формования обуви с затяжкой на колодке в XI–XVI вв. Имеющиеся данные показывают, что примерно до XVII в. древнерусская обувь производилась без затяжки и формовалась на правилах. Общую оценку работы С. А. Изюмовой рецензент выразил так: «К сожалению... С. А. Изюмова показала себя мало сведущей в области производства обуви. Почему-то считается, что в этой весьма своеобразной и очень древней технологии и особенно конструкции обуви можно обладать самыми ничтожными специальными знаниями для того, чтобы взяться за их исследование» (Зыбин, 1965. С. 284–285).

Ю. П. Зыбин отметил и другие технические ошибки, сопоставляя рисунки с пояснительным текстом. Это относится к подрезке кожи на подошве для сокрытия нити. Так же совершенно произволен вывод, что «наличие меченых простых колодок свидетельствует о том, что среди них были не только *правила*, но и затяжные» (Там же. С. 285). А клеймо здесь, как знак собственности, почему-то стало техническим признаком использования в операциях пошива обуви. Эти и другие сомнительные объяснения и интерпретации, данные С. А. Изюмовой, заставляют сомневаться в ее выводах о технике кожевенно-обувного ремесла в средневековом Новгороде.

Последние разработки вопроса о назначении деревянных обувных колодок показали их разное использование в отдельные исторические периоды, при разной технике пошива обуви. В то же время обращается внимание на абсолютную необходимость во все времена использовать колодки при просушке обуви, во избежание ее деформации. А вывод С. А. Изюмовой о наличии в средневековом ремесле составных колодок надо считать недоразумением, связанным с незафиксированными перекопами, в которых найденные составные колодки залегали на уровне слоев XII–XIV вв. (*Курбатов*, 2018).

При анализе материалов Неревского раскопа в 1950-е гг. был сделан еще один неверный вывод – о многочисленности разных специалистов – кожевников в средневековом Новгороде в каждый отдельный период. По оценке Б. А. Колчина, на территории 18 открытых усадеб чаще других ремесел фиксируется деятельность кожевников. «Только одних мастерских (то есть производственных построек с инвентарем) вскрыто восемь. Кроме того, топографическое размещение находок, связанных с сапожным ремеслом... позволяет говорить о деятельности не менее 30 сапожников, работавших, вероятно, непосредственно в своих жилищах. Изучено и несколько мастерских кожевников» (*Колчин*, 1964. С. 7). Внимательное изучение материалов позволяет сделать иной вывод. Для отдельных строительных периодов, при средней длительности 20 лет, здесь функционировало не более одной-двух мастерских. А учитывая проживание и работу мастеров кожевенной специальности именно в этом районе города, что отмечали разные исследователи, можно предположить, что в других концах города кожевников и сапожников было мало. Таким образом, число одновременно работавших кожевников и сапожников в пределах Неревского раскопа и в целом по городу представляется минимальным, достаточным только для обслуживания потребностей самих новгородцев.

Раскопки последующих десятилетий в Новгороде не привели к открытию большого числа средневековых кожевенных мастерских, которые могли бы подтвердить ранние выводы Б. А. Колчина и С. А. Изюмовой (*Курбатов*, 2012а. С. 170–171; 2017. С. 231 и сл.). В 80-е гг. XVI в. в Новгороде наблюдается необычайно большое количество мастеров,

работавших с кожей. Это было вызвано интересом к русской кожевенной продукции в странах Западной Европы. В XVI в. здесь происходила ломка устоявшихся отношений товаропроизводителей и торговцев, приведшая к «революции цен». При этом значительно возросла стоимость продукции сельского хозяйства, в том числе и кож. Тогда же расширилось использование кож в повседневном хозяйстве и быту, в том числе значительно больше кож использовали для упаковки и перевозки товаров, для экипировки солдат создаваемых национальных армий, моряков, торговцев и путешественников. Эти изменения способствовали интенсификации в сельском хозяйстве и активизации торговли в Восточной Европе. Именно спрос со стороны ряда стран Западной Европы способствовал значительному увеличению выделки кож в русских городах и к появлению специализации в отдельных городах Московии на этом виде производства, а также усилил тенденцию к селекции в скотоводстве. Возросший сбыт русской кожи на Запад, наряду с другими продуктами сельского хозяйства, приводит к их резкому подорожанию в XVI в. и в русских городах (*Курбатов*, 2009. С. 127).

Расширение раскопок древнерусских городов в 1960–1980-е гг. привело к появлению новых публикаций археологического кожевенного материала. Были описаны собрания из Старой Ладogi, Пскова, Переяславля Рязанского, Белоозера, Минска, Полоцка, Торopца. География коллекций охватила земли средневековой Руси, а также Прибалтику и Среднее Поволжье. Описания комплексов кожаных предметов были включены в обобщающие работы по истории Полоцка, Берестья, Витебска, Минска, Мангазеи, Чебоксар, Москвы и городов Подмосковья.

Схемы развития обувного конструирования и методов вербального и графического описания кожаных предметов впервые были разработаны Е. И. Оятевой. Исследовательница фактически создала руководство для правильного описания археологических предметов, благодаря которому можно было определить их функциональное назначение и технологические приемы производства. Она предложила схему классификации обуви по трем основным характеристикам: материалу, конструкции и назначению (*Оятева*, 1973. С. 105–111) и исполь-

зовала ее при обработке коллекций из Старой Ладogi, Пскова, Переяславля Рязанского, а также для сравнения древнерусских материалов с кожаными изделиями из городов Польши, Норвегии (Оятева, 1970; 1976). Работы Е. И. Оятевой, учитывающие результаты западных специалистов, показывают качественный сдвиг в изучении массового археологического материала и дают практическое решение вопроса о внутренней критике источников. Ее исследования дали импульс для последующих работ в данной области археологии.

С конца 1980-х гг. продолжают интенсивно обрабатываться коллекции археологических кожаных предметов. Расширяются география и хронологические рамки комплексов материалов, вводимых в научный оборот. Среди них находки из Ивангорода, Смоленска, Болгара, Твери, Торжка, Старой Ладogi, Звенигорода Галицкого, Чернигова, Москвы, Орешка, Полоцка, Старой Руссы, Вологды и Новгорода (Нутный раскоп). Появились и аналитические разработки отдельных категорий находок – ножен, кошельков, масок. Кроме того, небольшие разделы по кожаным предметам содержат описания материалов из раскопок других городов. Статьи по кожевенному ремеслу имеют разный уровень аналитической обработки и историко-культурных обобщений, хотя общая оценка научных работ по древнерусскому ремеслу позволяет говорить о высоком проценте статей, монографий и авторефератов, дающих социологические выводы при анализе археологического материала.

Последние годы отмечены повышенным интересом к изучению средневекового кожевенного ремесла. На эту тему были успешно защищены две диссертационные работы по материалам средневекового Новгорода, по одной – на материалах ханской Казани, городов северо-запада России и Москвы XII–XVIII вв., а также докторская диссертация автора по кожевенному ремеслу всей средневековой России (Курбатов, 2012б). Появились первые монографические исследования

крупных собраний кожаных предметов в средневековых городах – Твери, Москве и заполярной Мангазее (Курбатов, 2004; Осипов, 2006; Визгалов и др., 2011). Эти работы получили в целом положительные отзывы в академической среде.

Сегодня можно говорить уже о начале следующего – *пятого этапа* изучения кожевенного ремесла, когда собранные материалы из разных исторических дисциплин стало возможным привлечь для палеоэтнографических и палеосоциологических реконструкций. К ним относятся, например, вопросы половозрастного состава населения, болезней древних людей, истории охоты и развлечений. Подтверждаются региональные и этнические различия в использовании кожевенного сырья, зависящие от природной среды обитания, общественных традиций и межэтнических контактов (Курбатов, 2012в. С. 346).

Изучение средневекового ремесла было и остается проблемой комплексного анализа всех видов источников, среди которых на первом месте, по значимости и объему, стоят археологические материалы. Их постоянное пополнение приводит к тому, что изучение кожевенного ремесла неизбежно распадается на ряд самостоятельных направлений. Можно выделить три основных направления: технико-технологическое, вещеведческое и культурологическое. Каждое из них предполагает широкий охват источников — археологических, письменных, изобразительных и этнографических.

Актуальные вопросы изучения кожевенного ремесла обозначены в работах последних лет. Для решения их становится насущным объединение усилий специалистов разного профиля. Примером такого объединения можно назвать симпозиум 1995 г. по данной тематике в Оксфорде и тематическую конференцию в Щецине 2009 г., содержание которых подсказывает направления дальнейшего развития в изучении средневекового кожевенного ремесла в российской науке (Курбатов, 2012в; 2013; 2014).

- Аристов*, 1866 – *Аристов Н. Д.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
- Арциховский*, 1939 – *Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // НИС. Новгород, 1939. Вып. 6.
- Визгалов и др.*, 2011 – *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011.
- Висковатов*, 1841 – *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841. Ч. 1
- Гданский*, 1917 – *Гданский Л.* Сапожник-практик. Пг.; М., 1917.
- Евтушенко*, 2017 – *Евтушенко М. М.* Академик живописи Ф. Г. Солнцев (1801– 892). М., 2017.
- Забелин*, 1853 – *Забелин И. Е.* О металлическом производстве в России до конца XVII в. // ЗРАО. СПб., 1853. Т. V.
- Забелин*, 1855 – *Забелин И. Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России // ЗРАО. СПб., 1855. Т. VI.
- Зыбин*, 1965 – *Зыбин Ю. П.* Рец. на статью С. А. Изюмовой «К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого», МИА, № 65 // СА. 1965. № 2.
- Изюмова*, 1959 – *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2 (МИА; Вып. 65).
- Клейн*, 1995 – *Клейн Л. С.* Археологические источники. 2-е изд. СПб., 1995.
- Колчин*, 1964 – *Колчин Б. А.* К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // КСИА. 1964. Вып. 99.
- Кривцов*, 1912 – *Кривцов И.* Кожевенное производство. Выделка и отделка кож для обуви. СПб., 1912.
- Курбатов*, 2004 – *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов*, 2008 – *Курбатов А. В.* Музееведение и археология – две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. М.: ИА РАН, 2006. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // АВ. М., 2008. № 15.
- Курбатов*, 2009 – *Курбатов А. В.* Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009.
- Курбатов*, 2012а – *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.
- Курбатов*, 2012б – *Курбатов А. В.* Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. СПб., 2012. № 18.
- Курбатов*, 2012в – *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в городах средневековой Руси: современное состояние изучения // Stratum plus. Кишинев, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языци.
- Курбатов*, 2013 – *Курбатов А. В.* Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов. Рец. на: IN GREMIO–IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin. 2009 // АВ. СПб., 2013. № 19.
- Курбатов*, 2014 – *Курбатов А. В.* Новые исследования по кожевенному ремеслу в средневековой Европе // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб., 2014. Вып. 4.
- Курбатов*, 2017 – *Курбатов А. В.* Кожевенные мастерские в средневековой России // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2017. № 6.
- Курбатов*, 2018 – *Курбатов А. В.* Деревянные обувные колодки в раннесредневековой Ладогe и использование колодок в средневековье // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2018. № 8.
- Левашева*, 1959 – *Левашева В. П.* Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни. М., 1959 (Труды ГИМ; Вып. 33).
- Нидерле*, 1956 – *Нидерле Л.* Славянские древности / ред. А. Л. Монгайт. М., 1956.
- Осипов*, 2006 – *Осипов Д. О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.

-
- Осипов*, 2010 – *Осипов Д. О.* К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // *Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара.* М., 2010. Вып. 6.
- Оятева*, 1970 – *Оятева Е. И.* Кожаная обувь из средневековых городов Польши (Краткий обзор публикаций) // *АСГЭ.* Л., 1970. Вып. 12.
- Оятева*, 1973 – *Оятева Е. И.* К методике изучения древней кожаной обуви // *АСГЭ.* Л., 1973. Вып. 15: Материалы по археологии европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья.
- Оятева*, 1976 – *Оятева Е. И.* Две публикации средневековой кожаной обуви: Критические заметки // *АСГЭ.* Л., 1976. Вып. 17: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы.
- Поварнин*, 1912 – *Поварнин Г. Г.* Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912. Ч. 1: История и техника производства.
- Рыбаков*, 1948 – *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948.
- Тереценко*, 1848 – *Тереценко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1.
- Якунина*, 1947 – *Якунина Л. И.* Новгородская обувь XII–XIV вв. // *КСИИМК.* М.; Л., 1947. Т. XVII.
- Niederle*, 1921 – *Niederle L.* Slovanske Starozitnosti. Život slovanu. Praha, 1921. Т. III, sv. 1. Oddil «Zamestnani remeslna».

АРХЕОЛОГИЯ КРАСОТЫ: ОПЫТ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МАРИАННЫ МАЛЕВСКОЙ¹

А. А. Пескова, И. В. Антипов,
Д. Д. Ёлшин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин²

Аннотация. В статье в связи со 100-летним юбилеем приводятся подробные биографические сведения о Марианне Владимировне Малевской-Малевич (1918–2011), известном специалисте в области средневековой архитектуры и керамики. Анализируется ее научное творчество, дается оценка ее вклада в изучение средневековой архитектуры Галицко-Волынской земли и керамики западных земель Восточной Европы, а также предлагается первичная характеристика ее архивного наследия. Подчеркивается взаимосвязь всех этапов академической деятельности и единство подходов, связанных с базовыми эстетическими и этическими принципами. К особенностям творческого метода отнесено внимание к региональным особенностям изучаемых памятников и артефактов. Отмечена роль в изучении истоков украинской и белорусской культуры и архитектуры. Авторы делают вывод о безусловной важности дальнейшего исследования и публикации архивных материалов М. В. Малевской-Малевич.

Annotation. In this paper, ample biographic information about Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (1918–2011) is presented in connection with her 100-year anniversary. Malevskaya was a prominent expert in the sphere of mediaeval architecture and ceramics. Here her scientific work is analysed, an assessment of her contribution to the studies of mediaeval architecture of Galicia–Volhynia lands and ceramics of the western regions of Eastern Europe is proposed. Also a primary characterization of her archive heritage is presented. The paper lays stress on the interconnection of all stages of academic activities and the unity of approaches concerned with the basic aesthetic and ethic principles. Malevskaya's attention to the regional peculiarities of the monuments and artefacts under study is considered as a feature of her creative method. Her role in studying of the sources of the Ukrainian and Belorussian culture and architecture is marked. The present authors draw the conclusion on the undoubted importance of further examination and publication of archive materials of M. V. Malevskaya-Malevich.

Ключевые слова: Марианна Владимировна Малевская-Малевич, история науки, персоналии, архивное наследие, XX век, Древняя Русь, Галицко-Волыньские земли, средние века, архитектурная археология, керамика.

Keywords: Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich, history of science, personalia, archive heritage, 20th century, Early Rus, Galicia–Volhynia lands, Middle Ages, architectural archaeology, ceramics.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-358-371

Послы князя Владимира Святого вернулись с берегов Боспора на берега Днепра. Они искали красоту в богослужении своих современников – «болгар» и «немцев», мусульман и латинян. Нашли они ее только в греческой литургии, в патриаршей службе в святой Софии Константинопольской. Они не знали, где находились – на небе или на земле, но знали, что в этой «красоте церковной» Бог пребывает

с людьми и что они никогда не смогут забыть такую красоту.

Этот поиск красоты, запечатленной в материи, создал своеобразие восточноевропейской культуры. Помимо поиска другой ее постоянной заботой была борьба за память о прекрасном, которое, по завету

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0008. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей»).

² Пескова А. А., Михайлов К. А., Мусин А. Е. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

Антипов И. В. – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5, СПбГУ, Исторический факультет, Кафедра истории русского искусства.

Ёлшин Д. Д. – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, Государственный Эрмитаж, Сектор архитектурной археологии Государственного Эрмитажа.

княжеских послов, не должно быть забыто. Одним из способов противостоять забвению былой красоты стала археология, добывающая и изучающая вещественную древность ради знания о прошлом. Как считали древние, подобное познается подобным. Современники князя Владимира словно предчувствовали, что культуру, созданную христианизацией, в том числе и «красоту церковную», будет изучать во всех смыслах красивый человек – Марианна Владимировна Малевская-Малевич, широко известный и уважаемый исследователь материальной культуры древнерусского города, специалист в области архитектурной археологии и очень достойный человек.

Позволим предположить, что линию судьбы нашей героини изначально направлял поиск красоты, соответствующей ее внутреннему облику. Эти искания воплотились в квадривиуме ее жизни: балет–искусство–архитектура–археология.

Марианна Владимировна Малевская-Малевич (в девичестве Дементьева) родилась 27 мая 1918 г. Ее отец Владимир Иннокентьевич Дементьев, уроженец Иркутска, окончил Казанский университет и был юристом. Он участвовал в Первой мировой войне на белорусских землях и служил в артиллерийских частях в звании поручика. В 1917 г. В. И. Дементьев входил в коллегия Скобелевского просветительского комитета Военного министерства и был одним из его реорганизаторов (*Кальянов*, 2001. С. 68–72). Его ссылка в 1936 г. в Самару, а затем в Тверь несомненно была эхом его гражданской активности.

Мать Евгения (Альбертина Мария) Эдуардовна Гонэ, француженка, родившаяся в Алжире, трудилась педагогом. В Санкт-Петербурге она оказалась еще ребенком, после смерти родителей попав в семью своей тети. Отметим две знаковые детали ее детства, которые отразились в судьбе Марианны Владимировны. Отец Евгения, Антуан Эдуард, был фотографом. Серия любительских фотографий конца 1910–1920-х гг. из семейного архива показывает, что в семье был фотоаппарат, что можно воспринимать как свидетельство наследственности и знаменье эпохи (рис. 1, 2). А со временем фотоаппарат и фотография станут для М. В. Малевской одним из главных профессиональных инструментов познания в археологии.

Помимо общего образования для Евгении наняли преподавателя балетных танцев, которым оказалась М. Ф. Романова – мать Галины Улановой. Евгения не стала балериной, но попыталась поставить на пуанты свою дочь, отдав ее в хореографическое училище. Марианна Владимировна тоже не связала свою жизнь с балетом, но пластическая эстетика этого искусства не могла не оказать своего влияния на ее способность видеть археологический памятник, соединивший в себе пластичность и пространство.

Евгения и Владимир поженились в середине 1910-х гг., в 1915 г. она навещала мужа-поручика в Павловске, а в 1916–1917 гг. сопровождала его на Западный фронт, в белорусские Прилуки. Семейные фотографии сохранили ее облик в военной бекеше и папаше на позициях артиллерийской батареи. На одной из фотографий надпись: «1917 г. Вернулись с фронта в отпуск и попали в революцию»...

Их дочь-первенца была крещена в одной из римско-католических церквей Петрограда с именем Мария-Марианна. Семейная легенда гласит, что Владимир Дементьев, будучи раненым на фронте, был спасен от германского плена девушкой Марьяной. В дорогу она отдала ему образок, который долго хранился в семье. Свое имя дочь получила в честь родительской спасительницы.

Училась Марианна Дементьева в школе-семилетке при Ленинградском государственном Хореографическом училище, куда она поступила в 1929 г. (рис. 1, 1). Имя балетмейстера Агриппины Вагановой училище получит в 1957 г., а с 1991 г. станет называться Академией русского балета. Со своими подругами – «вагановками» Марианна Владимировна сохранила дружбу и общение на всю жизнь.

В 1937 г. по окончании школы, не имея позволения от врачей продолжать профессиональное образование в Хореографическом училище, она начала учебу на рабфаке при Ленинградском институте инженеров коммунального строительства в архитектурной группе (рис. 1, 3). Закончив его в 1938 г., поступила на созданный лишь за год до этого Факультет теории и истории искусств Института им. И. Е. Репина Всероссийской академии художеств. У истоков рождения нового факультета стояли профессора А. С. Гуцин, М. К. Каргер, М. М. Дьяконов, Н. Н. Пунин, Г. Г. Гримм, Н. Б. Бакланов, В. Ф. Левинсон-Лессинг.

Рис. 1. 1 – в Ленинградском Хореографическом училище, 1929 г. (фото из семейного архива); 2 – семья Дементьевых в первой половине 1930-х гг.: отец – Владимир Иннокентьевич, мать – Евгения Эдуардовна и братья – Эдуард и Андрей (фото из семейного архива); 3 – с мамой, февраль 1937 г. (фото из семейного архива)

Fig. 1. 1 – in the Choreographic College, 1929 (photo from the family archives); 2 – family of the Dement'yevs in the first half of the 1930s: father – Vladimir Innokent'yevich, mother – Evgeniya Eduardovna and brothers – Eduard and Andrey (photo from the family archives); 3 – with mother, February, 1937 (photo from the family archives)

В стенах Академии художеств прошли студенческие годы Марианны Владимировны (1938–1946 гг.), работа в качестве ассистента научно-исследовательского Кабинета русского искусства

и заведующей Архитектурным отделом Музея при Академии художеств (1946–1947 гг.), наконец, аспирантура на Кафедре истории архитектуры (1948–1950 гг.). Эти лета, пришедшиеся на военную

пору, были наполнены не только учебой, но и – до эвакуации Академии в Самарканд – работой в военкомате, рытьем окопов под Ленинградом, дежурством в эвакогоспитале, располагавшемся на территории Академии художеств, утратой родных и близких людей (рис. 2, 1). В феврале 1942 г. Марианна Дементьева с Академией эвакуировалась из блокадного Ленинграда через «ледяной ужас Ладого» (образ И. Н. Пуниной) в Самарканд вместе с матерью, которая преподавала студентам Академии французский язык, и младшим братом Андреем.

Почти два года в Самарканде искусствоведческий факультет жил сложной особенной жизнью, приспособляясь к условиям военного времени. Деканом был назначен Н. Н. Пунин, блестящие лекции которого и общение с ним и его семьей оставили глубокий след в душе Марианны Владимировны. Она и дочь Н. Н. Пунина Ирина учились на одном факультете, вместе переживали тяжелые годы скитаний и на всю жизнь сохранили дружеские отношения. Занятия в Самарканде продолжались вплоть до реэвакуации. В январе 1944 г. Академия переводится в Загорск и размещается в неотапливаемых помещениях Троице-Сергиевой лавры (знак будущей причастности к изучению церковной культуры и архитектуры Восточной Европы!), а в июле 1944 г. возвращается в Ленинград, домой.

Впрочем, у многих вернувшихся преподавателей дома не было, и первое время им пришлось ютиться в Академии на антресолях, как об этом позднее вспоминала И. Н. Пунина: «Далеко не у всех он был. Многие преподаватели с семьями вынуждены были поселиться в Академии, на антресолях, где бытовых условий вообще никаких не было. Здесь на время приютились Бартеневы, Орешниковы, М. В. Дементьева-Малевская, Синайские, М. А. Голубева и многие другие» (Пунина, 2012. С. 44). В годы войны Марианна Владимировна потеряла отца, который умер в ссылке в 1944 г. в Калинин-Твери, и братьев. Эдуард Владимирович пропал без вести на Ленинградском фронте в 1942 (?) г., Андрей Владимирович умер в Ташкенте во время реэвакуации из Самарканда в 1944 г. Но жизнь продолжалась. Вскоре по возвращении в Ленинград Марианна Дементьева вышла замуж за Павла Сергеевича Малевского-Малевица и приняла фамилию мужа, став Малевской-Малевиц. В 1945 г. у них родилась

дочь Наталия. Павел Сергеевич, скончавшийся в 1961 г., работал оптиком на Кировском заводе и профессионально фотографировал, запечатлев Марианну Владимировну на раскопках в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Его отец Сергей Юльевич был известным врачом и основателем заводской больницы в Сестрорецке, а сама семья Малевских состояла в родстве с Шаховскими и Рерихами.

Область научных интересов М. В. Малевской-Малевиц – история русской архитектуры, сформировавшаяся еще при поступлении в 1937 г. в Архитектурную группу рабфака, в Институте определилась окончательно, а ее изучение стало любимым делом. В 1946 г. М. В. Малевская-Малевиц получила диплом Академии художеств по специальности «теория и история искусств» с квалификацией «искусствовед». За год до этого она пишет курсовую работу «Система росписи русских храмов XI–XIII вв.» (1944–1945 гг.), в чем-то предвосхитившую становление концептуального изучения храмовых иконографических программ, модного в современном искусствоведении. Ее архив сохранил и другие машинописные и рукописные тексты 1940–1950-х гг., которые могли быть частью ее неопубликованной дипломной работы или незащищенного кандидатского исследования: «Работа русских архитекторов в Киеве в конце XVII века» и «Каменное церковное зодчество Киева первой половины XVII в.».

Однако вычурность барокко не была единственным мерилom красоты для М. В. Малевской. Этот прорыв в прошлое во многом стал возможен благодаря приобщению к особому методу его постижения – методу археологическому.

Занятия под руководством Михаила Константиновича Каргера, который 1938–1950 гг. совмещал работу в ИИМК с преподаванием в Академии художеств (1939–1941 гг. – заместитель директора по научной и учебной работе, 1939–1941, 1943–1948 гг. – заведующий Кафедрой истории древнерусского искусства), привели Марианну Владимировну в архитектурно-археологическую экспедицию. М. К. Каргер умел быть убедительным и вдохновляющим. С 1940 г., будучи еще студенткой, а потом и аспиранткой, она становится постоянной участницей возглавляемых им Киевской и Новгородской археологических экспедиций

Рис. 2. 1 – фотопортрет 1940-х гг. (фото из семейного архива); 2 – за изучением луцких фресок, ЛОИА, конец 1980-х гг.; 3 – юбилей 1998 г. (фото А. П. Раппопорта); 4 – юбилей 2008 г. 4 июня, ИИМК РАН (фото С. В. Белецкого)

Fig. 2. 1 – photographic portrait of the 1940s (photo from the family archives); 2 – studying Lutsk frescoes, LOIA, late 1980s; 3 – jubilee in 1998 (photo by A. P. Rappoport); 4 – jubilee in 2008, June 4, IIMK RAS (photo by S. V. Beletskiy)

Академии наук СССР. Пройдя суровую школу экспедиций археолога М. К. Каргера, искусствовед М. В. Дементьева-Малевская получает серьезный опыт полевого археологического исследования памятников древнерусского зодчества. И археология определяет всю ее дальнейшую жизнь....

Как вспоминает Владимир Александрович Назаренко, Марианна Владимировна умела делать на раскопе практически все, учила всему, что лежит в основе полевой археологической работы: держать лопату, нож и кисть (ср.: *Марчук*, 2016. С. 6), прослеживать и зачищать пятна, остатки сгоревшего и истлевшего дерева, выбирать ямы, перемещаться по раскопу без ущерба для культурного слоя и расчищаемых объектов, точить карандаши для черчения и хранить стирательную резинку в чистоте и в определенном месте. Она умела видеть за четкостью или неопределенностью форм, возникавших в раскопанной толще, различиями в плотности и цвете, в регулярности или ее отсутствии то, чем эти знаки могли быть в древности. Ее собственные ученики были обязаны ей пониманием важности постоянно подмечать и усваивать все увиденное, так как число необходимых навыков в работе археолога практически ничем не ограничено, а владеть ими надо свободно.

Вернемся к постепенному течению событий. Будучи заведующей архитектурным отделом музея Академии художеств, пост которого она заняла в 1947 г., Марианна Владимировна продолжала обучение в 1948–1950 гг. в аспирантуре при Кафедре истории архитектуры по специальности «Древнерусское зодчество» под руководством того же М. К. Каргера. Темой ее диссертационного исследования, как мы уже предположили, было каменное церковное зодчество Киева XVII в. Нам известно, что Марианна Владимировна сдала все кандидатские экзамены, однако защита работы все время откладывалась научным руководителем. Аспирантура так и не была окончена, а диссертация так и не стала предметом защиты. Причина тому – научность работы и глубина исследования, как можно судить по широкому использованию материалов диссертации в монографиях М. К. Каргера, посвященных Киеву эпохи средневековья и нового времени (см.: *Каргер*, 1958–1961).³

³ Об использовании М. К. Каргером диссертационного исследования Марианны Владимировны нам известно от самой М. В. Малевской.

Сам учитель, к сожалению, так и не усмотрел в своем поступке ничего дурного, вдохновляясь круговой порукой советской России и будучи убежден, что так поступают все. Талантливый педагог и исследователь, М. К. Каргер умел не только разглядеть и оценить талантливых молодых специалистов, но и придерживать их около себя, подолгу не отпуская в самостоятельный поиск. Достаточно вспомнить, сколько лет оставались его лаборантами А. Н. Кирпичников и О. В. Овсянников. Раньше других в этот замкнутый круг попала одна из его многосторонне одаренных учениц М. В. Малевская-Малевич (см. об этом: *Академическая археология...*, 2013. С. 217–219).

В 1952 г. она поступает на работу в Ленинградское отделение Института истории материальной культуры и не покидает Институт до последних лет своей жизни. Зачисленная на должность научно-технического сотрудника в Группу славяно-русской археологии, возглавляемую тем же М. К. Каргером, она продолжает быть незаменимой участницей руководимых им архитектурно-археологических экспедиций.

В 1953 г. Марианна Владимировна вместе с дочкой Наташей отправляется на раскопки в Переяслав-Хмельницкий, где на центральной площади-поляне их встречают привязанная к колу коза Галя и огромный камень, надпись на котором возвещала всем, что на это месте будет поставлен памятник «300-летию воссоединения Украины с Россией». Появится он лишь в 1961 г. В 1955 г. ее встречал Галич, в 1956–1957 – Владимир-Волынский, в 1957 г. – Гродно, в 1958–1959 гг. она трудится в составе Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции.

Однако в качестве плановой исследовательской темы в 1957 г. ей поручается изучение не памятников древнерусского зодчества, а самого массового и трудоемкого археологического материала – керамики, сначала из раскопок древнего Новогрудка, который в эти годы только начинал исследоваться под руководством Ф. Д. Гуревич, а затем и других западно-русских городов. Именно этому, казалось бы, была посвящена ее первая печатная работа об амфоре из Новогрудка, однако в действительности она скрывала зашифрованное послание, касающееся научных интересов Марианны Владимировны.

В статье переплелись керамика, история и археология Галицко-Волыньских земель и Черной Руси, памятники христианской культуры и наследие Византии (Малевская, 1962. С. 238–241; 1972. С. 14–20).

После 1958 г. сотрудничество М. В. Малевской с М. К. Каргером в экспедициях прекращается по уже известной нам причине. Тогда же М. В. Малевская направляется на раскопки Малого Торопецкого городища, проводимые под руководством Я. В. Станкевич, где быстро осваивает методику раскопок поселений с анаэробным слоем, насыщенным деревянными конструкциями. После внезапной смерти Я. В. Станкевич в 1959 г. Малевская продолжает начатые в Торопце исследования (1960–1965 гг.), сначала вместе с Г. Ф. Корзухиной, затем самостоятельно (Малевская, 1963а. С. 72–78). Именно в эти годы выходят из печати первые статьи М. В. Малевской, связанные с подготовкой к изданию материалов Я. В. Станкевич по Шестовицкому поселению (Станкевич, 1962. С. 6–30) и публикацией материалов из раскопок Малого Торопецкого городища 1960–1965 гг. Когда же Д. И. Фоянков начал новый цикл исследований древнего Торопца (1980-е гг.), Марианна Владимировна консультировала его и вместе с ним работала над подготовкой монографии «Древний Торопец» (Малевская, Фоянков, 1991; 2000).

Однако любовь к Западной Украине и ее монументальной архитектуре не оставляет Марианну Владимировну и в этот сложный период. Она публикует обзор обследований городищ Карпатского региона, сделанных отрядом по изучению древнерусских крепостей под руководством П. А. Раппопорта при ее участии (Малевская, 1963б. С. 61–76). В 1964 г. Марианна Владимировна переводится на должность младшего научного сотрудника (Академическая археология..., 2013. С. 202). Тогда же, в 1960-е гг., вместе с Ф. Д. Гуревич и К. В. Павловой она проводит полевые исследования как в самом Новогрудке, так и на ближайшем курганном могильнике, занимается чертежными работами, осуществляет камеральную обработку раскопанных материалов, выполняет реконструкции отдельных археологических объектов и находок. В соавторстве с Ф. Д. Гуревич и Р. М. Джанполадян издается уникальная коллекция стеклянной посуды восточ-

ного происхождения из раскопок в Новогрудке (Гуревич и др., 1968).

Наконец, она руководит раскопками монументальных культовых и гражданских сооружений Новогрудка. На Ленковецком поселении (Черновицкая область, Украина) вместе с П. А. Раппопортом оттачивает методику раскопок древнерусских жилищ (Малевская и др., 1968. С. 242) и продолжает заниматься изучением керамики из раскопок древнерусских городов от земель Черной Руси в Белорусском Понеманье до Галицкой земли в Поднепровье. Наиболее полным и всесторонним стало ее исследование по керамике Черной Руси, поскольку в его основе лежала разработанная ею типологическая классификация керамики X–XIII вв. из многолетних раскопок Новогрудка (1957–1967 гг.), построенная с опорой на хронологию закрытых и полужакрытых комплексов окольного города и учитывающая материалы из Гродно, Волковыска, Турийска, Слонима и Индуры. Эта монография была написана в 1970-е гг., в 1982 г. утверждена к печати на Ученом совете ЛОИА АН СССР и только в 2005 г. опубликована (Малевская, 2005). Востребованность книги превзошла все ожидания. Исследования М. В. Малевской по галицко-волыньской керамике не получили монографического завершения, но ее отдельные статьи, как вводящие в научный оборот новые материалы, так и работы обобщающего характера, были и остаются примером методически строго отношения к изучаемому материалу, без которых сегодня не может обойтись никто из занимающихся изучением древнерусских памятников региона (Малевская, 1969. С. 3–14; 1970. С. 30–33; 1971. С. 27–24; 1974. С. 33–38).

1970-е годы становятся переломными в творческой биографии М. В. Малевской. Продолжая заниматься керамикой западнорусских земель, она постепенно возвращается к любимому делу – изучению древнерусской архитектуры. В рамках экспедиции Ф. Д. Гуревич она ведет самостоятельные раскопки монументальных памятников архитектуры на Замковой горе Новогрудка (Малевская, 1973. С. 90–97; Малевская, Шолохова, 1974. С. 376–377; 1975. С. 391–392).

А с 1975 г. Марианна Владимировна – начальник одного из отрядов Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА, возглавляемой П. А. Раппопортом, регулярно проводит архитектурно-археологи-

ческие исследования в Любомле и Владимире-Волынском, в Луцке, во Львове и Львовской области и становится одним из ведущих специалистов в области изучения памятников средневекового зодчества западнорусских земель второй половины XIII–XIV в. Она первой в истории русской архитектуры обратилась к планомерному выявлению и исследованию памятников этого сложного и малоизученного периода. Непосредственным импульсом для выбора такой темы, очевидно, послужила работа на территории новгородского детинца, где еще в 1968 г. она столкнулась с исследованием комплекса разновременных монументальных сооружений XIV–XVII вв. Однако – и мы уже знаем – еще в конце 1940-х гг. Марианну Владимировну интересовало киевское зодчество раннего нового времени. Его становление во многом обязано влиянию Руських воеводств Короны Польской, которые в эпоху Люблинской Унии 1569 г. воссоединились с исторической Руськой землей Среднего Поднепровья, завершив тем самым творение Украины, ее культуры и архитектуры в зримых и осязаемых формах. Занимаясь архитектурой западноукраинских земель с ее особой красотой, М. В. Малевская словно интуитивно искала истоки своих студенческих интересов.

На землях Черной Руси, в Новогрудке, остатки самой ранней церкви ей удалось датировать первой половиной XIV в., выявив первый и тогда единственный в своем роде памятник этого времени на территории Белоруссии, заполняющий лагуну между памятниками домонгольского зодчества и формирующейся здесь в XIII–XIV вв. архитектурой молодого Литовского государства. Увлеченно проводя год за годом целенаправленные поиски и обследования немногочисленных датированных памятников этого периода, известных по письменным источникам на территории западных пределов Восточной Европы, М. В. Малевская вводит в научный оборот ряд новых ярких памятников архитектуры, включая не только храмы, но и оборонительные сооружения, существенно пополнив тем самым надежную базу тщательно выверенных источников для изучения закономерностей развития средневековой монументальной архитектуры западнорусских земель.

На этой стороне ученой деятельности Марианны Владимировны стоит задержать внимание читателя. Именно в 1970–1990-е гг. Марианна Владимировна открыла для науки новую страницу в истории архитектуры Древней Руси – зодчество западнорусских земель второй половины XIII – середины XIV в. До публикации трудов М. В. Малевской исследователи, как правило, упоминали лишь несколько памятников этого времени (Каменецкая башня, Михайловская ротонда во Владимире-Волынском и др.). В трудах 1940–1960-х гг. по истории древнерусского искусства и архитектуры специальные разделы, посвященные данному периоду, отсутствовали. Этот вакуум очень остро чувствовал П. А. Раппопорт. Именно он как руководитель архитектурно-археологической экспедиции направлял Марианну Владимировну на изучение памятников этого периода, составлял вместе с ней научную программу и всячески поддерживал не только советами, но и выступлениями на заседаниях Отдела. Коллеги хорошо помнят момент этого обсуждения и воодушевление Павла Александровича перспективой развития этого направления, которое будет в таких надежных руках. Только после проведенных М. В. Малевской раскопок появился первый обобщающий текст о зодчестве Западной Руси второй половины XIII – первой трети XIV в. (*Pannonopt*, 1993. С. 109–121).

Как уже отмечалось, непосредственно к изучению архитектуры этого времени М. В. Малевскую подтолкнули раскопки каменного храма на детинце в Новогрудке, очевидно, построенного в первой половине XIV в. Затем с 1975 г. по 1987 г. исследователь изучает целый ряд построек второй половины XIII–XV в.: Георгиевскую церковь в Любомле, башню в Спасском монастыре близ Старого Самбора, церкви свт. Николая и Покрова Богородицы, костелы св. Иоанна Крестителя и Марии Снежной во Львове, башню в с. Пятничаны Львовской области, княжеский дворец, замок и Покровскую церковь в Луцке и др. Много лет велись разведочные раскопки на детинце во Владимире-Волынском. Усилиями Марианны Владимировны небогатый фонд памятников данной эпохи пополнился целым рядом очень важных находок, обнаруженных на территории всех основных земель Западной Руси – в Галиче, Волыни и Черной Руси.

Основная сложность, с которой столкнулась М. В. Малевская при работе с памятниками галицкого зодчества, – это отсутствие датированных построек. Многие памятники имели очень широкую датировку – от XIII до XV в. Только тщательный анализ строительной техники, технологических особенностей и архитектурной типологии построек мог помочь датировать памятники. У исследователя, занимающегося темой, источников по которой явно не хватает, невольно возникает соблазн без особых оснований «притянуть» к этой эпохе памятники, не имеющие твердой датировки. Марианна Владимировна последовательно избегала этого пути. Главное – на первом месте всегда оказывался источник, а не гипотеза. На материале галицкой архитектуры можно проиллюстрировать это на примере изучения двух львовских костелов – св. Иоанна Крестителя и Марии Снежной. В целом ряде публикаций эти памятники относятся к XIII – первой половине XIV в., особенно часто ранняя дата встречается для храма Иоанна Крестителя. Внимательный анализ как текстов, так – и это главное – строительных особенностей памятников привел М. В. Малевскую к заключению о возможности датировать церкви временем не ранее середины XIV в. и, соответственно, вывести их из круга возможных построек галицких князей.

Напротив, археологическое изучение Никольской церкви во Львове позволило рассматривать дату 1292 г., фигурирующую в подложной грамоте князя Льва Даниловича, как возможную дату памятника. Исследования львовской Пятницкой церкви не дали четких материалов для датировки памятника, однако позволили Марианне Владимировне осторожно предложить для храма раннюю дату – вторая половина XIII – первая половина XIV в. Особый интерес представляли раскопки в Спасском монастыре близ Старого Самбора. Спасская церковь, согласно данным поздних письменных источников, была построена в 1292–1295 гг. и разобрана в 1816 г. Поиски храма продолжались три года, было заложено 34 шурфа, 5 траншей и 3 раскопа. К сожалению, материалов, достаточных для суждения об утраченном памятнике, получено не было. В то же время в ходе этих работ удалось обнаружить редчайшую для Галицкой земли оборонительную постройку, также относив-

шуюся, по мнению М. В. Малевской, к изучаемой эпохе, – квадратную в плане каменную башню.

Отдельная страница в деятельности Марианны Владимировны – изучение волынского зодчества, чем она занималась в доброжелательном и равноправном сотрудничестве с украинскими коллегами, на заинтересованные вопросы которых она всегда обстоятельно отвечала (*Марчук*, 2016. С. 5, 8, 15, 16, 17, 19–20, 34–35). Мы знаем, что еще в 1950-е гг. М. В. Малевская работала во Владимире-Волынском в составе экспедиции М. К. Каргера. Значительная часть полевой фиксации раскопанных памятников архитектуры XII–XIII вв. выполнена ее руками. В 1970–1980-е гг. Марианна Владимировна проводила разведки на детинце Владимира-Волынского, пытаясь найти церковь свв. Иоакима и Анны 1291 г. Храм обнаружен не был, однако найденные строительные материалы позволили исследователю предположить возможность обнаружения этой постройки в будущем. При этих работах были исследованы на большом протяжении остатки мощной каменной оборонительной стены, датированные серединой XIV в.

В другом городе Волынской земли – Любомле был открыт фрагмент кладки восточной части Георгиевской церкви, построенной в 1270–1280-е гг. волынским князем Владимиром Васильковичем. Несмотря на небольшой объем раскопок, М. В. Малевской удалось убедительно реконструировать план памятника, ввести его в контекст истории архитектуры Древней Руси второй половины XIII в. (*Малевская*, 1997а. С. 259–268). Храм в Любомле в последние десятилетия постоянно привлекается в качестве аналогии исследователями древнерусской архитектуры второй половины XIII в.

Особое значение имеют работы Марианны Владимировны в Луцке. Здесь была открыта Покровская церковь, возможно, первой половины XIV в., княжеский дворец середины XIV в., изучены кладки замка, вероятно, также середины XIV в. Именно в Луцке было совершено одно из самых ярких открытий М. В. Малевской – найдена и полностью изучена за три полевых сезона церковь св. ап. Иоанна Богослова, датированная исследователем 1170-ми гг. Значение архитектуры этой церкви для понимания процессов, происходивших в древнерусском зодче-

стве второй половины XII в., лучше всего обозначила сама исследовательница: «В ее архитектурных формах раньше, чем в других храмах, или одновременно с некоторыми из них проявились те черты, которые стали определяющими для зодчества конца XII – начала XIII в. и легли в основу формирования нового направления в русской архитектуре» (*Малеvская*, 1997б. С. 32–33). Очень важным было и обнаружение фрагментов росписи конца XIII – первой половины XIV в., что позволило хотя бы отчасти заполнить существовавшую лауну в истории древнерусской живописи (*Марчук*, 2016. С. 9). Заботила ее и судьба раскопанных руин: так она высказывалась в пользу постройки церкви в старых формах над древним храмом, которая бы позволила сберечь его фундаменты и воссоздать архитектурную композицию Верхнего замка (Там же. С. 20–21, 27–29). Помимо луцкого храма Марианна Владимировна совместно с А. А. Песковой изучала на Волыни и еще один домонгольский храм – церковь в Дорогобуже Волынском (Ровенская область, Украина) (*Малеvская, Пескова*, 1996. С. 57–60).

В 1986–1987 гг. в с. Зимно М. В. Малеvской был исследован уникальный памятник, помогающий понять особенности средневекового строительного производства, – кирпичеобжигательная печь, которая, исходя из господствовавшей в то время датировки церкви Успения Богородицы, была датирована исследовательницей концом XV в. (*Малеvская*, 1987. Л. 21; 1988. С. 305–307).

Зодчество Черной Руси второй половины XIII – первой половины XIV в. стало рассматриваться как особое явление тоже благодаря работам Марианны Владимировны. Раскопанная ею церковь на детинце в Новогрудке – сложнейший архитектурно-археологический объект, древнейшая часть которого относится к первой половине XIV в. Там же был открыт еще один уникальный памятник – гражданская постройка XIV в., сведения о которой пополнили небогатый фонд данных о древнерусских постройках жилого и общественного назначения.

В 1970–1980-е гг. в сборниках «Археологические открытия» регулярно выходили в свет краткие заметки о результатах раскопок Марианны Владимировны, однако постоянная полевая работа не позволяла готовить развернутые публикации памятников. Только в 1990–2000-е гг. исследователю

удалось опубликовать серию фундаментальных статей, благодаря которым в научный оборот были полностью введены важнейшие среди изученных Малеvской памятников: церкви св. ап. Иоанна Богослова в Луцке, св. вмч. Георгия в Любомле, дворец в Верхнем замке Луцка, гражданская постройка в Новогрудке. К сожалению, материалы исследований целого ряда построек так пока и не опубликованы подробно (Никольской и Пятницкой церквей во Львове, Покровской церкви в Луцке и др.). В последние годы жизни Малеvская готовила к публикации результаты раскопок в Спасском монастыре близ Старого Самбора.

Марианна Владимировна задумывала обобщающую монографию по теме «Зодчество западно-русских земель второй половины XIII–XIV вв.», однако эта книга так и не была полностью завершена и опубликована. Существуют лишь несколько очень кратких концептуальных публикаций, в тексте которых были сформулированы основные проблемы, до настоящего времени интересующие исследователей архитектуры: вопрос о влиянии западноевропейской и прежде всего польской архитектуры на зодчество Западной Руси и вопрос о месте древнерусской традиции в строительстве Галицкой, Волынской и Черной Руси этого периода (*Малеvская*, 1980. С. 96–98; 1985. С. 157). Небольшой по объему материал, опубликованный в этих текстах, лежит в основе всех современных исследований, посвященных данной проблематике. В архиве исследователя хранятся отдельные главы так и не законченной книги.

Еще одна важная тема, материалы изучения которой удалось обобщить Марианне Владимировне, – использование брускового кирпича в архитектуре Древней Руси времени после монгольского нашествия. Вышедшие в свет в 1989 г. в журнале «Советская археология» статьи П. А. Раппопорта и М. В. Малеvской обозначили основное направление в изучении этой проблематики, актуальное и на современном этапе работы над темой (*Раппопорт*, 1989. С. 207–211; *Малеvская*, 1989. С. 212–222).

Это позволило по-новому взглянуть на развитие каменной монументальной архитектуры в регионе и, несомненно, способствовало оживлению интереса к теме среди исследователей. Одним из ярких

тому примеров является опубликованный в 2000 г. каталог памятников древнерусской архитектуры второй половины XIII – первой трети XIV в., который в значительной степени базируется на результатах работ М. В. Малевской (разделы «Галицкая земля», «Волынь» и «Черная Русь») (*Антипов*, 2000).

Отдельная страница научной деятельности М. В. Малевской – изучение древнерусских майоликовых полов и керамических плиток, заложившее основы их исследования в последующие десятилетия (*Малевская*, 1966. С. 146–151; *Малевская, Раппопорт*, 1978. С. 87–98). Большое значение для науки имеет и совместная публикация о церкви св. архангела Михаила в Переяславе – уникальном памятнике русской архитектуры последней четверти XI в. (*Малевская, Раппопорт*, 1979. № 10. С. 30–39).

Читатель наверняка обратил внимание на одну особенность трудов Марианны Владимировны, посвященных керамике и архитектуре западно-украинских земель. В обоих случаях там, где коллеги всегда искали культурное единство земель Восточной Европы, объединенных в «империю Рюриковичей», иногда именуемую Киевской или Древней Русью, М. В. Малевскую интересовали различия и региональные особенности. Так, в богатейшем корпусе керамики Галицкой, Волинской и Гродненской земель она подчеркивала различия в существующем ассортименте, отмечала большее сходство керамического комплекса Волини и Черной Руси, чем Волини и Галича, где преобладали неорнаментированные формы, а также указывала на близость гончарных изделий этих земель с керамикой их западных соседей, что существенно отличало ее от керамики восточных и северных земель Руси.

Аналогичные процессы наблюдались ею и в местной архитектуре, где новые черты, характерные прежде всего для романо-готической архитектуры, проявляются уже в середине XII в. Оттуда же, с Запада, прежде всего из Польши, приходит строительная традиция брускового кирпичика. Этот кирпич, представленный в памятниках вендской или «готической» системой кладки, использовался в сочетании с белым тесаным камнем для перевязки углов, кладки цоколей, оформления порталов и окон. В постройках этих земель есть стрельчатое завершение проемов и нервюрные

своды, свет проникал в здания через окна круглой и трехлопастной формы, а майоликовый пол Нижней церкви в Гродно обрел ближайшие аналогии в кафедральном соборе польского Гнезно (*Малевская*, 1966. С. 146–151). На этих землях раньше, чем на Востоке, стал применяться известково-песчаный раствор вместо цемяночного. Все это легло в основу украинской и белорусской архитектуры, особенности которой прослеживаются уже в эпоху, столь любимую Марианной Владимировной.

К большому сожалению, обобщение данных, полученных в ходе полевых архитектурно-археологических изысканий М. В. Малевской, выпало на долю уже нового поколения исследователей, которые с большим доверием и чувством искренней благодарности обращались к ней самой, всегда получая исчерпывающий и благожелательный ответ, к ее статьям и полевым отчетам. Она не успела не только систематизировать, но даже полностью опубликовать все результаты своих полевых исследований, о чем в последние годы жизни нередко сокрушалась, что вообще-то не было ей свойственно.

Полевая документация М. В. Малевской свидетельствует о высочайшей ответственности исследователя – понятные, точные чертежи, емкие отчеты, написанные аккуратным почерком дневники, где описаны мельчайшие подробности не только полевой работы, но и жизни экспедиции. Для начинающего исследователя обращение к полевым материалам М. В. Малевской может стать важной частью обучения азам архитектурной археологии – подробное знакомство с ее отчетной документацией поможет понять, как надо копать и как надо фиксировать то, что он откопал... Хранящийся в ее архиве богатейший материал будет широко востребован будущими исследователями.

Этот архив становится завещанием Марианны Владимировны. Она вела самостоятельную и активную полевую археологическую деятельность с 1965 по 1991 г. и сделала огромный вклад в пополнение источниковой базы по памятникам археологии и архитектуры на территории России, Украины и Беларуси. Полевые отчеты об этих экспедициях сдавались в республиканские архивы (соответственно Научный архив Института археологии РАН в Москве, Научный архив Института археологии НАН Украины в Киеве, Центральный

Научный архив НАН Беларуси в Минске), копии их в отдельных случаях были сданы и в местные музеи. По заведенному порядку, сотрудники Ленинградского отделения Института археологии сдавали в свой научный архив как копии своих полевых отчетов, так и рабочие материалы – полевые чертежи, полевые дневники, полевые и инвентарные описи, фотоальбомы. За редким исключением, большинство экспедиционных работ М. В. Малевской представлено в Научном архиве ИИМК РАН полным собранием рабочей и отчетной полевой документации исследовательницы.

Рабочие материалы, кабинетные исследования обычно остаются дома у ученого, и после его смерти их ожидает различная, порой трагическая судьба. Личный архив М. В. Малевской избежал такой участи. В 2015 г. Наталья Павловна Малевская-Малевич, дочь Марианны Владимировны, передала личный архив исследовательницы в Отдел славяно-финской археологии, где он был описан и обработан перед передачей в Научный архив ИИМК РАН.

Во время обработки архив был разделен на рукописную часть и архив фотодокументов. В качестве особенности личного фонда следует отметить, что его основная часть была тщательно структурирована самой Марианной Владимировной по темам документов и годам поступления. В рукописной части архива нами была предварительно пронумерована 131 папка, которые содержали: выписки из литературы, рукописные рисунки, переводы текстов из иностранной литературы, подготовленные материалы статей с фотографиями находок и чертежами, материалы полевых отчетов, машинописные тексты и рукописные тексты работ, которые датируются с 1940-х по 1990-е гг. Основная часть материалов может быть сгруппирована по нескольким темам:

– полевые отчеты и материалы к отчетам исследовательницы: Торопецкий отряд, Галицкий, Волынский и Владимиро-Волынский отряды ЛОИА АН СССР, которые относятся к 1955, 1960–1961, 1965–1991 гг.;

– материалы, посвященные средневековой керамике Белоруссии и Украины (Новогрудок, Минск, Туров, Полоцк, Мигово, Заславль, Владимир-Волынский, Ленковцы, Киев, Левобережье Днестра, Галич и Галицкая земля);

– материалы, посвященные средневековой архитектуре Белоруссии, Украины и Прибалтики (выписки из литературы, машинописные тексты с правками исследовательницы, чертежи и иллюстрации опубликованных и неопубликованных работ);

– четвертую и наиболее интересную группу документов составляют рукописи опубликованных и неопубликованных научных работ Марианны Владимировны (более 25 рукописей с вариантами), которые в свою очередь можно разделить на две части:

а) рукописи научных работ М. В. Малевской, посвященных средневековой керамике городов Черной Руси (в том числе и Новогрудка) и Владимира-Волынского;

б) рукописи работ исследовательницы, посвященные средневековой архитектуре Галицко-Волынской земли и Черной Руси.

В архиве, как мы уже упоминали, сохранились тексты курсовой и, скорее всего, дипломной и кандидатской работ 1940–1950-х гг. С 1950-х гг. и вплоть до 1970-х гг. в архитектурной тематике рукописей наблюдается перерыв. Однако материалы архива свидетельствуют о том, что в 1970–1980-гг. Марианна Владимировна трудилась над черновиками двух монографических работ, которые так и не были полностью закончены: «Оборонительные сооружения западнорусских земель второй половины XIII–XIV вв.» и «Архитектура Галицкой и Волынской земли второй половины XIII–XIV вв.».

– Пятая группа документов включает библиографию, личную переписку с российскими и украинскими исследователями, полевые записные книжки, акты передачи коллекций, тезисы докладов, отзывы на научные работы, материалы к биографии и отдельные рисунки.

Архив фотодокументов М. В. Малевской состоит из отпечатков, негативов и пленок, а также большого числа цветных слайдов, которые были разделены на 175 групп, охватывающих хронологический период с 1940-х по 1980-е гг.

Небольшую группу составляют групповые и одиночные фотопортреты с участием самой исследовательницы. Самое раннее изображение Марианны Владимировны датируется 1948 г. Она запечатлена на общей фотографии Киевской

экспедиции М. К. Каргера вместе со студентами Академии художеств и ЛГУ. Среди подборки личных фотографий в архиве также обнаружилась редкая фотография Г. Ф. Корзухиной на киевском раскопе 1948–1949 гг.

Участие М. В. Малевской в экспедициях М. К. Каргера и Ф. Д. Гуревич отмечено видами церкви Новгорода в 1955–1959 гг., видами с. Городище Шепетовского района в 1957 г.; видами архитектурных памятников Новогрудка и раскопов 1958–1959 гг.; фотодокументацией раскопок в Переяславе-Хмельницком 1949–1954 гг., во Владимире-Волынском 1955–1956 гг., Полоцке 1957 г. Огромным объемом представлена фотодокументация М. В. Малевской собственных полевых археологических исследований памятников архитектуры Владимира-Волынского, Любомля, Львова, села Спас, Луцкого замка, Дорогобужа, Зимно, Новогрудка. Количество снимков значительно превышает тот объем, который предназначался для включения в полевые отчеты.

Огромную ценность представляют составленные самой Марианной Владимировной подборки фотоматериалов к своим рукописям. Они позволяют надеяться на возможность завершения и выпуска в свет неопубликованных монографий, посвященных архитектуре западнорусских земель в XIV–XV вв. По материалам личного архива М. В. Малевской уже опубликована ее ранее неизвестная рукопись статьи, написанной еще в середине 1970-х гг., и подготовлены к печати

обширные материалы о церкви XIV в. в Новогрудке (Малевская, 2016. С. 339–353; Антипов, Ёлишин, 2016. С. 339–340).

Марианна Владимировна прожила долгую достойную жизнь, наполненную большими трудностями и большими радостями. Она не имела ученых степеней и званий, была чрезвычайно доброжелательным человеком, щедро делившимся своими знаниями со всеми окружающими, всеми, кто интересовался любимыми ею памятниками. Лучшим знаком нашей благодарности Марианне Владимировне была бы скорейшая публикация ее работ – как результатов архитектурно-археологических исследований, так и глав книги об архитектуре Западной Руси второй половины XIII – первой половины XIV в.

Официально Марианна Владимировна ушла на пенсию в 1986 г., но продолжала заниматься наукой, выезжала в экспедиции, регулярно являлась на заседания Отдела (рис. 2, 2). Вплоть до конца 2000-х гг., общаясь с М. В. Малевской и в стенах Института, и в поле, коллеги почти не задумывались о ее почтенном возрасте. Кажется, совсем недавно мы тепло и радостно праздновали 90-летие Марианны Владимировны, когда 4 июня 2008 г. состоялось расширенное заседание Отдела славяно-финской археологии, посвященное ее юбилею (рис. 2, 3, 4) (Мусин, Пескова, 2008. С. 239–242).

Ее не стало с нами в этой жизни 2 июля 2011 г. Она скончалась в Санкт-Петербурге и похоронена на Стрельнинском кладбище.

Академическая археология..., 2013 – Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.

Антипов, 2000 – Антипов И. В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в.: Каталог памятников. СПб., 2000.

Антипов, Ёлишин, 2016 – Антипов И. В., Ёлишин Д. Д. О статье М. В. Малевской-Малевиц // *Stratum plus*. Кишинев, 2016. № 5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века.

Гуревич и др., 1968 – Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

Кальянов, 2001 – Кальянов А. Ю. «Воочию увидеть на экране правдивое воплощение подвигов наших чудо-богатырей». История создания и деятельность Военно-кинематографического отдела Скобелевского комитета // Военно-исторический журнал. М., 2001. № 9.

Каргер, 1958–1961 – Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1.; 1961. Т. 2.

Малевская, 1962 – Малевская М. В. Амфора с надписью из Новогрудка // СА. 1962. № 4.

Малевская, 1963а – Малевская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище: (1960 г.) // КСИА. 1963. Вып. 96: Исследования памятников средневековья.

- Малевская*, 1963б – *Малевская М. В.* Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза: (итоги работ 1962 г.) // *Acta archaeologica Carpathica*. 1963. Т. 5. Fasc. 1/2.
- Малевская*, 1966 – *Малевская М. В.* К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // *Культура древней Руси*. М., 1966.
- Малевская*, 1969 – *Малевская М. В.* К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. // *КСИА*. 1969. Вып. 120: Средневековая археология.
- Малевская*, 1970 – *Малевская М. В.* Областные различия в керамике западнорусских земель X–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на 2-м Международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.). М., 1970.
- Малевская*, 1971 – *Малевская М. В.* К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // *КСИА*. 1971. Вып. 125: Памятники славяно-русской археологии.
- Малевская*, 1972 – *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи Новогрудка в X в.: (по материалам керамики) // *КСИА*. 1972. Вып. 129: Средневековые древности Восточной Европы.
- Малевская*, 1973 – *Малевская М. В.* Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV–XV вв.: (по раскопкам 1968 г.) // *КСИА*. 1973. Вып. 135: Славяно-русские древности.
- Малевская*, 1974 – *Малевская М. В.* Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974.
- Малевская*, 1980 – *Малевская М. В.* Зодчество западнорусских земель второй половины XIII–XIV вв. // IV Международный конгресс славянской археологии: Тез. докл. советской делегации. М., 1980.
- Малевская*, 1985 – *Малевская М. В.* Романо-готические элементы в архитектуре Западной Руси второй половины XII–XIV вв. // V Международный конгресс славянской археологии: Тез. докл. советской делегации. М., 1985.
- Малевская*, 1987 – *Малевская М. В.* Отчет о работе Волынского отряда Архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР 1986 года. Ленинград, 1987 // *НА ИИМК РАН*, РО. Ф. 35. Оп. 1 (1986 г.). Д. 5.
- Малевская*, 1988 – *Малевская М. В.* Исследования в Луцком замке и в с. Зимно // *АО* 1986. М., 1988.
- Малевская*, 1989 – *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII – XIV в. // *СА*. 1989. № 4.
- Малевская*, 1997а – *Малевская М. В.* Георгиевская церковь в Любомле и ее место в русском зодчестве второй половины XIII в. // *Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век: Сб. статей*. СПб., 1997.
- Малевская*, 1997б – *Малевская М. В.* Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // *Древнерусское искусство: исследования и атрибуции. Сб. статей*. СПб., 1997.
- Малевская*, 2005 – *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.
- Малевская*, 2016 – *Малевская М. В.* Церковь XIV в. на детинце Новогрудка // *Stratum plus*. Кишинев, 2016. № 5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века.
- Малевская и др.*, 1968 – *Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А.* Раскопки Ленковецкого поселения // *АО* 1967. М., 1968.
- Малевская, Пескова*, 1996 – *Малевская М. В., Пескова А. А.* Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Волынском // Проблемы изучения древнерусского зодчества: (По материалам Архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996.
- Малевская, Раппопорт*, 1978 – *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича // *Slovenská archeológia*. 1978. R. 36. С. 1.
- Малевская, Раппопорт*, 1979 – *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславле // *Зограф*. 1979. № 10.
- Малевская, Фоняков*, 1991 – *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Древний Торопец. Торопец, 1991. Т. 1.
- Малевская, Фоняков*, 2000 – *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Древний Торопец. Торопец, 2000. Т. 2.
- Малевская, Шолохова*, 1974 – *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* Раскопки культовых сооружений Новогрудского детинца XIV–XVII вв. // *АО* 1973. М., 1974.

- Малевская, Шолохова, 1975 – Малевская М. В., Шолохова Е. В.* Раскопки церковных построек на детинце Новогрудка // АО 1974. М., 1975.
- Марчук, 2016 – Марчук Г. С.* Археологія – її життя: історичний нарис. Луцьк, 2016.
- Мусин, Пескова, 2008 – Мусин А. Е., Пескова А. А.* Юбилей Марианны Владимировны Малевской // Записки ИИМК. СПб., 2008. № 3. С. 239–242
- Пунина, 2012 – Пунина И. Н.* Николай Николаевич Пунин (1888–1953) // К юбилею Факультета теории и истории искусств Института им. И. Е. Репина: 75 лет: Сб. СПб., 2012.
- Раппопорт, 1989 – Раппопорт П. А.* О времени появления брускового кирпича на Руси // СА. 1989. № 4.
- Раппопорт, 1993 – Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Станкевич Я. В.* Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. 1962. Вып. 87.

Приложение

Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевич

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-372-376

1962

Амфора с надписью из Новогрудка // СА. № 4. С. 238–241: ил.

1963

Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза: (итоги работ 1962 г.) // Acta archaeologica Carpathica. Т. 5. Fasc. 1/2. S. 61–76: ил.

Раскопки на Малом Торопецком городище: (1960 г.) // КСИА. Вып. 96. С. 72–78: ил.

1964

Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1962 г. // КСИА. Вып. 99. С. 116–119.

1965

Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1963 г. // КСИА. Вып. 104. С. 153–154.

О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. Вып. 104. С. 85–92: ил.

1966

К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура древней Руси / А. Л. Монгайт (отв. ред.). М.: Наука. С. 146–151: 1 л. ил.

По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями» // СА. № 1. С. 312–315 (в соавторстве с Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян).

Раскопки древнего Торопца // АО 1965. С. 176–178: ил.

Раскопки на Малом Торопецком городище в 1965 г. // Тез. докл. на Пленуме Института археологии 1966 г. Секция славяно-русской археологии. М. Кн. 1. С. 18–19.

1967

Археологические работы в Новогрудке // АО 1966. С. 268–270: ил.

Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г. // КСИА. Вып. 110. С. 54–61: ил.

1968

Восточное стекло в Древней Руси / АН СССР. ИА. Л.: Наука. 28 с.: 9 л. ил. Рус., англ. Библиогр.: с. 27 (в соавторстве с Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян).

Исследования в Новогрудке // АО 1967. С. 252–254.

Раскопки Ленковецкого поселения // АО 1967. С. 242 (в соавторстве с П. А. Раппопортом, Б. А. Тимощуком).

1969

Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тез. докл. к конференции по археологии Белоруссии (февраль 1970 г.). Минск. С. 185–191: ил.

К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 120. С. 3–14: ил.

Новогрудская экспедиция // АО 1968. С. 353–354 (в соавторстве с Ф. Д. Гуревич, К. В. Павловой и др.)

Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. № 3. С. 194–204: ил. Рез. фр.

1970

Областные различия в керамике западнорусских земель X–XIII вв. // Тез. докл. советской делегации на 2-м Международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.). М.: Наука. С. 30–33.

Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. // СА. № 4. С. 112–127: ил. Рез. фр.

1971

К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 125. С. 27–24: ил.

1972

Некоторые исторические связи Новогрудка в X в.: (по материалам керамики) // КСИА. Вып. 129. С. 14–20: ил.

1973

Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV–XV вв.: (по раскопкам 1968 г.) // КСИА. Вып. 135. С. 90–97: ил.

Некоторые исторические связи городов Черной Руси в X–XI вв.: (Материалы изучения керамики) // Этногенез белорусов: Тез. докл. на науч. конф. по проблеме «Этногенез белорусов» (3–6 декабря 1973 г.) / В. К. Бондарчик (отв. ред.). Минск. С. 37–39.

1974

Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче // Культура средневековой Руси / А.Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт (отв. ред.). Л.: Наука. С. 33–38: ил.

Раскопки культовых сооружений Новогрудского детинца XIV–XVII вв. // АО 1973. С. 376–377 (в соавторстве с Е. В. Шолоховой).

1975

Раскопки церковных построек на детинце Новогрудка // АО 1974. С. 391–392 (в соавторстве с Е. В. Шолоховой).

1976

Раскопки архитектурных памятников в Любомле и Владимире-Волынском // АО 1975. С. 354–355 (в соавторстве с Е. В. Шолоховой).

1977

Архитектурно-археологические исследования во Владимире-Волынском // АО 1976. С. 327–328 (в соавторстве с Е. В. Шолоховой).

1978

Декоративные керамические плитки древнего Галича // Slovenská archeológia. R. 36. С. I. S. 87–98: ил. Рез. нем. (в соавторстве с П. А. Раппопортом).

Исследование памятников архитектуры в Львове и Львовской области // АО 1977. С. 352–353 (в соавторстве с О. М. Иоаннисяном, И. Р. Могитичем, Р. В. Бучко).

Раскопки гражданской постройки XIV в. в Новогрудке // АО 1977. С. 420–421.

1979

Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // АО 1978. С. 360–362 (в соавторстве с А. И. Кос, М. Ф. Рожко, Е. В. Шолоховой).

Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. № 10. С. 30–39: ил. (в соавторстве с П. А. Раппопортом).

1980

Зодчество западнорусских земель второй половины XIII–XIV вв. // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. М.: Наука. С. 96–98.

1981

Архитектурно-археологические исследования в Львовской области // АО 1980. С. 277–278.

1983

Архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII–XIV вв. // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева (1–3 декабря 1981 г.) / Л. Д. Поболь (ред.). Минск: Наука и техника. С. 122–125: ил.

Рецензия: Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. / АН СССР. ИА. Л.: Наука, 1979 // СА. № 1. С. 299–302.

1984

Архитектурно-археологические исследования на Волыни // АО 1982. С. 291.

К вопросу о мозаичных полах в русском зодчестве X–XII вв. // Древнерусский город: (Материалы Всесоюзной археологической конф., посвящ. 1500-летию Киева, март 1982 г.) / П. П. Толочко (ред.). Киев: Наукова думка. С. 78–80.

1985

Исследование Луцкого замка // АО 1983. С. 309.

Постройки древнего Торопца // СА. № 4. С. 63–79: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Д. И. Фоянковым).

Романо-готические элементы в архитектуре Западной Руси второй половины XII–XIV // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М.: Наука. С. 157.

1986

Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // АО 1984. С. 267–268.

1987

Исследования церкви XII в. в Луцком замке // АО 1985. С. 365.

1988

Исследования в Луцком замке и в с. Зимно // АО 1986. С. 305–307.

1989

Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII–XIV в. // СА. № 4. С. 212–222. Рез. англ.

1990

Памяти Фриды Давыдовны Гуревич // СА. № 2. С. 281–283 (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

1991

Древний Торопец [Т. 1] / РАН. ИИМК. Торопец: ИИМК РАН, Торопецкая тип. 115 с. Библиогр.: с. 86–91 (в соавторстве с Д. И. Фоянковым).

1994

Новый памятник русской архитектуры XII в. и его судьба // Охраняется государством: Сб. материалов (ноябрь 1993 – июнь 1994): (К 150-летию со дня рождения Н. Н. Кондакова). III Российская научно-практ. конф. Вып. 4. Ч. 1. СПб.: С. 93–104.

1996

Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Вольнском // Проблемы изучения древнерусского зодчества: (По материалам Архитектурно-археологических чтений, посвящ. памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 57–60: ил (в соавторстве с А. А. Песковой).

1997

Георгиевская церковь в Любомле и ее место в русском зодчестве второй половины XIII в. // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век / О. Е. Этингер (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 259–268: ил. Рез. англ.

Гражданская постройка Новогрудского замка XIV в. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997: Сб. науч. ст. / Редкол.: С. В. Белецкий (сост.), А. Н. Кирпичников (отв. ред.) и др. СПб.; Псков: ИИМК, Псков. гос. объедин. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. Т. 2. С. 26–33: ил.

Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство: исследования и атрибуции: Сб. статей / Л. И. Лифшиц (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, С. 9–36: ил. Рез. англ.

1999

Дворец в Верхнем замке Луцка XIV в.: (По материалам археологических исследований) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тез. докл. / О. М. Иоаннисян (науч. ред.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 87–91.

2000

Древний Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения / РАН. ИИМК. Торопец: НИИХ СПбГУ. 187 с.: ил. (в соавторстве с Д. И. Фоянковым).

2005

Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История. 160 с.: ил. (Труды ИИМК; Т. 17).

2009

К вопросу об археологических исследованиях на территории Верхнего замка в Луцке // Записки ИИМК. № 4. С. 157–169: ил. Рез. англ.

2016

Церковь XIV в. на детинце Новогрудка // Stratum plus. № 5. С. 339–353: ил. Рез. англ.

Литература о Марианне Владимировне Малевской-Малевич

- Трусаў А. А.* Малёўская (Малёўская-Малевіч) Мар’яна Уладзіміраўна // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя / Рэдкал. В. В. Гетаў і інш. Мінск: БелЭн, 1993. С. 392–393: портр.
- Трусаў А. А.* Малёўская (Малёўская-Малевіч) Мар’яна Уладзіміраўна // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Г. П. Пашкоў (гал рэд.) [і інш.]. М.–Пуд. Мінск: БелЭн, 1999. Т. 5. С. 58.
- Марианне Владимировне Малевской-Малевич – 80 лет // АВ. 1999. № 6. С. 17: портр.
- Пескова А. А., Мусин А. Е.* Юбилей Марианны Владимировны Малевской // Записки ИИМК. 2008. № 3. С. 239–242: портр.
- Трусаў А. А.* Малёўская (Малёўская-Малевіч) Мар’яна Уладзіміраўна // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2. Л–Я / Рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. С. 57.
- Марчук Г. С.* Археалогія – її життя: історичний нарис. Луцьк: Твердиня, 2016. 48 с.: ил., портр.
- Антипов И. В., Ёлишин Д. Д.* О статье М. В. Малевской-Малевич // Stratum plus. 2016. № 5. С. 339–340.

*Составитель
Л. М. Всевиов*

ПЕРСОНАЛИИ

Лев Михайлович Всевиов

М. Е. Мазуренко¹

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-377-382

15 января 2018 г. главный библиотекарь Библиотеки ИИМК (Отдела БАН при Институте истории материальной культуры РАН) Лев Михайлович Всевиов встретил свое восьмидесятилетие. Откровенно скажем, что столь «весомая» дата не всем по плечу: не всякий человек в этом возрасте способен оставаться в отличной физической форме, сохранять ясность ума и творческие способности.

Но именно эти свойства остаются присущими юбиляру: он до сих пор находится на переднем крае библиотечно-библиографической работы. Более чем пятидесятилетний стаж в библиотеке Института (с 1965 г.) доказывает удивительную работоспособность юбиляра, его привязанность к выбранному пути, его стойкость на этом поприще, где он прошел путь от библиотекаря до заведующего отделом. Когда же вышел официальный срок заведования в 2008 г., то он остался служить, ничуть не умаляя своего достоинства и не пренебрегая многочисленными обязанностями рядового сотрудника.

Деловые качества Л. М. Всевиова признаны Библиотекой Академии наук: многие годы он избирался в состав всевозможных комиссий и по сей день является членом Ученого совета БАН. Четко выполняя свои прямые обязанности, юбиляр в течение многих десятков лет вел и продолжает вести кропотливую работу по составлению широко известного в стране и за рубежом многотомного библиографического указателя «Археологическая литература стран СНГ» (ранее «Советская археологическая литература»), который востребован

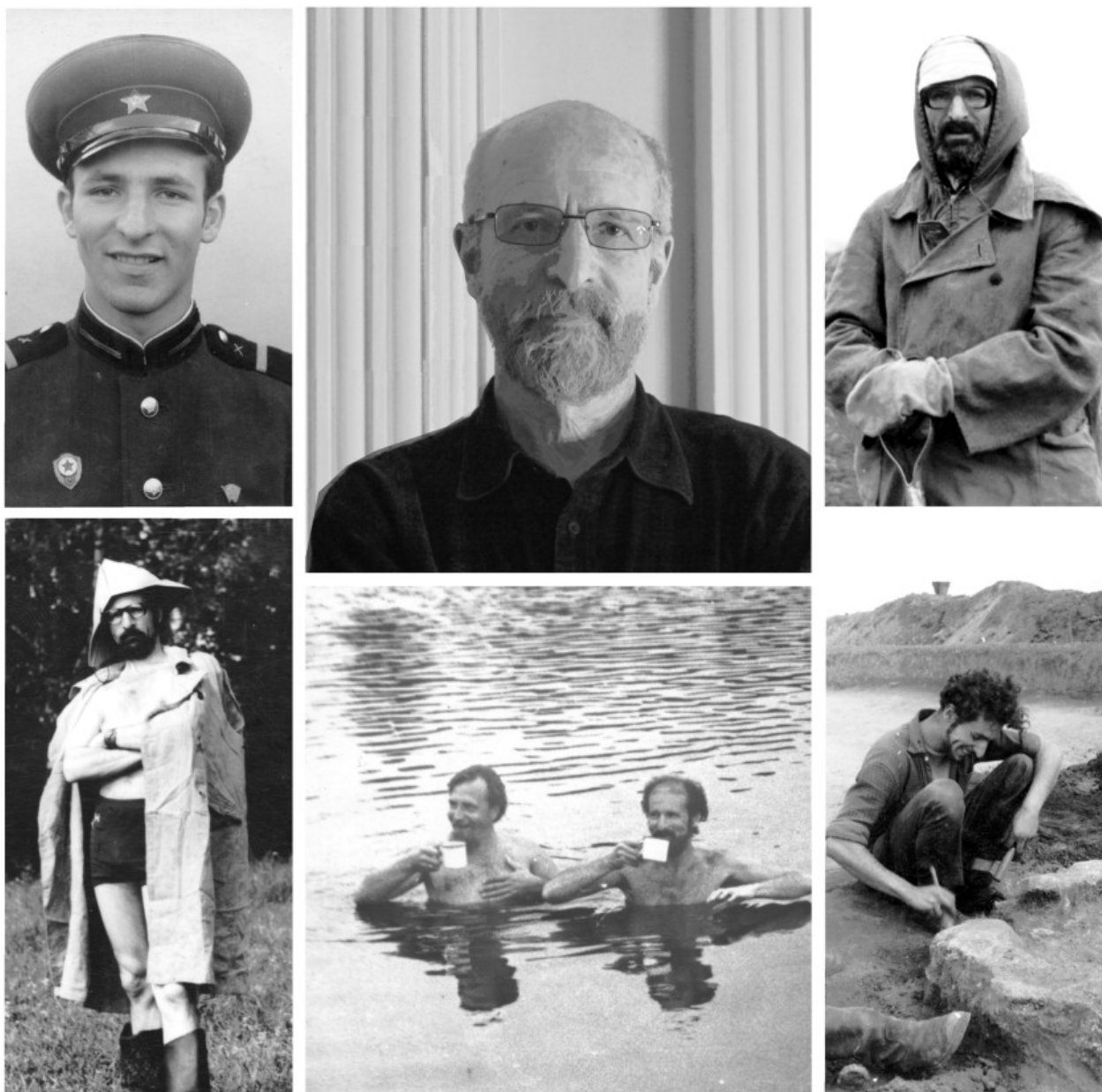
специалистами различных направлений исторической науки. В настоящее время указатель ежедневно пополняется в электронной форме и доступен всем читателям библиотеки.

Помимо работы над указателем Лев Михайлович систематически выполняет заявки на составление библиографических списков сотрудников Института и специалистов из других научных заведений в честь их юбилейных дат, организует тематические выставки к конференциям Института или по случаю знаменательных событий археологической науки, проводит лекции и экскурсии, где знакомит посетителей с историей библиотеки и ее книжных фондов.

Служба в библиотеке никоим образом не подорвала связь юбиляра с выбранной ранее профессией: Лев Михайлович – археолог, окончил кафедру археологии Ленинградского университета в 1964 г. Его преподавателями в вузе были Т. Д. Белановская, П. И. Борисковский, Б. Б. Пиотровский, А. Л. Шапиро, Л. С. Клейн и другие; главным «полевым» учителем стала М. А. Тиханова. Он был участником многочисленных археологических экспедиций в разных уголках страны – от северных морей до Кавказа, от Украины до Средней Азии.

Завидное трудолюбие, глубокие знания, усердие, внутренняя дисциплина, спокойствие и выдержка всегда отличали юбиляра на протяжении его трудового пути. Эти качества, а также открытость для всего нового, уважение к окружающим, тактичность и удивительное чувство юмора завораживают не только старшее, но и юное поколение. Все – от мала до велика – находят искреннюю радость в общении с юбиляром.

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел БАН при Институте истории материальной культуры РАН.

Наш мудрый, добрый Лев – всегда прекрасен,
 Как мир неповторим,
 Как жизнь многообразен.

Lev Mikhaylovich Vseviov

По случаю восьмидесятилетнего юбилея Льва Михайловича Всевиова коллектив библиотеки, сотрудники БАН, ИИМК, СПбГУ, Гос. Эрмитажа, а также многочисленные почитатели его талантов

в России и стран ближнего и дальнего зарубежья выражают ему глубокое уважение и признательность, желают ему крепкого здоровья и душевной бодрости!

Список опубликованных работ Л. М. Всевиова**1969**

Советская археологическая литература: Библиография. 1958–1962 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 414 с. (соавт.: Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова).

1975

Советская археологическая литература: Библиография. 1963–1967 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. 472 с. (соавт.: Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова, А. Г. Рытов).

1980

Советская археологическая литература: Библиография. 1968–1972 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. 558 с. (соавт.: Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина).

1983

К вопросу об эффективности использования библиографического указателя «Советская археологическая литература» // Эффективность информационно-библиографического обслуживания. Л. С. 86–92.

Советская археологическая литература: Библиография. 1973–1975 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. 376 с. (соавт.: Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина).

1986

Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1976–1978 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. 384 с. (соавт.: Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина).

1989

Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1979–1981 / АН СССР. БАН. Ин-т археологии. Л.: Наука. 472 с. (соавт.: Р. Ш. Левина, Т. Н. Заднепровская).

1990

Список работ доктора исторических наук Л. П. Хлобыстина // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М. С. 400–405.

1992

Основные опубликованные труды П. А. Раппопорта по истории домонгольского зодчества // *Russia mediaevalis*. Т. 7, № 1. С. 178–179 (соавт.: М. И. Мильчик).

Советская археологическая литература за 1990 г. // РА. № 4. С. 224–243.

Список работ М. А. Тихановой // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. С. 10–13.

1993

Отечественная литература по подводной археологии: библиографические обзоры // Изучение памятников морской археологии. СПб. С. 123–146.

Список работ Дмитрия Алексеевича Мачинского // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. С. 13–14.

1994

Список печатных работ В. Д. Белецкого // Памятники средневековой культуры. СПб. С. 16–21.

1995

Археологические съезды в России и археологические пленумы в СССР: Библиографический обзор // Церковная археология. СПб.; Псков. Ч. 3. С. 109–117.

1996

Археологическая литература за 1991 год: библиографический указатель // РА. № 3. С. 225–240.

1997

Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1982–1984 / РАН. БАН. Ин-т истории материальной культуры (Петербург). СПб.: БАН. 452 с. (соавт.: Р. Ш. Левина).

Список печатных работ В. Д. Белецкого // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 1. С. 18–22.

Список печатных работ Д. А. Мачинского // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев. С. 7–9.

Список печатных трудов М. Б. Щукина // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев. С. 10–14.

1998

Василий Прокофьевич Любин: Список научных трудов // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб. С. 10–25.

Отечественная литература по истории судового дела: Библиография // Изучение памятников морской археологии. СПб. Вып. 3. С. 216–225.

Список печатных работ В. Д. Белецкого // РА. № 1. С. 249–252.

1999

Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель // Институт истории материальной культуры. СПб. 43 с., 1 л. портр.

Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1985–1987 / РАН. БАН. Ин-т истории материальной культуры (Петербург). СПб.: БАН. 518 с. (соавт.: Р. Ш. Левина).

Список научных работ А. Н. Кирпичникова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 237–253.

Список печатных работ Валентина Александровича Булкина // Seminarium Bulkinianum. СПб. С. 11–22.

2002

Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель с дополнениями / Институт истории материальной культуры. Бишкек. 47 с.: портр.

Памяти Татьяны Николаевны Заднепровской (1926–2001) // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества. Новая серия. Т. 1 (26). С. 515–520: портр. (соавт.: В. П. Никоноров).

Список опубликованных работ М. П. Грязнова. Литература о М. П. Грязнове // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. 1. С. 10–17.

2003

Список научных печатных работ Г. Ф. Коробковой // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб. С. 15–30.

Список опубликованных работ П. И. Борисковского // Stratum plus. 2001/03. № 1. С. 15–20 (соавт.: Н. Д. Праслов).

Bibliography of Alexander Nikolaevič Ščeglov // Black Sea studies. Vol. 1. С. 11–27.

2004

Издания, подготовленные сотрудниками ИИМК РАН в 1998–2002 гг. // АВ. № 11. С. 430–432.

Печатные работы А. Н. Кирпичникова: Хронологический указатель // Анатолий Николаевич Кирпичников: Библиография. СПб. С. 19–61.

Список научных печатных работ А. Н. Щеглова // Херсонесский сборник. Вып. 13. С. 5–19.

2005

Список опубликованных работ З. А. Абрамовой // Зоя Александровна Абрамова: Библиография. СПб. С. 26–47.

2006

Олег Владимирович Овсянников. Хроника научной жизни: Публикации и информации // Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона. Архангельск. Ч. 2. С. 165–193.
Памяти Рахили Шнееровны Левиной // АВ. № 13. С. 373–374: портр.

2007

Василий Прокофьевич Любин: Список научных трудов // Труды ИИМК. Т. 26. С. 11–20.
Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1988–1991 / РАН. БАН. Ин-т истории материальной культуры (Петербург). СПб.: БАН. 855 с.
Список печатных работ Валентина Александровича Булкина: (1999–2007) // *Seminarium Bulkinianum*. Вып. 2. С. 27–29.
Список публикаций В. Я. Шумкина // Кольский сборник. СПб. С. 251–258.

2009

[Издательская деятельность ИАК] // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб. Гл. 1. С. 219–224.
Список печатных работ участников Славяно-Варяжского семинара по варяжской тематике // *Клейн Л. С.* Спор о варягах. СПб. С. 310–342.
Список печатных работ М. Б. Щукина за 1998–2008 гг. // РА. № 2. С. 191.

2010

Список печатных работ Е. Н. Носова // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 14–24.

2011

Материалы к библиографии М. Б. Щукина // Европейская Сарматия: XIV чтения памяти А. Мачинской. СПб. С. 25–38 (соавт.: С. В. Воронятов, В. Ю. Зувев).
Список печатных работ М. Б. Щукина // Петербургский апокриф. СПб.; Кишинев. С. 31–37 (соавт.: О. В. Шаров, Ю. А. Каргапольцев).

2012

Археологическая литература стран СНГ: Библиографический указатель. 1992–1994 / РАН. БАН. Ин-т истории материальной культуры (Петербург). СПб.: БАН. 430 с.
Список научных работ Ф. Д. Гуревич // Записки ИИМК. Вып. 7. С. 240–244.
Список научных трудов Е. А. Рябининой // *Stratum plus*. № 5. С. 25–29.
Список опубликованных работ Михаила Петровича Грязнова: (Дополнения по материалам личного архива и печатным работам, опубликованным после 2002 г.) // М. П. Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. СПб. С. 55–62 (соавт.: Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская).
Список печатных работ Вал. А. Булкина (2007–2012) // *Seminarium Bulkinianum*. СПб. Вып. 3. С. 9–10 (соавт.: И. В. Антипов).
Список печатных работ Н. Н. Гуриной // Мезолит и неолит Восточной Европы. СПб. С. 9–17.

2013

Из истории библиотеки ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы. СПб. С. 318–326: портр. (соавт.: Р. Ш. Левина).

Олег Владимирович Овсянников: Археологические экспедиции и участие в научных конференциях // Лодия. 2010. № 7. С. 10–23: портр.

Олег Владимирович Овсянников: Библиография научных трудов и публикаций // Лодия. 2010. № 7. С. 24–38.

Список научных трудов С. В. Белецкого // Stratum plus. № 5. С. 29–39.

2014

Список печатных работ Г. П. Григорьева // Замятинский сборник. Вып. 3. С. 17–23.

Список печатных работ Ю. М. Лесмана // Stratum plus. № 5. С. 38–42.

Список трудов А. Н. Кирпичникова // Stratum plus. № 6. С. 27–44.

2015

Список научных трудов М. Ю. Вахтиной // БИ. Вып. 31. С. 7–16.

Список научных трудов В. А. Горончаровского // БИ. Вып. 31. С. 35–44.

Список научных трудов К. К. Марченко // БИ. Вып. 31. С. 19–31.

Список научных трудов В. Е. Щелинского // Следы в истории. СПб. С. 56–60.

2016

Археологическая литература стран СНГ: Библиографический указатель. 1995–1997 / РАН. БАН. Ин-т истории материальной культуры (Петербург). СПб.: БАН. 498 с.

Список научных работ Л. Л. Барковой // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 155–158 (соавт.: Л. С. Марсадилов, В. Б. Семенова, Е. В. Степанова).

Список научных трудов Л. Я. Крижевской // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб. С. 16–20.

Список печатных работ Б. А. Раева // Stratum plus. № 4. С. 21–25 (соавт.: О. В. Шаров).

2017

Библиография научных работ А. А. Песковой // Труды ИИМК. Т. 48. С. 37–42.

Список научных трудов В. И. Тимофеева // Самарский научный вестник. № 3. С. 71–78.

Список научных работ В. И. Денисовой (Пругло) // АВ. № 27. С. 437–439.

[В печати]

Список научных трудов доктора исторических наук, профессора В. П. Любина: К 100-летию юбилею.

Список научных трудов В. П. Шилова.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Л. М. Всевиов¹

Аннотация. В статье обобщается материал по издательской деятельности Императорской Археологической комиссии (ИАК), дается характеристика, структура и задачи, стоявшие перед учрежденными ею изданиями.

Annotation. This paper summarizes the information on the publishing activities of the Imperial Archaeological Commission (IAC) and presents a characterisation, structure and objectives put forth before the editions founded by it.

Ключевые слова: Императорская Археологическая комиссия, издательская деятельность.

Keywords: Imperial Archaeological Commission, publishing activities.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-383-400

Созданная в феврале 1859 г. Указом Александра II Императорская Археологическая комиссия была призвана осуществлять производство и надзор над всеми археологическими изысканиями в России. Найденные во время раскопок вещи представлялись на воззрение государя, а затем и на обозрение общественности. Выставки сопровождались изданием соответствующих каталогов. Значительный масштаб работ и обилие получаемого материала диктовали необходимость введения этого материала в научный оборот. Результаты исследований стали публиковаться в ежегодных отчетах. Всего с 1859 по 1881 г. был издан 21 том «Отчетов Императорской Археологической комиссии» (ОАК) параллельно на русском и французском языках. Все тома сопровождались отдельными, прекрасно изданными Атласами большого формата. Последний изданный таким образом отчет был сводным за 1882–1888 гг. с альбомом к нему. В дальнейшем до 1916 г. ОАК публиковались только по-русски. Широко разбросанные на территории Российской империи археологические раскопки и явно ощущаемая нехватка квалифицированных специалистов-археологов заставили Комиссию обратить внимание на разработку методических пособий. Эту миссию взял на себя выдающийся русский археолог А. А. Спицын. С 1895 по 1910 г. им было опубликовано под гри-

фом Императорской Археологической комиссии три работы по методике производства археологических раскопок и разведок.

Публикацией в 1866 г. «Древностей Геродотовой Скифии» было положено начало создания серии «Материалы по археологии России» (МАР). Всего по 1918 г. включительно было издано 37 томов. В серии публиковались весьма подробные отчеты о раскопках и исследованиях на всем пространстве России, однако большую часть издания занимали монографические описания как отдельных видов памятников, так и исследования больших территорий. Все выпуски МАР готовились к печати очень тщательно, проводилась большая работа не только авторами, но самим руководством Археологической комиссии. Весьма показательным в этом отношении издание «Сибирских древностей» В. В. Радлова (НА ИИМК, РО. Ф. 1. 1883. № 46). Для полноты исследования и последующей публикации необходимо было просмотреть материалы экспедиции в Сибирь академика Г. Ф. Миллера, хранящиеся в различных архивах и учреждениях. Разыскания этих материалов Комиссия поручила старшему ее члену барону В. Г. Тизенгаузену. В недрах Рукописного архива ИИМК хранится часть бюрократической переписки председателя Комиссии графа А. А. Бобринского по этому вопросу. Характерна в этом отношении его переписка с директором Московского Главного архива Министерства иностранных дел бароном Ф. А. Бюлером (в ИИМК хранятся только документы, исходящие

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Библиотека ИИМК = Отдел БАН при Институте истории материальной культуры РАН, гл. библиотекарь.

из Комиссии). Почтительно было испрошено разрешение барону В. Г. Тизенгаузену на работу в архиве для выявления нужных рукописей. Барон исправно трудился и обнаружил там «рисунок сибирской каменной бабы с рунической надписью и 16 рисунков... с так называемых писаниц». Копии с этих рисунков было решено поместить в 3-м выпуске «Сибирских древностей». Граф А. А. Бобринский попросил разрешения переправить эти рисунки в Санкт-Петербургский архив этого же министерства на предмет их фотографирования. Как явствует из официального Рапорта Председателя Императорской Археологической комиссии на имя министра Императорского Двора, барон Ф. А. Бюлер отказал в просьбе и предложил сделать все в Москве, причем стоить это все будет 100 (!) руб. Возмущенный граф вынужден был написать официальную жалобу, причем подписался не как председатель Комиссии, а как гофмейстер Двора его величества. Он не преминул сообщить о нехватке денежных средств у Археологической комиссии, а также о существующей возможности сделать фотографии в Петербурге бесплатно, мельком заметив о такой возможности у другой, Археологической, комиссии, которая пользуется материалами Московского архива в Петербурге, приложив копии соответствующих документов. После всех перипетий поступило высочайшее соизволение уже прямо в Министерство иностранных дел, и нужные документы были получены (что случилось со злополучным бароном Ф. А. Бюлером, неизвестно). Нелишне будет заметить, что переписка длилась с 20 октября 1889 г. по 30 апреля 1893 г. Гораздо более продуктивно было сотрудничество с Академией наук и ее Библиотекой. Просьбы и о. председателя барона В. Г. Тизенгаузена, хотя и не без проволочек, достаточно быстро исполнялись. Провинциальные учреждения, не в пример столичным, были гораздо доброжелательнее к просьбам из столицы. Так, на пожелание барона в письме к Г. Н. Потанину получить в свое распоряжение подробную опись «коллекции древних металлических вещей», хранящихся в музее Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества и рисунки наиболее замечательных из них, был дан самый положительный ответ.

В свою очередь, музей просил прислать 100 экземпляров оттисков рисунков и таблиц, если таковые будут сделаны.

Все тома «Материалов по археологии России» издавались на высочайшем для того времени научном уровне, полиграфическая культура исполнения также заслуживает всяческих похвал. До настоящего времени «Материалы по археологии России» служат образцом серийного издания и пользуются большой популярностью у современных исследователей, достаточно сказать, что в Библиотеке ИИМК МАР являются одним из наиболее спрашиваемых читателями изданий.

5 (19) октября 1894 г. один из самых деятельных и инициативных членов Археологической комиссии А. А. Спицын подал «Представление», в котором, отметив важность и полезность издаваемых «Отчетов» и «Материалов по археологии России» для археологической науки и всех тех, кто ею интересуется, выразил мнение, что эти издания не отражают всю полноту археологических изысканий, производимых Комиссией (НА ИИМК, РО. Ф. 1. 1894. № 199). Спицын писал: «Имею честь представить, не признает ли она [Комиссия] желательным предпринять, наряду с дорогостоящим изданием "Материалы по археологии России", еще издание "Сборника материалов по археологии России", в который полностью входили бы все отчеты и описания, не нашедшие места в "Материалах", и которые издавались бы возможно дешевым способом. Если Комиссия сочла бы возможным принять предложение А. А. Спицына, то, по его мнению, ежегодные издания приняли бы следующую стройную систему:

1) Отчет о действиях Комиссии за истекший год, в который войдет резюме всех представленных в Комиссию поданных отчетов и краткое описание полученных древностей.

2) Томы "Сборников материалов по археологии России", в которые войдут поданные отчеты о раскопках второстепенного значения и достаточно подробное описание поступивших в Комиссию случайных предметов древностей.

3) Выпуск или два "Материалов", заключающих какую-либо монографию.

"Отчет" и "Сборник" выходят в малом формате, "Материалы" в большом».

Представление поступило в Комиссию 24 октября 1894 г. и было заслушано, однако дальнейшая судьба этого документа не прослеживается. Только несколько лет спустя этому проекту был дан ход. В предисловии к первому выпуску «Известий» редакция, сообщая о выходе нового повременного издания, практически повторяла доводы А. А. Спицына, изложенные в его «Представлении».

В июне 1901 г. в типографию Главного Управления уделов из Археологической комиссии за подписью товарища председателя В. В. Латышева было направлено письмо, в котором сообщалось, что издаваемые Комиссией «Известия» должны быть напечатаны в количестве 875 экземпляров на простой и 25 экземпляров на веленовой бумаге, всего 900 экземпляров (НА ИИМК, РО Ф. 1. 1901. № 49).

В августе того же года типографию просили приступить к набору статьи К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе, эта статья вместе с другими, присланными позже, и составит первый выпуск «Известий». Уже в ноябре того же 1901 г. выпуск был представлен министру Императорского Двора «для всеподданнейшего поднесения Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице Александре Федоровне» (Там же).

Всего с 1901 по 1918 г. вышло в свет 66 выпусков «Известий» (ИАК). Структура их была весьма своеобразна. Некоторые выпуски дополнялись отдельными «Прибавлениями» и имели собственный подзаголовок «Хроника и библиография», всего таких прибавлений насчитывалось 32 тома. В собственно «Известиях» печатались отчеты о проводимых Комиссией работах, статьи об отдельных памятниках и предметах, найденных в результате раскопок. В «Хрониках» же освещалась деятельность научных учреждений и ученых обществ, музеев. Давались «сведения о раскопках, памятниках древности, кладях и находках и разные известия» о состоянии памятников на местах и их охране или небрежении по отношению к ним. Все сведения, попадавшие на страницы «Хроник», брались из сообщений газет, как столичных, так и губернских.

В этих томах имелся, в отличие от других повременных изданий, раздел «Библиография», где

помещались сведения о некоторых, наиболее важных с точки зрения редакции вышедших в предшествующем году монографиях и сборниках. Очень важными были два раздела: 1) Обзор повременных изданий, выходящих в России и за рубежом, и 2) Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России. Круг расписываемых журналов был чрезвычайно широк, от крупных и солидных до мелких провинциальных изданий. Например, в «Хрониках» за 1908 г. было расписано 41 повременное издание, а в не самом лучшем для России 1917 г. – 69 изданий. Очень жаль, что современный читатель – продвинутый пользователь Интернета – не обращается к содержанию этих разделов, а между тем именно там можно почерпнуть самую любопытную и порой неожиданную информацию. Кроме того, в отдельных томах давалась, выражаясь современным языком, экспресс-информация о самых важных и сенсационных на данный момент археологических событиях. Так, в «Прибавлениях» к 50-му выпуску ИАК была перепечатана статья из газеты «Новое время» от 19 июля 1913 г. с поправками автора графа А. А. Бобринского о находке знаменитого гребня из кургана «Солоха».

Большое значение в работе Археологической комиссии придавалось проблемам сохранения и реставрации памятников архитектуры, именно этой проблематике посвящалась в рамках ИАК подсерия «Вопросы реставрации», всего их насчитывалось 19 номеров. В «Вопросах» печатались протоколы реставрационных заседаний Комиссии, сведения о сохранности памятников деревянного и каменного зодчества, тексты всегда сопровождались иллюстрациями прекрасного качества. Эти выпуски содержат множество фотографий архитектурных объектов, навсегда исчезнувших в силу тех или иных обстоятельств, и поэтому они очень важны для современных исследователей.

Помимо серийных и повременных изданий Археологическая комиссия предпринимала издания монографического плана, в числе известных работ, напечатанных ею, труды всемирно известных ученых Я. И. Смирнова, В. В. Латышева, М. И. Ростовцева и др. Для осуществления подобных начинаний предпринимались подчас огромные затраты сил и энергии. Ряд работ имел не только

научное, но даже политическое значение. Именно таковым было гигантское предприятие по описанию и изданию рисунков и чертежей мечетей эпохи Тамерлана в Самарканде – части сравнительно недавно присоединенного к Империи Туркестанского края.

В 1895 г. была организована археологическая экспедиция в Самарканд под руководством старшего члена Археологической комиссии профессора Н. И. Веселовского, работы планировалось закончить через три-четыре года. Исследование велось помимо руководителя двумя художниками, двумя архитекторами и фотографом. В архиве ИИМК имеются подробные материалы по финансированию и отчетности экспедиции (НА ИИМК, РО. Ф. 1. 1895. № 69).

Организация подобных работ за пределами империи подтверждала включение этих земель в империю и необходимость изучения памятников старины этих районов как памятников именно всероссийского, а далеко не регионального значения. Осенью 1895 г. Самарканд посетил председатель Комиссии граф А. А. Бобринский. Убедившись в высокой степени организации исследований и придавая «национальное значение по своей важности и по лежащей на России обязанности относительно столь исключительных памятников старины» (Там же. Л. 82), он просит министра финансов С. Ю. Витте на окончание работ еще 12 тысяч руб. В ноябре 1898 г. председатель Комиссии сообщил С. Ю. Витте об окончании большей части работ и «возможности приступить к первому выпуску издания Самаркандских мечетей, в коем предлагается описать мавзолей Тамерлана, и Комиссия, в лице А. А. Бобринского и Н. И. Веселовского, готова представить С. Ю. Витте планы, фасады, детали, надписи» (Там же. Л. 244).

Многотомное издание предполагалось осуществить не только в достойном полиграфическом исполнении. В письме министру финансов от 25 января 1899 г. граф А. А. Бобринский определил смету приблизительно в 13 тысяч руб., ибо издание это «должно быть образцовым, в европейском смысле, как с технической стороны, так и художественной» (НА ИИМК, РО. Ф. 1. 1895. № 69а. Л. 1), и поэтому работы должны производиться в Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Текст предполагалось изготовить на лучшей бумаге (тряпичной), и поскольку подобная бумага в России, как дипломатично пишет граф, «изготавливается не столь изящно» (Там же. Л. 2), то он просит закупить ее за границей и освободить от таможенных пошлин. Подобное издание можно было бы поднести высочайшим особам, и для казны имела известная выгода (одна таблица вместо 4590 руб. обошлась бы в 4451 руб.). Дело двигалось достаточно быстро, и 5 февраля 1899 г. по всеподданнейшему докладу министра финансов «последовало Высочайшее соизволение на отпуск из Государственного Казначейства тринадцати тысяч рублей на покрытие расходов по изданию Императорской Археологической комиссией Описания Самаркандских мечетей» (Там же. Л. 11). После утверждения сметы на запрошенную сумму Экспедиция сообщила Комиссии о посылке ей трех образцов тряпичной бумаги и просила сообщить о сделанном выборе.

Сразу же по получении кредита 3 марта 1899 г. было созвано Собрание по изданию Самаркандских древностей, на заседании присутствовали не только члены Археологической комиссии, но и приглашенные представители Академии наук и Академии художеств. Председатель комиссии сообщил об окончании подготовительных работ, об отпуске нужной суммы и о том, что собравшиеся ученые-востоковеды, архитекторы, художники должны всесторонне обсудить план Н. И. Веселовского по изданию первого выпуска, посвященного описанию мечети Гур-Эмир. Н. И. Веселовский доложил, что в первом выпуске предполагается поместить 11 таблиц, а весь текст заключить в четыре главы: 1. Вступление; 2. Архитектурное описание; 3. Публикация надписей с переводом; 4. Исторические сведения, причем вторая глава уже написана П. П. Покрышкиным и А. В. Щусевым. В результате обсуждения было предложено произвести анализ цемента постройки, изложить технику изготовления всех типов изразцов, их окраски и позолоты, а также поместить красочные рисунки наиболее типичных изображений. Собрание рекомендовало издать непосредственно только том исследований Гур-Эмира, изложив общие положения о такого рода постройках во

вступительной части. Было решено просить Управление Экспедицией заготовления государственных бумаг о возможности печатать рисунки, слабо сделанные карандашом, техникой гелиографуры, надписи же сделать фототипическим методом. Текст предполагалось скомпоновать параллельно на русском и французском языках. Тираж выпуска был определен в 1000–1500 экземпляров. Совещание выразило желание оказывать всестороннюю помощь в дальнейшей издательской работе.

Подобное начинание вызвало общественный интерес, читающая публика была информирована «Петербургской газетой» в № 55 от 25 февраля 1899 г. и «Московскими ведомостями» в № 58 от 27 февраля того же года о подготовке издания и об отпуске на него денежных средств.

Первый выпуск издания предполагалось выставить на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Однако выпуск задержался, и только 27 апреля 1905 г. председатель Археологической комиссии был уведомлен, что его ходатайство о посвящении

тома императрице Александре Федоровне удовлетворено. Два экземпляра первого выпуска «Описание Самаркандских мечетей», и, как оказалось, последнего, были препровождены для вручения императору и императрице.

В заключение надо отметить высокую востребованность изданий Археологической комиссии и в настоящее время. В беседе в редакции журнала «Родина» академик РАН Н. А. Макаров сказал: «В конце XIX века издания Императорской Археологической комиссии с прекрасными фотографиями древних вещей и архитектурных памятников задали высочайший стандарт археологических публикаций. Мы стараемся следовать этой традиции, ведь археологические издания должны давать исчерпывающее представление об облике древних вещей. Многие книги по археологии, изданные в последние годы, приятно взять в руки, и, можно надеяться, что у них будет такая же долгая жизнь, как и у изданий Императорской археологической комиссии» (Макаров, 2008. № 4. С. 36).

Макаров, 2008 – Макаров Н. А. «А се кони Турабиевы...» [о сегодняшнем и завтрашнем дне российской археологии]: интервью с директором Института археологии РАН Н. Макаровым / Н. А. Макаров; беседовал А. Ганин // Родина. М., 2008. № 4. С. 33–36.

НА ИИМК, РО. Ф. 1. 1883. № 46: «Об издании и рассылки Сборника Сибирских древностей»; 1894. № 199: «Об издании «Сборника материалов по археологии России»; 1895. № 69: часть I «О снаряжении ученой экспедиции в Самарканд для научного описания памятников древнего зодчества и издание их»; № 69а: часть II «О снаряжении ученой экспедиции в Самарканд для научного описания памятников древнего зодчества и издание их»; 1901. № 49: Об издании «Известии Императорской Археологической Комиссии».

The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission

L. M. Vseviiov

The Imperial Archaeological Commission (IAC) instituted by a decree of Alexander II in February, 1859, was intended for carrying out and supervision over all the archaeological work in the Russian Empire. Simultaneously, the results of these investigations began to be published in editions, both serial and monographic, founded by the Commission in different years. From 1859 to 1916, volumes of the ‘Reports of the Imperial Archaeological Commission’ (OAK) were issued first in Russian and French and since 1889 only in Russian. In 1895–1910, Alexander A. Spitsyn published under the auspices of IAC three works on the methods of

conduction of archaeological excavations and surveys. In 1866, with the «Drevnosti Gerodotovoy Scythia» (Antiquities of Herodotus’ Scythia), publication of the series «Materialy po arkheologii Rossii» (Materials on the archaeology of Russia – MAR) was started which continued until 1918. In total, 37 volumes saw light. In 1894, A. A. Spitsyn became an initiator of yet another serial edition of the Imperial Archaeological Commission «Izvestiya IAC» (Proceedings of IAC). From 1901 to 1918, 66 issues of the Proceedings had been published. In addition to the serial publications, IAC realized issuing of monographic works. Among the most

known studies published were the works by the prominent scholars Ya. I. Smirnov, V. V. Latyshev, M. I. Rostovtsev et al. Among the truly grandiose events there was the preparation to publication of Nikolay I. Veselovskiy's investigations of the Gur-Emir mosque

in Samarkand. All the editions of IAC were prepared with special carefulness, accompanied by excellent photographs and drawings. The polygraphic quality of the editions is also above all praises. Until now, they all are claimed by modern readers.

Издания Императорской Археологической комиссии

I. Материалы по археологии России (МАР). 1866–1918

№ 1. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. Вып. 1. 1866. Текст [6]. 28, XVI с.: ил.

Атлас. 23 л. ил.

№ 2. То же. Вып. 2. 1872. Текст. С. 29–118, XVII–СХХVII: ил.

Атлас. 23 л. ил.

№ 3. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. 1888. IV, 40, 20 с.: ил., 7 л. ил., карт.

№ 4. Древности Северо-Западного края. Т. 1. Вып. 1. *Авенариус Н. П.* Дрогочин Надбужский и его древности. Описание некоторых древностей, найденных в Витебской губ.: Сост. по материалам Императорской Археологической комиссии. 1890. 60 с.: ил., 8 л. ил., карт.

№ 5. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. 1891. С. 41–80; 52 с.: ил., 8 л. ил.

№ 6. Древности Южной России. Т. 1. *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. 1891. 30 с.: ил., 4 л. ил.

№ 7. Древности Южной России. Т. 2. *Мальмберг В. К.* Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг.; *Орешиников А. В.* Обзорение монет, найденных при херсонесских раскопках в 1888 и 1889 гг. 1892. 46 с.: ил., 4 л. ил.

№ 8. Древности Южной России. Т. 3. *Стржиговский И., Покровский Н. В.* Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. 1892. 37 с.: ил., 5 л. ил.

№ 9. Древности Южной России. Т. 4. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 гг. 1892. 4, 64 с.: ил., 1 л. ил.

№ 10. *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. 1893. 63, 31 с.: ил., 15 л. ил.

№ 11. Древности Юго-Западного края. *Антонович В. Б.* Раскопки в стране древлян. 1893. 78 с.: ил., 7 л. ил.

№ 12. Древности Южной России. Т. 5. *Бертье-Делагард А. А.* Раскопки Херсонеса. 1893. 64 с.: ил.

№ 13. Древности Южной России. Т. 6. *Лаппо-Данилевский А. С., Мальмберг В. К.* Курган Карагоде-уашх. 1894. 192 с.: ил., 9 л. ил.

№ 14. Древности Северо-Западного края. Т. 1. Вып. 2. Люцинский могильник. 1893. 49, 36 с.: ил., 15 л. ил.

№ 15. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. 1894. 146, XIX с.: ил., 8 л. ил.

№ 16. Древности Закаспийского края. *Жуковский В. А.* Развалины старого Мерва. 1894. [4], 217 с.: ил., 8 л. ил.

№ 17. Древности Южной России. Т. 7. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. 1895. 86 с.: ил., 1 л. ил.

№ 18. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. 1895. XVI, 156 с.: ил., 14 л. ил.

№ 19. Древности Южной России. Т. 8. *Кулаковский Ю. А.* Две керченские катакомбы с фресками + Прил. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. 1896. 72. с.: ил., 14 л. ил.

№ 20. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / обработал для издания А. А. Спицын. 1896. 124 с.: ил., 20 л. ил., карт.

№ 21. Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора. 1897. 46 с.: ил.

№ 22. *Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. 1899. [4], 44 с.: ил., 1 л. ил.

№ 23. Древности Южной России. Т. 9. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. 1899. 74 с.: ил.

№ 24. Древности Южной России. Т. 10. *Жебелёв С. А.* Пантикапейские Ниобиды. 1901. 54 с.: ил., 3 л. ил.

№ 25. *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. 1901. 119 с.: ил., 30 л. ил.

№ 26. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова: Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына. 1902. 70 с.: ил., 39 л. ил.

№ 27. *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 2. Вып. 1. 1902. 36 с.: ил., 6 л. ил.

№ 28. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска. 1902. 136 с.: ил., 14 л. ил.

№ 29. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова / обработал А. А. Спицын. 1903. 124 с.: ил., 7 л. ил.

№ 30. *Покрышкин П. П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. 1908. 36 с.: ил., 27 л. ил.

№ 31. *Придик Е. М.* Мельгуновский клад 1763 года. 1911. 24 с.: ил., 5 л. ил.

№ 32. *Жебелев С. А., Мальмберг В. К.* Три архаических бронзы из Херсонской губернии. 1907. 57 с.: ил., 4 л. ил.

№ 33. *Веселовский Н. И.* Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. по Р. Х.): Из собрания графа А. А. Бобринского. 1910. 24 с.: ил., 10 л. ил.

№ 34. Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринском, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном. 1914. 120 с.: ил., 59 л. ил.

№ 35. *Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П.* Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. 1915. 144 с., 11 л. ил.

№ 36. *Тревер К. В.* Ольвийская полихромная амфора 1901 года. 1918. 68 с.: ил., 10 л. ил.

№ 37. *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма: С приложениями академика П. К. Коковцева и С. И. Руденка / Гос. Археологическая комиссия. 1918. 102 с.: ил., 11 л. ил., карт.

II. Известия Императорской Археологической комиссии. 1901–1918

Вып. 1. 1901

Вып. 2. 1902 + Прибавление к вып. 2. [Хроника и библиография; Вып. 1]

Вып. 3. 1902 + Прибавление к вып. 3. [Хроника и библиография; Вып. 2]

Вып. 4. 1902

Вып. 5. 1903 + Прибавление к вып. 5. [Хроника и библиография; Вып. 3]

Вып. 6. 1904 + Прибавление к вып. 6. [Хроника и библиография; Вып. 4]

Вып. 7. 1903

Вып. 8. 1903 *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.

- Вып. 9. 1904 + Прибавление к вып. 9. [Хроника и библиография; Вып. 5]
- Вып. 10. 1904 + Прибавление к вып. 10. [Хроника и библиография; Вып. 6]
- Вып. 11. 1904
- Вып. 12. 1904
- Вып. 13. 1906 *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг.
- Вып. 14. 1905 + Прибавление к вып. 14. [Хроника и библиография; Вып. 7]
- Вып. 15. 1905
- Вып. 16. 1905 + Прибавление к вып. 16. [Хроника и библиография; Вып. 8]
- Вып. 17. 1905
- Вып. 18. 1906 + Прибавление к вып. 18. [Хроника и библиография; Вып. 9]
- Вып. 19. 1906 + Прибавление к вып. 19. [Хроника и библиография; Вып. 10]
- Вып. 20. 1906
- Вып. 21. *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе. 1907 + Прибавление к вып. 21. [Хроника и библиография; Вып. 11]
- Вып. 22. 1907 + Прибавление к вып. 22. [Хроника и библиография; Вып. 12]
- Вып. 23. 1907
- Вып. 24. 1907 *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири.
- Вып. 25. 1907
- Вып. 26. 1908 Вопросы реставрации. Вып. 1. + Прибавление к вып. 26. [Хроника и библиография; Вып. 13]
- Вып. 27. 1908 + Прибавление к вып. 27. [Хроника и библиография; Вып. 14]
- Вып. 28. 1908 Вопросы реставрации. Вып. 2
- Вып. 29. 1909
- Вып. 30. 1909
- Вып. 31. 1909 Вопросы реставрации. Вып. 3. + Прибавление к вып. 31. [Хроника и библиография; Вып. 15]
- Вып. 32. 1909 Вопросы реставрации. Вып. 4
- Вып. 33. 1909
- Вып. 34. 1910 Вопросы реставрации. Вып. 5 + Прибавление к вып. 34. [Хроника и библиография; Вып. 17]
- Вып. 35. 1910
- Вып. 36. 1910 Вопросы реставрации. Вып. 6
- Вып. 37. 1910 + Прибавление к вып. 37. [Хроника и библиография; Вып. 18]
- Вып. 38. 1911 *Гейкель Г. К.* Из финляндской археологической литературы
- Вып. 39. 1911 Вопросы реставрации. Вып. 7 + Прибавление к вып. 39. [Хроника и библиография; Вып. 19]
- Вып. 40. 1911
- Вып. 41. 1911 Вопросы реставрации. Вып. 8

- Вып. 42. 1911 + Прибавление к вып. 42. [Хроника и библиография; Вып. 20]
- Вып. 43. 1911 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг.
- Вып. 44. 1912 Вопросы реставрации. Вып. 9 + Прибавление к вып. 44. [Хроника и библиография; Вып. 21]
- Вып. 45. 1912
- Вып. 46. 1912 Вопросы реставрации. Вып. 10 + Прибавление к вып. 46. [Хроника и библиография; Вып. 22]
- Вып. 47. 1913
- Вып. 48. 1913 Вопросы реставрации. Вып. 11 + Прибавление к вып. 48. [Хроника и библиография; Вып. 23]
- Вып. 49. 1913
- Вып. 50. 1913 Вопросы реставрации. Вып. 12 + Прибавление к вып. 50. [Хроника и библиография; Вып. 24]
- Вып. 51. 1914
- Вып. 52. 1914 Вопросы реставрации. Вып. 13 + Прибавление к вып. 52. [Хроника и библиография; Вып. 25]
- Вып. 53. 1914
- Вып. 54. 1914 + Прибавление к вып. 54. [*Хогарт Д. Г.* Иония и Восток: Шесть лекций, прочитанных в Лондонском университете / Пер. с англ. В. В. Латышева; под ред. и с предисл. Б. В. Фармаковского]
- Вып. 55. 1914 Вопросы реставрации. Вып. 14
- Вып. 56. 1914 + Прибавление к вып. 56. [Хроника и библиография; Вып. 26]
- Вып. 57. 1915 Вопросы реставрации. Вып. 15 + Прибавление к вып. 57. [Хроника и библиография; Вып. 27]
- Вып. 58. 1915 + Прибавление к вып. 58. [Хроника и библиография; Вып. 28]
- Вып. 59. 1915 Вопросы реставрации. Вып. 16 + Прибавление к вып. 59. [Хроника и библиография; Вып. 29. 1916]
- Вып. 60. 1916
- Вып. 61. 1916 Вопросы реставрации. Вып. 17
- Вып. 62. 1916 *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая
- Вып. 63. 1917 + Прибавление к вып. 63. [Хроника и библиография; Вып. 30. 1916]
- Вып. 64. 1917 Вопросы реставрации. Вып. 18 + Прибавление к вып. 64. [Хроника и библиография; Вып. 31]
- Вып. 65. 1918
- Вып. 66. 1918 Вопросы реставрации. Вып. 19 + Прибавление к вып. 66. [Хроника и библиография; Вып. 32]
- Указатель статей, помещенных в выпусках 1–20 // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 151–162
- Указатель статей, помещенных в выпусках 21–40 // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 165–174
- Указатель статей, помещенных в выпусках 41–60 // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 117–28

III. Отчеты Императорской Археологической комиссии. 1862–1918

1859 (1862)+Атлас; 1860 (1862)+Атлас; 1861 (1863)+Атлас; 1862 (1863)+Атлас; 1863 (1864)+Атлас;

1865 (1866)+Атлас; 1866 (1868)+Атлас; 1867 (1868)+Атлас; 1868 (1869)+Атлас; 1869 (1870)+Атлас;

1870/1871 (1874)+Атлас; 1872 (1875)+Атлас; 1873 (1876)+Атлас; 1874 (1877)+Атлас; 1875 (1878)+Атлас;

1876 (1879)+Атлас; 1877 (1880)+Атлас; 1878/1879 (1881)+Атлас; 1880 (1882)+Атлас; 1881 (1883)+Атлас; 1882/1888 (1891)+Атлас;

1889 (1892); 1890 (1893); 1891 (1893); 1892 (1894); 1893 (1895); 1894 (1896); 1895 (1897); 1896 (1898); 1897 (1900); 1898 (1901); 1899 (1902); 1900 (1902); 1901 (1903); 1902 (1904); 1903 (1906); 1904 (1907); 1905 (1908); 1906 (1909); 1907 (1910); 1908 (1912); 1909/1910 (1913); 1911 (1914); 1912 (1916); 1913/1915 (1918)

IV. Comte-rendu Commission Imperiale archeologique pour-l'annee 1859–1903. St.-Petersbourg, 1860–1906

1859 (1860)+Атлас; 1860 (1861)+Атлас; 1861 (1862)+Атлас; 1862 (1863)+Атлас; 1863 (1864)+Атлас; 1864 (1865)+Атлас; 1865 (1866)+Атлас; 1866 (1867)+Атлас; 1867 (1868)+Атлас; 1868 (1869)+Атлас; 1869 (1870)+Атлас; 1870/1871 (1874)+Атлас; 1872 (1875)+Атлас; 1873 (1876)+Атлас; 1874 (1877)+Атлас; 1875 (1878)+Атлас; 1876 (1879)+Атлас; 1877 (1880)+Атлас; 1877 (1880)+Атлас; 1878/1879 (1881)+Атлас; 1880 (1882)+Атлас; 1881 (1883)+Атлас; 1882/1883 (1893); 1896/1903 (1898/1906)

Приложения: Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг. / сост. В. В. Латышев. СПб., 1906. 376 с.

Указатели к Отчетам за 1882–1898. СПб., 1906

V. Отдельные издания Императорской Археологической комиссии

Бобринский А. А. Выставка древностей добытых Императорской Археологическою Комиссиею в 1888–1890 гг. на воззрение Государя Императора. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. 44 с.

Восточное серебро: Атлас древней и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи: Издание Императорской Археологической комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности / предисл. Я. И. Смирнова. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1909. 18 с., 130 отд. л. ил.

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1893 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1894. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1894 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1895 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. 36 с.

Выставка [древностей, добытых Императорскою Археологическою комиссиею в 1895 и 1896 гг.]. СПб., 1897. 14 с. (из Правительственного вестника. № 70)

Выставка [древностей, добытых Императорскою Археологическою комиссиею в 1897 г.]. СПб., 1898. 14 с. (из Правительственного вестника. № 71)

Доклады Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1891. СССXXXIV, 44, [1] с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1904. 448 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1904 год. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1905. 124 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1905–1906 годы: Дополнение за 1905–1906 годы. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1907. 80 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1907–1909 годы. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1910. 60 с.

Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1 / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. 214 с.: ил., 20 л. ил.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк / Императорская Археологическая комиссия. Киев: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1906. 145 с.: ил., 8 л. ил., карт.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк / Императорская Археологическая комиссия. 2-е изд., пересмотр. Киев: Типолитограф. С. В. Кульженко, 1914. IV, 156 с.: ил., 10 л. ил., карт.

Латышев В. В. Понтика: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1909. XIV, [2], 430 с., 4 л. ил.

Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. X, 40 с.

Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир / Императорская Археологическая комиссия. СПб., 1905. IX с.: ил., 18 отд. л. ил. Рус., фр.

Протоколы Императорской Археологической комиссии с учеными Обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. Министром Императорского двора в предложении от 11 Марта 1889 года, за № 733. [СПб., 27 апреля 1889]. 26 с.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1 – [2] / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. т-ва Голике и Вильборг, 1913–1914.

Т. 1. Текст: Описание и исследование памятников. 1914. XVII, 537 с.: ил. + Прил.: *Шкорпил В. В.* Катакомбы на северном склоне Митридатовой Горы: (Объяснение к табл. I–II. С. 508–509).

[Т.] 2. Атлас. 1913. [4], 12 с., 112 отд. л. ил.

Самоковсов Д. Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния / Императорская Археологическая комиссия. СПб., 1888. 99 с. (Литограф. изд.).

Сборник археологических статей, поднесенных Графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической комиссии: 1886–1911. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. [6], 276 с.: ил., 34 л. ил., портр.

Спицын А. А. Археологические разведки / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1908. 96 с. ил

Спицын А. А. Археологические раскопки / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. т-ва Голике и Вильборг, 1910. 129 с.: ил.

Спицын А. А. Производство археологических раскопок / Императорская Археологическая комиссия. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1895. 71 с.: ил.

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1909. 242 с.: ил.

Хронологический указатель изданий Императорской Археологической комиссии. 1862–1918**1862:**

ОАК 1859 + Атлас

ОАК 1862 + Атлас

1863:

ОАК 1861 + Атлас

ОАК 1862 + Атлас

1864:

ОАК 1863 + Атлас

1865:

ОАК 1864 + Атлас

1866:

Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. СПб. Вып. 1. Текст. [6], 28, XVI с.: ил.; Атлас. 23 л. ил. (МАР; № 1)

ОАК 1865 + Атлас

1868:

ОАК 1866 + Атлас

ОАК 1867 + Атлас

1870:

Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб. X, 40 с.

ОАК 1868 + Атлас

ОАК 1869 + Атлас

1872:

Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. СПб. Вып. 2. Текст. С. 28–118, XVII–СХХVII: ил.; Атлас. 23 л. ил. (МАР; № 2)

1874:

ОАК 1870/1871 + Атлас

1875:

ОАК 1872 + Атлас

1876:

ОАК 1873 + Атлас

1877:

ОАК 1874 + Атлас

1878:

ОАК 1875 + Атлас

1879:

ОАК 1876 + Атлас

1880:

ОАК 1877 + Атлас

1881:

ОАК 1878/1879 + Атлас

1882:

ОАК 1880 + Атлас

1883:

ОАК 1881 + Атлас

1888:

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб. Т. 1. Вып. 1. IV, 40, 20 с.: ил., 1 л. карт. (МАР; № 3)

Самоковсов Д. Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния. СПб. 99 с. (Литогр. изд.)

1889:

Протоколы Императорской Археологической комиссии с учеными Обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. Министром Двора в предложении от 11 Марта 1889 года, за № 733. [СПб.]. 26 с.

1890:

Авенариус Н. П. Дрогочин Надбужский и его древности: Описание некоторых древностей, найденных в Витебской губернии: Сост. по материалам Императорской Археологической комиссии. СПб. 60 с.: 7 л. ил., 1 л. карт. (Древности Северо-Западного края; Т. 1. Вып. 1; МАР; № 4)

1891:

Доклады Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб. СССXXXIV, 44, [1] с.

Бобринский А. А. Выставка древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией в 1889–1890 гг. на воззрение Государя Императора. СПб. 44 с.

Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. СПб. 30 с.: ил., 4 л. ил. (Древности Южной России; Т. 1; МАР; № 6)

ОАК 1882/1888 + Атлас

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб. Т. 1. Вып. 2. С. 41–80; 24–52: ил., 8 л. ил. (МАР; № 5)

1892:

Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 гг. СПб. 4, 64 с.: ил., 1 л. ил. (Древности Южной России; Т. 4; МАР; № 9)

Мальмберг В. К., Орешников А. В. 1. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. 2. Обзорение монет, найденных при херсонесских раскопках в 1888 и 1889 гг. СПб. 46 с.: ил., 4 л. ил. (Древности Южной России; Т. 2; МАР; № 7)

ОАК 1889

Стржиговский И., Покровский Н. В. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. СПб. 37 с.: ил., 5 л. ил. (Древности Южной России; Т. 3; МАР; № 8)

1893:

Антонович В. Б. Раскопки в стране древлян. СПб. 78 с.: ил.; 7 л. ил. (Древности Юго-Западного края; МАР; № 11)

Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса. СПб. 64 с.: ил. (Древности Южной России; Т. 5; МАР; № 12)

Люцинский могильник. СПб. 49, 36 с.: ил., 15 л. ил. (Древности Северо-Западного края; Т. 1. вып. 2; МАР; № 14)

ОАК 1890

ОАК 1891

1894:

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1893 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб. 32 с.

Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. СПб. [4], 217 с.: ил., 8 л. ил. (Древности Закаспийского края; МАР; № 16)

Лаппо-Данилевский А. С., Мальмберг В. К. Курган Карагодеуашх. СПб. 192 с.: ил., 3 л. ил. (Древности Южной России; Т. 6; МАР; № 13)

ОАК 1892

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб. 146, XIX с.: ил., 8 л. ил. (МАР; № 15)

1895:

Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб. XVI, 156 с.: ил., 14 л. ил. (МАР; № 18)

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1894 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб. 32 с.

Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. СПб. 86 с.: ил., 1 л. ил. (Древности Южной России; Т. 7; МАР; № 17)

ОАК 1893

Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб. 71 с.: ил.

1896:

Выставка древностей, представляемых Императорскою Археологическою Комиссиею на воззрение Государя Императора: [1895 г.] / предисл. А. А. Спицына. СПб. 36 с.

Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. 214 с.: ил., 20 л. ил.

Кулаковский Ю. А. Две керченские катакомбы с фресками + прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. СПб. 72 с.: ил., 14 л. ил. (Древности Южной России; Т. 8; МАР; № 19)

Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / обработал для издания А. А. Спицын. СПб. 124 с.: ил., 19 л. ил., 1 л. карт.

ОАК 1894

1897:

Выставка [древностей, добытых Императорскою Археологическою комиссиею в 1895 и 1896 гг.]. СПб. 14 с. (из Правительственного вестника. № 70)

ОАК 1895

Обсуждение проекта росписи Новгородского Софийского собора. СПб. 46 с.: ил. (МАР; № 21)

1898:

Выставка [древностей, добытых Императорскою Археологическою комиссиею в 1897 г.]. СПб. 14 с. (из Правительственного вестника. № 71)

ОАК 1896

1899:

Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. СПб. 74 с.: ил. (Древности Южной России; Т. 9; МАР; № 23)

Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. СПб. [4], 44 с.: ил., 1 л. ил. (МАР; № 22)

1900:

ОАК 1897

1901:

ИАК. Вып. 1

Жебелёв С. А. Пантикапейские Ниобиды. СПб. 54 с.: ил., 3 л. ил. (Древности Южной России; Т. 10; МАР; № 24)

ОАК 1898

Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб. 119 с.: ил., 30 л. ил. (МАР; № 25)

1902:

Древности камской чуди по коллекции Теплоухова + Атлас рисунков / предисл. А. А. Спицына. СПб. 70 с.: ил., 39 л. ил. (МАР; № 26)

ИАК. Вып. 2 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 1]

ИАК. Вып. 3 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 2]

ИАК. Вып. 4

ОАК 1899

ОАК 1900

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 2. Вып. 1. СПб. 36 с.: ил., 6 л. ил. (МАР; № 27)

Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб. 136 с.: ил., 14 л. ил. (МАР; № 28)

1903:

Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова / обработал А. А. Спицын. СПб. 124 с.: ил., 7 л. ил. (МАР; № 29)

ИАК. Вып. 5 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 3]

ИАК. Вып. 7

ОАК 1901

Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. СПб. 116 с.: ил., 6 л. ил. (ИАК; Вып. 8)

1904:

ИАК. Вып. 6 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 4]

ИАК. Вып. 9 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 5]

ИАК. Вып. 10 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 6]

ИАК. Вып. 11

ИАК. Вып. 12

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии. – СПб. – 448 с.

ОАК 1902

1905:

ИАК. Вып. 14 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 7]

ИАК. Вып. 15

ИАК. Вып. 16 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 8]

ИАК. Вып. 17

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1904 год. – СПб. – 124 с.
Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб. IX с.: ил., 18 отд. л. ил. Рус., фр.

1906:

Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг.
СПб. 376 с. / сост. В. В. Латышев

ИАК. Вып. 18 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 9]

ИАК. Вып. 19 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 10]

ИАК. Вып. 20

ОАК 1903

Указатели к Отчетам Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг. СПб.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. СПб. VI, 306 с.: ил., 12 л. ил. (ИАК; Вып. 13)

1907:

Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе: Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная стена. СПб. 208 с.: ил., 9 л. ил. (ИАК; Вып. 21 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 11])

ИАК. Вып. 22 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 12]

ИАК. Вып. 23

ИАК. Вып. 25

Жебелёв С. А., Мальмберг В. К. Три архаических бронзы из Херсонесской губернии. СПб. 57 с.: ил., 4 л. ил. (МАР; № 32)

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1905–1906 годы. СПб. 80 с.

ОАК 1904

Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества. СПб. 154 с.: ил., 18 л. ил. (ИАК; Вып. 24)

1908:

ИАК. Вып. 26 (Вопросы реставрации; Вып. 1) + Прибавление [Хроника и библиография. Вып. 13]

ИАК. Вып. 27 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 14]

ИАК. Вып. 28 (Вопросы реставрации; Вып. 2)

ОАК 1905

Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. СПб. 36 с.: ил., 27 л. ил. (МАР; № 30)

Спицын А. А. Археологические разведки. СПб. 96 с.: ил.

1909:

Восточное серебро: Атлас древней и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи / Императорская Археологическая комиссия ко дню пятидесятилетия ее деятельности; предисл. Я. И. Смирнова. СПб. 18 с., 130 л. ил.

ИАК. Вып. 29

ИАК. Вып. 30

ИАК. Вып. 31 (Вопросы реставрации; Вып. 3). + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 15]

ИАК. Вып. 32 (Вопросы реставрации; Вып. 4)

ИАК. Вып. 33

Латышев В. В. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб. XIV. [2], 430 с.; 4 л. ил.

ОАК 1906

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб. 242 с.: ил.

1910:

Веселовский Н. И. Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. по Р. Х.): Из собрания графа А. А. Бобринского. СПб. 24 с.: ил., 10 л. ил. (МАР; № 33)

ИАК. Вып. 34 (Вопросы реставрации; Вып. 5) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 17]

ИАК. Вып. 35

ИАК. Вып. 36 (Вопросы реставрации; Вып. 6)

ИАК. Вып. 37 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 18]

Каталог Библиотеки Императорской Археологической комиссии: Дополнение за 1907–1909 годы. СПб. 60 с.

ОАК 1907

Спицын А. А. Археологические раскопки. СПб. 129 с.: ил.

1911

Гейкель Г. К. Из финляндской археологической литературы. СПб. 184 с.: ил. (ИАК; Вып. 38)

ИАК. Вып. 39 (Вопросы реставрации; Вып. 7) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 19]

ИАК. Вып. 40

ИАК. Вып. 41 (Вопросы реставрации; Вып. 8)

ИАК. Вып. 42 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 20]

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб. 130 с.: ил., 5 л. ил.

Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 года. СПб. 24 с.: ил., 5 л. ил. (МАР; № 31)

Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической комиссии: 1886–1911. СПб. [6], 276 с.: ил., 34 л. ил., портр.

1912:

ИАК. Вып. 44 (Вопросы реставрации; Вып. 9) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 21]

ИАК. Вып. 45

ИАК. Вып. 46 (Вопросы реставрации; Вып. 10) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 22]

ОАК 1908

1913:

ИАК. Вып. 47

ИАК. Вып. 48 (Вопросы реставрации; Вып. 11) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 23]

ИАК. Вып. 49

ИАК. Вып. 50 (Вопросы реставрации; Вып. 12) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 24]

ОАК 1909/1910

1914:

Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном. СПб. 120 с.: ил., 59 л. ил. (МАР; №34)

ИАК. Вып. 51

ИАК. Вып. 52 (Вопросы реставрации; Вып. 13) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 25]

ИАК. Вып. 53

ИАК. Вып. 54

ИАК. Вып. 55 (Вопросы реставрации; Вып. 14)

ИАК. Вып. 56 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 26]

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2-е изд., пересмотр. Киев. IV, 156 с.: ил., 10 л. ил., карт.

ОАК 1911

Ростовцев М. И. Античная живопись на Юге России Т. 1. Текст. Описание и исследование памятников. СПб. XVII, 537 с.: ил. + прил.: *Шкорпил В. В.* Катакомбы на северном склоне Митридатовой Горы: (Объяснение к табл. I–III, с. 508–509).; [Т. 2]. Атлас. [4], 120 с.; 112 отд. л. ил.

Хогарт Д. Г. Иония и Восток: Шесть лекций прочитанных в Лондонском университете / пер. с англ. В. В. Латышева; ред. и предисл. Б. В. Фармаковского. СПб. 112 с. (Прибавление к ИАК; Вып. 54)

1915:

ИАК. Вып. 57 (Вопросы реставрации; Вып. 15)

ИАК. Вып. 58 + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 28]

ИАК. Вып. 59 (Вопросы реставрации; Вып. 16)

Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. СПб. 144 с., 11 л. ил.

1916:

Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая: (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). СПб. 92 с.: ил., карт. (ИАК; Вып. 62)

ИАК. Вып. 60

ИАК. Вып. 61 (Вопросы реставрации; Вып. 17)

ОАК 1912

Прибавление к ИАК. Вып. 59 [Хроника и библиография; Вып. 29]

Прибавление к ИАК. Вып. 63 [Хроника и библиография; Вып. 30]

1917:

ИАК. Вып. 63

ИАК. Вып. 64 (Вопросы реставрации; Вып. 18) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 31]

1918:

ИАК. Вып. 65

ИАК. Вып. 66 (Вопросы реставрации; Вып. 19) + Прибавление [Хроника и библиография; Вып. 32]

ОАК 1913/1915

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма: С приложениями академика П. К. Коковцева и С. И. Руденка. Пг. 102 с.: ил., 11 л. ил., карт. (МАР; № 37)

Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора 1901 года. Пг. 68 с.: ил., 10 л. ил. (МАР; № 36)

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО АКАДЕМИКА С. А. ЖЕБЕЛЁВА¹

Ю. А. Виноградов²

Ключевые слова: история науки, античная археология, Великая Отечественная война.

Key words: history of science, Classical archaeology, the Great Patriotic War.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-401-404

22 сентября 2017 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Сергея Александровича Жебелёва (рис. 1, 2). В ученом сообществе эта дата прошла практически незаметно – она не вызвала юбилейных конференций, торжественных заседаний или т. п. Все обошлось без обычных в таких случаях фанфар. Кто знает, может быть, так и надо встречать подобные даты, связанные с жизнью и деятельностью великих ученых, значимость которых ни у кого не вызвала и не вызывает даже тени сомнения? Ведь все или по крайней мере многое о С. А. Жебелёве было сказано ранее, и сказано, надо признать, правильно (см.: *Каллистов*, 1940. С. 168–173; *Толстой*, 1940. С. 162–168; *Гайдукевич*, 1941. С. 7–14; *Памяти академика...*, 1968. С. 5–7; *Фролов*, 2006. С. 294–310). Действительно он соединял в своем лице археолога, эпиграфиста, историка и филолога-классика, а в его исследовательских приемах раскрывалось редкое мастерство всестороннего научного анализа. Нет сомнения, однако, что творческое наследие ученого требует постоянного и самого пристального внимания, не меньшего внимания заслуживают и связанные с его жизнью архивные материалы. В совокупности архивных материалов выделю папку с письмами С. А. Жебелёва, хранящуюся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. № 151). Эта папка была передана в Архив М. И. Максимовой в 1969 г. и при этом была опечатана на 30 лет, то есть документы были недоступны для

исследователей до 1999 г. Но вот уже 19 лет с ними вполне можно ознакомиться.

Следует сразу признать, что содержание этих писем не позволяет согласиться с образом Сергея Александровича, который иногда рисуют во время кулуарных разговоров. В частности, ему порой приписывают антисемитизм и какую-то неизгладимую обиду на коллег, несогласных с его научными концепциями. Так вот, письма и комментарии к ним, составленные М. И. Максимовой, заставляют убедиться в обратном! Да, академик весьма активно не любил так называемых «русских немцев», то есть О. Ф. Вальдгауера, О. О. Крюгера и других, но ведь и они платили ему взаимностью.

Сейчас у меня нет возможности раскрыть содержание всех этих писем или хотя бы сколь-либо значительной их части. Данная публикация посвящена последнему письму академика (естественно, из тех, которые хранятся в архивной папке), и, как нетрудно догадаться, речь пойдет о событиях 1941 г.

Хорошо известно, что 7 ноября 1941 г. директор Института истории материальной культуры М. И. Артамонов выехал из блокированного Ленинграда, как гласит официальный документ, «в длительную командировку» (НА ИИМК, РО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 173. Л. 3). «Длительная командировка» из блокированного города? Зачем нужны были такие эвфемизмы? Написали бы просто и честно – «отправился в эвакуацию», ведь ничего страшного ни в этих словах, ни в самом поступке не было.

Перед отъездом М. И. Артамонов передал руководство ИИМКом С. А. Жебелёву. Академик, конечно, имел не меньшее право на эвакуацию, но он не воспользовался им и остался в умирающем городе вместе со своими не столь титулованными коллегами. С. А. Жебелёв скончался от истощения 28 декабря 1941 г. М. И. Максимова по этому поводу написала:

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0007: «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Рис. 1. 1 – С. А. Жебелёв (1867–1941); 2 – С. А. Жебелёв. Скульптор В. Ф. Штейн
 Fig. 1. 1 – S. A. Zhebelyov (1867–1941); 2 – S. A. Zhebelyov. Sculpture by V. F. Schtein

«Он погиб на своем боевом посту, до конца сохранив верность своим убеждениям и долгу» (Максимова, 1969. С. 90). Да, Сергей Александрович ушел из жизни как солдат, сохранивший верность когда-то принятой присяге (Виноградов, 2013. С. 27).

В понимание этих событий, однако, важный нюанс вносит как раз это самое «последнее письмо», а точнее открытка, посланная Вере Федоровне Штейн в Новосибирск 13 октября 1941 г. (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 5. № 151. Л. 83), то есть за два с половиной месяца до смерти автора.

Вот его содержание:

«Дорогая Вера Федоровна, сегодня получил Вашу открытку от 13.IX. Сердечно благодарен. Пока жив и здоров. У меня, впрочем, нервы очень шалют, так что даже был у невропатолога и пью какое-то лекарство. 19.IX я предназначен был к эвакуации, но она, по независящим причинам, не состоялась, и я (а также Маша и Анюта), натерпевшись великих страхов, решили остаться здесь. Перешел из своего “кабинета” в полутемную комнату, где

помещается часть моей библиотеки, ибо в этой комнате куда теплее, чем в кабинете, а я холода очень не люблю. Редактировать досадивший мне III т. Всемирной истории окончил, но не знаю, что буду делать, т.е. чем заниматься, дальше – видно будет. У нас все время стоят холода, хотя для них еще рано. [На днях навещал Ильиных: Ал. Ал. болен крупозным воспалением легких]. От меня сердечный привет.

Ваш С. Жебелёв»

Итак, Сергей Александрович и его близкие должны были эвакуироваться из Ленинграда 19 сентября, то есть почти на 2 месяца раньше М. И. Артамонова, но эвакуация не состоялась. Причина этого в открытке не указана, просто сказано о каких-то «великих страхах», связанных с этим событием.

Однако по этому поводу имеется комментарий М. И. Максимовой, и он гласит:

«Эвакуация С. А. не состоялась, так как аэродром, с которого С. А. должен был отправиться в путь,

был разбомблен в то время, когда С. А. и его близкие подъезжали к нему в машине» (Там же. Л. 216).

М. И. Максимова кратко поведала об этом событии в своих воспоминаниях о С. А. Жебелёве, но на них как-то не обратили особого внимания (*Максимова*, 1969. С. 90). В общем, не приходится сомневаться, что попытка эвакуации действительно была предпринята, но, к сожалению, ее не удалось осуществить из-за страшной бомбежки, которым подвергся ленинградский аэродром. Несчастные люди, по словам Сергея Александровича, «натерпевшись великих страхов», вынуждены были вернуться домой. Ужас от пережитого тогда был столь силен, что вторая попытка так и не состоялась, да и организовать ее, наверно, было совсем не просто.

Конечно, следует обратить особое внимание на то, что после таких потрясений академик не пал духом, письмо не содержит никаких жалоб или даже намек на тяжесть сложившейся в городе ситуации. Он счел необходимым отметить, что закончил работу над 3-м томом «Всемирной истории» (это издание вышло уже после завершения Великой Отечественной войны). Более того, ученый надеялся, что ему еще предстоит поработать. Увы, эти надежды не оправдались.

Но кому же Сергей Александрович адресовал свое послание? Кто эта Вера Федоровна Штейн? Пора ответить и на этот вопрос.

В. Ф. Штейн – женщина, прожившая очень яркую (пусть иногда трагичную!) и весьма долгую жизнь.³ Она скончалась в 1971 г. в возрасте 90 лет. А родилась в Петербурге в 1881 г., ее отец, Федор Федорович Штейн, был профессором Петербургской консерватории. Закончив гимназию, в 1903–1907 гг. она училась в Академии художеств, изучала живопись и скульптуру. Свое мастерство художница совершенствовала в Париже, слушая советы самого Огюста Родена.

Вернувшись в Россию, Вера Федоровна закончила Историко-филологическое отделение Петербургского университета. Обычно указывается, что она увлекалась историей античного Северного Причерноморья и даже принимала участие в археологических раскопках в Крыму. Очевидно, так оно и было на самом деле, но в ГАИМКе В. Ф. Штейн проработала очень недолго в 1928 г. и была при

этом направлена на раскопки в Ольвию. Туда она прибыла 15 августа 1928 г., а выбыла – 15 сентября, то есть проработала ровно месяц (НА ИИМК, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 756).

Нет сомнения, что именно в это время она близко познакомилась с ленинградскими антиковедами, причастными к изучению истории и культуры греческих государств Северного Причерноморья, в том числе с С. А. Жебелёвым. Между ними, как представляется, сложились теплые отношения. В одном из своих писем, направленных М. И. Максимовой 24 июля 1928 г., то есть почти накануне отъезда Веры Федоровны в Ольвию, академик сообщает, что незадолго до этого в Мраморном дворце состоялась игра в крокет, при этом его команде противостояла другая, участницей которой была Штейн. Команда С. А. Жебелёва выиграла, и он был рад этому обстоятельству почти как мальчишка (*Максимова*, 1969. С. 88).

Между Верой Федоровной и Сергеем Александровичем завязалась переписка, продолжавшаяся фактически вплоть до смерти С. А. Жебелёва. Два письма, датированные 1941 г., оказались в Архиве Академии наук. В далеком Новосибирске В. Ф. Штейн каким-то образом узнала, что М. И. Максимова собирается передать на хранение в Архив письма, написанные ей С. А. Жебелёвым, и попросила сделать это и со своими. Мария Ивановна эту просьбу с радостью выполнила.

Но все это случилось на несколько десятилетий поздней того года, когда В. Ф. Штейн работала в Ольвийской экспедиции ГАИМКа. А дальше, в 1929 г., был арест. Веру Федоровну взяли под стражу по делу религиозно-философского кружка «Воскресение»; она была осуждена (всего по этому делу к разным срокам было приговорено 49 человек) и направлена, страшно сказать, в Соловецкий лагерь особого назначения. Из него она вышла досрочно в 1931 г., после чего до 1932 г. находилась в ссылке в Вологодской области, а затем в 1933 г. переехала в Новосибирск. Именно в этом городе В. Ф. Штейн смогла реализовать свой художественный талант как скульптор и как портретист. В 1934 г. она стала членом Союза художников СССР. Наиболее известным ее творением являются скульптурные украшения «Танцы народов СССР», установленные на фасаде Новосибирского театра оперы и балета.

³ Почти все данные о В. Ф. Штейн взяты из Интернета.

Обо всем этом, правда, можно было бы и не упоминать в маленькой публикации, посвященной памяти С. А. Жебелёва, но здесь имеется одно важное обстоятельство. Как сообщает М. И. Максимова, именно Вера Федоровна Штейн была автором статуэтки, изображающей Сергея Александровича в кресле (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2.

№ 151. Л. 72–73). Такая небольшая скульптура стоит сейчас на каминной полке в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН (рис. 1, 2). Глядя на нее, невольно задумываешься о связанном с ней времени, о выдающемся ученом, которого она изображает, а также и об авторе, эту скульптуру создавшем.

Виноградов, 2013 – Виноградов Ю. А. Сергей Александрович Жебелёв – временно исполняющий обязанности директора ИИМК АН СССР с 8 ноября по 28 декабря 1941 г. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.

Гайдукевич, 1941 – Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелёв как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. VII.

Каллистов, 1940 – Каллистов Д. Роль академика Сергея Александрович Жебелёва в исследовании Северного Причерноморья античного времени // ВДИ. 1940. № 1.

НА ИИМК, РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 756: В. Ф. Штейн; Ф. 312. Оп. 1. Д. 173: Отчет о работе ИИМК за 1943 г. и справка о деятельности ИИМК (в Ленинграде) за время блокады (1941–1943 гг.).

Максимова, 1969 – Максимова М. И. Из воспоминаний о С. А. Жебелёве // СА. 1969. № 3.

Памяти академика..., 1986 – Памяти академика С. А. Жебелёва // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1986.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. № 151: Жебелёв С. А. «Письма к М. И. Максимова и В. Ф. Штейн».

Толстой, 1940 – Толстой И. Академик Сергей Александрович Жебелёв и развитие русской историографии античности // ВДИ. 1940. № 1.

Фролов, 2006 – Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 2006.

РАЗБИРАЯ АРХИВ В. И. ДЕНИСОВОЙ¹

Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб²

Ключевые слова: история науки, античная археология, Боспорская экспедиция, Ольвийская экспедиция.

Key words: history of science, Classical archaeology, Bospor expedition, Olbian expedition.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-405-410

Разбирать бумаги и документы, оставшиеся после усопших, – занятие совсем не веселое. Вольно или невольно за ними видится прерванный жизненный путь человека, путь, отнюдь не всегда усыпанный цветами и залитый солнечным светом. Трагический финал здесь служит, так сказать, лишь заключительным аккордом. Неудивительно, что среди бумаг, которые человек сохранял по тем или иным причинам, можно найти свидетельства, освещающие его жизнь не с той стороны, каковой она предстает из официальных документов, сохраненных в архивах.

Виктория Ивановна Денисова (Пругло) ушла из жизни 13 ноября 2016 г. в возрасте 87 лет. Всю жизнь она проработала в Институте истории материальной культуры РАН (ранее – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР), в Отделе истории античной культуры, оставив очень яркий след в науке о классических древностях Северного Причерноморья, прежде всего Боспора и Ольвии (Виноградов, Шауб, 2017а; 2017б). Характер Виктории Ивановны не был простым; это была сильная, независимая, самостоятельная, можно сказать, самодостаточная женщина. Без сомнения, ее самооценка была чрезвычайно высокой, что, как легко догадаться, далеко не всегда шло ей на пользу (рис. 1).

В конце жизни она почти не появлялась в родном Отделе, предпочитая трудиться в Библиотеке

Рис. 1. В. И. Пругло (Денисова). 1929–2016 гг.

Fig. 1. V. I. Pruglo (Denisova). 1929–2016

ИИМК РАН, где за ней был сохранен отдельный стол, стоявший у окна. Из этого окна открывается прекрасный вид на Неву и Петропавловскую крепость. Жила она на Петроградской стороне, занимая комнату в коммунальной квартире большого сталинского дома, стоящего на невском берегу. Муж ее давно умер, общих детей у них не было. Виктория Ивановна жила одиноко, никого к себе не приближая и ни у кого не прося помощи.

Когда стало известно о ее смерти, то долго никто не мог выяснить точной даты этого события –

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0007: «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

таковы уж странные законы нашего государства. Попасть в квартиру, где жила Виктория Ивановна, оказалось невозможно. Письмо, направленное к соседям, с просьбой просмотреть библиотеку и архив покойной, долгое время оставалось без ответа. Легко понять, что среди книг В. И. Денисовой предполагалось найти редкие издания по античной археологии, отсутствующие в библиотеке ИИМК РАН, а среди бумаг – письма археологов второй половины XX в., которые могли бы прояснить некоторые факты истории античной археологии нашей страны.

И вот в середине ноября 2017 г., когда надежда получить хоть что-то из библиотеки и личного архива исследовательницы уже почти иссякла, раздался телефонный звонок сына соседки В. И. Денисовой, собравшего все (?) книги, а также кое-какие бумаги Виктории Ивановны в восемь больших картонных коробок и просившего поскорей их забрать. Вскоре все эти коробки были доставлены в Отдел истории античной культуры ИИМК РАН. Бумаги, оказавшиеся в наших руках таким образом, позволили узнать некоторые факты из жизни В. И. Денисовой, которые не нашли никакого отражения в официальных документах архива ИИМК РАН.

Сразу скажем, что писем среди этих бумаг было найдено всего два, при этом одно из них не было адресовано В. И. Денисовой, а вот второе, не имеющее адресата, скорее всего, предназначалось именно для нее. Ясно, что «своими» письмами Виктория Ивановна не дорожила, а вот эти два сохранила до конца дней. Второе письмо при этом было разорвано на мелкие кусочки и сложено в пакетик из обычной бумажной салфетки. Эти документы, безусловно, требуют исследования и специальной публикации. Сейчас лишь отметим, что первое письмо было написано С. И. Капошиной 19 сентября 1966 г. (о ней см.: *Виноградов*, 2008. С. 59; 2013. С. 175; *Клейн*, 2010. С. 118–120, 122–123), оно было адресовано одному из крупнейших советских археологов-антиковедов В. Ф. Гайдукевичу (о нем см.: *Виноградов*, 2005; 2006). В нем Виктор Францевич был уведомлен о положении дел в Институте к началу осени 1966 г. Самой важной информацией было сообщение об инспекции в лице заведующего

ЛОИА М. К. Каргера, который тогда направлялся на раскопки к В. Ф. Гайдукевичу. Второе (разорванное) письмо, в котором упоминается об этой информации С. И. Капошиной, написано Виктором Францевичем из больницы ночью 5 октября 1966 г., то есть всего за несколько дней до его смерти, случившейся 9 октября. Повторимся, что оно, скорее всего, было написано для В. И. Денисовой (тогда Пругло). С самым близким себе человеком В. Ф. Гайдукевич поделился тяжелыми размышлениями, вызванными его опасным заболеванием. Все случившееся он считал следствием визита М. К. Каргера, приехавшего в Мирмекий, как сказано в письме, «с камнем за пазухой». Да, Виктория Ивановна была самым близким человеком для В. Ф. Гайдукевича, и этого ей не могло простить окружение великого ученого. Но вернемся к документам личного архива...

В отдельную папочку были собраны школьные таблицы маленькой Виктории, из которых явствует, что она была круглой отличницей. О больших успехах в учебе свидетельствуют многочисленные похвальные грамоты, украшенные красными знаменами и портретами Ленина – Сталина. Сохранились бумаги другого рода – квитанции, связанные с похоронами матери – Варвары Степановны Конотопской, скончавшейся в Киеве в ноябре 1969 г. О специфических обстоятельствах, придавших этому событию особый трагизм, вряд ли стоит говорить. Достаточно отметить, что причина смерти в этих документах обозначена как асфиксия. Все счета, относящиеся к похоронам, были подписаны и оплачены Викторией Ивановной, хотя в Киеве проживал ее брат.

Фотографий среди бумаг Виктории Ивановны сохранилось больше, чем писем. Некоторые любят подписывать такие снимки: ставят число, место съемки, обозначают имена тех, кто представлен на фотографии. Увы, В. И. Денисова не следовала этому полезному правилу. Интересно разглядывать довоенные снимки, на которых запечатлены группы ребятишек, отдохавших где-нибудь в пионерлагере под Киевом (семья Пругло проживала в столице Украины с 1933 г.). В этих группах, очевидно, можно было бы найти и маленькую Виту (так ее звали друзья юности и, по всей видимости, родственники), но для посто-

ронного человека это практически невозможно.

На большинстве фотоснимков запечатлена Виктория Ивановна (почти все они были сделаны для документов), при этом даже на любительских фотокарточках она почти всегда одна – на фоне гор, в окрестностях Ольвии и т. д. Это нехарактерно для археологов, которые волей-неволей попадают в ситуации, связанные с групповыми снимками участников экспедиции, некоторыми рабочими моментами на раскопе или с обычными «торжествами» в экспедиционном лагере. Фотографий людей, оставивших большой след в жизни В. И. Денисовой, тоже совсем немного: пара маленьких фотокарточек В. Ф. Гайдукевича, несколько снимков ее мужа Г. В. Денисова, фото ее подруги Т. Б. Томес (которая, как говорили злые языки, умирая, «завещала» ей своего мужа Денисова). И это все!

Правда, в рабочем столе исследовательницы, стоящем в Отделе античной культуры ИИМК, содержимое ящичков которого было разобрано недавно, удалось найти фотоснимки совсем другого рода – два конверта, содержащие самые простые отпечатки (точнее, обычные «контрольки»). В одном из них находились фотографии, на которых запечатлен В. Ф. Гайдукевич – на раскопках Мирмекия, Илурата (рис. 2, 1, 2), на пляже и т. д. (мы почти не сомневаемся, что все это было снято Викторией Ивановной). В другом лежали фотографии В. И. Денисовой, на которых она представлена совсем в ином ракурсе – молодая красивая женщина на раскопках Мирмекия (рис. 2, 3, 4) во время исследования так называемого храма Деметры (см.: *Гайдукевич*, 1987. С. 43–55; *Gajdukevič*, 1971. S. 182; *Чистов*, 2006). Даже на раскоп она выходила в модных туфельках! Эти снимки, как представляется, сделал Виктор Францевич. Виктория и Виктор – созвучие этих имен, а по существу их тождество, выглядит весьма символично!

Совсем неслучаен в этом собрании большой фотоснимок головы античной женской статуи, вероятнее всего, Афродиты. Почти нет сомнения, что его происхождение связано с временем обучения В. И. Денисовой в Ленинграде на Искусствоведческом факультете Академии художеств (1949–1953 гг.). И дело здесь не только в учебном курсе истории искусства Древней Греции и Рима, который молодую девушку, безусловно, очень заинтересовал.

Невольно ловишь себя на мысли, что красота лица этой античной скульптуры чрезвычайно напоминает портрет самой Виктории Ивановны. Нетрудно предположить, что друзья ей об этом неоднократно говорили, да и без их слов она это прекрасно знала.

Небольшая фотография представляет портрет известного американского пианиста Вана Клиберна (как его называли и до сих пор называют в нашей стране). Одухотворенное, красивое лицо музыканта, ставшего победителем первого Международного конкурса им. П. И. Чайковского в Москве (1958 г.). Подобные портреты бережно хранили многие советские девушки конца 50-х – 60-х гг. прошлого века. В. И. Денисова не оказалась в стороне от этого поветрия, но почему-то хочется верить, что увлекал ее не только артистический образ пианиста, но и прекрасная музыка в его исполнении. Старинный нотный сборник вальсов Ф. Шопена как будто свидетельствует о том же самом.

Сейчас трудно поверить, но в Ленинградском отделении Института археологии когда-то ставились самодеятельные спектакли и концерты, проводились выставки фотографий сотрудников, снимались любительские кинофильмы и пр. Одна из фотовыставок имела место в феврале 1962 г. В. И. Денисова приняла в ней участие и получила первую премию – альбом «Польский импрессионизм» (*Кемпинский*, 1961). Несомненно, Виктория Ивановна была художественно одаренной натурой!

Из документов архива мы с удивлением узнали, что Виктория Ивановна была дважды замужем. О втором браке, заключенном в 1978 г. с полковником военно-воздушных сил Георгием Владимировичем Денисовым, имя которого уже неоднократно упоминалось в этой статье, знали, конечно, все. А вот о первом, имевшем место еще в студенческие годы, никто из коллег даже не предполагал. Этот брак оказался неудачным, он распался в 1952 г. Кто стал первым избранником студентки-искусствоведки? – Трудно сказать. Вероятнее всего, кто-нибудь из толпы окружавших ее тогда «художественных натур» мужского пола. Не исключено, что это был брак по расчету.

Обстоятельства жизни В. И. Денисовой от окончания Академии художеств до поступления в Институт истории материальной культуры

Рис. 2. 1, 2 – на городище Илурат. Слева на право: С. М. Щербак (?) – сотрудник Керченского музея, В. Ф. Гайдукевич, Н. И. Литвиненко – директор Керченского музея; 3 – В. И. Пругло (Денисова) на раскопках Мирмекия; 4 – В. И. Пругло (Денисова) на раскопках «храма Деметры» в Мирмекии

Fig. 2. 1, 2 – at the townsite of Ilurat. Left to right: S. M. Shcherbak (?) – worker of the Kerch Museum, V. F. Gaydukevich, N. I. Litvinenko – Director of the Kerch Museum; 3 – V. I. Pruglo (Denisova) at excavations of Myrmekion; 4 – V. I. Pruglo (Denisova) at excavations of the ‘temple of Demeter’ in Myrmekion

АН СССР в личных бумагах исследовательницы отражения не нашли. Большая часть этих бумаг, конечно, относится ко времени работы в Институте, однако из них, к сожалению, невозможно понять, что же заставило молодую девушку с искусственно-

ведческой стези свернуть на археологическую. Как бы то ни было, именно археология стала смыслом ее жизни.

Даже обыкновенный просмотр огромного количества конспектов, черновиков статей, отзывов

на работы коллег, всякого рода рецензий и пр. требует немалого труда. Из них легко понять, что В. И. Денисова упорно трудилась над изучением греческих терракотовых статуэток, что неудивительно, если вспомнить ее замечательную монографию о коропластике Боспора (Денисова, 1981). Много сил она отдала изучению античной керамики, скульптуры, эпиграфики, причем не только керамической (см.: Денисова, 1967; 1969; 1971; 1972; 1982; 1988). Вполне закономерным представляется ее интерес к теоретическим аспектам греческой колонизации, и отнюдь не только Северного Причерноморья. Удивление вызывает целая пачка конспектов, связанных с вопросами индоевропеистики. Казалось бы, для археолога-антиковеда эти проблемы должны находиться на далекой периферии его научных интересов, но для Виктории Ивановны они явно значили очень многое. Но на какой вопрос она хотела найти ответ, погружаясь в это море специальной научной литературы, мы уже никогда не узнаем.

Из оригинальных работ, принадлежащих перу В. И. Денисовой, в архиве сохранились лишь немногие: отзыв о работе Н. М. Секерской «Никоний и Нижнее Поднестровье в VI–IV вв. до н. э.», отзыв о статье И. Д. Марченко «Новая винодельня в Пантикапее». Назовем также черновики крупных незаконченных исследований: «Некоторые вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья (к проблеме формирования научных концепций)», «К проблеме некрополя Ольвии начальной поры (находки, даты, гипотезы)», «О культе местного женского божества на Боспоре». Многочисленные правки, пестрящие на их страницах и относящиеся к различному времени, наглядно демонстрируют, насколько серьезно Виктория Ивановна относилась к своей работе, как она стремилась достичь в ней совершенства. Свойственный ей перфекционизм, как нам представляется, стал причиной того, что многие из этих исследований так и остались незаконченными.

В начале 70-х гг. прошлого века В. И. Денисова имела уже 20-летний стаж полевых археологических работ, пройдя великолепную школу раскопок в Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича. Два раскопочных

сезона она провела в Анапе (1971 и 1972 гг.), работая в отряде под руководством И. Т. Кругликовой. В 1974 г. Виктория Ивановна была включена в состав Ольвийской экспедиции ЛОИА в качестве начальника участка. Этой экспедицией тогда руководила Е. И. Леви, начавшая работы на городище еще при Б. В. Фармаковском (о ней см.: *Виноградов*, 2014). Вместе с нею трудилась целая команда замечательных специалистов. К этому времени у руководства Института археологии (Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов) созрел план реорганизации Ольвийской экспедиции, который сводился к тому, что Е. И. Леви необходимо отстранить от руководства раскопками, поручив их В. И. Денисовой (Пругло). Что и было осуществлено в 1975 г.

Среди большого количества всякого рода официальных документов имеется рекомендация на получение Открытого листа на раскопки Ольвии, составленная И. Т. Кругликовой. На листочке бумаги, украшенном печатью, в частности, говорится: «В. И. Пругло хороший организатор и вполне может возглавить большую экспедицию. Уверена, что ее полевая отчетность будет безупречна и всегда будет представлена вовремя. Прошу выдать ей Открытый лист на право раскопок в Ольвии. С руководством раскопками она справится очень хорошо». У нас нет сомнений в том, что Ирина Тимофеевна была права во всем, вот только старая Ольвийская экспедиция («ольвийская семья» – Ю. Г. Виноградов, Н. В. Шебалин, К. К. Марченко, Н. В. Головачева и др.) эту перемену приняла в штыки: в раскопках на Ольвийском городище никто из ее состава больше никогда не участвовал. На наш взгляд, это один из самых драматических моментов в истории изучения Ольвии. В. И. Пругло пришлось создавать абсолютно новую экспедицию.

В. И. Денисова принимала участие в целом ряде международных археологических конференций. Особенно примечателен в этом отношении Мировой археологический конгресс (World Archaeological Congress), проходивший в Англии в 1986 г. Среди фотографий имеется снимок, на котором В. И. Денисова запечатлена на фоне Стоунхенджа. Несомненно, Виктория Ивановна любила путешествовать. Так, в 1976 г. она побывала на Кубе. Об «Острове Свободы» она даже немного рассказывала коллегам, причем не об

архитектурных ансамблях Гаваны или золотых пляжах океанского побережья, а о ферме, на которой разводили крокодилов.

Чрезвычайно любопытным нам показалось наблюдение Виктории Ивановны о различии женщин России и Кубы. Наблюдение сводилось к простейшему факту, связанному с женскими прическами. Россиянки в то время стремились иметь эффектный вид в дневное время и потому, так сказать, «спали на бигудях». Кубинки же днем разгуливали с волосомами, накрученными на бигуди, и их явно больше волновало то, как они будут выглядеть ночью.

В 1980 г. В. И. Денисова собиралась в круиз вокруг Европы. В жизни советского человека такая поездка могла бы стать очень ярким событием, но

это намерение не осуществилось. Беспартийная женщина, скорее всего, не смогла пройти сито многочисленных бюрократических инстанций, отвечавших за заграничные поездки граждан СССР. Интересно, о чем бы она поведала коллегам, своими глазами увидев красоты «буржуазного мира»?

Вот с такими мыслями мы разбирали бумаги архива В. И. Денисовой. Может показаться странным, что, несмотря на весь трагизм ситуации, сознание невольно воскрешало жизненные моменты, которые можно назвать романтическими, а иногда даже забавными. Однако странного здесь ничего нет, ибо боль и радость в нашей жизни порой стоят весьма близко, гораздо ближе, чем это нам кажется, — «к темячку темя», как сказал поэт.

Виноградов, 2005 – Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. СПб., 2005. Вып. 12.

Виноградов, 2006 – Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13.

Виноградов, 2008 – Виноградов Ю. А. Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.

Виноградов, 2013 – Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013.

Виноградов, 2014 – Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996). По поводу 110-й годовщины со дня рождения // Записки ИИМК. 2014. № 9.

Виноградов, Шауб, 2017а – Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. Виктория Ивановна Денисова (Пругло) (1929–2016) // ВДИ. 2017. № 4.

Виноградов, Шауб, 2017б – Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. Памяти Виктории Ивановны Денисовой (Пругло) // АВ. СПб., 2017. Вып. 23.

Гайдукевич, 1987 – Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Денисова, 1967 – Денисова В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. М., 1967. Вып. 109.

Денисова, 1969 – Денисова В. И. Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекия // КСИА. М., 1969. Вып. 116.

Денисова, 1971 – Денисова В. И. К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской // СА. 1971. № 3.

Денисова, 1972 – Денисова В. И. Энглифические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия // КСИА. М., 1972. Вып. 130.

Денисова, 1981 – Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981.

Денисова, 1982 – Денисова В. И. Новый эпитафический документ из Ольвии // СА. 1982. № 1.

Денисова, 1988 – Денисова В. И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. № 1.

Кемпинский, 1961 – Кемпинский З. Польские импрессионисты. Варшава, 1961.

Клейн, 2010 – Клейн Л. С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.

Чистов, 2006 – Чистов Д. Е. «Святылище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13.

Gajdukevič, 1971 – Gajdukevič V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971.

ДВА ПИСЬМА ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. И. ДЕНИСОВОЙ¹

Ю. А. Виноградов²

Ключевые слова: античная археология, Боспорская экспедиция, Мирмекий.

Keywords: Classical archaeology, Bosporan expedition, Myrmekion.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-411-420

Виктория Ивановна Денисова (Пругло) ушла из жизни 14 ноября 2016 г. (Виноградов, Шауб, 2017а; 2017б). Через год после этого ее соседи по коммунальной квартире передали в Институт истории материальной культуры РАН библиотеку и документы покойной. К сожалению, среди документов оказались всего два письма (оба написаны в сентябре 1966 г.), из чего следует, что своими письмами В. И. Денисова не дорожила. Это тем более очевидно, что одно из них, написанное С. И. Капошиной, было адресовано выдающемуся советскому археологу-антиковеду В. Ф. Гайдукевичу (о нем см.: Виноградов, 2005; 2006). Второе письмо, разорванное на мелкие кусочки, было составлено Виктором Францевичем и, как представляется, предназначалось Виктории Ивановне, хотя ее имя в нем не было обозначено. Спустя более чем полстолетия с момента написания эти письма приобрели определенное значение для понимания положения в нашем Институте в те годы, прояснения особенностей взаимоотношений между отдельными сотрудниками и т. д. Публикация этих документов, безусловно, имеет свой смысл.

Вот первое из писем (рис. 1, 1–3):

«Дорогой Виктор Францевич!

Того и смотрите, что вот-вот нагрянет к Вам высокий визитер.

Сегодня опять М. К. (Михаил Константинович Каргер. – Ю. В.) грозился, что собирается к Вам приехать, ибо нет у него уверенности, что все

у Вас благополучно. Денег в Институте много (сдали: Брашинский, Раппопорт, Третьяков, Хлопин и др.), поэтому начальство может ехать инспектировать экспедиции. Прошу, чтобы взял меня с собой, так на меня денег жалко. Ходит скособоченный, грузный, как старый, страдающий подагрой медведь, но все не унимается, все грозитя всех разнести, всех упечь... Однако официально мне сказал, чтобы я Вам написала, что ставка для Калашиника – вещь реальная. В ближайшее время уходит из Института Большаков к востоковедам. Освобождается ставка, производится пертурбация и нам дадут лаборантскую ставку. При этом образуется и ставка младшего науч. сотр. без степени. В этой связи шла речь о Виктории Ивановне. Но ясной позиции в этом вопросе нет. Это мне уже сообщал Заднепровский. Ясности нет потому, что слишком много конкурентов. Каргер сказал, что необходимо связаться с Калашиником, чтобы в нужный момент от него было бы заявление. Так я поняла. Ожидание ставки этой зависит только от того, когда будет приказ о зачислении Большакова у востоковедов и освобождение его у нас.

Было бы хорошо действительно связаться с Калашиником. Когда он в конце концов демобилизуется? Очень важно, чтобы ставка не пропала.

Интересовалось начальство Елизаветой Григорьевной, где ее автореферат, отдала ли в печать.

Сейчас в Секторе одна Гуля, которая приехала задолго до конца экспедиции. Говорит, что в Чайке в этом году не было ни Гераклов, ни амазонок.

Читали ли Вы “Правду” за 11 сентября, где был фельетон “Нечистая сила”, касающийся С. Н. Бибикова. Какая-то дикая, неясная история.

Народ собирается, даже Грязновская экспедиция вернулась, но пока не слышать о сногшибательных достижениях. Таковые имеются, кажется, лишь у самого М. К.

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 190. Изучение эволюции человека, обществ и цивилизации, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии. Анализ взаимоотношений власти и общества (тема № 0184-2018-0007: «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

Дорогой Александр Францевич!

Того и не знаю, что вы-кто направили
к Вам моему визитеру.

Сегодня отъезд М. Р. грозит, что собираюсь
к Вам в примерах, ибо не у меня уверенность, что
еще у Вас благополучно. Деньги в магазине мно-
го (среди: Драгоценный, Рабочий, Преподобный, Книжки и др.),
которому намереваясь пойти ехать и с собой, как
жеденуши. Прощусь, чтобы взяли меня с собой, как
на меня денег некое. Какого скособоченный,
узнаю, как старый, сирафанский козацкий,
мерзость, но все не унимаю, все прощусь
всех разнеси, всех утешь... Однако, орменталь-
но мне скажи, чтобы в Ваш кабинет, что
свадьба для Капашиника - вещь реальная. В
ближайшее время узнаю из шерица
Гайдукевич к всеобщему. Вероятно, свад-
ка, которую переформатировать и нам
дадут лабораторию свадку. При этом порядке
и свадка младшего нар. содр. без сомнения.
В этот вечер шла речь о Викторе Ивановиче.
Но все-таки узнаю в этом вопросе не. То мне
уже сообщают Гайдукевичу. Делать что со-
всем, что слишком много конкурентов.
Карьер скажи, что необходимо свадка с Ка-

Рис. 1. 1 – письмо от С. И. Капониной В. Ф. Гайдукевичу

Fig. 1. 1 – letter from S. I. Kaposhina to V. F. Gaydukevich

каменником, чтобы в нужный момент об этом
было бы известно. Так в конце. Интересно,
скажи это известно далеко от того, когда
будет приказ о зачислении Галашакова
в восстановитель и освобождение из нас.

Было бы хорошо своевременно связаться с
Каменником, когда он в конце концов земно
будет? Очень важно, чтобы скажи не упустили.

Интересованное направление в Москве Гри-
горьевой, где ее авторизуют, когда и в ко-
гда?

Сейчас в секторе адм. упр., которая уехала
далеко от конца октября. Говорю, что
в Москве в этот момент не было ни Галашак, ни
амальгам.

Узнали ли вы "Правду" за 11 сентября, где
был человек "Коллегал сина", касавшийся
С.Н. Бибикова. Какое то дело, некая перри-

Наряд собирается, за все издательская энцикло-
педия переиздается. Но когда не слышали о
своих взаимоотношениях. Так вот
имеется, касавший, лишь у самого М.Р.

Гражданский советник, что тогдашняя
вопроса ружья, у московского района

Рис. 1. 2 – письмо от С. И. Капошиной В. Ф. Гайдукевичу (продолжение)

Fig. 1. 2 – letter from S. I. Kaposhina to V. F. Gaydukevich (continuation)

не в вашем. Поэтому вольно обмолвилась
на будущий ш. Недавно поверили, что урочья
сокращены и драматический зуман, что сокраще-
ние производится за счет Ленинградцев, а сегодня
сказали из Москвы, что вообще вода все
отключилась. Ничего не вышло, что урочья
идут на Белом море.

Кедровина воткнула у нас и сроднивания
о ваших землях. Уверено, что у вас все
очень интересно. Какое это у вас там
улицы? Знаете ли вы домиком?
Каждый, как вы все там знаете?

что у вас написано и рассказали.

Может быть вышло и царские обещания
всем боевым. Лишь по адресу
ваш. Ура, но номер нашего дома
не вышло.

15/IX-1977.

С любовью и приветом
Наша Светлана

Рис. 1. 3 – письмо от С. И. Капониной В. Ф. Гайдукевичу (окончание)

Fig. 1. 3 – letter from S. I. Kaposhina to V. F. Gaydukevich (ending)

Брашинский сообщил, что итальянская поездка рухнула, у Иностранного отдела нет валюты. Поэтому поездка отложена на будущий год. Недавно говорили, что группа сокращена, и Брашинский думал, что сокращение произведется за счет ленинградцев, а сегодня сказали из Москвы, что вообще пока все опрокинулось. Ничего не понять, что происходит на белом свете.

Встретила Нонну Грач и спрашивала о Ваших успехах. Говорит, что у Вас все очень интересно. Какое это у Вас там грандиозное здание под зольником?

Напишите, как вы все там живете. Что у вас накопано и раскопано?

Мой низкий поклон и жаркие объятия всем боспорцам. Пишу на адрес Елиз. Григ., ибо номер Вашего дома не помню.

С любовью и приветом, Ваша С. Капошина.

19/IX – 66 г.».

Об авторе письма – Серафиме Ивановне Капошиной (1907–1978) – необходимо сказать несколько слов. В то время она была старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА), работала на раскопках античных памятников Северного Причерноморья. Характер у этой дамы был, мягко говоря, нелегким, можно сказать, скандальным, доброй памяти по себе она не оставила (см: *Виноградов*, 2008. С. 59; 2013. С. 175; *Клейн*, 2010. С. 118–120, 122–123), но к В. Ф. Гайдукевичу, как можно понять из письма, С. И. Капошина относилась с глубочайшим почтением.

Ее письмо пришло в Керчь 24 сентября. Из него Виктор Францевич узнал многое о положении в Институте, но самое главное заключалось в информации о грядущей инспекции, в которую отправлялся заведующий ЛОИА АН СССР М. К. Каргер, намеревавшийся посетить и Мирмекий. Помимо того, С. И. Капошина упоминает некоторых сотрудников, имена которых, в большей степени, всем хорошо известны. Она отметила беспокойство начальства по поводу публикации автореферата диссертации Е. Г. Кастанаян. Елизавета Григорьевна защитила диссертацию «Лепная керамика боспорских городов (Этнические и культурные связи Боспорского царства по керамическим

данным» 15 марта 1967 г., то есть уже после смерти В. Ф. Гайдукевича (*Виноградов*, 2008. С. 57).

Виктора Францевича волновала судьба Ю. П. Калашника, который в 1966 г. проходил службу в рядах Советской Армии. Он был демобилизован в декабре этого года и принят на работу в ЛОИА на должность лаборанта. Правда, осенью 1967 г. Юрий Прокофьевич перешел из нашего Института в Эрмитаж и ныне является известным археологом-антиковедом. Неудивительно, что о В. Ф. Гайдукевиче он опубликовал воспоминания, выдержанные в самых теплых тонах (*Калашник*, 2006).

Для поступления Ю. П. Калашника в ЛОИА, как явствует из письма, необходимо было иметь свободную ставку. Ожидалось, что эта ставка появится в связи с переходом О. Г. Большакова в Институт востоковедения АН СССР (тогда он назывался Ленинградским отделением Института народов Азии). Переход произошел 1 сентября 1966 г., и ставка таким образом появилась (НА ИИМК, РО. Ф. 35. Оп. 6. Д. 214. Л. 94). С вопросом свободных ставок был связан также перевод В. И. Пругло на должность младшего научного сотрудника. Этот перевод, как нетрудно догадаться, произошел нескоро – только в декабре 1972 г. (Там же. Оп. 5. Д. 250. Л. 25).

Упомянутая в письме Гуля – это Г. М. Мелентьева, в девичестве Падва (супруга А. Н. Мелентьева). Как мне помнится, она исполняла обязанности ученого секретаря Группы античной археологии. В 1966 г. Гита Мейеровна принимала участие в раскопках на городище «Чайка» в Западном Крыму. Раскопки этого года не принесли выдающихся находок, подобных обнаруженным здесь ранее, – каменному рельефу с изображением пирующего Геракла (*Карасев*, 1966. С. 115–117; *Щеглов*, 1994. С. 143) или бронзовой статуэтке конной амазонки (см.: *Кобылина*, 1972. С. 10, табл. XIII; *Алексеев*, 2013).

Полевой сезон 1966 г., как следует из письма, для ленинградских археологов вообще оказался не самым удачным. «Сногшибательные достижения» были только у директора Института, но это, так сказать, само собой разумеется. С. И. Капошина, однако, упомянула, что на городище Мирмекий было обнаружено «грандиозное здание под золь-

ником», о котором ей рассказала Н. Л. Грач (о ней см.: *Кунина*, 1993. С. 268–269; *Кунина, Неверов*, 1993. С. 236–237; *Кунина и др.*, 1997. С. 140–141). Действительно, тогда в Мирмекии под напластованиями раннего зольника была открыта часть дома, но, если судить по имеющейся документации, он не кажется грандиозным (*Гайдукевич*, 1987. С. 26–36). Можно предположить, однако, что у Нонны Леонидовны (конечно, в первую очередь у Виктора Францевича) были основания для такого вывода. Дело в том, что раскопки, проводящиеся на этом месте в наши дни, привели к открытию действительно огромной по площади постройки, относящейся к позднеархаическому времени (*Бутягин*, 2000; *Бутягин, Чистов*, 2015. С. 33–35).

Помимо институтских событий С. И. Капошина сообщила о «дикой истории», связанной с известным археологом, членом-корреспондентом АН Украинской ССР С. Н. Бибиковым (о нем см.: *Толочко, Кулаковська*, 2009. С. 9–11; *Васильев*, 2009. С. 29–31; *Любин*, 2009. С. 32–34). Действительно, в газете «Правда» за 11 сентября 1966 г. был опубликован фельетон «Нечистая сила», подписанный М. Одинцом. В нем рассказана история, происшедшая на защите докторской диссертации некоего Р. Г. Симоненко. Защита прошла своим чередом, но члены Ученого совета, по мнению автора, очень заторопились на банкет – стол был накрыт в близлежащем ресторане. Члены счетной комиссии, одним из которых был С. Н. Бибиков, пересчитали бюллетени, из коих только три оказались «черными». В спешке они не опечатали конверт с бюллетенями и, как положено по инструкции, не поместили его в сейф, а попросту бросили в ящик письменного стола. Утром следующего дня оказалось, что против присуждения искомой степени проголосовали не 3, а 10 членов Ученого совета. Из-за этого разгорелся нешуточный скандал, была назначена перезащита, а члены счетной комиссии, в том числе и С. Н. Бибиков, получили по выговору. Автор фельетона с сарказмом заметил, что в такой нелепой ситуации, конечно, была виновата только «нечистая сила».

Любопытно упоминание С. И. Капошиной о попытке организовать туристическую поездку в Италию для археологов Москвы и Ленинграда, актив-

ную роль в которой играл И. Б. Брашинский. В советское время организация такой поездки была очень непростым делом, и возникшие в связи с этим затруднения у меня не вызывают никакого удивления. Удалась ли итальянская поездка вообще – трудно сказать, но С. И. Капошина любила рассказывать студентам, в числе которых был и автор этих строк, об Италии и царящих там буржуазных порядках. Очень может быть, что этот опыт был связан с той самой туристической поездкой. Что касается И. Б. Брашинского, то он всегда тяжело переживал царившую в Советском Союзе систему, когда даже специалисты не могли своими глазами увидеть классические памятники античной культуры Греции или Турции. Последний раз он попытался организовать туристическую поездку для сотрудников ЛОИА по западному побережью Малой Азии. Случилось это в конце 70-х гг. прошлого века. И на этот раз у него опять ничего не получилось!

Отвлекаясь от всех этих деталей, надо еще раз признать, что самое главное, о чем сообщалось в письме С. И. Капошиной, была грядущая инспекционная поездка М. К. Каргера. Вполне очевидно, что он ехал к В. Ф. Гайдукевичу совсем не для того, чтобы порадоваться замечательным открытиям на городище Мирмекий. Нет, директору Института казалось, что в Боспорской экспедиции не все благополучно, а это, учитывая крутой нрав М. К. Каргера, грозило Виктору Францевичу всякого рода разборками, поисками «грязного белья» и пр. В соответствии с приказом по ЛОИА Михаил Константинович отправился в командировку в «гг. Евпатория, Киев, Херсонес, Керчь и Ольвия» 27 сентября 1966 г. (НА ИИМК, РО. Ф. 35. Оп. 6. Д. 214. Л. 90). Странно, что в приказе обозначены названия древних и новых городов, но для археологов как будто это не имеет особого значения.

Второе письмо, найденное в бумагах В. И. Денисовой, было разорвано на мелкие кусочки и завернуто в обычную бумажную салфетку. К счастью, его удалось реставрировать благодаря работе м. н. с. Отдела учета и первичной обработки коллекций ИИМК РАН К. В. Горлова (рис. 2, 1, 2).³

³ Выражаю К. В. Горлову огромную благодарность за великолепно выполненную реставрацию документа.

Письму в к. 2000
5/х

Поубеждала себе много уже
 вечером, засав в 10, стала оже-
 вать слабость, шумко обливается
 пори. Стало пори шумно гушать,
 гушая кислородом, но это не
 давало должного результата. Воз-
 вал дежурного врача. Но кроме
 Валера Каргина он мне даже ничего
 не смог. Тогда я попросила вызвать
 д.т. Мерен. огулом - Мариону Мих.
 Она обмывала а меня и расшор-
 гулась сделать впуриб. Обливание
 профанна и эуфиллика. После
 что лучше, но а все время дер-
 жусь на кассорде
 Возвал кого-нибудь из генов
 экспедиции дж. асра отказат
 ла. Сидю на кровати и гушаю
 эту затману, обливается пори и
 подступае развязки, т.к. лучше шумит
 конечно. Главная причина такой раз-
 - через дух. конор., абушенося, как

Рис. 2. 1 – Письмо В. Ф. Гайдукевича

Fig. 2. 1 – Letter of V. F. Gaydukevich

Но мы знаем по письмам Сераф. Ив.,
 с камнем за пазухой.
 Очень беднейшая, сам я не смогу
 было поехать, не сохранившись убого.
 На всякий случай пишу эту
 записочку. Сознание ясное, чистое,
 но, убого, сердце на последнем
 вздохе — куваркария.
 Делаю перерыв. Ах, еще смогу
 прожить...

В. Ф.

Книжки сполборное. Делаю похорону
 все через

Рис. 2. 2 – Письмо В. Ф. Гайдукевича (окончание)

Fig. 2. 2 – Letter of V. F. Gaydukevich (ending)

«Пишу в 11.20 5/Х.

Почувствовал себя плохо уже вечером, часов в 10, стала одолевать слабость, жутко обливался потом. Стало потом трудно дышать, дышал кислородом, но это не давало должного результата. Вызвал дежурного врача. Но кроме валокардина он мне дать ничего не смог. Тогда я попросил вызвать зав. терапев. отделом – Татьяну Мих. Она обследовала меня и распорядилась сделать внутрив. вливание строфантина и эуфиллина. После стало лучше, но я все время держусь на кислороде.

Вызвать кого-нибудь из членов экспедиции деж. сестра отказалась. Сажу на кровати и чиркаю эту записку, обливаясь потом и поджидая развязки, т.к. пульс низкий. Конечно, главная причина такой раз<вязки> – приезд Мих. Конст., явившегося, как это мы знаем из письма Сераф. Ив. – с камнем за пазухой.

Очень будет жаль, если я не смогу никого повидать, не дождавшись утра. На всякий случай пишу эту записочку. Сознание ясное, четкое, но, увы, сердце на последнем взводе – кувыркается.

Делаю перерыв. Авось, еще смогу продолжить...

3 ч. утр. (? – Ю. В.).

Принял снотворное. Делаю попытку заснуть».

Вот такое тяжелое письмо. Оно лишено подписи и адресата, но нет ни малейших сомнений в том, что писал его В. Ф. Гайдукевич – характерный почерк и жизненные обстоятельства, о которых здесь рассказывается, убеждают именно в этом. Но кому он писал? Ясно, что письмо не было ответом С. И. Капошиной, поскольку она упоминается в тексте как третье лицо. Может быть, жене? – Но у нас нет уверенности, что она в то время была в Керчи. Остается предположить, что письмо адресовалось кому-то из сотрудников Боспорской экспедиции, хотя такому предположению не вполне соответствует упоминание о том, что дежурная сестра отказалась вызывать их в больницу, ведь те об этом и так вполне могли знать. С другой стороны, Виктор Францевич выразил сожаление, что не сможет «никого повидать», имея в виду явно сотрудников экспедиции. Неясность, как видим, существует, но у меня почти нет сомнения, что Виктор Францевич писал наиболее близкому себе человеку в Боспорской экспедиции и отчасти на всем белом свете – Виктории Ивановне. Однако, не написав ее имени, выдающийся ученый невольно

обратился с последним посланием, так сказать, ко всем людям, в том числе и ныне живущим. В нем он поделился с нами всем, что чувствовал, что переживал, чего страшился.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Известно, что еще одно письмо было написано В. Ф. Гайдукевичем 7 октября (то есть за 2 дня до смерти). Оно было адресовано В. Д. Казакевичу, часто бывавшему в Боспорской экспедиции, в том числе и в Мирмекии. В нем больной человек просил выслать ему какие-то лекарства (Казакевич, 2006. С. 232). Ясно, что в Керчи достать их было невозможно.

Основываясь на публикуемых документах, можно считать, что М. К. Каргер приехал в Керчь для инспекции Боспорской экспедиции в конце сентября 1966 г. Для В. Ф. Гайдукевича, перенесшего инфаркт четыре года назад, такая инспекция была тяжелым ударом. Вскоре он попал в больницу. Обострение болезни случилось вечером 5 октября, около полуночи Виктор Францевич сел писать письмо, затем принял снотворное и, как можно полагать, заснул. На следующий день он не стал дописывать неоконченное письмо. Можно, конечно, предположить, что В. Ф. Гайдукевич тогда разорвал его, но вряд ли это так, ибо обрывки бумаги непременно выкинули бы сестры или больничные уборщицы.

9 октября 1966 г. Виктор Францевич ушел из жизни. Через полвека после этого события можно признать, что виновником столь трагического развития событий был М. К. Каргер. Очевидно, не он один! В этот же день старший научный сотрудник ЛОИА С. И. Капошина (автор первого письма) и младший научный сотрудник И. Б. Брашинский (упоминавшийся в нем) были командированы в Керчь в связи со смертью В. Ф. Гайдукевича (НА ИИМК, РО. Ф. 35. Оп. 6. Д. 214. Л. 96). Античная археология г. Ленинграда вступала в новый период своего развития.

Нетрудно понять, что два публикуемых здесь письма после этого были переданы из больницы В. И. Пругло. Очень может быть, что в состоянии тяжелейшего душевного потрясения именно она разорвала одно из них, но затем, осознав его важность, собрала обрывки и хранила их до конца жизни. В заключение отмечу, что оба документа будут переданы в Научный архив ИИМК РАН для помещения их в фонд В. Ф. Гайдукевича.

- Алексеев*, 2013 – *Алексеев А. Ю.* Еще один миф об амазонке? // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посвящ. 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов н/Д, 2013.
- Бутягин*, 2000 – *Бутягин А. М.* Архаический дом Мирмекия // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2006.
- Бутягин, Чистов*, 2015 – *Бутягин А. М., Чистов Д. Е.* Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // Боспорские чтения. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.
- Васильев*, 2009 – *Васильев С. А.* С. Н. Бибиков: ленинградский период жизни и творчества // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб., 2009.
- Виноградов*, 2005 – *Виноградов Ю. А.* К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. СПб., 2005. Вып. 12.
- Виноградов*, 2006 – *Виноградов Ю. А.* Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13.
- Виноградов*, 2008 – *Виноградов Ю. А.* Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.
- Виноградов*, 2013 – *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб., 2013.
- Виноградов, Шауб*, 2017а – *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* Виктория Ивановна Денисова (Пругло) (1929–2016) // ВДИ. 2017. № 4.
- Виноградов, Шауб*, 2017б – *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* Памяти Виктории Ивановны Денисовой (Пругло) // АВ. СПб., 2017. Вып. 23.
- Гайдукевич*, 1987 – *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Казакевич*, 2006 – *Казакевич В. Д.* О В. Ф. Гайдукевиче (из писем к Н. Л. Грачу) // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13.
- Калашиник*, 2006 – *Калашиник Ю. П.* О Викторе Францевиче Гайдукевиче // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13.
- Карасев*, 1966 – *Карасев А. Н.* Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО за 1965 г. М., 1966.
- Клейн*, 2010 – *Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.
- Кобылина*, 1972 – *Кобылина М. М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- Кунина*, 1993 – *Кунина Н. З.* Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929–1991) // РА. 1993. № 1.
- Кунина и др.*, 1997 – *Кунина Н., Неверов О., Власова Е. Н. Л. Грач (1929–1991) // СГЭ. СПб., 1997. Вып. 57.*
- Кунина, Неверов*, 1993 – *Кунина Н. З., Неверов О. Я.* Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929–1991) // ВДИ. 1993. № 1.
- Любин*, 2009 – *Любин В. П.* Штрихи к портрету С. Н. Бибикова // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб., 2009. НА ИИМК, РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 250: Личное дело В. И. Денисовой (Пругло); Оп. 6. Д. 214: Приказы по личному составу.
- Толочко, Кулаковська*, 2009 – *Толочко П. П., Кулаковська Л. В.* Сергій Миколаевич Бібіков (1908–2008) // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб., 2009.
- Щеглов*, 1994 – *Щеглов А. Н.* Геракл в статуарной скульптуре Херсонеса // Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3.

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЛЮБИНА (1918–2018)

13 июня 2018 г. оборвался столетний жизненный путь ведущего научного сотрудника-консультанта Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, доктора исторических наук, профессора Василия Прокофьевича Любина. Василий Прокофьевич был подлинным «патриархом» науки о древнейшем человеке в нашей стране, всемирно признанным авторитетом в области изучения нижнего и среднего палеолита.

Обозревая поразительные по продуктивности итоги деятельности В. П. Любина, трудно представить, что все это сделано человеком, вошедшим в науку не со студенческой скамьи, а в зрелом возрасте, имея за плечами большой жизненный и военный опыт. В 1942–1945 гг. В. П. Любин воевал в составе Западного, Брянского, Первого и Второго Прибалтийских фронтов. Он был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной Войны второй степени. Закончил войну на Дальнем Востоке в чине капитана, участвуя в разгроме империалистической Японии. Ветеран войны, боевой офицер, В. П. Любин только в послевоенные годы приступил к занятиям археологией. Судьба В. П. Любина была неразрывно связана с Ленинградским отделением Института археологии АН СССР/Институтом истории материальной культуры РАН, где он с 1950 г. прошел путь от аспиранта до ведущего научного сотрудника. В 1979–1988 гг. он возглавлял Сектор палеолита института.

На счету В. П. Любина немало выдающихся открытий. В золотой фонд мировой доистории вошли Кударские пещеры в Южной Осетии. Маршруты изысканий В. П. Любина пролегли практически по всем краям и республикам Северного Кавказа, им открыты древнейшие памятники

Василий Прокофьевич Любин
Vasiliy Prokof'evich Lyubin

Армении. Богатейшие материалы получены при полевых работах в Туркмении. Особая страница в биографии ученого – исследование палеолита Западной Африки.

Перу В. П. Любина принадлежат более 300 научных публикаций. Среди его многочисленных трудов – монументальные монографии «Мустьерские культуры Кавказа», «Ашельская эпоха на Кавказе» (вышедшая в свет на русском и французском языках), «Стоянка Homo erectus в пещере

Кударо I», «Ранняя преистория Кавказа», «Страницы ранней преистории Абхазии» (три последние – в соавторстве с Е. В. Беляевой), «Палеолит Республики Кот-д’Ивуар» (совм. с Ф. Й. Геде), книга о неандертальцах Губского ущелья, крупные разделы в изданиях «Палеолит мира» и «Палеолит СССР».

В. П. Любин воспитал блестящую плеяду специалистов, в том числе двух членов-корреспондентов РАН, большое число докторов и канди-

датов наук, занимающих ныне ведущие позиции в отечественной науке. Его ученики трудятся в различных республиках бывшего СССР и иностранных государствах.

Поразительное научное долголетие, уникальная работоспособность В. П. Любина не имели аналогов в отечественной и мировой науке. Светлая память о Василии Прокофьевиче останется с нами навсегда.

*С. А. Васильев
Россия. Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН*

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-421-422

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.
АГПИ	– Армавирский государственный педагогический институт
Азкомстарис	– Азербайджанский комитет по охране памятников старины и искусства
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли
АН	– Академия наук
АО	– Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БАН	– Библиотека Академии наук
БелГУ	– Белгородский государственный университет
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВМФ	– Военно-морской флот
вол.	– волость
ВООПиК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт

г. х.	– год хиджры
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГБУК НОСБ	– Государственное бюджетное учреждение культуры Новгородская областная специальная библиотека. Великий Новгород
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.
ГМИ СПб	– Государственный музей истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость)
губ.	– губерния
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЗИН	– Зоологический институт
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО	– Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
ИА	– Институт археологии
ИАК	– Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИГН	– Институт геологических наук. М.
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КарГУ	– Карагандинский государственный университет
КАТЭК	– Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
КГИОП	– Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
КРКМ	– Крымский республиканский краеведческий музей. Симферополь
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

-
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- ЛенТИСИЗ – Закрытое акционерное общество «Ленинградский трест инженерно-строительных изысканий». СПб.
- ЛОИА
АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МаргАЭ – Маргианская археологическая экспедиция
- МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
- МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). СПб.
- МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України: від неоліту до киммерійців
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России
- МИГМ – Музей истории города Москвы
- МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
- НА ІА НАН
України – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ
- НА ИИМК, РО – Научный архив Института истории материальной культуры, рукописный отдел
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- НИЛ – научно-исследовательская лаборатория
- НиНЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
- НИС – Новгородский исторический сборник
- НЦ – Научный центр

ОАВЕС ГЭ	– Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. СПб.
обл.	– область
ОИФН РАН	– Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
пгт	– поселок городского типа
ПФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ПФИ	– Программа фундаментальных исследований
ПФНИ	– Программа фундаментальных научных исследований
РА	– Российская археология. М.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	– Российская академия наук
РГУ	– Ростовский государственный университет
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
Св.	– святой
СГУ	– Ставропольский государственный университет
сл. нах.	– случайная находка
СЛМ НВФ	– Староладожский музей, научно-вспомогательный фонд
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СГЭ	– Сборник Государственного Эрмитажа
ССПК	– Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
Тез. докл.	– тезисы докладов
тзв.	– так называемый (сербск.)
ТНУ	– Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
у.	– уезд

-
- УЗ ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (г. Кызыл)
- УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
- ФГБУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение
- экз. – экземпляр
- BSA – The Annual of the British School at Athens. Athens
- JAS – Journal of Archaeological Science
- IOSPE – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
- ONS – Oriental Numismatic Society.
- SAV – Slovenská akadémia vied. Bratislava
- SEM-EDS – электронная сканирующая микроскопия с приставкой для энергетического дисперсионного рентгеновского микроанализа для определения химического состава минералов

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 24

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Издательская группа ИИМК РАН
*А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева*

Издательство ИИМК РАН

Адрес редакции:
Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Редактор *Е. А. Гольдич*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицука*
Корректор *Е. А. Гольдич*

Подписано в печать ???.?.2018. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 53,5. Печ. л. ??.
Тираж 300 экз. Заказ ???

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197101, г. Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 21, литера А,
помещение 9-Н, комната 19
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 24 —

